ИСТОРИЯ РОССИИ.
ХРЕСТОМАТИЯ
6—10 классы.
В 2-х частях
Часть 1
Электронная форма

Москва
«Просвещение»
2015

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. **От Древней Руси к Российскому государству ……..**

Раздел II. **Россия в XVI—XVII вв.: от великого княжества к царству …..**

Раздел III. **Россия в конце XVII—XVIII в.: от царства к империи ……**

РАЗДЕЛ I. ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

РУССКАЯ ПРАВДА (КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ)[1]

1. Если убьет человек человека, то мстить брату за брата, или сыну за отца, или отцу за сына, или сыну брата, или сыну сестры; если кто не будет мстить, то князю 40 гривен за убитого; если это будет русин, или гридин, или купец, или ябетник, или мечник, или изгой, или словении, то назначить за него 40 гривен.

2. Или кто будет избит до крови или до синяков, то не искать этому человеку свидетеля; если на нем не будет никакого признака ударов, то пусть придет на суд свидетель; если же не сможет прийти, то тому делу конец; если кто за себя не может мстить, то взять за него князю за обиду 3 гривны и оплату врачу.

3. Если кто ударит кого палкой, или жердью, или кулаком, или чашей, или рогом, или обухом, то платить 12 гривен; если этого виновного не настигнут для немедленного отмщения, то ему платить, а тому делу конец.

4. Если кто ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью, то 12 гривен за обиду.

5. Если же ударит мечом по руке и рука отвалится или усохнет, то 40 гривен.

6. Если после удара по ноге будет нога цела или ударенный начнет хромать, тогда детей удерживать от мщения.

7. Если же по пальцу ударит какому-либо, то 3 гривны за обиду.

8. А за ус 12 гривен и за бороду 12 гривен.

9. Если кто вынет меч, а не ударит, то тот платит гривну.

---

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1997. — Т. 4: XII век.

10. Если человек толкнет человека от себя или к себе, то 3 гривны, и пусть пострадавший приведет на суд двух свидетелей; если пострадавший варяг или колбяг, то пусть сам клянется.

11. Если челядин скроется или у варяга, или у колбяга, и его в течение трех дней не выведут, но обнаружат его хотя бы на третий день, то взять ему <господину> своего челядина, а 3 гривны за обиду.

12. Если кто поедет на чужом коне без спроса, то платить 3 гривны штрафа.

13. Если кто возьмет чужого коня, или оружие, или одежду, а хозяин опознает в своем миру, то взять ему свое, а 3 гривны за обиду.

14. Если опознает кто похищенное, то не берет его, и пусть не скажет тому, у кого находится опознанное: «Мое», но скажет ему так: «Пойди на свод, где взял». Если же не пойдет, то пусть предъявит поручителя, что пойдет на свод в течение пяти дней.

15. Если где-нибудь взыскивают на другом долг, а он начнет отказываться, то идти ему на извод перед 12 человеками; и если окажется, что он несправедливо не отдал ему, то истец должен получить свои деньги, а за обиду 3 гривны штрафа.

16. Если кто хочет забрать челядина, опознав его как своего, то при своде вести к тому, у кого этот последний по времени господин купил, а тот отведется к следующему, пока не дойдут до третьего; тогда пусть скажет третьему: «Отдай мне своего челядина, а свои деньги ты взыщи при свидетеле».

17. Если холоп ударит свободного человека и убежит в господский дом, а господин его не будет выдавать, то холопа господину взять, и пусть уплатит господин за него 12 гривен, а после того, где тот ударенный человек встретит его, пусть убьет его.

18. А если кто сломает копье, или щит, или повредит одежду и захочет, чтобы он <хозяин> оставил у себя, то взять с него <виновного> деньги; но

если тот, кто сломал, захочет приобрести, то пусть заплатит деньгами столько, сколько господин заплатил за это.

Правда, установленная Русской земле, когда собрались Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Никифор Киевлянин, Чюдин, Микула.

19. Если убьют огнищанина за обиду, то убийца платит за него 80 гривен, а людям не надо; и за княжеского подъездного 80 гривен.

20. А если убьют огнищанина в разбое, а убийцу люди не ищут, то виру платить той верви, где лежит убитый.

21. Если убьют огнищанина у клети, или у коня, или у быка, или во время кражи коровы, то убить убийцу как собаку. И тот же закон в отношении тиуна.

22. А за княжеского тиуна 80 гривен.

23. А за старшего конюха при стаде 80 гривен, как постановил Изяслав за своего конюха, когда его убили дорогобужцы.

24. А за княжеского сельского старосту и за старосту, который руководит пахотными работами, 12 гривен.

25. А за княжеского рядовича 5 гривен.

26. А за смерда и за холопа 5 гривен.

27. Если роба-кормилица или кормилец, 12 гривен.

28. А за княжеского коня, если тот с тавром, 3 гривны, а за коня смерда 2 гривны, за кобылу 60 резан, а за вола гривну, а за корову 40 резан, а за трехлетку 15 кун, а за годовалую полгривны, а за теленка 5 резан, за ягненка ногата, за барана ногата.

29. А если кто уведет чужого холопа или робу, то платить ему за обиду 12 гривен.

30. Если придет человек окровавленный или с синяками, то не искать ему свидетелей.

31. А если кто крадет или коня, или волов, или обкрадывает клеть, то, если один крал, то заплатить ему гривну и тридцать резан; если их будет 18, то платить каждому человеку по три гривны и 30 резан.

32. А за княжескую борть 3 гривны, если ее сожгут или выдерут пчел и соты.

33. Если смерда будут истязать, но без княжеского повеления, то 3 гривны за обиду; а за истязание огнищанина, тиуна или мечника 12 гривен.

34. А если кто запашет межу или затешет межевой знак, то 12 гривен за обиду.

35. А если украдет ладью, то за ладью хозяину платить 30 резан, а штрафа князю 60 резан.

36. А за голубя и за курицу 9 кун, а за утку, гуся, журавля, лебедя 30 резан, а штрафа князю 60 резан.

37. А если украдут чужого пса, или ястреба, или сокола, то 3 гривны за обиду.

38. Если убьют вора на своем дворе, или у клети, или у хлева, то так тому и быть; если продержат до рассвета, то вести его на княжеский двор; а если его убьют, но люди видели, что он был связан, то платить за него.

39. Если сено украдут, то 9 кун; и за дрова 9 кун.

40. Если украдут овцу, или козу, или свинью, а 10 человек украли одну овцу, то пусть платят по 60 резан штрафа князю, а кто поймал воров, тому 10 резан.

41. А из гривны мечнику куна, а в десятину 15 кун, а князю 3 гривны; а из 12 гривен ему 70 кун, а в десятину 2 гривны, а князю 10 гривен.

42. А это закон при сборе виры: вирнику взять 7 ведер солода на неделю, а также барана или полтуши говядины, или две ногаты; а в среду резану или сыры, в пятницу то же, а хлеба и пшена сколько смогут съесть; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 вирниц, а при въезде гривна, а если приходится на говение кормить рыбами, то считать за рыбы 7 резан; таким

образом всех кун 15 на неделю, а хлеба сколько смогут съесть; пусть вирники собирают виру не более недели. Таково постановление Ярослава.

43. А это постановление для мостников: если настелят мост, то взять за работу ногату, а за городню ногата; если же у старого моста надо будет починить несколько досок, 3, 4 или 5, то взять столько же.

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова

РУССКАЯ ПРАВДА (ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ)[1]

1. Если убьет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата; если никто <из них> не будет за него мстить, то назначить 80 гривен за убитого, если он княжий муж или княжеский тиун; если он будет русин, или гридин, или купец, или боярский тиун, или мечник, или изгой, или Словении, то назначить за него 40 гривен.

2. По смерти Ярослава, снова собравшись, сыновья его, Изяслав, Святослав, Всеволод, и мужи их, Коснячко, Перенег, Никифор, отменили месть за убитого, заменив ее выкупом деньгами; а все остальное — как Ярослав судил, так и сыновья его установили.

3. **Об убийстве**. Если кто убьет княжего мужа в разбое, а убийцу не ищут, то виру в 80 гривен платить верви, где лежит убитый, если же простой свободный человек, то 40 гривен.

4. Если которая-либо вервь будет платить дикую виру, пусть выплачивает ту виру столько времени, сколько будет платить, потому что они платят без преступника.

5. Если преступник является членом их верви, то в этом случае помогать <общинникам> преступнику, поскольку ранее он им помогал <выплачивать виру>; если же <выплачивать> дикую виру, то платить им

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1997. — Т. 4: XII век.

всем вместе 40 гривен, а за преступление платить самому преступнику, а из совместной платы 40 гривен ему заплатить свою часть.

6. Но если <кто> убил открыто, во время ссоры или на пиру, то теперь ему так платить вместе с вервью, поскольку и он вкладывается в виру.

7. **Если <кто> свершит убийство без причины**. <Если кто> свершил убийство без всякой ссоры, то люди за убийцу не платят, но пусть выдадут его самого с женою и детьми на изгнание и на разграбление.

8. Если кто не вкладывается в дикую виру, тому люди не помогают, но он платит сам.

9. А это вирные постановления, которые были при Ярославе: вирнику взять 7 ведер солода на неделю, а также барана или полтуши говядины, или 2 ногаты; а в среду куна или сыр, в пятницу столько же, две куры ему на день, а хлебов 7 на неделю, а пшена 7 уборков, а гороха 7 уборков, а соли 7 голважень; все это — вирнику с отроком, а коней содержат четырех, на каждого коня давать овес: вирнику — 8 гривен, а 10 кун — перекладная <подать>, а метельнику — 12 векш, и еще ссадная гривна.

10. О вирах. Если вира 80 гривен, то вирнику 16 гривен и 10 кун и 12 векш, а ранее — ссадная гривна, а за убитого — 3 гривны.

11. **О княжеском отроке**. Если за княжеского отрока, или за конюха, или за повара, то <вира> 40 гривен.

12. А за тиуна огнищного и за конюшего — 80 гривен.

13. А за тиуна княжеского сельского или руководящего пахотными работами — 12 гривен.

14. А за рядовича — 5 гривен. Столько же и за боярского <рядовича>.

<…>

17. А за кормильца 12 гривен, столько же и за кормилицу, хотя это будет холоп или роба.

18. О недоказанном обвинении в убийстве. Если на кого будет недоказанное обвинение в убийстве, то выставить 7 свидетелей, чтобы они

отвели обвинение; если же <обвиняемый> варяг или какой иной <иноземец>, то выставить двух свидетелей.

19. А за останки и за мертвеца, если не ведомо его имя и он неизвестен, то вервь не платит.

20. Если ответет обвинение в убийстве. А если кто ответет обвинение в убийстве, то дает отроку гривну кун за оправдание; а кто его недоказанно обвинил, то тому дать другую гривну, а за помощь в ответении обвинения в убийстве 9 кун.

21. Если ищут свидетеля и не найдут, а истец обвиняет в убийстве, то рассудить их испытанием железом.

22. Так же и во всех судебных делах, о воровстве и о клевете, если не будет поличного, а иск не менее полугривны золота, то тогда принудительно привести ответчика к испытанию железом; если же менее значительный иск, то к испытанию водой; если до двух гривен или менее, то идти ему на судебную клятву в отношение своих кун. <…>

53. **Устав Владимира Всеволодовича**. А это постановил Владимир Всеволодович после смерти Святополка, созвав свою дружину в Берестове: Ратибора, киевского тысяцкого, Прокопия, белгородского тысяцкого, Станислава, переяславского тысяцкого, Нажира, Мирослава, Иванко Чудиновича, мужа Олега, и постановили, что <долг> взимают из процента на два третий, если <должник> берет деньги в треть; если кто возьмет проценты дважды, то тогда ему взять сам долг; если он возьмет проценты трижды, то <самого> долга ему не брать.

Если кто взимает по 10 кун на гривну за год, то этого не запрещать. <…>

56. **Если закуп бежит.** Если закуп бежит от господина, то становится полным <холопом>; уйдет ли в поисках денег, но уходит открыто, или бежит к князю или к судьям из-за оскорблений своего господина, то за это его не превращают в холопы, но дать ему <княжеское> правосудие. <…>

64. **О закупе**. Если закуп украдет что-либо, то господин <волен> в нем; но если где-нибудь его найдут, то господин должен прежде всего заплатить за его коня или иное, что он взял, а его <закупа> делает полным холопом; а если господин не захочет платить за него и продаст его, то прежде всего пусть отдаст за коня, или за вола, или за товар, что взял чужого, а остальное взять ему самому себе. <…>

66. **О свидетельстве**. А свидетельства на холопа не возлагают; но если не будет свободного, то по необходимости возложить на боярского тиуна, а на других холопов не возлагать.

А в малом иске по необходимости возложить свидетельство на закупа. <…>

72. Если межу порубит бортную или пашенную распашет или забором перегородит дворовую межу, то 12 гривен штрафа князю. <…>

76. Если украдет рой пчел, то 3 гривны штрафа князю; а за мед, если пчелы не приготовлены на зимовку, то 10 кун, если подготовлены, то 5 кун. <…>

78. **О смерде**. Если смерд мучает смерда без княжеского повеления, то 3 гривны штрафа князю, а за муку <пострадавшему> гривна кун; если кто будет мучить огнищанина, то 12 гривен штрафа князю, а за муку <пострадавшему> гривна. <…>

83. **О гумне**. Если кто подожжет гумно, то на изгнание и разграбление весь его дом, но сначала он должен выплатить за погубленное, а остальное его хозяйство князь конфискует. Такое же наказание, если кто подожжет двор.

84. Если кто злонамеренно зарежет коня или скотину, то князю штраф 12 гривен, а за ущерб господину платить назначенное возмещение. <…>

90. **Если умрет смерд.** Если смерд умрет, то наследство князю; если будут у него дома дочери, то выделить им часть <наследства>; если они будут замужем, то части им не давать.

91. **О наследстве боярина и дружинника**. Если умрет боярин или дружинник, то наследство князю не отходит; а если не будет сыновей, то возьмут дочери. <…>

110. **О холопстве**. Полное холопство трех видов: если кто купит хотя бы до полугривны, представит свидетелей и ногату даст перед самим холопом; второй вид холопства: женитьба на робе без договора, если с договором, то как договорились, так на том и стоять; а это третий вид холопства: служба тиуном без договора или если <кто> привяжет себе ключ без договора, если же с договором, то как договорятся, на том и стоять.

111. А за дачу не холоп, ни за хлеб не превращают в холопы, ни за то, что дается сверх того <дачи или хлеба>; но если <кто> не отработает установленный срок, то вернуть ему, что получено; если отработает, то ничем более не обязан. <…>

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ[1]

Повесть о минувших годах черноризца Феодосьева монастыря Печерского, откуда пошла Русская земля <…> кто в ней стал первым княжить, и откуда возникла Русская земля

Так начнем же повесть эту.

После потопа трое сыновей Ноя разделили землю: Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, и Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елмаис, Индия, Аравия Сильная, Кулия, Коммагена, вся Финикия.

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1997.— Т. 1: XI–XII века.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирты, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся напротив Гадира. На востоке же находятся Киликия, Памфилия, Писидия, Мисия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мисия, Троада, Эолида, Вифиния, Старая Фригия. Туда же относятся и острова некие: Сардиния, Крит, Кипр, и река Геона, называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Боспор, меоты, дереви, сарматы, тавриане, Скифия, фракийцы, Македония, Далмация, молоссы, Фессалия, Локрида, Пеления, именуемая также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лухития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Кифера, Закинф, Кефалония, Итака, Корфу, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря, на север, Дунай, Днестр, и Кавкасийские горы, то есть Венгерские, и оттуда, скажем, до самого Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в часть Симову. В Иафетовой же части обитает русь, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочьская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Поляки же и пруссы, и чудь сидят близ моря Варяжского. По этому же морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской.

Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, и Хам и Иафет, разделив землю и бросив жребий, чтобы не вступать никому в удел брата, жили каждый в своей части. И был единый

народ. И когда умножились люди на земле, то замыслили они создать столп до неба в дни Нектана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не завершен был. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и язык един». И смешал Бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и есть остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов приняли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны. Иафетовы же сыновья приняли запад и северные страны. От этих же семидесяти и двух народов произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И те славяне разошлись по земле и назвались именами своими от мест, на которых сели. Как придя, сели на реке именем Морава, так назвались морава, а другие назвались чехи. А вот те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, то поселились среди них, и стали притеснять их. Славяне же другие пришли и сели на Висле и прозвались поляками, а от тех поляков пошли поляне, другие поляки — лютичи, иные — мазовшане, а иные — поморяне.

Также эти же славяне, придя, сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и прозвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильмень, назывались своим именем и построили город, и назвали его

Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так распространился славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской.

Когда же поляне жили сами по себе на горах этих, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно дойти даже до Рима, а от Рима можно прийти по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда прийти в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет и идет к северу, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Поэтому из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на восток пройти в удел Сима, а по Двине — к варягам, а от варягов до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр впадает в Понтийское море тремя устьями; это море именуемо Русским, — по берегам его учил святой Андрей, брат Петра.

Как говорят, когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуня устье Днепра, и захотел пойти в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром, встав, сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? Так на этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и подивился на них. И пошел к варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, скольких научил и кого видел, и рассказал им: «Диво видел я в Славянской земле, когда шел сюда. Видел бани

деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются мытелью, и возьмут веники, и начнут хлестаться, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят не мытье себе, а <...> мученье». Те же, слышав, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена сами по себе и управлялись своими родами; ибо и до той братии были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: а один по имени Кий, а другой — Щек, а третий — Хорив, и сестра их — Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, отчего и названа Хоривицей. И построили город и в честь старшего своего брата дали имя ему Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были люди те мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне — киевляне и доныне.

Некоторые же, не зная, говорили, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к цесарю, <какому> — не знаем, но только то знаем, что, как говорят, великих почестей удостоился тогда от цесаря, какого — не знаю, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он к Дунаю, и облюбовал место, и срубил городок небольшой, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему живущие окрест; так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и окончил жизнь свою; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И после этих братьев стал род их княжить у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на

реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белом озере сидит весь, а на Ростовском озере — меря, а на Клещине озере сидит также меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, свой народ — мурома, и черемисы — свой народ, и мордва — свой народ. Вот кто только славянские народы на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами.

А это другие народы, дающие дань Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, — эти говорят на своих языках, они от колена Иафета и живут в северных странах.

Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю славянскую, прогнав волохов, и овладели землей славянской. Угры эти появились при цесаре Ираклии, они и воевали с Хосровом, персидским царем. Были в те времена и обры, воевали они с цесарем Ираклием и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женщинам дулебским: бывало когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, или четырех или пять женщин и везти обрина, и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, вымерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доныне: «Погибли как обры», — их же не осталось ни рода, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это после, уже при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода поляков. Были ведь два брата у поляков — Радим, а другой — Вятко. И пришли и сели: Радим на Сожи, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Бугу и по Днепру и возле Дуная. Было их множество: сидели по Бугу и по Днепру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их «Великая скифь».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, каждое — свои обычаи. Поляне имеют обычай отцов своих тихий и кроткий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, и матерями; и снохи перед свекровями своими и перед деверями великую стыдливость имеют; соблюдают и брачный обычай: не идет жених за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят что за нее дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон. <…>

Так вот и теперь при нас половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, и едят мертвечину и всякую нечистоту — хомяков и сусликов, и берут в жены своих мачех и невесток, и следуют иным обычаям своих отцов. Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

По прошествии времени, после смерти братьев этих, стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И набрели на них хазары, на сидящих в лесах на горах, и сказали хазары: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам своим, и сказали им: «Вот, новую дань нашли». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили им: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не на добро дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось все это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьей воле. <…>

В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Поэтому с этой поры начнем и числа положим: от Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1082 года, от Авраама до исхода Моисея 430 лет, от исхода Моисея до Давида 601 год, от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет, от пленения до Александра 318 лет, от Александра до рождества Христова 333 года, от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до Михаила этого 542 года. От первого года Михайлова до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, от первого года княжения Олега, с тех пор как он сел

в Киеве, до первого года Игорева 31 год, от первого года Игорева до первого года Святославова 33 года, от первого года Святославова до первого года Ярополкова 28 лет; княжил Ярополк 8 лет, Владимир княжил 37 лет, Ярослав княжил 40 лет. Таким образом от смерти Святославовой до смерти Ярославовой 85 лет, от смерти Ярослава до смерти Святополка 60 лет.

<…>

В год 6367 (859). Варяги, приходя из-за моря, взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и с веси, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6368 (860). В год 6369 (861).

В год 6370 (862). И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали: «Поищем сами себе князя, который бы владел нами и рядил по ряду и по закону». Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные — норманны и англы, а еще иные готы — вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам. И поставили город Ладогу. И сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой — Синеус, — на Белом озере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик и пришел к Ильменю, и поставил город над Волховом, и назвал его Новгород, и сел тут княжить, и стал раздавать мужам своим волости и города ставить — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренные жители в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик.

И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили город этот и сгинули, а мы тут сидим, родичи их, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

В год 6371 (863). В год 6372 (864).

В год 6373 (865). В год 6374 (866). Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли к ним в четырнадцатый год царствования Михаила. Цесарь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет на Царьград, и возвратился цесарь. Эти же вошли внутрь Суда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Цесарь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы Влахернской, и вынесли они с пением божественную ризу святой Богородицы и погрузили в реку. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и встали огромные волны, и разметало корабли безбожной Руси, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось спастись от этой беды и вернуться домой.

<…>

В год 6387 (879). Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу — родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень молод.

В год 6388 (880). В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов своих: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и овладел городом Смоленском и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и придя, взял Любеч, и также посадил мужа своего. И пришли к горам киевским, и увидел Олег, что княжат тут Аскольд и Дир, спрятал он воинов в ладьях, а

других оставил позади, а сам приступил, неся отрока Игоря. И подошел к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря, Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и вынесли Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли <Аскольда> на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николая; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским». И были у него славяне и варяги, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391 (883). Начал Олег воевать с древлянами и, покорив их, начал брать дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: «Я враг их, и вам <им платить> незачем».

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И обладал Олег древлянами, полянами, радимичами, а с уличами и тиверцами воевал. <…>

В год 6406 (898). Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, и пришли к Днепру, стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые называются Угорскими, и стали воевать с жившими там. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем землю Волынскую захватили волохи. А

после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились вместе со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать с греками и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать с моравами и чехами. Был един народ славянский: славяне, сидевшие по Дунаю и покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которые теперь зовутся русь. Для них ведь, моравов, первых переведены книги, которые и названы славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещеными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к цесарю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы нас наставил и поучал нас и объяснял святые книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, потому что не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам истолковать слова книжные и смысл их». Услышав это, цесарь Михаил созвал всех философов и передал им все сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. И есть у него сыновья, знающие славянский язык; оба сына у него искусные философы». Услышав об этом, цесарь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к цесарю, и сказал он им: «Вот, прислала ко мне славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их цесарь и послал их в славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же они <Константин и Мефодий> пришли, то начали составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии Божием на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же стали хулить славянские книги, говоря, что «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, согласно надписи

Пилата, который на кресте Господнем написал <только на этих языках>». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто хулит славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: “Пусть восхвалят Бога все народы”, и другое: “Пусть все восхвалят своими языками величие Божие, поскольку Дух Святой дал им говорить”. Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, чада, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодий остался в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на месте святого апостола Андроника, одного из семидесяти, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский за шесть месяцев, начав в марте, а закончив в 26 день октября месяца. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; поэтому учитель славянскому народу — апостол Андроник. К моравам же ходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Поэтому учитель славян — Павел, из тех же славян — и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель апостол Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе у славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един. От варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами же прозваны были потому, что сидели в поле, а язык им был общий — славянский. <…>

В год 6411 (903). Когда Игорь вырос, то сопровождал Олега, и слушал его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу.

В год 6412 (904). В год 6413 (905). В год 6414 (906).

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и полян, и северян, и древлян, и радимичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли «Великая скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и приказал воинам вытащить корабли на берег, и разорил окрестности города, и много перебил греков, и множество палат разрушили и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла причинили русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда поднялся попутный ветер, подняли они в поле паруса и двинулись к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав к Олегу: «Не губи города, согласимся на дань, какую захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом». И потребовал Олег выплатить дань на две тысячи кораблей: по двенадцать гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не разорял Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими цесарями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для

Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу.

«Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбу и плоды. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у цесаря на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цесари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Пусть запретит русский князь людям своим, приходящим сюда русским, творить бесчинства в селах и в стране нашей. Приходящие сюда русские пусть живут у церкви святого Мамонта, и пришлют к ним от нашего царства, и перепишут имена их, и тогда возьмут полагающееся им месячное, — сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Цесари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам шелковые», и было так. И повесили щиты свои на вратах в знак победы, и пошел от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне шелковые, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои толстины, не даны, знать, славянам паруса шелковые». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6416 (908). В год 6417 (909). В год 6418 (910).

В год 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья.

В год 6420 (912). Послал Олег мужей своих заключить мир и ряд между греками и русскими, и послал, говоря:

«Согласно другому уряжению, бывшему при тех же цесарях — Льве и Александре. Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукой его, светлых князей, бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, цесарям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию наших князей и по повелению, от всех находящихся под рукой его русских. Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, такую дружбу объявить и утвердить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по Божьей вере и дружбе: первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, насколько это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей. Но постараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, изъявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Также и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а каким не станут верить, пусть клянется та сторона,

которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет, — русский христианина, или христианин русского,— да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литров серебра по закону русскому; если же совершит этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина, или напротив, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он крал, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из русских христианину или христианин русскому с побоями угрожает, и насилие явно, или отнимет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и станет помогать сохранить ладью с грузом ее и отправить ее вновь в христианскую землю, то следует нам проводить ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта бурей или на мель сев задержана и не может возвратиться в свои

места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим их с товарами их поздорову. Если же случится около Греческой земли такая беда с русской ладьей, то проводим ее в Русскую землю и пусть продают товары той ладьи, так что если можно что продать из той ладьи, то пусть вынесем <на греческий берег> мы, русские. И когда приходим <мы, русские> в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то <мы, греки> пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из прибывших с ладьею быть убиту или избитому от нас, русских, или что-нибудь будет взято, то пусть будут виновники присуждены теми к вышесказанному наказанию.

Если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если действительно окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие, или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, — все равно пусть возвратится он в свою страну, и отдана будет за него обычная цена его, как уже сказано выше.

Если же будет набор в войско и когда нужда возникнет, и эти <русские> захотят почтить вашего цесаря, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего цесаря по своей воле, то пусть так будет.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны <пленные христиане> на Русь и продаваемые <русскими> назад в Грецию, или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, — все эти должны продаваться по 20 золотников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и

обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, — возьмут его. Если же кто-либо не позволит произвести дознание, — тем самым не будет признан правым.

О русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих <в Греции> у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому завещал письменно наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских торгующих.

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — цесаря вашего и своею рукою, — скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись цесарю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по закону и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

Цесарь же Леон почтил русских послов дарами — золотом и шелками, и драгоценными тканями — и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни — венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им

истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великой честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и урядились Греческая земля и Русская не преступать клятвы — ни грекам, ни руси.

И жил Олег, мир имея со всеми странами, княжа в Киеве. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо спрашивал он когда-то волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездишь, — от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не пользуясь им, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого тогда волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неверно говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И наступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица; есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три <…>

В год 6421 (913). После Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона и зять Романа. И затворились от Игоря древляне после смерти Олега.

В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся восвояси.

В год 6423 (915). Сначала пришли печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, попленяя Фракию; греки же послали за печенегами. Когда же печенеги пришли и собрались уже выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что они сами между собою ссорятся, ушли восвояси, а болгары сразились с греками, и перебиты были греки. Симеон же захватил город Адрианов, который первоначально назывался городом Ореста — сына Агамемнона, ибо Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни — оттого и назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил кесарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом-градом.

В год 6424 (916). В год 6425 (917). В год 6426 (918). В год 6427 (919).

В год 6428 (920). У греков поставлен цесарем Роман. Игорь же воевал против печенегов.

В год 6429 (921). В год 6430 (922). В год 6431 (923). В год 6432 (924). В год 6433 (925). В год 6434 (926). В год 6435 (927). В год 6436 (928).

В год 6437 (929). Пришел Симеон на Царьград, и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и гордости, и сотворил мир с Романом-цесарем, и возвратился восвояси.

В год 6438 (930). В год 6439 (931). В год 6440 (932). В год 6441 (933).

В год 6442 (934). Впервые пришли на Царьград угры и попленили всю Фракию. Роман заключил мир с уграми.

В год 6443 (935). В год 6444 (936). В год 6445 (937). В год 6446 (938). В год 6447 (939). В год 6448 (940).

В год 6449 (941). Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей. И пришли, и

подплыли, и стали разорять страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. <…>

В год 6452 (944). Игорь собрал воинов многих: варягов, и русь, полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов, и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях, желая отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли себе печенегов». Услышав об этом, цесарь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цесареву. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит цесарь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кто одолеет: мы ли, они ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

В год 6453 (945). Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире. И послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию:

«Согласно другому уряжению, заключенному при цесарях Романе, Константине и Стефане, христолюбивых владыках. Мы — от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря, Искусеви от княгини Ольги, Слуды от Игоря, племянник Игорев, Улеб от Володислава, Каницар от Предславы,

Шихберн Сфандр от жены Улеба, Прастен Туродов, Либиар Фастов, Грим Сфирьков, Прастен Акун, племянник Игорев, Кары Тудков, Каршев Туродов, Егри Евлисков, Воист Войков, Истр Аминдов, Ятвяг Гунарев, Шибрид Алдан, Кол Клеков, Стегги Етонов, Сфирка..., Алвад Гудов, Фудри Тулбов; Мутор Утин, купцы Адунь, Адолб, Ангивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Турьбрид, Фурьстен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Ингелд, Турберн и другой Турберн, Улеб, Турбен, Моны, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилий, Апубкарь, Свень, Вузелев, Синько бирич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всех князей, и от всех людей Русской земли. И ими поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими.

Великий князь наш Игорь и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману и Стефану, и Константину, к великим цесарям греческим заключить мир с самими цесарями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все годы, пока солнце сияет и весь мир стоит.

Кто от страны Русской замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получат возмездие от Бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи и от Бога, и от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами в этой и в загробной жизни.

Великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим цесарям греческим сколько хотят кораблей с послами своими и с купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные. Ныне же стал князь ваш посылать грамоту в царство наше; те послы и гости, которые будут посылаться им, пусть приносят грамоту, написав в ней, что «послал столько-то кораблей», чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с мирными целями. Если же

придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему. Если же не дадутся нам и сопротивятся, то убьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя вашего. Если же, убежав, вернутся в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают, что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И, когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем мы, цесари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину — послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из прочих городов. Да входят они в город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по 50, и торгуют сколько им нужно, и выходят назад; муж же наш царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков сотворит неправо, то пусть рассудит то дело. Когда же русские входят в город, то пусть не творят вреда и не имеют права покупать паволоки дороже, чем по 50 золотников; и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и что необходимо ладьям, как это было установлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, и да не имеют права зимовать у святого Мамонта.

Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну царства нашего, и если окажется у святого Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши русские христиане, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как установлено было прежде, — по 2 паволоки за челядина.

Если же кто из челядинов наших царских или города нашего, или иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть опять вернут

его; а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут от него два золотника за поимку.

Если же кто покусится из русских взять что-либо у наших царских людей, то тот, кто сделает это, пусть будет сурово наказан; если уже возьмет, пусть заплатит вдвойне; и если сделает то же грек русскому, да получит тоже наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь русскому у греков или греку у русских, то следует возвратить не только украденное, но и цену украденного; если же окажется, что украденное уже продано, да вернет цену его вдвойне и будет наказан по закону греческому, и по уставу греческому и по закону русскому.

Сколько бы пленников христиан наших подданных ни привели русские, то за юношу или девицу добрую пусть наши дают 10 золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть дадут им 8 золотников и возьмут его; если же будет старик или ребенок, то пусть дадут за него 5 золотников.

Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по 10 золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте и взять свою цену — сколько он дал за пленника.

И о Корсунской стране. Да не имеет права князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, но когда попросит у нас воинов князь русский, дадим ему, сколько ему будет нужно, и пусть воюет.

И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-нибудь возьмет из него что-либо, или обратит кого-нибудь из него в рабство или убьет, то будет подлежать суду по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев за ловлей рыбы в устье Днепра, да не причинят им никакого зла.

И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране.

Если же будет совершено злодеяние кем-нибудь из греков, — наших царских поданных, — да не имеете права наказывать их, но по нашему царскому повелению пусть получит тот наказание в меру своего проступка.

Если убьет наш подданный русского, то да задержат убийцу родственники убитого, и да убьют его. Если же убежит убийца и скроется, а будет у него имущество, то пусть родственники убитого возьмут имущество это; если же убийца окажется неимущим и также скроется, то пусть ищут его пока не найдется. И да будет убит.

Если же ударит мечом или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то беззаконие пусть заплатит виновный 5 литров серебра по закону русскому; если же окажется неимущим, то пусть продадут у него все, что только можно, так что даже и одежды, в которых он ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть принесет клятву по своей вере, что не имеет ничего, и только тогда пусть будет отпущен.

Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших врагов, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем; и отсюда узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и русские.

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, цесарей, — на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой —

имена послов и купцов ваших. А когда послы наши царские выедут, — пусть проводят их к великому князю русскому Игорю и к его людям; и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши.

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи, и предлежащим честным крестом, и хартией этой, соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны — князь ли, или иной кто, крещеный или некрещеный, да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом и в этой жизни и в загробной и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, написанное на хартии этой, будет соблюдаться Игорем и всеми боярами, и всеми людьми и Русской страной во все будущие годы и всегда.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, — да будет достоин умереть от своего оружия, и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву.

И пусть на благо Игорь, великий князь, сохранит любовь эту верную, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие».

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи цесаря Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: «Скажите, что наказал вам цесарь?» И сказали царские послы: «Вот послал нас цесарь, обрадованный миром, и хочет он иметь мир и любовь с князем русским. Твои послы приводили к присяге наших цесарей, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото и присягали Игорь и мужи

его — сколько было язычников между русскими. А христиан русских водили в церковь святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы, и хазар, — это была соборная церковь, так как много было христиан среди варягов. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил их; послы же пришли к цесарю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам.

Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять пойти к древлянам, желая взять с них большую дань.

В год 6453 (945). Сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите вы с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом и сказали: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя навстречу ему из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у города Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, и воевода был Свенельд, тот был отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым. Ведь вода тогда текла

возле Киевской горы, а на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а место для ловли птиц было вне города. Двор теремной и другой двор были, где стоит сейчас двор деместика, позади церкви святой Богородицы, над горою. Был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе и спросила их: «Хорошо ли, гости, дошли?» И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Так говорите же, зачем пришли сюда?» Ответили древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: “Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, — пойди замуж за нашего князя за Мала”». Было ведь имя ему Мал, князю древлянскому. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, с гордостью. Утром я пошлю за вами, вы же скажите: “Не едем на конях, ни пешком не пойдем, но понесите нас в ладье” — и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах, ни пешком не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», — и понесли их в ладье. Они же сидели, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, склонившись к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Горше нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за

вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, и тут сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своем муже». Они же, услышав об этом, свезли множество меда. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям насыпать высокий холм могильный и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где другие мужи наши, которых послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить в их честь, а сама отошла недалеко, а потом приказала отрокам рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. И Ольга вернулась в Киев и собрала войско на оставшихся.

Начало княжения Святослава.

В год 6454 (946). Ольга с сыном Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав метнул копье в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще совсем мал. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как те убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и стойко сопротивлялись, ибо знали, что сами убили князя и что их ожидает. И стояла Ольга все лето и не могла взять

города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и согласились на дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь от дани, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «Я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву, и во второй раз, а в третий — когда устроили тризну по моем муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, так дайте же мне эту малость». Древляне же, обрадовавшись, собрали с каждого двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, — идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждому голубю и воробью. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни свои, а воробьи под стрехи, и так загорелись голубятни, а от них клети и сеновалы. И не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. А как взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а прочих людей убила, а иных отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольгиным. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною своею по Древлянской земле, устанавливая дани и налоги; и сохранились места ее стоянок и места для охоты. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и, пробыв здесь год, в год 6465 (947) отправилась Ольга к Новгороду. И основала по Мете погосты и установила дани, и по Луге — погосты и дани и оброки установила, и места охот ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты. И сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть ее места для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там пребывала с ним в любви. <…>

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. Был тогда цесарь Константин, сын Льва. И увидев, что она красива лицом и весьма умна, подивился цесарь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в городе этом». Она же, поразмыслив, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестил ее цесарь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя сыны русские до последних поколений внуков твоих». И дал ей наставления о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх и отпустил. После крещения призвал ее цесарь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил

меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей цесарь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И поднес ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные, и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения дому, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, — да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась, и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха во времена праотцев, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков от печи, Даниила от зверей, — так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю и пришла в Киев. <…>

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и уговаривала принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался по своей воле креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. Ибо «для неверующих вера христианская юродство есть»; Ибо «не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме», и не ведают славы Господней; «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас и не послушались, обратился к вам, и не поняли, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха Божьего не избрали для себя, не захотели принять советов моих, презрели обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь Бога — тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям. Если кто матери не послушает — в беду впадет, как сказано: «Если

кто отца или матери не послушает, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать. <…>

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. Был ведь и сам он храбр, и ходил легко как пардус, и много воевал. Не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и набрел на вятичей, и спросил вятичей: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем каганом и сошлись биться, и в войне с ними одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов, и пришел в Киев.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В году 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И сразились, и одолел Святослав болгар, и взял городов восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли печенеги впервые на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце. И заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силой великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогли люди от голода и жажды. И собрались люди противоположной стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу, и нельзя было никому из них пробраться в Киев, ни из города к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я смогу пройти».

Горожане же обрадовались и сказали отроку: «Если знаешь, как пройти, — иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и прошел через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув с себя одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. Те же заметили его с другого берега, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подступите завтра рано утром к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив с собой княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же решили, что пришел князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны <Днепра>». Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет воинов бесчисленное множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Будет так». И подали они друг другу руки, и одарил печенежский князь Претича конем, саблей и стрелами. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою потеряешь, нас ведь чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о

перенесенном от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в степь, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — паволоки, золото, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха, и воск, и мед, и рабы». Отвечала ему Ольга: «Разве не видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И сказала: «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали о ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на выбранном месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу. <…>

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — милостницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву со Святославом, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть: постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, сказав: «Это мой город!» И послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так

возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, и дадим мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки мудры и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвым не ведом позор. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о себе сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские и греки друг на друга. И сразились полки, и окружили греки русских, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разрушая другие города, что стоят и доныне пусты.

И созвал цесарь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказав ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И когда пришли греки с поклоном, сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав, смотря в сторону: «Спрячьте». Отроки же Святославовы, взяв, спрятали. Послы же цесаревы вернулись к цесарю, и созвал цесарь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них, и приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие. Он же взял и стал хвалить цесаря, выражая ему любовь и благодарность. Снова

вернулись посланные к цесарю и поведали все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Соглашайся на дань», И послал к нему цесарь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь», ибо немного не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы какой-нибудь хитростью не истребили дружину мою и меня не убили», так как многие погибли в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к цесарю в Доростол, ибо там находился цесарь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Цесарь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с цесарем и узнает цесарь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги нам враждебны, и кто нам поможет? Заключим же с цесарем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к цесарю, и пришли в Доростол и сказали о том цесарю. Цесарь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: “Хочу иметь истинную любовь с греческим царем на все будущие времена”». Цесарь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. <…>

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел на ладьях. А

переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и перезимовал Святослав. Когда же наступила весна, отправился Святослав к порогам.

В год 6480 (972). Пришел Святослав к порогам, и напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А было всех лет княжения Святослава двадцать восемь.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В год 6482 (974).

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил своих: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И с того началась вражда между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати волость его».

В год 6484 (976).

В год 6485 (977). Пошел Ярополк на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало с моста, и кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата, и

вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега внизу под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!» И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней, в свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В год 6486 (978). В год 6487 (979).

В год 6488 (980). Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она ответила: «Не хочу разуть Владимира, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его Рогнеду взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог противостоять Владимиру и затворился Ярополк в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с коварством говоря: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как

своего отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд посланным Владимиром: «Буду я тебе друг». О злое коварство человеческое! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, возвел на меня клевету». Этот же обманом задумал измену князю. И еще: «Языками своими льстили. Осуди их, Боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневили тебя, Господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж скорый на кровопролитие и коварный не проживет и половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумны те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь; потому и виновен он в крови той. Затворился Блуд <в городе> вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его. Не смог Блуд никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: “Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка”. Беги же из города». И послушался его Ярополк, бежал из города и, придя в город Родень в устье реки Роси, затворился там, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: «Беда как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим», — так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть будет так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, и как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: “Что ты мне ни дашь, то я и приму”. Ярополк пошел, а

Варяжко сказал ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов», и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под мышки. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и долго воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира.

После всего этого сказали варяги Владимиру: «Это наш город, мы его захватили, — хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю». Он же ответил им: «Идите». И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе натворят тебе такое же зло в городе, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни единого».

И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса и Даждьбога, и Стрибога, и Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась жертвоприношениями земля Русская и холм тот. Но исполненный блага Бог не захотел гибели грешников, и на том холме ныне

есть церковь святого Василия, как расскажем об этом после, Теперь же возвратимся к прежнему.

Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира Перуна над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

Был же Владимир побежден похотью. Были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, и наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести в Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растлевая девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. «Велик Господь, и велико могущество его, и разуму его нет конца!» <…>

В год 6489 (981). Пошел Владимир на поляков и захватил города их: Перемышль, Червен и другие города, которые и доныне под Русью. В том же году победил Владимир и вятичей и возложил на них дань — с каждого плуга, как и отец его брал.

В год 6490 (982). Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир и победил их вторично.

В год 6491 (983). Пошел Владимир против ятвягов и захватил их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. <…>

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста впереди себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане, и победил Волчий Хвост радимичей. Оттого дразнят русские радимичей, говоря: «Пищанцы от волчьего хвоста бегают».

Были же радимичи от рода поляков, пришли и поселились тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и так победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не платить — пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том, если здесь богат, то и там», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье и подавно сказал: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Потом пришли немцы из Рима, говоря: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: “Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера — свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево”». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; “если кто пьет или ест, то все это во славу Божию”, — как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо отцы наши не приняли

этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и заячины, соблюдать субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа, так сказавшего: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они более всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых низверг Господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверное делающих. Ибо, подмывшись, поливаются этой водой и вливают ее в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую: скверну совокупления вкушают». Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: “Это есть тело мое, ломимое за вас”. Так же и чашу взял и сказал: “Это есть кровь моя нового завета”. Те же, которые не творят этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого мы распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того; их же

пророки предсказывали, что родится Бог, а другие — что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, взошел на небеса, от них же ожидал Бог покаяния сорок “шесть лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». <…>

И, сказав это, <философ> показал <Владимиру> завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». <Философ> же сказал: «Если хочешь с праведниками по правую сторону стать, то крестись». Владимиру же запало это в сердце, и сказал: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честию великою.

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев городских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: “Прими закон наш”. Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира. И удивительное рассказывают, будто бы и другой свет есть — и чудно слушать их, — если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то по смерти снова востанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у кого служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их и службу». Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные

дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к цесарю. Цесарь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав это, цесарь обрадовался и в тот же день оказал им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские, разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила зажгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цесари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», — и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили прежде всего в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, называемом мечетью. Стоят там без пояса и, сделав поклон, садятся и глядят туда и сюда, как безумные, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не хорош закон их. И пришли мы к немцам и видели их службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали мы — на небе или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы

не можем уже здесь жить». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы бабка твоя Ольга крещения, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на другом берегу лимана, на расстоянии полета стрелы от города, и крепко сопротивлялись горожане. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушали его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал насыпать землю горой у городских стен. И когда насыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, крали насыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж именем Анастас, корсунянин, пустил стрелу, написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, — сам крещусь!» И тотчас же повелел копать поперек трубам, и перекрыли воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своей и послал к цесарям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цесари и послали ему весть такую: «Не пристало христианам жениться и выдавать замуж за язычников. Если же крестишься, то и ее получишь, и царство небесное воспримешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от цесарей: «Скажите цесарям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде разузнал о законе вашем и люба мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне

посланные нами мужи». И рады были цесари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня». И послушались цесари и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти к язычникам и сказала им: «Лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же». И едва принудили ее. Она же села на корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. Когда прибыла в Корсунь, вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и отвели ее в палату. По божественному промыслу разболелись в то время у Владимира глаза, и не видел ничего, и скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не сможешь избавиться от недуга этого». Услышав это, Владимир сказал: «Если же так и будет, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тот тотчас же прозрел. Владимир же, увидев свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь познал я истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святой Софии, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. После крещения привели царицу для совершения брака.

Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по-иному скажут.<…>

Владимир же [после всего этого] взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его,

взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил и церковь святого Иоанна Предтечи в Корсуни на горе, которую насыпали посреди города, когда крали землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он с собой и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел повергнуть идолы — одни изрубить, а другие сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его палками. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, Господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли они еще святого крещения. И, приволочив, кинули его в Днепр. И поручил Владимир <людям>, сказав: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его, пока не пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили повеленное. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, которая и до сих пор зовется Перунья отмель. Затем разослал Владимир посланцев своих по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни, погрузившись до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы. И была видна радость великая на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы

мне! Прогнан я отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой этим, а не апостолами и не мучениками; не смогу уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, возвел глаза на небо и сказал: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правую и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где приносили им жертвы князь и люди. И по другим городам стал ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых. <…>

Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его. Было у него двенадцать сыновей: Вышеслав, Изяслав, Святополк и Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис и Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил Ярослава в Новгороде, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмуторокани. И сказал Владимир: «Это плохо, что мало городов вокруг Киева». И стал ставить города на Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними и побеждал их.

В год 6497 (989). В год 6498 (990).

В год 6499 (991). После этого жил Владимир в христианском законе, и задумал создать каменную церковь пресвятой Богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсуни: иконы, сосуды церковные и кресты.

В год 6500 (992). Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город тот.

В год 6501 (993). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года и разойдемся; если же наш муж бросит вашего оземь, то будем разорять вас три года». Владимир же, вернувшись в стан свой, разослал глашатаев объявлять: «Нет ли такого мужа, который бы поборолся с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и тут же послал за ним, привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, но испытайте меня: нет ли крупного и сильного вола?» И нашли могучего вола, и приказал он разъярить

вола; возложили на него раскаленное железо и пустили вола. И побежал вол мимо него, и схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь облечься в доспехи. Печенеги выпустили своего мужа: был же он огромен и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. И кликнули русские, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В год 6502 (994). В год 6503 (995).

В год 6504 (996). Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился Богу, говоря так: «”Господи Боже! Взгляни с неба и воззри. И посети сад свой. И сверши то, что насадила десница твоя” — этих новых людей, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, Бога истинного. Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы Богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его и отпусти все грехи его, ради молитвы пречистой Богородицы». И, помолившись Богу, сказал он так: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и от моих городов». И уставил так, написав заклятие в церкви этой, сказав: «Если кто отменит это, — да будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал многие богатства.

После этого пришли печенеги к Василеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И сошлись, и не смог устоять Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Василеве во имя святого Преображения, ибо был праздник Преображения Господня в тот день, когда произошла та сеча. Избегнув опасности, Владимир построил церковь и устроил великое празднование, наварив триста мер меду. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. Праздновал здесь князь Владимир восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья святой Богородицы, и здесь вновь устроил светлый праздник, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно.<…>

Слышав все это, повелел он всякому нищему и убогому приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги. Устроил он и такое: сказав, что «немощные и больные не могут дойти до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое. И такое делал он для людей своих: велел он по всем дням недели на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — при князе и без князя. Бывало на обедах тех множество мяса — говядины и дичины, — было все в изобилии. Когда же, бывало, перепьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны. И жил в мире

с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андроником Чешским. И были между ними мир и любовь. Владимир же жил в страхе Божьем. И умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?» Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав». Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников, и сказали епископы и старцы: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней». И сказал Владимир: «Пусть так». И жил Владимир по заветам деда и отца. <…>

В год 6522 (1014). Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав перестал платить в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но Бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис, а тем временем печенеги пошли походом на Русь, и Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер же князь великий Владимир на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем великим. <…>

Святополк сел в Киеве после смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им дары. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». И плакался по отцу горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца». Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Святополк же, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению», но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Отвечал же Путша: «Согласны я и вышегородцы головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса». Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: «Спешат они на неправедное пролитие крови. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастия. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу». Посланные же пришли ночью, и когда подступили ближе, то услыхали, что Борис поет заутреню, так как сказали уже ему, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: «Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня»; и еще: «Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною»; и еще говорил он: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою». И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные убить его,

начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы тучные. Скопище злых обступило меня»; «Господи, Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня». Затем начал он петь канон. А затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ владыки: «Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волей дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех». И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, обступив шатер, и проткнули его копьями, и пронзили Бориса, и слугу его, прикрывшего его своим телом, пронзили. Был же он любим Борисом. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его очень любил, и одел он на него большое золотое ожерелье, в котором тот и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. Не могли они быстро снять ожерелье с шеи Георгия и отсекли голову ему, и только тогда сняли ожерелье, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положив на телегу, повезли, еще дышавшего. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те подошли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа Бога, сравнявшись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, воспевая с ангелами и в веселье пребывая со всеми святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, словно хвалу заслужившие, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие слуги подобны бесам: бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел.

Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата-дьявола; а бесы побуждают человека на зло, завидуя ему; и так как видят, что человек от Бога в чести, — потому и завидуют и скоры на совершение зла. Было сказано: «Кто идет прельстить Ахава?» И ответил бес: «Это я иду». Злой человек, усердствуя злому делу, хуже самих бесов, ибо бесы хоть Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста Господня боятся, а человек злой и креста не боится. Поэтому и Давид говорит: «Воистину ли верно говорите и по праву ли судите, сыны человеческие? Но в сердце творите беззаконие, на земле неправду ваши руки плетут, от самого лона материнского отступили грешники <от правды>, заблудились, <выйдя> из чрева, говоря ложь, а ярость их подобна змеиной».

Святополк же окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?» И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине, и повредил Глеб себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне на корабле. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца, и послал Ярослав сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, Господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою. Ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем жить на

этом полном лжи свете». И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И неожиданно захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка.

Так был принесен он в жертву Богу, вместо благоуханного фимиама — жертва одушевленная, и принял венец, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радостию, которой удостоились они за свое братолюбие. «Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!» Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: «Да возвратятся грешники в ад». И еще: «Оружье обнажили грешники и натянули луки свои, чтобы застрелить нищего и убогого, заклать чистых сердцем. И оружье их вонзится в их же сердца, и луки их переломятся. Как грешники они погибнут, исчезая словно дым погибнут».

Пришли <убийцы> и сказали Святополку: «Сделали приказанное тобою». Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Беззаконие умышляет язык твой, изостренный словно бритва, творит коварное. Полюбил зло более благостыни, неправду больше, чем говорить правду. Полюбил все слова гибельные, язык лживый. За это Бог уничтожит тебя до конца и исторгнет тебя из села твоего и корень твой из земли живущих». Как и Соломон говорит: «Я посмеюсь над погибелью вашей, порадуюсь, когда придет на вас бедствие. Поэтому съедят своих дел плоды и насытятся своего нечестия».

Итак, Глеб был убит и положен на берегу между двумя колодами. Затем же, взяв его, увезли и положили рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

И соединились они телами, а того более — душами, пребывая у владыки, царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном, и подавая

дары исцеления Русской земле и всех, приходящих с верою из иных стран, исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отверзение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся владыке Богу о своих людях. <…>

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал к уграм. И стал помышлять: «Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русской землею». Так думал он в гордости своей, не зная, что «Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет Всевышний цесаря и князя, каких захочет дать». Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит он ей цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, правящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог на страну ту, потому что князь — глава земли. <…>

Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатства. Когда еще Ярослав не знал об отцовской смерти, было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам. Новгородцы же поднялись на них и перебили варягов во дворе Поромоньем. И разгневался Ярослав и пошел в Ракомо, сел там во дворе. И послал к новгородцам сказать: «Мне уже тех не воскресить». И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил их тысячу. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса и за Глебом послал, берегись его очень». Услышав это, Ярослав опечалился об отце, и о брате, и о дружине. На другой день, собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав: «О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна». Утер слезы и обратился к ним на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве, истребляя братьев своих».

И сказали новгородцы: «Хотя, князь, и иссечены братья наши, — можем за тебя сражаться!» И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов сорок тысяч, и пошел на Святополка, и, воззвав к Богу, сказал: «Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет Бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Или же и мне то же сделать? Рассуди меня, Господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного». И пошел на Святополка. Услышав же, что идет Ярослав, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех напасть, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом этим, вы, плотники? Поставим вас хоромы нам ставить!» Слыша это, сказали новгородцы Ярославу: «Завтра мы переправимся и пойдем на них; если кто не пойдет с нами, сами убьем его». Наступили уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же на другой день, на рассвете, исполчив дружину, переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился лед под воинами Святополка, и многие утонули в воде. И стал одолевать Ярослав. Видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав, а Святополк бежал в Польшу, Ярослав же сел в Киеве на столе отцовском. И было тогда Ярославу двадцать восемь лет. <…>

В год 6532 (1024). Когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове; Ярослав же был тогда в Новгороде.

В тот же год появились волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря так: «Бог за грехи посылает на какую-либо страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, а человек же ничего не ведает». И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород и послал за море за варягами.

И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполчил дружину и поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина варягов с северянами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, то блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Сиди ты на своем столе в Киеве, поскольку ты старший брат, а мне пусть будеть эта сторона <Днепра>». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Ярослав в Новгороде, а в Киеве были мужи Ярослава. В тот же год родился у Ярослава еще сын, и нарек имя ему Изяслав.

В год 6533 (1025).

В год 6534 (1026). Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране. <…>

В год 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви святого Спаса, которую сам создал: ведь были при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всем его уделом Ярослав и стал единовластием в Русской земле. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав.

Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав собрал воинов многих, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав выступил из города, исполчил дружину, и поставил варягов посередине, а на правой стороне — киевлян, а на левом крыле — новгородцев, и стал пред градом. Печенеги двинулись на них, и сошлись на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врассыпную и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках, и так гибли, а остаток их бегает где-то и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу во Пскове — был тот оклеветан перед ним.

В год 6545 (1037). Заложил Ярослав великий город <городские стены> Киев, у того же города Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии,

Премудрости Божьей, митрополию, и затем церковь каменную на Золотых воротах — святой Богородицы Благовещения. Этот премудрый князь Ярослав для того создал <церковь> Благовещения на вратах, чтобы даровать навсегда радость городу тому благовещением Господним и молитвою святой Богородицы и архангела Гавриила. Потом <заложил> монастырь святого Георгия и святой Ирины. И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же любил черноризцев, и к книгам имел пристрастие, читая их часто и ночью, и днем. И собрал писцов многих, и перелагали они с греческого на славянский язык и на письмо. Переписали они и собрали множество книг, которые наставляют верующих людей, и наслаждаются они учением Божественного слова. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, — так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же Ярослав, сын Владимиров, посеял книжные слова в сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное. <…>

В год 6559 (1051). Поставил Ярослав Илариона русским митрополитом в святой Софии, собрав епископов.

А теперь скажем, почему назван так Печерский монастырь.

Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и находившуюся там церковь Святых апостолов и помогал попам многим, среди которых был пресвитер, именем Иларион, муж благочестивый, книжный и постник, и ходил он из Берестового на Днепр, на холм, где ныне находится старый монастырь Печерский, и там молитву творил, ибо был там большой лес. Выкопал он небольшую пещерку, двухсаженную, и, приходя из Берестового, пел там церковные часы и молился Богу втайне. Затем Бог положил князю мысль на сердце поставить его митрополитом в святой Софии, а пещерка эта так и осталась. И некоторое время спустя некоему человеку, мирянину из

города Любеча, положил Бог мысль на сердце пойти странничать. И направился он на Святую Гору, и увидел тамошние монастыри, и, полюбив монашескую жизнь, пришел в один из тамошних монастырей, и умолил игумена, чтобы постриг его в монахи. Тот послушал, постриг его, дал ему имя Антоний, наставив и научив, как жить по-монашески, и сказал ему: «Иди снова на Русь, и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя многие станут черноризцами». И благословил его и отпустил, сказав ему: «Иди с миром». Антоний же пришел в Киев и стал думать, где бы поселиться; и ходил по монастырям, и нигде ему не нравилось, так как Бог не хотел того. И стал ходить по дебрям и горам, в поисках места, которое бы ему указал Бог. И пришел на холм, где Иларион выкопал пещерку, и полюбил место то, и поселился в ней, и стал молиться Богу со слезами, говоря: «Господи! Укрепи меня в месте этом, и да будет на нем благословение Святой Горы и моего игумена, который меня постриг». И стал жить тут, молясь Богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды испивая в меру, копая пещеру и не давая себе покоя днем и ночью, пребывая в трудах, в бдении и в молитвах. Потом узнали о нем добрые люди и приходили к нему, принося все, что ему требовалось. И прослыл он как великий Антоний, и, приходя к нему, просили у него благословения. После же, когда преставился великий князь Ярослав, принял власть сын его Изяслав и сел в Киеве. Антоний же прославлен был в Русской земле. Изяслав, узнав о житии его, пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И ведом стал всем великий Антоний и чтим всеми, и стали приходить к нему братья, и начал он принимать и постригать их, и собралось к нему братии числом двенадцать, и ископали пещеру великую, и церковь, и кельи, которые и до сего дня еще существуют в пещере под старым монастырем. <…>

В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю

мир этот, а вы, сыновья мои, имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет с вами и покорит вам врагов. И будете жить в мире. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которые добыли ее трудом своим великим; но слушайтесь брат брата, живите мирно. Вот я поручаю престол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, завещав им не переступать границы уделов других братьев и не изгонять их, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть своего брата, ты помогай тому, кого обижают». И так наставил сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда княжил в Турове, а Святослав во Владимире, а Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его при себе.

И пришел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою месяца февраля в 20-й день, в субботу первой недели поста, в день святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев, а попы пели положенные песнопения. Плакали о нем люди; и, принеся, положили его в гробе мраморном в церкви святой Софии. И оплакивали его Всеволод и весь народ. Жил же Ярослав всех лет семьдесят и шесть.

Начало княжения Изяслава в Киеве. В год 6563 (1055), придя, сел Изяслав на столе в Киеве, а Святослав в Чернигове, Всеволод же в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. <…>

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА[1]

Поучение

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут

---

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1997.— Т. 1: XI–XII века.

владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его.

Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо попрал меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: “Если есть награда праведнику, значит есть Бог, творящий суд на земле”». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое

воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, — говорит Господь. — Если будут грехи ваши как обагренные, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к Светодавцу, скажем: “Слава тебе, Человеколюбец!”»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю

нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», — и снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и, имея язык, онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, Господи, и

не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня: если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам

великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой

прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

Рассказ Мономаха о своей жизни

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охоте с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал, вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с

отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии, и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восьмью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна,

половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах, — Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но… убили, и не настигли их. И потом за Боняком гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусову со Святополком, и Бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двух сот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту угонивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но

если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие сбережение лучше человеческого.

Письмо Мономаха к Олегу Святославичу

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумению так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня

живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мной». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем,

послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

Подготовка текста О. В. Творогова, перевод и комментарии Д. С. Лихачева

НОВГОРОДСКАЯ ПЕРВАЯ ЛЕТОПИСЬ[1]

В 1136 г. новгородцы призвали псковичей и ладожан и задумали изгнать князя своего Всеволода (Мстиславича); посадили его в епископский

[1] Цит. по: Хрестоматия по Истории России: Учеб. пособие / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. — М., 2004.

двор с женой, детьми и тёщей, месяца мая 28, и стража с оружием сторожила его день и ночь, 30 мужей ежедневно. Сидел он два месяца, и отпустили его из города июля 15, а приняли его сына Владимира. А вот в чём обвиняли его: 1) не бережёт смердов, 2) зачем захотел сесть в Переяславле, 3) бежал с поля битвы впереди всех; а из-за того много убитых… В лето 1137, в начале года, 7 марта… бежал Константин посадник к Всеволоду, и несколько иных добрых мужей, и дали посадничать в Новгороду Якуну Мирославичу. В то же лето пришёл князь Всеволод Мстиславич в Псков, желая сесть опять на столе своём в Новгороде, позванный тайно новгородскими и псковскими мужами, его сторонниками: «Иди, князь, тебя опять хотят». И как услышано было, что Всеволод в Пскове с братом Святополком, и великий мятеж был в Новгороде, и побежали и другие к Всеволоду в Псков, и взяли на разграбление дома их, Константина, Нежаты и многих иных, да ещё и то искали, кто сторонник Всеволода из бояр, с тех взяли по полторы тысячи гривен, и дали купцам снаряжаться на войну; брали и не с виновных…

Новгородская первая летопись. М. — Л., 1950. С. 24—25.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ[1]

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоревом, Игоря Святославича? Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову!

Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1997. — Т. 4: XII век.

полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством, преисполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

О Боян, соловей старого времени! Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы вокруг нашего времени, возносясь по тропе Трояновой с полей на горы!

Так бы петь песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону великому». Или так пел бы ты, вещий Боян, внук Белеса: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве!»

Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле, Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй-Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрыто. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой: Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутараканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полуночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки беду будят по яругам, орлы клекотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

Долго темная ночь длится. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный затих, галичий говор пробудился. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранку в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и одеждами, и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям. Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь прокладывает к Дону великому.

На другой день раным-рано кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться, тут саблям иступиться о шлемы половецкие, на реке на Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

А вот уже ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вещают: «Половцы идут!», — от Дона, и от моря, и со всех сторон обступили они русские полки. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат головы поганых половцев, расщеплены саблями калеными шлемы аварские от твоей руки, Яр-Тур Всеволод! Какая рана удержит, братья, того, кто забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!

Были века Трояна, минули годы Ярослава, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в городе Тмутаракани, звон же тот слышал давний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. Бориса же Вячеславича жажда славы на смерть привела и на Канине зеленую паполому постлала ему за обиду Олега, храброму и молодому князю. С такой же Каялы и Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии, к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче засевалось и прорастало усобицами, гибло достояние Даждь-Божьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили, собираясь лететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а о такой рати и не слыхано! С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья булатные в поле чужом среди земли

Половецкой. Черная земля под копытами костьми посеяна, а кровью полита; бедами взошли они на Русской земле!

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями? Игорь полки заворачивает, ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир докончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась Обида в силах Даждь-Божьего внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском вспугнула времена обилия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю. А Игорева храброго полка не воскресить! Вслед ему завопила Карна, и Жля помчалась по Русской земле, сея горе людям из огненного рога. Жены русские восплакались, причитая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни очами не увидать, а золота и серебра и в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль потоками потекла по земле Русской. А князья сами себе невзгоды ковали, а поганые сами в победных набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора.

Ведь те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, непокорством зло пробудили, которое усыпил было отец их, — Святослав грозный великий киевский, — грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю Половецкую, протоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из Лукоморья, из

железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который потопил благоденствие в Каяле, реке половецкой, — русское золото рассыпали. Тогда Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольничье. Уныли городские стены, и веселие поникло.

А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черною паполомою на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, и из дебри Кисановой понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе разум нам застилает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмутаракани, либо испить шеломом Дону. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно стало на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними два молодых месяца тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла; по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великую радость пробудили в хинове. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилие по воле, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана. А мы, дружина, лишились веселия».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храбрые сердца из

твердого булата скованы и в дерзости закалены. Что же учинили вы моим серебряным сединам!

А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Все они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедней славой. Но сказали вы: “Помужествуем сами: мы и прежнюю славу поддержим, а нынешнюю меж собой разделим”. Но не диво ли, братия, старику помолодеть! Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот мне беда — княжеская непокорность, вспять времена повернули. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол поберечь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, храбрый Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злаченными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями каленными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремена за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

А ты, храбрый Роман, и Мстислав! Храбрые помыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в дерзости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под шлемами латинскими. Потому и дрогнула земля, и многие народы — хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы — копья свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже поспели на брань.

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда шестокрыльци! Не по праву побед расхитили себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и сулицы польские, и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет у тех грозных полочан под кликами поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен. <…> И сказал: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизади». Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго своего тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские.

Ярославовы все внуки и Всеславовы! Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо потеряли уже дедовскую славу. В своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово. Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна бросил Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью поднялся... достиг града Киева и коснулся копьем своим золотого престола киевского. А от них бежал, словно лютый зверь, в полночь из Белгорода, окутанный синей мглой, трижды добыл победы: отворил ворота Новгороду, разбил славу Ярославову, скакнул волком на Немигу с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добрым засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до рассвета дорыскивал до Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перебегал. Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку молвил, мудрый: «Ни хитрому, ни удачливому <...> суда Божьего не избежать!».

О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне одни стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, и порознь их хоругви развеваются. Копья поют. <...>

На Дунае Ярославнин голос слышится, одна-одинешенька спозаранку как чайка кличет. «Полечу, — говорит, — чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле».

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, так сильно веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна с утра плачет на стене города Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе ладьи Святославовы до стана Кобякова. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море».

Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыка, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки расслабило, горем им колчаны заткнуло».

Вспенилось море в полуночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит и не спит: Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь горностаем прыгнул в тростники, белым гоголем — на воду, вскочил на борзого коня, соскочил с него босым волком, и помчался к лугу Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхивая с себя студеную росу: загнали они своих быстрых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь сказал: «О Донец! Разве не мало тебе славы, что лелеял ты князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями в ветрах» Не такая, говорят, река Стугна: бедна водою, но, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, а дерево в тоске к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, — расстреляем соколенка своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: «Олега кагана жена! Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом — молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй-Тур Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, выступая за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ[1]

В год 6732 (1224). Пришло неслыханное войско, безбожные моавитяне, называемые татарами; пришли они на землю Половецкую. Половцы пытались сопротивляться, но даже самый сильный из них Юрий Кончакович не мог им противостоять и бежал, и многие были перебиты — до реки

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1997. — Т. 5: XIII век.

Днепра. Татары же повернули назад и пошли в свои вежи. И вот, когда половцы прибежали в Русскую землю, то сказали они русским князьям: «Если вы нам не поможете, то сегодня мы были побиты, а вы завтра побиты будете».

Был совет всех князей в городе Киеве, и решили на совете так: «Лучше нам встретить их на чужой земле, чем на своей». На этом совете были Мстислав Романович Киевский, Мстислав Козельский и Черниговский и Мстислав Мстиславич Галицкий — они были старейшими князьями Русской земли. Великого же князя Юрия Суздальского на том совете не было. А младшие князья были Даниил Романович, Михаил Всеволодич, Всеволод Мстиславич Киевский и иных князей много. Тогда же крестился великий князь половецкий Басты. Василька там не было, он по молодости остался во Владимире.

Оттуда пришли они в апреле месяце и подошли к реке Днепру, к острову Варяжскому. И съехалось тут с ними все кочевье половецкое, и черниговцы приехали, киевляне и смоляне и иных земель жители. И когда переходили Днепр вброд, от множества людей не видно было воды. Галичане и волынцы пришли каждый со своим князем. А куряне, трубчане и путивльцы, каждый со своим князем, пришли на конях. Изгнанники галицкие прошли по Днестру и вышли в море — у них была тысяча лодок,— вошли в Днепр, поднялись до порогов и стали у реки Хортицы на броде у быстрины. С ними был Юрий Домамирич и Держикрай Владиславич.

Дошла до стана весть, что пришли татары посмотреть на русские ладьи; услышав об этом, Даниил Романович поскакал, вскочив на коня, посмотреть на невиданную рать; и бывшие с ним конники и многие другие князья поскакали смотреть на нее. Татары ушли. Юрий сказал: «Это стрелки». А другие говорили: «Это простые люди, хуже половцев». Юрий Домамирич сказал: «Это ратники и хорошие воины».

Вернувшись же, Юрий все рассказал Мстиславу. Молодые князья сказали: «Мстислав и другой Мстислав, не стойте! Пойдем против них!» Все князья, Мстислав, и другой Мстислав, Черниговский, перешли через реку Днепр, к ним перешли и другие князья, и все они пошли в половецкую степь. Они перешли Днепр во вторник, и встретили татары русские полки. Русские стрелки победили их, и гнали далеко в степь, избивая, и захватили их скот, и со стадами ушли, так что все воины обогатились скотом.

Оттуда они шли восемь дней до реки Калки. Встретили их татарские сторожевые отряды. Сразились сторожевые отряды, и был убит Иван Дмитриевич и еще двое с ним.

Татары отъехали; около самой реки Калки встретились татары с русскими и половецкими полками. Мстислав Мстиславич повелел сначала перейти реку Калку Даниилу с полком и другим полкам с ними, а сам после них переехал; сам он ехал в сторожевом отряде. Когда он увидел татарские полки, то приехал сказать: «Вооружайтесь!» Мстислав Романович и другой Мстислав сидели в стане и ничего не знали: Мстислав им не сказал о происходящем из-за зависти, потому что между ними была большая вражда.

Сошлись полки вместе. Даниил выехал вперед, и Семен Олюевич и Василько Гаврилович ударили в полки татарские, и Васильке был ранен. А сам Даниил, будучи ранен в грудь, по молодости и храбрости не почувствовал ран на теле своем. Ему было восемнадцать лет, и он был силен.

Даниил крепко боролся, избивая татар. Увидел это Мстислав Немой и, подумав, что Даниил ранен, сам бросился на них, ибо был он муж сильный; он был родственником Роману от рода Владимира Мономаха. Он очень любил отца Даниила, а тот поручил ему свою волость после своей смерти, чтобы отдать ее князю Даниилу.

Когда татары обратились в бегство, Даниил избивал их со своим полком, и Олег Курский крепко бился с ними, но новые полки сразились с ними. За грехи наши побеждены были русские полки.

Даниил, увидев, что разгорается сражение и татарские лучники усиленно стреляют, повернул своего коня под напором противника. Пока бежал он, сильно захотел пить, а напившись, почувствовал рану на теле своем, которую не заметил во время боя из-за мужества и силы возраста своего. Ибо был он отважен и храбр, от головы до ног не было у него изъянов.

Побеждены были все русские князья. Такого же никогда не бывало. Татары, победив русских людей из-за прегрешений христиан, пришли и дошли до Новгорода Святополкова. Русские же, не ведая о их лживости, вышли навстречу им с крестами, и были все перебиты.

Ожидая покаяния христиан, Бог повернул татар назад на восточную землю, и они завоевали землю Тангутскую и иные страны. Тогда же их Чингисхан был убит тангутами. Татары же обманули тангутов и впоследствии погубили обманом. И другие страны они погубили — ратью, а больше всего обманом.

Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО[1]

Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра

Во имя Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия.

Я, худой и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярославова, внука Всеволодова. Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святом, и честном, и славном житии его. Но как сказал Приточник: «В лукавую душу не войдет премудрость: ибо на возвышенных местах пребывает она, посреди дорог стоит, при вратах людей

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1997. — Т. 5: XIII век.

знатных останавливается». Хотя и прост я умом, но все же начну, молитвою святой Богородицы и помощью святого князя Александра.

Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего — кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк: «Так говорит Господь: “Князей я ставлю, священны ибо они, и я веду их”». И воистину — не без Божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иоатапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и повернул выступивших против него к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею, и укорил ее, сказав: «Оставили меня одного». Так же и князь Александр — побеждал, но был непобедим.

Потому-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божьими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: «Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей».

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской из Полуночной земли подумал про себя: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромной силой, пыхая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою».

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем и вошел в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ». И, припомнив слова пророка, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне».

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, утер слезы и сказал, чтобы ободрить дружину свою: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: “Иные с оружием, а иные на конях, мы же имя Господа Бога нашего призываем; они повержены были и пали, мы же выстояли и стоим прямо”». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на Святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав, не ведал о нашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против врага в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба.

И был один муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелугий, ему поручен был ночной дозор на море. Был он крещен и жил среди народа своего, бывшего язычниками, наречено же было имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его Бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему об их станах. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце,

он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, устрашенный, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Не рассказывай этого никому».

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил печать острого копья своего.

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра.

Первый — по имени Таврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по Божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй — по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий — Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый — из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши шатра падение, возрадовались.

Шестой — из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от тех, кто участвовал в то время в этой битве.

Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришел Сеннахириб, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и когда настало утро, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

На второй же год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, а их самих — одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив.

После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великой силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: «Покорим себе словенский народ».

А был ими уже взят город Псков и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их разорил и пожег и пленных взял

бесчисленное множество, а других перебил. Немцы же, гордые, собрались и сказали: «Пойдем, и победим Александра, и захватим его».

Когда же приблизились немцы, то проведали о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец же Александра Ярослав прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. И у князя Александра тоже было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и крепких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их как сердца львов, и воскликнули: «О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: «Суди меня, Боже, рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка».

Была же тогда суббота, и когда взошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так он победил врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство, Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А того, кто сказал: «Захватим Александра», — отдал Бог в руки Александра. И никогда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя «Божьими рыцарями».

И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены, и священники, и весь народ встретили его перед городом с крестами, воздавая

хвалу Богу и прославляя господина князя Александра, поюще песнь: «Ты, Господи, помог кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему оружием крестным освободить город Псков от иноязычников рукою Александровою».

И сказал Александр: «О невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал Господь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но забыли все это они и Бога своего, избавившего их от плена египетского».

И прославилось имя его во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима.

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд и многих князей их перебил, а иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали с того времени бояться имени его.

В то же время был в Восточной стране сильный царь, которому покорил Бог народы многие, от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: «Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие народы? Что же — один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приезжай скорее ко мне и увидишь славу царства моего».

После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские начали стращать детей своих, говоря: «Александр едет!»

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему». Почтив же его достойно, он отпустил Александра.

После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его Андрея и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исайя-пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смиренен — и тем подобен Богу». Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и Бог помогает, ибо Бог не ангелов любит, но людей в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое.

Наполнил же Бог землю Александра богатством и славою и продлил Бог лета его.

Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: “Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших — Агалдада и Ремонта, чтобы послушал ты речи их о законе Божьем”».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождества, от рождества Христова и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого – обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Они же возвратились восвояси.

И умножились дни жизни его в великой славе, ибо любил священников, и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу.

Было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей своих от этой беды.

А сына своего Дмитрия послал в Западные страны, и все полки свои послал с ним, и близких своих домочадцев, сказав им: «Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей». И пошел князь Дмитрий в силе великой, и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился в Новгород со множеством пленных и с большой добычею.

Отец же его великий князь Александр возвратился из Орды от царя, и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся. О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то в гроб бы сошел с ним!

Много потрудившись Богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и больший чин принять – схиму. И так с миром Богу дух свой предал месяца ноября в четырнадцатый день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!» Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые, и все люди восклицали: «Уже погибаем!»

Святое же тело Александра понесли к городу Владимиру. Митрополит же, князья и бояре и весь народ, малые и большие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, даже земля содрогнулась. Положено же было тело его в церкви Рождества святой Богородицы, в великой архимандритье, месяца ноября в 24 день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и взял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и слегка отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивится тому чуду, ведь тело его душа покинула и везли его из дальних краев в зимнее время!

И так прославил Бог угодника своего.

Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой

ЖИТИЕ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО[1]

В год 6800. Убиение благоверного и христолюбивого великого князя Михаила Ярославича, месяца ноября в 22 день

Благослови, отче.

<…>

Сего блаженного великого князя Михаила Ярославича не подобает оставлять в забвении, нет, следует его поставить на подсвечник проповедания, чтобы все, видя свет жития богоразумного князя, его терпения, его последних страданий, просветили свои мысленные сердца светом немеркнущей благодати. <…>

После великого жестокого пленения русского минуло 34 года.

Блаженный, приснопамятный и боголюбивый великий князь Михаил был сыном великого князя Ярослава, внуком же великого князя блаженного [Ярослава] Всеволодича, скончавшегося тяжкою смертью в Орде за христиан. Родился же он от блаженной, воистину преподобной матери, великой княгини Ксении; и воспитала его святая та и премудрая мать в страхе Господнем и научила святым книгам и всякой премудрости.

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1999. — Т. 6: XIV — середина XV века.

Когда княжил он в вотчине своей в Твери, преставился великий князь Андрей в Твери, благословив на своей стол, на великое княжение христолюбивого великого князя Михаила, которому по старшинству дошёл черед великого княжения. И пошёл он в Орду к царю, ибо и прежде его бывшие князья имели обычай принимать там великое княжение.

В то же время племянник его князь Юрий пошёл тоже в Орду. И когда был он во Владимире, блаженный и приснопамятный митрополит всея Руси Максим со многими мольбами, запрещая ему идти в Орду, говорил: «Я тебе порукой буду, с княгинею, с матерью князя Михаила, — чего захочешь из отчины вашей, то тебе и даст». И он пообещал [ему], сказав: «Хотя я, отче, и пойду, но не стану искать великого княжения».

И когда был он в Орде, не хотящий добра роду христианскому дьявол вложил в сердце князьям татарским [мысль] столкнуть братьев, и сказали они князю Юрию: «Ежели ты даёшь дани больше князя Михаила, то будет тебе великое княжение». Так обратили они сердце его, и начал искать он великого княжения. Таков обычай поганых и до сего дня, — посеяв вражду между братьями, князьями русскими, себе многие дары они принимают.

И была распря великая между ними, и была тягота великая на Руси за наши беззакония и прегрешения. <…> Но милостию пречистой Богородицы и всех святых пришёл благоверный великий князь Михаиле и посажен был на столе деда и отца своего у святой Богородицы во Владимире блаженным и преподобным Максимом, митрополитом всея Руси.

И когда прокняжил он год на великом княжении, воцарился [в Орде] другой царь, именем Узбек. И увидел Бог мерзкую веру сарацинскую; и от того времени не стали [татары] щадить рода христианского. <…> Но мы расскажем о том, что случилось.

От того времени началась вражда между князьями этими, и ещё заключали мир между собою многажды, но враг дьявол снова подымал рать. И когда опять были князья в Орде, была распря великая между ними; и

оставили [татары] Юрия у себя в Орде, а князя Михаила отпустили на Русь. И прошёл год, и снова беззаконные измаильтяне, ненасытившиеся от мздоимства, одного [богатства] желающие, получив много серебра, дали Юрию великое княжение и отпустили с ним на Русь одного из князей своих, беззаконного треклятого Кавгадыя. Блаженный же великий князь Михаиле встретил его с воинами своими, и послал ко князю Юрию и сказал: «Брат, если тебе дал Бог и царь великое княжение, то я уступлю тебе княжение, но в мою землю не вступай». И, распустив воинов своих, пошёл в свою вотчину со своими домочадцами.

И снова не унимается дьявол, желает кровопролития, что и случилось за грехи наши. Пришёл князь Юрий войной на Тверь, собрав всю землю Суздальскую, а с кровопийцем Кавгадыем множество татар, и бусурман, и мордвы, — и начали жечь города и села. <…> И сожгли всю волость Тверскую до Волги, и пошли на другой берег Волги, и хотели в той стороне то же сотворить.

Блаженный же великий князь Михайло, призвав епископа своего, князей и бояр, сказал им: «Братия, видите, уступил я княжение брату моему младшему, и дань дал; и после того сколько зла сотворили в отчине моей, я же терпел это от них, чаял, что прекратится злодеяние это. Теперь же вижу, уже головы моей они хотят. И ныне я не скрываюсь, в чём пред ним виноват был или в чём сейчас виноват, скажите мне». Они же, словно едиными устами, со слезами сказали: «Господин [наш], прав ты во всём пред племянником своим. Ты так в смирении всё сделал, а он взял всю волость твою, и на другом берегу в вотчине твоей то же хотят сотворить. Ныне же, господин, пойди против них, а мы за тебя хотим жизнью своей постоять». <…>

И утвердившись честным крестом пошли они против войска. И как приблизились, стало видно ратников бесчисленное множество; как сошлись полки, сделалась сеча великая; уже не могут битвы выдержать противники и

показали плечи свои; милостью святого Спаса и пречистой его Матери и с помощью великого архангела Михаила победил великий князь Михайло; и было видно бесчисленное множество воинов, падающих ранеными под [ноги] коней, как снопы в жатву на ниве.

Князь Юрий, видя воинов своих, распуганных, как птицы в стае, отъехал к Торжку с малой дружиной, а оттуда быстро к Новгороду. А окаянного Кавгадыя, от которого случилась последняя горькая погибель, с [его] ближними повелел великий князь побить [и обезоружить].

Победа эта случилась месяца декабря в 22 день, на память святой мученицы Анастасии, в четверг, в часы вечерние. У самого же великого князя Михаила было видно, что все доспехи его изрублены, а на теле его не было никакой раны. <…> Так вот и был он тогда сохранён великим архангелом Михаилом. И избавил от плена множество душ, бывших в скверных руках поганых, и возвратился в своё отечество с великою радостию. Привёл окаянного Кавгадыя в свой дом, и много почтив его и одарив, отпустил восвояси. <…>

А князь Юрий собрал множество новгородцев и псковичей и пошёл к Твери. И встретил его благоверный великий князь Михаиле против Синеевского. И не хотя видеть нового кровопролития за столь малое время, разошлись они и целовали крест. И сказал блаженный князь Михаиле: «Пойдем, брат, оба в Орду, пожалуемся вместе царю, только чтоб чем-нибудь помочь этим христианам». Князь же Юрий вместе с Кавгадыем пошли наперёд в Орду, взяв с собой всех суздальских князей и бояр из городов и из Новгорода. И по повелению [князя Юрия] окаянный Кавгадый, написав много лжи, свидетельствовал на блаженного Михаила.

Князь же Михаиле послал сына своего Константина в Орду, и сам пошёл в Орду после сына своего Константина, благословясь у епископа своего Варсонофия, и у игуменов, и у попов, и у отца своего духовного игумена Ивана. <…>

Он же пошёл к Владимиру. Приехал посол от царя и сказал: «Зовёт тебя царь. Поезжай скоро, если за месяц не приедешь, то он уж и войско назначил на твой город. Оговорил тебя Кавгадый перед царём и сказал: “Не бывать ему в Орде”».

Думали его бояре и сказали: «Сын твой в Орде, и ещё другого пошли сына своего». Также и [два его сына] сказали ему: «Господин [наш]! Отец дорогой! Не езди сам в Орду, кого хочешь из нас, того и пошли, ведь ты оговорён перед царём, подожди, пока минет гнев его».

Сильный же умом, исполнившись смирения, сказал [им]: «Видите, чада, что царь не требует ни вас, детей моих, ни кого иного, а моей головы хочет. Если я куда-нибудь уклонюсь, а отчина моя вся в полоне перебита будет, — ведь мне же умирать после этого; так лучше мне ныне положить душу свою за многие души». <…> Когда разлучились, в унынии и в слезах, отпустил он их [сыновей] в своё отечество, дав им дар — написав грамоту, разделил им отчину свою, и с тем отпустил их.

Когда же пришёл он в Орду, месяца сентября в 6 день, на память чуда великого архангела Михаила, на устье реки Дона, там, где впадает она в море Сурожское, встретил его князь Константин, сын его. Царь же дал ему пристава, не давая никому его в обиду. <…> И когда пробыл он в Орде полтора месяца, сказал царь князьям своим: «Что мне наговаривали на князя Михаила? Устроим им суд с князем Юрием: кого признаете правым, того хочу пожаловать, а виноватого казни предать». <А не ведаешь, окаянный, что своею казнью сплел ты ему венец пресветлый!>

В один из дней собрались все князья ордынские за двором его, сели в одной веже и выложили множество грамот с многими измышлениями на блаженного князя Михаила и сказали: «Много дани ты взял с городов наших, а царю не отдал». Истинный же Христов страдалец князь Михаиле отвечал, любя истину, со всей правдой и обличал их лживое свидетельство. О таковых судиях было сказано: «Поставлю властителя, ругателя и судию

немилостивого». Так и нечестивый Кавгадый сам был судьёй и, судя, сам же был и лжесвидетелем, покрывая своею ложью правдивую речь верного Михаила. И наговорил он множество измышлений и вин на блаженного непорочного Христова воина, оправдывая свою сторону.

Когда прошла неделя после того суда, в день субботний, снова вышло от нечестивых беззаконное повеление: поставили и пред другим судом блаженного Михаила, связанным, и вынесли ему неправедное осуждение, сказав [ему]: «Ты царевой дани не дал, против [нас] выступить осмелился и княгиню Юрьеву повелел уморить». Благоверный же князь Михаиле со многими доказательствами говорил: «Сколько своих сокровищ передавал я царю и князьям, ведь все это переписано», — и как посла он избавил [от гибели] на поле битвы и с большой честью отпустил, а про княгиню Бога в свидетели призывал, говоря, что «и на мысли того у меня не было». Эти же беззаконники, по сказанному пророком: «уши имеют и не слышат правды, уста имеют и не говорят, глаза имеют и не видят», ибо ослепила их собственная злоба, — и не прислушались они к словам блаженного, но решили промеж себя: «Поношением и узами опутаем его и безобразной смертью осудим его, ибо не годится он нам, не последует он нашим нравам».

Как пожелали зла, так и сотворили. В ту же ночь приставили от семи князей семь сторожей, и иных немало, и положили перед блаженным множество уз железных, собираясь заковать ноги его. Взяли, [что хотели], из одежды его, поделили [между собой] и в ту ночь почти не облегчили его от уз железных, так связанным и пробыл он всю ночь. <…>

Наутро же в воскресенье по повелению беззаконных возложили великую колоду из тяжелого дерева на шею святого, показывая, что предстоит ему принять позорное мучение, и приняв его, благодарил он Господа Бога с радостью и со слезами. <…>

И повелели беззаконные вести святого вслед за царём, ибо отправился царь на охоту. <…>

Когда беззаконные те стражи в ночи забивали в ту колоду святые руки его, то он, мучимый таким образом, не переставая пел Псалтирь, а один отрок его сидел, переворачивая листы. <…>

Так всё время славил он Бога со слезами, днём же всегда можно было видеть, как он светлым, веселым взором и сладкими словами утешал дружину свою. <…>

После того как провёл святой 24 дня в несказанном терпении, нечестивый Кавгадый, с ядом аспидным под своими устами, досаждая вновь душе долготерпеливого князя Михаила, повелел привести его на торжище в таком унижении, созвал всех заимодавцев и повелел поставить святого пред собою на колени: величался беззаконный властью над преподобным и много обидных слов говорил преподобному. Потом сказал: «Знай, Михаил, таков царев обычай: если будет кто ему нелюб, хоть и своего племени, то такую колоду возлагают на него. Когда же минет царский гнев, то снова в прежнюю честь царь введёт его. Завтра утром тягота эта отойдет от тебя, потом в большой чести будешь». <…>

И терпел блаженный князь Михаил несказанную ту муку 26 дней. <…> Когда явился пред ним сын его Константин, стал он давать наказ ко княгине и сыновьям, наказ про отчину свою, и про бояр, и про тех, кто с ним был, вплоть до самых низших, с ним бывших, веля о них позаботиться. А потом уж и час его приблизился, и сказал он: «Дайте мне Псалтырь, ибо сильно скорбит душа моя». Ибо чувствовал он сердцем — при дверях уже святой зватай по блаженную его душу. <…>

В тот час окаянный Кавгадый вошёл к царю — и вышел с повелением на убиение блаженного Михаила. Тот же читал: «Сердце моё смутилось во мне, и страх смерти напал на меня». И сказал попам: «Отци [мои], прочтите псалом сей, скажите [его] мне». Они же не хотели ещё больше смущать его: «Тут, господине, известно всё это, сказано в последнем стихе: возверзи на Господа печаль твою, и он поддержит тебя, не даст никогда поколебаться

праведнику». Он же снова прочёл: «Кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился, я удалился бы далеко и водворился в пустыне, уповая на Бога, спасающего меня».

Когда водили блаженного Михаила с царём на охоту, говорили ему слуги его: «Вот, господине, проводники и кони готовы, убеги в горы — спасешь жизнь». Он же сказал: «Не дай мне Бог этого сделать, никогда в жизни своей такого не делал. Если куда-нибудь убегу, а дружину свою оставлю в такой беде, какую же я похвалу получу [за это]. Да будет воля Господня».

И сказал: «Если бы меня враг Кавгадый поносил — это я перенёс бы, но ненавистник мой величается надо мною, и нет в нём перемены, я же, Господи, уповаю на тебя». И так окончил псалом и, закрыв Псалтырь, отдал отроку.

И вот в этот момент один из отроков его вбежал в вежу с побледневшим лицом и пресёкшимся голосом: «Господине княже, вот уже едут из Орды Кавгадый и князь Юрий с множеством народа прямо к твоей веже!» Он же быстро встал и, вздохнув, сказал: «Знаю я, для чего едут, — чтобы убить меня». И отослал сына своего Константина к царице. Страшно было в тот час, братия, видеть множество стремящихся поглядеть на блаженного князя Михаила. Кавгадый же и князь Юрий послали убийц, а сами слезли с коней на торжище, ибо недалеко был торг этот, можно было камнем добросить.

Убийцы же, будто дикие звери, немилостивые кровопийцы, разогнав всю дружину, вскочили в вежу и увидали его стоящим. И так, схватив его за колоду, что была на шее его, ударили сильно и швырнули на стену — и проломилась стена. Он же снова вскочил, и тогда множество людей набросилось на него, повалили на землю и стали бить его беспощадно ногами. И один из беззаконников, по имени Романец, вытащил нож и ударил святого в грудь, справа, и, вращая нож туда и сюда, вырезал честное и

непорочное сердце его. И так предал святую свою блаженную душу в руки Господу великий христолюбивый князь Михаиле Ярославич месяца ноября в 22 день, в среду, в 7 часов дня, и приобщился к лику святых вместе со сродниками своими с Борисом и Глебом и тезоименником своим Михаилом Черниговским. И принял из руки Господней венец неувядаемый, к которому так стремился.

<…>

Ещё чудеснее сотворил Бог своею чудною и несказанною милостью: из столь дальней страны везли тело святого на телеге и в санях, потом целый год стояло оно в Москве, и осталось всё тело цело и нетленно. Да как можем достойно восхвалить, блаженный княже...

Подготовка текста В. И. Охотниковой и С. А. Семячко, перевод и комментарии С. А. Семячко

ЗАДОНЩИНА[1]

Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамая

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича, и сказал он: «Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в Залесскую землю».

Пойдем, братья, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. И после того посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове — поганые татары, басурманы. Вот они-то на реке на

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1999. — Т. 6: XIV — середина XV века.

Каяле и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела; от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая, — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое, и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — удел Симов, и восхвалим победу над поганым Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше ведь, братья, возвышенными словами вести нам этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем рассказывать о их деяниях по делам и по былям... Вспомним давние времена, восхвалим вещего Бояна, искусного гусляра в Киеве. Тот ведь вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония и восхвалю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись Богу и пречистой его Матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят знамена русские у Дона Великого на берегу.

Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у храма святой Софии и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?» И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода и с ними семь тысяч войска к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорили таково слово: «У Дона стоят татары поганые, Мамай-царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти и с жизнью своей расстаться нам во славу».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим землю, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на

обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!»

О соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Дмитрия, да Дмитрия Волынского! Те ведь — сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!»

И сказал ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю Русскую, и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червленными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам, — сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников».

Вот уже, братья, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кровавые зарницы, и в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, потечь кровью Непрядве-реке!

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали, и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси загоготали, и не лебеди крыльями заплескали: то поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уже гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чуя.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколы, и кречеты, белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые, — то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня, и взял свой меч в правую руку, и помолился Богу и пречистой его Матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указует, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? То князь Владимир Андреевич полки устанавливает и ведет их к Великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже поставлены — семьдесят бояр, и отважны

князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михаиле Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все как один готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты, — то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копья каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля залита. Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, а реки, потоки и озера замутились. Кликнул Див в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно молнии сверкали, и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с погаными татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, а гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой Богородицы.

Не туры возревели у Дона Великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона Великого, а посечены князья русские, бояре и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые погаными татарами князья белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михаиле Иванович и много иных из дружины.

Пересвета-чернеца, брянского боярина, на суженое место привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам убитым быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона Великого на берегу.

В такое время старому человеку следует юность вспомнить, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя-чернец своему брату старцу Пересвету: «Брат Пересвет, вижу на теле твоем раны тяжкие, уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве, за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились.

Запели птицы жалостные песни — запричитали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!» И жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего

государя Тимофея Волуевича живым!» А Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удальцы с борзых коней на суженом месте на поле Куликовом, на речке Непрядве!»

А уже Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными.

Щуры запели жалостные песни в Коломне на забралах городских стен, на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не щуры рано запели жалостные песни — запричитали жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Так говорили они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, а Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь, князь великий, у Оки-реки ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на ратях».

В тот же день, в субботу, на Рождество святой Богородицы, разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И восхвалил он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили — столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской. Не медли, князь великий, со своими боярами».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть».

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи Боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он Богу, и пречистой его Матери, и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда, как соколы, стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско. И сказал: «Брат, князь Владимир Андреевич, — тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападем, брат, своими полками сильными на рать татар поганых».

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганые прикрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые спасаются бегством, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князья их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны и кровью их реки потекли. Тут рассыпались поганые в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и даней нам у русских князей не прашивать». Вот уже застонала земля татарская, бедами и горем наполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже веселье их поникло.

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогое узорочье, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликованье. Преодолела слава русская хулу поганых. Уже низвергнут Див на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслись. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамая-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя орда Залесская. Далеко тебе до Батыя-царя: у Батыя-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. Наказал тогда Бог Русскую землю за ее прегрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девять в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве-ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!»

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и Господь Бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские словно сенные стога у Дона Великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей недостает?»

Тогда отвечает Михаиле Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцати бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят три тысячи. И помиловал Бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ[1]

О сражении на Дону и о том, как великий князь бился с Ордой

Пришел ордынский князь Мамай с единомышленниками своими, и со всеми прочими князьями ордынскими, и со всеми силами татарскими и половецкими, наняв еще к тому же войска бесермен, армен, фрягов, Черкасов, и ясов, и буртасов! Также собрался с Мамаем, единомыслен с ним и единодушен, и литовский князь Ягайло Ольгердович со всеми силами литовскими и польскими, и с ними же заодно Олег Иванович, князь рязанский. Со всеми этими сообщниками пошел Мамай на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его князя Владимира Андреевича. Но человеколюбивый Бог хотел спасти и освободить род христианский молитвами пречистой его Матери от порабощения измаилтянского, от поганого Мамая, и от сборища нечестивого Ягайла, и от велеречивого и ничтожного Олега Рязанского, не соблюдшего своей веры христианской. И будет ему, исчадию ада и ехидне, суд в великий Господень день!

Окаянный же Мамай возгордился, возомнив себя царем, начал злой заговор плести, созывать своих поганых темников-князей и сказал им: «Пойдем на русского князя и на всю землю Русскую, как было при Батые. Христианство погубим, а церкви Божий сожжем, и кровь христианскую прольем, а законы их изничтожим». И это потому, что нечестивый люто гневался из-за своих друзей и любимцев, из-за князей, убитых на реке Воже. И начал неистово и поспешно силы свои собирать, в ярости двинувшись и в силе великой, желая пленить христиан. И тогда двинулись все племена татарские.

И начал Мамай посылать в Литву, к нечестивому Ягайлу, и к хитрому сотонщику, сообщнику дьявола, отлученному от Сына Божия, помраченному тьмою греховной и не хотящему уразуметь — Олегу Рязанскому, помощнику

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1999. — Т. 6: XIV — середина XV века.

бесерменскому, лживому сыну, как сказал Христос: «От нас вышли и на нас поднялись». И заключил старый злодей Мамай бесчестное соглашение с поганой Литвой и душегубцем Олегом: собраться им у Оки-реки в Семенов день на благоверного князя.

А душегубец Олег начал зло к злу прилагать: послал к Мамаю и к Ягайлу своего боярина-единомышленника, антихристова предтечю, именем Епифана Кореева, веля им прийти в указанный день, и тот же уговор подтвердил — собраться у Оки с трехголовыми зверьми-сыроядцами и кровь пролить. О, враг и изменник Олег, лихоимства являешь примеры, а не ведаешь, что меч Божий угрожает тебе, ибо пророк сказал: «Оружие обнажили грешники и натянули лук, чтоб убивать во мраке праведников. И оружие их вонзится в сердца их, и луки их сокрушатся».

И когда наступил август, пришли из Орды вести к христолюбивому князю, что поднимается на христиан измаилтянский род. Олег же, отступивший уже от Бога, так как злой сговор учинил с погаными, послал к князю Дмитрию с лживой вестью: «Мамай идет со всем своим царством в мою землю Рязанскую на меня и на тебя, а знай и то, что идет на тебя и литовский Ягайло со всеми силами своими».

Князь же Дмитрий, услышав, что настало недоброе время, что идут на него все царства, творящие беззаконие, и, промолвив: «Еще в наших руках сила», — пошел к соборной церкви матери Божьей Богородицы и, обливаясь слезами, произнес: «Господи, ты всемогущий, всесильный и твердый в бранях, поистине ты царь славы, сотворивший небо и землю, — помилуй нас молитвами пресвятой Матери, не оставь нас, когда отчаиваемся! Ты ведь Бог наш, и мы — люди твои, протяни руку свою свыше и помилуй нас, посрами врагов наших и оружие их притупи! Могуч ты, Господи, и кто воспротивится тебе! Вспомни, Господи, о милости своей, которую искони оказываешь роду христианскому! О, многоименитая Дева, госпожа, царица чинов небесных, вечная владычица всей вселенной и всей жизни человеческой

кормительница! Вознеси, госпожа, руки свои пречистые, в которых носила Бога воплощенного! Не презри нас, христиан, избавь от сыроядцев и помилуй меня!»

И, встав с молитвы, вышел из церкви и послал за братом своим Владимиром, и за всеми князьями русскими, и за великими воеводами. И обратился к брату своему Владимиру и ко всем князьям и воеводам: «Пойдем против окаянного, и безбожного, и нечестивого, и темного сыроядца Мамая за правоверную веру христианскую, за святые церкви, и за всех младенцев и старцев, и за всех христиан, живых и усопших. И возьмем с собою скипетр царя небесного — неодолимую победу, и восприимем Авраамову доблесть». И воззвав к Богу, сказал: «Господь, прислушайся к мольбе моей, Боже, на помощь мне поспеши! Пусть устыдятся враги, и посрамлены будут, и узнают, что имя твое — Господь, что ты — один всевышний во всей земле!»

И, соединившись со всеми князьями русскими и со всеми силами, вскоре выступил против них из Москвы, чтобы защитить свою отчину. И пришел в Коломну, собрал воинов своих сто тысяч и сто, помимо князей и воевод местных. От начала мира не бывало такой силы русской — князей русских, как при этом князе. А всех сил и всех ратей числом в полтораста тысяч или двести. К тому же еще подоспели в тот ратный час издалека великие князья Ольгердовичи поклониться и послужить: князь Андрей Полоцкий с псковичами и брат его — князь Дмитрий Брянский со всеми своими мужами.

В то время Мамай встал за Доном, со всем своим царством, бушуя, и кичась, и гневаясь, и стоял три недели. Пришла к князю Дмитрию еще одна весть: сказали ему, что Мамаево войско за Доном собралось и в поле стоит, поджидая на помощь Ягайла с литовцами, чтобы, когда соединятся, одержать сообща победу. И послал Мамай к князю Дмитрию дани просить не по своему договору, а как было при царе Джанибеке. Христолюбивый же князь, не желая кровопролития, хотел ему выплатить дань посильную для христиан

и по своему договору, как было установлено с ним. Тот же не захотел и высокомерничал, ожидая своего нечестивого сообщника литовского.

Олег же, отступник наш, присоединившись к зловерному и поганому Мамаю и к нечестивому Ягайлу, стал дань ему платить и войско свое к нему посылать на князя Дмитрия. Князь же Дмитрий узнал о хитрости коварного Олега, кровопийцы христианского, нового Иуды-предателя, неистовствующего на своего повелителя. И, тяжко вздохнув, князь Дмитрий произнес из глубины сердца своего: «Господи, заговор неправедных сокруши и развязавших войну погуби, не я начал кровь христианскую проливать, но он, Святополк новый! Воздай же ему, Господи, семьюжды семь раз, ибо во тьме ходит и забыл благодать твою! Поострю, как молнию, меч мой, и прииму суд в руки свои, воздам месть врагам и ненавидящим меня воздам, и напою стрелы мои кровью их, чтобы не говорили неверные: “Кто бог их?” Отврати, Господи, лицо свое от них и покажи им, Господи, все зло их напоследок, ибо род их развращен и нет веры у них в тебя, Господи! И излей на них гнев твой, Господи, на народы, не ведающие тебя, Господи, и имени твоего святого не призывающие! Какой бог более велик, чем Бог наш! Ты один Бог, творящий чудеса!»

И, помолившись, пошел к Пречистой и к епископу Герасиму и сказал ему: «Благослови меня, отче, пойти на этого окаянного сыроядца Мамая, и нечестивого Ягайла, и изменника нашего Олега, отступившего от света в тьму». И епископ Герасим благословил князя и воинов его всех пойти на нечестивых агарян.

И вышел из Коломны в великом множестве против безбожных татар месяца августа двадцатого дня, уповая на милосердие Божие и на пречистую его матерь Богородицу, на приснодеву Марию, призывая на помощь святой крест. И, пройдя свою отчину и великое свое княжение, встал у Оки в устье Лопасни, перехватывая вести от поганых. Сюда же приехал Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич, и все остальное войско,

которое оставалось в Москве. И начали переправляться через Оку за неделю до Семенова дня, в день воскресный. И, переехав за реку, вступили в землю Рязанскую. А сам князь в понедельник переехал реку вброд со своим двором. В Москве же оставил он воевод своих, у великой княгини Евдокии и у своих сыновей, у Василия, у Юрия и у Ивана — Федора Андреевича.

И когда услышали в городе Москве, и в Переяславле, и в Костроме, и во Владимире, и во всех городах великого князя и всех князей русских, что пошел князь великий за Оку, то настала в Москве и во всех его пределах печаль великая, и поднялся плач горький, и разнеслись звуки рыданий. И слышно было рыдание безысходное, — словно Рахиль, которая, оплакивая детей своих с великими слезами и с воздыханием, не могла утешиться, — ибо пошли с великим князем на острые копья за всю землю Русскую! Да и кто не заплачет, видя, как рыдают и горько плачут жены эти, каждая ведь из них причитала: «Горе мне! Бедные наши чада, лучше для нас было бы, если бы вы не родились, тогда бы эту злострастную и горькую печаль о вашем убиении не испытали бы! Отчего же повинны мы в гибели вашей!»

Князь же великий подошел к реке Дону за два дня до Рождества святой Богородицы. И тогда пришла грамота с благословением от преподобного игумена Сергия, от святого старца; в ней же писано благословение его — чтоб бился с татарами: «Чтобы ты, господин, так и пошел, а поможет тебе Бог и святая Богородица». Князь же сказал: «Эти на колесницах, а эти на конях. Мы же к Господу Богу обратимся с молитвой: “Победу даруй мне, Господи, над супостатами, и помоги нам оружием крестным, низложи врагов наших; на тебя уповая, побеждаем, молясь прилежно пречистой твоей Матери”». И, сказав так, начал полки строить, и облек их в одежды местные. Подобно великим ратникам и воеводы вооружили свои полки, и пришли к Дону, и стали тут, и долго совещались. Одни говорили: «Пойди, князь, за Дон». А другие возражали: «Не ходи, так как слишком умножились враги наши, не только татары, но и литовцы, и рязанцы».

Мамай же, услышав о приходе князя к Дону и убитых своих воинов увидев, рассвирепел, и помутился ум его, и распалился он лютой яростью, и раздулся, словно аспид некий, гневом дышащий, и сказал: «Подвигнемся, силы мои темные, и властители, и князья! Пойдем, встанем у Дона против князя Дмитрия, пока не прибудет к нам союзник наш Ягайло со своими силами».

Князь же, слышав похвальбу Мамая, сказал: «Господи, не велел ты в чужой предел вступать, я же, Господи, не вступил. Этот же, Господи, окаянный Мамай, пришедший, как змей к гнезду, нечистый сыроядец, на христианство дерзнул, и кровь мою хочет пролить, и всю землю осквернить, и святые церкви Божий разорить». И сказал: «Что есть великая ярость Мамаева? Словно некая ехидна, прыская, явилась из некой пустыни и пожрать нас хочет! Не предай же меня, Господи, сыроядцу этому Мамаю, покажи мне величие своего божества, Владыка! Где же сонм агельский, где херувимское предстояние, где серафимов шестокрылых служение? Перед тобой трепещет вся тварь, тебе поклоняются небесные силы! Ты солнце и луну сотворил и землю украсил всеми красотами! Яви, Боже, величие свое и ныне; Господи, перемени печаль мою на радость! Помилуй меня, как помиловал слугу своего Моисея, в горести душевной возопившего к тебе, и огненному столпу повелел ты идти перед ним, и морские глубины в сушу превратил, как владыка и Господь, ты страшное возмущение на тишину обратил».

И, все это сказав, обратился к брату своему и ко всем князьям и воеводам великим: «Пришло, братья, время брани нашей и настал праздник царицы Марии, матери Божьей Богородицы и всех небесных чинов, госпожи всей вселенной, и святого ее Рождества. Если останемся живы — для Господа, если умрем за мир сей — для Господа!» И приказал мосты мостить на Дону и броды разыскивать в ту ночь, в канун праздника пречистой Божьей матери.

Наутро же в субботу рано, месяца сентября в восьмой день, в самый праздник Богородицы, во время восхода солнца, была тьма великая по всей земле, и туманно было то утро до третьего часа. И велел Господь тьме отступить, а свету пришествие даровал. Князь великий собрал полки свои великие, и все его князья русские свои полки приготовили, и великие его воеводы облачились в одежды местные. И врата смертные растворились, страх великий и ужас охватил собранных издалека, с востока и запада, людей. Пошли за Дон, в дальние края земли, и скоро перешли Дон в гневе и ярости, и так стремительно, что основание земное содрогнулось от великой силы. Князя, пришедшего за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на устье Непрядвы, вел один Господь Бог, и не отвернулся Бог от него. О, крепкое и твердое дерзновение мужества! О, как не устрашился, не смутился духом, увидя такое множество воинов! Ведь на него поднялись три земли, три рати: первая — татарская, вторая — литовская, третья — рязанская. Однако же он всех их не убоялся, не устрашился, но, верою в Бога вооружившись, силою святого креста укрепившись и молитвами святой Богородицы оградившись, Богу помолился, говоря: «Помоги мне, Господи Боже мой, спаси меня милостью своею, видишь, как умножилось число врагов моих. Господи, за что умножились досаждающие мне? Многие поднялись на меня, многие борются со мной, многие преследуют меня, мучают меня, все народы обступили меня, но именем Господним я противился им».

И в шестой час дня появились поганые измаилтяне в поле, — а было поле открытое и обширное. И тут выстроились татарские полки против христиан, и встретились полки. И, увидев друг друга, двинулись великие силы, и земля гудела, горы и холмы сотрясались от бесчисленного множества воинов. И обнажили оружие — обоюдоострое в руках их. И орлы слетались, как и писано, — «где будут трупы, там соберутся и орлы». В урочный час сперва начали съезжаться сторожевые полки русские с татарскими. Сам же князь великий напал первым в сторожевых полках на поганого царя Теляка,

называемого воплощенным дьяволом Мамая. Однако вскоре после того отъехал князь в великий полк. И вот двинулась великая рать Мамаева, все силы татарские. А с нашей стороны — князь великий Дмитрий Иванович со всеми князьями русскими, изготовив полки, пошел против поганых половцев со всею ратью своею. И, воззрев на небо с мольбою и преисполнившись скорби, сказал словами псалма: «Братья, Бог нам прибежище и сила». И тотчас сошлись на многие часы обе силы великие, и покрыли полки поле верст на десять — такое было множество воинов. И была сеча лютая и великая, и битва жестокая, и грохот страшный; от сотворения мира не было такой битвы у русских великих князей, как при этом великом князе всея Руси. Когда бились они, от шестого часа до девятого, словно дождь из тучи, лилась кровь и русских сынов, и поганых, и бесчисленное множество пало мертвыми с обеих сторон. И много руси было побито татарами, и татар — русью. И падал труп на труп, падало тело татарское на тело христианское; то там, то здесь можно было видеть, как русин за татарином гнался, а татарин преследовал русина. Сошлись вместе и перемешались, ибо каждый хотел своего противника победить. И сказал сам себе Мамай: «Волосы наши повыдраны, очи наши не успевают горячих слез источить, языки наши коснеют, и моя гортань пересыхает, и сердце останавливается, чресла меня не держат, колени слабеют, а руки мои цепенеют».

Что нам сказать или о чем говорить, видя злострастную смерть! Одни мечами перерублены, другие сулицами проколоты, иные же на копья подняты! И отчаяние охватило тех москвичей, которые не бывали на ратях. Видя все это, испугались они; и, простившись с жизнью, обратились в бегство и побежали, а не вспомнили, как говорили мученики друг другу: «Братья, потерпим немного, зима люта, но рай сладок; и страшен меч, но славен венец». А некоторые сыны агарянские обратились в бегство от кликов громких, видя жестокую смерть.

И после этого в девять часов дня воззрел Господь милостивыми очами на всех князей русских и на мужественных воевод, и на всех христиан, дерзнувших встать за христианство и не устрашившихся, как и подобает славным воинам. Видели благочестивые в девятом часу, как ангелы, сражаясь, помогали христианам, и святых мучеников полк, и воина Георгия, и славного Дмитрия, и великих князей тезоименитых — Бориса и Глеба. Среди них был и воевода совершенного полка небесных воинов — архистратиг Михаил. Двое воевод видели полки поганых, и трисолнечный полк, и огненные стрелы, летящие на них; безбожные же татары падали, объятые страхом Божьим, и от оружия христианского. И воздвиг Бог десницу нашего князя на одоление иноплеменников. А Мамай, в страхе затрепетав и громко восстенав, воскликнул: «Велик Бог христианский и велика сила его! Братья измаилтяне, беззаконные агаряне, бегите не дорогами готов!» И сам, повернув назад, быстро побежал к себе в Орду. И, услышав об этом, темные его князья и властители тоже побежали. Видя это, и прочие иноплеменики, гонимые гневом Божьим и одержимые страхом, от мала до велика обратились в бегство. Христиане же, увидев, что татары с Мамаем побежали, погнались за ними, избивая и рубя поганых без милости, ибо Бог невидимою силою устрашил полки татарские, и, побежденные, обратились они в бегство. И в погоне этой одни татары пали под оружием христиан, а другие в реке утонули. И гнали их до реки до Мечи, и там бесчисленное множество бегущих побили. Князья же гнали полки содомлян, избивая, до стана их, и захватили большое богатство, и все имущество их, и все стада содомские.

Тогда же на том побоище были убиты в схватке: князь Федор Романович Белозерский и сын его Иван, князь Федор Тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула Васильев, сын тысяцкого, Михаиле Иванов Акинфович, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Акатьевич, именуемый Волуй, Михаиле Бренков, Лев Морозов, Семен Меликов,

Дмитрий Мининич, Александр Пересвет, бывший прежде боярином брянским, и иные многие, имена которых не записаны в книгах сих. Здесь же названы только князья и воеводы, и знатных и старейших бояр имена, а прочих бояр и слуг опустил я имена и не написал из-за множества имен, так как число их слишком велико для меня, ибо многие в той битве убиты были.

У самого же великого князя все доспехи были помяты, пробиты, но на теле его не было ран, а сражался он с татарами лицом к лицу, находясь впереди всех в первой схватке. Многие князья и воеводы не раз говорили ему: «Князь господин, не стремись впереди сражаться, но позади будь или на крыле, или где-либо в стороннем месте». Он же отвечал им: «Да как же я скажу: “Братья мои, подвигнемся все вместе до единого”, а сам свое лицо скрою и стану прятаться позади? Не могу так поступить, но хочу как словом, так и делом первым быть и на виду у всех главу свою сложить за свою братию и за всех христиан. Пусть и другие, это видя, будут отчаянны в своей дерзости». И как сказал, так и сделал, сражаясь тогда с татарами впереди всех. И сколько раз справа и слева от него его воинов избивали, а самого обступали, подобно воде, со всех сторон! И много ударов нанесли ему по голове, и по плечам его, и по утробе его, но Бог защитил его в день брани щитом истины и оружием благоволения осенил главу его, десницею своей защитил его и рукою крепкою и мышцею высокою спас его Бог, давший крепость ему. И так, оказавшись среди многих врагов, он остался невредимым. «Не на лук мой уповаю, и оружие мое не спасет меня», — как сказал пророк Давид. — «Вышнего сделал прибежищем твоим, и не придет к тебе зло, и раны не будет на теле твоем, ибо заповедует своим ангелам хранить тебя на всем пути твоем, и не устрашишься стрелы, летящей во дне».

Это из-за наших грехов приходят войной на нас иноплеменники, чтобы мы отступились от своих прегрешений: от братоненавистничества, и от сребролюбия, и от неправедного суда, и от насилия. Но милосерден Бог-человеколюбец, не до конца гневается на нас, не вечно памятует зло.

А отсюда, от страны Литовской, Ягайло, князь литовский, пришел со всеми силами литовскими Мамаю в подмогу, татарам поганым на помощь, а христианам на горе. Но и от тех Бог избавил, ибо не поспели немного к сроку, на один день или меньше. Но едва услышал Ягайло Ольгердович и все воины его, что у князя великого с Мамаем бой был и князь великий одолел, а Мамай побежал, — и тогда без всякого промедления литовцы с Ягайлом поспешно повернули назад, не будучи никем гонимы. Не видели они тогда ни князя великого, ни рати его, ни оружия его, одного имени его литовцы боялись и трепетали; а не то что в нынешнее время — литовцы над нами издеваются и надругательства творят. Но мы этот разговор отложим и к прежнему рассказу возвратимся.

Князь же Дмитрий с братом своим Владимиром, и с князьями русскими, и с воеводами, и с прочими боярами, и со всеми оставшимися воинами, став в ту ночь на обедищах поганых, на костях татарских, утер пот свой и, отдохнув от трудов своих, великое благодарение вознес Богу, даровавшему такую победу над погаными, избавляющему раба своего от оружия лютого: «Вспомнил ты, Господи, о милости своей, избавил нас, Господи, от сыроядцев этих, от поганого Мамая и от нечестивых измаилтян, и от беззаконных агарян, воздавая честь, как сын, своей матери. Придал нам стремление страстное, как придал слуге своему Моисею, и древнему Давиду, и новому Константину, и Ярославу, сроднику великих князей, на окаянного и на проклятого братоубийцу, безглавого зверя Святополка. И ты, Богородица, помиловала милостью своею нас, грешных рабов своих, и весь род христианский, умолила вечного Сына своего». И многие князья русские и воеводы достохвальными похвалами прославили пречистую матерь Божию Богородицу. И еще христолюбивый князь похвалил дружину свою, которая крепко билась с иноплеменниками, и стойко оборонялась, и доблестно мужествовала, и дерзнула по воле Божьей встать за веру христианскую.

И возвратился князь великий оттуда в богохранимый град Москву, в свою отчину с победой великой, одолев противников, победив врагов своих. И многие воины его возрадовались, захватив добычу большую: пригнали с собой стада коней, и верблюдов, и волов, которым нет числа, и доспехи захватили, и одежды, и все добро их.

Поведали князю великому, что князь Олег Рязанский посылал Мамаю на помощь свои силы, а сам на реках мосты разломал. А кто с Донского побоища поехал восвояси через его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, то тех приказал он хватать и грабить и обобранными отпускать. Князь же Дмитрий за это хотел на Олега послать рать. И вот неожиданно приехали к нему бояре рязанские и поведали, что князь Олег оставил свою землю и сам побежал и с княгиней, и с детьми, и с боярами. И упрашивали великого князя о том, чтобы на них рати не посылал, и сами били ему челом, и соглашались быть у него в подчинении. Князь же внял им и принял их челобитье, рати на них не послал, а на Рязанском княжении посадил своих наместников.

Тогда же Мамай с немногими убежал и пришел в свою землю с небольшой дружиной. И, видя, что он разбит, и обращен в бегство, и посрамлен, и поруган, снова распалился гневом и собрал оставшиеся свои силы, чтобы опять напасть на Русь. Когда он так порешил, пришла к нему весть, что идет на него с востока некий царь Тохтамыш из Синей Орды. Мамай же, подготовивший войско против нас, с тем войском готовым и пошел на него. И встретились на Калках, и была у них битва. И царь Тохтамыш одолел Мамая и прогнал его. Мамаевы же князья, сойдя с коней своих, били челом царю Тохтамышу, и принесли присягу ему по своей вере, и стали на его сторону, а Мамая оставили посрамленным; Мамай же, увидев это, поспешно бежал со своими единомышленниками. Царь же Тохтамыш послал за ним в погоню воинов своих. А Мамай, гонимый ими и спасаясь от Тохтамышевых преследователей, прибежал в окрестности города Кафы. И вступил он в переговоры с кафинцами, уговариваясь с ними о своей

безопасности, чтобы приняли его под защиту, пока он не избавится от всех преследователей своих. И разрешили ему. И пришел Мамай в Кафу со множеством имения, золота и серебра. Кафинцы же, посовещавшись, решили обмануть Мамая, и тут он был ими убит. И так настал конец Мамаю.

А сам царь Тохтамыш пошел и завладел Ордой Мамаевой, и захватил жен его, и казну его, и улус весь, и богатство Мамаево раздал дружине своей. И оттуда послов своих отправил к князю Дмитрию и ко всем князьям русским, извещая о своем приходе и о том, как воцарился он и как противника своего и их врага Мамая победил, а сам сел на царстве Волжском. Князья же русские посла его отпустили с честью и с дарами, а сами той зимой и той весной отпустили с ними в Орду к царю каждый своих киличиев с большими дарами.

Подготовка текста, перевод и комментарии М. А. Салминой

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО[1]

Начало жития Сергия

<…> Благослови, Отче! Преподобный отец наш Сергий родился от родителей благородных и благоверных: от отца, которого звали Кириллом, и матери, по имени Мария, которые были Божьи угодники, правдивые перед Богом и перед людьми, и всякими добродетелями полны и украшены, что Бог любит. <…>

И свершилось некое чудо до рождения его: случилось нечто такое, что нельзя молчанию предать. Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды — дело было в воскресенье — мать его вошла в церковь, как обычно, во время пения святой литургии. И стояла она с другими женщинами в притворе, а когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1999. — Т. 6: XIV — середина XV века.

все люди стояли молча, тогда внезапно младенец начал кричать в утробе матери, так что многие ужаснулись от этого крика — преславного чуда, совершившегося с этим младенцем. И вот снова, перед тем как начали петь херувимскую песнь, то есть «Иже херувим», внезапно младенец начал вторично громко кричать в утробе, громче, чем в первый раз, так что по всей церкви разнесся голос его, так что и сама мать его в ужасе стояла, и женщины, бывшие там, недоумевали про себя и говорили: «Что же будет с этим младенцем?» Когда же иерей возгласил: «Вонмем, святая святым!» — младенец снова, в третий раз, громко закричал. <…>

Rогда наступил сороковой день после рождения его, родители принесли ребенка в церковь Божью. <…> Иерей же, приготовив ребенка к таинству и много молитв сотворив над ним, с радостью духовной и старанием окрестил его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа — именем Варфоломей в святом крещении назвав его. <…>

Отец его и мать хорошо знали Святое писание, и рассказали они иерею, как их сын, еще находившийся в утробе матери, в церкви три раза прокричал: «Не знаем мы, что означает это». <…> О младенце же сказал [иерей] родителям: «Не скорбите о нем, но, напротив, радуйтесь и веселитесь, ибо будет ребенок сосуд избранный Бога, обитель и слуга Святой Троицы»; что и сбылось.

У раба Божьего Кирилла, о котором шла речь, было три сына: первый Стефан, второй — этот Варфоломей, третий Петр; их воспитал он со всякими наставлениями в благочестии и чистоте. Стефан и Петр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не быстро учился читать. <…> Отрок втайне часто со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Дай мне выучить грамоту эту, научи ты меня и вразуми меня». <…>

Поэтому сильно печалились родители его; а тщетности усилий своих весьма огорчался учитель. Все печалились, не ведая высшего предначертания Божьего промысла, не зная, что хочет Бог сотворить с этим отроком, что не

оставит Господь преподобного своего. Так по усмотрению Бога нужно было, чтобы от Бога книжное учение он получил, а не от людей; что и сбылось. Скажем же и о том, как, благодаря Божьему откровению, научился он грамоте. <…>

Когда он [Сергий] послан был отцом своим Кириллом искать скот, он увидел некоего черноризца, старца святого, удивительного и неизвестного, саном пресвитера, благообразного и подобного ангелу, на поле под дубом стоящего и прилежно со слезами молящегося. <…>

И когда кончил молиться старец и посмотрел на отрока, увидел он духовным взором, что будет отрок сосудом избранным Святого Духа. Он обратился к Варфоломею, подозвал его к себе, и благословил его, и поцеловал его во имя Христа, и спросил его: «Что ищешь и чего хочешь, чадо?» Отрок же сказал: «Душа моя желает более всего знать грамоту, для чего я отдан был учиться. Ныне скорбит душа моя, так как учусь я грамоте, но не могу ее одолеть. Ты же, святой отче, помолись за меня Богу, чтобы смог я научиться грамоте».

Старец же, подняв руки и очи к небу и вздохнув перед Богом, помолился прилежно и после молитвы сказал: «Аминь». И, взяв из мошны своей как некое сокровище, он подал ему тремя пальцами нечто похожее на анафору, с виду маленький кусок белого хлеба пшеничного, кусок святой просфоры, и сказал ему: «Отвори уста свои, чадо, и открой их. Возьми это и съешь, — это тебе дается знамение благодати Божьей и понимания Святого писания. Хотя и малым кажется то, что я даю, но велика сладость вкушения этого». Отрок же открыл уста и съел то, что ему было дано; и была сладость во рту его, как от меда сладкого. И сказал он: «Не об этом ли сказано: “Как сладки гортани моей слова твои! Лучше меда устам моим”; и душа моя возлюбила это». И ответил ему старец: «Если будешь верить, и больше этого увидишь. А о грамоте, чадо, не скорби: да будет известно тебе, что с сего дня

дарует тебе Господь хорошее знание грамоты, знание большее, чем у братьев твоих и чем у сверстников твоих». И поучил его на пользу души. <…>

Раб Божий Кирилл прежде обладал большим имением в Ростовской области, был он боярином, одним из славных и известных бояр, владел большим богатством, но к концу жизни в старости обнищал и впал в бедность. Скажем и о том, как и почему он обнищал: из-за частых хождений с князем в Орду, из-за частых набегов татарских на Русь, из-за частых посольств татарских, из-за многих даней тяжких и сборов ордынских, из-за частого недостатка в хлебе. Но хуже всех этих бед было в то время великое нашествие татар, во главе с Федорчуком Туралыком, и после него год продолжалось насилие, потому что княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичу, и княжение Ростовское также отошло к Москве. Увы, увы, плохо тогда было городу Ростову, а особенно князьям ростовским, так как отнята была у них власть, и княжество, и имущество, и честь, и слава, и все прочее отошло к Москве. <…>

Из-за этого несчастья раб Божий Кирилл выехал из той деревни ростовской, о которой уже говорилось; собрался он со всем домом своим, и со всеми родными своими поехал, и переселился из Ростова в Радонеж. <…>

Сыновья Кирилла, Стефан и Петр, женились; третий же сын, блаженный юноша Варфоломей, не захотел жениться, а весьма стремился к иноческой жизни. <…>

Стефан же, родной брат его старший, немного лет пожил с женой, и жена его умерла, родив двух сыновей: Климента и Ивана, а этот Иван впоследствии стал Федором Симоновским. Стефан же вскоре оставил мир и стал монахом в монастыре Покрова святой Богородицы в Хотькове. Блаженный юноша Варфоломей, пришедши к нему, просил Стефана, чтобы тот пошел с ним искать место пустынное. Стефан, повинуясь словам блаженного юноши, пошел вместе с ним.

Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода. Братья осмотрели место это и полюбили его, а главное — это Бог наставлял их. И, помолившись, начали они своими руками лес рубить, и на плечах своих они бревна принесли на выбранное место. Сначала они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили, и отвели место для церковки небольшой, и срубили ее. <…>

И тогда освящена была церковь во имя Святой Троицы преосвященным архиепископом Феогностом, митрополитом киевским и всея Руси. <…>

Стефан же, построив церковь и освятив ее, недолго прожил в пустыни с братом своим и увидел, что трудна жизнь в пустыни, жизнь печальная, жизнь суровая, во всем нужда, во всем лишения. <…> Увидев это и опечалившись, Стефан оставил пустынь, а также брата своего родного, преподобного пустыннолюбца и пустынножителя, и ушел оттуда в Москву. <…>

В то время Варфоломей более всего хотел принять пострижение монашеское: сильно стремился он к иноческой жизни и пребыванию в посте и молчании. <…>

И призвал он к себе в пустыньку, о которой мы говорили, одного старца духовного, украшенного чином священника, почтенного священнической благодатью, игумена саном, по имени Митрофан. <…>

Игумен немедля вошел в церковь и постриг его в ангельский образ, месяца октября в седьмой день, на память святых мучеников Сергия и Вакха. И дано было имя ему в монашестве Сергий. <…>

Он был первым иноком, постриженным в той церкви и в той пустыни. <…>

Порой его смущали демонские козни и ужасы, а иногда зверей нападения, — ведь много зверей, как было сказано, в этой пустыни тогда жило. Некоторые из них стаями выли и с ревом проходили, а другие не вместе, но по два или по три или один за другим мимо проходили; некоторые

из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его.

Был среди них один зверь, называемый аркуда, то есть медведь, и он всегда имел обыкновение приходить к преподобному. Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, но чтобы взять из еды что-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижины своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы, когда придет, как обычно, зверь, готовую себе нашел пищу; и он брал ее в пасть свою и уходил. Когда же не хватало хлеба и пришедший по обыкновению зверь не находил приготовленного для него привычного куска, тогда он долгое время не уходил. Но стоял медведь, озираясь туда и сюда, упорствуя, как некий жестокий заимодавец, желающий получить долг свой. Если же был у преподобного лишь один кусок хлеба, то и тогда он делил его на две части, чтобы одну часть себе оставить, а другую зверю этому отдать: не было ведь тогда в пустыни у Сергия разнообразной пищи, но только хлеб один и вода из источника, бывшего там, да и то понемногу. Часто и хлеба на день не было; и когда это случалось, тогда они оба оставались голодными, сам святой и зверь. Иногда же блаженный о себе не заботился и сам голодным оставался: хотя один только кусок хлеба был у него, но и тот он зверю этому бросал. И он предпочитал не есть в тот день, а голодать, нежели зверя этого обмануть и без еды отпустить. <…>

Блаженный же все посылавшиеся ему испытания с радостью терпел, за все благодарил Бога, а не протестовал, не унывал в трудностях. <…>

И потом Бог, видя великую веру святого и большое терпение его, смилостивился над ним и захотел облегчить труды его в пустыни: вложил Господь в сердца некоторым богобоязненным монахам из братии желание, и начали они приходить к святому. <…>

Но преподобный не только не принимал их, но и запрещал им оставаться, говоря: «Не можете вы жить на месте этом и не можете терпеть

трудности в пустыни: голод, жажду, скорбь, неудобства, и бедность, и нужду». Они же отвечали: «Хотим мы терпеть трудности жизни на месте этом, а если Бог захочет, то и сможем». Преподобный же еще раз спросил их: «Сможете ли вы терпеть трудности жизни на месте этом: голод, и жажду, и всякие лишения?» Они же ответили: «Да, честный отче, мы хотим и сможем, если Бог поможет нам и твои молитвы поддержат нас. Только об одном молим тебя, преподобный: не удаляй нас от лица твоего и с места этого, милого нам, не прогоняй нас».

Преподобный же Сергий, убедившись в вере их и усердии, удивился и сказал им: «Я не выгоню вас, ибо Спаситель наш говорил: “Приходящего ко мне не изгоню вон”». <…>

И построили они каждый отдельную келью и жили для Бога, глядя на жизнь преподобного Сергия и ему по мере сил подражая. Преподобный же Сергий, живя с братьями, многие тяготы терпел и великие подвиги и труды постнической жизни совершал. Суровой постнической жизнью он жил; добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный. <…>

Собралось монахов не очень много, не больше двенадцати человек: среди них был некий старец Василий, по прозванию Сухой, который в числе первых пришел с верховьев Дубны; другой же монах, по имени Иаков, по прозванию Якута — был он за посыльного, его всегда посылали по делам, за особенно нужными вещами, без которых нельзя обойтись; еще один был по имени Анисим, который был дьяконом, отец дьякона по имени Елисей. Когда кельи были построены и тыном ограждены, не очень большим, поставили и привратника у ворот, сам же Сергий три или четыре кельи сам своими руками построил. И в прочих всех монастырских делах, нужных братии, он

участвовал: иногда дрова на плечах своих из леса носил и, разбив и наколов, на поленья разрубив, разносил по кельям. Но зачем я вспоминаю о дровах? Ведь удивительно поистине было видеть то, что у них было тогда: был от них недалеко лес, — не так, как теперь, но где кельи строящиеся были поставлены, здесь же над ними и деревья были, осеняя их, шумели над ними. Вокруг церкви много колод и пней повсюду было, здесь же различные сеяли семена и выращивали огородную зелень. Но вернемся снова к оставленному рассказу о подвиге преподобного Сергия, как он без лености братии как купленный раб служил: и дрова для всех, как было сказано, колол, и толок зерно, и жерновами молол, и хлеб пек, и еду варил, и остальную пищу, нужную братии, готовил; обувь и одежду он кроил и шил; и из источника, бывшего там, воду в двух ведрах черпал и на своих плечах в гору носил и каждому у кельи ставил. <…>

Долго принуждала его братия стать игуменом. <…> И пообещал он исполнить просьбу их, и повиновался воле их, — вернее сказать, воле Божьей. <…>

Он не стремился к этому, не вырывал сана у кого-нибудь, посулов не сулил за это, платы не давал, как делают некоторые честолюбцы, друг перед другом скачущие, вертящиеся и вырывающие все друг у друга. <…>

И пришел преподобный отец наш игумен Сергий в свой монастырь, в обитель Святой Троицы. <…>

И начал блаженный учить братию. <…>

Многие люди из различных городов и мест пришли к Сергию и жили с ним, чьи имена в книгах жизни. Так понемногу монастырь увеличивался, братия умножалась, кельи строились. Преподобный Сергий, видя, что братия умножается, и сам труды свои все более умножал, подавая пример стаду своему. <…>

Преподобный отец наш игумен Сергий, хотя и принял игуменство, чтобы стать старшим, но не изменял правила свои монашеские, помня того,

кто сказал: «Кто из вас хочет быть первым, да будет из всех последним и слугой всем». Это поучение Спаса зная, он смирял себя, и ниже всех ставил себя, и собой пример всем подавал, и на работу раньше всех шел, и на церковном пении раньше всех был, и на службе никогда к стене не прислонялся; и с тех пор процветало место то, и умножалась братия. <…>

Такой был обычай у блаженного сначала: после павечерия позднего или совсем глубоким вечером, когда уже наступала ночь, особенно же в темные и долгие ночи, завершив молитву в келье своей, выходил он из нее после молитвы, чтобы обойти все кельи монахов. Сергий заботился о братии своей, не только о теле их думал, но и о душах их пекся, желая узнать жизнь каждого из них и стремление к Богу. Если слышал он, что кто-то молится, или поклоны совершает, или работой своей в безмолвии с молитвой занимается, или святые книги читает, или о грехах своих плачется и сетует, за этих монахов он радовался, и Бога благодарил, и молился за них Богу, чтобы они до конца довели добрые свои начинания. «Претерпевший, — сказано, — до конца — спасется».

Если же Сергий слышал, что кто-то беседует, собравшись вдвоем или втроем, или смеется — негодовал он об этом, и не терпя такого дела, рукой своей ударял в дверь или в окошко стучал и отходил. Таким образом он давал знать им о своем приходе и посещении и невидимым посещением праздные беседы их пресекал. <…>

Так жили монахи, пока не прошло много лет, — я думаю, больше пятнадцати.

Через некоторое время — думаю, что во время княжения князя великого Ивана, сына Ивана, брата же Симеонова, — начали приходить сюда христиане, проходя через леса те, и понравилось им здесь жить. И многие люди захотели остаться там, начали по обе стороны места этого селиться, и начали рубить леса те, — ведь никто не запрещал им. И сделали они себе многие выселки, прежнюю изменив пустынь, и, не пощадив ее, преобразили

пустынь в широкое чистое поле, которое и теперь мы видим. И построили они села, и дома многие, и засеяли поля, и собрали урожай, и умножилось весьма их число, и начали они приходить и часто посещать монастырь, принося разнообразные и различные нужные вещи, которым не было числа. <…>

А была заповедь у преподобного игумена для всех братьев такая: если когда-нибудь приключится такое испытание — или хлеба не будет, или кончится всякая еда, — то не выходить за этим из монастыря в деревню какую-нибудь или в село и не просить у мирян нужного для пропитания, но сидеть терпеливо в монастыре, и просить, и ждать милости от Бога. <…>

Устанавливается в обители святого общежительство. И распределяет блаженный и премудрый пастырь братию по службам: одного ставит келарем, а других в поварню и для печения хлеба, еще одного назначает немощным служить со всяческим прилежанием; в церкви же ставит: во-первых, екклесиарха, а потом параекклесиархов, пономарей и других. Все это чудесный тот человек хорошо устроил. Повелел он твердо следовать заповеди святых отцов: ничем собственным не владеть никому, ничто своим не называть, но все общим считать; и прочие должности все на удивление хорошо устроил благоразумный отец. Но это рассказ о делах его, а в житии много распространяться об этом не следует. Поэтому мы здесь рассказ сократим, а к прежнему повествованию возвратимся.

Так как все это чудесный отец хорошо устроил, число учеников умножалось. И чем больше их становилось, тем больше вкладов приносили ценных; и насколько в обители вклады умножались, настолько страннолюбив увеличивалось. И никто из бедных, в обитель приходивших, с пустыми руками не уходил. Никогда блаженный не прекращал благотворительности и служителям в обители наказал нищим и странникам давать приют и помогать нуждающимся, говоря так: «Если эту мою заповедь будете хранить безропотно, воздаяние от Господа получите; и после ухода моего из жизни

этой обитель моя эта весьма разрастется, и долгие годы нерушимой будет стоять по благодати Христа». Так была рука его раскрыта для нуждающихся, как река полноводная с тихим течением. И если кто-нибудь оказывался в монастыре в зимнее время, когда морозы суровые стоят или же снег сильным ветром заметается, так что нельзя из кельи выйти, какое бы время он ни оставался здесь из-за такого ненастья, — все нужное в обители получал. Странники же и нищие, а из них особенно больные, многие дни жили в полном покое и пищу, сколько кому нужно было, в изобилии получали согласно наказу святого старца; и до сих пор все так сохраняется. А поскольку дороги здесь из многих мест проходили, то князья, и воеводы, и воины бесчисленные — все получали нужную им достаточную искреннюю помощь, как из источников неисчерпаемых, и, в путь отправляясь, необходимую пищу и питье достаточное получали. Все это служащие в обители святого всем с радостью подавали в изобилии. Так люди знали в точности, где все необходимое находится в храмах, пища и питье, а где хлеб и варения, и это все умножалось из-за благодати Христа и чудесного его угодника святого Сергия. <…>

Известно стало, что Божиим попущением за грехи наши ордынский князь Мамай собрал силу великую, всю орду безбожных татар, и идет на Русскую землю; и были все люди страхом великим охвачены. Князем же великим, скипетр Русской земли державшим, был тогда прославленный и непобедимый великий Дмитрий. Он пришел к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить: ведь он знал, что Сергий — муж добродетельный и даром пророческим обладает. Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься». Великий же

князь ответил: «Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь Пречистой Богоматери». И, сказав это и получив благословение, ушел из монастыря, и быстро отправился в путь.

Собрав всех воинов своих, выступил он против безбожных татар; увидев же войско татарское весьма многочисленное, они остановились в сомнении, страхом многие из них охвачены были, размышляя, что же делать. И вот внезапно в это время появился гонец с посланием от святого, гласящим: «Без всякого сомнения, господин, смело выступай против свирепости их, нисколько не устрашаясь, — обязательно поможет тебе Бог». Тогда князь великий Дмитрий и все войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против поганых, и промолвил князь: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь на противников святого твоего имени». Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и полному разгрому подверглись: ведь видели окаянные против себя посланный Богом гнев и Божье негодование, и все обратились в бегство. Крестоносная хоругвь долго гнала врагов, множество бесчисленное их убивая; и одни ранеными убежали, других же живыми в плен захватили. И было чудесное зрелище и удивительная победа; те, кто прежде блистали оружием, тогда все были окровавлены кровью иноплеменников, и все трофеи победные носили. И тут сбылось пророческое слово: «Один преследовал тысячу, а двое тьму».

Святой же, как было сказано, пророческим обладая даром, знал обо всем, словно находился поблизости. Он видел издалека, с расстояния во много дней ходьбы, на молитве с братией к Богу обращаясь о даровании победы над погаными. Когда немного времени прошло, так что окончательно побеждены были безбожные, все предсказал братьям святой: победу и храбрость великого князя Дмитрия Ивановича, славную победу одержавшего

над погаными, и из русского войска убитых по имени назвал Сергий, и службу за них всемилостивому Богу совершил.

Достохвальный же и победоносный великий князь Дмитрий, славную победу над враждебными варварами одержав, возвращается весело в радости большой в свое отечество. И незамедлительно он пришел к старцу святому Сергию, благодарность принеся ему за добрый совет, и всесильного Бога славил, и за молитвы благодарил старца и братию, в веселье сердца о случившемся все рассказывал, — как показал Господь милость свою к нему; и вклад большой в монастырь дал. <…>

И в сентябре месяце недугом телесным был поражен, и видя, что он уже к Богу отходит, чтобы природе отдать долг, дух же любимому Иисусу предать, он призывает священное братство и новособранное стадо. И беседу повел подобающую, и полезным вещам учил, неуклонно в православии оставаться веля, и завещал единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, от злых и скверных похотей остерегаться, пищу и напитки вкушать трезвенные, а особенно смирением украшать себя, страннолюбия не забывать, от противоречия уклоняться, и ни во что ставить честь и славу жизни этой, но вместо этого от Бога воздаяния ожидать, небесных вечных благ наслаждения. И другому многому Сергий поучал, говоря: «Поскольку Бог зовет меня, я ухожу от вас, а вас передаю всемогущему Господу и его пречистой Богоматери, чтобы она была для вас прибежищем и стеной от сетей вражеских и козней их». И перед самой смертью, когда должна была душа его с телом разлучиться, он тела и крови Владыки причастился, а ученики руками своими его немощные члены поддерживали. Он простер к небу руки и, молитву совершив, чистую свою и священную душу с молитвой Господу предал, в год 6900 (1392) месяца сентября в 25 день; жил же преподобный семьдесят восемь лет.

Подготовка текста Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина, комментарии Д. М. Буланина

НОВГОРОДСКАЯ ПСАЛТЫРЬ[1]

Закон да познаешь христианского наказания. Я наставлен во спасение наставлением неземных словес. Таковы слова Иисуса Христа. Все они начинаются с аз есмь: Аз есмь тайна несказанная; Аз есмь истина и закон и пророки; Аз есмь истина и путь и стезя.

Да будем работниками ему (Иисусу Христу), а не идольскому служению. От идольского обмана отвращаюсь. Да не изберем пути погибели. Всех людей избавителя Иисуса Христа, над всеми людьми приявшего суд, идольский обман разбившего и на земле святое свое имя украсившего, достойны да будем…

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ[2]

Грамота № 246

От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте и не присылаешь мне денег, идет девятый год. Если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца. Пошли же добром.

Грамота № 527

...Если будет война и на меня нападут, то проситесь через Гостяту к князю.

Грамота № 238

---

[1] Цит. по: *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородская псалтырь начала XI — древнейшая книга Руси // Вестник российской истории. — Т. 71. — № 3. — 2001. — С. 202—209.

[2] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 1997. — Т. 4: XII век.

...<Ты дал> Несдичу четыре с половиной резаны, а мне ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна? Пойди же в город — могу вызваться с тобой на испытание водой.

Грамота № 109

Грамота от Жизномира к Микуле. Ты купил рабыню во Пскове, а теперь меня за это схватила княгиня. Но за меня поручилась дружина. А ты теперь пошли к тому мужу грамоту: есть ли у него рабыня? А я вот хочу, коня купив и посадив княжеского мужа, идти на очные ставки. А ты, если не взял тех денег, не бери у него ничего.

Грамота № 605

Поклон от Ефрема брату моему Исухии. Ты разгневался, не расспросив: меня игумен не пустил. А я отпрашивался, но он послал меня с Асафом к посаднику за медом. А пришли мы двое, когда звонили. Зачем же ты гневаешься? Ведь я всегда у тебя. А зазорно мне, что ты злое мне говорил. И <все же> кланяюсь тебе, братец мой, хоть ты и такое говори. Ты мой, а я твой.

Грамота № 424

Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда — в Смоленск или в Киев: дешев хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы.

Грамота № 644

От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе, а не Нежате. Если я что-нибудь должна, то посылай судебного исполнителя. Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь, то извести меня. А тогда я вам не сестра, если вы так поступаете, не исполняете для меня ничего! Так вкуй же в три колтка; его четыре золотника в тех двух кольцах.

Грамота № 9

От Гостяты к Василю. Что мне дал отец и родичи дали впридачу, то за ним. А теперь, женясь на новой жене, он мне не дает ничего. Ударив по рукам, он меня прогнал, а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость.

Грамота № 549

Поклон от попа к Гречину. Напиши для меня двух шестокрылых ангелов на двух иконках сверху деисуса. Приветствую тебя. А относительно платы — порукой Бог или же договоримся.

Грамота № 10 из Старой Руссы

Это грамота от Ярилы к Онании. В Городище, твоем владении, только воду пить. А рушане скорбят о городищанах. Пожалуйста, припугни дворян, чтобы не пакостили.

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ДАНИЛОВИЧА КАЛИТЫ (ОКОЛО 1339 г.)[1]

Во имя Отця и Сына и Святаго Духа, се яз, грешныи худыи раб Божии Иван, пишу душевную грамоту, ида в Ворду, никимь не нужен, целымь своимь умомь, в своемь здоровьи. Аже Бог что розгадаеть о моемь животе, даю ряд сыном своим и княгини своеи.

Приказываю сыном своим очину свою Москву. А се есмь им роздел учинил:

Се дал есмь сыну своему болшему Семену: Можаеск, Коломъну со всими Коломеньскими волостми…

А се даю сыну своему Ивану: Звенигород, Кремичну, Рузу…

А се дал есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Северьску, Нарунижьское, Серпохов…

А приказываю тобе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меншими детми, по бозе ты им будешь печалник.

---

[1] Цит. по: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовлено к печати Л. В.Черепниным. М.-Л., 1950.

А что есмь дал сыну своему Семену стадце, а другое Ивану, а иными стады моими поделятся сынове мои и княгини моя.

А на се послуси: отець мои душевьныи Ефрем, отець мои душьвныи Федосии, отець мои душевьныи, поп Давыд.

А грамоту писал дьяк князя великого Кострома.

А кто сю грамоту порушить, судить ему Бог.

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА (ВТОРАЯ) ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ДОНСКОГО (13 АПРЕЛЯ — 16 МАЯ 1389 г.)[1]

Во имя Отца и Сына и Святаго духа, се яз, грешный худый раб Божий Дмитрий Иванович, пишу грамоту душевную целым своим умом. Даю ряд сыном своим и своей княгини.

Приказываю дети свои своей княгине. А вы, дети мои, живите заодин, а матери своее слушайте во всем.

А приказываю отчину свою Москву детем своим, князю Василью, князю Юрью, князю Андрею, князю Петру. А брат мой, князь Володимер, ведает свою треть, чем его благословил отец его, князь Андрей. <…>

А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем. <…>

А сына своего благословляю, князя Юрья, своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме…

А сына своего, князя Андрея, благословляю куплею же деда своего, Белымозером, со всеми волостми…

А сына своего, князя Петра, благословляю куплею же своего деда, Углечим полем, и что к нему потягло…

---

[1] Цит. по: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовлено к печати Л. В.Черепниным. — М.; Л., 1950.

А се даю своей княгине из великого княженья у сына у своего… А что есм дал своей княгине из удела сына своего, княжа Васильева и изо княжа из Юрьева, изо княжа из Андреева, изо княжа из Петрова, волости и села, а что Бог розмыслит о моей княгине, и те волости и села во чьем удел, то тому и есть. <…>

А по грехом, которого сына моего Бог отъимет, и княгини моя поделит того уделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымутся.

А даст ми Бог сына, и княгини моя поделит его, возмя по части у болшие его братьи.

А у которого сына моего убудет отчины, чем есм его благословил, и княгини моя поделит сынов моих из их уделов. А вы, дети мои, матери слушайте.

А по грехом, отъимет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини. А вы, дети мои, слушайте своее матери, что кому даст, то тому и есть. <…>

А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть. А что есм подавал своей княгине волости и села из уделов детий своих, и свой примысл, и слободы, и села, и Холхол, и Заячков, а с тех волостий, и с слобод, и с сел что возмет княгини моя, то ей и есть. А дети мои в то не вступаются. <…>

А хто сю грамоту мою порушит, судит ему Бог, а не будет на нем милости Божий, ни моего благословенья ни в сии век, ни в будущий.

А писал есм сю грамоту перед своими отци: перед игуменом перед Сергием, перед игуменом перед Савастьяном.

А туто были бояре наши: Дмитрий Михайлович, Тимофей Васильевич, Иван Родивонович, Семен Васильевич, Иван Федорович, Олександр

Андреевич, Федор Андреевич, Федор Андреевич, Иван Федорович, Иван Андреевич.

А писал Внук.

ДОГОВОРНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ВАСИЛИЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ О МИРЕ (1435 г.)[1]

По благословению преподобнаго священноинока Еуфимья, от посадника ноугородьскаго Михаила Ивановичя, от тысяцкаго новьгородского Ананьи Васильевичя, и от всего Великого Новагорода. Се приЪхали послове к великому князю Василью Васильевичю всея Руси от Великого Новагорода посадникъ Офонасъ Федоровичь и посадникъ степенный Михаила Онаньичь, от черныхъ людеи Козма Тарасьинъ и Михаило Семеновъ, докончали миръ по старымъ грамотамъ крестнымъ съ княземъ великимъ с Васильемъ Васильевичемъ всея Руси. Какъ целовалъ князь великы АндрЪи, князь великыи Иванъ, князь великыи Семенъ, и прадЪдъ твои князь великыи Иванъ, и дЪдъ твои князь великыи Дмитрии, и отець твои князь великыи Василеи, целуи, господине князь великыи, по тому же крестъ къ всему Великому Новугороду. Новъ ти городъ держати по старинЪ, без обиды; а намъ, мужемъ ноугородцемъ, княжение твое великое держати чесно и грозно, без обиды. А пошлинъ твоихъ великого князя не таити, по целованью. А что волостеи ноугородскыхъ всЪхъ, ти не держати своими мужми, а держати ти мужми ноугородскыми; а даръ имати от тЪхъ волостеи. А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостеи розда[ва]ти, ни грамотъ давати. А что ти, княже, пошлина в Торжьку и на ВолоцЪ: тивуни свои держати на своеи части, а наугородцемъ на своеи части. А в БЪжицахъ тебЪ, князю великому, и твоеи княгыне, и бояромъ, и слугамъ твоимъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ не приимати, по всеи волости

[1]Источник текста: http://www.vostlit.info/

по Новьгородскои. А се ти, княже, и волости ноугородскые: Волокъ съ всЪми волостьми, Торжекъ, БЪжици, Городець Полець, Шипино, Мелеча, Егна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда. А в Русу ти, княже, ездити на третью зиму. А лЪтЪ ти, княже, ездить на Вьзвадъ звЪрь гонити ти. А в Ладогу ти слать осетреникы и мЪдовары, и по старымъ грамотамъ. А в Ладогу ти, княже, ездити на третье лЪто. А из БЪжиць ти, княже, людеи не выводити въ свою волость, ни из ыныхъ волостеи ноугородскыхъ, ни грамоть имъ давати, заклад[никовъ] не приимати ни твоеи княгине, ни твоимъ бояромъ: ни смерда, ни купчины. А без вины ти, княже, мужа волости не лишити. А грамотъ не посужати. А пожни, княже, что твои и твоихъ мужеи то твои и твоихъ мужеи; а что пожни новгородскые, то к Новугороду, какъ пошло. А дворяномъ твоимъ, какъ пошло, погонъ иматъ: ото князя по пяти кунъ, а от тивуна по двЪ куны. А что ти, княже, мытъ по Суждалскои земли, въ твоеи волости: от воза имати по двЪ вЪкше, и от лодьи, и от хмелева короба, и ото лняна. А дворяномъ твоимъ у купцевъ по[во]за не имати, развЪе ратные вЪсти. А слободъ и селъ съступился. А на Ноугородскои земли волостеи не ставити. А на Имоволожскомъ погостЪ куны имати. А холопъ или роба иметь на господу вадити, а тому ти вЪры не яти. А н[а] Низу ти, княже, новьгородца не судити, ни дани раздавати, ни приставовъ не всылати въ всю Ноугородскую волость. А что, княже, гнЪвъ будетъ на владыку, или на посадника и на весь на Великыи Новъгородъ, то ти, княже, нелюбие отложити. А про Дмитрея про Тарасова не мщатись, ни судомъ, ни чим же. А кто почнетъ вадити, тому ти вЪры не яти. А про послы, княже, и про купци про ноугородскые по твоеи земли, техъ ти не приимати. А в Немецкомъ ти дворЪ торговати нашею братьею, а двора ти не затворити, ни приставовъ не приставли[ва]ти. На томъ ти, княже, крестъ целовати къ всему Новугороду. А гостемъ гостити безъ рубежа, по цесаревЪ грамотЪ. А судии ти слати по волостЪмъ на Петровъ день, какъ пошло. А вывода межи Суздальскои земли [и] Ноугородскои не чинити. А закладнеи ти, княже, ни

твоеи княгине, ни твоимъ бояромъ в Торжьку не держати, ни по всЂи Ноугородскои волости: а купецъ поидетъ въ сто, а смердъ потянетъ въ свои погостъ, какъ пошло в НовЪгородЪ. На томъ на всемъ, княже, крестъ цЂлуи къ всему Великому Новугороду по любви и въ правду, без всякого извЂта; такъже и посадникы, и тысяцкые, и весь Великыи Новъгород, на сем же цЂлуите крестъ к великому князю Василью Васильевичю всеи Руси, по любви, в правду, безъ хитрости.

ПСКОВСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА[1]

<…> *Ст. 2.* А [псковскому] наместнику [новгородского] архиепископа ведать свой суд, и дел, подлежащих его суду, не разбирать [ни князю], ни городским судьям; равным образом, наместник владыки не должен вмешиваться в дела, подлежащие княжескому суду. <…>

Ст. 4. Князь и посадник не должны производить суда на вече; судить им у князя в палатах, справляясь с законом, согласно присяге. Если же они не будут судить по закону, то да будет им бог судьею на втором пришествии христове. А тайных поборов [с тяжущихся] не брать ни князю, ни посаднику. <…>

Вора, совершившего кражу в Крому, конокрада, изменника и поджигателя лишать жизни. <…>

Ст. 53. Если сын откажется прокормить отца или мать до их смерти и уйдет из родительского дома, то в таком случае он лишается доли, причитающейся ему из неразделенного имущества. <…>

Ст. 58. Не допускается явка на суд с пособниками; в судебную горницу могут входить [только] двое тяжущихся, а помощников не должно быть ни со стороны истца, ни со стороны ответчика. Исключение составляют: женщина, или малолетний, или монах, или монахиня, или человек очень престарелый, или глухой, за которых разрешается выступать на суде пособнику. <…>

[1] Источник текста: http://www.vostlit.info/

Ст. 88. Если у кого-нибудь умрет жена, не оставив духовного завещания, а после нее останется ее родовое недвижимое имущество, то ее мужу владеть этим имуществом пожизненно, при условии если он не женится во второй раз, в случае же вторичной женитьбы лишается права на пользование им.

Ст. 89. Если у кого-нибудь умрет муж, не оставив духовного завещания, а после него останется недвижимое родовое или движимое имущество, то жене пользоваться им пожизненно, при условии если она не выйдет замуж во второй раз; в случае же вторичного замужества лишается права на пользование им. <…>

Ст. 96. Если где-нибудь произойдет убийство и убийца будет уличен, то с убийцы взыскивается в пользу князя рубль пени. <…>

Ст. 108. Если в этом сборнике псковского обычного права обнаружится отсутствие какой-либо статьи, то посадники должны доложить об этом на вече Псковского государства и затем внести эту [недостающую правовую] норму. Если же какая-либо статья закона покажется нежелательной [вечу] Псковского государства, то она может быть исключена из сборника. <…>

СУДЕБНИК 1497 г.[1]

Лета 7006-го месяца септемврия уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим.

Статья 57. О христианском отказе. А Христианом отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год, да

[1] Цит. по: Хрестоматия по Истории России: Учеб. пособие / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. — М., 2004.

пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да поидеть прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он весь двор платит.<…>

Статья 58. О чюжоземцех. А которой чюжоземец на чюжеземце чего взыщет, ино того воля, на ком ищут, хочет отцелуётся, что в том не виноват, или у креста положит чего на нем ищут, и истец, поцеловав крест, да возмет.

Статья 62. О межах. А кто сореть межу или грани ссечет из великого князя земли боярина и монастыря, или боярской и монастырской у великого князя земли, или боярской или монастырской у боярина, или боярской у монастыря, и кто межу сорал или грани ссек, ино того бити кнутием, да исцу взяти на нем рубль. А христиане промежу себя в одной волости или в селе кто у кого межу переорет или перекосит, ино волостелем или поселскому имати на том за боран по два алтына и за рану присудят, несмотря по человеку и по ране и по рассужению. <…>

Статья 66. По полной грамоте холоп. По тиуньству и по ключю по сельскому холоп з докладом и без докладу, и с женою и с детми, которые у одного государя; а которые его дети у иного или себе учнут жити, то не холопи; а по городцкому ключю не холоп; по робе холоп, по холопе роба, приданой холоп, по духовной холоп.

РАЗДЕЛ II. РОССИЯ В XVI—XVII вв.: ОТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА К ЦАРСТВУ

ЛИЦЕВОЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД[1]

<…> *О кончине великого князя Ивана Васильевича всея Руси*. В ту же осень [1505 года] октября в 27 день, с понедельника на вторник, в 1 часу ночи, скончался благоверный и христолюбивый князь великий Иван Васильевич, государь всея Руси; пробыл он на государстве, на великом княжении после своего отца великого князя Василия Васильевича 43 года и 7 месяцев. А всего ему было 66 лет и 9 месяцев.

И положили его тело в новой церкви святого и великого архангела Михаила, которую князь заложил ещё при своей жизни в преименитом и славном городе Москве, где и его прародители лежат.

Начало государства великого князя Василия Ивановича всея Руси. В ту же осень великий князь Василий Иванович всея Руси после своего отца посмотрел в шертные грамоты царя Менгли-Гирея, которые были с его отцом великим князем Иваном Васильевичем всея Руси о дружбе и братстве, а написаны они были и на них, на детей, и, посоветовавшись со своими братьями и боярами, послал в Крым к царю Менгли-Гирею послом своего ближнего человека Василия Наумова декабря в 7 день возвестить царю о кончине своего отца и договориться с ним о дружбе и о братстве согласно клятвенным грамотам. <…>

О поездке великого князя всея Руси Василия Ивановича в Великий Новгород и о взятии Пскова. В 7018 [1509] году месяца сентября в 23 день в воскресенье великий князь всея Руси Василий Иванович поехал с Москвы в вотчину свою в Великий Новгород, а с ним брат его младший князь Андрей Иванович, да Пётр царевич, да владыка Коломенский Митрофан, да архимандрит Симоновский Варлам.

---

[1] Источник текста: http://sterligoff.ru/

О Псковском взятии. И той же зимой приехали в Новгород к великому князю всея Руси Василию Ивановичу многое посадники псковские и купцы, и мужи от всего Пскова бить челом государю на его наместника, на князя Ивана Михайловича Оболенского Репню.

И великий князь всея Руси Василий Иванович расследовав, что псковичи не по правде бьют челом на его наместника и не честно его держали, за то на них опалу свою положил и велел в Новгороде псковичей всех взять.

А в Псков послал Третьяка Долматова и велел псковичам сказать, что государь хочет сам быть в своей вотчине и бить челом живоначальной Троице, и вотчиной своей будет сам управлять и жаловать, и чтобы колокол вечевой сняли. Псковичи выполнили всё по воле государевой.

Князь же великий всея Руси Василий Иванович поехал из Новгорода Великого в вотчину свою, в Псков, января в 20 день в воскресенье. А приехал в Псков января в 24 день в четверг и живоначальной Троице челом ударил; а вотчину свою Псков велел привести к крестному целованию; а взятых псковичей пожаловал, из заточения выпустил, и лучшим людям велел к Москве ехать жить, и колокол их вечевой к Москве отослал. А в Пскове оставил двух наместников: Григория Фёдоровича, да Ивана Андреевича Челяднина, и устроил всё так, как надлежало быть в государстве его.

И поехал великий князь Василий Иванович из Пскова после Собора в Новгород Великий; а из Новгорода поехал в третью неделю Поста и на Москву приехал в пятую неделю Поста марта в 17 день. <…>

Об измене королевской. Той же осенью [1512 года] пришла весть к великому князю всея Руси Василию Ивановичу, что Жидимонт [Сигизмунд], король Польский, ссылается против христианства с басурманами, с Крымским царём Менгли-Гиреем, и подстрекает против великого князя, чтобы царь пошёл на земли великого князя, на христиан, ратью. Ведь и прежде того дети Менгли-Гиреевы, — царевичи, приходили ратью на

окраинные места великого князя по королеву же наущению, да и иные нарушали клятвы многие. И король начал нарушать договорные грамоты с великим князем и крестное целованье.

А сестру великого князя, великую княгиню Елену короля Александра, велел панам своим в Вильне взять и под стражей держать за Вильной в Берештах. И королева Елена в том заключении скончалась. Бог знает по какой причине.

И великий князь о тех нарушениях и о сестры своей, о королеве Елене, посылал к Жидимонту королю неоднократно своих послов и гонцов, но король ничего не сделал для исправления своих нарушений, а о королеве, великой княгине Елене, и ответа не дал.

О первом походе великого князя Василия Ивановича к Смоленску. И великий князь всея Руси Василий Иванович, не желая терпеть многие поступки короля Жидимонта, да к нему послав, от крестного целования отказался. И сам князь великий со своими братьями пошёл на его землю ратью. И выехал из Москвы декабря в 19 день в воскресенье. А в Литовскую землю к городу Смоленску пришёл в январе, да городу Смоленску многие скорби и убытки принёс, и в земле Литовской многих пленив, вернулся. И на Москву возвратился в марте, в неделю третью Поста. <…>

Второй поход великого князя к Смоленску. В том же [1513] году июня в 14 день во вторник пошёл великий князь всея Руси Василий Иванович во второй раз к Смоленску. И пошёл на Боровск, а из Боровска послал впереди себя обступить город Смоленск боярина и воеводу своего князя Ивана Михайловича Оболенского Репню да окольничего своего Андрея Васильевича Сабурова, и иных своих воевод со многими людьми.

Воевода и наместник смоленский пан Юрий Глебович, князья и бояре смоленские, и гетманы с солдатами выехали на бой за город, за валы, против воевод великого князя. И воеводы великого князя напали на них, и Божьим милосердием воеводы великого князя прогнали смоленского воеводу, князей

и панов; и многих людей побили, а иных князей, бояр и солдат живыми многих взяли и к великому князю в Боровск привели. А сами воеводы великого князя город Смоленск обступили и в окрестностях воевали.

В 7022 [1513] году в сентября в 11 день великий князь пошёл из Боровска к Смоленску и городу Смоленску причинял великие скорби пушечным боем и пищалями в течение многих дней. Но город был крепок, стремнинами гор и холмами высокими был затворён и стенами великими укреплён, и князь великий, всю землю попленив, возвратился на Москву.

О цесарском после. Той же зимой февраля в 8 день к великому князю Василию Ивановичу, всея Руси государю, пришёл на Москву от избранного цесаря Максимиана и наивысшего короля Римского его посол, именем Юрий Снитцем Помер, советник цесарского величества, любви, братства и дружбы.

И великий князь Василий, Божьей милостью царь государь всея Руси, с избранным цесарем и наивысшим королём Римским Масимианом заключили вечный договор о братстве и любви, и грамоты договорные между собой написал, и печать свою золотую к ней великий князь приложил.

И, почтив посла цесаря Юрия, отпустил его из Москвы марта в 7 день. Да с ним вместе послал великий князь к Максимиану цесарю своего посла Дмитрия Фёдорова, сына Ласкарёва, грека, да дьяка своего Елизара Сукова. <…>

О Смоленском взятии, как ходил великий князь в третий раз к Смоленску и взял Смоленск. В том же [1514] году июня в 8 день великий князь всея Руси Василий Иванович пошёл с Москвы в третий раз ратью к городу Смоленску, а с ним братья его князь Юрий и князь Семён Ивановичи. А на Москве оставил брата своего Андрея Ивановича. А впереди себя послал к городу Смоленску воевод своих князя Бориса Ивановича Горбатого, да князя Михаила Васильевича Горбатого-Киселку, да боярина и конюшего своего Ивана Андреевича, и много иных своих воевод со многими людьми.

И те воеводы придя, город обступили. Были же тогда в городе Смоленскке воевода и наместник короля пан Юрий Сологубович. И в месяце июле пришёл сам великий князь со своими братьями под город Смоленск со многими силами и с большим пушечным и пищальным снаряжением. И, поставив большие пушки и пищали около города, повелел по городу бить со всех сторон, приступы великие делать без отдыха и огненными пушками по городу бить. И от пушечного и пищального грохота от людского крика и воплей, а также от ответной пушечной и пищальной стрельбы городских людей земля колебалась так, что им друг друга не было видно, и весь город, в пламени и курении дыма, казалось, вздыбился. И страх великий напал на горожан.

И тогда начали из города вопить и кричать, чтобы великий государь пожаловал, меч свой унял и бой повелел прекратить, а они хотят государю бить челом и город сдать. И великий государь вскоре повелел бой прекратить.

И владыка Смоленский Варсонофий, князья и бояре смоленские, и мещане, и все горожане вышли из города бить челом, чтобы великий государь свою отчину и дедину пожаловал, опалу свою и гнев отложил, повелел бы предстать пред свои очи и служить себе повелел. И великий государь пожаловал свою отчину и дедину: владыке Смоленскому Варсонофию, князьям, боярам, мещанам, и всем городским людям свою опалу и гнев простил, и велел явиться пред свои очи, и служить себе повелел.

Июля в 31 день смоленские князья и бояре город отворили, а сами пошли к шатрам бить челом великому государю и предстать пред его очи, да тут и присягнули великому князю, и крест целовали. И великий князь их простил, и слово своё жалованное им молвил, и пировать их позвал. <…>

Августа в 1 день на Происхождения честного креста, великий князь всея Руси Василий Иванович со своими братьями и боярами, и со всеми воеводами, и разных чинов людьми пошёл с великой славой в город

Смоленск. <…> Князья и вельможи благородные, старцы с юношами, матери и девицы, иноки и инокини, и весь народ города Смоленска <…> с огромной любовью и усердием встретили государя великого князя за городом на посаде. <…>

Епископ же, благословив честным и животворящим крестом великого князя, сказал: «Божьею милостью радуйся и здравствуй, православный царь Василий, великий князь всея Руси, самодержец, на своей отчине и дедине, городе Смоленске, на многие годы». <…>

И, видя милость пречистой Богоматери и благодать животворящего креста, во всём городе Смоленске люди радовались и веселились. <…>

И великий князь, призвав к себе князей, бояр смоленских, и мещан, произнёс им положенную в таких случаях речь и сказал о совершённом своём пожаловании их, и дал им воеводу и наместника-боярина своего и воеводу князя Василия Васильевича Шуйского, и позвал их к себе пировать; и ели все у великого князя. А после этого начал он их жаловал одеждой, соболями, и бархатами, и камнями драгоценными, шелками и атласами золотыми, и денежным жалованием: каждого по его достоинству… А наместника короля пана Юрия Салагубовича отпустил к его государю, к королю, и проводить его велел до Орши. <…>

ПОВЕСТЬ О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ (КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ)[1]

<…> *Совещание царя и великого князя со своими боярами о Казани. Глава 49*

И призывает он к себе в большую золотую палату своих братьев: благоверного князя Георгия, и князя Владимира, и всех местных князей, и первых воевод, и всех благородных своих вельмож. И рассадил он их по местам, и начал держать с ними благой и мудрый совет о том, что хочет он

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 2000. — Т. 10: XVI век.

сам снова пойти на безбожную и поганую Казань, на злейших и неверных недругов своих — казанцев, как Елезван, эфиопский царь, ходил на омиритского царя Дунаса, жидовина, и отомстить за христианскую кровь, подражая своим прадедам: великому князю Святославу Игоревичу, который много раз покорял Греческую землю, так далеко находящуюся от Русской земли, взимая большие дани с Царьграда, с благородных греков, победивших в древности предивную Трою и гордого персидского царя Ксеркса; тот же великий князь взял также восемьдесят болгарских городов, стоящих по Дунаю.

Хотел он походить и на сына его, первым просиявшего в благочестии — православного великого князя Владимира, который державу свою — Русскую землю — просвятил святым крещением и взял со всем богатством его великий город Корсунь и многие другие земли, покорил их и стал получать с них дань. И высоко занесена была рука его надо всеми врагами.

Позавидовал он сильно и Владимиру Мономаху, который с большим войском ходил на греческого царя Константина Мономаха, когда не захотел греческий царь возобновить мирное соглашение и выплачивать дань по договору, который бывшие до него цари заключили с великими русскими князьями. Великий же князь Владимир Мономах пошел во Фракию и начисто ее разорил, затем прошел через Халкидонию и опустошил все греческие земли в окрестностях Царьграда. И возвратился он на Русь с богатой добычей и большим богатством, завоевав Греческое царство. <…>

Мудро, по-царски, обсудив все это со своими братьями, удельными князьями и первыми воеводами, царь и великий князь сказал так: «Разве хуже я деда моего, великого князя Ивана, и отца моего, великого князя Василия, которые незадолго до меня царствовали в Москве и правили всей Русской державой? Они ведь тоже подчинили себе великие чужеземные города, и поработили многие неведомые народы, и оставили о себе навечно добрую память, заслужив похвалу у будущих поколений. И я, сын их и внук, один

правлю всеми теми же городами и землями, над которыми они царствовали, — над ними царствую и я, какими областями они владели — теми и я владею: находятся они в моих руках, и все они мною управляются, и я по Божьей милости — царь и напрестольник их. Есть у меня и такие же славные великие воеводы, храбрые и сильные, и искусные в ратном деле, какие были и у них. Кто же возбраняет мне сделать то же, что совершили они, принеся нам много добра? Вот и хотим мы с Божьей помощью совершить то же самое, что и они, для будущих после нас.

Великое ведь зло терпим мы от одних только казанцев, больше, чем от всех других врагов и супостатов моих. Не ведаю, как сможем мы управиться с ними, ибо сильно они досаждают мне. Не могу я больше слышать постоянный плач и рыдания людей моих и терпеть от казанцев притеснения и обиды. И посему, о князи мои и воеводы, хочу я, надеясь на премилостивого вседержителя и человеколюбца Бога, свершить свой подвиг и сам во второй раз идти на казанских сарацинов и пострадать за православную нашу веру и за святые церкви: не только до крови пострадать, но до последнего вздоха.

Любому ведь человеку сладко умереть за свою веру, но особенно — за святую, христианскую, ибо это не смерть, а вечная жизнь! Не напрасно ведь приняли страдание святые апостолы, и мученики, и благочестивые цари, и благоверные князья, и родственники наши: получили они за это не только земные почести, царство, и славу, и победу над врагами, и долгую славную жизнь на земле — даровал им Бог за их благочестие и страдание — страдание за православную веру — по отшествии от этого полного соблазнов мира вместо земных наслаждений — небесные, вместо тленных — нетленные и вечное веселие, и бесконечную радость всегда находиться возле Господа Бога своего и, служа ему вместе с ангелами, веселиться со всеми праведниками бесконечные века.

А что думаете вы об этом, братья мои и благородные наши вельможи, и что ответите мне?» И замолчал он, и воцарилось недолгое молчание.

Ответ царю и великому князю всех его вельмож и воевод. Глава 50

И отвечали ему его братья — князь Георгий и князь Владимир и все благородные его вельможи с веселым сердцем в один голос, словно едиными устами: «Дерзай, не бойся, о великий наш самодержец, побеждай супостатов своих и славу присовокупляй к своему благородству! Не противимся мы тебе и не возражаем. Поступай по своей воле, мы же ни в чем не будем тебе мешать. Ведь слышали мы часто от своих отцов, иное же и сами видели своими глазами — великие обиды, нанесенные тебе казанцами, и многие их измены, поэтому все мы в меру своих сил, насколько поможет нам Бог, хотим крепко пострадать и честно сложить свои головы за святые церкви и за всех православных в твоей державе. И за тебя, великого нашего самодержца, должны мы умереть и забыть богатство наше, и дома, и жен, и детей своих, ни во что их не ставя, — не так, как некогда служили тебе, нерадением и леностью своей одержимые, подражая друг другу, и большие наши вотчины, полученные нашими прадедами от твоих прадедов, сами вместе с казанцами по небрежности своей или немощи привели в окончательное запустение». Такие слова были сказаны ему братьями его и всеми благородными вельможами, боярами и воеводами.

И когда выслушал это царь великий князь, очень понравился ему добрый их совет и мудрые слова их, сказанные ему. Ибо сказано: «Вопроси Отца твоего, и возвестит тебе, и старцы твои поведают тебе». И, поднявшись с престола своего, поклонился он им на все стороны до земли и сказал: «Весьма угоден мне совет ваш, любимые мои советники, и понял я, что будет он на пользу вам и мне». <…>

О послании царем и великим князем с любовию послов к казанскому царю. Глава 60

И посылает царь великий князь послов своих к казанскому царю на второй день после своего прихода, чтобы, подъехав к стенам, с любовию передали они верное его слово всем казанским его вельможам — знатных-то

немного осталось в живых после царя Шигалея, вместо них были новые — и всем жителям Казани.

«Пожалей себя, — говорил он, — казанский царь, устрашись меня, видя разорение земли своей и гибель многих сваих людей, сдайся мне добровольно, и верно служи мне, как служат мне прочие цари, и будь мне братом и верным другом, а не рабом и слугою, тогда посажен будешь ты мною царствовать в Казани до самой своей смерти.

Также и вы все, казанцы, одумайтесь, и пощадите жизнь свою, и сдайте мне город ваш добровольно, по любви и без боя и без пролития крови — вашей и нашей. Присоединитесь к нашему царству и присягайте нам, как и прежде, без страха, ничего не опасаясь, и прощу вам все прежние злые дела и тяжелые напасти, которые терпел от вас и отец мой, и сам я после него. Получите вы от меня помилование и почести великие, и избавитесь теперь от горькой скорой смерти, и будете мне любимыми друзьями и верными слугами.

И дам я вам за вашу любовь большую льготу — жить по своей воле, по вашему обычаю, и законов и веры вашей не лишу вас, и из земли вашей никуда не разведу вас по моим землям, чего вы боитесь. И только оставлю у вас двух или трех воевод моих, а сам пойду прочь. Вы же сами лучше знаете, как вам быть, и если не захотите повиноваться мне, и служить, и быть под моею властью, под именем моим, тогда оставьте пустым этот город ваш и землю вашу и со всеми людьми невредимыми разойдитесь на все четыре стороны, в какую хотите страну, с женами своими и детьми и со всем вашим имуществом, без боязни и без страха, и не упадет с головы вашей ни один волос от воинов моих.

Говорю вам истинную правду для вашей же пользы, щадя вас и оберегая, ибо не кровопийца я и не сыроядец, как вы, поганые басурмане, и не рад я пролитию вашей крови, но за великую неправду вашу пришел я, посланный Богом, оружием наказать вас. И если не послушаете слов моих, то

с помощью Бога моего возьму город ваш на щит, вас же всех, и жен ваших, и детей без пощады склоню под меч. И падете вы и будете, как пыль, попраны нашими ногами.

И не думайте, что шучу я, или стращаю вас, или попусту говорю вам это: не намерен я отступать от вас и до десяти лет, пока не возьму город, ради которого сам пришел я, не доверяя посылаемым мною царям, и князьям, и воеводам».

Не хотел ведь царь великий князь, чтобы кровь их проливалась бессмысленно и без его предупреждения к ним, но хотел сам сначала показать им свое смирение по заповеди Спасовой: «Всякий возносящийся смирится, смиряющийся же вознесется». <…>

Приготовления к бою и победа московских воевод над казанцами. Глава 80

Воеводы же большого полка, увидев, что пришла им уже Божья помощь, исполнились храбростью. И вострубили воины их в ратные трубы и во многие сурны и ударили в накры, подавая весть всем прочим полкам, чтобы те быстро готовились.

Царь же великий князь, получив благословение и прощение от духовного отца своего, мужа добродетельного, по имени Андрей, словно гепард, наполнился боевой яростью, и, взяв в руки меч, сел на боевого своего коня, и, скача, кричал воеводам, размахивая мечом: «Что долго стоите без дела? Приспело уже время потрудиться немного и обрести вечную славу!»

И хотел он в ярости дерзнуть сам идти с воеводами на штурм в большом полку и показать всем пример храбрости, но воеводы силой удержали его и не дали ему воли, дабы не случилось какого греха. И отвели его в стан, увещевая тихими словами: «Тебе, о царь, подобает спасти себя и нас: ведь если все мы будем убиты, а ты останешься здоров, то будет нам честь, и слава, и похвала во всех землях, и останутся у тебя сыновья наши, и внучата, и родственники, и снова будет у тебя вместо нас множество слуг;

если же мы все спасемся, а тебя одного, самодержца нашего, погубим, то будет нам не слава и похвала, но стыд, и срам, и поношение от других народов, и вечное унижение, и уподобимся мы овечьим стадам, не имеющим пастуха, бродящим по пустынным местам и горам и поедаемым волками».

Он же, придя в себя от сильной ярости, понял, что безумное это дерзновение не ведет к добру, и послал первым к городу, ко всем его воротам, большой полк пеших пищальников, которые укрывались за большими деревянными щитами, по тридцать человек за каждым; и повелел придвинуть туры к городским стенам настолько близко, чтобы воины — астраханские царевичи с татарами — могли перейти с них на проломленные стены; а за ними и все остальное воинство. При этом не велел он спешить одновременно всем полкам, опасаясь, как бы из-за давки и тесноты не пало у города много воинов. Сам же, отъехав, с братом своим, князем Владимиром, и с царем Шигалеем, стоял, наблюдая издалека все происходящее.

Воеводы же с пехотинцами начали штурм, и, в один час без труда проломив девять городских ворот, вошли в город, и повсюду открыли путь для всего русского воинства. И, подняв, водрузили над городом самодержцево знамя, возвещающее всем о победе христиан над погаными.

И внезапно те царевичи поспешили в проломы со своими варварскими полками, и в мгновение ока, в то время как казанцы еще метались в страхе, сами себя не понимая и не обретя разум, беспрепятственно вошли в город сквозь полые места и спасли город от разрушения и пожара, потушив огонь.

Прочие же воеводы стояли и дожидались своего времени. Когда же увидели они, что огонь угас, и дым разносится ветром, и русские воины уже скачут по городу и врукопашную бьются с казанцами, то двинулись они с громкими криками со своих мест, где кто стоял, с полками своими и прискакали на конях своих в город, словно грозовые тучи с сильным громом, вливаясь со всех сторон, словно быстрая вода, во все ворота и проломы с обнаженными мечами и копьями, друг друга ободряя и крича: «Дерзайте и не

бойтесь, о друзья и братья, и поспешите на дело Божье — сам Христос невидимо помогает нам!»

И не удержали их ни реки, ни глубокие рвы, ни сама казанская крепость: подобно птицам, перелетали они через них, и припадали, и прилипали к городу. Ибо если не сам Господь решит уберечь город, то напрасно будут охранять его сторожа.

Пехотинцы же приставляли к стенам бесчисленные лестницы и неудержимо лезли на город. Некоторые же, словно птицы или белки, повсюду зацеплялись, как когтями, железными баграми за стены, и влезали на город, и били казанцев.

Казанцы же падали с городских стен на землю и, смерть свою видя перед глазами, радовались и почитали смерть лучше жизни, ибо честно пострадали за обычаи свои, и за отечество, и за город свой. С некоторых же казанцев сошел страх перед смертью, и расхрабрились они, и встали в городских воротах и возле проломов, и схватились с русскими и татарами, смешавшись в яростном бою с передними и задними воинами, уже проникшими в город, и крепко бились, рыча, словно дикие звери.

И страшно было видеть храбрость и мужество тех и других: одни хотели ворваться в город, другие же не захотели пускать их. И, отчаявшись остаться в живых, крепко бились они, неотступно твердя себе: «Все равно нам умирать!» И трещали копья, и сулицы, и мечи в их руках, и гремели, словно сильный гром, голоса и крики и тех и других воинов.

И здесь, в Муралиевых воротах, нанесли казанцы храброму воеводе князю Семену Микулинскому множество ран, но не смертельных. И через несколько дней исцелили его врачи и сделали здоровым, но не на долгое время, как об этом я уже писал прежде. Брата же его, князя Дмитрия, убили из пушки со стены.

И подхватили его слуги, и оттащили мертвого его в шатер. И пало с ним воинов его три тысячи.

И, недолго бившись, потоптали казанцев русские, и погнали их по улицам города, побивая их и посекая, ибо было казанцев не очень много, и не успевали они обегать все места города, охранять все ворота и проломы, и не могли они биться со всеми, поскольку город уже был полон русскими, словно мошкой усыпан. Так, перебегая, сражались они, и много раз вступали в бой, и удерживали русских, и, несильные, убивали их, сильных, до тех пор, пока сзади не подоспевали русские и не побивали их. Иные же вбегали в свои дома, и запирались в них, и бились оттуда.

Но не может слабый огонь долго держаться и сопротивляться, когда гасит его большая вода, но скоро угасает; не может и небольшая запруда устоять перед быстриной большой реки, так и казанцы не могли долго сопротивляться такому множеству русских воинов, а точнее сказать — Божьей помощи. <…>

СУДЕБНИК 1550 г.[1]

Лета 7058 июня царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси [с] своею братьею и з бояры сесь Судебник уложил; как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городом намесником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям.

1. Суд царя и великого князя судит боаром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком. А судом не дружыти и не мстити никому, и посулу в суде не имати; також и всякому судье посулов в суде не имати.

2. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьак просудится, а обвинит кого не по суду безхитростно[2], или список подпишет и правую грамоту[3] даст, а обыщется то в правду, и боярину, и дворецкому, и

[1] Цит. по: Судебники XV—XVI веков. — М.; Л., 1952.

[2] Безхитростно — по ошибке.

[3] Правая грамота — постановление (решение) суда.

околничему, и казначею, и диаку в том пени нет[1]; а истцом суд з головы, а взятое отдати.

3. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит не по суду[2], а обыщется то в правду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначеи, или на дьяке взята исцов иск[3], а пошлины царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток и пожелезное взята втрое[4], а в пене что государь укажет.

4. А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярьского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщется то в правду, что он от того посул взял, и на том дьаке взята перед боярином вполы да кинута его в тюрму.

5. Подьачей, которой запишет не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казнита торговою казнью, бита кнутьем. <...>

8. А имата боарину, и дворецкому, и казначею и дьяку в суде от рублевого дела[5] на виноватом пошлин, кто будет виноват, ищеа[6] или ответчик, и боярину, или дворецкому, или казначею на виноватом одиннатцать денег, а дьяку семь денег, а подьячему две денги; а будет дело выше рубля и ниже рубля, и им имата пошлины по росчету; а болши того им не имата. <...> А возмет боарин, или дворецкой, или казначей, или дьак, или подьячей, или неделщик[7] на ком что лишек, и на том взята втрое. А хто учнет бити челом на боярина, или на дьяка, или на подьячего, или на неделщика,

---

[1] Пени — наказания (штрафы).

[2] Не по суду — за взятку, вопреки достоверным результатам следствия и суда.

[3] Взяти исцов иск — взыскать штраф в размере суммы иска (частного).

[4] Перечислены судебные расходы (езд, хоженое) и пошлины, взимаемые с виновного в тройном размере.

[5] От рублевого дела — от суммы иска в рубль.

[6] Ищеа — истец.

[7] Недельщик — выборный или назначенный человек, исполняющий поручения суда по неделям.

что взяли на нем сверх пошлин лишек, и обыщется то, что тот солгал, и того жалобника казнита торговою казнью да вкинута в тюрму. <...>

26. А бесчестие[1] детем боярским, за которыми кормления[2], указата против доходу, что на том кормление по книгам доходу[3], а жене его безчестья вдвое против того доходу; которые дета боарьские емлют денежное жалование, сколко которой жалованья имал, то ему и бесчестие, а жене его вдвое против их бесчестиа; а дьяком полатным и дворцовым безчестае что царь и великий князь укажет, а женам их вдвое против их бесчестиа; <...> а торговым людем и посадцким людем и всем середним бесчестиа пять рублев, а женам их вдвое бесчестиа против их бесчестиа; а боярскому человеку доброму[4] бесчестиа пять рублев, опричь тиунов и довотчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или довотчику и праведчику[5] бесчестиа против их доходу, а женам их вдвое; а крестианину пашенному и непашенному бесчестиа рубль, а жене его бесчестиа два рубля; а боярскому человеку молотчему[6] или черному городцкому человеку молодчему[7] рубль бесчестиа, а женам их бесчестиа вдвое. А за увечие указывати крестианину, посмотря по увечию и по бесчестию; и всем указывата за увечие, посмотря по человеку и по увечью.

---

[1] Бесчестие — плата за оскорбление.

[2] Кормления — доходы за исполнение обязанностей по делам управления.

[3] По книгам — по доходам, записанным в книгах.

[4] Боярский человек добрый — холоп по своему положению или профессии, более ценимый господином.

[5] Тиун, довотчик, праведчик — холоп, исполнявший в доме и хозяйстве господина административные или судебные функции по его поручению.

[6] Боярский человек молотчий — рядовой холоп, выполнявший «черную» работу.

[7] Городцкой человек молодчий — малоимущий посадский человек.

61. А государьскому убойце, и градскому здавцу, и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику[1], ведомому лихому человеку, жывота не дата, казнит ево смертною казнью. <...>

64. А детей боарьских судита наместником по всем городом по нынешным царевым государевым жаловалным вопчим грамотам. <...>

72. А по городом наместником городских посадских всех людей промеж их судит, обыскивая по их животом и по промыслом и по розмету[2]: сколко рублев кто цареву и великого князя подать дает, по тому их, обыскивая, судит и управа чинит. А розметныя книги[3] старостам и соцким и десяцким и всем и людем тех городов своих розметов земсково дьака руку за своими руками ежегод присылата на Москву к тем боаром, и дворецким, и х казначеем, и к дьаком, у кого будут которые городы в приказе[4]; а другое книги розметные своих розметов старостам и соцким и десяцким тех городов, где кто живет, отдавати тех городов старостам и целовалником[5], которые у наместников в суде сидят. И кто тех городов городцкие посадцкие люди учнут промеж себя искати много, не по своим животом, и про тех исцов сыскивати розметными книгами, сколко он рублев с своего жывота подати дает; и будет жывота ево столко есть, на сколко ищет, ино ему дата

---

[1] Государьский убойца — убийца своего господина; градский здавец — сдавший изменой врагу город (крепость); церковный тать — вор, обокравший церковь; головный тать — убийца; подметчик — человек, подбросивший с злым умыслом какую-либо вещь; зажигалник — [человек,] совершивший умышленный поджог.

[2] Розмет — определение размера податей внутри общины посадских людей между ее членами по имуществу и доходам.

[3] Розметные книги — с записью «розмета».

[4] В приказе — в ведении.

[5] Выборные старосты и целовальники (целовавшие крест о добросовестном исполнении выборной должности, например, при таможнях, тюрьмах и т. д.) и участвовавшие в наместничьем суде.

суд; а будет жывота ево сколке нет, и тех исцов в их искех тем и винит, а пошлины имати по Судебнику, а цареве государево пене велета дата на поруку да прислата к Москве ко государю. А городцким посацким людем искати на наместникех и на их людех по своим же жывотом и по промыслом и по розмету. <...>

81. А детей боарьских служилых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит. <...>

88. А крестианом отказыватись из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни до осеннего и неделя по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожилые платят в поле рубль и два алтына, а в лесех, где десять връст до хоромного лесу[1], за двор полтина и два алтына. А которой крестианин за кем жывет год да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два года пожывет, и он платит полдвора; а три годы пожывет, и он платит три четверта двора; а четыре годы поживет, и он платит весь двор, рубль и два алтына. А пожилое имати с ворот[2]. А за повоз[3] имати з двора по два алтына; а опричь того пошлин на нем не имати. А останетца у которого крестианина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба или с стоачего даст боран[4] два алтына; а по кои места была рож его в земле, и он подать цареву и великого князя платит со ржы, а боярьского дела ему, за кем жыл, не делати. А попу пожылого нет, и ходити ему вон безсрочно воля. А которой крестианин с пашни продаст ся в холопи в полную, и он выйдет безсрочно ж, и пожылого с него нет; а которой хлеб его останется в земле, и

---

[1] Хоромный лес — пригодный для строительства дома и хозяйственных зданий.

[2] С ворот — со двора с воротами.

[3] Повоз — поставка на подводах натуральных податей, взамен которых взимается по два алтына с двора за год.

[4] Борон — подать, штраф.

он с того хлеба подать цареву и великого князя дает; а не похочет подати платит, и он своего хлеба земленаго лишен. <...>

92. А которой человек умрет без духовной грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли взяти дочери; а не будет у него дочери, ино взята ближнему от его роду. <...>

98. А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева докладу и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати. <...>

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЦОВОЙ КНИГИ[1]

...А оброку им давати пять гривен новгородцкая.

Матфеевская да Васильевъская Базиных пожня[2] в Готкове острове на Полисте. А ставится на ней 100 копен сена. А дана Яхну Савину да Кунку. А оброка им давать 5 гривен.

Пожня Колища возле Климковской путь, что была Михаила святого с Сковородки. А ставится на ней 200 копен сена. А дана в оброк Манухе Федосову. А оброку ему давати пять гривен ноугородцкая.

Пожни, что были Юрьева манастыря, на Юрьевской луке, на Ловоти выше Устьян — да на Парфиньской луке, а ставится на них сена 60 копен. А даны в оброк Ортему Плешивому. А оброку ему давати две гривны ноугородцкие.

Юрьева ж манастыря было озеро Серобра промеж Ловоти и Полисти, а в нем тоней 50, а рыба в нем белая всякая. Да у того ж озера пожни, что были Юрьева ж манастыря: пожня Гребень, пожня Хвостцы, пожня Серебра, пожня Воинятино-Наредье. А ставится сена на тех пожнях на всех 600 копен. А дано то озеро и пожни в оброк Олексе Микифорову Лубнику да Ортему

---

[1] Источник текста: http://www.vostlit.info/

[2] По́жня — покос, луг.

Плешивому, да Ивашку Боярину. А оброку им давати полтретья рубля ноугородцкие.

Пожни, что были Юрьева ж манастыря, на Ловоти ж на острову на Въюце пожня, а другая пожня конец Говенной Лозы. А сена ставится на обеих 300 копен.

А даны в оброк Олексею ж Лубнику да Ортему Плешивому, да Ивашку Боярину. А оброку им давати пять гривен ноугородцкая.

Пожни Пречистые, что были Лиситцкого 23 монастыря, пожня Заловоть, выши Устьян, а другая пожня на Усть-Полисты, а третья пожня конец Рдетска. А ставится на них сена 300 копен. А даны в оброк Федотку Гридину да Палке Ивонину, да Креню...

ЧЕЛОБИТНАЯ ИВАШКИ ПЕРЕСВЕТОВА[1]

Государю благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу бьет челом государев холоп Ивашка, сын Семена, Пересветов, чтобы ты, государь, пожаловал своего холопа и велел оценить мое уменье.

Когда я прибыл в твое распоряжение, я привез образчик этого уменья тебе, государь, и этот образчик моего уменья тебе, государь, представляли. И ты, государь, осмотрел образчик моего уменья и определил меня, твоего холопа, к Михаилу Юрьевичу и Михаилу же передал образчики моего уменья. А Михаил Юрьевич осмотрел образчики и похвалил перед тобой, государь, мое уменье и ходатайствовал за меня перед тобой, государь.

Взялся я, государь, изготавливать гусарские щиты в косую сажень крупного человека, с клеем, сыромятной кожей, каменьями и железными остриями, — это щиты, государь, по македонскому образцу. И если изготавливать их из древесины ветлы, то будет легко, надежно и крепко: с

[1]Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 2000. — Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века.

таким щитом и один человек может передвигаться как угодно или скакать на коне. А в поле эти щиты — защита: с близкого расстояния не возьмет стрела, а с дальнего боя не возьмет ручная пищаль. И в поле из-за этих щитов удобно вести огневую перестрелку с неприятелем из пищалей и из затинных пищалей, как из крепости. И ты, государь, приказал было Михаилу Юрьевичу для этого производства дать мне плотников и других мастеров, которые были нужны мне для этого производства. К тому же, государь, с этими щитами на Волге, где неприятель не пожелает подпустить к берегу своими войсками, так твои воины, государь, смогут отбить у него берег. Но скоро не стало в живых Михаила Юрьевича, он внезапно скончался. И уменье это мое, государь, пропадает. Не нужно ли тебе, государь, уменьице мое?

А с прибытья моего, государь, одиннадцать лет, а я к тебе, благоверный государь, доступа не имею. Я же тебе, государь, о себе говорю ради царского твоего воинственного духа, чтобы уменье мое не пропало втуне у меня, ведь тебе скоро, государь, на твоих неприятелей понадобится. Вот велел бы ты, государь, изготовить щиты для трехсот человек и велел бы ты, государь, на триста коней богатырских изготовить щиты, — для тех, кто горазд вести смертную игру с твоими неприятелями за веру христианскую и за тебя, государь великий царь.

Служил я, государь, у венгерского короля Яноша в городе Гусине рыцарскую службу с шестью всадниками, а на всякого получал, государь, по семи золотых на двенадцать недель. А пробыл я там, государь, три года в полку Фредерика Сапежича: было нас, государь, триста королевских рацарей польского короля, и с королевского ведома ездили мы к венгерскому королю. Там вот, государь, и видел я эти щиты гусарские по македонскому образцу.

Служил я также, государь, чешскому королю Фердинанду тоже рыцарскую службу с семью всадниками и получал на всякого по семи золотых на двенадцать недель. Было нас, государь, пять сотен от польского

короля, а гетманом у нас был Андрей Точинский, староста бельский. Служили мы, государь, у чешского короля тоже три года с ведома польского короля, ведь были у нас его грамоты. Но, оставив там рыцарскую службу, прибыл я в твое распоряжение, потому что слышал от многих мудрецов, что быть тебе, государь, по небесному знаменью, великим царем. И пожаловал ты было меня, холопа своего, богато царским своим пожалованьем — поместьем. Да и добра с собой привез я порядочно.

Но пожалованное тобой, государь, поместье опустошили притеснениями сильные люди, а я к тебе, государь, благоверному царю, подступиться не могу, пожаловаться на них. Да и добро, государь, я растратил, что с собою привез из королевств: все пропало за притеснениями и судебными волокитами. Служу я твою государеву службу: из Москвы — на службу, а со службы — в Москву, а в пожалованном тобой, государь, поместье враги и часу не дают пожить. Не любят, государь, нас, людей приезжих. И вот, государь, от притеснений и судебных волокит наг я, бос и пеш. Служил я, государь, трем королям, а таких притеснений ни в одном королевстве не видал. Что было с собой привез я добра, все здесь потратил за притеснениями и волокитами. Из Москвы на службу, со службы в Москву, а к тебе, государь, благоверному царю, подступиться невозможно.

Государь благоверный царь и великий князь всея Руси, Иван Васильевич, смилуйся, расследуй своим царским следствием и защити от насильников, чтоб не погиб окончательно холоп твой и службу твою не забросил. Ведь я, твой государев холоп, услышав о твоем воинственном духе и счастье, оставил доходную службу у королей и только ради этого твоего духа к тебе, государь, приехал.

«УЛОЖЕНИЕ О СЛУЖБЕ»[1]

Посем же государь и сея разсмотри, которые велможы и всякие воини многыми землями завладали, службою оскудеша, — не против государева жалования и своих вотчин служба их[2], — государь же им уровнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша[3], комуждо что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимущим[4]; а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей[5] добрые угожей земли человек на коне и в доспехе полном, а в данной поход о дву конь, и хто послужит по земли[6] и государь их жалует своим жалованием, кормлении, и на уложеные люди[7] дает денежное жалование: а хто землю держит, а службы с неё не платит на тех на самех имати денги за люди[8] а хто дает в службу люди лишние перед

---

[1] Цит. по: Хрестоматия по Истории России: Учеб. пособие / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. — М., 2004.

[2] Не против вотчин… служба их — феодалы являлись в поход с числом людей и оружием по своему усмотрению, независимо от богатства и размеров их земельных владений.

[3] Землемерие им учинили — около 1551 г. был составлен единый писцовый наказ, и писцы начали измерять земельные владения в общегосударственной налоговой единице — «сохе», с которой соразмерялись старые единицы, существовавшие в разных областях государства (выть, обжа и др.). В руках писцов в качестве пособия появилась «Книга, именуемая Геометрия или Землемерие».

[4] Преизлишки… неимущим — мелким дворянам.

[5] Сто четвертей (четей) — около 50 га; если у феодала быдо 200 четей земли, он должен был привести с собой в поход одного слугу на коне, с оружием и в доспехах, если 300 четей — двух слуг и т. д.

[6] Хто послужит по земли — выполнит полностью норму поставки людей, коней и оружия.

[7] Уложенные люди — ратники, выставляемые феодалом по одному с каждых 100 четей принадлежащей ему земли.

[8] Имати денги за люди — удерживать деньги из жалованья по окладу за недостамен по норме ратников.

землею[1], через уложеные люди, и тем от государя болшее жалование самим, а людем их перед уложеными в полътретиа[2] давати денгами. И все государь строяше, как бы строение воинъству и служба бы царская безо лжи была и без греха вправду; и подлинные тому розряды у царьскых чиноначалников, у приказных людей.

СТОГЛАВ[3]

<…> *О монастырех, иже пусты от небрежения*.

В монастыри боголюбцы дают душам своим и родителем на поминок вотчинные села и прикупи, а иные вотчины собою покупают в монастыри, а иное угодие у меня припрашивают. И поимали много по всем монастырем, а братии во всех монастырех по старому, а инде старою менши, есть и пить старого братье скуднее; устроения в монастырях ни котораго не прибыло, и старое опустело, где те прибыли и кто тем корыстуется? А тарханные и несудимые и льготные грамоты[4] у них же о торговлях без пошлино. А чернцы по селом живут да в городе, тяжутся о землях. Достойно ли то? А села и именья в монастыри емлют, а по тех душах и по родителех и по их приказу и памяти не исправляют, кто о сем истязан будет в день страшнаго суда? <…>

Глава 6.

---

[1] Лишние перед землею — выставленные в поход сверх установленной нормы («передаточные люди»).

[2] В полътретиа — в два с половиной раза больше.

[3] Цит. по: Хрестоматия по Истории России: Учеб. пособие / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. — М., 2004.

[4] Тарханные и несудимые грамоты — освобождали крупных церковников и монастыри от уплаты податей и выполнения повинностей в пользу государства, от вмешательства царских управителей и судей (кроме душегубства, разбоя и татьбы с поличным) в дела церковных вотчин.

Некогда вниде в слухи боговенчаннаго и христолюбивого царя государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца, что по многим церквам божиим звонят и поют не во время <…> и многие церковные чины не сполна совершаются по священным правилом и не по уставу. <…> Отныне и впредь в царствующем граде Москве и по всем градом <…> российского царствия, по всем святым церквам звонити и божественниа литургии служити и прочее церковное пение правити сполна и по чину. <…>

Глава 26. О училищах книжных по всем градом. <…>

<…> В царствующем граде Москве и по всем градом <…> избрати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков женатых и благочестивых <…> и грамоте бы и чести и пети и писати горазди. И у тех священников и у дьяконов и у дьяков учинити в домех училища, чтобы священницы и дьяконы и все православные хрестьяне в коемждо граде предавали своих детей на учение грамоте книжнаго писма и церковнаго петия… и чтения налойнаго. И те бы священники и дьяконы и дьяки избранные учили своих учеников страху божию и грамоте и писати и пети и чести со всяким духовным наказанием. <…>

Глава 28. О книжных писцех.

Так же которые писцы по градом книги пишут, и вы бы им велели писати с добрых переводов. Да написав правили, потом же и продавали. А которой писец написав книгу продаст не исправив, и вы бы тем возбраняли с великим запрещением. А кто <…> неисправленну книгу купит <…>, потому же возбраняли <…>, чтобы впредь так не творили. А впредь только учнут тако творити продавцы и купцы, и вы бы у них те книги имали даром без всякого зазора, да, исправив, отдавали в церкови, которые будут книгами скудны. <…>

Глава 32. О крестящихся не по чину.

Мнози неразумнии человецы, махающе рукою по лицу своему, творят крестящиеся а всуе тружающеся. Тому бо маханию беси радуются. А тако есть право креститися. Первое положити руку на челе своём, потом на персех, потом на правом плечи, таже и на левом, то есть истинное воображение крестному знамению, аще кто право крещает лице свое сим знамением, той никогда же не убоится дьявола или злаго супостата и от бога мзду приемлет за то, <…> аще ли кто леностию или невежеством не исправляет креста на лице своем, той отмещется креста Христова и припадает дьяволу. <…>

Глава 41.

<…> Писати жипописцем иконы с древних преводов, как греческие живописцы писали, как писал Андрей Рублёв и прочии пресловущии[1] живописцы, и подписывати святая Троица, а от своего замышления ничтоже предворяти. <…>

В приских свадьбах играют глумотворцы и арганники, и смехотворцы, и гусельники и бесовские песни поют, и как к церкви венчатися поедут, священник со крестом будет, а пред ним со всеми теми играми бесовскими рыщут[2], а свщенницы им о том не возбраняют и не запрещают. <…> О том <…> запрещати великим запрещением. <…>

Да по дальним странам ходят скоморохи… ватагами многими, по шестидесяти и до семидесят человек, и по сто <…> и по деревням у крестьян сильно ядят и пьют, и из клетей животы грабят, а по дорогам людей розбивают. <…>

Да по погостам и по селом ходят лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отростив и распустя, трясутся и убиваются. А сказывают, что им являются святае пятница и святая Анастасия и велят им заповедати хрестияном каноны завечати. Они же заповедают

---

[1] Пресловущии — знаменитые, известные.

[2] Рыщут (от ристать) — быстро бегать, скакать, ездить.

крестьяном в среду и в пятницу ручного дела не делати, и женам не прясти, и платья не мыти, и каменья не разжигати. <…>

<…> Злые ериси кто знает их и держится: рафли, шестокрыл, вороногpай, остромий, зодей, алманах, звездочетье, аристотель, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическия и коби бесовские <…> —, и в те прелести веруючи многих людей от бога отлучют и погибают. <…>

В троицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках[1] и плачутся по гробом умерших с великим воплем. И егда начнут играти скоморохи во всякие бесовские игры, они же от плача преставше, начнут скакати и плясати и в долони[2] бити и песни сотонинские пети на тех же жальниках, обманщики и мошенники. <…>

<…> Русали о Иванове дни и в навечерии Рождества Христова и крещения сходятся мужи и жены и девицы на нощное плещеванне, и на бесчинный говор, и на бесовские песни, и на плясание, и на скакание, и на богомерзкие дела. И бывает отроком осквернение и девам растление. <…>

Глава 72. О искуплении пленных.

Которых откупят царевы послы в ордах и в Цареграде и в Крыму… и тех всех плененых окупати из царевы казны. А которых православных хрестьян плененых приводят, окупив гречи и туркчане, армени или иные гости, да быв на Москве, восхотят их с собою опять повести, ино их не давати, и за то крепко стояти; да их окупати из царевы же казны. <…>

Глава 75. О вотчинах и о куплях, которые боголюбцы давали святым церкам на память своим душам и по своих родителех и вечный поминок и в наследие благ вечных.

Да духовным же пастырем, архимандритом и игуменом и строителем с соборными старцы <…> по всех по тех боголюбцех, которые давали вотчины

---

[1] Жальниках — поминках.

[2] Долони — ладони.

и села и купли ставити по них кормы[1] и на памяти их пети понахиды и обедни служити. <…> Имена их написати в синодик[2] и поминати по церковному уставу, а отчин их и сел, которые даны на поминок святым церквам без выкупа[3] и иных церковных и монастырских земель и прочих недвижимых вещей, по священным божественным правилом, ни отдати, ни продати, но крепко хранити и блюсти[4]. <…>

Глава 92. О игрищах еллинского[5] бесования.

Ещё же мнози от неразумия простая чадь[6] православных християн во градех и в селех творят еллинское бесование, различные игры и плясания в навечерии рождества Христова и против праздника рождества Ивана Предтечи в нощи и… в праздник весь день и нощь. Мужи и жены, и дети в домех по улицам отходя и по водам глумы[7] творят всякими игры <…> и песньми сотанинскими <…> и многими виды скаредными[8]. <…>

Глава 98.

<…> Приговорил еси государь преже сего с нами, с своими богомольцы <…> о слободах наших митрополичих и о архиепископлих и епископлих и о монастырских, что слободам всем новым тянути грацкими

---

[1] Ставити … кормы — кормить нищих в день поминовение умершего «боголюбца», который отдал церкви свои вотчины.

[2] Синодник — рукописная книга, по которой во время церковных служб провозглашалась «вечная память» внесённым в неё умершим. В синодники Иван IV записывал имена казнённых во время опричнины.

[3] Без выкупа — без права выкупа членами «рода» (фамилии).

[4] Запрещая отчуждать любым способом вотчины, села и всякое недвижимое имущество церкви и монастырей, Стоглав укреплял феодальную собственность церковников.

[5] Еллинского — греческого, здесь: в смысле языческого.

[6] Простая чадь — простолюдины, сельчане и горожане.

[7] Глумы — шутки, смех, потехи, забавы, насмешки.

[8] Виды скаредными — накладные маски-личины, потешные одежды и украшения.

людьми всякое тягло и з судом. И мы ныне тот приговор помним. В новых слободах ведает бог да ты, опричь суда. А ныне наместники твои государевы и властели тех слобожан хотят судити, и в том <…> слобожаном нашим запустети. А преже того твои <…> наместники и властели наших слобожан не суживали. И ты бы, государь, своим наместником и властелем впредь наших слобожан не велел судити. А ныне твой царский приговор с нами, что в те новые слободы вышли посацкие люди после описи, и тех бы людей из новых слобод опять вывести в город на посад. И о том ведает бог да ты, государь, как тебе о них бог известит. А впредь бы митрополитом и архиепископом, и епископом, и монастырем держати свое старые слободы по старине.., а новых слобод не ставити, и дворов новых в старых слободах не прибавляти… А в которых старых слободах дворы опустеют, и в те дворы звати сельских людей пашенных и непашенных по старине, как преже сего было. А отказывати тех людей на срок о Юрьеве дне осеннем по государеву указу по старине же. А с посаду впредь горадских в слободы не называти и не приимати, разве казаков нетяглых людей.

ДОМОСТРОЙ[1]

<…> 14. Как почитать отцов своих духовных и повиноваться им

Следует знать, как почитать отца своего духовного. Приискать отца духовного доброго, и благоразумного, и рассудительного, а не потаковщика пьяницу, не сребролюбца, не гневливого. Следует такого почитать и повиноваться ему во всем и каяться перед ним со слезами, исповедуя грехи свои без стыда и без срама, и наставления его соблюдать. Призывать же его в дом к себе часто и исповедоваться всегда по всей совести, и поучение его с признательностью принимать, и слушаться его во всем, и почитать его. И бейте челом ему низко: он учитель наш и наставник, и старайтесь приходить

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 2000. — Т. 10: XVI век.

к нему со страхом и признательностью, и давайте ему приношения от своих трудов по возможности; и советуйтесь с ним почаще о правильном житье, чтоб удержаться от грехов, и мужу как поучать и любить жену свою и детей, а жене — слушаться мужа своего, советуясь с ним всякий день. А исповедоваться в грехах своих всегда перед духовным своим отцом, и открывать все свои грехи, и покоряться ему во всем: ибо они заботятся о наших душах и дадут ответ за нас в день Страшного суда. И не поносить их, не осуждать, не укорять, а если станут о ком просить, этого выслушать, да и виновного наказать, по вине смотря, с ним же все обсудив. <…>

17. Как детей учить и страхом спасать

Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей; и не жалея бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочери у тебя, направь на них свою строгость, тем сохранишь их от бед телесных: и ты не посрамишь лица своего, коли в послушании ходит, и не твоя вина, если по глупости нарушит она девство свое и станет известно знакомым твоим, и тогда посрамят тебя перед людьми. Ибо если отдашь дочь свою беспорочной, будто великое дело совершишь и в любом обществе похвалишься, никогда не посетуешь на нее. Любя же сына своего, учащай ему раны, и потом не нахвалишься им; наказывай сына своего с юности и порадуешься на него потом в зрелости, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитай дитя в запретах и найдешь в нем покой и благословение; не улыбайся ему, играя: в малом послабишь — в большом пострадаешь, скорбя, и в будущем будто занозы вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, но, ожесточась, не повинится перед тобою, не станет тебе досадой, и болезнью души, и разорением дома, и погибелью имущества, и укоризной соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадою. <…>

29. Учить мужу свою жену, как богу угодить, и к мужу своему приноровиться, и как свой дом лучше устроить, и всякий домашний порядок и рукоделье всякое знать, и слуг учить и самой трудиться

Следует мужьям поучать жен своих с любовью и примерным наставлением; жены мужей своих вопрошают о строгом порядке, о том, как душу спасти, Богу и мужу угодить и дом свой хорошо устроить, и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с тем охотно соглашаться и исполнять по его наставлению: и прежде всего иметь страх Божий и пребывать в телесной чистоте, как уже впереди указано было. Поднявшись с постели, умывшись и помолясь, женкам и девкам работу указать на день, каждой — свое: кому дневную пищу варить, а кому хлебы печь ситные и решетные, — да и сама бы хозяйка знала, как муку сеять, как квашню затворить и замесить и хлебы скатать и испечь: и кислые, и пышные, и выпеченные, а также калачи и пироги; да знала бы, сколько муки возьмут, и сколько испекут, и сколько чего получится из четверти, или из осьмины, или из решета, и сколько высевок отойдет, и сколько испекут, — меру знать во всем. А еду мясную и рыбную, и всякие пироги и всякие блины, и всякие каши и кисели, и всякие блюда печь и варить, — все бы сама хозяйка умела, чтобы и всех слуг научить тому, что сама все знает. Когда же хлебы пекут, тогда и одежду стирают, так в общей работе и дровам не убыточно, но нужно приглядывать, как нарядные рубашки стирают и лучшую одежду, и сколько мыла идет и золы, и на сколько рубашек, да хорошо бы постирать, прокипятить и начисто выполоскать и высушить и разгладить и скатерти, и убрусы, и платки, и полотенца; также и счет всему самой знать, отдать и взять все сполна, и бело и чисто, а ветхое осторожно бы залатать, все сироткам сгодится. А когда хлебы пекут, того же теста велеть отложить и пироги начинить; и если пшеничный пекут, то из обсевков велеть пирогов наделать, в скоромные дни со скоромной начинкой, какая случится, а в постные дни с кашей, или с горохом, или со сладким, или репу, или грибы, или рыжики, или капусту, —

что Бог подаст, все семье в утеху. И всякую бы еду, и мясную, и рыбную, и всякое блюдо, скоромное или постное, жена сама бы знала да умела и приготовить и служку научить: такая хозяйка домовитая и умелая. И это знала бы также: как делают пивной, и медовый, и винный, и бражный, квасной, и уксусный, и кислощанный, и всякий припас поварской и хлебный, и в чем что готовить, и сколько из чего получится. Если все это знает благодаря строгости и наставлениям хорошего мужа и своим способностям также, то все будет споро и всего будет вдоволь. А которая женка или девка рукодельна, так той указать дело: рубашку сшить, или вышить убрус, или выткать, или шить на пяльцах золотом и шелками — какую чему научили, и все то и доглядеть и заметить: И каждой бы мастерице сама хозяйка отвесила и отмерила пряжи, и тафты, и камки, золотой и серебряной нити, и рассчитать, и указать, сколько чего надобно и сколько чего дать, и выкроить и примерить, самой знать всякое рукоделие и малых девок учить, какая к чему пригодна; а замужним женкам, которые черную работу делают, избу топят, и хлебы пекут, и белье стирают, — тем лен дают прясть, на себя да на мужа и на детей; одинокая женка или девка на хозяина лен прядет, а и́згреби и очéсы на себя или как придется. Да и ведала бы сама хозяйка, которой какое дело дать, сколько чего дать, и сколько чего взять, и сколько чего кто сделает за день, много ли, мало, и сколько из чего получится, — все то сама бы знала, и было бы все у нее на счету. А сама бы хозяйка ни в коем случае никогда, разве что занедужит, без дела не находилась, так что и служкам, на нее глядя, повадно было трудиться. Муж ли придет, простая ли гостья — всегда б и сама над рукодельем сидела: за то ей честь и слава, а мужу похвала; никогда бы слуги хозяйку не будили, но сама хозяйка будила слуг и, спать ложась после трудов, всегда бы молилась. <…>

38. Как порядок в избе навести хорошо и чисто

Стол, и блюда, и поставцы, и ложки, и всякие сосуды, и ковши, и братины, воды согрев, с утра перемыть и вытереть и высушить, и после обеда

также, и вечером; а ведра и ночвы, и квашни и корыта, и сита и решета, и горшки и кувшины, и корчаги также вымыть всегда, и выскресть, и вытереть, и высушить, и положить в чистом месте, где будет удобно хранить. Всегда бы все сосуды и посуда вымыты и чисты были, а на лавке, и по двору, и по комнатам посуда не валялась бы, ставцы, и блюда, и братины, и ковши, и ложки на лавке не валялись бы, но там, где положено, в чистом месте лежали бы, опрокинуты вниз; а в какой посуде что лежит из еды или питья, так то покрыто было бы чистоты ради и вся посуда с едой или с питьем или с водою; если квашню творить, всегда было бы покрыто, а в избе и завязано от тараканов и от всякой нечисти. Избу, и стены, и лавки, и скамьи, и пол, и окна, и двери, и в сенях, и на крыльце — все вымыть и вытереть, и вымести и выскрести, и всегда бы было чисто; и лестницы, и нижнее крыльцо — все было бы вымыто, и выскоблено, и вытерто, и выметено, а перед нижним крыльцом положить сена, чтобы грязные ноги вытирать, тогда и лестница не загрязнится; и в сенях перед дверями рогожку или ветхий войлок положить или тряпку — вытирать грязные ноги, чтобы в плохую погоду полов не пачкать; у нижнего крыльца сено или солому переменять, а у дверей рогожку или войлок переменять или тряпку чистую положить, а загрязненное прополоскать и высушить и снова туда же под ноги сгодится. Вот потому-то у добрых людей, у хозяйственной жены дом всегда чист и устроен, — все как следует и припрятано, где что нужно, и вычищено, и подметено всегда: в такой порядок как в рай войти. За всем тем и за любым обиходом жена бы следила сама да учила слуг и детей и добром и лихом: а не понимает слова, так того и поколотить; а увидит муж, что у жены непорядок и у слуг, или не так все, как в этой книге изложено, умел бы свою жену наставлять да учить полезным советом; если она понимает — тогда уж так все и делать, и любить ее, и хвалить, но если жена науке такой и наставлению не следует, и того всего не исполняет, и сама ничего из того не знает, и слуг не учит, должен муж жену свою наставлять-вразумлять один на один и в трепете, а поучив —

простить, и попенять, и пожурить любовно да вразумить, но при том ни мужу на жену не сердиться, ни жене на мужа — всегда жить в любви и в согласии. А слуг и детей, также смотря по вине и по делу, наказать и посечь, а наказав, пожаловать; госпоже же слуг защищать в разбирательстве, тогда и служкам уверенней. Но если слову жены, или сына, или дочери не внимает, и наставление отвергает, и не послушается, и не боится их, и не делает того, чему муж, или отец, или мать учат, тогда плетью постегать, по вине смотря, а побить не перед людьми, наедине проучить, да приговаривать, и попенять, и простить, но никогда не гневаться ни жене на мужа, ни мужу на жену. И за любую вину ни по уху, ни по глазам не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колотить, ничем железным или деревянным не бить; кто в сердцах или с кручины так бьет, многие беды от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут и палец, могут быть и головные боли, и выпадение зубов, а у беременных женщин и повреждение младенцам бывает в утробе. Плетью же в наказании осторожно бить: и разумно и больно, и страшно и здорово, но лишь за большую вину, под сердитую руку, за великое и за страшное ослушание и нерадение, а в прочих случаях, рубашку задрав, плеткой тихонько побить, за руки держа и по вине смотря, да поучить, приговаривая: «А и гнев бы не был, и люди б того не ведали и не слыхали, жалобы бы о том не было». Да никогда бы не были брань и побои и гнев на ссору слуг или их наговор без справедливого следствия, и если были оскорбления или нехорошие речи или свои подозрения, — виновного наедине допросить по-хорошему: покается искренне, без всякого лукавства — милостиво наказать да простить, по вине смотря; но если оговоренный не виноват, оговорщиков уж не прощать, чтобы и впредь распрей не было, да и судить лишь по вине и по справедливому розыску; если же виновный не признается в грехе своем и в вине, тут же наказание должно быть жестокое, чтобы был виноватый в своей вине, а правый в правоте: повинную голову меч не сечет, а покорное слово кость ломит.

ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ I[1]

Ради милосердия Бога нашего <...> мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси <...> королевне Елизавете Английской, Французской, Ирландской и иных.

Некоторое время тому назад брат твой, король Эдуард, послал своих людей под предводительством Ричарда для каких-то надобностей по всем странам мира и писал ко всем королям, и князьям, и властителям, и управителям. А на наше имя ни одного слова послано не было. И те люди твоего брата, Ричард с людьми своими, неизвестно каким образом, вольно или невольно, пристали к морской пристани у нашей крепости на Двине. И тут мы, как подобает государям христианским, милостиво оказали им честь, приняли их за государевыми парадными столами, пожаловали <...> к брату твоему отпустили.

И от того твоего брата приехали к нам тот же Ричард Ричардов и Ричард Грей. Мы их также пожаловали и отпустили с честью. И после того как к нам приехал от твоего брата Ричард Ричардов, мы послали к брату твоему своего посланника Осипа Григорьевича Непею. А купцам твоего брата и всем англичанам мы дали такую свободную жалованную грамоту, какую даже из наших купцов никто не получал, а надеялись за это на великую дружбу вашего брата и вас и на услуги от всех английских людей.

В то время, когда мы послали своего посланника, брат твой Эдуард скончался, и на престол вступила сестра твоя Мария, а потом она вышла замуж за испанского короля Филиппа. И испанский король Филипп и сестра твоя Мария приняли нашего посланника с честью и к нам отпустили, а дела с ним никакого не передали. А в то время ваши английские купцы начали

---

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 2001. — Т. 11: XVI век.

творить нашим купцам многие обманы и свои товары начали продавать дороже того, чего они стоят.

А после этого стало нам известно, что и сестра твоя, королевна Мария, скончалась, а испанского короля Филиппа англичане выслали из королевства, а на королевство посадили тебя. Но мы и тут не учинили твоим купцам никаких притеснений и велели им торговать по-прежнему.

А до сих пор, сколько ни приходило грамот, — хотя бы у одной была одинаковая печать! У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому у государей, — таким грамотам ни в каких государствах не верят. У государей в государстве должна быть единая печать. Но мы и тут всем вашим грамотам доверяли и поступали в соответствии с этими грамотами.

И после этого ты прислала к нам по торговым делам своего посланника Антона Янкина. И мы, надеясь, что он у тебя в милости, привели его к присяге, да и другого твоего купца Ральфа Иванова — как переводчика, потому что некому было быть переводчиком в таком великом деле, и передали с ним устно великие тайные дела, желая с тобой дружбы. Тебе же следовало к нам прислать своего ближнего человека, а с ним Антона или одного Антона. И нам неизвестно, передал ли эти дела тебе Антон или нет, про Антона года полтора не было известий. А от тебя никакой ни посланник, ни посол к нам не прибывал. Мы же ради этого дела дали твоим купцам другую свою жалованную грамоту; надеясь, что эти гости пользуются твоей милостью, мы даровали им свою милость свыше прежнего.

И после этого нам стало известно, что в Ругодив приехал твой подданный, англичанин Эдуард Гудыван, с которым было много грамот, и мы велели спросить его об Антоне, но он ничего нам об Антоне не сообщил, а нашим посланникам, которые были к нему приставлены, говорил многие невежливые слова. Тогда мы велели расследовать, нет ли с ним грамот, и захватили у него многие грамоты, в которых о нашем государевом имени и

нашем государстве говорится с презрением и написаны оскорбительные вести, будто в нашем царстве творятся недостойные дела. Но мы и тут отнеслись к нему милостиво — велели держать его с честью до тех пор, пока не станет известен ответ от тебя на те поручения, которые переданы с Антоном.

И после этого приехал от тебя к нам в Ругодив посланник Юрий Милдентов по торговым делам. И мы его велели спросить про Антона Янкина, был ли он у тебя и когда он должен прибыть от тебя к нам. Но посланник твой Юрий ничего нам об этом не сказал и наших посланников и Антона облаял. Тогда мы также велели его задержать, пока не получим от тебя вестей о делах, порученных Антону.

После этого нам стало известно, что к Двинской пристани прибыл от тебя посол Томас Рандольф, и мы милостиво послали к нему своего сына боярского и приказали ему быть приставом при после, а послу оказали великую честь. А приказали спросить его, нет ли с ним Антона, он же нашему сыну боярскому ничего не сказал и начал говорить о мужицких торговых делах; а Антон с ним не пришел.

Когда он приехал в наше государство, мы много раз ему указывали, чтобы он известил наших бояр о том, есть ли у него приказ от тебя о делах, о которых мы передали тебе с Антоном. Но он нелепым образом уклонился. А писал жалобы на Томаса и на Ральфа и о других торговых делах писал, а нашими государственными делами пренебрегал. Из-за этого-то твой посол и запоздал явиться к нам; а затем пришло Божье послание — моровое поветрие, и он не мог быть принят. Когда же время пришло и Божье послание — поветрие — кончилось, мы его допустили пред свои очи. Но он опять говорил нам о торговых делах. Мы высылали к нему своего боярина и наместника вологодского князя Афанасия Ивановича Вяземского, печатника своего Ивана Михайлова и дьяка Андрея Васильева и велели его спросить, если ли у него поручение по тем делам, о которых мы передавали тебе с

Антоном. Он ответил, что такое поручение с ним тоже есть. А мы поэтому оказали ему великую честь, и он был принят нами наедине. Но он говорил о тех же мужицких торговых делах и лишь изредка касался того дела. А нам в то время случилось отправиться в нашу вотчину Вологду, и мы велели твоему послу Томасу ехать с собой. А там, в Вологде, мы выслали к нему своего боярина князя Афанасия Ивановича Вяземского и дьяка Петра Григорьева и велели с ним переговорить, как лучше всего устроить между нами это дело. Но посол твой Томас Рандольф все время говорил о торговом деле, и едва его убедили поговорить о тех делах. Наконец договорились об этих делах, как следует эти дела устроить, написали грамоты и привесили к ним печати. Тебе же, если тебе это было бы угодно, следовало таким же образом написать грамоты и прислать к нам послами достойных людей и с ними вместе прислать Антона Янкина. Прислать Антона мы просили потому, что хотели его расспросить, передал ли он тебе те слова, которые мы ему говорили, угодны ли тебе наши предложения и каковы твои о них намерения. И вместе с твоим послом послали своего посла Андрея Григорьевича Совина.

Ныне ты к нам отпустила нашего посла, а своего посла с ним ты к нам не послала. А наше дело ты сделала не таким образом, как договорился твой посол. Грамоту же ты послала обычную, вроде как проезжую. Но такие дела не делаются без присяги и без обмена послами. А ты то дело отложила в сторону, а вели переговоры с нашим послом твои бояре только о торговых делах, управляли же всем делом твои купцы — сэр Ульян Гарит да сэр Ульян Честер. Мы надеялись, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государской чести и выгодах для государства, поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом

звании, как всякая простая девица. А тому, кто хотя бы и участвовал в нашем деле, да нам изменил, верить не следовало.

И если уж так, то мы те дела отставим в сторону. Пусть те торговые мужики, которые пренебрегали нашими государскими головами и государской честью и выгодами для страны, а заботятся о торговых делах, посмотрят, как они будут торговать! А Московское государство пока и без английских товаров не скудно было. А торговую грамоту, которую мы к тебе послали, ты прислала бы к нам. Даже если ты и не пришлешь ту грамоту, мы все равно не велим по ней ничего делать. Да и все наши грамоты, которые до сего дня мы давали о торговых делах, мы отныне за грамоты не считаем.

Писана в нашем Московском государстве, в году от создания мира 7079-м (1570), 24 октября.

ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ[1]

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси Василью Григорьевичу Грязному-Ильину

Писал ты, что за грехи взяли тебя в плен; так надо было, Васюшка, без пути средь крымских улусов не разъезжать, а уж как заехал, не надо было спать, как при охотничьей поездке; ты думал, что в окольные места приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя к седлу и приторочили. Или ты думал, что и в Крыму можно так же шутить, как у меня, стоя за кушаньем? Крымцы так не спят, как вы, да вас, неженок, умеют ловить; они не говорят, дойдя до чужой земли: пора домой! Если бы крымцы были такими бабами, как вы, то им бы и за рекой не бывать, не только что в Москве.

Ты объявил себя великим человеком, так ведь это за грехи мои случилось (и нам это как утаить?), что князья и бояре наши и отца нашего стали нам изменять, и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды. А

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 2001. — Т. 11: XVI век.

вспомнил бы ты свое и отца своего величие в Алексине — такие там в станицах езжали, а ты в станице у Пенинского был чуть ли не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских архиепископов служили. И мы не запираемся, что ты у нас в приближенье был. И ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали; а ста тысяч выкупа ни за кого, кроме государей, не берут и не дают такого выкупа ни за кого, кроме государей. А если б ты объявил себя маленьким человеком — за тебя бы в обмен Дивея не просили. Про Дивея хоть царь и говорит, что он человек маленький, да не хочет взять за тебя ста тысяч рублей вместо Дивея: Дивей ему ста тысячи рублей дороже; за сына Дивеева он дочь свою выдал; а ногайский князь и мурзы все ему братья; у Дивея своих таких полно было, как ты, Вася. Кроме как на князя Семена Пункова, не на кого было менять Дивея; разве что, если бы надо было доставать князя Михайла Васильевича Глинского, можно было его выменять; а в нынешнее время некого на Дивея менять. Тебе, выйдя из плена, столько не привести татар и не захватить, сколько Дивей христиан пленит. И тебя ведь на Дивея выменять не на пользу христианству — во вред христианству: ты один свободен будешь, да, приехав, лежать станешь из-за своего увечия, а Дивей, приехав, станет воевать да несколько сот христиан получше тебя пленит. Какая в том будет польза?

Если ты обещал не по себе и ценил себя выше меры, как же можно столько дать? Мерить такой неправильной мерой — значит не пособить христианству, а разорить христианство. А если будет мена или выкуп по твоей мере, и мы тебя тогда пожалуем. Если же из гордости ты станешь против христианства, то Христос тебе противник!

ПЕРЕПИСКА ИВАНА ГРОЗНОГО И АНДРЕЯ КУРБСКОГО[1]

Первое послание Курбского Ивану Грозному

Царю, Богом препрославленному и более того — среди православных пресветлым явившемуся, ныне же — за грехи наши — ставшему супротивным (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных. И более <сказанного> говорить об этом всё по порядку запретил я языку моему, но из-за притеснений тягчайших от власти твоей и от великого горя сердечного дерзну сказать тебе, <хотя бы> немногое.

Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах Божьих пролил, и кровью мученическою обагрил церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, оболгав православных в изменах и чародействе и в ином непотребстве и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким, а горькое сладким? В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя заступники христианские? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, у которых прежде в рабстве были предки наши? Не отданы ли тебе Богом крепчайшие крепости немецкие благодаря мудрости их? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не предстоит тебе предстать пред неподкупным судией и надеждой христианской, богоначальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не минует гордых притеснителей и взыщет за все и мельчайшие прегрешения их, как вещают <божественные> слова? Это он, Христос мой, восседающий на престоле

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб., 2001. — Т. 11: XVI век.

херувимском одесную величайшего из высших, — судия между тобой и мной.

Какого только зла и каких гонений от тебя не претерпел! И каких бед и напастей на меня не обрушил! И каких грехов и измен не возвел на меня! А всех причиненных тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их и горем еще объята душа моя. Но под конец обо всем вместе скажу: всего лишен был и из земли Божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злом за добро мое и за любовь мою непримиримой ненавистью. Кровь моя, словно вода, пролитая за тебя, вопиет против тебя перед Богом моим. Бог читает в сердцах: я в уме своем постоянно размышлял, и совесть свою брал в свидетели, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и не понял, и не нашел — в чем же я перед тобой виноват и согрешил. Полки твои водил и выступал с ними и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела Господня одерживал для твоей славы и никогда полков твоих не обратил спиной к чужим полкам, а, напротив, преславно одолевал на похвалу тебе. И все это не один год и не два, а в течение многих лет неустанно и терпеливо трудился в поте лица своего, так что мало мог видеть родителей своих, и с женой своей не бывал, и вдали от отечества своего находился, в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук, которым Господь мой Иисус Христос свидетель; особенно много ран получил от варваров в различных битвах, и все тело мое покрыто ранами. Но тебе, царь, до всего этого и дела нет.

Хотел перечислить по порядку все ратные подвиги мои, которые совершил я во славу твою, но потому не называю <их>, что Бог их <еще> лучше ведает. Он ведь за все это воздаст, и не только за это, но и за чашу воды студеной. И еще, царь, говорю тебе при этом: уже не увидишь лица моего до дня Страшного суда. И не надейся, что буду я молчать обо всем: до последнего дня жизни моей буду беспрестанно со слезами обличать тебя

перед безначальной Троицей, в которую я верую, и призываю на помощь херувимского Владыки Мать — надежду мою и заступницу, Владычицу Богородицу, и всех святых, избранников Божьих, и государя моего князя Федора Ростиславича.

Не думай, царь, и не помышляй в заблуждении своем, что мы уже погибли и истреблены тобою без вины и заточены и изгнаны несправедливо. Не радуйся этому, словно похваляясь этим: казненные тобой у престола Господня стоят, взывают об отомщении тебе, заточенные же и несправедливо изгнанные тобой из страны взывают день и ночь к Богу, обличая тебя. Хотя и похваляешься ты постоянно в гордыне своей в этой временной и скоропреходящей жизни, измышляешь на людей христианских мучительнейшие казни, к тому же надругаясь над ангельским образом и попирая его, вместе со вторящими тебе льстецами и товарищами твоих пиров бесовских, единомышленниками твоими боярами, губящими душу твою и тело, которые детьми своими жертвуют, превзойдя в этом жрецов Крона. И обо всем этом здесь кончаю.

А письмо это, слезами омоченное, во гроб с собою прикажу положить, перед тем как идти с тобой на суд Бога моего Иисуса. Аминь.

Писано в городе Волмере, <владении> государя моего короля Сигизмунда Августа, от которого надеюсь быть пожалован и утешен во всех печалях моих милостью его государевой, а особенно помощью Божьей.

Знаю я из Священного Писания, что будет дьяволом послан на род христианский губитель, в блуде зачатый богоборец Антихрист, и ныне вижу советника <твоего> всем известного, от прелюбодеяния рожденного, который сегодня шепчет в уши царские ложь и проливает кровь христианскую, словно воду, и погубил уже <стольких> сильных в Израиле, по делам своим <он подобен> Антихристу: не пристало тебе, царь, таким потакать! В законе Божьем в первом написано: «Моавитянин и аммонитянин

и незаконнорожденный до десятого колена в церковь Божью не входит» и прочая.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому

Благочестивого великого государя царя и великого князя всея Руси Иоанна Васильевича послание во все его великой России государство против крестопреступников, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищами, об их измене

Бог наш Троица, прежде всех времен бывший и ныне сущий, Отец и Сын и Святой Дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, именем которого цари прославляются и властители пишут правду; Богом нашим Иисусом Христом дана была единородного слова Божия победоносная и вовеки непобедимая хоругвь — крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия. И после того как исполнилась повсюду воля Провидения и божественные слуги слова Божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по Божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, удостоившегося высокой чести от греков, и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за Доном победу над безбожными агарянами, вплоть до отомстителя за неправды — деда нашего, великого князя Ивана, и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего великого государя Василия, и до нас пребывает, смиренных скипетродержателей Российского царства. Мы же хвалим Бога за безмерную его милость, ниспосланную нам, что не допустил он доныне, чтобы десница наша обагрялась кровью единоплеменников, ибо мы не возжелали ни у кого отнять

царства, но по Божию изволению и по благословению прародителей и родителей своих как родились на царстве, так и воспитались и возмужали, и Божиим повелением воцарились, и взяли нам принадлежащее по благословению прародителей своих и родителей, а чужого не возжелали. Этого истинно православного христианского самодержавия, многою властию обладающего, повеление и наш христианский смиренный ответ бывшему прежде истинного православного христианства и нашего самодержавия боярину, и советнику, и воеводе, ныне же — отступнику от честного и животворящего креста Господня и губителю христиан, и примкнувшему к врагам христианства, отступившему от поклонения божественным иконам, и поправшему все священные установления, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священные сосуды и образы, подобно Исавру, Гноетезному и Армянину, их всех в себе соединившему — князю Андрею Михайловичу Курбскому, изменнически пожелавшему стать ярославским князем, — да будет ведомо.

Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою единородную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть напоследок все равно похитит тебя; зачем ради тела душой пожертвовал, если устрашился смерти, поверив лживым словам своих бесами наученных друзей и советчиков? И повсюду, как бесы во всем мире, так и изволившие стать вашими друзьями и слугами, отрекшись от нас, нарушив крестное целование, подражая бесам, раскинули против нас различные сети и, по обычаю бесов, всячески следят за нами, за каждым словом и шагом, принимая нас за бесплотных, и посему возводят на нас многочисленные поклепы и оскорбления, приносят их к вам и позорят нас на весь мир. Вы же за эти злодеяния раздаете им многие награды нашей же землей и казной, заблуждаясь, считаете их слугами, и, наполнившись этих бесовских слухов, вы, словно смертоносная ехидна, разъярившись на меня и душу свою погубив, поднялись на церковное разорение. Не полагай, что это

справедливо — разъярившись на человека, выступить против Бога; одно дело — человек, даже в царскую порфиру облеченный, а другое дело — Бог. Или мнишь, окаянный, что убережешься? Нет уж! Если тебе придется вместе с ними воевать, тогда придется тебе и церкви разорять, и иконы попирать, и христиан убивать; если где и руками не дерзнешь, то там много зла принесешь и смертоносным ядом своего умысла.

Представь же себе, как во время военного нашествия конские копыта попирают и давят нежные тела младенцев! Когда же зима наступает, еще больше жестокостей совершается. И разве твой злобесный собачий умысел изменить не похож на злое неистовство Ирода, явившегося убийцей младенцев? Это ли считаешь благочестием — совершать такие злодейства? Если же ты возразишь, что мы тоже воюем с христианами — германцами и литовцами, то это совсем не то. Если бы и христиане были в тех странах, то ведь мы воюем по обычаям своих прародителей, как и прежде многократно бывало; но сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан, кроме мелких церковных служителей и тайных рабов Господних. Кроме того, и война с Литвой вызвана вашей же изменой, недоброжелательством и легкомысленным небрежением.

Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против Бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылось на тебе сказанное: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». В том ли твое благочестие, что ты погубил себя из-за своего себялюбия, а не ради Бога? Могут же догадаться находящиеся возле тебя и способные к размышлению, что в тебе — злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в той кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а дар благой? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоялся смертного приговора по

навету, поверив злодейской лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел, как это бывало в прошлом, так и есть ныне. Почему же ты презрел слова апостола Павла, который сказал: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти кроме как от Бога: тот, кто противится власти, противится Божьему повелению». Посмотри на это и вдумайся: кто противится власти — противится Богу; а кто противится Богу — тот именуется отступником, а это наихудшее из согрешений. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти, добытой кровью и войнами. Вдумайся в сказанное, ведь мы не насилием добыли царства, тем более поэтому, кто противится такой власти — противится Богу. Тот же апостол Павел сказал (и этим словам ты не внял): «Рабы, слушайтесь своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». Но это уж воля Господня, если придется пострадать, творя добро. Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни?

Но ради преходящей славы, себялюбия, радостей мира сего все свое душевное благочестие, вместе с христианской верой и законом, ты попрал, уподобился семени, брошенному на камень и выросшему; когда же воссияло знойное солнце, тотчас же, из-за одного ложного слова, поддался ты искушению, и отвергся, и не вырастил плода; из-за лживых слов ты уподобился семени, упавшему на дорогу, ибо дьявол исторг из твоего сердца посеянную там истинную веру в Бога и преданную службу нам и подчинил тебя своей воле. Потому и все Божественные Писания наставляют в том, что дети не должны противиться родителям, а рабы господам ни в чем, кроме веры. А если ты, научившись у отца своего, дьявола, всякое лживыми словами своими сплетаешь, будто бы бежал от меня ради веры, то — жив Господь Бог мой, жива душа моя — в этом не только ты, но и твои единомышленники, бесовские слуги, не смогут нас обвинить. Но более всего

уповаем — воплощения Божьего слова и пречистой его Матери, заступницы христианской, милостью и молитвами всех святых — дать ответ не только тебе, но и тем, кто попрал святые иконы, отверг христианскую Божественную тайну и отступил от Бога (ты же с ними полюбовно объединился), обличить их словом, и провозгласить благочестие, и объявить, что воссияла благодать.

Как же ты не стыдишься раба своего Васьки Шибанова? Он ведь сохранил свое благочестие, перед царем и перед всем народом стоя, у порога смерти, не отрекся от крестного целования тебе, прославляя тебя всячески и вызываясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то незначительного гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков, — ибо по Божьему изволению Бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили до своей смерти и завещали вам, своим детям, служить детям и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой нарушив крестное целование, присоединился к врагам христианства; и к тому же еще, не подумав о собственном злодействе, нелепости говоришь этими неумными словами, будто в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить подобно ему перед своим господином.

Писание твое принято и прочитано внимательно. А так как змеиный яд таишь ты под языком своим, то хотя письмо твое по хитрости твоей наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни; как сказал пророк: «Слова их мягче елея, но подобны они стрелам». Так ли привык ты, будучи христианином, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от Бога данному, как делаешь ты, изрыгая яд по обычаю бесовскому? Начало своего письма ты написал, размышляя о наватской ереси, думая не о покаянии, а — подобно Навату — о том, что выше человеческой природы. А когда ты про нас написал: «среди православных и среди пресветлых явившемуся», — то это так и есть: как в прошлом, так и

сейчас веруем верой истинной в истинного и живого Бога. А что до слов «сопротивным, разумеющий совесть прокаженную имея», то тут ты по-наватски рассуждаешь и не думаешь об евангельских словах.<...>

Разве это и есть «совесть прокаженная» — держать свое царство в своих руках, а своим рабам не давать господствовать? Это ли «против разума» — не хотеть быть под властью своих рабов? И это ли «православие пресветлое» — быть под властью и в повиновении у рабов?

Это все о мирском; в духовном же и церковном если и есть некий небольшой грех, то только из-за вашего же соблазна и измены, кроме того, и я человек: нет ведь человека без греха, один Бог безгрешен; а не так как ты — считаешь себя выше людей и равным ангелам. А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! И этого в своей озлобленности не смог ты понять, считая благочестием, чтобы самодержавие подпало под власть известного тебе попа и под ваше злодейское управление. А это по твоему рассуждению «нечестие», когда мы сами обладаем властью, данной нам от Бога, и не хотим быть под властью попа и вашего злодейства? Это ли мыслится «супротивно», что вашему злобесному умыслу тогда — Божьей милостью, и заступничеством пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и родительским благословением — не дал погубить себя? Сколько зла я тогда от вас претерпел, обо всем это подробнее дальнейшие слова известят.

Если же ты вспоминаешь о том, что в церковном предстоянии что-то не так было и что игры бывали, то ведь это тоже было из-за ваших коварных замыслов, ибо вы отторгли меня от спокойной духовной жизни и по-фарисейски взвалили на меня едва переносимое бремя, а сами и пальцем не шевельнули; и поэтому было церковное предстояние нетвердо, частью из-за забот царского правления, вами подорванного, а иногда — чтобы избежать

ваших коварных замыслов. Что же до игр, то лишь снисходя к человеческим слабостям, ибо вы много народа увлекли своими коварными замыслами, устраивал я их для того, чтобы он нас, своих государей, признал, а не вас, изменников, подобно тому как мать разрешает детям забавы в младенческом возрасте, ибо когда они вырастут, то откажутся от них сами или, по советам родителей, к более достойному обратятся, или подобно тому как Бог разрешил евреям приносить жертвы, — лишь бы Богу приносили, а не бесам. А чем у вас привыкли забавляться?

В том ли «супротивным явился», что я не дал вам погубить себя? А ты зачем против разума душу свою и крестное целование ни во что счел, из-за мнимого страха смерти? Советуешь нам то, чего сам не делаешь! По-наватски и по-фарисейски рассуждаешь: по-наватски потому, что требуешь от человека большего, чем позволяет человеческая природа, по-фарисейски же потому, что, сам не делая, требуешь этого от других. Но всего более этими оскорблениями и укорами, которые вы как начали в прошлом, так и до сих пор продолжаете, ярясь как дикие звери, вы измену свою творите — в этом ли состоит ваша усердная и верная служба, чтобы оскорблять и укорять? Уподобляясь бесноватым, дрожите и, предвосхищая Божий суд, и, прежде его, своим злолукавым и самовольным приговором со своими начальниками, с попом и Алексеем, осуждаете меня, как собаки. И этим вы стали противниками Богу, а также и всем святым и преподобным, прославившимся постом и подвигами, отвергаете милосердие к грешным, а среди них много найдешь падших, и вновь восставших (не позорно подняться!), и подавших страждущим руку, и от бездны грехов милосердно отведших, по апостолу, «за братьев, а не за врагов их считая», ты же отвернулся от них! Так же как эти святые страдали от бесов, так и я от вас пострадал.

Что же ты, собака, совершив такое злодейство, пишешь и жалуешься? Чему подобен твой совет, смердящий хуже кала? Или, по-твоему, праведно

поступили твои злобесные единомышленники, сбросившие монашескую одежду и воюющие против христиан? Или готовитесь ответить, что это было насильственное пострижение? Но не так это, не так! Как говорил Иоанн Лествичник: «Видел я насильственно обращенных в монахи, которые стали праведнее, чем постригшиеся добровольно». Что же вы этому слову не последовали, если благочестивы? Много было насильно постриженных и получше Тимохи даже среди царей, а они не оскверняли иноческого образа. Тем же, которые дерзали расстричься, это на пользу не пошло — их ждала еще худшая гибель, духовная и телесная, как было с князем Рюриком Ростиславичем Смоленским, постриженным по приказу своего зятя Романа Галичского. А посмотри на благочестие его княгини: когда он захотел освободить ее от насильственного пострижения, она не пожелала преходящего царства, а предпочла вечное и приняла схиму; он же, расстригшись, пролил много христианской крови, разграбил святые церкви и монастыри, игуменов, попов и монахов истязал и в конце концов не удержал своего княжения, и даже имя его забыто.<...>

Как же ты не смог этого понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться? Апостол сказал: «К одним будьте милостивы, отличая их, других же страхом спасайте, исторгая из огня». Видишь ли, что апостол повелевает спасать страхом? Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний. Неужели ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств? Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников еще опаснее! Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Что же должен делать правитель, как не разбирать несогласия своих подданных?<...>

Разве же это «супротив разума» — сообразоваться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина: как он ради

царства сына своего, им же рожденного, убил! И князь Федор Ростиславич, прародитель ваш, сколько крови пролил в Смоленске во время Пасхи! А ведь они причислены к святым.<...> Ибо всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими; добрым же — милосердие и кротость, злым же — жестокость и муки, если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных. Если же ты добр и праведен, то почему, видя, как в царском совете разгорелся огонь, не погасил его, но еще сильнее разжег? Где тебе следовало разумным советом уничтожить злодейский замысел, там ты еще больше посеял плевел. И сбылось на тебе пророческое слово: «Вы все разожгли огонь и ходите в пламени огня вашего, который вы сами на себя разожгли». Разве ты не сходен с Иудой-предателем? Так же как он ради денег разъярился на владыку всех и отдал его на убиение, находясь среди его учеников, а веселясь с иудеями, так и ты, живя с нами, ел наш хлеб и нам служить обещался, а в душе копил злобу на нас. Так-то ты соблюл крестное целование желать нам добра во всем без всякой хитрости? Что же может быть подлее твоего коварного умысла? Как говорил премудрый: «Нет головы злее головы змеиной», также и нет злобы злее твоей.<...>

Неужели же ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-невежды и злодеев-изменников, а царь им повинуется? А это, по-твоему, «супротивно разуму и прокаженная совесть», когда невежда вынужден молчать, злодеи отражены и царствует Богом поставленный царь? Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Тебе чего захотелось — того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам? Это ты нам советуешь? Так пусть эта погибель падет на твою голову!<...>

Неужели же это свет — когда поп и лукавые рабы правят, царь же — только по имени и по чести царь, а властью нисколько не лучше раба? И неужели это тьма — когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет?<...>

Скажешь, что я, переворачивая единое слово, пишу все одно и то же? Но в том-то причина и суть всего вашего злобесного замысла, ибо вы с попом решили, что я должен быть государем только на словах, а вы бы с попом — на деле. Потому все так и случилось, что вы до сих пор не перестаете строить злодейские козни. Вспомни, когда Бог избавил евреев от рабства, разве он поставил перед ними священника или многих управителей? Нет, он поставил владеть ими одного царя — Моисея, священствовать же приказал не ему, а брату его Аарону, но зато запретил заниматься мирскими делами; когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от Бога. Заключи из этого, что не подобает священнослужителям браться за дела правления.<...>

Посмотри на все это и подумай, какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как погибли эти страны. Это ли и нам посоветуешь, чтобы к такой же гибели прийти? И в том ли благочестие, чтобы не управлять царством, и злодеев не держать в узде, и отдаться на разграбление иноплеменникам? Или скажешь мне, что там повиновались святительским наставлениям? Хорошо это и полезно! Но одно дело — спасать свою душу, а другое дело — заботиться о телах и душах многих людей; одно дело — отшельничество, иное — монашество, иное — священническая власть, иное — царское правление. Отшельничество подобно агнцу, никому не противящемуся, или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницу; монахи же, хотя и отреклись от мира, но, однако, имеют уже обязанности, подчиняются уставам и заповедям, — если они не будут всего этого соблюдать, то совместное житие их расстроится; священническая же

власть требует строгих запретов словом за вину и зло, допускает славу, и почести, и украшения, и подчинение одного другому, чего инокам не подобает; царской же власти позволено действовать страхом, и запрещением, и обузданием и строжайше обуздать безумие злейших и коварных людей. Так пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. И разве подобает царю, если его бьют по щеке, подставлять другую? Это самая совершенная заповедь. Как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священникам это подобает. Уразумей поэтому разницу между царской и священнической властью! Даже у отрекшихся от мира встретишь многие тяжелые наказания, хотя и не смертную казнь. Насколько суровее должна наказывать злодеев царская власть!

Так же неприемлемо и ваше желание править теми городами и областями, где вы находитесь. Ты сам своими бесчестными очами видел, какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители, и потому можешь понять, что это такое.<...>

Как же ты называешь таких изменников доброжелателями? Так же, как однажды в Израиле заговорщики, изменнически и тайно сговорившись с Авимелехом, сыном Гедеона от любовницы, то есть от наложницы, перебили в один день семьдесят сыновей Гедеона, родившихся от его законных жен, и посадили на престол Авимелеха, вы, по собачьему своему изменническому обыкновению, хотели истребить законных царей, достойных царства, и посадить на престол хоть и не сына наложницы, но дальнего царского родственника. Какие же вы доброжелатели и как же вы душу за меня готовы положить, если, подобно Ироду, хотели моего сосущего молоко младенца смертью жестокою свести со света сего и посадить на царство чужого царя? Так-то вы душу за меня готовы положить и добра мне желаете? Разве так поступили бы со своими детьми: дали бы вы им вместо яйца скорпиона и вместо рыбы камень? Если вы злы, то почему умеете творить добро своим

детям, а если вы считаетесь добрыми и сердечными, то почему же вы не творите так же добра нашим детям, как и своим? Но вы еще от прародителей научились изменять: как дед твой Михайло Карамыш вместе с князем Андреем Углицким умыслил измену против нашего деда, великого государя Ивана, так и отец твой, князь Михаил, с великим князем Дмитрием-внуком многие беды замышлял и готовил смерть отцу нашему, блаженной памяти великому государю Василию, так же и деды твоей матери — Василий и Иван Тучки — говорили оскорбительные слова нашему деду, великому государю Ивану; так же и дед твой Михайло Тучков, при кончине нашей матери, великой царицы Елены, много говорил о ней высокомерных слов нашему дьяку Елизару Цыплятеву; и так как ты ехидны отродье, потому и изрыгаешь такой яд. Этим я достаточно объяснил тебе, почему я по твоему злобесному разуму «стал супротивным разумевая» и «разумевая, совесть прокаженную имеющий», но не измышляй, ибо в державе моей таковых нет. И хотя твой отец, князь Михаил, много претерпел гонений и уничижений, но такой измены, как ты, собака, он не совершил.

А когда ты вопрошал, зачем мы перебили сильных во Израиле и воевод, данных нам Богом для борьбы с врагами нашими, различным казням предали и их святую и геройскую кровь в церквах Божиих пролили, и кровью мученическою обагрили церковные пороги, и придумали неслыханные мучения, казни и гонения для своих доброхотов, полагающих за нас душу, облыгая православных и обвиняя их в изменах, чародействе и в ином непотребстве, то ты писал и говорил ложь, как научил тебя отец твой, дьявол, ибо сказал Христос: «Вы дети дьявола и хотите исполнить желания отца вашего, ибо он был искони человекоубийца и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». А сильных во Израиле мы не убивали, и не знаю я, кто это сильнейший во Израиле, потому что Русская земля держится Божьим милосердием, и милостью пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и

благословением наших родителей, и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, а тем более не ипатами и стратигами. Не предавали мы своих воевод различным смертям, а с Божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников. А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить.

Крови же в церквах Божьих мы никакой не проливали. Победоносной же и святой крови в нынешнее время в нашей земле не видно, и нам о ней неведомо. А церковные пороги — насколько хватает наших сил и разума и верной службы наших подданных — светятся всякими украшениями, достойными Божьей церкви, всякими даяниями; после того как мы избавились от вашей бесовской власти, мы украшаем не только пороги, но и помост, и преддверие, — это могут видеть и иноплеменники. Кровью же никакой мы церковных порогов не обагряем; мучеников за веру у нас нет; когда же мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренно, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах одаряют и хвалят, а за глаза поносят и укоряют (подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает отошедшего), когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат нам честно и не забывают, подобно зеркалу, порученной службы, то мы награждаем их великим жалованием; тот же, который, как я сказал, противится, заслуживает казни за свою вину. А в других странах сам увидишь, как там карают злодеев — не по-здешнему. Это вы по своему злобесному нраву решили любить изменников, а в других странах изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою.

А мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали; если же ты вспоминаешь о изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят.

А то, что мы оболгали православных, то ты сам уподобился аспиду глухому, ибо, по словам пророка, «аспид глухой затыкает уши свои, чтобы не

слышать голоса заклинателя, иначе будет заклят премудрым, ибо зубы в пасти их сокрушил Господь и челюсти львам раздробил»; если уж я облыгаю, от кого же тогда ждать истины? Что же, по твоему злобесному мнению, что бы изменники ни сделали, их и обличить нельзя? А облыгать мне их для чего? Что мне желать от своих подданных? Власти, или их худого рубища, или хлебом их насытиться? Не смеха ли достойна твоя выдумка? Чтобы охотиться на зайцев, нужно множество псов, чтобы побеждать врагов — множество воинов: кто же, имея разум, будет без причины казнить своих подданных!

Выше я обещал подробно рассказать, как жестоко я пострадал из-за вас в юности и страдаю доныне. Это известно всем (ты был еще молод в те годы, но, однако, можешь знать это): когда по Божьей воле, сменив порфиру на монашескую рясу, наш отец, великий государь Василий, оставил это бренное земное царство и вступил на вечные времена в царство небесное предстоять пред Царем царей и Господином государей, мы остались с родным братом, святопочившим Георгием. Мне было три года, брату же моему год, а мать наша, благочестивая царица Елена, осталась несчастнейшей вдовой, словно среди пламени находясь: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы — литовцы, поляки, крымские татары, Астрахань, ногаи, казанцы, и от вас, изменников, пришлось претерпеть разные невзгоды и печали, ибо князь Семен Бельский и Иван Ляцкий, подобно тебе, бешеной собаке, сбежали в Литву, и куда только они не бегали, взбесившись, — и в Царьград, и в Крым, и к ногаям, и отовсюду шли войной на православных. Но ничего из этого не вышло: по Божьему заступничеству и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и по молитвам и благословению наших родителей все эти замыслы рассыпались в прах как заговор Ахитофела. Потом изменники подняли против нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду (вот кого ты хвалишь и называешь доброжелателями, готовыми положить за нас душу), а

от нас в это время отложились и присоединились к дяде нашему, к князю Андрею, многие бояре во главе с твоим родичем, князем Иваном, сыном князя Семена, внуком князя Петра Головы Романовича, и многие другие. Но с Божьей помощью этот заговор не осуществился. Не то ли это доброжелательство, за которое ты их хвалишь? Не в том ли они за нас свою душу кладут, что хотели погубить нас, а дядю нашего посадить на престол? Затем же они, как подобает изменникам, стали уступать нашему врагу, государю литовскому, наши вотчины, города Радогощь, Стародуб, Гомель, — так ли доброжелательствуют? Если в своей земле некого подучить, чтобы погубили славу родной земли, то вступают в союз с иноплеменниками — лишь бы навсегда погубить землю!

Когда же суждено было по Божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой царице Елене, переселиться из земного царства в небесное, остались мы со святопочившим в Боге братом Георгием круглыми сиротами — никто нам не помогал; оставалась нам надежда только на милосердие Божие, и на милость пречистой Богородицы, и на всех святых молитвы и уповали лишь на благословение родителей наших. Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца, и воевод перебили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери нашей перенесли в Большую казну, при этом неистово пиная ногами и тыча палками, а остальное разделили. А ведь делал это дед твой, Михайло Тучков. Вот так князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего

дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли, свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единородным братом моим, святопочившим в Боге Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить подобные бессчетные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалование, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние. А известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая зеленая на куницах, да к тому же на потертых; так если это и было их наследство, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. А о казне наших дядей что и говорить? Всю себе захватили. Потом напали на города и села и, подвергая жителей различным жестоким мучениям, без жалости грабили их имущество. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами,

делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее поступали и говорили.

Так они жили много лет, но когда я стал подрастать, то не захотел быть под властью своих рабов и поэтому князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал на службу, а при себе велел быть боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Так же вот и князь Андрей Шуйский и его единомышленники явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, оборвали на нем одежду, вытащили из нашей столовой палаты и хотели его убить. Тогда мы послали к ним митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они с неохотой послушались наших слов и сослали его в Кострому, а митрополита толкали и разорвали на нем мантию с украшениями, а бояр пихали взашей. Это они-то — доброжелатели, что вопреки нашему повелению хватали угодных нам бояр и избивали их, мучили и ссылали? Так ли они охотно душу за нас, государей своих, отдают, если приходят на нас войной, а на глазах у нас сонмищем иудейским захватывают бояр, а государю приходится сноситься с холопами и государю упрашивать своих холопов? Хороша ли такая верная воинская служба? Вся вселенная будет насмехаться над такой верностью! Что же и говорить о притеснениях, бывших в то время? Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!

Когда же нам исполнилось пятнадцать лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава Богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи часто раздражают Бога, то случился за наши грехи по Божьему гневу в царствующем граде Москве пожар, и наши изменники-бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто мать матери нашей, княгиня Анна Глинская, со своими людьми и слугами вынимала человеческие сердца и таким колдовством спалила Москву и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников народ, собравшись по обычаю иудейскому, с криками захватил в приделе церкви великомученика Христова Димитрия Солунского нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского, втащили его в соборную и апостольскую церковь Пречистой Богородицы и бесчеловечно убили напротив митрополичьего места, залив церковь кровью, и, вытащив его тело через передние церковные двери, положили его на торжище, как осужденного преступника. И это убийство в церкви всем известно, а не то, о котором ты, собака, лжешь! Мы жили тогда в своем селе Воробьеве, и те же изменники подговорили народ и нас убить за то, что мы будто бы прячем от них у себя мать князя Юрия, княгиню Анну, и его брата, князя Михаила. Как же не посмеяться над таким измышлением? Чего ради нам самим жечь свое царство? Сколько ведь ценных вещей из родительского благословения у нас сгорело, каких во всей вселенной не сыщешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое собственное имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег. Во всем видна ваша собачья измена! Это похоже на то, как если бы попытаться окропить водой колокольню Ивана Святого, имеющую столь огромную высоту. Это — явное безумие. В этом ли состоит достойная служба нам наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи стаи, убивают наших бояр, да еще наших родственников? И

так ли душу свою за нас полагают, что всегда жаждут отправить душу нашу из мира сего в вечную жизнь? Нам велят свято чтить закон, а сами нам в этом последовать не хотят! Что же ты, собака, гордо хвалишься и хвалишь за воинскую доблесть других собак-изменников? Господь наш Иисус Христос сказал: «Если царство разделится, то оно не сможет устоять», кто же может вести войну против врагов, если его царство раздирается междоусобными распрями? Как может цвести дерево, если у него высохли корни? Так и здесь: пока в царстве не будет должного порядка, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель не укрепляет постоянно войско, то скорее он будет побежденным, чем победителем. Ты же, все это презрев, одну храбрость хвалишь; а на чем храбрость основывается — это для тебя неважно, ты, оказывается, не только не укрепляешь храбрость, но сам ее подрываешь. И выходит, что ты — ничтожество; в доме ты — изменник, а в военных делах ничего не понимаешь, если хочешь укрепить храбрость в самовольстве и в междоусобных бранях, а это невозможно.

Был в это время при нашем дворе собака Алексей Адашев, ваш начальник, еще в дни нашей юности, не пойму каким образом, возвысившийся из телохранителей; мы же, видя все эти измены вельмож, взяли его из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на верную его службу. Каких почестей и богатств не удостоили мы его, и не только его, но и его род! Какой же верной службой он отплатил нам за это, расскажем дальше. Потом, для совета в духовных делах и спасения своей души, взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у престола Господня, побережет свою душу, а он, поправ свои священнические обеты и свой сан и право предстоять с ангелами у престола Господня, к которому стремятся ангелы преклониться, где вечно приносится в жертву за спасение мира агнец Божий и никогда не гибнет, он, еще при жизни удостоившийся серафимской службы, все это попрал коварно, а сперва как будто начал творить благо, следуя Божественному Писанию. Так как я знал из Божественного Писания,

что подобает без раздумий повиноваться добрым наставникам, и ему, ради совета его духовного, повиновался своей волей, а не по неведению; он же, желая власти, как Илья-жрец, начал также окружать себя мирскими друзьями. Потом собрали мы всех архиепископов, епископов и весь священный собор русской митрополии и получили прощение на соборе том от нашего отца и богомольца митрополита всея Руси Макария за то, что мы в юности возлагали опалы на вас, бояр, также и за то, что вы, бояре наши, выступали против нас; вас же, бояр своих, и всех прочих людей за вины все простили и обещали впредь об этом не вспоминать, и так признали всех вас верными слугами.

Но вы не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью. Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: и так вместо духовных стали обсуждать мирские дела, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам и в чести вас почти что равняли с нами, а мелких детей боярских по чести вам уподобляли. И так мало-помалу это зло окрепло, и стали вам возвращать вотчины, и города, и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не надлежит быть у вас; и те вотчины, словно ветром разметав, беззаконно роздали, нарушив уложение нашего деда, и этим привлекли к себе многих людей. И потом ввели к нам в совет своего единомышленника, князя Дмитрия Курлятева, делая вид, что он заботится о нашей душе и занимается духовными делами, а не хитростями; затем начали они со своим единомышленником осуществлять свои злые замыслы, не оставив ни одного места, где бы у них не были назначены свои сторонники, и так во всем смогли добиться своего. Затем с этим своим единомышленником они лишили нас прародителями данной власти и права распределять честь и места между вами, боярами нашими, и взяли это дело в свое ведение и

усмотрение, как вам заблагорассудится и будет угодно, потом же окружили себя друзьями и всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, — все решения и установления принимали по своей воле и желаниям своих советников. Если мы предлагали даже что-либо хорошее, им это было неугодно, а их даже негодные, даже плохие и скверные советы считались хорошими.

Так было и во внешних делах, и во внутренних, и даже в мельчайших и самых незначительных, вплоть до пищи и сна, нам ни в чем не давали воли, все свершалось согласно их желанию, на нас же смотрели, как на младенцев.

Неужели же это «противно разуму», что взрослый человек не захотел быть младенцем? Потом вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечестии, как ты сейчас написал в своей нескладной грамоте, а если и последний из его советников обращается ко мне с надменной и грубой речью, не как к владыке и даже не как к брату, а как к низшему, — то это хорошим считается у них; кто нас хоть в малом послушается, сделает по-нашему, — тому гонение и великая мука, а если кто раздражит нас или принесет какое-либо огорчение, — тому богатство, слава и честь, а если не соглашусь, — пагуба душе и разорение царству. И так жили мы в таком гонении и утеснении, и росло это гонение не день ото дня, а час от часу; все, что было нам враждебно, умножалось, все же, что было нам по нраву и успокаивало, то умалялось. Вот какое тогда сияло православие! Кто сможет подробно перечислить все те притеснения, которым мы подвергались в житейских делах, во время поездок, и во время отдыха, и в церковном предстоянии, и во всяких других делах? И так это происходило, мы же дозволяли это Бога ради, думая, что творят такие утеснения не из коварства, а ради нашей пользы. Когда же мы Божьей волей с крестоносной хоругвью всего православного христианского воинства ради защиты православных христиан двинулись на безбожный народ казанский, и по неизреченному Божьему милосердию одержали победу

над этим безбожным народом, и со всем войском невредимые возвращались обратно, что могу сказать о добре, сделанном нам людьми, которых ты называешь мучениками? А вот что: как пленника, посадив в судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и неверную землю! Если бы рука Всевышнего не защитила меня, смиренного, наверняка бы я жизни лишился. Вот каково доброжелательство к нам тех людей, о которых ты говоришь, и так они душой за нас жертвуют — хотят выдать нас иноплеменникам!

Когда же вернулись мы в царствующий град Москву, Бог, свое милосердие к нам умножая, дал нам тогда наследника — сына Дмитрия; когда же, немного времени спустя, я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями, с попом Сильвестром и вашим начальником Алексеем Адашевым, восшатались как пьяные, решили, что мы уже в небытии, и, забыв наши благодеяния, а того более — души свои и то, что целовали крест нашему отцу и нам — не искать себе иного государя, кроме наших детей, решили посадить на престол нашего дальнего родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от Бога, хотели погубить, подобно Ироду (и как бы им не погубить!), воцарив князя Владимира. Говорит ведь древнее изречение, хоть и мирское, но справедливое: «Царь перед царем не преклоняется, но когда один умирает, другой принимает власть». Вот каким доброжелательством от них мы насладились еще при жизни, — что же будет после нас! Когда же мы по Божью милосердию все узнали и полностью уразумели и замысел этот рассыпался в прах, поп Сильвестр и Алексей Адашев и после этого не перестали жесточайше притеснять нас и давать злые советы, под разными предлогами изгоняли наших доброжелателей, во всем потакали князю Владимиру, преследовали лютой ненавистью нашу царицу Анастасию и уподобляли ее всем нечестивым царицам, а про детей наших и вспомнить не желали.

А после этого собака и давний изменник, князь Семен Ростовский, который был принят нами в думу не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы литовским послам, пану Станиславу Довойно с товарищами, и поносил перед ними нас, нашу царицу и наших детей; мы же, расследовав это злодейство, наказали того, но милостиво. А поп Сильвестр после этого вместе с вами, злыми советниками своими, стал оказывать этой собаке всяческое покровительство и помогать ему всякими благами, и не только ему, но и всему его роду. И так с тех пор для всех изменников настало вольготное время, а мы с той поры терпели еще больше притеснений: ты также был среди них, известно, что вы с Курлятевым хотели втянуть нас в тяжбу из-за Сицкого.

Когда же началась война с германцами, о которой дальше будет написано подробнее, поп Сильвестр с вами, своими советчиками, жестоко нас за нее порицал; когда за свои грехи заболевали мы, наша царица или наши дети, — все это, по их словам, свершалось за наше непослушание им. Как не вспомнить тяжкий путь из Можайска в царствующий град с больной царицей нашей Анастасией? Из-за одного лишь неподобающего слова! Молитв, хождений к святым местам, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нашем, нашей царицы и детей — всего этого по вашему коварному умыслу нас лишили, о врачебной же помощи против болезни тогда и не вспоминали.

И когда, пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы человеческие, мы, расследовав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, нестрого наказали их за все это: на смертную казнь не осудили, а разослали по разным местам, поп Сильвестр, видя, что его советники лишились всего, ушел по своей воле, мы же его с благословением отпустили, не потому, что устыдились его, но потому, что я хочу судиться с ним не здесь, а в будущем веке, перед агнцем Божьим, которому он всегда служил, но, презрев, по коварству своего нрава,

причинил мне зло; в будущей жизни хочу с ним судиться за все страдания мои душевные и телесные. Поэтому и чаду его я до сих пор позволил жить в благоденствии, только видеть нас он не смеет. Кто же, подобно тебе, будет говорить такую нелепость, что следует повиноваться попу? Видно, вы потому так говорите, что немощны слухом и не знаете как должно христианский монашеский устав, как следует наставникам покоряться, поэтому вы и требуете для меня, словно для малолетнего, учителя и молока вместо твердой пищи. Как я сказал выше, я не причинил Сильвестру никакого зла. Что же касается мирских людей, бывших под нашей властью, то мы наказали их по их изменам: сначала никого не осудили на смертную казнь, но всем, кто не был с ними заодно, повелели их сторониться; это повеление провозгласили и утвердили крестным целованием, но те, кого ты называешь мучениками, и их сообщники презрели наш приказ и преступили крестное целование и не только не отшатнулись от этих изменников, но стали им помогать еще больше и всячески искать способа вернуть им прежнее положение, чтобы составить против нас еще более коварные заговоры; и так как тут обнаружились неутолимая злоба и непокорство, то виноватые получили наказание, достойное их вины. Не потому ли я, по твоему мнению, «оказался сопротивным разуму, разумея», что тогда не подчинился вашей воле? Поскольку вы сами бессовестные и клятвопреступники, готовые изменять ради блеска золота, то вы и нам такими же стать советуете. Скажу поэтому: иудино окаянство — такое желание! От него же избавь, Боже, нашу душу и все христианские души. Ибо как Иуда ради золота предал Христа, так и вы, ради наслаждений мира сего, о душах своих забыв и нарушив присягу, предали православное христианство и нас, своих государей.

В церквах же, вопреки лжи твоей, ничего подобного не было. Как я сказал выше, виновные понесли наказание по своим проступкам, а не так все было, как ты лжешь, неподобающим образом называя изменников и

блудников — мучениками, а кровь их — победоносной и святой, и наших врагов именуя сильными, и отступников наших — воеводами; только что я рассказал, каково их доброжелательство и как они за нас полагают души. И не можешь сказать, что теперь мы клевещем, ибо измена их известна всему миру: если захочешь, сможешь найти свидетелей этих злодейств даже среди варваров, приходящих к нам по торговым и посольским делам. Так это было. Ныне же даже те, кто был в согласии с вами, наслаждаются всеми благами и свободой и богатеют, им не вспоминают их прежних поступков, и они пребывают в прежней чести и богатстве.<...>

Свет же во тьму я не превращаю и сладкое горьким не называю. Не это ли, по-твоему, свет и сладость, если рабы господствуют? И тьма и горечь ли это, если господствует данный Богом государь, как подробно написано выше?<...>

О вине наших подданных и нашем гневе на них. До сих пор русские властители ни перед кем не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились с ними ни перед кем; но если и подобает поведать о винах их, об этом сказано выше.<...>

А что ты писал, будто эти предстатели покорили и подчинили прегордые царства, под властью которых были ваши предки, то это справедливо, если речь идет об одном Казанском царстве; под Астраханью же вы не только не воевали, но и в мыслях не были. А насчет бранной храбрости снова могу тебя обличить в неразумии. Что ты хвалишься, надуваясь от гордости! Ведь предки ваши, отцы и дяди были так мудры и храбры и заботились о деле, что ваша храбрость и смекалка разве что во сне могут с их достоинствами сравниться, и шли в бой эти храбрые и мудрые люди не по принуждению, а по собственной воле, охваченные бранным пылом, не так, как вы, силою влекомые на бой и скорбящие об этом; и такие храбрые люди в течение тринадцати лет до нашего возмужания не смогли защитить христиан от варваров? Скажу словами апостола Павла:

«Уподобился я вам, безумием хвалясь, потому что вы меня к этому принудили, ибо вы, безумные, принимаете власть, если вас губят, если в лицо бьют, если превозносятся; я говорю это с досадой». Всем ведь известно, как жестоко пострадали православные от варваров — и от Крыма, и от Казани: почти половина земли пустовала. А когда мы воцарились и, с Божьей помощью, начали войну с варварами, когда в первый раз послали на Казанскую землю своего воеводу, князя Семена Ивановича Микулинского с товарищами, как вы все заговорили, что мы посылаем его в знак немилости, желая его наказать, а не ради дела. Какая же это храбрость, если вы равняете службу с опалой? Так ли следует покорять прегордые царства? Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили не по принуждению? Но всегда словно в тяжкий путь отправлялись! Когда же Бог проявил к нам милосердие и покорил христианству варварский народ, то и тогда вы настолько не хотели воевать с нами против варваров, что из-за вашего нежелания к нам не явилось более пятнадцати тысяч человек! Тем ли вы разрушаете прегордые царства, что внушаете народу безумные мысли и отговариваете его от битвы, подобно Янушу Венгерскому? Ведь и тогда, когда мы были там, вы все время давали вредные советы, а когда запасы утонули, предлагали вернуться, пробыв три дня! И никогда вы не соглашались потратить лишнее время, чтобы дождаться благоприятных обстоятельств, ни голов своих не щадя, ни о победе в бою не помышляя, а стремились только к одному: либо быстрее победить, либо быть побежденными, только бы поскорее вернуться восвояси. Ради скорейшего возвращения вы не взяли с собой самых лучших воинов, из-за чего потом было пролито много христианской крови. А разве при взятии города вы не собирались, если бы я вас не удержал, понапрасну погубить православное воинство, начав битву в неподходящее время? Когда же город по Божьему милосердию был взят, вы не занялись установлением порядка, а устремились грабить! Таково ли покорение прегордых царств, которым ты, кичась,

неразумно хвалишься? Никакой похвалы оно, по правде говоря, не стоит, ибо все это вы совершили не по желанию, а как рабы — по принуждению и даже с ропотом. Достойно похвалы, когда воюют по собственному побуждению. И так подчинили вы нам эти царства, что более семи лет между ними и нашим государством не прекращались ожесточенные боевые стычки!

Когда же кончилась ваша с Алексеем собачья власть, тогда и эти царства нам во всем подчинились, и теперь оттуда приходит на помощь православию больше тридцати тысяч воинов. Так-то вы громили и подчиняли нам прегордые царства! И вот так заботимся и печемся о христианстве мы, и таков «сопротивен разум», по твоему злобесному умышлению! Это все о Казани, а на Крымской земле и на пустых землях, где бродили звери, теперь устроены города и села. А чего стоит ваша победа на Днепре и на Дону? Сколько же злых лишений и пагубы вы причинили христианам, а врагам — никакого вреда! Об Иване же Шереметеве что скажу? Из-за вашего злого совета, а не по нашей воле, случилась эта беда православному христианству. Такова ваша усердная служба, и так вы разрушаете и подчиняете нам прегордые царства, как я уже описал выше.

О германских городах говоришь, будто они достались нам по Божьей воле благодаря мудрости наших изменников. Но как же ты научился от отца своего, дьявола, говорить и писать ложь! Вспомни, когда началась война с германцами и мы посылали своего слугу царя Шигалея и своего боярина и воеводу Михаила Васильевича Глинского с товарищами воевать против германцев, то сколько мы услышали тогда укоризненных слов от попа Сильвестра, от Алексея и от вас — невозможно и пересказать подробно! Все что ни случалось с нами плохого, все это происходило из-за германцев! Когда же мы послали вас на год против германских городов (ты был тогда в нашей вотчине, во Пскове, ради собственных нужд, а не по нашему поручению), нам пришлось более семи раз посылать гонцов к боярину нашему и воеводе, ко князю Петру Ивановичу Шуйскому, и к тебе, лишь

тогда вы наконец пошли с небольшим числом людей и после многих наших напоминаний взяли свыше пятнадцати городов. Это ли ваше старание, если вы берете города после наших посланий и напоминаний, а не по собственному стремлению? Как не вспомнить постоянные возражения попа Сильвестра, Алексея Адашева и всех вас против похода на германские города и как из-за коварного предложения короля датского вы дали ливонцам возможность целый год собирать силы! Они же, напав на нас перед зимним временем, сколько христианского народа перебили! Это ли старания изменников наших да и ваше добро — губить христианский народ! Потом мы послали вас с вашим начальником Алексеем и со множеством воинов; вы же едва взяли один Вильян и при этом еще погубили много нашего народа. Как же вы тогда испугались литовских войск, словно малые дети! А под Пайду же вы пошли нехотя, по нашему приказу, измучили войска и ничего не добились! Это ли ваши старания, так-то вы старались завладеть претвердыми германскими городами? Если бы не ваше злобесное сопротивление, то с Божьей помощью уже вся Германия была бы под православными. Тогда же вы подняли против православных литовский народ и готский, и многие другие. Это ли «старания разума вашего» и так-то вы стремились укреплять православие?

А всеми родами мы вас не истребляем, но изменников повсюду ожидают расправа и немилость: в той стране, куда ты поехал, узнаешь об этом подробнее. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше, вы достойны многих казней и опалы; но мы еще милостиво вас наказали, — если бы мы наказали тебя так, как следовало, то ты бы не смог уехать от нас к нашему врагу; если бы мы тебе не доверяли, то не был бы отправлен в наш окраинный город и убежать бы не смог. Но мы, доверяя тебе, отправили в ту свою вотчину, и ты по собачьему обычаю изменил нам.

Бессмертным себя я не считаю, ибо смерть — общий удел всех людей за адамов грех; хоть я и ношу порфиру, но, однако, знаю, что по природе я

так же подвержен немощам, как и все люди, а не так, как вы еретически мудрствуете и велите мне стать выше законов естества.<...>

Вы обвиняете в гонениях на людей, а вы с попом и Алексеем не совершали гонений? Разве вы не приказали народу города Коломны побить каменьями нашего советчика, епископа коломенского Феодосия? Но Бог сохранил его, и тогда вы согнали его с престола. А что сказать о нашем казначее Никите Афанасьевиче? Зачем вы разграбили все его имущество, а самого его много лет держали в заточении в отдаленных землях, в голоде и нищете? Разве сможет кто полностью перечислить ваши гонения на церковных и мирских людей, так много их было! Все, кто хоть немного оставались покорными нам, подвергались от вас притеснениям.<...>

Зла же и гонения несправедливого ты от меня не претерпел, бед и напастей мы на тебя не навлекли, а если какое-нибудь небольшое наказание и было, то лишь за твое преступление, ибо ты вступил в сговор с изменившими нам. Не возводили мы на тебя ложных наветов и не приписывали тебе измен, которых ты не совершал; за твои же действительные проступки мы возлагали на тебя наказание, соответствующее вине. Если же ты не можешь пересказать всех наших наказаний из-за множества их, то может ли вся вселенная перечислить ваши измены и притеснения в государственных и частных делах, которые вы причинили мне по вашему злобесному умыслу?<...> Какую же я имел к тебе лютую и непримиримую ненависть? Знали мы тебя с юности твоей, при нашем дворе и в совете, и еще до нынешней твоей измены ты всячески пытался нас погубить, но мы не подвергли тебя наказаниям, которые ты заслужил своим злоумием. Это ли наша злоба и непримиримая ненависть, если, зная, что ты замышляешь против нас зло, мы держали тебя подле себя в чести и в благоденствии, каких не удостаивался и твой отец. Ведь нам известно, в какой чести и богатстве жили твои родители и какие пожалования, богатство и почести имел твой отец, князь Михайло. Все знают, каков ты по сравнению с ним, сколько было у твоего отца

управителей по селам и сколько у тебя. Отец твой был боярином князя Михаила Кубенского, ибо он приходился ему дядей, ты же был нашим боярином: мы удостоили тебя этой чести. Разве недостаточно было тебе почестей, богатства и наград? Нашими милостями ты был облагодетельствован больше, чем твой отец, а в храбрости уступал ему и в отличие от него совершил измену. Но если ты таков, чем же ты недоволен? Это ли твое добро и любовь к нам, если ты всегда тщательно расставлял против нас сети и препятствия и, подобно Иуде, готовился нас погубить?

А что, по твоим безумным словам, твоя кровь, пролитая руками иноплеменников ради нас, вопиет на нас к Богу, то, раз она не нами пролита, это достойно смеха: кровь вопиет на того, кем она пролита, а ты выполнил свой долг перед отечеством, и мы тут ни при чем; ведь если бы ты этого не сделал, то был бы не христианин, но варвар. Насколько сильнее вопиет на вас наша кровь, пролитая из-за вас: не из ран и не потоки крови, но немалый пот, пролитый мною во многих непосильных трудах и ненужных тяготах, произошедших по вашей вине! Пусть не кровь, но немало слез было пролито из-за чинимого вами зла, оскорблений и притеснения, сколько вздыхал я в скорби сердечной, сколько перенес из-за этого поношений, ибо вы не возлюбили меня и не печалились вместе со мной о нашей царице и детях. И это вопиет на вас к Богу моему: несравнимо это с вашим безумием, ибо одно дело пролить кровь за православие, а другое — желая чести и богатства. Такая жертва Богу неугодна; он скорее простит удавившегося, чем погибшего ради тщеславия. Моя же обида и то, что вместо пролития крови я перенес от вас всякие оскорбления и нападки; все, что было посеяно вашей строптивой злобой, не перестает жить и непрестанно вопиет на вас к Богу! Совесть же свою ты вопрошал не искренне, а лживо, и потому не нашел истины, думая только о военных подвигах, а о бесчестии, нанесенном нам, не пожелал вспомнить; поэтому ты и считаешь себя неповинным.

Какие же «победы пресветлые» ты совершал и когда ты «преславно одолевал»? Когда мы послали тебя в нашу вотчину, в Казань, привести к повиновению непослушных, ты вместо виноватых привел к нам невинных, обвиняя их в измене, а тем, против кого ты был послан, не причинил никакого вреда. Когда наш недруг, крымский царь, приходил к нашей вотчине Туле, мы послали вас против него, но царь устрашился и вернулся назад, и остался только его воевода Ак-Магомет-улан с немногими людьми; вы же поехали есть и пить к нашему воеводе, князю Григорию Темкину, и только после пира отправились за ними, а они уже ушли от вас целы и невредимы. Если вы и получили при этом многие раны, то никакой славной победы не одержали. А как же под городом нашим Невелем с пятнадцатью тысячами человек вы не смогли победить четыре тысячи, и не только не победили, но сами от них, израненные, едва спаслись, ничего не добившись? Это ли пресветлая победа и славное одоление, достойные похвалы и чести? А иное свершилось без твоего участия — это тебе в похвалу и не ставится!

А что ты мало видел свою родительницу и мало знал жену, покидал отечество и вечно находился в походе против врагов в дальноконных городах, страдал от болезни и много ран получил от варварских рук в боях, и все тело твое изранено, — то ведь все это происходило тогда, когда господствовали вы с попом и с Алексеем. Если вам это не нравилось, зачем вы так делали? А если делали, то зачем, сотворив по своей воле, возлагаете вину на нас? А если мы так и поступали, то в этом нет ничего удивительного, ибо вы обязаны были служить по нашему повелению. Если бы ты был воинственным мужем, то не считал бы свои бранные подвиги, а искал бы новых; потому ты и перечисляешь свои бранные деяния, что оказался беглецом, не стремясь к бранным подвигам, а ища покоя. Разве же мы не оценили твоих ничтожных ратных подвигов, если даже пренебрегли известными нам твоими изменами и противодействиями, и ты был среди наших вернейших слуг в славе, в чести и в богатстве? Если бы было не так,

то каких бы казней за свою злобу был бы ты достоин! И если бы не наше милосердие к тебе, и если бы, как ты писал в своем злобесном письме, подвергался ты гонению, то тебе не удалось бы убежать к нашему недругу. Твои воинские подвиги нам хорошо известны. Не думай, что я слабоумен или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники, поп Сильвестр и Алексей Адашев. И не надейтесь запугать меня, как пугают детей и как прежде обманывали меня с попом Сильвестром и Алексеем благодаря своей хитрости, и не надейтесь, что и теперь это вам удастся. Как сказано в притчах: «Чего не можешь взять, не пытайся и брать».

Ты взываешь к Богу, мзду воздающему; поистине он справедливо воздает за всякие дела — добрые и злые, но только следует каждому человеку поразмыслить: какого и за какие дела он заслуживает воздаяния? А лицо свое ты высоко ценишь. Но кто же захочет такое эфиопское лицо видеть? Встречал ли кто-либо честного человека, у которого голубые глаза? Ведь даже облик твой выдает твой коварный нрав!<...>

Ты напомнил о святом Федоре Ростиславиче — с охотой принимаю его в судьи, хотя он вам и родственник, ибо святые знают, как и после смерти творить добро, и видят, что было между вами и нами от начала и доныне, и поэтому рассудят справедливо. А как, вопреки вашим злым немилосердным замыслам и желаниям, святой преподобный князь Федор Ростиславич действием Святого Духа поднял бывшую уже у врат смертных нашу царицу Анастасию, которую вы уподобляли Евдокии? И из этого особенно явствует, что он не вам помогает, а нам, недостойным, оказывает свою милость. Вот и теперь мы надеемся, что он будет помогать больше нам, чем вам, ибо «если бы вы были детьми Авраама, то творили бы дела Авраама, а Бог может и из камней сотворить детей Аврааму; ведь не все, произошедшие от Авраама, считаются его потомством, но только те, кто живет в вере Авраама».

По суетным же замыслам мы ничего не решаем и не делаем и на зыбкое основание не становимся ногами своими, но насколько у нас хватает

сил стремимся к твердым решениям и, опершись ногами в прочное основание, стоим неколебимо.

Никого мы из своей земли не изгоняли, кроме тех, кто изменил православию. Убитые же и заточенные, как я сказал выше, получили наказание по своей вине.<...>

Ничем я не горжусь и не хвастаюсь и ни о какой гордости не помышляю, ибо я исполняю свой царский долг и не делаю того, что выше моих сил. Скорее, это вы надуваетесь от гордости, ибо, будучи рабами, присваиваете себе святительский и царский сан, поучая, запрещая и повелевая. Никаких козней для истязания христиан мы не придумываем, а, напротив, сами готовы пострадать ради них в борьбе с врагами не только до крови, но и до смерти. Подданным своим воздаем добром за добро и наказываем злом за зло, не желая этого, но по необходимости, по злым их преступлениям им и наказание следует.<...>

Насчет Кроновых жрецов ты писал нелепости, лая, подобно псу, или изрыгая яд, подобно ехидне: родители не станут причинять своим детям таких страданий — как же мы, цари, имеющие разум, можем впасть в такое нечестие? Все это ты писал по своему злобесному собачьему умыслу.

А если ты свое писание хочешь с собою в гроб положить, значит ты уже окончательно отпал от христианства. Господь повелел не противиться злу, ты же и перед смертью не хочешь простить врагам, как обычно поступают даже невежды; поэтому над тобой не следует совершать и последнего отпевания.

Город Владимир, находящийся в нашей вотчине, Ливонской земле, ты называешь владением нашего недруга, короля Сигизмунда, чем окончательно обнаруживаешь свою собачью измену. А если ты надеешься получить от него многие пожалования, то это так и должно, ибо вы не захотели жить под властью Бога и нас, данных Богом государей, слушать и повиноваться нам, а захотели жить по своей воле. Поэтому ты и нашел себе такого государя,

который — как и следует по твоему злобесному собачьему желанию — ничем сам не управляет, но хуже последнего раба — от всех получает приказания, а сам никем не повелевает. Но ты не найдешь себе там утешения, ибо там каждый о себе заботится. Кто оградит тебя от насилий или защитит от обидчиков, если даже сиротам и вдовицам не внемлет суд, что вы, желающие для христианства бед, творите! <...>

Дано это крепкое наставление в Москве, царствующем православном граде всей России, в 7072 году от создания мира, июля в 5 день (5 июля 1564 г.).

Второе послание Курбского Ивану Грозному

Краткий ответ Андрея Курбского на препространное послание великого князя Московского

Широковещательное и многошумное послание твое получил, и понял, и уразумел, что оно от неукротимого гнева с ядовитыми словами изрыгнуто, таковое бы не только царю, столь великому и во вселенной прославленному, но и простому бедному воину не подобало, а особенно потому, что из многих священных книг нахватано, как видно со многой яростью и злобой, не строчками и не стихами, как это в обычае у людей искусных и ученых, когда случается им кому-либо писать, в кратких словах излагая важные мысли, а сверх меры многословно и пустозвонно, целыми книгами, паремиями, целыми посланиями! Тут же и о постелях, и о шубейках, и иное многое — поистине словно вздорных баб россказни, и так все невежественно, что не только ученым и знающим мужам, но и простым и детям на удивление и на осмеяние, а тем более посылать в чужую землю, где встречаются и люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику, и философию.

И еще к тому же меня, человека, уже совсем смирившегося, скитальца, жестоко оскорбленного и несправедливо изгнанного, хотя и многогрешного, но имеющего чуткое сердце и в письме искусного, так осудительно и так шумливо, не дожидаясь суда Божьего, порицать и так мне грозить! И вместо

того чтобы утешить меня, пребывающего во многих печалях, словно забыл ты и презрел пророка, говорящего: «Не оскорбляй мужа в беде его, и так достаточно ему», твое величество меня, неповинного изгнанника, такими словами, вместо утешения, осыпаешь. Да будет за это Бог тебе судьей. И так жестоко грызть за глаза ни в чем не повинного мужа, с юных лет бывшего верным слугой твоим! Не поверю, что это было бы угодно Богу.

И уж не знаю, чего ты от меня хочешь. Уже не только единоплеменных княжат, восходящих к роду великого Владимира, различными смертями погубил, и богатство их, движимое и недвижимое, чего не разграбили еще дед твой и отец твой, до последних рубах отнял, и могу сказать с дерзостью, евангельскими словами, твоему прегордому царскому величеству ни в чем не воспрепятствовали. А хотел, царь, ответить на каждое твое слово и мог бы написать не хуже тебя, ибо по благодати Христа моего овладел по мере способностей своих слогом аттическим, уже на старости здесь обучился ему; но удержал руку свою с пером, потому что, как и в прежнем своем послании писал тебе, возлагаю все на Божий суд: и размыслил я и решил, что лучше здесь промолчать, а там дерзнуть возгласить перед престолом Христа моего вместе со всеми замученными тобою и изгнанными, как и Соломон говорит: «Тогда, дескать, предстанут праведники перед лицом мучителей своих», тогда, когда Христос придет судить, и станут смело обличать мучивших и оскорблявших их, и, как и сам знаешь, не будет лицеприятия на суде том, но каждому человеку прямодушие его или коварство предъявлены будут, а вместо свидетелей собственная совесть каждого провозгласит и засвидетельствует истину. А кроме того, скажу, что не подобает мужам благородным браниться, как простолюдинам, а тем более стыдно нам, христианам, извергать из уст грубые и гневные слова, о чем я тебе не раз говорил и раньше. Лучше, подумал я, возложить надежду свою на всемогущего Бога, в трех лицах прославляемого и чтимого, ибо ему открыта моя душа и видит он, что чувствую я себя ни в чем перед тобой виновным. А

посему подождем немного, так как верую, что мы с тобою близко, у самого порога ожидаем пришествия надежды нашей христианской — Господа Бога, Спаса нашего, Иисуса Христа. Аминь.

Второе послание Ивана Грозного Курбскому

Такая грамота послана государем также из Владимирца к князю Андрею Курбскому с князем Александром Полубенским

Всемогущей и вседержительной десницей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, держащего в своей длани все концы земли, которому поклоняемся и кого славим вместе с Отцом и Святым Духом, милостью своей позволил нам, смиренным и недостойным рабам своим, удержать скипетр Российского царства от его вседержительной десницы христоносной хоругви, так пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский и царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Нижнего Новгорода, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский и отчинный государь и обладатель земли Лифляндской Немецкого чина, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Сибирской земли и Северной страны повелитель — бывшему нашему боярину и воеводе князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Со смирением напоминаю тебе, о князь: посмотри, как к нашим согрешениям и особенно к моему беззаконию, превзошедшему беззакония Манассии, хотя я не отступил от веры, терпеливо Божье величество, веря в мое покаяние. И не сомневаюсь в милосердии Создателя, которое принесет мне спасение, ибо говорит Бог в святом Евангелии, что больше радуется об одном раскаявшемся грешнике, чем о девяноста девяти праведниках; то же говорится и в притче об овцах и драхмах. Ибо если и многочисленнее песка морского беззакония мои, все же надеюсь на милость благоутробия Божьего

— может Господь в море своей милости потопить беззакония мои. Вот и теперь Господь помиловал меня, грешника, блудника и мучителя, и животворящим своим крестом низложил Амалика и Максентия. А наступающей крестоносной хоругви никакая военная хитрость не нужна, что знает не только Русь, но и немцы, и литовцы, и татары, и многие народы. Сам спроси у них и узнаешь, я же не хочу перечислять эти победы, ибо не мои они, а Божьи. Тебе же напомню лишь кое-что из многого, ибо на укоризны, которые ты писал ко мне, я уже со всей истиной ответил; теперь же напомню немногое из многого. Вспомни сказанное в Книге Иова: «Обошел землю и иду по вселенной»; так и вы с попом Сильвестром и Алексеем Адашевым и со всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но Бог дает власть тому, кому захочет.

Писал ты, что я растлен разумом, как не встретишь и у неверных. Я же ставлю тебя самого судьею между мной и тобой: вы ли растлены разумом или я, который хотел над вами господствовать, а вы не хотели быть под моей властью, и я за то разгневался на вас? Или растленны вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили, как хотели, а меня отстранили от власти: на словах я был государь, а на деле ничем не владел. Сколько напастей я от вас перенес, сколько оскорблений, сколько обид и упреков! И за что? В чем была моя вина перед вами с самого начала? Кого и чем я оскорбил? Это ли моя вина, что полтораста четей Прозоровского вам были дороже моего сына Федора? Вспомни и рассуди: как оскорбительно для меня вы разбирали дело Сицкого с Прозоровским и допрашивали, словно злодея! Неужели эта земля вам была дороже наших жизней? И что такое сами Прозоровские рядом с нами?.. Божиим милосердием, милостью пречистой Богородицы, и молитвой великих чудотворцев, и милостью святого Сергия у моего батюшки и с батюшкиного благословения у меня была не одна сотня таких, как Прозоровский. А чем лучше меня был Курлятев? Его дочерям покупают

всякие украшения, это благословенно и хорошо, а моим дочерям — проклято и за упокой. Много таких было мне от вас бед — не исписать.

А с женою моей зачем вы меня разлучили? Не отняли бы вы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв. А если скажешь, что я после этого не стерпел и не соблюл чистоты, — так ведь все мы люди. А ты для чего взял стрелецкую жену? А если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось: все это случилось из-за вашего самовольства. А зачем вы захотели князя Владимира посадить на престол, а меня с детьми погубить? Разве я похитил престол или захватил его через войну и кровопролитие? По Божьему изволению с рождения был я предназначен к царству: и уже не вспомню, как меня отец благословил на государство; на царском престоле и вырос. А князю Владимиру с какой стати следовало быть государем? Он сын четвертого удельного князя. Какие у него достоинства, какие наследственные права быть государем, кроме вашей измены и его глупости? В чем моя вина перед ним? Что ваши же дяди и господины уморили отца его в тюрьме, а его с матерью также в тюрьме держали? А я и его, и его мать освободил и держал их в чести и благоденствии; а он уже от всего этого отвык. И я такие оскорбления стерпеть не смог — и стал за самого себя. И вы тогда начали против меня еще больше выступать и изменять, и я потому еще решительнее начал выступать против вас. Я хотел вас подчинить своей воле, и как же вы из-за этого надругались над святыней Господней и осквернили ее! Рассердившись на человека, восстали на Бога. Сколько церквей, монастырей и святых мест вами поругано и осквернено! Сами за это Богу ответ дадите. Но опять-таки умолчу об этом; пишу здесь тебе о нынешних делах. Смотри, княже, на Божий суд: как Бог дает власть кому хочет. Вы ведь с попом Сильвестром и с Алексеем Адашевым хвастались, как дьявол в Книге Иова: «Обошел землю и прошел вселенную, и вся земля под ногами моими» (и сказал ему Господь: «А знаешь ли ты раба моего Иова?»). Так и вы мнили, что вся Русская земля у вас под ногами, но

по Божьей воле мудрость ваша оказалась тщетной. Вот ради этого я и поострил свое перо, чтобы тебе написать. Вы ведь говорили: «Нет людей на Руси, некому обороняться», — а нынче вас нет; кто же нынче завоевывает претвердые германские крепости? Это сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентия, завоевывает крепости. Не дожидаются бранного боя германские города, но склоняют головы свои перед силой животворящего креста. А где случайно за грехи наши явления животворящего креста не было, там бой был. Много всяких людей отпущено: спроси их, узнаешь.

Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя в дальноконные города как бы в наказание посылали, — так теперь мы со своими сединами и дальше твоих дальноконных городов, слава Богу, прошли и ногами коней наших прошли по всем вашим дорогам — из Литвы и в Литву, и пешими ходили, и воду во всех тех местах пили, — теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Вольмер, на покой твой привел нас Бог: настигли тебя, и ты еще дальноконнее поехал.

Итак, мы написали тебе лишь немногое из многого. Рассуди сам, как и что ты сделал и для чего, и, зная милость Божьего попечения о нас, рассуди, что ты сотворил. Все это сам рассмотри и сам найди решение этому! Видит Бог, что написали это мы тебе не из гордости или надменности, но чтобы напомнить тебе о необходимости исправления, чтобы ты о спасении души своей подумал.

Писано в нашей вотчине Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 (1577) году, на сорок третьем году нашего правления, на тридцать первом году нашего Российского царства, двадцать пятом — Казанского, двадцать четвертом — Астраханского.

Третье послание Курбского Ивану Грозному

Ответ царю великому Московскому на его второе послание от убогого Андрея Курбского, князя Ковельского

В скитаниях пребывая и в бедности, тобой изгнанный, титул твой великий и пространный не привожу, так как не подобает ничтожным делать этого тебе, великому царю, а лишь в обращении царей к царям приличествует употреблять такие именования с пространнейшими продолжениями. А то, что исповедуешься мне столь подробно, словно перед каким-либо священником, так этого я недостоин, будучи простым человеком и чина воинского, даже краем уха услышать, а всего более потому, что и сам обременен многими и бесчисленными грехами. А вообще-то поистине хорошо было бы радоваться и веселиться не только мне, некогда рабу твоему верному, но и всем царям и народам христианским, если бы было твое истинное покаяние, как в Ветхом завете Манассиино, ибо говорится, как он, покаявшись в кровопийстве своем и в нечестии, в законе Господнем прожил до самой смерти кротко и праведно и никого и ни в чем не обидел, а в Новом завете — о достойном хвалы Закхеином покаянии и о том, как в четырехкратном размере возвращено было все обиженным им.

И если бы последовал ты в своем покаянии тем священным примерам, которые ты приводишь из Священного Писания, из Ветхого завета и из Нового! А что далее следует в послании твоем, не только с этим не согласно, но изумления и удивления достойно, ибо представляет тебя изнутри как человека, на обе ноги хромающего и ходящего неблагочинно, особенно же в землях твоих противников, где немало мужей найдется, которые не только в мирской философии искусны, но и в Священном Писании сильны: то ты чрезмерно унижаешься, то беспредельно и сверх меры превозносишься! Господь вещает к своим апостолам: «Если и все заповеди исполните, все равно говорите: мы рабы недостойные», а дьявол подстрекает нас, грешных, на словах только каяться, а в сердце себя превозносить и равнять со святыми преславными мужами. Господь повелевает никого не осуждать до Страшного

суда и сначала вынуть бревно из своего ока, а потом уже вытаскивать сучок из ока брата своего, а дьявол подстрекает только какие-то слова произнести, будто бы каешься, а на деле же не только возноситься и гордиться бесчисленными беззакониями и кровопролитиями, но и почитаемых святых мужей учит не только проклинать, но даже дьяволами называть, как и Христа в древности евреи называли обманщиком и бесноватым, который с помощью Вельзевула, князя бесовского, изгоняет бесов, а все это видно из послания твоего величества, где ты правоверных и святых мужей дьяволами называешь и тех, кого дух Божий наставляет, не стыдишься порицать за дух бесовский, словно отступился ты от великого апостола: «Никто же, — говорит он, — не называет Иисуса Господом, «только Духом Святым»«. А кто на христианина правоверного клевещет, не на него клевещет, а на самого Духа Святого, в нем пребывающего, и неотмолимый грех сам на свою голову навлечет; ибо говорит Господь: «Если кто поносит Духа Святого, то не простится ему ни на этом свете, ни на том».

А к тому же, что может быть гнуснее и что прескверне, чем исповедника своего поправлять и мукам его подвергать, того, кто душу твою царскую к покаянию привел, грехи твои на своей выеносил и, подняв тебя из явной скверны, чистым поставил перед наичистейшим царем Христом, Богом нашим, омыв покаянием! Так ли ты воздаешь ему после смерти его? О чудо! Как клевета, презлыми и коварнейшими маньяками твоими измышленная на святых и преславных мужей, и после смерти их еще жива! Не ужасаешься ли, царь, вспоминая притчу о Хаме, посмеявшемся над наготой отцовской? Какова была кара за это потомству его! А если таковое свершилось из-за отца по плоти, то насколько заботливей следует снисходить к проступку духовного отца, если даже что и случилось с ним по человеческой его природе, как об этом и нашептывали тебе льстецы твои про того священника, если даже он тебя и устрашал не истинными, но придуманными знамениями. О, по правде и я скажу: хитрец он был, коварен и хитроумен, ибо обманом

овладел тобой, извлек из сетей дьявольских и словно бы из пасти льва привел тебя к Христу, Богу нашему. Так же действительно и врачи мудрые поступают: дикое мясо и неизлечимую гангрену бритвой вырезают, пока не достигнут здорового тела, и потом излечивают мало-помалу и исцеляют больных. Так же и он поступал, священник блаженный Сильвестр, видя недуги твои душевные, за многие годы застаревшие и трудноизлечимые. Как некие мудрецы говорят: «Застаревшие, — сказано, — дурные привычки в душах человеческих через многие годы становятся самим естеством людей, и трудно от них избавиться», — вот так же и тот, преподобный, ради трудноизлечимого недуга твоего прибегал к пластырям: язвительными словами осыпал тебя и порицал и суровыми наставлениями, словно бритвой, вырезал твои дурные обычаи, ибо помнил он пророческое слово: «Да лучше перетерпишь, — сказано, — раны от друга, чем ласковый поцелуй врага». Ты же не вспомнил о том или забыл, будучи совращен злыми и лукавыми, отогнал и его от себя, и Христа нашего вместе с ним. А порой он, словно уздой крепкой и поводьями, удерживал невоздержанность твою и непомерную похоть и ярость. Но на его примере сбылись слова Соломоновы: «Укори праведного, и с благодарностью примет» и еще: «Обличай праведного, и полюбит тебя». Другие же, следующие далее стихи не привожу: надеюсь на царскую совесть твою, зная, что искусен ты в Священном Писании. А потому и не слишком бичую своими резкими словами твое царское величие я, ничтожный, а делаю что могу и воздержусь от брани, ибо совсем не подобает нам, воинам, словно слугам, браниться.

А мог бы ты и о том вспомнить, как во времена благочестивой жизни твоей все дела у тебя шли хорошо по молитвам святых и по наставлениям избранной рады, достойнейших советников твоих, и как потом, когда прельстили тебя жестокие и лукавые льстецы, губители и твои, и отечества своего, как и что случилось: и какие язвы были Богом посланы — говорю я о голоде и стрелах поветрия <мора>, а напоследок и о мече варварском,

отомстителе за поругание закона Божьего, и внезапное сожжение главного града Москвы, и опустошение всей земли Русской, и, что всего горше и позорнее, — царской души падение, и позорное бегство войск царских, прежде бывших храбрыми; как некие здесь нам говорят — будто бы тогда, хоронясь от татар по лесам, с кромешниками своими, едва и ты от голода не погиб! А прежде тот измаильский пес, когда ты богоугодно царствовал, от нас, ничтожнейших слуг твоих, в поле диком бегая, места не находил и вместо нынешних великих и тяжелых даней твоих, которыми ты наводишь его на христианскую кровь, выплачивая дань ему, саблями нашими, — воинов твоих, — была дань басурманским головам заплачена.

А то, что ты пишешь, именуя нас изменниками, так мы были принуждены против воли крест целовать, ибо есть у вас обычай, если кто не присягнет — то умрет страшной смертью, на это все тебе ответ мой: все мудрые с тем согласны, что если кто-либо по принуждению присягает или клянется, то не на того падет грех, кто крест целует, но всего более на того, кто принуждает, хотя бы и гонений не было. Если же кто не спасается от жестокого преследования, тот сам себе убийца, идущий против слова Господня: «Если, — говорит, — преследуют вас в городе, идите в другой». А пример этому показал Господь Христос, Бог наш, нам, верным своим, ибо спасался не только от смерти, но и от преследования богоборцев евреев.

А то, что ты сказал, будто бы я, разгневавшись на человека, поднял руку на Бога, а именно церкви Божьи разорил и пожег, на это отвечаю: или на нас понапрасну не клевещи, или выскобли, царь, эти слова, ибо и Давид принужден был из-за преследований Саула идти войной на землю Израилеву вместе с царем язычников. Я же исполнял волю не языческих, а христианских царей, по их воле и ходил. Но каюсь в грехе своем, что принужден был по твоему повелению сжечь большой город Витебск и в нем двадцать четыре церкви христианские. Так же и по воле короля Сигизмунда-Августа должен был разорить Луцкую волость. И там мы строго следили

вместе с Корецким князем, чтобы неверные церквей Божьих не жгли и не разоряли. И воистину не смог из-за множества воинов уследить, ибо пятнадцать тысяч было тогда с нами воинов, среди которых было немало и варваров: измаильтян и других еретиков, обновителей древних ересей, врагов креста Христова; и без нашего ведома и в наше отсутствие, затаившись, нечестивые сожгли одну церковь с монастырем. И подтверждают это монахи, которые вызволены были нами из плена! А потом, около года спустя, главный враг твой — царь перекопский, присылал к королю, упрашивая его, а также и меня, чтобы пошли с ним на ту часть земли Русской, что под властью твоей. Я же, несмотря на повеление королевское, отказался: не захотел и подумать о таком безумии, чтобы пойти под басурманскими знаменами на землю христианскую вместе с чужим царем безбожным. Потому и сам король тому удивился и похвалил меня, что я не уподобился безумным, до меня решавшимся на подобное.

А то, что ты пишешь, будто бы царицу твою околдовали и тебя с ней разлучили те прежденазванные мужи и я с ними, то я тебе вместо тех святых говорить не стану, ибо дела их вопиют, словно трубы, возглашая о святости их и о добродетели. О себе же вкратце отвечу тебе: хотя и весьма многогрешен и недостоин, но, однако, рожден от благородных родителей, из рода я великого князя смоленского Федора Ростиславича, как и ты, великий царь, прекрасно знаешь из летописей русских, что князья того рода не привыкли тело собственное терзать и кровь братии своей пить, как у некоторых издавна вошло в обычай: ибо первый дерзнул так сделать Юрий Московский, будучи в Орде, выступив против святого великого князя Михаила Тверского, а потом и прочие, чьи дела еще свежи в памяти и были на наших глазах. Что с Углицким сделано и что с Ярославичами и другими той же крови? И как весь их род уничтожен и истреблен? Это и слышать тяжело и ужасно! От сосцов материнских оторван, в мрачных темницах

затворен и долгие годы находился в заточении и тот внук вечно блаженный и боговенчанный!

А та твоя царица мне, несчастному, близкая родственница, и убедишься в родстве нашем из написанного на той же странице.

А о Владимире, брате своем, вспоминаешь, как будто бы его хотели возвести на престол, воистину об этом и не думал, ибо и недостоин был этого. А тогда я предугадал, что подумаешь ты обо мне, еще когда сестру мою силою от меня взял и отдал за того брата своего или же, могу откровенно сказать со всей дерзостью, — в тот ваш издавна кровопийственный род.

А еще хвалишься повсеместно и гордишься, что будто бы силою животворящего креста лифляндцев окаянных поработил, не знаю и не понимаю, как в это можно было поверить: скорее — под сенью разбойничьих крестов! Еще когда король наш с престола своего не двинулся, и вся шляхта еще в домах своих пребывала, и все воинство королевское находилось подле короля, а уже кресты те во многих городах были повергнуты неким Жабкой, а в Кеси — стольном городе — латышами. И поэтому ясно, что не Христовы это кресты, а крест распятого разбойника, который несли перед ним. Гетманы польские и литовские еще и не начинали готовиться к походу на тебя, а твои окаянные воеводишки, а правильнее сказать, калики, из-под сени этих крестов твоих выволакивались связанные, а здесь, на великом сейме, на котором бывает множество народа, подвергались всеобщим насмешкам и надругательствам, окаянные, к вечному и немалому позору твоему и всей святорусской земли, и на поношение народу — сынам русским.

А то, что ты пишешь о Курлятеве, о Прозоровских и о Сицких, и не пойму, о каких узорочьях, о каком проклятии, и тут же припоминая деяния Крона и Афродиты и стрелецких жен, — то все это достойно осмеяния и подобно россказням пьяных баб, и на все это отвечать не требуется, как говорит премудрый Соломон: «Глупцу, — сказано, — отвечать не подобает»,

— поскольку уже всех тех вышеназванных, не только Прозоровских и Курлятевых, но и других многочисленных благородных мужей поглотила лютость мучителей их, а вместо них остались калики, которых силишься ставить воеводами, и упрямо выступаешь против разума и Бога, а поэтому они вскоре вместе с городами исчезают, не только трепеща при виде единственного воина, но и пугаясь листка, носимого ветром, пропадают вместе с городами, как во Второзаконии пишет святой пророк Моисей: «Один, — сказано, — из-за беззаконий ваших обратит в бегство тысячу, а два — десятки тысяч».

А в том же послании напоминаешь, что на мое письмо уже отвечено, но и я давно уже на широковещательный лист твой написал ответ, но не смог послать из-за постыдного обычая тех земель, ибо затворил ты царство Русское, свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне, и если кто из твоей земли поехал, следуя пророку, в чужие земли, как говорит Иисус Сирахов, ты такого называешь изменником, а если схватят его на границе, то тем или иным способом предаешь его смерти. Так же и здесь, уподобившись тебе, жестоко поступают. И поэтому так долго не посылал тебе того письма. А теперь как этот ответ на теперешнее твое послание, как и тот — на широковещательное послание твое предыдущее посылаю к высокому твоему величеству. И если окажешься мудрым, да прочти их в тишине душевной и без гнева! И к тому же прошу тебя: не пытайся более писать чужим слугам, ибо и здесь умеют ответить, как сказал некий мудрец: «Захотел сказать, да не хочешь услышать», то есть ответ на твои слова.

А то, что пишешь ты, будто бы тебе не покорялся и хотел завладеть твоим государством, и называешь меня изменником и изгнанником, то на все это не отвечаю из-за явного на меня твоего наговора или клеветы. Также и от других ответов воздерживаюсь, потому что можно было писать в ответ на твое послание либо сократив то, что уже тебе написано, чтобы не явилось письмо мое варварским из-за многих лишних слов, либо отдавшись на суд

неподкупного судьи Христа, Господа Бога нашего, о чем я уже не раз напоминал тебе в прежних моих посланиях; поэтому же не хочу я, несчастный, перебраниваться с твоим царским величеством.

А еще посылаю тебе две главы, выписанные из книги премудрого Цицерона, известнейшего римского советника, жившего еще в те времена, когда римляне владели всей вселенной. А писал он, отвечая недругам своим, которые укоряли его как изгнанника и изменника, подобно тому как твое величество не в силах сдержать ярости своего преследования, стреляет в нас, убогих, издалека огненными стрелами угроз своих и понапрасну, и попусту.

Андрей Курбский, князь Ковельский.

<...>

Посмотри же, царь, со вниманием: если языческие философы по естественным законам дошли до таких истин и до такого разума и великой мудрости между собой, как говорил апостол: «Помыслам осуждающим и оправдывающим», и того ради допустил Бог, чтобы они владели всей вселенной, то почему же мы называемся христианами, а не можем уподобиться не только книжникам и фарисеям, но и людям, живущим по естественным законам! О, горе нам! Что ответим Христу нашему на суде и чем оправдаемся? Год спустя или два после первого послания моего к тебе увидел я, как воздал тебе Бог по делам твоим и по содеянному руками твоими, постыдное и сверх всякой меры позорное поражение твое и войска твоего, погубил ты славу блаженной памяти великих князей русских, предков твоих и наших, благочестиво и славно царствовавших в великой Руси. И мало того что не устыдили и не посрамили тебя Божественные кары и обличения, о которых я напомнил тебе в прежних письмах, казни различные за твое беззаконие, каких на Руси никогда не бывало, и сожжение безбожными измаильтянами преславной столицы отечества твоего Москвы, и остался ты по своему прескверному произволению в своей фараонской непокорности и в своем ожесточении против Бога и совести, всячески поправ

чистую совесть, вложенную Богом во всякого человека, которая словно недреманное око и неусыпный страж бережет и хранит душу и ум бессмертный в каждом человеке. И что еще того безумнее творишь и на что дерзаешь? Не постыдился написать нам, будто бы тебе, воевавшему с врагами своими, помогала сила животворящего креста! Так ты полагаешь и думаешь? О безумие человеческое, а особо — души, развращенные нахлебниками твоими или любимцами-маньяками! Очень и я тому удивился и все прочие мудрые люди, особенно же те, которые прежде знали тебя, когда ты еще жил по заповедям Господним и был окружен избранными достойными мужами и не только был храбрым и мужественным подвижником, страшным врагам своим, но и наполнен был духом Священного Писания и осиян чистотою и святостью. А ныне, развращенный своими мерзкими маньяками, в какую бездну недомыслия и безумия низвергнут ты и даже памяти лишен!

Как не вспомнишь ты, заглянув в священные книги, писанные для наставления нашего, что погрязшим в скверне и коварстве Бог всемогущий и святость его не помогают? <...>

А лютость твоей власти погубила не одного Непотиана и двух других невиновных, а и многих воевод и полководцев, благородных и знатных и прославленных делами и мудростью, с молодых ногтей искушенных в военном деле и в руководстве войсками, и всем ведомых мужей — все, что есть лучшее и надежнейшее в битвах для победы над врагами, — ты предал различным казням и целыми семьями погубил без суда и без повода, прислушиваясь лишь к одной стороне, а именно, внимая коварным своим льстецам, губителям отечества. И, погрязнув в подобных злодеяниях и кровопролитии, посылаешь на чужие земли под стены чужих крепостей великую армию христианскую без опытных и всем ведомых полководцев, не имеющую к тому же мудрого и храброго предводителя или гетмана великого, что бывает для войска особенно губительно и мору подобно, то есть, короче

говоря, — без людей идешь, с овцами и с зайцами, не имеющими доброго пастыря и страшащимися даже гонимого ветром листика, как и в прежнем своем послании писал я тебе о каликах твоих, которых ты бесстыдно пытаешься превратить в воеводишек взамен тех храбрых и достойных мужей, которые истреблены или изгнаны тобою.

А недавно ко всему этому ты добавил еще один позор для предков твоих, пресрамный и в тысячу раз более горький: город великий Полоцк в своем же присутствии сдал ты со всею церковью — то есть с епископами и клириками, и с воинами, и со всем народом, а город тот ты прежде добыл своею грудью (чтобы потешить твое самолюбие, не скажу уже, что нашею верною службою и многими трудами!), ибо тогда ты еще не всех окончательно погубил и поразогнал, когда добыл себе Полоцк. Ныне же вместе со всем своим воинством ты в лесах прячешься, как хоронится одинокий беглец, трепещешь и скрываешься, хотя никто не преследует тебя, только совесть твоя в душе твоей вопиет, обличая прескверные дела твои и бесчисленные кровопролития. Тебе только и остается, что браниться, как пьяной рабыне, а то, что поистине тебе подобает и что достойно царского сана, а именно — справедливый суд и защита, то все уже давно утрачено по молитвам и советам Вассиана Топоркова, из среды лукавейших иосифлян, который тебе советовал и нашептывал, чтобы ты не держал при себе советников мудрых, и по наставлениям других, подобных ему советчиков, из среды монахов и мирян. Вот каковую славу от них приобрел! И разве даровали они тебе победу, как предрек Константину Великому святой Николай за трех мужей и тебе многократно сулил блаженный Сильвестр, исповедник твой, порицая тебя и осуждая за непотребные твои дела и коварный нрав, на него же ты и после смерти его продолжаешь негодовать! Или не читал ты написанного Исайей пророком: «Лучше розга или палка в руках друга, чем нежные поцелуи врага»?

Вспомни прошедшие дни и возвратись к ним. Зачем ты, безумный, все еще бесчинствуешь против Господа своего? Разве не настала пора образумиться и покаяться, и возвратиться к Христу? Пока еще не отторгнута душа от тела, ибо после смерти не опомнишься, а в аду не исповедуешься и не покаешься. Ты же был мудрым и, думаю, знаешь о трех частях души и о том, как подчиняются смертные части бессмертной. Если же ты не ведаешь, то поучись у мудрейших и покори и подчини в себе звериную часть Божественному образу и подобию: все ведь издавна тем и спасают душу, что худшее в себе подчиняют лучшему.

А если же в непомерной гордости и зазнайстве думаешь о себе, что мудр и что всю вселенную можешь поучать, пишешь в чужие земли чужим слугам, как бы воспитывая их и наставляя, то здесь над этим смеются и поносят тебя за это. <...>

Написано в преславном городе Полоцке, владении государя нашего пресветлого короля Стефана, особо прославленного богатырскими деяниями, на третий день после взятия города.

Андрей Курбский, князь Ковельский.

Если пророки плакали и рыдали о Иерусалиме и о церкви, возведенной из камня, разукрашенной и прекрасной, и о всех жителях, в нем погибающих, то как не возрыдать нам о разорении града живого Бога и о церкви телесной, которую создал Господь, а не человек. В ней некогда Святой Дух пребывал, она была похвальным покаянием очищена и чистыми слезами омыта, из нее чистая молитва, словно благоуханное миро или фимиам, восходила к престолу Господню, в ней же, как на твердом основании православной веры, созидались благочестивые дела, и царская душа в той церкви, словно голубка крыльями серебристыми, сверкала в груди чище и светлее самого золота, благодатью Духа Святого украшена и делами во имя крепости и святости тела Христова и драгоценнейшей его крови, которой он нас откупил от рабства у дьявола! Вот какова бывала прежде твоя церковь телесная! А за

тобой и ради тебя все благочестивые следовали с хоругвями и крестами христианскими. Народы разные варварские не только с городами своими, но и целыми царствами покорялись тебе, и перед полками христианскими шел ангел-хранитель с воинством своим, «осеняя и защищая вокруг себя всех богобоязненных» «для установления пределов земли нашей», как сказал святой пророк Моисей, «врагов же устрашая и противников низлагая». Тогда это было, тогда, говорю тебе, когда «с избранными мужами и сам был избранным, с преподобными — преподобен, с неповинными — неповинен», как говорил блаженный Давид, и сила животворящего креста помогала тебе и воинству твоему.

Когда же развращенные и коварные совратили тебя, и супротивником стал ты, и после некоего покаяния снова обратился к прежним грехам по советам и наставлениям любимых своих льстецов, которые церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, а особенно бездной пятоградной гнусности и другими бесчисленными и невыразимыми злодействами отличились, которыми вечно губящий нас дьявол издавна совращает род человеческий, и делает его мерзким перед лицом Бога, и толкает на край гибели, как ныне и с твоим величеством по воле его случилось: вместо избранных и достойных мужей, которые не стыдясь говорили тебе всю правду, окружил ты себя сквернейшими прихлебателями и маньяками, вместо доблестных воевод и полководцев — гнуснейшими и Богу ненавистными Бельскими с товарищами их, и вместо храброго воинства — кромешниками, или опричниками кровожадными, которые несравнимо отвратительней палачей; вместо божественных книг и священных молитв, которыми наслаждалась твоя бессмертная душа и освящался твой царский слух, — скоморохами с различными дудами и с ненавистными Богу бесовскими песнями, для осквернения и отвращения твоего слуха от богословия; вместо того блаженного священника, который бы тебя примирил с Богом через чистое твое покаяние, и других советников духовных, часто с

тобой беседовавших, ты, как здесь нам говорят, — не знаю, правда ли это, — собираешь чародеев и волхвов из дальних стран, вопрошаешь их о счастливых днях, поступая подобно скверному и богомерзкому Саулу, который приходил, презрев пророков Божьих, к матропе, или к фотунисе, женщине-чародейке, расспрашивая ее о предстоящем сражении, она же в ответ на его желание по дьявольскому наваждению показала Самуила-пророка, словно бы восставшего из мертвых, показала в видении, как разъясняет святой Августин в своих книгах. А что далее с ними случилось? Это сам хорошо знаешь. Гибель его и дома его царского, о чем и блаженный Давид говорил: «Не долго проживут перед Богом те, кто созидает престол беззакония», то есть жестокие повеления или суровые законы.

И если погибают цари и властелины, составляющие жестокие законы и неисполнимые предписания, то уж тем более должны погибнуть со всем домом своим те, которые не только составляют невыполнимые законы или уставы, но и опустошают свою землю и губят подданных целыми родами, не щадя и грудных младенцев, а должны были бы властелины каждый за подданных своих кровь свою проливать в борьбе с врагами, а они, говорят, девушек собрав невинных, за собою их поводами возят и безжалостно чистоту их растлевают, не удовольствуясь уже своими пятью или шестью женами! Еще же к тому — о чем невозможно и слышать — чистоту их отдавая на злое растление. О беда! О горе! В какую пропасть глубочайшую дьявол, супостат наш, самостоятельность и свободу нашу низвергает и толкает!

Еще и новые и новые злодеяния, как рассказывают нам здесь приходящие из твоей земли, в сотни раз более гнусные и богомерзкие, не стану описывать и ради сокращения писаньица моего и потому, что ожидаю суда Христова, и, закрыв рукой уста, дивлюсь я и оплакиваю все это.

А ты еще думаешь, что после всего этого, о чем даже слышать тяжело и нестерпимо, тебе и воинству твоему будет помогать сила животворящего

креста? О споспешник древнего зверя и самого великого дракона, который искони противится Богу и ангелам его, желая погубить все творение Божие и все человеческое естество! Что же так долго не можешь насытиться кровью христианской, попирая собственную совесть? И почему так долго лежишь в тяжелом сне и не воспрянешь и не обратишься к Богу и человеколюбивым ангелам его?

Вспомни же дни своей молодости, когда блаженно царствовал!

Не губи себя и вместе с собой и дома своего!

Как говорит Давид: «Любящий неправду ненавидит свою душу», и тем более обагренные кровью христианской исчезнут вскоре со всем своим домом!

Почему так долго лежишь распростерт и храпишь на одре болезни своей, словно объятый летаргическим сном? Очнись и встань! Никогда не поздно, ибо самовластие наше и воля, до той поры как расстанется с телом душа, данная нам Богом для покаяния, не отнимутся от нас ради перемены к лучшему.

Прими же божественное лекарство, которым, говорят, исцеляются и от самых смертоносных ядов, каковыми давно уже опоили тебя нахлебники твои и сам отец их — прелютый дракон. Когда же кто-либо этого лекарства для души человеческой вкусит, тогда, как говорит Златоуст в первом слове своем на Страстную неделю о покаянии Петра апостола: «После вкушения того воссылаются умиленные молитвы к Богу слезами-посланцами». Мудрому достаточно. Аминь.

Написано в городе государя нашего короля Стефана, в Полоцке, после победы, бывшей под Соколом, на четвертый день.

Андрей Курбский, князь Ковельский.

УКАЗЫ О «ЗАПОВЕДНЫХ И УРОЧНЫХ ЛЕТАХ»[1]

Грамота царя Фёдора Ивановича с упоминанием закона 1592 или 1593 г. о запрещении крестьянского выхода, 1595 г. июля 8

От царя и великого князя Фёдора Ивановича всея Русии в нашу отчину в Великий Новгород воеводе нашему князю Данилу Ондреевичю Нохтеву с товарыщи. Бил нам челом из Великого Новагорода Пантелеева монастыря старец Андреян з братьею, а сказал: по нашему деи указу в том Пантелееве монастыре преж сего жили воеваные старцы[2] сь Ямыгорода дву монстырей, из Воскресенского да ис Пятницкого с(трои)тель[3] старец Дософей со своею братьею. А как (в прошлом) в 95-м году (1586—1587 гг.) по нашей грамоте дьяки наши Сава Фр(олов) да Семейка Емельянов велели быти в том Пант(елее)ве монастыре тому строителю Дософею з братьею, и дали деи им ис Пантелеевской вотчины ис пуста в Деревской пятине, в Курском присуде, в Петровском погосте деревню Липицы, две обжи[4], да деревню Я(ков)лево сельцо, две обжи ж, да деревню Индриково. Всего п(ять) обеж на л(готу) на десят лет з 95-го по сто пятой год (7105 или 1596—1597 гг.). А в те деи было лготные лета тому строителю Дософею з братьею на тех лготных пяти обжах (пашню) роспахати, и поля огородити, и сенные покосы роз(чистити), и дворы поставити, и крестьян назвати. И тово деи строителя старца Дософея не стало. А как деи мы отчи(ну) своею Ямогород взяли[5] и те деи старцы ямогородцкие (из Пан)телеева монастыря вышли на Ямогород в прежние

---

[1] Цит. по: Хрестоматия по Истории России: Учеб. пособие / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. — М., 2004.

[2] Воеваные старцы — монахи из монастырей, захваченные неприятелем.

[3] Строитель — глава монастыря.

[4] Обжа — от слова жать, обжинать. Площадь запашки, производимой одним пахарем при помощи одной лошади.

[5] Мы отчину своею Ямогород взяли — города Ям, Ивангород и Копорье были возвращены Россией в результате войны со Швецией в 1590—1595 гг., что закреплено Тявзинским мирным договором.

свои монастыри. А тех деи они лготных пяти обеж пашни не роспахали, а полъ не огородили, и сенных покосов не розчистили, и дворов не поставили, и крестьян не назвали, а пахали деи они в тех лготных пяти обжах только две обжи собою на монастырь.

И нынеча деи их тем лготным пяти обжам срок находит. А они деи после тех ямогородцких старцов пришли в тот Пантелеев монастырь на пусто, и им до тех лготн(ых) пяти обеж крестьяны навести немочно, потому

что ныне по нашему указу крестьяном и бобылем[1] в(ыходу) нет, а казны деи у них монастырьской в том Пантелееве монастыре нет же, подмоги давати крестьяном нечем (же), и нашего деи годового хлебного и денежного жалованья в тот Пантелеев монастырь не идёт ничего, и около деи того монастыри пашенки и огородцу нет. <…>

Указ царя Фёдора Ивановича о беглых крестьянах, 1597 г. ноября 24

Лета 7106-го (1597 г.) ноября в 24 день царь и великий князь Фёдор Иванович всеа Русии указал. Которые крестьяне из-за бояр, и из-за дворян, и из-за приказных людей и из-за детей боярских, и из-за всяких людей, ис поместей, и из вотчин, ис патриарховых, и из митрополичих, и изо владычних, и из монастырьских вотчин выбежали до нынешнего 106-го году за пять лет, — и на тех беглых крестьян в их побеге и на тех помещиков и вотчинников, за кем они, выбежав, живут, тем помещиком, из-за ково они выбежали, и патриаршим, и митрополичим, и владычним, и детем боярским, и монастырьских сел приказщиком и служкам давати суд и сыскивати накрепко всяими сыски. А по суду и по сыску тех крестьян беглых з жёнами и з детми и со всеми их животы возити их назад, где хто жил. А которые

[1] Бобыль — безземельный, безлошадный человек. Бобыли не несли государственного тягла, но платили своего владельцу более лёгкий оброк — бобыльщину. По юридическому положению они сближались с крестьянами и, как видно из данного документа, начали терять право свободного перехода, так же как и крестьяне, в конце XVI в.

крестьяня выбежали до нынешнего 106-го году лет за шесть и за семь и за десять и болши, а те помещики и вотчинники, из-за ково они выбежали, и патриарши, и митрополичьи, и владычни, и дети боярские и монастырских вотчин приказщики и слушки на тех своих беглых крестьян в их побеге и на тех помещиком и вотчинников, за кем оне, из-за них выбежав, живут до нынешняго 106-го году лет за шесть и за семь и за десять и болши, государю не бивали челом, — и государь указал на тех беглых крестьянех в их побеге и на тех помещиков и вотчинников, за кем они, выбежав, живут, суда не давати и назад их, где хто жил, не вывозити. А давати суд и иск в беглых крестьянех которые до нынешняго 106-го году выбежали за пять лет. А которые дела в беглых крестьянех засужены, а до нынешняго государева указу не вершены, — и государь указал те дела вершить по суду и по сыску.

НОВЫЙ ЛЕТОПИЕЦ[1]

<…> *85. О разбойниках и о посылке против разбойников.* Как и в древности, враг наш дьявол, не желая видеть род человеческий в добре, вложил в людей лукавство, которое именуется лихоимством, и многих людей ввел в пагубу. В то время умножились разбои в земле Русской так, что не только по пустынным местам проезду не было, но и под Москвой были разбои великие Царь же Борис, видя такое в земле нестроение и кровопролитие, много раз посылал [войска] на них [разбойников]. Они же, разбойники, как звери зубами своими скрежещут на человека, противились посланным [войскам], и ничего им не могли сделать. Они же, воры, вконец православных христиан рубили и грабили. У них же, воровских людей, [был] старейшина в разбойниках, именем Хлопко. Царь же Борис, слышав, что ничего им не [могли] сделать, сильно опечалился, и призвал к себе бояр, и возвестил им [об этом], и думал с ними, как тех разбойников переловить. Бояре же придумали послать на них воевод с многой ратью. Царь же Борис

[1] Цит. по: Хроники смутного времени. М., 1998.

послал на них окольничего своего Ивана Федоровича Басманова, а с ним многую рать. Они же пошли и сошлись [с разбойниками] под Москвой. Разбойники же с ними бились, не щадя голов своих, и воеводу Ивана Федоровича Басманова убили. Ратные же, видя такую от них над собою погибель, что убили у них разбойники воеводу, начали с ними биться, не щадя живота своего, и едва смогли их, окаянных, осилить, и многих их перебили: они же живыми в руки не давались; а иных и живых взяли. И того же вора, их старейшину Хлопка, едва смогли живым взять, потому что [он] изнемог от многих ран; а иные [воры] ушли на Украину, и там их всех, воров, поймали, и всех повелел [царь] перевешать. Воеводу же Ивана Басманова повелел царь Борис похоронить честно у Троицы в Сергиевом монастыре. <…>

130. Об убиении и разорении служилых людей от холопов своих и крестьян. Когда же мы не исправимся перед Богом, мы непотребны, зависти и гордости не оставляем, за те же наши согрешения наводит на нас Бог то, что мы мучимы и убиваемы не от неверных, но от рабов своих и крестьян поруганы и убиваемы. В лето 7115 (1607) году собрались боярские люди и крестьяне, к ним же пристали украинные посадские люди, стрельцы и казаки и начали по городам воевод хватать и сажать по темницам. Бояр же своих дома разоряли и имущество грабили, жен же их и детей позорили и себе брали. Старшим у них был человек князя Андрея Андреевича Телятевского Ивашка Болотников. Собрался [он] со многими людьми и пришел под Кромы; и воеводы от Кром отошли. Слышали же бояре под Ельцом, что под Кромами возмутились, отошли от Ельца прочь и пошли все к Москве. Ратные же люди, отъехав в Москву, разъехались все по своим домам, царь же Василий в Москве остался с небольшим войском.

131. О приходе под Москву Болотникова и о побоище под Троицким московских людей. Город же Рязань с пригородами, и Тула, и Кашира, и иные города украинные царю Василию изменили и послали в Путивль [посланцев]

с повинными. Они же в Путивле были, никого[1] в Путивле не видели и возвратились назад, но на истинный путь не обратились. И собрались все, и поставили себе старейшиной соловецкого сына боярского Истому Пашкова, и соединился [Пашков] с тем Ивашкой Болотниковым, и пошел под Москву. Город же Коломну взяли штурмом и разорили его, и, придя, встали за пятьдесят верст от Москвы Царь же Василий против них послал бояр своих и служилых людей, которые были в Москве, и посадских людей. И пришли [Пашков и Болотников] в Коломенский уезд, разогнали многих дворян и стольников взяли [в плен]. Их же, взяв [в плен], отсылали всех в Путивль. Бояре же пришли в Москву [из-под Ельца]. <…>

135. О побоище воровских людей в Коломенском и о приезде [к царю] Истомы Пашкова. На другой день после прихода смолян боярин князь Михаил Васильевич Шуйский с товарищами пошел к Коломенскому на воров, смоляне же пришли к нему. Воры же из Коломенского вышли со многими полками против них и начали биться. Тот же Истома Пашков, поняв свое согрешение, со всеми дворянами и детьми боярскими отъехал к царю Василию к Москве, а те воры боярские люди и казаки, отбиваясь, отнюдь не обращались [к царю]. По милости же Всещедрого Бога и помощью Пречистой Богородицы и московских чудотворцев тех воров многих побили и живых многих взяли, так что в Москве ни в тюрьмы, ни в палаты не вмещались; а назад же тот вор Ивашка Болотников ушел с небольшими отрядами и сел в городе Калуге; а иные [воры] сели в Заборье. Бояре же со всеми ратными людьми приступили к Заборью. Они же, воры, видя свое изнеможение, сдались все. Царь же Василий повелел их взять к Москве и поставить по дворам, и подавать кормы, и не велел их трогать; тех же воров, которые были взяты в бою, повелел бросить в воду. <…>

137. О посылке под Калугу бояр и воевод. Царь же Василий послал под Калугу бояр своих и воевод последних [оставшихся у него] с ратными

[1] Никого — т. е. истинного государя.

людьми, князя Федора Ивановича Мстиславского, да князя Михаила Васильевича Шуйского, да князя Бориса Петровича Татева. Они же пришли под Калугу, и начали под Калугой с ворами сражаться, подвели гору деревянную к острогу и хотели зажечь [острог], и наметали же ту гору близко к острогу. Тот же Болотников вышел со всеми людьми [из города], ту гору зажег и на приступе многих людей перебил и ранил, а городу ничего не сделали. <…>

151. О потопе тульском. Пришел к царю Василию муромец сын боярский Фома Сумин сын Кравков и сказал царю Василию: “Дай мне посошных людей, я де потоплю Тулу”. Царь же Василий и бояре посмеялись над ним, как ему город Тулу потопить. Он же прилежно к нему опять: “Вели меня казнить, если не потоплю Тулу”. Царь же Василий дал ему во всем волю. Он же повелел всей рати, каждому человеку принести по мешку с землей и начал реку под Тулой запружать, и вода начала прибывать. Царь же Василий, видя его замысел, наипаче велел ему свершать это и повелел дать ему в помощь мельников. Он же реку запрудил и город Тулу затопил совсем. Воры же, видя свое изнеможение, царю Василию сдались, и вора Петрушку схватили, взяли и угодника его, всему [пролитию] крови зачинщика князя Григория Шаховского, тут же взяли и Ивана Болотникова и иных воров и отослали их к Москве. Сам же царь Василий по городам устроил воевод и пошел сам к Москве, а ратных людей повелел распустить по домам. И, придя в Москву, повелел того вора Петрушку повесить, а князя Григория Шаховского послал на Каменное, а Ивашку Болотникова и Федьку Нагибу и иных [их] товарищей сослали в поморские города, и там их повелел казнить. <…>

285. О присылке из Нижнего Новгорода [послов] к князю Дмитрию Михайловичу, и о приходе в Нижний, и о собрании ратных людей. Во всех городах Московского государства, услышав о такой погибели душ под Москвой, о том скорбели и плакали и креста не целовали ни в каком городе, а

помощи никто не мог дать. Из всех городов в одном городе, называемом Нижний Новгород, те нижегородцы, поревновав о православной христианской вере и не желая видеть православной веры в латинстве, начали мыслить, как бы помочь Московскому государству. Один из них нижегородец, имевший торговлю мясную, Козьма Минин, прозываемый Сухорук, возопил всем людям: “Если мы хотим помочь Московскому государству, то нам не пожалеть имущества своего, да не только имущества своего, но и не пожалеть дворы свои продавать и жен и детей закладывать, и бить челом, кто бы вступился за истинную православную веру и был бы у нас начальником”. Нижегородцам же всем его слово было любо, и придумали послать бить челом к стольнику ко князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому архимандрита Печерского монастыря Феодосия да из всех чинов лучших людей. Князь же Дмитрий Михайлович в то время был у себя в вотчине, от Нижнего в 120 поприщах, лежал от ран. Архимандрит же и все нижегородцы пришли к князю Дмитрию Михайловичу и били ему челом со слезами, чтобы он ехал в Нижний Новгород и встал за православную христианскую веру и помощь бы оказал Московскому государству. Князь же Дмитрий их мысли был рад и хотел ехать тотчас, да зная у нижегородцев упрямство и непослушание воеводам, писал к ним, чтобы они выбрали из посадских людей, кому быть с ним у того великого дела и казну собирать, а с Кузьмою Мининым будет у них все уговорено. Тот же архимандрит и нижегородцы говорили князю Дмитрию, что у них в городе такого человека нет. Он же им говорил: “Есть у вас Кузьма Минин; тот бывал служилым человеком, ему то дело привычно”. Нижегородцы, услышав такое слово, еще больше были рады, и пришли в Нижний, и возвестили все. Нижегородцы же тому обрадовались и начали Кузьме бить челом. Кузьма же им для [их] укрепления отказывал, [говоря, что] не хочет быть у такого дела. Они же его прилежно просили. Он же начал у них просить приговор, чтобы им во всем быть послушными и покорными и ратным людям давать деньги. Они же дали

ему приговор. Он же написал приговор, чтобы не только у них брать имущество, но и жен и детей продавать, а ратным людям давать [деньги]. И взяв у них приговор, за их подписями, послал тот приговор ко князю Дмитрию тотчас затем, чтобы того приговора назад у него не взяли. В то же время пришли из Арзамаса от смолян челобитчики, чтобы их приняли к себе в Нижний. Нижегородцы же послали ко князю Дмитрию, и тех челобитчиков смолян к нему послали же и велели им бить ему челом, чтоб в Нижний шел не мешкая. Они же ко князю Дмитрию пришли и били ему челом, чтобы в Нижний шел не мешкая. Он же пошел в Нижний, а их отпустил вперед, а смолянам повелел идти в Нижний. На дороге же к нему пришли дорогобужане и вязьмичи. Он же пришел с ними в Нижний. Нижегородцы его встретили и приняли с великой честью. Смоляне же в Нижний пришли в то же время. Он же начал им давать жалование, что собирали в Нижнем.

286. О приезде из городов ратных людей и с казною из городов. В Нижнем же казны становилось мало. Он же начал писать по городам, в поморские и во все понизовые, чтобы им помогали идти на очищение Московского государства. В городах же, услышав, что в Нижнем собрание, рады были, и посылали к нему на совет, и многую казну к нему посылали, и свезли к нему из городов многую казну. Услышали же в городах ратные люди, что в Нижнем собираются все свободные люди, пошли из всех городов. Первые же пришли коломничи, потом рязанцы, потом же из украинных городов многие люди казаки и стрельцы, которые сидели в Москве при царе Василии. Они же [князь Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин] им давали жалование. Бог же призрел ту рать и дал между ними совет великий да любовь, что отнюдь не было между ними вражды никакой. Которых лошадей покупали меньшей ценою, те же лошади пробыли месяц, те же продавцы не узнали; так Бог помогал всем. <…>

294. О послах в Новгород. В Новгород же приговорили послать послов: Степана Татищева да от всех городов по человеку из всех чинов. И писали к

митрополиту Исидору, и к боярину и к немецкому воеводе Якову Пунтусову, и ко всем новгородцам, [чтобы они] ответили правду, как у них с немцами уговорено. К немецкому же воеводе к Якову Пунтусову писали, чтобы быть Московскому государству и Новгородскому под одним государем: “И если король свицкий даст брата своего на государство и крестит [его] в православную христианскую веру, то мы тому рады и хотим с новгородцами в одном совете быть”. А писали к ним и посылали для того, что как пойдут под Москву для очищения Московского государства, чтобы немцы не пошли воевать поморские города. Степан же пришел из Новгорода и привез грамоты от митрополита и от боярина и от Якова Пунтусова, а в грамотах пишут коротко, что “пришлем со всем истинно от всего Новгородского государства послов”. А Степан сказал, что отнюдь в Новгороде добра нечего ждать. <…>

313. О приходе под Москву. Наутро же с Яузы реки пошли под Москву. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой с ратными людьми встретил его [князя Дмитрия Михайловича] и звал его стоять к себе в острог. Он же ему отказал, [сказав], что отнюдь вместе с казаками [им] не стоять. И, придя, встали у Арбатских ворот, и встали по станам подле Каменного города, подле стены, и сделали острог, и окопали кругом рвом, и едва успели укрепиться до гетманского прихода. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и казаки начали на князя Дмитрия Михайловича и на Кузьму и на ратных людей нелюбовь держать за то, что к ним в таборы не пошли.

314. О приходе гетманском под Москву и о первом бое. Наутро же после своего прихода под Москву послали проведывать по всем городам [о приходе] гетмана[1]. И августа в 21-й день прибежали под Москву и сказали, что гетман с Вязем поднялся, идет под Москву. Князь Дмитрий же и все ратные люди начали готовиться против гетмана и укрепляться. Гетман же

[1] Речь идёт о гетмане Яне-Карле Ходкевиче, который в этот момент двигался к Москве с сильным отрядом и продовольствием на помощь польским войскам, сидевшим в Кремле.

пришел под Москву и встал на Поклонной горе. Наутро же перешел Москву реку под Новым Девичьим монастырем и пришел близко к Чертольским воротам. Князь Дмитрий со всеми ратными людьми стоял против него, а князь Дмитрий Трубецкой стоял на другой стороне Москвы реки у Крымского двора; и прислал [князь Дмитрий Трубецкой] к князю Дмитрию Михайловичу, [прося] прислать к ним пять конных сотен, а им бы нападать на них [литовских людей] со стороны. Они же [князь Дмитрий Пожарский и Кузьма] чаяли, что правдиво прислал он за людьми, и, выбрав лучшие пять сотен, послали к ним. С гетманом же был бой конный с первого часа до восьмого, от князя Дмитрия же Трубецкого из полку и из таборов казачьих помощи не было никакой, лишь казаки ругались, говоря: “Богатые пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от гетмана”. Гетман же наступал всеми людьми, князь же Дмитрий и все воеводы, которые с ним пришли с ратными людьми, не могли против гетмана выстоять конными людьми, и повелели всей рати сойти с коней, и начали биться пешими; едва за руки не брались между собой, едва против них выстаивая. Головы же те, которые [были] посланы ко князю Дмитрию Трубецкому, видя изнеможение своих полков, а от него никакой помощи нет, быстро пошли от него из полка без его повеления. Он же не захотел их пустить. Они же его не послушали, пошли в свои полки и многую помощь оказали. Атаманы же полка Трубецкого: Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов, Макар Козлов пошли самовольно на помощь и говорили князю Дмитрию Трубецкому, что “в нашей нелюбви Московскому государству и ратным людям погибель происходит”. И пришли на помощь ко князю Дмитрию в полки и, по милости Всещедрого Бога, гетмана отбили и многих литовских людей убили. Наутро же собрали трупов литовских больше тысячи человек и повелели закопать их в ямы. Гетман же, отойдя, встал на Поклонной горе, а с Поклонной горы перешел и встал у Пречистой Донской.

315. О походе в Москву изменника Гришки Орлова с гайдуками. В ту же ночь после боя изменник Гришка Орлов прошел в Москву, а с собою провел гайдуков шестьсот человек, и поставил их у Москвы у реки на берегу, у [церкви] Егория в Ендове, а сам прошел в город.

316. О побоище гетмана и об отходе гетмана от Москвы. И августа в 24-й день, на память святого отца нашего Петра митрополита, пошел гетман с запасами на проход в Москву. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой с ратными людьми встал от Москвы реки, от Лужников. Князь Дмитрий Михайлович со своей стороны встал у Москвы реки, у [церкви] Ильи пророка Обыденного, а воевод, которые с ним пришли из Ярославля, поставил там, где был деревянный город по рву. А против гетмана послал сотни многие. И был бой великий с утра до шестого часа; гетман же, видя против себя крепкое стояние московских людей, напустился на них всеми людьми, сотни и полки смял и втоптал в Москву реку. Едва сам князь Дмитрий с полком своим стоял против них. Князь Дмитрий Трубецкой и казаки все пошли в таборы. Гетман же, придя, встал у [церкви] Екатерины мученицы Христовой и таборы поставил. И острожек, что был у [церкви] Климента папы римского, а сидели в нем казаки, литовские люди взяли и посадили своих литовских людей. Люди же стояли в великом ужасе и посылали к казакам, чтобы сообща сражаться с гетманом. Они же отнюдь не помогали. В то же время случилось быть в полках у князя Дмитрия Михайловича Пожарского троицкому келарю Авраамию Палицыну, и пошел в таборы к казакам, и молил их, и посулил им многую монастырскую казну. Они же его послушали, пошли и пришли с обеих сторон, от полка Трубецкого и от полка Пожарского, и соединись вместе, острожек Клементьевский взяли и Литву побили: одних венгорей перебили семьсот человек, и опять сели в остроге, а иные, пехота, легла по ямам и по зарослям на пути, чтобы не пропустить гетмана в город. Всею ратью начали плакать и служить молебны, чтобы Московское государство Бог избавил от погибели, и обещали всею ратью

поставить храм во имя Сретения Пречистой Богородицы и во имя святого апостола и евангелиста Ивана Богослова да Петра митрополита, московского чудотворца. День же был близок к вечеру, и вложил Бог храбрость в немощного: пришел Кузьма Минин к князю Дмитрию Михайловичу и просил у него людей. Князь Дмитрий же ему ответил: “Бери кого хочешь”. Он же взял ротмистра Хмелевского[1] и три сотни дворянские, и перешел за Москву реку, и встал у Крымского двора. Тут же стояла у Крымского двора рота литовская конная да пешая. Кузьма же с теми сотнями напустился прямо на них. Они же были Богом гонимы и помощью Пречистой Богоматери и московских чудотворцев и, не дожидаясь их, побежали к таборам Хаткеевым, и рота роту смяла. Пехота же, видя то, из ям и из зарослей пошла натиском к таборам. Конные же все напустились [на них]. Гетман же, покинув многие запасы и шатры, побежал из таборов. Воеводы же и ратные люди встали по рву деревянного города, запасы и шатры все захватили. Многие же люди хотели биться. Начальники же их не пустили за ров, говоря им, что не бывает в один день две радости, а то сделалось помощью Божиею. И повелели стрелять казакам и стрельцам, и была стрельба на два часа так, что не слышно было, кто что говорит. Огонь же был и дым, как от пожара великого, гетман же был в великом ужасе и отошел к Пречистой Донской, и стоял всю ночь, не распрягая лошадей. Наутро же побежал от Москвы. Из-за срама же своего прямо в Литву пошел.

317. О съезде бояр и воевод. Начальники же начали между собой быть не в совете из-за того, что князь Дмитрий Тимофеевич хотел, чтобы князь Дмитрий Пожарский и Кузьма ездили к нему в таборы. Они же к нему не ездили, не потому, что к нему не хотели ездить, а боясь убийства от казаков. И приговорили всей ратью съезжаться на Неглинной. И тут же начали съезжаться и земское дело решать. <…>

[1] Ротмистра Хмелевского — польского ротмистра Андрея Хмелевского, перешедшего летом 1612 г. на сторону второго ополчения.

320. О взятии Китай города. Литовским же людям начало в городе быть утеснение великое: никуда их не выпускали. Голод же у них был великий, выпускали из города всяких людей. По милости же Всещедрого Бога [в день] на память Аверкия Великого пошли [ратные люди] приступом, и Китай [город] взяли, и многих литовских людей перебили.

321. О выпуске жен боярских и людей всяких чинов. Литовские люди, видя свое изнеможение, повелели боярам и всяким людям жен своих выпускать из города вон. Бояре же тем опечалились, куда их выпустить вон, и послали к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому и к Кузьме и ко всем ратным людям, чтоб пожаловали их, приняли бы [жен] без позора. Князь Дмитрий же повелел им жен своих выпускать, и пошел сам и принял их жен с честью и проводил каждую к приятелям своим, и повелел им давать обеспечение. Казаки же все за то князя Дмитрия хотели убить, потому что грабить не дал боярынь.

322. О выводе бояр и сдаче Кремля. Литовские же люди, видя свое изнеможение и голод великий, град Кремль сдавать начали и начали уговариваться о том, чтобы их не перебили, полковникам же и ротмистрам и шляхте чтобы идти в полк к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, а к Трубецкому отнюдь не захотели идти в полк. Казаки же, видя, что пришли на Каменный мост все бояре, собрались все с знаменами и оружием, пришли и хотели с полком князя Дмитрия биться, и едва у них без бою обошлось. Казаки же пошли к себе в таборы, а бояре из города вышли. Князь Дмитрий Михайлович принял их с честью и воздал им честь великую. Наутро же полковник Струс[1] с товарищами Кремль город сдали. И Струса взяли в полк к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому со всем полком его. Казаки же весь полк его перебили, немногие остались. Полк Будилы взяли в полк князя Дмитрия Михайловича Пожарского, и их послали по городам, ни одного не

[1] Полконвник Струс — полковник Н. Струсь, после отъезда гетмана А. Гонсевского из Москвы возглавлявший польские войска, засевшие в Кремле.

убили и не ограбили из них. Сидение же было [их] в Москве таким жестоким, что не только собак и кошек ели, но и русских людей убивали. И не только русских людей убивали и ели, но и сами друг друга убивали и ели. Да не только живых людей убивали, но и мертвых из земли выкапывали: когда взяли Китай, то сами видели, глазами своими, что во многих чанах засолена была человечина.

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА[1]

Сказание о том, что произошло в доме пресвятой и живоначальной Троицы и как заступничеством пресвятой Богородицы и по молитвам великих чудотворцев Сергия и Никона избавлена была эта обитель от польских и литовских людей и русских изменников, того же келаря инока Авраамия Палицына

Предисловие

Скудость разума и невразумительность языка моего зная, долго откладывал я, не решаясь писанием известить о том, сколь преславную и великую милость для спасения благородства вашего явил нам в Великой России Бог наш, Пресвятая и Пребезначальная Троица, — о превеликом и превышающем всякое слово и разумение заступничестве Матери Слова Божия, согласно ее обещанию преподобному игумену Сергию чудотворцу, и ее неотступном от обители его пребывании, о том, от скольких зол избавил нас Господь при окружении ее множеством воинов, молитв ради великих чудотворцев, — я говорю об этом преподобном отце нашем великом чудотворце Сергии и ученике его, преподобном отце нашем Никоне чудотворце, — и о том, сколько чудес сотворил для нас Бог через угодников своих. Да и боялся я, видя недостаточность внутреннего во мне человека и будучи многою суетою смущаем во многих хлопотах, связанных с келарской

[1] Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. — СПб., 2006. — Т. 14: Конец XVI — начало XVII века.

службой, и из-за многих телесных недомоганий великих, бывающих у меня постоянно, к тому же и окаянство свое зная, и недостойность, и немощь любострастия. Но поскольку к старости глубокой я уже преклонился и подумал, что скоро придется мне расстаться с моим телом, то и убоялся казни раба оного, скрывшего серебро господина своего и прибыль на него не получившего, и почувствовал необходимость записать то, что слышал о бывших чудесах — кое-что же и очами своими видел, — написать о происшедшем в обители чудотворца по его молитвам и возвестить вашей любви, подобно доброму глашатаю, «чтобы преподать вам некое дарование духовное к утешению вашему».

Сам я не был в обители во время осады ее польскими и литовскими людьми и русскими изменниками, пребывая в царствующем граде Москве по повелению державного князя, в доме чудотворца на Троицком подворье в Богоявленском монастыре. И, хоть и далекий по расстоянию, близок был ко мне своей милостью и заботами преподобный отец наш Сергий. И я видел там многие чудеса, слышал о приходе старцев в царствующий град Москву со множеством хлеба на возах, видел текущий от стен хлеб и умножение всего потребного по молитвам старцев в находящемся здесь Богоявленском монастыре и иные многие чудеса. Об этом впереди будет речь. Когда же отступили от обители посрамленные польские и литовские люди и русские изменники, и лжепомазанник из царствующего града Москвы постыднейшему бегству предался, а я вновь оказался в доме Живоначальной Троицы, и услышал о происходившем великом заступничестве, о помощи против врагов и о чудесах преподобных отцов наших Сергия и Никона, и старательно проверил все в подробностях при многих свидетелях у оставшихся иноков, святых по облику и здраво рассуждающих, у благоразумных воинов и у прочих православных христиан о приходе изменников к обители, о вылазках, о боях во время приступов, а более всего — о великих чудесах, совершенных преподобными отцами, и об их помощи в

борьбе с врагами. И из великого и преславного я выбрал малое — как бы зачерпнул горсть воды из морской пучины, — чтобы хоть немного напоить божественным словом жаждущую душу. Все это об осаде Троицкого монастыря я написал, насколько смог, по порядку.

Да не осудите меня за это, господа и братья, говоря, что в тщеславии или в гордости я вознесся, но поистине по ревности Божией, хоть и грубостью разума моего побеждаемый, взялся я за это дело с Божией мне по молитвам чудотворца помощью. Много ведь может помочь молитва праведника.

И так как писать в книге что попало по собственному произволу не следует, только, что слышали мы и своими глазами видели, о том и свидетельствуем. Не подобает ведь на истину лгать, но с великим тщанием подобает истину соблюдать. Изъяснил же я это писанием на память нам и следующим за нами родам, да незабвенны будут чудеса великих светил, преподобных отцов наших Сергия и Никона во Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава вовеки да будет.

Разъяснение, по какой причине Троицкий Сергиев монастырь был в осаде

Господь никогда не перестает учить нас и прибегающих к нему принимает, отвращающихся же с долготерпением ожидает. И потому предоставил он нам жить по своей воле, чтобы, когда в сетях, не размышляя о себе, увязнем и ниоткуда помощи не найдем, вскоре к Нему очи ума возвели мы и оттуда помощь получили. Так, сначала попустил Господь Бог владеть нами попирателю иноческого чина расстриге Григорию Отрепьеву, назвавшемуся царским сыном Дмитрием Ивановичем всея Руси и на царский престол взошедшему: и в скором времени тот Григорий, достойную месть получив от Бога, умер лютою смертью.

Потом на то же место другой назвался. И доходит до самого царствующего града Москвы, но не принят оказывается. Повсюду же в

России слух о нем прошел, и потому все воры к нему собрались: не на царский престол его возвести, но все древние царские сокровища расхитить. Вся Россия от ложных царей мучительно страдает, и богатство всех городов для царей отнимают. Людей же из окрестных мест всюду меч поедает. Всей России царем Василий Иванович называется, тушинским же вором все Российское государство разоряется.

Малое некое число городов в Поморье не соблазнилось, и те по крестному целованию держались Московского государства. Иные же по причине дальнего отстояния подчинены были врагам российским, полякам и изменникам сиверским. Труден же был путь отовсюду к Москве для всех, добра хотевших по правде, ибо обложили враги царствующий град вокруг, и хотевшие к нему пройти на всех путях побиваемы бывали. И из-за недостатка во всем необходимом в предельно бедственном состоянии был град Москва. Из него убегавшие, и не желая, число врагов пополняли, и самоуверенно по этому поводу враги веселились.

Немалое время помогали городу люди, приходившие из Живоначальной Троицы Сергиева монастыря, иногда прямо, иногда же пробираясь окольными узкими тропами и лесами, с трудом доходя до самого царствующего града и тут с избранными воинами и надежными хранителями перед всем народом всегда объявляясь. Обманщики же, убегавшие от царя Василия, всегда об этом вору с поляками сообщали и сердца этих врагов христианских ненавистью к дому Пресвятой Троицы распаляли. Долгое время под Москвой они стояли и хотели ее себе покорить. Но всевидящее око нечто неведомое изволило сотворить. Всячески царь Василий им сопротивлялся: дани и оброки, по Троицкой дороге приходившие, с царства своего принимая, все воинам раздавал. Изменники же из руки его даваемое принимали, но вскоре сребролюбия ради и кровопролития к врагам перебегали. Царствующий же град Москва из-за их измены всячески колебался, но, имея уже опыт с Гришей и Петрушей, и того вора там не

принимали. И отовсюду ведущие к Москве пути оказываются по причине польских нашествий закрытыми, ибо поляки часто приходили, московских посланцев побивая.

Великая же тогда польза была царствующему граду от обители чудотворца Сергия благодаря его святым молитвам. Ибо у моря на севере живущие люди, на берегах Студеного моря и Океана, царству обо всем происходящем возвещают и помогают. И из Великого Новгорода люди, и из Вологды, и с Двины-реки вплоть до моря, и с востока вся Сибирская земля и те, что за ней, — все помогали Москве. Также и из Нижегородской земли, и из Казани люди все без измены служили. И когда кому-нибудь из всех тех вышеназванных мест некуда было деться, то все они в обитель чудотворца приходили.

Тогда той великой лавры архимандрит Иоасаф и келарь старец Авраамий Палицын с прочими, добра хотевшими царствующему граду, со всем усердием великое старание в этом деле проявили. И великая помощь была от обители чудотворца всем людям, к Москве шедшим по всяким делам и в провожатых: и всякие новости им там сообщали и от них узнавали, причем, о себе заботясь и тех поддерживая, до конца монастырскую казну истощали. Вся Россия царствующему граду помогала, поскольку общая для всех беда пришла. Многие же люди, вокруг обители живущие, не только в селах, но и в городах, пришли со всеми домочадцами в обитель чудотворца, зная об известном заступничестве там молитв чудотворца. И все вместе царствующему граду в бедах сострадали. И воинского чина люди все питались от трапезы преподобных чудотворцев; и по мере возможности всячески опасности смерти себя подвергали.

Совершавшееся дело братолюбия сильную злость в сердцах врагов и ужас вызывало: боялись, окаянные, как бы, глядя на первенствующее светило, и прочие от них не отступили и к правде не стали присоединяться. Ибо на дом великого чудотворца вся Россия, как на солнце, смотрела, и, на

его молитвы надеясь, все окраины российские против врагов укреплялись. И хоть и малая искра огня божественной любви загорелась в обители чудотворца, но в конце концов великий пламень добродетели запылал. На всех ведь путях злодеи ловили людей, хотевших обители добра. И из-за этого по их коварному замыслу великая трудность создается.

Царь же Василий Иванович вскоре тогда послал послов в западные и северные страны — в Датскую землю, в Английскую и в Шведскую, сообщая об обиде своей на польского короля и на своих изменников с их ложным царем, прося помощи. И ему отделенные морем посланиями и великими дарами помогают. Шведский же король Арци-Карлус, чьи владения расположены поблизости, посуху прислал на помощь немало отборного войска. Из-за этого страх и ярость охватили сердца злочестивых еретиков. И немедленно посылают они к великому врагу христиан Александру, пану Лисовскому, пленявшему тогда земли Рязанскую, Владимирскую и Нижегородскую и другие Российские места, чтобы он со всем воинством на совет к ним и на помощь вскоре пришел. Что он и сделал вскоре: кровь пия человеческую и идя с огнем по пути от Владимира и от Переяславля, уперся он в стены дома чудотворца. Но не для того шествовал сын тьмы: одну ночь проведя, он утешился, мечом окровавливая руки; первое зло по отношению к богоносному мужу, которое он сделал, — первоначальный посад Клементьево и вокруг его жилища человеческие в воздухе дымом развеял. По его приходе народ в обители стал к мукам готовиться. Ибо трапеза кровопролития всем предоставлялась и чаша смертная всем наливалась. <…>

Приход под Троицкий Сергиев монастырь панов польских и литовских и русских изменников, гетмана Петра Сапеги, пана Александра Лисовского и иных многих

В год 7117-ый (1609), в царство благоверного и христолюбивого царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси и при святейшем патриархе Гермогене Московском и всея Руси, Пресвятой же и Пребезначальной

Троицы Сергиева монастыря при архимандрите Иоасафе и при келаре старце Авраамии Палицыне, по попущению Божию за грехи наши, сентября в двадцать третий день, в Зачатие честного и славного пророка и предтечи, крестителя Господня Иоанна, пришел по Московской дороге под Троицкий Сергиев монастырь литовский гетман Петр Сапега и пан Александр Лисовский с польскими и литовскими людьми и с русскими изменниками.

И когда был он на Клементьевском поле, находившиеся в осаде люди, выйдя за стены, конные и пешие, с ними великий бой совершили и по милости Пребезначальной Троицы многих литовских людей побили, а сами в город здравыми возвратились.

Богоотступники же, литовские люди и русские изменники, это увидев, закричали мерзкими голосами, быстро и грозно окружая со всех сторон Троицкий Сергиев монастырь. Архимандрит же Иоасаф и весь освященный собор со множеством народа вошел в святую церковь Святой Живоначальной Троицы, к образу Пресвятой Богородицы и к многоцелебным мощам великого чудотворца Сергия, молясь со слезами об избавлении. Городские же люди предали огню находившиеся вокруг обители слободы и всякие службы, чтобы они не служили врагам жилищем, и была у тех большая теснота. Гетман же Сапега и Лисовский, осмотрев места, где им с войсками своими стоять, и разделившись, начали строить себе станы и поставили два острога, а в них возвели многие укрепления и все пути к обители заняли, и оказалось никому невозможно пройти, минуя их, ни в дом, ни из дома чудотворца.

Об укреплении обороны

Бывшие же в осаде воеводы, князь Григорий Борисович Долгорукий и Алексей Голохвастов, и дворяне постановили с архимандритом Иоасафом и с соборными старцами, что следует укрепить стены для обороны и всех людей привести к крестному целованию, а главными быть старцам и дворянам, и разделить городские стены, башни, ворота, и орудия установить по башням и в подошвенных бойницах, и чтобы каждый знал и охранял свою сторону и

место и все, что для боя необходимо, приготовил бы, и с идущими на приступ людьми бился бы со стены, а за стены и на иную ни на какую службу не выходил бы. А для вылазок и в подкрепление к местам приступов людей особо назначают.

В праздник же, светло торжествуемый, памяти преподобного отца нашего Сергия чудотворца, сентября в двадцать пятый день, ничего той ночью другого не было слышно из среды находящихся в городе людей, кроме вздохов и плача, потому что многие из окрестностей туда сбежались, думая, что вскоре минует эта великая беда. И такая теснота была в обители, что места не было свободного. Многие же люди и скотина остались без крова; и тащили бездомные всякое дерево и камень для устройства прибежищ, потому что осени настало время и приближалась зима. И друг друга отталкивали от вещи брошенной, и, из нужного ничего не имея, все изнемогали; и жены рожали детей перед всеми людьми. И невозможно было никому со своей срамотою нигде укрыться. И всякое богатство не береглось и ворами не кралось; и всякий смерти просил со слезами. И если бы кто и каменное сердце имел, и тот, видя эти тесноту и напасти, расплакался бы, ибо исполнилось на нас сказанное пророком слово: «Праздники ваши светлые в плач вам обращу и в сетование, и веселие ваше в рыдание». <…>

О побеге литвы из их рвов

Когда же настал день памяти святого великомученика Дмитрия Солунского, в первом часу ночи архимандрит Иоасаф со всем священным собором, и иноки, и весь народ, взяв честные кресты и чудотворные иконы, обходя по стенам крепость, творили литию и моление воссылали ко Всемогущему в Троице славимому Богу и Пречистой Богоматери. Когда же литовские люди из рвов увидели ходящих по стенам крепости во множестве людей, напал на них страх великий, и испугались, и побежали они из рвов и из ям в свои таборы. <…>

О приступе

Того же месяца во второй день в третьем часу ночи в литовских полках был большой шум и заиграли во все трубы, и пошли на приступ к крепости, как и прежде. Бывшие же в крепости люди крепко с ними бились, не давая им приступить к крепости. <…>

О послании к царю Василию с молением

Воеводы же, видя столь сильный гнев Божий, обращенный на обитель чудотворца, не знали, что делать, потому что неотступно кругом враги стояли и нападали на крепость непрестанно, в обители же от множества воинских людей малое число осталось, и ниоткуда помощи они не ждали и перестали выходить из крепости против ратных в течение долгого времени. И по этой причине большая радость была у врагов, литовских людей и русских изменников, ибо они видели непрестанно погребаемых и слышали громкий плач в крепости по умирающим. Некоторые же, забираясь высоко на деревья, из Терентьевской рощи смотрели в крепость и радовались погибели христиан, веселились и рвались в бой; и, близко к крепостным стенам прискакивая, на бой они вызывали, поносными словами, как камнями, меча в находящихся в крепости. Внутри же крепости недоумевали, как тут быть.

И тогда, посоветовавшись с архимандритом Иоасафом и со старцами, они послали письма в царствующий город к келарю Авраамию. Старец же, увидав из писем положение в обители, ужаснулся, уразумел, что дело вскоре кончится недобрым, и все изложил царю, чтобы тот принял правильное решение; и постоянно молился, да не одолеют враги дома чудотворца. Скипетроносец же на словах давал, а на деле не осуществлял, потому что великая беда владела тогда царствующим городом.

Старец же, боясь, что скоро уже зло сотворится, все о совершенном оскудении людьми дома святого сообщал. Но самодержец и еще дни скорби и ожидания продлевал, к мольбам старца при входах и выходах не склоняясь; ибо под стенами царствующего города постоянно лилась кровь. Келарь же и братьев царских молил, но и от тех никакой не было пользы. Он потом и

патриарха и всю палату царскую подвиг, показывая им письма из обители, где говорилось, что через месяц времени от прискорбных тягот наступит крепости конец. Патриарх же со всем священным собором умолял царя, говоря ему: «Царь, если взята будет обитель преподобного, то и вся страна Российская до Океана-моря погибнет и окончательно Москве станет тесно». И царь с трудом на слезы келаря преклонился. И послал на помощь атамана Сухана Останкова, а с ним казаков шестьдесят человек да пороху двадцать пудов, а келарь Авраамий отпустил троицких слуг двадцать человек, Никифора Есипова с товарищами. <…>

О приходе Григория Волуева

[1610 года] месяца января в первый день, в четвертом часу ночи пришел из Александровской слободы от князя Михаила Васильевича в Троицкий Сергиев монастырь воевода Григорий Волуев, а с ним отборных воинов пятьсот храбрых мужей, и все с оружием. Они пришли переведаться с литовскими людьми и русскими изменниками и войско их смести. Когда же стало рассветать, соединившись с Давидом и с троицкими сидельцами, храбро выходят они из города и смело нападают на польские и литовские роты. И втоптали они их в Сапегины таборы, и станы их около таборов зажгли. И милостью Пребезначальной Троицы литовских людей многих они побили и пленными взяли. Сапега же и Лисовский со всеми своими полками вышли против них, и произошел между ними великий бой на Клементьевском поле, на Келареве пруде, на Волкуше и на Красной горе. И, долго бившись, многие с обеих сторон испили смертную чашу, но вдвое больше погибло из полка еретического. И разошлись те и другие. И, проведя тот день в обители чудотворца, выполнив приказанное им, присланные назад возвратились к князю Михаилу Васильевичу. На польских же и литовских людей и на русских изменников великий страх тогда напал, и они были в недоумении, как рассказывали оставшиеся.

О побеге гетмана Сапеги и Лисовского

И января в двенадцатый день гетман Сапега и Лисовский со всеми польскими и литовскими людьми и с русскими изменниками побежали к Дмитрову, никем не гонимые, только десницей Божией. В таком они ужасе бежали, что и друг друга не ждали, и запасы свои бросали. И великое богатство многие после них на дорогах находили, — не из худших вещей, но из золота, и серебра, и дорогих одежд, и коней. Иные же, не в силах бежать, возвращались назад и, в лесах поскитавшись, приходили в обитель к чудотворцу, прося милости своим душам и рассказывая, что, дескать, «многие из нас видели два очень больших полка, гнавших нас до самого Дмитрова». Все этому удивлялись, так как от обители не было за ними никакой погони. В князя Михаила приходе уже отчаялись: моление обители к нему он презрел.

По отшествии же сынов беззаконных переждав восемь дней, посылают из обители чудотворца к царствующему граду, к государю, старца Макария Куровского со святой водой, января в двадцатый день. Все еще опасались в доме чудотворца врагов, и людей считали, и пригодное для их питания захотели учесть. И еще нашли в хлебне муки четвертей с десять, также и сухарей четвертей с пятьдесят. Всех в изумление это чудо повергло: как из столь малых запасов на такое время продлилось преизобильство — и не только для людей, но и для скота. Ибо больше названного здесь числа оказались избытки: ведь тогда давали коням овса на все воинство по девяносто четвертей на день да монастырским и воеводским лошадям по десять четвертей на день; и кормили весь скот больше ста дней тем овсом. А когда разошлись все ратные из обители, еще и остатков того овса много осталось на потребу искушенным от Бога великими бедами. И когда князь Михаил, малое время помедлив, пришел из слободы в дом чудотворца со всем воинством, с русскими людьми и с немцами, то все воинство из тех же малых остатков брало довольствие, также и весь скот свой из житницы

чудотворца достаточно питали. И по уходе его и всего воинства для многих пропитание осталось. <…>

ВРЕМЕННИК ИВАНА ТИМОФЕЕВА[1]

<…> *Об опричнине.* От замысла, (исполненного) чрезмерной ярости на своих рабов, он сделался таким, что возненавидел все города земли своей и в гневе своем разделил единый народ на две половины, сделав как бы двоеверным, — одних приближая, а других отстраняя, оттолкнув их как чужих, (так что) из-за его запрещения многие города не смели совсем и именем его называться; всю землю своей державы он, как топором, рассек на две половины. Этим он всех людей привел в смятение и пред лицом своим вместо себя, минуя единокровного сына, на время поставил из татар другого некоего верного царя[2], а себя, подобно рабу, смирил и, оставив себе небольшую часть владения из (своего) достояния, чрез малое время опять всем завладел, — играя так людьми божьими. А многих вельмож своего царства, расположенных к нему, перебил, а других изгнал от себя в страны иной веры и вместо них возлюбил приезжающих к нему из окрестных стран, осыпав их большими милостями; некоторых из них посвятил и в свои тайные мысли; другие полюбились ему знанием врачебного искусства и тем, что ложно обещали принести ему здоровье, используя свои знания, — а они, говоря правду, принесли душе его вред, а телу большее нездоровье, а вместе с этим внушили ему и ненависть к своим людям. Вот чему мы много дивимся: и людям со средним умом можно бы понять, что не следует вовеки доверять своим врагам, — а он, настолько мудрый, был побежден не чем

---

[1] Источник текста: http://www.vostlit.info/

[2] Речь идет о бывшем хане касимовском, Симеоне Бекбулатовиче, сыне крымского царевича Бекбулата, который выехал в Русское государство с семьей в 1561 г. В августе 1575 г. Иван Грозный присвоил Симеону титул «великого князя всея Руси», а в августе 1576 г. Симеон был сведен на великое княжение в Тверь и Торжок.

иным, как только слабостью своей совести, так что своею волею вложил свою голову в уста аспида[1]. Всем противным ему врагам, пришедшим из (других) стран, невозможно было бы и многими силами одолеть его, если бы он сам не отдал себя в их руки. Увы! все его тайны были в руках варваров, и что они хотели, то с ним и творили; о большем не говорю — он сам себе был изменником. Этим он произвел в своей земле великий раскол, так что все в своих мыслях недоумевали о происходящем; думаю, что он и бога самого премилостивого ярость против себя разжег этим разделением, как бы предсказывая (прообразуя) теперешнее во всей земле разногласие, с того времени (начавшееся) и сейчас (происходящее); он тогда сам без благословения наложил руку на нее, и она и доныне, колеблемая грехом, остается неутвержденной, и нет ныне из людей ни единого, могущего ее (землю) утвердить, — по слову Христа: "всякое царство, разделившееся в самом себе, не может устоять" и прочее.

Как волков от овец, отделил он любезных ему от ненавидимых им, дав избранным воинам (опричникам) подобные тьме знаки: всех их он от головы до ног облек в черное одеяние и повелел каждому иметь у себя таких же, как и одежды, коней; всех своих воинов он во всем уподобил бесоподобным слугам. Куда они посылались с поручением произвести казнь, там они по виду казались темной ночью и неудержимо быстро носились, свирепствуя: одни не смели не исполнить воли повелителя, а другие работали своей охотой по своей жестокости, суетно обогащаясь, — одним видом они больше, чем страхом смерти, пугали людей. Читающие это от изображения вещи поймут и свойство ее. <…>

[1] Уста аспида. Аспид — ядовитая змея.

О Борисе же царе. Тот же придворный и вельможа[1] притворством, а не на самом деле показывая себя кротким, все время своего правления обольщал людей искажением правосудия — из среды низких своих приверженцев, среди которых (ранее) был сам, многих с (занимаемых ими) низших степеней лестью (перевел) в высшие, так что они превзошли высших и более благородных, а потом, когда достиг предела своих желаний, обманул общие надежды. Во главе (приверженцев) он имел некоего наставника и учителя[2] своему злу, искусного во всяких злых кознях, (наставляющего его), как ему перейти от низших (степеней общественного положения) на высшие, от малых на великие, и от меньших на лучшие и одолевать благородных, — древнего мужа, который был приближен к государственным тайнам наших премудрых предшествующих царей, имеющего уже много лет и цветущего глубочайшими сединами старца; без него ни одна правителей тайна, ни одно постановление, связанное с установлением законов по управлению землей, не совершалось, потому что он был очень опытен в делах среди соименных ему (т. е. дьяков). И среди имеющих высокие чины членов синклита — другого, подобного ему, до дня его смерти и после него до настоящего времени не находилось. Вот какого этот желатель царства нашел себе учителя, подобного себе по злобе и нраву! Помощником первому во всем был его меньший единоутробный брат[3]. Они были начальниками над

---

[1] Имеется в виду Борис Годунов, который при царе Федоре носил титул «правителя, слуги и конюшего боярина и дворового воеводы и содержателя великих государств царств Казанского и Астраханского».

[2] Наставником и учителем Бориса Годунова назван думный дьяк Андрей Щелкалов, ведавший при Иване Грозном и Федоре Ивановиче Посольским приказом.

[3] Брат Андрея Щелкалова — тоже думный дьяк, Василий Щелкалов, сменивший брата после его смерти в 1595 г.

сословием дьяков[1], и действительно эта честная пара, эти два брата были достойны своего положения при царе, ради их разума вместе с чином и ради их земного любомудрия, кроме иных многих достоинств. Между обоими ими и тем (Борисом) существовала немалая, на кресте утвержденная клятва, чтобы им троим управлять царством. Кроме этих (двух), еще и иных многих, о том же для него старающихся, этот высокопоставленный "старатель" имел при себе, но не таких, как они. Спустя некоторое время, когда он достиг высокого положения, он нарушил данную двум братьям клятву и хотя не убил, но не убоялся сделать им зло, как и прочим: (именно) обоих их, как некий зверь, обратившись назад, зубами своими укусил, — оставил им жизнь, но изнурил их бесчестным и медленно текущим многолетним существованием и, отняв, лишил их имущества[2]. Так он заставил их проводить жизнь до самого гроба, не поставив ни во что такое их ему служение, так как и на царство он ими был посажен, — (говоря) сравнением, как бы на небо ими был вознесен; он был самому себе душеубийцей, преступившим клятву; как они ему даровали несвойственное, так и он им тем же (несвойственным) отплатил. Каким служением другой кто ему мог угодить? если бы и голову свою за него положил, ничего бы не успел. Что было дороже и выше царства, — а и это, по получении, им было ни во что поставлено. А эти двое, о которых ранее сказано, и головы свои и души за него противоестественно положили, но ничего не получили, напротив, больше себе повредили, — отлучив себя от бога и людей. Из сказанного же читающие, которые в жизни его не видели и не слышали о нем, узнают нрав этого захватчика. <…>

---

[1] Братья Щелкаловы выделялись среди прочих дьяков как талантливые политические деятели.

[2] При Борисе Годунове дьяки Щелкаловы были в опале, так как Годунов не доверял им.

Притча о царском сыне, который постригся и опять расстригся и захотел жениться[1]. В городе Риме был у царя сын, он заболел, и так как болезнь его продолжалась много времени, все тело его вдруг окаменело, только язык был ему оставлен для покаяния; и пришло ему желание облечься в иноческий образ, что он и совершил. Потом он опять получает прежнюю крепость своего тела, становится здоровым, каким был и прежде, и желает жить в одном из монастырей в том же городе Риме около своего отца. Но, не вынеся скорбей, которые (соединены) с пребыванием у иноков, и вспоминая великолепие прежней своей славы, и желая постоянного пребывания в царских палатах и пиров, и всего, что свойственно царскому величию, — пренебрегая иноческими подвигами, он часто приходит к царю своему отцу, чтобы беспрепятственно ради родственного союза видеть красоту временной славы; многие из ближних царя порицали его, указывая, что, неприлично это делать, находясь в монашестве. А он впал в обольщение и, не перенеся обличения, снял с себя все монашеские одежды, оделся опять в мирские и, торопясь возвратиться в прежнее достоинство, продолжал приходить к своему отцу — царю, чтобы пользоваться благами; советники царя и весь народ еще более порицали его как не сохранившего обета, как преступника веры и оскорбителя ангельского образа. Он же, исполненный стыда, обличаемый, не мог долгое время быть посмешищем, удаляется из отечества и прибывает в другую страну к некоторому вельможе, [272] скрывает от него свое благородное происхождение и обет — пребывать в ангельском образе, и приняв вид раба, как бы одного из сирот, поступает на работу. А вышеуказанный вельможа, видя его привлекательность, за красоту лица и гордую осанку поручает ему в своем доме все, как верному хранителю, и делает его управителем всего своего имения и рабов. Когда же в скором

[1] Эта притча, видимо, заимствованная Тимофеевым из книжных источников, не имеет прямого отношения к событиям Смутного времени, но должна обличать Лжедимитрия I, оказавшегося, как и герой притчи, расстригой.

времени господин его умер, жена господина хочет выйти замуж за этого отрока, что и делается. Но был обычай — ходить новобрачным в баню для омовения тела, и тот упомянутый выше отрок после совокупления вместе с своей госпожой и женой вошел в баню. Но здесь страх, здесь трепет! Дивное чудо сотворилось тогда, когда отрок вошел в баню: он внезапно возопил страшным голосом — сила божия двигала его языком — и невольно открыл все им сделанное, род и отечество, и несохранение своего обещания, и преступление заповеди, и унижение ангельского образа, и отказ от иночества, — все подробно обличил, (думая), не вменит ли ему благоутробный этого в покаяние. И много народа стеклось на это чудо, так что всем оно было видимо и все были объяты страхом, но место это для народа было не доступно, охраняемое какою-то силою. Вскоре страшный крик отрока изменился и с криком он начал отходить (умирать). Люди, издалека смотря на него раскрытыми глазами, увидели этого отрока сначала сидящим без головы, — узрели один только бездушный труп, а через некоторое время и все его тело глазам всех сделалось невидимым, растаяло, как воск от огня, и исчезло неизвестно куда, предуказывая там бесконечное мучение. И слышен был всем голос: он мирское имя покрыл иночеством, а иночество женитьбой.

Это для всех нас является примером: и так воспрянем мы, находящиеся в отчаянии и не сохранившие своего обещания, да не постигнет и нас ранее будущего суда лютая смерть и лютый ответ не там, а здесь. Но, о долготерпеливый владыка всех, не пролей на нас, согрешивших пред [273] тобою, вскоре праведного своего наказания, но, презирая все наши согрешения, дай нам время на исправление, какими сам знаешь, своими судьбами. Мы знаем, воистину знаем, что ты можешь всех спасти, если захочешь, потому что (хотя) мы и согрешили, но от тебя не отступили, ибо мы твое творение и веруем в тебя, могущего нас спасти. Аминь.

О царе же Василии Ивановиче [Шуйском]. В годы, когда прекратился со смертью предел жизни царствующего над нами Бориса со всем его родом

и когда поражен был гневом ярости господней и убит рукою народа в царском (городе) богом попущенный нам Расстрига за то, что вместе с именем (Димитрия) так недостойно наследовал такое место, — после них тотчас же зависть к царствованию возникла также и у царя Василия, и, как стрелою подстреленный властолюбием первых, он поступил еще более дерзко, чем те двое: весьма неосмотрительно и спешно сел на престол, так как не был искусен в этом. Он создал себе дом и не углубил его в землю, но основал его только на песке, как это показал конец его, по слову самой истины: "разлились реки и подули ветры, здание сильно заколебалось и житель его пал". Он поднялся внезапно и по собственному побуждению и без согласия всей земли сам поставил себя царем, и все люди были смущены этим скорым его помазанием (на царство); этим он возбудил к себе ненависть всех городов своего государства. Отсюда, после первых (захватчиков), началось все зло на Руси и стали происходить в земле многие нестроения; именно — по всей земле нашей (началось) непослушание и самовластие рабов[1] и осада городов, так что свои, одной с нами веры рабы, придя войском к матери городов (Москве), этим своим приближением к стенам города изменнически оказывали презрение самой главе царства, а нововоцарившийся (Василий Шуйский) со всем своим родом был ими заперт и затворен, как птица в клетке. Там тогда находился и я, "мухоподобный"[2], среди многих тысяч людей, в звании подобных мне и носящих то же имя (дьяков), поставленный тогда охранять некоторые повеления царской воли.

---

[1] Самовластие рабов — на языке Тимофеева — крупнейшая крестьянская война начала XVII в., которую возглавил Иван Исаевич Болотников, бывший холоп князя Телятевского. Он бежал к казакам, был невольником в Турции, после освобождения из плена скитался по Западной Европе. Войска Болотникова начали свой поход на Москву из Путивля в 1606 г.

[2] Тимофеев говорит здесь о себе и о своем участии в происходивших событиях, считая себя ничтожной песчинкой перед лицом грандиозной исторической драмы.

Когда же натиск осаждающих город немного ослабел, тогда угодно стало царю, а вернее богу, чудесно промышляющему о своих творениях, — как о том (царе), так и о всех прочих, — по своему желанию, а не по моей воле, милуя, послать меня в город, который в царских титулах, читаемых в официальных бумагах, (стоит) на третьем месте, повелевая (мне) начальствовать вместе с первым (начальником), раньше меня туда прибывшим, управляя вместе с ним городскими делами. <…>

О патриархе Гермогене[1]. Когда обладающая всеми городами (Москва), где всегда пребывали мои цари, окончательно лишилась их за безмерные грехи всей земли, от главы ее — царя и до ног, — в то время все люди в ней, (терпя) осаду и всяческую тесноту от латынян и вместе с ними живущей Литвы, как какой-нибудь петлей, были задавлены нуждой и страхом смерти.

Вместе с теми, кто содержался там в осаде, (держали) и самого святителя всего российского народа — Гермогена; я говорю о верховном среди преподобных и всесветлой главе — православном патриархе, — муже, подобном апостолам, который имел над всеми высшую власть, потому что, как сказал апостол Павел, являлся воплощением и устами херувимов; доблестный огненосный ревнитель, он, побуждаемый любовью, больше огня разжигаясь ревностью о христовой вере и не ослабевая, многократно боролся против латынян. А с теми из христиан, кто, как антихристовы пособники, оказали вместе с инославными такое же сопротивление, он мужественно сражался только своим языком и устами, как мечом, немилосердно посекая

[1] О патриархе Гермогене. В царствование Василия Шуйского патриархом был поставлен Гермоген Казанский, бывший архимандрит казанского Спасского монастыря, в 1589 г. поставленный казанским митрополитом. В 1606 г. он призывал в грамотах к борьбе с народом, восставшим под руководством Болотникова; в 1611 г. своими грамотами, рассылаемыми по городам, способствовал созданию земского ополчения, которое освободило Москву от врагов. Поляки и русские изменники, хозяйничавшие в Кремле, взяли Гермогена под стражу и уморили его голодом. Он умер 6 января 1612 г.

противников и заставляя их падать к своим ногам без ответа. Он гнушался богоотступников, как бездушных идолов, и отворачивался от тех, кто не повиновался его многократным поучениям и наставлениям и кто, не захотев его благословения, самовольно от этого удалился.

С ним, первейшим, вместе (терпели осаду) и весь синклит, который чинами своими являет неисчислимые различия и разницу (по отношению) к царскому порогу, — достойные и достигающие его величества и необъятное множество людей. (Он боролся) против латынян и соединяющихся с ними, а больше всего направлял (свое слово) против лютой злобы тех ересиархов, кого звали Михалка Салтыков и Федька Андронов[1], и других по именам их единомышленников и составителей всего зла, чьи имена за их дела бесы вписали в свои списки; было по всему ясно, что как тьма противится свету, так и нечестие благочестию. Новые отступники от добра сперва ласками, а потом угрозами неволею привлекали его к своей воле — к тому, чтобы, повинуясь врагам, изменнически отдать российский скипетр сыну короля латынского Сигизмунда — Владиславу. Они хотели утвердить это взаимной клятвой на кресте и обещались никому из бесчисленного Христова стада не делать зла, они скрывали в нарушение клятвы последнее зло — обман: после клятвы они нам всем и везде творили всякое зло. <…>

ЧЕЛОБИТНАЯ РУССКИХ КУПЦОВ[2]

Челобитная купцов привилегированных сотен и разных городов с жалобами на иностранных купцов, торгующих в России

(28 сентября 1645 — 9 января 1646 гг.)

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом холопи и сироты твои государевы, гостишка, гостиные и

[1] Салтыков и Андронов отдали полякам Москву и хозяйничали в ней вместе с врагами, чем вызвали презрение и ненависть к себе всех русских людей.

[2] Источник текста: http://www.rusarchives.ru/

суконные сотни и черных сотен торговые людишка и многих твоих государевых розных городов, казанцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, суздальцы, муромцы, вологженя, псковичи, устюжаня, романовцы, галиченя, угличеня, белозерцы, каргопольцы, колмогорцы и иных многих твоих государевых городов торговые людишка.

Жалоба, государь, нам на иноземцов, на агличан и на галанцов и на борабарцов и на анбарцов торговых людей, которые ездят торговать к Москве. Преже, государь, сево при прародителях твоих государевых, блаженные памяти при государех царех и великих князех росийских прадеды и деды и отцы наши торговали исстари с ыноземцы, розных окрестных государств с немцы у корабельной пристани в Ывангороде, всякие руские товары на заморские товары меняли. И в то, государь, время были всякие заморские товары в Московском государстве дешевле нынешняго вполы, а товары, государь, вывозили нынешняго лутче вдвое.

А как, государь, Бог поручил Ивангород прадеду твоему государеву, блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, и с тех наших торговых промыслов в Ывангороде на ярмоонках збиралось в вашу государеву казну пошлин перед нынешним, как ныне збираетца у Архангельского города, вдвое, по 50 тысяч и больши на год. А пошлины, государь, имали нынешняго меньши, всего по 3 деньги с рубля против торговой записки. А в таможнях, государь, головы лишнево не накладывали. А аглинские и иных земель немцы из Ывангорода Московского государства ни в которые городы с торговыми промыслы не езживали. И от тех торговых промыслов прадеды и деды и отцы наши полнилися и богатели, и ваше государское государство множилось и богатело, и всяике люди полнилися.

А при деде твоем государеве, блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии аглинские немцы поехали было торговать на ярмонку к Иванюгороду, и тех аглинских немец в кораблех с

товары погодою занесло к Двинскому устью… и с тех мест почали приезжать на кораблех к Двинскому устью и с колмогорцы учали торговать у Архангельского города… И почела быть ярмонка у Архангельского города. И немцы и всего Московского государства торгвые люди торговати стали, приезжая по все годы на ярмонку к Архангельскому городу…

А как, государь, Московское государство польские и литовские люди и черкасы и руские воры разорили, и нас, холопей твоих, в полон и в расхищение поимали. А иные по розным городом от скудости розбрелись и всяких торгов своих отбыли.

И после, государь, Московского разоренья, как воцарился отец твой государев, блаженные памяти государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, и аглинские немцы, зная то, что им в торгех от Московского государства прибыль многая, и хотя всяким торгом завладеть, подкупя думного дьяка Петра Третьякова многими посулы, и взяли ис Посольского приказу грамоту, что торговать аглинским гостем у Архангельского города и Московского государства в городех 23-м человеком. А нам было, холопем и сиротам твоим, в то время челобитья их встретить и грамоту остановить некому, потому – все были разорены до конца и от разоренья, бродя, скитались по иным городом.

А как взяли они, немцы, грамоту ис Посольского приказу, и с тех мест почели приезжать в Московское государство агличан торговых людей человек по 60 и по 70 и больши. И построили и покупили себе у Архангельского города и на Колмогорах и на Вологде и в Ярославле и на Москве и в ыных городех дворы многие и анбары и построили полаты и погребы каменные и почели жить в Московском государстве без съезду так же, как и в своей земли. И у Архангельского города руским людем товаров не учали продавать и на руские товары менять, а учали свои всякие товары к Москве и в ыные городы привозить…

…Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, холопей и сирот твоих, всего государства торговых людей, возри, государь, в нас, бедных, и не дай нам, природным своим государевым холопам и сиротам, от иноверцов быти в вечной нищете и в скудости. Не вели, государь, искони вечных наших промыслишков у нас отнять. Вели, государь, аглинским и анбарским и барабарским и голанским и датцким немцам, гостем и торговым людем, торговать у корабельной пристани у Архангельского города, а к Москве, государь, и в иные городы всего Московского государства пущать не вели…

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г.[1]

<…> Глава II. О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать <…>

1. Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщетса допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию.

2. Такъже будет кто при державе царьского величества, хотя Московским государьством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать збирать, или кто царьского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом, по его ссылке, Московским государьством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщетца про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнити смертию. <…>

5. А поместья и вотчины и животы изменничьи взяти на государя. <…>

---

[1] Цит. по: *М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов*. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.

13. А будет учнут извещати про государьское здоровье, или какое изменное дело чьи люди на тех, у кого они служат, или крестьяне, за кем они живут во крестьянех, а в том деле ни чем их не уличат, и тому их извету не верить. И учиня им жестокое наказание, бив кнутом не щадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне. А опричь тех великих дел ни в каких делех таким изветчиком не верить. <…>

18. А кто Московского государьства всяких чинов люди сведают, или услышат на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии, или его государевым бояром и ближним людем, или в городех воеводам и приказным людем. <…>

21. А кто учнет к царьскому величеству, или на его государевых бояр и околничих и думных и ближних людей, и в городех и в полкех на воевод, и на приказных людей, или на кого ни буди приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити, или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнити смертию безо всякия пощады. <…>

Глава III. О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчиньства и брани не было

1. Будет кто при царском величестве, в его государеве дворе и в его государьских полатах, не опасаючи чести царского величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе, и сыщется про то допряма, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил, и по сыску за честь государева двора того, кто на государеве дворе кого обесчестит, посадити в тюрму на две недели, чтобы на тосмотря иным неповадно было впередь так делати. <…>

3. А будет кто при царьском величестве вымет на кого саблю, или иное какое оружье, и тем оружьем кого ранит, и от тоя раны тот, кого он ранит, умрет, или в те же поры он кого досмерти убьет, и того убойца, за то убойство самого казнити смертию же. <…>

4. А будет кто при государе вымет на кого какое ни буди оружье, а не ранит, и не убиет, и того казнити, отсечь рука. <…>

6. Такоже царьского величества во дворе на Москве, или где изволит царьское величество во объезде быти, и ис пищалей и из луков и из и(ы)ного ни ис какова оружья никому без государева указу не стреляти, а с таким оружьем в государеве дворе не ходити. А будет кто в государеве дворе на Москве, или в объезде кого ранит, или кого убиет досмерти, и того казнити смертию же.

7. А будет кто на государеве дворе, на Москве, и в объезде, учнет ходити с пищальми и с луками, хотя и не для стрелбы, и ис того оружья никого не ранит и не убиет, и тем за ту вину учинити наказание, бити батоги и вкинути на неделю в тюрму. <…>

Глава XI. Суд о крестьянех. А в ней 34 статьи

1. Которые государевы дворцовых сел и черных волостей крестьяне и бобыли, выбежав из государевых дворцовых сел и ис черных волостей, живут за патриархом, или за митрополиты, и за архиепископы, и епископом, или за монастыри, или за бояры, или за околничими и за думными и за комнатными людьми, и за стольники и за стряпчими и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны и детьми боярскими, и за иноземцы, и за всякими вотчинники и помещики, а в писцовых книгах, которые книги писцы подали в Поместной в и(ы)ные приказы после московского пожару прошлого 134-го году, те беглые крестьяне, или отцы их написаны за государем, и тех государевых беглых крестьян и бобылей сыскивая свозити в государевы дворцовые села и в черные волости, на старые их жеребьи по писцовым книгам з женами и з детьми и со всеми их крестьянскими животы без урочных лет.

2. Такъже будет кто вотчинники и помещики учнут государю бити челом о беглых своих крестьянех и о бобылях, и скажут, что их крестьяне и бобыли, выбежав из-за них, живут в государевых в дворцовых селех, и в

черных волостях, или на посадех в посадских людех, или в стрельцах, или в казаках, или в пушкарях, или в и(ы)ных в каких нибудь в служилых людех в Замосковных и в Украинных городех, или за патриархом, или за митрополиты, или за архиепископы и епископы, или за монастыри, или за бояры, и за околничими и за думными и за комнатными людьми, и за столники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жилцы, и за городовыми дворяны и детми боярскими, и за иноземцы, и за всякими вотчинники и помещики, и тех крестьян и бобылей по суду и по сыску отдавати по писцовым книгам, которыя книги писцы в Поместной приказ отдали после московского пожару прошлого 134-го году, будет те их беглыя крестьяне, или тех их беглых крестьян отцы, в тех писцовых книгах за ними написаны, или после тех писцовых книг те же крестьяне, или их дети, по новым дачам написаны за кем в отделных или в отказных книгах. А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людем без урочных лет. <…>

9. А которые крестьяне и бобыли за кем написаны в переписных книгах прошлых 154-го и 155-го годов, и после тех переписных книг из-за тех людей, за кем они в переписных книгах написаны, збежали, или впредь учнут бегати: и тех беглых крестьян и бобылей, и их братью, и детей, и племянников, и внучат з женами и з детьми и со всеми животы, и с хлебом стоячим и с молоченым отдавать из бегов тем людем, из-за кого они выбежат по переписным книгам, без урочных лет, а впредь отнюд никому чюжих крестьян не приимать, и за собою не держать. <…>

22. А которые крестианские дети от отцов своих и от матерей учнут отпиратися, и тех пытати. <…>

30. А за которыми помещики и вотчинники крестьяне и бобыли в писцовых, или во отдельных или во отказных книгах, и в выписях написаны на поместных их и на вотчинных землях порознь, и тем помещикам и

вотчинником крестьян своих с поместных своих земель на вотчинныя свои земли не сводити, и тем своих поместей не пустошити. <…>

32. А будет чьи крестьяне и бобыли учнут у кого наймоватися в работу и тем крестьяном и бобылем у всяких чинов людей наймоватися в работу, по записям, и без записей, поволно. А тем людем, у кого они в работу наймутся, жилых и с(з)судных записей и служилых кабал на них не имати и ничим их себе не крепити, и как от них те наймиты отработаются, и им отпущати их от себя безо всякаго задержания. <…>

Глава XIX. О посадских людех. А в ней 40 статей

1. Которыя слободы на Москве патриарши и митрополичи и владычни и монастырския и бояр и околничих и думных и ближних и всяких чинов людей, а в тех слободах живут торговые и ремесленые люди и всякими торговыми промыслы промышляют и лавками владеют, а государевых податей не платят и служеб не служат, и те все слободы со всеми людми, которые в тех слободах живут, всех взяти за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно, опричь кабалных людей. А кабалных людей, по роспросу будет скажется, что они их вечные, отдавати тем людем, чьи они, и велеть их свесть на свои дворы. А которые и кабалные люди, а отцы их и родители их были посадския люди, или из государевых волостей, и тех имать в посады жить. А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быть. А у патриарха слободы взяти совсем, опричь тех дворовых людей, которые изстари за прежними патриархи живали в их патриарших чинех дети боярские, певчие, дьяки, подьячие, истопники, сторожи, повары и хлебники, конюхи и иных чинов дворовых его людей, которым дается годовое жалованье и хлеб. <…>

5. А которыя слободы патриарши и властелинския, и монастырския, и боярския и думных и всяких чинов людей около Москвы, и те слободы со всякими промышленными людми, опричь кабалных людей, по тому же по сыску, взяти за государя. А пашенных крестьян, будет которые объявятся по

роспросу их поместей и вотчин старинные крестьяне, а привезены на те земли, и с тех слобод велети тем людем, у кого те слободы будут взяты, свести в свои вотчины и в поместья. А будет у тех пашенных крестьян на Москве и в городех есть лавки, и погребы, и соляные варницы, и им те лавки и погребы и варницы продать государевым тяглым людем, а впредь лавок и погребов и варниц, опричь государевых тяглых людей, никому не держати.

6. А выгону быти около Москвы на все стороны от Земляного города ото рву по две версты, а отмерити те выгоды новою саженью, которая сажень, по государеву указу, зделана в три аршина, а в ерсте учинити по тысечи сажен.

7. А которые патриарши, и властелинские, и монастырские, и боярских и околничих и думных и всяких чинов людей слободы устроены в городех на государевых посадских землях, или на белых местех, на купленых и не на купленых, или на животинных выпусках без государева указу, и те слободы, со всеми людми и з землями, по роспросу, взяти в посад без лет и бесповоротно, за то, не строй на государеве земле слобод, и не покупай посадской земли. <…>

11. А которые в городех стрелцы, и казаки, и драгуны всякими торговыми промыслы промышляют, и в лавках сидят, и тем стрельцом и казаком, и драгуном, с торговых своих промыслов, платити таможенныя пошлины, а с лавок оброк, а с посадскими людми тягла им не платити, и тяглых служеб не служити. <…>

13. А которые московские и городовые посадские тяглые люди сами, или отцы их в прошлых годех живали на Москве, и в городех на посадех и в слободах в тягле, и тягло платили, а иные жили на посадех же и в слободах у тяглых людей в сиделцах и в наймитах, а ныне оне живут в заклатчиках за патриархом же и за митрополиты, и за архиепископы, и за епископом, и за монастыри, и за бояры, и за околничими, и за думными, и за ближними и за всяких чинов людми на Москве и в городех, на их дворех, и в вотчинах, и в

поместьях, и на церковных землях, и тех всех сыскивати и свозити на старые их посадские места, где кто живал наперед сего, безлетно же и бесповоротно. И въперед тем всем людем, которые взяты будут за государя, ни за ково в заклатчики не записыватися, и ничьими крестьяны и людми не называтися. А будет они въперед учнут за ково закладыватися и называтися чьими крестьяны, или людми, и им за то чинити жестокое наказанье, бити их кнутом по торгом и ссылати их в Сибирь на житье на Лену. Да и тем людем, которые их учнут впередьза себя приимати в закладчики, по тому же быти от государя в великой опале, и земли, где за ними те закладчики впередь учнут жити, имати на государя. <…>

21. А которые посадские люди давали дочерей своих девок за волных за всяких людей, и тех волных людей по женам их в черныя слободы не имати.

22. А которые волные люди поженилися на посадских на тяглых вдовах, и поженяся с тягла сошли, а прежние мужья тех их жон написаны в писцовых книгах на посадех в тягле, и тех людей, которые женилися тяглых людей на женах, имати на посад для того, что они поженилися на тяглых жонках, и шли к ним в домы.

23. А которые посадские люди зятей своих приимали в домы, и за них давали дочерей своих для того, чтобы тем их зятем жити в их домех, по их живот и их кормити, и тем всем жити в тягле в сотнях и в слободах, а будет за кого выдут, и их взяти в посад. <…>

37. А будет чьи нибудь старинные, или кабальные люди, или крестьяне и бобыли, которые за кем написаны в писцовых книгах, бегаючи у кого женятся на Москве и в городех у посадских людей, на дочерях на девках, или на вдовах, и таких беглых людей по крепостям, а крестьян по писцовым книгам с посадов отдавати з женами их и з детьми тем людем, из за кого они збежат, а в посад их в тягло по женам их не имати. <…>

39. А которые тяглые люди продают беломесцом тяглыя свои дворы, а пишут вместо купчих закладные, и те свои дворы просрочивают, а те люди, кому они те свои дворы заложа просрочат обеливают, и черным людем в черных сотнях и слободах тяглых дворов и дворовых мест нетяглым людем не закладывати и не продавати. А кто продаст, или заложит белым людем тяглой двор, и те дворы имати и отдавати безденежно в сотни, а по закладным у кого те дворы были заложены в денгах отказывати. А кто черные люди те свои дворы продадут, или заложат, и тех черных людей за воровство бити кнутом.

40. А у кого всяких чинов у руских людей дворы на Москве в Китае и в Белом и в Земляном городе в загородских слободах, и тех дворов и дворовых мест у руских людей немцам и немкам вдовам не покупати, и в заклад не имати. А которые немцы и их жены и дети у руских людей дворы, или места дворовые учнут покупати, или по закладным учнут бити челом на руских людей, и купчие и закладные учнут приносити к записке в Земской приказ, и тех купчих и закладных не записывати. А будет кто руские люди учнут немцам, или немкам дворы и дворовыя места продавати, и им за то от государя быти в опале. А на которых немецких дворех поставлены немецкие керки, и те керки сломати, и впередь в Китае и в Белом и в Земляном городе на немецких дворех керкам не быти. А быти им за городом за Земляном, от церквей Божиих в далных местех. <…>

ТОРГОВЫЙ УСТАВ[1]

Великий государь, слушав <…> челобитные гостей <…> черных сотен и слобод и городовых всяких чинов торговых людей указал и бояре приговорили: впредь свою Государеву таможенную пошлину имати <…> со всяких товаров, и с хлеба в Москве и в городах и с тутошних жителей, и с

[1] Источник текста: http://school-collection.edu.ru/

приезжих, со всяких чинов людей, рублевую пошлину, с продавцов по десяти денег с рубля… А которые навпредь сего сбирались в Москве и в городах с <…> товаров проезжие, рублевые и всякие мелкие пошлины, и те проезжие и всякие мелкие сборы отставить, и перекупные пошлины с весчих товаров быть по прежнему. <…>

А торговым всяких чинов людям товаров своих и на покупку товаров денег не таить и цены с товаров не убавливать и являть в таможнях товары и деньги и продажную цену сказывать прямо в правду, без всякой хитрости. <…> [В противном случае] у тех торговых людей те их товары изъять на себя Государя бесповоротно.

А которые торговые люди объявятся с утаенными товарами и с убавочной ценой в другой ряд или в третий; и тем людям, сверх тех их взятых товаров, чинить наказание, бить кнутом нещадно. <…>

НОВОТОРГОВЫЙ УСТАВ[1]

Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, слушав докладные выписки и торговых статей с своими великого государя бояры и с думными людьми, указал, а его царского величества бояре приговорили: по челобитью Московского государства гостей и гостиных сотен и чорных слобод торговых людей от приезжих иноземцов во многих обидных торгех, которые проходили в Московском государстве и Великие Росии в порубежных городех помешкою продолжительные войны, и того ради приезжие иноземцы безстрашно учали товары худые поддельные, как в серебре и в золоте в литом и в пряденом, так и в поставах в сукнах и в ыных заморских товарех в царствующий град Москву и в городы Великие Росии привозить, в которых товарех подлинно обличены, и такие худые товары сысканы, и руским торговым людем в заповедех в промытах многие убытки

[1] Цит. по: Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. — М., 1986.

и домовные разорения учинились. И ныне всемилосердным великого государя его царского величества на всенародное слезное челобитье воззрением, чтоб Московского государства и порубежных городов Великие Росии торговые люди имели свободные торги, как годитца быти, чего и во всех государствах окрестных в первых государственных делах свободные и прибыльные торги для збору пошлин и для всенародных пожитков мирских со всяким бережением остерегают и в полности держат, по нижеписанным торговым статьям ис Посольского приказу приезжим иноземцом для ведомостей заморских, чтоб к торговле в порубежные городы приезд их с товары был ведом, на письме дано. А подлинные статьи за руками гостей и лутчих торговых людей и слобод Чорных приходов их отцев духовных за руками ж в Новгородцкой четверти, а к городу Архангельскому и в порубежные городы таковы ж статьи будут посланы. А по очереди и по выбору из гостей и из лутчих торговых людей головы и целовальники в царствующем граде Москве и в порубежных городех Великие Росии за верою по заповеди Христове святого Евангелия и за страхом суда праведного Божия, прежних постановленных государственных указов в целости остерегая, также и последствующих ко всякой государственной зборов таможенных прибыли и к обороне торговых людей от всяких сторонних разорительных обид со всяким усердством радети и беречи того всего накрепко. А выбраны имеют быти как с началу нынешнего постановления к городу с Москвы гость и ему товарыщи по разсмотрению, а не по дружбе и ни по недружбе, но самою христианскою правдою без оскорбления, и выбрав досужих и Богу угодных людей, не на животы смотря, но ведая от жития их христанского к Богу душевную добродетель и правду. А домовные недостатки наполнять по достоинству из московские таможни и из городовых земских изб мирскою подмогою, такж в радостной службе безо всякого оскорбления. И того накрепко беречь, чтоб мимо торговых людей чинов белых всякие люди с иноземцы торгу и подрядов не чинили, а свои

товары прикладывали к руским торговым людем, к высокой цене и к пожиткам добрым, также и торговые маломочные люди у гостей и у лутчих людей были в береженье, чем им торгами завестись меж рускими людьми складом к большим товаром, а собою в продаже иноземцом цены не портили и в подряд денег у иноземцев не имали. А покажетца у них товаров много, и в том будут роспрашиваны, от кого хто торгует, чтоб в утайке ни что не было. И для того основанного и впредь укрепленного великого государственного и всенародного пошлинного збору дела выбранным быть лутчим людем, и збор чинить великого государя казне, как ниже сего статьи указуют:

1. На Двине у Архангельского города в таможне быти на ярманке гостю с товарыщи. А гостя с товарыщи воеводам в таможенных торговых во всяких делах ни в чем не ведать, чтоб в том великого государя казне в зборех порухи не было.

2. Всякая полная росправа у города Архангельского в торговых делах руским людем и иноземцом чинить в таможне гостю с товарыщи.

3. С Москвы ехать товарыщу гостиные сотни да суконной сотни целовальнику к Вологде апреля с 1 числа, да с ними ж быть в прибавку из Ярославля, и с Костромы, и с Вологды по 2 человека для того, чтобы им при себе с Вологды к Архангельскому городу все товары в барки и в дощеники переписав и досмотря накрепко, отпускать, а самим быти на Вологде до отпуску вешних судов. А двух целовальников отпустить на первом самом судне к Архангельскому городу, а самим, отпустя с Вологды вешние суды, ехать не мешкав к Архангельскому городу, чтоб им поспеть до приходу корабельного к городу.

4. А приехав им на Вологду, взять у таможенного вологодцкого головы записные книги тем всем товаром, которые с Москвы и со всех городов на Вологде написаны в отпуск к Архангельскому городу.

5. И у купецких русских людей и у иноземцов взять товаром росписи за их руками, сколько они своих товаров отпущают с Вологды к Архангельскому городу.

6. И против тех росписей всех товаров досмотреть накрепко, и что объявитца сверх росписей в лишке, и те товары имать на великого государя.

7. А которые товары против их даных росписей сойдутца, и те товары записав в книгу, и давать им выписи за печатью и за рукою, и велеть им класти в суды и отпущать без задержания до Архангельского города.

8. А как они приедут к городу Архангельскому, и им явитись в таможне и подать им выпись ту, которая им дана на Вологде. И в таможне у города те их товары против выписи записать в книги имянно на те ж имяны, на которые написаны товары в выписи. А без памяти из таможни от гостя с товарыщи тех товаров из барок и из иных судов никому не выгружать и не вынимать. А гостю ехать с Москвы з достальными целовальники мая с 15 числа и оставить целовальника на Вологде для отпуску юхотного и иных товаров. И отпускать те товары тому ж целовальнику и вологодскому таможенному голове, и давать выписи за таможенною печатью и за рукою. Да гостю же в прибавку в целовальники с Устюга Великого, и с Каргаполя, и от Соливычеготцкой [имать] по 2 человека и быти им на ярманке у таможенного збору.

9. А как похотят те свои товары ис судов выгружать, и им имать у гостя с товарыщи памяти в таможне. А гостю с памятью послать целовальников добрых и верных, и те товары против выписей досматривать в бочках и в ящиках и в кипах и во всяких местех накрепко. А что сверх выписей объявятца какие лишние товары, и те все лишние товары взять на великого государя, окроме весчих. А у весчих товаров бывает привесок.

10. А которые товары против выписи сойдутца, у которых объявитца и привесок небольшой, те им отдавать. Также и над иными судами чинить,

которые из разных городов приходят с рускими и с немецкими товары, против сей вышеимянованной статьи.

11. А хто купецких всяких чинов люди станут товары свои у города Архангельского торговать с рускими людьми и с иноземцы, и им все свои торги записывать в таможне в книги имянно, и к тем торгам руки свои прикладывать.

12. А что будет у руских людей всяких товаров в продаже на деньги и на мену, и с тех товаров имать гостю с товарыщи с прямой продажной цены со всяких вещих товаров по прежнему, по 10 денег с рубля, а не с вещих товаров со всяких имать пошлины по 8 денег с рубля. А с сала ворванья и с рыбы имать пошлина по прежнему государеву указу.

13. А которой руской человек явит у города Архангельского на покупку товарную денег, и з денег имать пошлины по 8 денег с рубля. А давать гостю с товарыщи всем торговым людем в платежных пошлинах выписи за рукою и таможенною печатью.

14. А которые люди у города исторговався, учнут товары класть в суды, в которых им вести в Русь, и им наперед принести гостю с товарыщи роспись всему товару порознь и имя, в чье судно ему класти. И ту роспись гостю записывать в книги имянно, и на то той росписи подписав, и печать приложить и отдать тому купцу, хто подал. И против той росписи у него досмотреть и после досмотру вольно ему те свои товары в суды класти.

15. А будет хто не подав росписи, и подав хто роспись, а положит лишнее и отпустит в верх, и те лишние товары имать на великого государя.

16. Когда уж судно будет наполнено товаром, и тому, чье судно, принесть роспись всем товаром, которые кладены в судно, и чье то судно и чей товар, написать имянно и принесть в таможню. И те росписи справить с теми росписьми, каковы таможенной голова гость подписал и печать таможенную приложил, и будет объявитца с теми росписьми слово в слово, и ему дать ис книг выпись и отпустить. А будет что сверх росписи объявитца, и

те лишние товары взять на великого государя, и потому ж отпустить вверх в Русь. А отвозных пошлин с руских людей с товаров ни с каких не имать.

17. А у которых у руских людей за продажею будут какие товары в остатках не в продаже, и с тех товаров в том году пошлин не имать, и записать те товары в осталые в новой год. А имать с тех товаров пошлины в том году, в которых годех те товары в продаже будут. А будет он похочет от города вести в ыные городы, и его отпустить с выписью. А в которых городех те товары проданы будут, в тех им и пошлину платить.

18. А которые люди от города Архангельского с товары своими поедут водяным и сухим путем мимо городов, и с тех товаров ни в которых городех ни каких проезжих пошлин не имать по прежнему. И воеводам по городом и таможенным головам всяких купецких людей с товаром в проездах не задерживать, пропущать везде без задержанья, и всяких работных людей, передовщиков и кормщиков, и извощиков, на городех наймовать без ведома воеводцкого всякому вольно было, потому что воеводы во многих городех для своих корыстей задерживают напрасно.

19. А в которых городех все купецкие люди руские те городские товары учнут продавать, и с тех продажных товаров пошлины имать в тех городех по 10 денег с рубля за всякие мелкие статьи.

20. А что они в тех же городех купят на те товарные деньги каких товаров, и с тех покупных товаров и з денег пошлин не имать по прежнему. Будет которого руского купетцкого человека приказщик или человек сворует хозяйских товаров каких ни есть, в таможне на Москве и в городех не явит, или каким заповедным товаром учнет торговать без хозяйского ведома, или в ыном каком воровстве объявитца, и за то их воровство хозяйских товаров на великого государя не имать и в пеню того хозяевам не ставить, потому что многие прикащики и люди воруют своим умыслом, без хозяйского приказу, и хозяев своих животы проворовывают. И то их прикащицкое воровство их хозяином и сторонними людьми освидетельствовав, что оне воровством

учинили, и за то бить кнутом нещадно и пеня взять из их собинного половина живота. И проезжих пошлин ни с каких ни в коих городех с руских людей не имать против прежнего государева указу.

21. В домех руским людем держать весы для своих нуж малые, которые подымают по десяти пуд, а безмены такие, которые по два пуда и по три подымают. Такие ж весы держать у соляных промыслов для сметы. А больши тех весов в домех не держать. А в те малые весы никому в продажу и в покупку ничего не весить, держать для своих нуж. А в рядех весам на Москве и в городех быть по прежнему.

22. На соляных и на рыбных судах и на паусках быть контарем, для извощиков и для всякой сметы без них быти не возможно. А в продажу на те контари ничего не весить.

23. Московской и иногородной человек какой ни есть товар привезет от города, или откуда ни есть в тот город, в котором живет, и ему платить пошлины с продажных товаров против прежнего государева указу.

24. А хто товары свои на Москве и в городех явит на продажу, и тех товаров в том городе не продаст и похочет те товары вести в ыной город, и ему дать сроку в продаже шесть месяцев, вольно ему в тех месяцах продавать в том городе и вести в иные городы, отпустить ево с выписью во шти месяцах. А где те товары проданы будут, в тех городех с тех товаров имать с них и пошлина, и давать им в тех городех в платеже пошлин выписи, и те им выписи привозить в те городы, ис которых они с непроданными товары отпущены.

25. А будет хто товар свой, записав на Москве, и спустя шесть месяцов не продаст, а похочет весть в ыной город и с тех с непроданых товаров имать пошлина в тех городех, в которых записаны будут. И будет он после шти месяцев повезет те товары в ыной город, и с него взяв пошлины, отпустить с выписью. А которые товары отпущены будут во шти месяцах с выписью, и в

тех выписях давать сроку по рассмотренью, как мочно, из которых городов выписи поставить в те городы, из которых товары отпущены будут.

26. А которая соль будет отпущена из Астрахани и ис Перьми и из ыных мест от варниц сырая, и в таможне ту сырую соль по весу в отпускных книгах пишут сполна и дают им на ту соль выписи, и где они ту соль привезут в Нижней и в иные городы, и у той соли бывает у тысячи пуд увеску пудов по сту и с лишком. И против выписей той увесной соли на тех людех не спрашивать и имать пошлина с того весу, сколько у них в продаже будет, по гривне с рубля, за всякие мелкие статьи, а вещих и контарных никаких денег сверх гривны не имать. А которые люди положат выписи, что у них та соль куплена на деньги, а з денег они платили пошлины по пяти денег с рубля в тех городех, в коих тое соль они купили, и положат в тех платежах выписи, и те им выписи зачитать, имать с той продажной соли по два алтына по три деньги, и с прежними пошлинами то ж с той соли сойдет по гривне ж с рубля.

27. А которой он товар, живучи на Москве и в городех, всякой на своем городе, какой ни есть товар купит, и с тех товаров пошлин не платить по прежнему для того, что живучи все торговые люди с торгов великому государю в тех городех служат и всякия подати платят. А платят с тех товаров пошлины те люди, которые привозят из ыных городов.

28. А которой человек, купя на своем городе какой ни есть товар, и похочет тот товар вести в иной кой город, и ему объявить в таможне и записать таможенному голове тот товар в отпускную книгу, и дать ему выпись за рукою и за печатью, и отпустить в тот город. А в выписи товар всякой описать порознь. И приехав ему на иной город, подать выпись в таможню, и против той выписи голове у него велеть досмотрить и записать в книги имянно, и велеть досмотрить накрепко, что сверх выписи объявитца, взять на великого государя. А будет кто на ярманках и меж городами каких

товаров купит, а те товары в выписи не написаны будут, и с тех товаров имать пошлина против великого государя указу по прежнему.

29. А как он тот товар продаст на городе, и с него взять пошлина по десяти денег с рубля, с продажные с прямые цены, и дать ему в том платеже выпись. А лишних пошлин никаких накладных не имать.

30. А будет хто приедет на которой город с деньгами для покупки товаров, и ему те деньги объявить в таможне, и таможенному голове деньги записать в книги и взять пошлины з денег, по пяти денег с рубля. И что он купит каких товаров и поедет с того города на иной город, и ему дать выпись, что он з денег пошлину платил. И в той выписи покупной ево товар написать весь. И за рукою и за печатью та выпись отдати тому, чей товар, и против выписи товар досмотрить. И будет сойдетца, отпустить. А буде объявитца влишке, и те лишние товары имать на великого государя. А на которые деньги будет товару не куплено, и ему те деньги объявить и с остатних денег пошлин не имать. И приехав тому человеку с товаром на кой город похочет, подать в таможню данную ему выпись. И в таможне против выписи записать и велеть товар осмотреть, и с продажного товару имать пошлины по пяти денег с рубля, потому что он в том городе, в коем покупал товар, платил по пяти денег. И ту у него выпись принять и записать в книгу. А у кого выписей таких не будет, что они з денег пошлину платили, имать с тех товаров по десяти денег с рубля.

31. На Колмогорах, с верху на низ и с низу в верх, в судах товаров не досматривать. Будет досматривать, и в том великому государю прибыли не будет, только купецким людем будет напрасная задершка и убытки.

32. Досматривать накрепко всякие товары у руских людей и у иноземцов у города Архангельского. Руским людем у города Архангельского и во всех порубежных городех платить пошлины мелкими серебряными деньгами, что меж собою торг учнут иметь.

33. А которые руские товары в порубежных городех, и в Новегороде, и во Пскове, и в Путивле, и в ыных не проданы будут, и руские люди повезут их назад к Москве и в ыные городы, и с тех товаров пошлин не имать. Платить им пошлины, где те у них товары в продаже будут.

34. А которые товары у города, и во Пскове, и в Новегороде, и в Путивле и в ыных городех будут куплены заморские на деньги, или выменены на товары, и с тех товаров заморских пошлин с русских людей не имать, потому что платили они с того торгу с русских товаров и з денег в том же городе. А платить с тех товаров в тех городех, в которых они в продаже будут, по десяти денег с рубля.

35. По всем городом и в Сибире всех купецких людей воеводам сухим путем и водяным ни в чем торговом деле в проездех не держать и не ведать, кроме таможенного уставного права.

36. А которые иноземцы с Москвы и с Вологды и из ыных городов привезут русския всякия покупныя товары к Архангельскому городу, и гостю с товарыщи у тех иноземцов взяти выписи, где они те товары покупали, и записать с выписи в книги имянно, и против тех выписей все у них товары досмотритъ накрепко в бочках, и в кипах, и в бунтах, и во всяких ящиках и местах, и тот их товар перечесть и перевесить. И будет против выписей те их товары сойдутца, и им те товары отдать. А что объявитца сверх выписей в счоте каких товаров, и те лишние товары имать на великого государя.

37. А что в вещих товарех объявитца привесков малое число сверх выписей, и с тех лишних товаров имать за продавца и с покупки и проезжие пошлины сполна по четыре алтына по две деньги с рубля. А на великого государя тех привещих товаров не имать.

38. А перекупной пошлине с вещих товаров быть по прежнему. А иным всяким мелким пошлинам против уставные печатные грамоты быть.

39. Которые соболи будут привезены по проезжим грамотам ис Сибири, и с тех соболей имать пошлин на Москве и в городех по пяти денег с

рубля для того, что с тех соболей в сибирских городех десятую и иные многие проезжие пошлины емлют. А которые соболи будут куплены на выходе и на ярмонках и в городех на деньги, и денег имать по пяти денег с рубля и давать им в том платеже выписи. А где те соболи проданы будут, и с тех соболей с продажные цены имать по пяти ж денег с рубля. А у кого выписей не будет и сибирских проезжих грамот, и с тех соболей имать пошлин по десяти денег с рубля. А которые гости и гостиные и суконные сотен купецкие люди, будучи в городех и на ярманках, купят про свой домовой обиход каких съестных всяких запасов, так же на одежду для своих домовых нуж, десятков на пять или на шесть, и с тех домовых харчевых покупок пошлин не имать, по человеку смотря, сколько кому на домовой росход пристойно, и то за верою, чтоб излищим не корыстоватца. А естьли будет на них вправду извет, и за то государскую опалу и осуждение излищее примут.

40. А которые иноземцы те руские покупные товары продадут у города Архангельского своей братьи иноземцом, и с тех продажных руских товаров имать пошлина по десяти денег с рубля. И того смотрить накрепко, чтоб иноземцы рускими товары у города безпошлинно меж себя не торговали. А проежия пошлины с тех товаров имать сверх тех торговых пошлин.

41. А которые иноземцы, утаясь, меж себя учнут русскими товары у города торговать без записки тайно с своею братьею безпошлинно, а про то сыщетца, и те товары имать на великого государя.

42. На Москве и в городех всем иноземцом ни каких товаров врознь не продавать. А будет учнут врознь продавать, и те товары имать на великого государя.

43. По указу великого государя на устье Двины реки зделать шанцы и в тех шанцах построить двор. А когда карабли к шанцам придут с моря, и тут им ставитца. Карабельщиком, в то время будучему начальнику подать всяким товаром роспись и караблю имя и х кому имянем к торговым

иноземцам пришол, написать подлинно. И тое роспись за карабельщиковою рукою оставить в шанцах, а карабельщику дать за своею рукою будучему начальнику в шанцах список с той росписи. И отпустить не задержав тот карабль к Архангельскому городу, а из шанцов роспись приказному человеку карабельщику послать к Архангельскому городу к гостю в таможню. А карабельщику, приехав к Архангельскому городу, явитца с караблем в таможне гостю с товарищи и подать даную ему роспись. И гостю тое роспись записать в книги имянно.

44. А будет хто похочет товары свои ис карабля на берег взять, и ему подать в таможне гостю с товарыщи роспись, только какова товару на берег весть хочет. И гостю записать тое роспись в книги, и по той росписи те товары у них досматривать накрепко в бочках и в ящиках и в кипах. И что по досмотру будет у них каких товаров, и те их товары в таможне записывать в книги порознь имянно, всякого иноземца особь статьею.

45. А к мене на руские немецкие товары, также и к покупке руским людем немецких товаров, чтоб за ведомом и за досмотром было головы и целовальников, для того, ведать бы на поставах на сукнах, и на бархатах, и на отласах, и на камках, и на всяких локотных товарех, и на литом и на пряденом золоте, и серебре клейма и печати, всякие розные признаки в котором городе, чтоб ведать мастеров таким товаром, чьего мастерства. И те б заморские продавцы у записных книг свои имяна записывали и руки прикладывали, хто что продаст и променит заморской товар в Московское государство за доброй и за цельной, какой во всех государствех похвален, а не такие поддельные воровские, что в нынешних годах объявились худые товары. А за таким береженьем и крепкою запискою по клеймам и по печатем сыщетца воровство подделкою товаров, и ведомо б было, в то государство писати, чтоб впредь худых товаров в отпуск в Московское государство заказ учинили под жестокою заповедью, и посылать перестали б. А те худые товары обличив и во весь свет огласив, отослать с безчестьем с

ярманки, чтоб впредь таких худых не возили, и добрым товаром цены не портили. Также и руские товары со всяким досмотром в продаже и в мене были б добрые, и в счоте и в весу прямые.

46. А что у них объявитца в досмотрех заморских лишних товаров сверх их росписи, которую подали у города, лишние товары имать на великого государя. А и с кораблей на дощанки, и на карбас, и на барки, и на всякия суды, и на берег ночью никаких товаров не вывозить. Также и с руских судов на карабль ночью никому ни каких товаров не возить. И о том учинить заказ накрепко. И хто будет пойман с каким товаром ночью, и те товары взять на великого государя.

47. А что у них иноземцов тех заморских товаров у города Архангельского будет в продаже на деньги и на мену, опроче фряских вин и водок, и те торги записывать им в таможне в книге имянно прямою ценою, всякой товар по чему будет продан. И к тем своим торговым запискам велеть им руки прикладывать впредь для спору.

48. А имать с тех продажных заморских товаров в государеву казну, в таможне у города Архангельского пошлины золотыми и ефимками: с вещих товаров по десяти денег с рубля, а не с вещих товаров по осми денег с рубля.

49. А будет которой иноземец запишет товаром своим непрямую цену с убавкою, и те товары имать на великого государя.

50. А приимать за пошлину золотые добрые угорские по рублю золотой, а ефимки любские по полтине в довес. А руским торговым людем и московским прироженным иноземцом платить пошлина русскими мелкими деньгами по прежнему.

51. А вина и розных иных питей перед прежним гораздо много привозят, и оного много не нужно надобно, потому что на государевых кружечных дворех чинятца от того убытки и недоборы большие. И великий государь указал: с вин и с ыных розных питей с иноземцев взять больши пошлин, как с ыных товаров у Архангельского города, с беремянных бочек

алкана, бастры, мальмазеи, мушкатели по 66 ефимков с бочки, с романеи с беремянной бочки по сороку ефимков, с полуберемянных бочек ренского по 20 ефимков з бочки. Вина церковного возить доброго без подмесу для церковных потреб, учотом бочек, и пошлины имать по прежнему с анкера горелого французского вина по шти ефимков з бочки, с погребца с вотки по шти ефимков, на сахар головной на пуд по рублю, на красной леденец по сороку алтын, на белой и на иной деланной на пуд по полтора рубли.

52. А которой иноземец те питья похочет везть вверх к Руси, и ему с тех заморских питей заплатить указные ефимки у города. И те заморские питья вести ему в верх к Руси, за отдачею у города полные пошлины.

53. А в которых городех те питья будут в продаже, и с той продажи имать пошлина по пяти алтын с рубля. А с руских людей с тех заморских питей платить пошлина по прежнему.

54. А иноземцом у города и на Москве и в городех заморского никакого питья в галенки и в скляницы не продавать, чтоб от того на кружечных дворех в зборе государеве казне порухи не было.

55. А будет который иноземец у города и на Москве и в городех учнет продавать в галенки и в скляницы какое нибудь заморское питье, и за то ему учинить наказанье, да на нем же взять в государеву казну пеня, что великий государь укажет.

56. А буде которые иноземцы похотят товары свои от города возить к Москве и в ыные городы, и им платить с тех заморских товаров у Архангельского города проезжих пошлин по гривне с рубля золотыми и ефимками для того, что руские люди и московские иноземцы пятину и десятину и всякие подати платят и службы служат, а иноземцы ничего не платят.

57. А когда иноземцы учнут товары свои класть в суды, в которых весть в Русь, и тому, хто станет товары свои класть в суды, надобно наперед принесть в таможню роспись за рукою и товару имя, и в чье судно класти,

записать имянно в книги, и ему вольно товары свои класть в суды. И против той росписи у того иноземца все товары в бочках и в ящиках и в кипах и во всяких местах досматривать накрепко, везде розбивать, вещие перевесить для того, что бывает лишних много неявленых товаров. И что объявитца сверх росписи лишних товаров, и те все лишние товары имать на великого государя бесповоротно.

58. А бочки и ящики и кипы и всякие места запечатать таможенною печатью и велеть ему те все места по выписи объявить на тех городех, на коих они учнут торговать. И в выписях их товары писать им имянно, в скольких бочках и в ящиках и в кипах и во всяких местех с ними отпущено за таможенными печатьми каких товаров мерою и счотом и весом.

59. А кои товары на Москве и в городех иноземцы станут те заморския всякие товары, кроме питья, продавать, и с тех имать с продажи по 2 алтына с рубля по прежнему.

60. А чтоб иноземцы приезжим торговым людем товаров своих не продавали, и у них ничего не покупали, а продавали б в тех городех купецким людем того города, в коих они станут торговать, и у них також товары всякие покупали, а не у приезжих, и подрядов и записей иноземцы с приезжими людьми никаких не чинили, и тем бы у тех московских и городцких купецких людей промыслов не отымали.

61. А московским купецким людям в порубежных во всех городех и на ярмонках торговать с иноземцы всякими товары вольно.

62. А будет иноземцы товары свои заморские мимо тех гражан приезжим людем иного города учнут продавать или у них какие покупать, хотя и свалом, и те товары имать на великого государя.

63. Учинить заказ крепкой, чтоб иноземец с иноземцом никакими товары не торговали и не продавали и не меняли, понеже великому государю в таможнех в зборех ево великого государя казне чинятся большие недоборы, а русским людем в торгах их помешка и изнищение чинитца. И будет

иноземцы меж себя учнут торговать, а сыщетца про то допряма, и те товары взять на великого государя.

64. А что они, иноземцы, будучи на Москве и в городех, явленных своих товаров заморских всяких, кроме питей, продадут на деньги, или заменяют на товары, и с тех заморских товаров с продажи имать на них иноземцов пошлин по 2 алтына с рубля.

65. А что у них будет всяких руских товаров в покупке, на Москве и в городех, и те им руские покупные товары на Москве и в городех в таможнях записывать имянно, в котором числе сколько каких товаров купит на деньги, или выменит на товары, и по чему ценою, и к тем запискам руки свои прикладывать для всякого спору. А когда они те купленные руские товары похотят с Москвы и из городов отпущать, и им приносить росписи в таможне за руками, сколько они каких товаров куды отпущают, и в таможне те росписи записать в книги и дать ему выпись за головиною рукою и за таможенною печатью, и против той росписи тех товаров русских у них досматривать накрепко. А что сверх их росписей объявитца в лишке, и те товары имать на великого государя безповоротно.

66. А как иноземцы с рускими товары будут у города Архангельского и в Новегороде и во Пскове и в ыных порубежных городех, и похотят те свои покупные руские товары отпускать во свои государства, и у них те руские товары против московских и городовых таможенных выписей досматривать накрепко, перечитать и перевешивать. И будет против выписей те товары сойдутца, и с тех руских со всех товаров имать проезжие пошлины по гривне с рубля с цены, по чему те руские товары будут в продаже у города Архангельского и в Новегороде и во Пскове и в ыных порубежных городех, и отпускать их во свои земли без задержания.

67. А будет у них что, иноземцов, объявитца, что сверх выписей каких руских товаров в лишке, и те лишние все товары имать на великого государя бесповоротно.

68. На Москве и у города Архангельского, и в Новегороде, и во Пскове, и на Вологде, и в Ярославле и во всех городех всем иноземцам в домех своих и в лавках больших и никаких весов не держать, и товаров своих и руских им в домех своих и в лавках не весить, а весить им всякие заморские и русские товары в таможнях.

69. А которые товары иноземцы привезут к городу в барках и в дощениках и в иных судах, им те все товары объявлять в таможне и подавать выписи на те товары ис тех городов, в коих они куплены, и после записки имать в таможне памяти и целовальников. А бес памяти и бес целовальников никаких товаров в карабли не возить.

70. А которой иноземец, не записав своих товаров и не взяв ис таможни памяти и целовальника, учнет товары свои возить на карабли, а сыщется про то допряма, и те товары имать на великого государя.

71. А будет у коего иноземца сыщут большие весы, и за то на них имать великие пени.

72. Который иноземец привезет из-за моря золотые и ефимки, и ему с того пошлин не платить. И что на золотые и на ефимки купит какова товару, и то ему вести во свою землю беспошлинно.

73. А золотые все и ефимки, которые привезут из-за моря, у города Архангельского, и в Новегороде, и во Пскове и во всех порубежных городех отдавать их в казну великого государя, приняв у иноземцев. А имать за них деньги руские мелкие, за золотой по рублю, а за ефимки любские по полтине, по четырнадцать ефимков в фунте. А будет хто в таможне золотых и ефимков своих не объявит, и про то ведомо учинитца, и на нем взять пеню от всякого ста золотых и ефимков по 10 без денег. А из государевы казны за золотые и за ефимки деньги давать безо всякого задержания. А рускими деньгами у иноземцев старого долгу никому не имать.

74. А будет кто утайкою сам повезет, или с кем пошлет к Москве золотые и ефимки, а про то сыщетца или хто известит, и у него золотые и ефимки вымут, и те золотые и ефимки взять на великого государя.

75. А что у города Архангельского на караблех останетца непроданых товаров, и с тех товаров заморских в прежних летех пошлин не имано и ныне имать опаснее, что в первое лето не всяк ведает, чтоб тем иноземцев заморских не отогнать от Архангельского города. А впредь у кого за меною и за продажею лишние товары будут, и с них взять пошлина, хотя он и не продаст, для того, что извычено было тайно отдавать в подряд русским людем.

76. Устав и заказ учинить, чтоб карабли к Архангельскому городу приходили по прежнему рано, чтоб всем торгам быти до Семеня дни, а после б Семеня дни никакого торгу не было, и про то русским людем и иноземцом ведомо учинить, понеже на великого государя товары покупают, и спустя доброе время и на дороге в реках замерзают и всякие питья портятца, и от того великие убытки чинятца, такж и карабли от того на море многие пропадают. А когда учинитца торг поранее, и таковых убытков напрасных не будет.

77. А которые иноземцы из-за моря кизылбаши, индейцы, бухаряне, армяне, кумыки, черкасы и астраханские жильцы, иноземцы ж всякие, поедут с товары своими к Москве и в иные городы, и с тех иноземцов имать с продажных их товаров пошлин по гривне с рубля в Астрахани проезжих. А будет он станет торговать в Астрахани, и с них имать пошлин по 10 денег с рубля.

78. А что они на Москве и в городех каких руских товаров на деньги купят, или на товары выменят и повезут с Москвы из городов, и с тех руских товаров имать пошлин проезжих по гривне ж с рубля в Астрахани, и против их записок у них в таях и в ящикех досматривать накрепко, чтоб лишних неявленых заповедных товаров не привозили и не вывозили. И что сыщетца

лишних и заповедных товаров, имать на великого государя без пощады. А пошлина им платить на Москве по прежнему, по 10 денег с рубля.

79. А золотых и ефимков им не покупать и руским людем под заповедью кизылбашем не продавать. А будет у них сыщут золотые и ефимки, имать на великого государя, потому что они многое золото и серебро из Московского государства вывозят.

80. Також и з гречан, и волхов, и с мутьян и с ыных иноземцов тамошних краев имать пошлин с товаров их по гривне с рубля, и досматривать потому ж накрепко, и лишние неявленные товары имать на великого государя.

81. А будет те гречаня станут торговать в Путивле на золотые и на ефимки, и с них пошлин не имать, торговать им беспошлинно. А золотые у них иматъ в государеву казну, и деньги им давать из государевы казны по рублю за золотой, а за ефимок по полтине.

82. А будет они в Путивле станут товары свои менять на руские товары, и с их греческих товаров имать по 10 денег с рубля, а с руских товаров имать пошлина с руских людей по прежнему государеву указу.

83. На Москве и в городех всех земель иноземцов никаких заморских товаров врознь не продавать, и по ярмонкам им ни в которые городы с товары своими и з деньгами не ездить и прикащиков не посылать.

84. А будет станут они, иноземцы, товары свои продавать врознь, или учнут ездить с товары и з деньгами по ярмонкам, и те товары и деньги имать на великого государя.

85. От города Архангельского и из Великого Новагорода и Пскова пропущать к Москве и в ыные городы тех иноземцов, у которых будут великого государя жалованные грамоты о торгах за красною печатью.

86. А товары их против росписей их пересмотрев и пошлины взяв против скаски, х кому товар везет по подряду, а у которых таких великого государя жалованных грамот о торгах не будет, и тех иноземцов к Москве и в

ыные городы и не пропущать, торговать им у города Архангельского и во Пскове.

87. А узорочные товары великого государя в казну и всякие заморские вина на обиход учнут подряжать у города, и покупать как великого государя казне прибыльнее и к покупке лутче, кому великий государь укажет, и посылать к Москве с рускими людьми, а не с ыноземцы, чтоб своевольные их к Москве приезды, для многих ссор, отставлены были.

88. Для многих волокит во всех приказех купецких людей пристойно ведать в одном пристойном приказе, где великий государь укажет своему государеву боярину, которой бы приказ был купецким людем во всех порубежных городех и в иных государствах о проездах обороною, и во всех городех от воевоцких налог купецким людем был защитою и управою.

89. И кому купетцким людем лучитца побити челом великому государю о своих обидах на кого ни есть, на всяких чинов людей, и чтоб всем купетцким людем давати суд и управа на тех людей в том же в одном приказе непременно, чтоб купетцким людем, волочась по многим приказом, промыслов своих не отбыть и чтоб всякой торговой промысел без волокит множился. И в том великого государя казне будет в пошлинах немалое пополнение.

90. Со всякие рыбы и с соболей на Москве и в городех имать по 10 денег с рубля за все мелкие статьи. Подужное, мыты, и сотое, и тритцатое, и десятое, свальное, и складки, и повороты, и статейные, и мостовое, и гостиное, и иные всякие мелкие статьи отставлены и положены в рублевую пошлину.

91. Подо всякие товары наймуютца у купетцких людей в ызвоз государевых дворцовых и монастырских сел и всяких чинов крестьяне, и дают в тех товарех в довозе и во всякой хитрости записи, и против тех записей многие извощики товаров не довозят и по городом крадут. И чтоб в тех недовозных товарех по записям давати суд и полную росправу на Москве

и по городом таможенным головам в таможнях на всех извощиков, кто чей ни будь, которые под товары наймоватца учнут, чтоб волочась за тем по розным приказом купетцким людем промыслов своих не отбыть.

92. А есть ли заморских питей в нынешнем во 175 году у города Архангельского или в Новегороде и во Пскове у иноземцов в привозе будет многое число себе на продажу, или по подряду русских людей привезут, не ведая нынешнего уставу и накладные пошлины на те питья, и для того против 51 статьи на всякую бочку и шкатулу, что там именовано, положить четвертая доля накладные цены. А хто захочет иноземсу в руские городы те питья вести, и с рубля в продаже платить по пяти ж алтын.

93. Да на Москве и в городех Великие Росии и в слободах, и в улицах, и в посадех, и в уездех всех чинов над беглыми людьми в приходе и в пристани прихожих новых людей великого государя царского величества воеводы и приказные люди остереганье имеют. А для всяких ремесленых людей и промышлеников во всяких торгех в чорных слободах сотцкие и десятцкие крепко бы все жилетцким людем заказ чинили, чтоб нихто приезжих и прихожих людей без объявки и без записки у себя не держал. А хто скажетца, каким ремеслом или торговым промыслом захочет кормитца, и в тот бы чин записался и дал от себя на год (поручную запись), а больши и меньши году, по росчету, по чему где уложено будет. Так же и товаров мимо извычайных рядов и лавок в порожжих местех нигде не продавали б, и тем бы ряды не оскужали и лавочные люди в убожестве не были б.

94. Да в порубежных же городех, как на больших ярманках у города Архангельского, так и в Новегороде, и во Пскове, и в Казани, и в Астрахани в приезде от кизылбаш, и от армян, и от греков в Путивле и из Литовские стороны в Смоленске головам и целовальником в летних и в зимних привозех у иноземцов роспрашивать и пересматривать в сундуках и в ларцах и в ящиках и в зепях жемчюгу и каменья неоплошно, чтоб ни что всяких узорочных вещей в утайке не было. И таковых от покупки и от мены на

русские товары беречись, так как и в ыных государствах берегут серебра, а излишние такие вещи покупать забороняют, и у простых нечиновных людей в ношении под заповедью отнимают, чтоб в убожество от того не приходили. Также и дорогие от шолку и от сукон поставов простые и ниских чинов людей не носили. И то задержать по указу великого государя от покупки простых людей накладною пошлиною большою и заповедью без пощады. А того берегут во всех же государствах, и от напрасного убожества своих людей хранят.

И ис сех статей, которые выше писаны, выписано на перечень и отдано разных государств торговым иноземцом для ведома.

Устав торговле в царствующем граде Москве и во всей Великой Росии в порубежных городех, чтоб иноземцы за море, и хто ж в свои городы о привозе Великие Росии в порубежные городы своих заморских товаров, также и к приему руских товаров вскоре для раннего приходу караблей писали

1. К городу Архангельскому придут карабли и пристанут,где есть обычай, и тое годовые службы московской гость с товарыщи спросит у корабельных хозяинов всему товару росписей, и то вскоре дано имеет быти до выгруживания ис карабля товаров. И учнут быть все заморские товары с росписьми и с записками, чтоб в прокраже ни у кого ничево не было. А с прямых и с непротаможенных товаров великого государя в казну пошлины имать золотыми и ефимками. Доброй Угорской золотой по рублю, а ефимок Любской по полтине.

2. А будет которые иноземцы привезут из-за моря золотые и ефимки, и с того им пошлин не платить. И на те золотые и ефимки купят каково товару, и те товары вести им в свою землю безпошлинно.

3. А чтоб на Москве и в городех иноземцы никаких товаров врознь не продавали. А будет учнуть врознь продавать, и те товары имать на великого государя. А иноземцом с ыноземцы никакими товары не торговать и не

менять, и русским приезжим людем не продавать и не менять же. А продавать товары в тех городех купецким людем того города, в коих они торговать станут, и у них також товары всякие покупать. И подрядов и записей иноземцом с приезжими людьми никаких не чинить, понеже в таможнях великого государя казне чинятца недоборы большие, а руским людем в торгех помешки и изнищение и убытки от того.

4. С вина и с ыных розных питей и с сахаров перед прежним пошлин имать с прибавкою: с беременных бочек алкана, бастры, малмазеи, мушкатели по штидесять ефимков з бочки, с беременной бочки романеи по сороку ефимков, с полубеременных бочек ренского по дватцати ефимков з бочки. Вино церковное возить доброе бес подмесу для церковных потреб, счетом бочек, и с того пошлин имать по прежнему, с анкера горелого вина француского по шти ефимков з бочки, с погребца с водки по шти ж ефимков, на пуд сахару головного по рублю, на красной леденец по сороку алтын, на белой и на иной деланой на пуд по полутора рубля.

5. А которые иноземцы розные питья похотят весть к Москве и в иные городы, и им за отдачею у города полные пошлины те питья вести в Русь. А в которых городех те питья будут в продаже, и с той продажи платить пошлина по пяти алтын с рубля.

6. А чтоб из-за моря карабли к Архангельскому городу приходили по прежнему рано, и исторговався от города за море пошли до Семеня дни, а после б Семеня дни никакого торгу не было по тому, что в поздых торгах и спустя доброе время чинятца великие убытки, также и карабли от того на море многие пропадают. А когда учинитца торг поране, и таких напрасных убытков не будет.

7. Да и то бы всех земель приезжие иноземцы ведали, для того в великом опасенье с товары к Москве их приезд быти имеет, и что в нынешних годех явные неправды в привозе худых товаров и в прокраже пошлин и в своевольных продажах и покупках мимо гостиных дворов у себя

на дворех втайне товары держали, так же и в порубежных городех мимо гостиных дворов от себя врознь всяким людем продавали, и тянутые сукна и поставы худые в долг русским людем давали, от чего руские люди в разоренье пришли и в промытах и в заповедех домов своих и животов отбыли. И те неправды, как в утайке мимо таможен товаров, так и худых поддельных, какие нигде не годятца, и в серебре в литом с медью и в пряденом золоте и серебре сыскано и обличено, и такие худые товары и в порубежных бы городех не были, не только к Москве возить. А во всех государствах того остерегают, и таких людей заказывают с худыми товары пущати, а за вину и животов своих по правам градцким отбывают, и того бы впредь в порубежных городех не было.

Дано ис Посольского приказу апреля в 22 день 175-го году.

И апреля ж в 24 день по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича (титул) таковы статьи списаны в лист александрейские бумаги по тетратному на оборот и отданы галанцов и анбурцов стряпчему иноземцу Григорью Николаеву. А велено ему те статьи галанцом и анбурцом, торговым иноземцом, объявить, чтоб они о торговле таков устав ведали и за море о том ведомость чинили, откуды в Российское государство заморские товары приходят.

А по имянному великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича (титул) указу в Посольском приказе боярин Афонасей Лаврентьевич Ордин-Нащокин, да думные дьяки Гарасим Дохтуров да Лукьян Голосов с товарыщи по челобитной заручной всех московских гостей и черных слобод и розных городов лутчих и середних торговых людей о торговом с ыноземцы устроении с ними говорили, и как великого государя казне пошлинной со всяких товаров без обид к большому збору, и от насильных и обманных иноземских товаров московским и в порубежных городех и во всей Великой России к обороне быти. А с чесными иноземцы с

пограничными соседи и з заморскими к совету и к пожиточным к лутчим торгом против всенародного челобитья промыслом быти.

У докладные выписки подлинные статьи, и с тех статей для ведома заморским иноземцом ведать устав учинили и приписьми рук совершили 175-го мая в 7 день.

С сего писма перевел Посольского приказу переводчик Андрей Виниус. А в переводе написано. С сего правого нового торгового устава список со всеми статьи яз, Григорей Николаев, из Посольского приказу принял и в том рукою своею росписался. Андрей Виниус руку приложил.

По листам подписи:

К сему торговому уставу гость Василей Шорин руку приложил.

К сему торговому уставу гость Федор Юрьев руку прило(жил).

К сему торговому уставу гость Матфей Антонов руку приложил.

К сему торговому уставу гость Семен Левашев руку приложил.

К сему торговому уставу гость Степан Горбов руку приложил.

К сему торговому уставу гость Семен Потапов руку приложил.

К сему торговому уставу гость Иван Худяков руку приложил.

К сему торговому уставу гость Алексей Суханов руку приложил.

К сему торговому уставу Иван Панкратьев руку приложил.

К сему торговому уставу гость Иван Климшин руку приложил.

К сему торговому уставу Кипреян Климшин руку приложил.

К сему торговому уставу гость Аверкей Кирилов, и вместо гостя Афонасья Федотова, по ево челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу суконной сотни Малюта Филимонов руку приложил.

К сему торговому уставу суконные сотни Якушко Лабознов руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Васелий Бельской, в отца место, руку приложил.

К сему торговому уставу гостиные сотни Осташко Кошун руку приложил.

К сему торговому уставу гостиной сотни Федор Климшин руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Богдан Андроников, и в место Садовые слободы старосты Ивана Жгуми, по ево челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу гостиной сотни Матюшка Могутов руку приложил. Дмитрей Парфеньев руку приложил.

К сему торговому уставу Яким Олисов руку приложил.

К сему торговому уставу Садовые слободы Володимер Воронин руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Спиридон Шапочников руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Петр Щеголин руку приложил.

К сему торговому уставу церкви великамученика христова Георгия, что в Ендове, поп Афанасей Никифоров, вместа торговых людей детей своих духовных, по их челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу Огородной слободы староста Сенка Федоров сын Чирев, и вместо тое ж Огородной слободы Ивана Михалева, по ево челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу Кодашевской слободы староста Гришка Шустов руку приложил.

К сему торговому уставу Огородной слободы Афонка Чирев руку приложил.

К сему торговому уставу Кадашевския слободы староста Сенко Григорьев руку приложил.

К сему торговому уставу гостиные сотни Андрюшка Лузин руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Ивашка Исаков руку приложил.

К сему торговому уставу гостиной сотни Василей Юдин руку приложил.

К сему торговому уставу суконной сотни Сенка Борин руку приложил.

К сему торговому уставу суконной сотни староста Куземка Борин руку приложил.

К сему торговому уставу Митька Алмазников руку приложил.

К сему торговому уставу кадашевец Галька Власов, в место Алексея Иванова сына Рагозина, и руку приложил.

К сему торговому уставу суконной сотни Василей Шиловцов руку приложил.

К сему уставу торговому Мясницкой полусотни Фетка Щепоткин руку приложил.

К сему торговому уставу кодашевец Иван Яковлев, и в место Филипа Савельева, руку приложил.

К сему торговому уставу суконныя сотни Юшка Чулаев (?) руку приложил. Еким Нечаев руку приложил.

К сему торговому уставу Голутвинной со(тни) Андрей Мядынцов, и в место Покровской с(лободы) Василья Никитина да Понкратьевской слободы старос(ты) Перфильева, по их веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу кадашевец Агейко Мартинов сын Ломтев, и в места кадашевца ж Семена Тимофеива, по иво веленью руку приложил.

К сему торговому уставу Стретенские сотни сотцкой Борис Лазарев, и в место Ноугородцкие сотни сотцкова Елизарья Ананьина, да Ординские сотни сотцкова Прокофья Федорова, да Воронцовские сотни старосты Сергия Иванова, да Устюжские полусотни сотцкова Екима Федорова, по их челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу кодашевец Кондратей Добрынин руку приложил.

К сему торговому уставу Новомининской слободы староста Левонтей Данилов, и в место Семеновской слободы старосты Кондратия Григорьева да Олексеевской слободы старосты Данила Сергеева, по их челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Павел Козмин руку приложил.

К сему торговому уставу Кузнецкие слободы староста Микифорка Васильев, и вместо Кажевницкаго старосты Конана Иванова и вместо Екатерининские слободы старосты Макара Иванова, по их веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу Семен Сверчков руку приложил.

К сему торговому уставу Огородные слободы Ивашко Исаев, и в место Ивана Ипатова тое ж слободы, по ево веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу Дмитровы сотни соцкой Фетка Осипов руку приложил.

К сему торговому уставу Зилка Погорелкин руку приложил.

К сему торговому уставу бараш Максимко Андреев, вместо Барашские слободы старосты Акинфея Петрова, по его веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу Гончарной слободы Куська Зиновьев, в места Гончарной слободы старосты Андрея Порфильева, по ево веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу Гончарной слободы теглец, вместа Басманныя слободы старосты Петра Иванова, по ево веленью, руку приложил.

К сему уставному торгу Покровские сотни Сенка Никитин сын, в место старосты Кошевные сыромятные слободы Алексея Яковлева, по ево веленью, руку приложил.

К сему уставному торгу Прховские сотни Данилко Иивлев руку приложил.

К сему торговому уставу Большой Конюшенной слободы староста Микитка Федов (Федоров?), и в место отчинной Конюшенной слободы старосты Акинфека Иванова, по ево веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу вологжан посацких людей мирской стряпчей Демка Масляников, и в место Гаврила Фетиева, руку приложил.

К сему торговому уставу вологжанин Ивашко Иванов руку приложил.

К сему торговому уставу новгородец посацкой человек Данилка Кирилов, и в место новгородца ж посацкого человека Степана Никифорова, по ево веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу вологжанин посацкой человек Якимко Епимахов, и в место Якова Васильева сына Кривощекова, по его веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу псковитин посацкой человек Андрюшка Блаксин, и в место псковитина посацкого человека Давыда Бахорова, руку приложил.

АНДРУСОВСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ[1]

Договор о перемирии на 13 лет и 6 месяцев между Государством Российским и Польским, учиненный на съезде в деревне Андрусове полномочными послами 30 января 1667 года

5. А которые городы и земли в сей прошлой войне от коруны Польской и Великого княжества Литовского завоеваны суть, и оставают во владении и в Державе его царского величества, се есть Смоленск со всею Северскою землею, с городами и с уездами, которые от того краю от Витебского и от Полоцкого и от Лифлянд, от Лютинского уездов до Смоленска, то есть Дорогобуж, белая Невль, Себеж, Красное, також и Велиж, хотя издавна до

[1] Источник текста: http://historydoc.edu.ru

Воеводства Витебского належащий с своими местами и с уездами, а с другого края, где есть Северские городы, около Чернигова все городы и земли, какими ни есть прозвищами и урочищами названные, оставатись имеют все в стороне его царского величества. <…>

11. Иные також все вязни от зачатия нынешней войны пойманные, так духовные, яко и мирские, шляхта и войсковые люди, старшие и молодшие и челядь разная всякого чину и полу и богомолия люди, также казаки Украинские, Татарове, под королевским величеством живущие, земляне и иные все служилые, хотя и в молодых летах будучие, так в коруне Польской, как и в Великом княжестве Литовском, в местностях, или в домах, или в бою, в замках, в местах, и где ни есть пойманные, хотя б ныне, в везенье были, или на службе его царского величества и у господ бояр заставали, хотя б там в государстве его царского величества с русскими особами поженились, или на веру русскую перекрестились, либо на дворах князей, во владении его царского величества будучих, или у мещан по городам в работе обреталися, также и жидов тех, которые в веру русскую не крестилися, всех с женами и с детьми и с животами их, никого не тая, и к заставанию не принуждаючи, доброю верою в сторону его королевского величества и Речи Посполитой взволить и выпустить его царское величество укажет; и которые б из них похотели в сторону его царского величества добровольно остаться, то им вольно иметь быть. А которые польского и литовского народа женский пол и жидовки вышли замуж за русских людей: и тем оставаться в сторону его царского величества при мужьях своих. <...>

18. И то постановили есмь, чтоб обои великие государи послали до хана Крымского и в своих грамотах сей утвержденный покой ему объявили, чтоб для соседства Хан Крымский с своими ордами был нашим великим государем в общей дружбе и в любительных ссылках, а от войны достаточно перестал, понеже великие государи наши уж меж собою в братской любви пребывают; а буде хан Крымской тем возгордит и в соседстве общим

приятелем быти не похочет, и войны своей достаточно не престанет, тогда так в Украйне, как и в Киеве, и в Запорогах, и в иных Украйных городех, по обоим сторонам реки Днепра обои войска, так коруны Польския и Великого княжества Литовского, как и государства его царского величества Московского, с Украйными тамошними людьми против Орды и хановых сил всегда готовы быти имеют и отпор давати, как общему неприятелю будут также и в Запорогах к на Дону спомочной и оборонной промысл над бусурманы не престанет. <…>

КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ[1]

«Список с челобитные, какова подана в 7185 [1677] году Калязина монастыря от крылошан на архимандрита Гавриила в его неисправном житии слово в слово преосвященному Симеону архиепископу Тверскому и Кашинскому

Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому бьют челом богомольцы твои, Колязина монастыря крылошаня, черной дьякон Дамаско с товарыщами.

Жалоба, государь, нам, богомольцам твоим, того же Колязина монастыря, на архимарита Гавриила. Живет он, архимарит, не гораздо, забыл страх Божий и иноческое обещание и досаждает нам, богомольцам твоим. Научил он, архимарит, понамарей плутов в колокола не во время звонить и в доски колотить, и оне, плуты понамари, ис колокол меди много вызвонили и железные языки перебили, и три доски исколотили, шесть колокол розбили, в день и ночью нам, богомольцом твоим, покою нет.

Да он же, архимарит, приказал старцу Уару в полночь з дубиною по кельям ходить, в двери колотить, нашу братью будить, велит часто к церкве

[1] Цит. по: Калязинская челобитная // Русская повесть XVII в. / Сост. М. О. Скрипиль. — Л., 1954.

ходить. А мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра ходя, правило говорим, не успеть нам, богомольцам твоим, келейного правила исправить, из ведра пива испорознить, не то, что к церкве часто ходить и в книги говорить. А как он, архимарит, старца к нам присылает, и мы, богомольцы твои, то все покидаем, ис келей вон выбегаем.

Да он же, архимарит, монастырскую казну не бережет, ладану да свечь много прижог. А монастырские слуги, теша обычай архимаричей, на уголье сожгли четыре овина. И он, архимарит, во уголье ладан насыпает и по церкви иконы кадит, и тем он иконы запылил и кадило закоптил, и нам, богомольцам твоим, от того очи выело, горло засадило.

Да он же, архимарит, приказал в воротах с шелепом стоять кривому старцу Фалалею, нас, богомольцев твоих, за ворота не пустить, и в слободу не велит сходить, и скотья двора присмотрить, чтоб телят в хлев загнать и кур в подполье посажать, благословение коровнице подать.

Да он же, архимарит, приехав в Колязин, почал монастырской чин разорять, пьяных старых всех разганял, и чють он, архимарит, монастырь не запустошил: некому впредь заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на достальные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных. И про то, государь, разорение известно стало на Москве началным людям, и скоро по всем монастырем и кружалом смотр учинили, и после смотру лучших бражников сыскали — стараго подьячего Сулима да с Покровки без грамоты попа Колотилу, и в Колязин монастырь для образца их наскоро послали, и начальныя люди им приказали, чтобы они делом не плошали, а лучшия бы ковтаны с плечь сложили, а монастырского бы чину не теряли, а ремесла своего не скрывали, иных бы пить научили и нашу бы братью, крылошан, с любовию в монаст[ы]рь к себе приимали, и едину б мысль смышляли: как бы казне прибыль учинить, а себе в мошну не копить и рубашки б с себя пропить, потому что легче будет ходить. А если бы нам,

богомольцам твоим, власти не мешали и волю бы нам подали, и мы б колокола отвязали да в Кашин на вино променяли: лутче бы спать не мешали.

Да он же, архимарит, проторно живет, в праздник и в будень нашу братью кует. Да он же об нас батоги приламал и шелепы пирвал, и тем казне поруху учинил, а себе он корысти не учинил.

Да в прошлом, государь, годе весна была красна, пенка росла толста. И мы, богомольцы твои, радев дому святому, меж собою присоветовали, что ис тое пенки свить веревки долги да толсты, чем ис погребов ночью бочки с пивом волочить да по крылоским кельям возить, а у келей бы двери завалить, чтоб будильника не пустить, не мешали б нам пива пить, а к церкве б нам не ходить. А как мы пиво допьем, так и к церкве скоро пойдем. И он, архимарит, догадался, нашего челобитья убоялся, приказал пенку в веревки свивать да вчетверо загибать, да на короткие палки навязать, а велел их шелепами называть, а слугам приказал высоко подымать, а на нас, богомольцев твоих, тежело опущать, а сам, стоя, конархает и нам, богомольцам твоим, лежа, и кричать не поспеть, потому что за плечми телу нужно, а под шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, от тое его, архимаритовы, налоги поневоле в церковь ходим и по книгам чтем и поем. И за то он нам ясти не дает, а заутреню и обедню не едчи поем, и от тое мы изморы скоро помрем.

Да он же, архимарит, великой пост вновь завел земныя поклоны, а в наших крылоских уставах того не написано. Написано сице: по утру рано, за три часа до дни, в чесноковик звонить, за старыми остатки «часы» говорит, а «блаженна» ведре над вчерашним пивом, на шесть ковшов, «слава и ныне», до свету на печь спать.

Да он же, архимарит, нам, богомольцам твоим, изгоню чинит: когда ясти прикажет, а на стол поставят репу пареную да ретку вяленую, кисель з братом да посконная каша на вязовой лошке, шти мартовские, а в братины квас надевают да на стол поставляют. А нам, богомольцам твоим, и так не сладко: ретка да хрен, да чашник старец Ефрем. По нашему слову ходил,

лучши бы было для постных же дней вязига да икра, белая рыбица, телное да две паровые, тиошка б во штях да ушка стерляжья, трои бы пироги да двои блины, одне бы с маслом, а другие с медом, пшонная бы каша да кисель с патокою, да пиво б подделное мартовское, да переварной бы мед. И у него, архимарита, на то и смыслу нет: у нас, знающих людей, не спросится, сам во нраве своем один живет, а з горя один хлеб жует, весь мед перекис, а сам воду пьет. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что у нашего архимарита вдруг ума не стало: мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем. И мы, богомольцы твои, архимариту говорили и добра доводили, и к пиву приводили, и часто ему говорили: будет, архимарит, хочешь у нас в Колязине подоле побыть и с нами, крылошаны, в совете пожить, и себе большую честь получить, и ты б почаще пива варил да святую братию почаще поил, пореже бы в церковь ходил, а нас бы не томил. И он, архимарит, родом ростовец, а нравом поморец, умомо колмогорец, на хлеб на соль каргополец, нас, богомольцев твоих, ни в чем не слушает, а сам не смыслит, мало с нами пьет да долго нас бьет, а с похмелья нас оправливает метиолными комлями да ременными плетями, и та нам у него была честь ведра во всю спину ровна, и кожа с плечь сползла.

А коли мы, богомольцы твои, за правилом к вечеру утрудимся, до полуночи у пивного ведра засидимся и на утро встать не можем, где клобук с мантиею, не вспомним, и тогда мы немножко умедлим и к девятой песни поспеем, а иные к росходному началу. И он, архимарит, монашескому житию не навычен, крылоское правило и всенощное пиво ни во что вменяет, за то нас не смысля, крепко смиряет. А Колязина обитель немалая: после мору осталося старых лет запасов по подлавечью в хлебне — стулья да чепи, в мукосейне — по спицам шелепы да плети да сита частыя, в караулне, под лавки — снопы батогов, в кузнице по грядкам — кандалы да замки. У нас, богомольцев твоих, от слез очи мятутся, а за плечами кожи вертятся, и ночью не спится. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что он, архимарит, по се

время в Колязине живет, а по нашему пить не учится, а нашу братью бить горазд. Не лучше ли ему плыть от нас: на его место у нас много будет охочих великого смыслу. И на пусте жить не станем, и в анбаре простору прибавим: рожь да ячмень в солоды обростим да пива наварим, брашки насидим, а чево не станет, и мы вина накупим, учнем крестьяны нарежать колокола отвязать, и велим в Кашин провозжать да на вино променять, а так они ж нам много зла учинили, от пива отлучили и нищими всех нарядили. <…>Милостивый великий господин преосвященный Семион, архиепископ Тверской и Кашинский, пожалуй нас, богомольцев своих; вели, государь, архимарита счесть в колоколах да в чепях весом, что он ис колокол много меди иззвонил и с чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомольцев твоих, а в уголье мерою, колоты да доски числом, и в той утерной казне отчот дать и свой милостивой указ учинить, чтоб наши виновати не были, потому что ему, архимариту, безчестье немалое, а платить нам нечем: крылоские люди живут небогато, а нажитку у себя имеют только лошка да плошка. А буде ему, архимариту, впредь мы надобны не будем, и мы, богомольцы твои, ударим об угол плошку да покладем в мешок лошки, да возмем в руки посошки, пойдем из монастыря по дорожке в ыной монастырь, где вино да пиво найдем, тут и жить начнем, пиво да вино допьем, и в иной монастырь пойдем и поживем по разсмотрению с похмелья да с тоски да с третьей брани и великия кручины; в Калязин монастырь зайдем погулять в житницах и в погребах и во всех монастырских службах в правду совершенно до смерти, буде есть у чего быть, по-прежнему в Колязине монастыре жить неотходно начнем.

Смилуйся, пожалуй!

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ[1]

В 7150 (1641) году октября в двадцать восьмой день приехали к государю царю и великому князю всея Руси Михаилу Феодоровичу на Москву с Дона из Азова-города донские казаки: атаман казачий Наум Васильев да есаул Федор Иванов[2]. А с ними казаков двадцать четыре человека, которые сидели в Азове-городе от турок в осаде. И сидению своему осадному привезли они описание. А в том описании пишется.

В прошлом, пишут, 149 году июня в 24 день[3] прислал султан Ибрагим, турецкий царь, против нас, казаков, четырех пашей своих с двумя полковниками, Капитоном да Мустафой, да из ближайших советников своих при дворе слугу своего, Ибрагима-евнуха, над теми пашами вместо него, царя, надсматривать за делами их и действиями, как они, паши его и полковники, станут действовать под Азовом-городом. А с теми пашами прислал он против нас обильную рать басурманскую, им собранную, совокупив против нас из подданных своих от двенадцати земель воинских людей, из своих постоянных войск. По переписи боевых людей — двести тысяч, кроме поморян и кафинцев, черных мужиков[4], которые по сю сторону моря собраны повсюду из крымской и ногайской орды[5], на наше погребение.

---

[1] Цит. по: Воинские повести Древней Руси. — Л., 1985.

[2] Наум Васильев руководил обороной Азова и возглавлял казачье посольство в Москву; есаул Федор Иванов Порошин — предполагаемый автор повести.

[3] Осада Азова и приезд казачьего посольства в Москву происходили в одном и том же — 1641 г., но по летосчислению XVII в. новый, 7150 (1642) год начался с первого сентября.

[4] Т. е. подданных турецкого султана, живших по берегам Черного моря и в Кафе (Феодосии); «черными» назывались люди, жившие на государственной земле (не крепостные)

[5] Ногаи — тюркская народность; часть ногаев находилась в подчинении у крымского хана.

Чтобы им живыми нас погрести, чтоб засыпать им нас горою высокою, как погребают они людей персидских[1]. И чтобы всем им через ту погибель нашу получить славу вечную, и нам от того была бы укоризна вечная. А тех черных мужиков собраны против нас многие тысячи, и нет им ни числа, ни счета. Да к ним же после пришел крымский царь, да брат его народым царевич Крым-Гирей[2] со всею своею ордою крымскою и ногайскою. Крымских и ногайских князей, и мурз, и татар по переписи, кроме охочих людей, было 40 000. Да еще с тем царем пришло горских князей и черкесов из Кабарды 10 000. Да были еще у тех пашей наемные люди, два немецких полковника, а с ними солдат 6000. И еще были с теми же пашами для всяческого против нас измышления многие немецкие люди, ведающие взятие городов, и всякие воинские хитрости по подкопам и приступам, и снаряжение ядер, огнем начиняемых, — из многих государств: из греческих земель, из Венеции великой, шведские и французские петардщики. Тяжелых орудий было с пашами под Азовом 129 пушек. Ядра были у них великие — в пуд, и в полтора, и в два пуда. Да из малых орудий было у них всего 674 пушки и тюфяка, кроме пушек огнеметных, а этих было 32. А все орудия были у них цепями прикованы, из страха, как бы мы, вылазку совершив, их не взяли. И были с пашами турецкими против нас люди из разных земель, что под властью его, султана: во-первых, турки; во-вторых, крымцы; в-третьих, греки; в-четвертых, сербы; в-пятых, арапы; в-шестых, мадьяры; в-седьмых, буданы[3]; в-восьмых, босняки; в-девятых, арнауты; в-десятых, волохи[4]; в-одиннадцатых — молдаване; в-двенадцатых, черкесы; в-тринадцатых, немцы. А всего с пашами и с крымским царем было по спискам

[1] Имеются в виду земляные валы, сооружавшиеся турками возле стен осаждаемых крепостей во время войны с Ираном (Персией).

[2] Брат крымского хана Бегадыра Герая.

[3] Буданы — мадьярское племя; арнауты — албанцы.

[4] Волохи — жители придунайского княжества Валахии.

их набранных ратных людей, кроме выдумщиков-немцев, черных мужиков и охочих людей, 256 000 человек.

И собирался на нас и думал за морем турецкий царь ровно четыре года[1]. А на пятый год он пашей своих к нам под Азов прислал.

Июня в 24 день еще до полудня пришли к нам паши его и крымский царь, и обступили нас турецкие силы великие. Наши чистые поля ордою ногайскою все усеяны. Где была у нас прежде степь чистая, там в одночасье стали перед нами их люди многие, что непроходимые великие леса темные. От той силы турецкой и от скакания конского земля у нас под Азовом погнулась и из Дона-реки вода на берег волны выплеснула, оставила берега свои, как в половодье. Начали турки по полям у нас ставить шатры свои турецкие, и палатки многие, и наметы высокие, словно горы страшные забелелись вокруг. Началась тогда у них в полках игра долгая в трубы многие, великие, поднялся вопль великий, диковинный, голосами их страшными, басурманскими. После того началась в полках их стрельба из мушкетов и пушек великая. Как есть страшная гроза небесная — и молнии и гром страшный, будто с небес от господа! От стрельбы той их огненной до небес стоял огонь и дым. Все укрепления наши в городе потряслись от той огненной стрельбы, и солнце в тот день померкло и в кровь окрасилось.<…>

В тот же день, как пришли турки к нам под город, к вечеру прислали к нам турецкие паши переводчиков своих басурманских, персидских и греческих. А с толмачами прислали с нами разговаривать старшего из янычарских пехотных полковников. Обратился к нам их полковник янычарский со словом от царя своего турецкого, от четырех пашей его и от царя крымского, стал говорить речью гладкою: “О люди божий, слуги царя небесного, никем по пустыням не руководимые, никем не посланные! Как орлы парящие, без страха вы по воздуху летаете; как львы свирепые, по

[1] Казаки захватили Азов в 1637 г., но война с Персией (Ираном) и смерть султана задержали ответные действия турок.

пустыням блуждая, рыкаете! Казачество донское и волжское свирепое! Соседи наши ближние! Нравом непостоянные, лукавые! <…> Прогневали вы его величество султана Мурата, царя турецкого[1]. Убили вы у него слугу его верного, посла турецкого Фому Кантакузина[2], перебили вы всех армян и греков, что были с ним.<…> Не перелетит через силу нашу турецкую никакая птица парящая: все от страху, смотря на людей наших, на сил наших множество, валятся с высоты на землю! И о том даем вам, ворам, знать, что не будет вам от Московского сильного царства вашего людьми русскими никакой ни помощи, ни выручки.<…>

Ответ наш казачий из Азова-города толмачам и полковнику янычарскому:

«Видим всех вас и до сей поры всё ведаем о вас, все силы, все угрозы царя турецкого известны нам. Переведываемся мы с вами, турками, часто на море и за морем, на сухом пути. Знакомы уж нам ваши силы турецкие. Ждали мы вас в гости к себе под Азов дни многие. <…> И куда ваш Ибрагим, турецкий царь, весь свой ум девал? Иль не стало у него, царя, за морем серебра и золота, что прислал он к нам, казакам, ради кровавых казачьих зипунов наших[3] четырех пашей своих, а с ними, сказывают, прислал еще на нас рать свою турецкую — 300 000. <…> А мы у вас взяли Азов-город по своей казачьей воле, а не по государеву повелению, ради казачьих зипунов своих и за ваши высокомерные лютые помыслы. За то на нас, холопов своих дальних, государь крепко обижен. Боимся от него, государя царя, за то взятие азовское себе наказания смертного.<…>»

---

[1] Азов был захвачен казаками в период правления султана Мурата IV.

[2] В 1637 г. казаки убили турецкого посла в Москву Фому Кантакузина, заподозрив его в попытке связаться с осажденным Азовом.

[3] Зипун — название казачьей одежды и одновременно — добычи, трофеев.

А всего было от турок к нам под город Азов 24 приступа всею их силою. Но после первого большого приступа таких жестоких и смелых больше уж не было. <…>

А всего сидели мы в Азове в осаде от турок с 24 июня 149 года до 26 сентября 150 года, 93 дня и 93 ночи. А в ночь на 26 день сентября турецкие паши со всеми турками и крымский царь со всеми своими силами за четыре часа до свету побежали, окаянные, в смятении и трепете, от Азова-города, никем из нас не гонимые. С вечным позором ушли паши турецкие к себе за море, а крымский царь пошел в орду к себе, черкесы же в Кабарду свою, ногайцы пошли в улусы свои. И мы, казаки, как услышали об их отступлении, напали на их таборы тысячею человек. И взяли мы у них в таборах тогда языков, турок и татар живыми, четыреста человек, а больных и раненых застали мы с две тысячи. <…>

В нынешнем же 7150 году, по прошению и посольству царя турецкого Ибрагима-султана, государь царь и великий князь Михайло Феодорович пожаловал его, царя турецкого Ибрагима-султана, и велел донским атаманам и казакам Азов-город покинуть.

«ВЕСТИ-КУРАНТЫ»

В галанской земле рыбники видели чудо в море - голова у него человеческая, да ус долгой, а борода широкая. Чудо под судно унырнуло и опять вынырнуло. Рыбники побежали на корму и хотели его ухватить, и он опрокинулся. И они видели у него туловище, что у рака, а хвост у него широк <…>

Государю царю... Алексею Михайловичу холопи твои Ивашко Репнин, Сенька Углецкой челом бьем. В нынешнем в 1664 году августа 29 сказывал нам, холопам твоим, переводчик Лазарь Циммерманов, прислал де к нему, к Лазарю, изо Пскова переводчик Ефим Рентуров куранты о вестях, и мы холопи твои велели те куранты ему перевести, а по переводу те куранты

печатаны в Прусской и в Амбургской землях, и те куранты и с них перевод, запечатав твоею, великого государя новгородскою печатью, послали к тебе, великому государю, к Москве мы холопи твои с новгородским стрельцом с Яшкой Савельевым того же числа. А на Москве, государь, велели мы, холопи твои, ему, Яшке, явиться и отписку и куранты и перевод подать в Посольском приказе дьякам думным Лариону Лопухину со товарищи.[1]

СОЧИНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ О РОССИИ XVII-XVIII ВВ. (СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН, ДЖОН ФЛЕТЧЕР, ИСААК МААСА, АДАМ ОЛЕАРИЙ)

Религия русских. Первая половина XVI в. Глава из «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна[2]. 1520—1540-е гг.

С самого начала и до сего дня русские пребывают в христианской вере греческого исповедания. Их митрополит имел некогда местопребывание в Киеве, потом во Владимире, а ныне — в Москве[3]. Первоначально митрополиты каждые семь лет посещали Руссию, подчиненную власти литовцев, и, собрав деньги, возвращались. Но Витольд не пожелал допускать, чтобы его земли подвергались денежному истощению. Поэтому, созвав епископов, он поставил особого митрополита, который ныне имеет местопребывание в Вильне, столице Литвы, которая хотя и следует римскому исповеданию, однако в ней заметно больше храмов русского, чем римского

[1] Цит. по: Глухов А.Г. Первая столичная газета / А. Глухов // БИБЛИОТЕКА. — [Б. м.]. — 1997. — № 9

[2] Цит. по: Записки о Московии. — М., 1988

[3] В 1299 г. митрополичья кафедра была перенесена из Киева во Владимир (при митрополите Максиме). Начиная с Петра, в конце первой четверти XIV в. русские митрополиты обосновываются в Москве.

обряда[1]. Но и русские митрополиты получают поставление от патриарха Константинопольского[2] <…>

Некогда митрополиты, равно как и архиепископы, избирались на соборе всех архиепископов, епископов, архимандритов и игумнов монастырей. Изыскивали по монастырям и пустыням мужа наиболее святой жизни и избирали его. (Нынешний же государь, как говорят, обыкновенно призывает к себе определенных лиц и из их числа выбирает одного по своему усмотрению.) В то время как я исполнял свои обязанности посла цесаря Максимилиана в Московии, митрополитом был Варфоломей[3], муж святой жизни. Когда государь нарушил клятву, данную им и митрополитом герцогу Шемячичу, а также совершил и другое, ущемлявшее, по-видимому, власть митрополита, то этот последний явился к государю и сказал ему: «Раз ты присвояешь всю власть себе, я не могу отправлять своей должности». При этом он протянул ему посох, наподобие креста, который нес с собой, и отказался от своей должности. Государь немедленно принял и посох, и отказ от должности и, заковав несчастного в цепи, тотчас отправил его на Белоозеро. Говорят, он находился там некоторое время в оковах, но впоследствии был освобожден и провел остаток своих дней в монастыре простым монахом.

---

[1] По настоянию вел. кн. литовского Витовта в ноябре 1415 г. собором епископов в Вильнюсе митрополитом киевским был поставлен Григорий Цамблак. Тем самым было положено начало разделения митрополий на западно-русскую и московскую

[2] Последним митрополитом Руси, поставленным в Константинополе, был грек Исидор (1436). Исидор скрепил своей подписью Флорентийскую унию 1439 г. Но вел. кн. московский Василий Темный не признал унии, Исидор был заточен в темницу, откуда затем бежал в ВКЛ. Русская церковь в 1448 г. объявила о своей автокефалии (самостоятельности, независимости) от власти константинопольского патриарха; с этого года русские митрополиты ставились в Москве.

[3] Имеется в виду московский митрополит Варлаам (1511—1521), поставленный на кафедру из архимандритов московского Симонова монастыря (1506—1511)

О государстве Русском. Д. Флетчер[1]. 1591

Глава вторая

О почве и климате

Почва в России большею частью песчана, но весьма разнообразна для земных произведений. В северной части к пристани св. Николая[18] и Коле и в северо-восточной к Сибири вся земля, по самому климату и чрезвычайной стуже, зимой бесплодна и покрыта непроходимыми лесами. Пространство вдоль реки Волги, между царствами Казанским и Астраханским (где, однако, почва весьма плодородна), также не заселено, за исключением той части на Волге по западному берегу, где царь имеет несколько крепостей с пограничной стражей. Причиной тому крымские татары, которые сами не строят городов для житья (ибо ведут дикую и кочевую жизнь) и не позволяют русским (коих военная сила весьма отдалена) населять эти страны. От Вологды, лежащей почти в 1700 верстах от пристани св. Николая до Москвы, и далее на юг (к границе Крыма) пространство одинаковое, вмещающее в себе также 1700 верст или около того, почва весьма плодородная и страна приятная: в ней много пастбищ, хлебородных полей, леса и воды в большом изобилии. То же должно сказать о пространстве между Рязанью (лежащей на юго-востоке от Москвы) и Новгородом и самой отдаленной частью Пскова, на северо-запад. Между Москвой и Смоленском (на юго-запад к Литве) почва также весьма плодородна и местоположение приятное. <…>

Различные времена года здесь все изменяют, и нельзя не удивляться, смотря на Россию зимой и летом. Зимой все бывает покрыто снегом, который идет беспрестанно и выпадает иногда на один или два ярда; такой снег

[1] Цит. по: Флетчер Д. О государстве русском. — СПб., 1906.

больше бывает на севере. Реки и другие воды замерзают на один ярд или более в толщину, как бы ни были быстры или широки. Зима продолжается обыкновенно пять месяцев, именно, от начала ноября и до конца марта, когда снег начинает уже таять. От одного взгляда на зиму в России можно почувствовать холод. В это время морозы бывают так велики, что вода, выливаемая по каплям или вдруг, превращается в лед, не достигнув еще земли <…>

И. Масса об убийстве царевича Дмитрия в Угличе[1]. Ок. 1611

Борис советуется со своими друзьями о том, как бы вступить на престол и извести Дмитрия

Когда все успокоились, Борис приступил к осуществлению своего намерения, совещаясь со своими друзьями и родственниками, которых было до 70 домов, а именно: Годуновы, над которыми Борис был главою, хотя некоторые из них были старше его, Вельяминовы (Velieminoven) и Сабуровы (Soboroven) — два рода, прозванные так; с ними он каждодневно советовался, как достичь короны; прежде же всего необходимо было избавиться от юного царевича Дмитрия, ибо весьма опасались, что удобное время упущено, ибо Дмитрию было десять лет и по своему возрасту он был очень умен, часто говоря: «Плохой какой царь, мой брат. Он не способен управлять таким царством», и нередко спрашивал, что за человек Борис Годунов, державший в своих руках все управление государством, говоря при этом: «Я сам хочу ехать в Москву, хочу видеть, как там идут дела, ибо предвижу дурной конец, если будут столь доверять недостойным дворянам, поэтому надо позаботиться заблаговременно».

Эти и им подобные речи были передаваемы Борису и его приверженцам, опасавшимся, что если они вовремя не осуществят своего

[1] Цит. по: И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.

намерения, то сами попадут в западню, приготовленную для других. Поэтому они и решились на измену.

При царевиче Дмитрии безотлучно находился дьяк Михаил Михайлович Битяговский (Petoegoffsci), которого царевич считал своим лучшим другом; его подкупили извести Дмитрия, на что он согласился и поручил совершить убийство своему сыну Даниилу Битяговскому, у которого был товарищ, Никита Качалов (Micita Catsaloff); оба они сперва были в Москве у Бориса, который обещал их обеспечить и поручить им важные должности; причастившись и получив от Борисова священника благословение и полное отпущение грехов, они поехали в Углич с письмом от Бориса Годунова к отцу [Битяговского].

Предательское убиение Дмитрия

Отец, хорошо зная, что следует делать, в тот день приказал сыну своему Даниилу вместе с Никитою спрятаться на дворе, полагая, что в тот же день и должно совершиться; и после обеда дьяк предложил двум или трем молодым дворянам устроить игру в орехи, в которой, по его словам, желал принять участие Дмитрий; и дьяк в положенный час, когда он знал, что игра в самом разгаре, разослал всех с различными поручениями, а сам, дабы отклонить от себя всякое подозрение народа, отправился в канцелярию заниматься своими делами в присутствии большой толпы народа, собравшегося для решения тяжебных дел. И тем временем, в самый разгар игры, двое помянутых убийц перерезали царевичу горло, от сильного смущения забыв умертвить других детей, [и] тотчас бежали; они успели ускакать на лошадях, заранее для них приготовленных[1].

Как только это свершилось, молодые дворяне подняли на дворе сильный вопль. И известие тотчас дошло до канцелярии, а потом распространилось по всему городу. Каждый кричал: «Разбой, извели царя!»

[1] По следственному делу, Дмитрий погиб от несчастного случая. Иностранцы и русские источники, вышедшие из лагеря Шуйских, дают версию о убийстве Дмитрия

И многие вскочили на лошадей и сами не знали, что предпринять; другие бросились на двор, схватили здесь всех: и дворян и недворян и заточили до той поры, пока Москва не узнает об убийстве; между тем во время ужасного смятения многие были умерщвлены.

Когда это известие пришло в Москву, сильное смущение овладело и народом и придворными и царь был в таком испуге, что желал смерти; его утешали, как только могли; царица также была глубоко огорчена и желала удалиться в монастырь, ибо подозревала, что убийство совершилось по наущению ее брата, жаждавшего управлять царством и владеть короною; но она молчала и все, что слышала, таила в сердце, никому ничего не сообщая.

Сверх того опасались смуты и сильного волнения в Москве, но присутствие царя удержало от того, однако тайно шептали, что все устроено Годуновыми, которых очень боялись, ибо число их приверженцев было весьма велико, и Годуновы страшились, что все будет раскрыто и что розыск будет произведен весьма тщательно; но Борис с чрезвычайной ловкостью сумел так подействовать на царя, что тот поручил ему произвести розыск, и Борис принял это поручение.

Тогда можно было справедливо сказать: овцу поручили волку, но Борис так произвел розыск, что всех, бывших при дворе царевича, схватили как изменников и все они подверглись царской опале и были отправлены в ссылку в Устюг, город на реке Двине[1], в двухстах милях от Москвы, где они провели долгое время в тяжких бедствиях; некоторых, навлекших па себя подозрение, казнили; так совершенно невинно погибли многие добрые люди с женами и детьми.

Похороны царевича

[1] Великий Устюг — город в Вологодских землях. Расположен на левом берегу реки Сухоны против впадения в нее реки Юг.

Из Москвы послали знатного боярина Василия Ивановича Шуйского (Solscy) и боярина, или господина, Андрея Клешнина (Clesnin) присутствовать при погребении; они осмотрели тело царевича, которого хорошо знали, и собственноручно положили его во гроб в присутствии старой царицы, его матери, вдовы покойного тирана. И так похоронили царевича в том городе Угличе, с великим воем и плачем, по их обычаю.

Затем старая царица Марфа заключена была в монастырь, все оставшиеся в живых ее родственники из рода Нагих были, как уже сказано, сосланы. По всей стране было много толков среди знатных людей, которые не осмеливались действовать против Годуновых, пока царь жил с царицею, сестрою Годунова; но простой народ, купцы и другие простые люди толковали между собой о Годуновых, говоря втайне, что они изменники и стремятся овладеть царским венцом, поэтому Борис употреблял всевозможные средства для того, чтобы отвести от себя эти толки.

Нравы и быт русского народа. Извлечение из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию…»[1]. Середина 1630-х — первая половина 1640-х гг.

Книга III, глава 6

О природе русских, их душевных качествах и нравах

Когда наблюдаешь русских в отношении их душевных качеств, нравов и образа жизни, то их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам. И так нельзя сказать о них, как в старину говорилось о греках (правда, они хвастаются приходом к ним греков и заимствованиями у этих последних, но, на самом деле, они не имеют от них ни языка, ни искусства), а именно, что они одни — люди умные и с тонким пониманием, а все остальные — негреки — варвары. Русские вовсе не любят свободных искусств и высоких наук и не

[1] Цит. по: Олеарий А. Описание путешествия в Московию. — М., 2003.

имеют никакой охоты заниматься ими. А ведь, между тем, сказано: “Доброе обучение искусствам смягчает нравы и не дает одичать”. Поэтому они остаются невеждами и грубыми людьми.

Большинство русских дают грубые и невежественные отзывы о высоких, им неизвестных, натуральных науках и искусствах в тех случаях, когда они встречают иностранцев, имеющих подобные познания. Так, они, например, астрономию и астрологию считали за волшебную науку. Они полагают, что имеется что-то нечистое в знании и предсказании наперед солнечных и лунных затмений, равно как и действий светил. Поэтому, когда мы вернулись из Персии, и в Москве стало известно, что великий князь назначает и принимает меня в свои астрономы, то некоторые из них стали так говорить: “Вскоре вернется в Москву находившийся в составе голштинского посольства волшебник, умеющий по звездам предсказывать будущее”. Вследствие этого люди уже почувствовали ко мне отвращение, и я, узнав о нем, между прочим, по этой причине и воздержался принять приглашение.

Впрочем, московитам не столь интересно было, пожалуй, иметь меня в качестве астронома: скорее всего, хотели они меня удержать в стране потому, что им стало известно о начерченных мною и нанесенных на карту реке Волге и персидских провинциях, через которые мы проехали.

РАЗДЕЛ III. РОССИЯ В КОНЦЕ XVII-XVIII В.: ОТ ЦАРСТВА К ИМПЕРИИ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТ[1]

Понеже его царское величество, всемилостивейший наш государь, по примерам других христианских областей, всемилостивейшее намерение восприяти изволил, ради порядочнаго управления государственных своих дел, и исправного определения и исчисления своих приходов, и поправления полезной юстиции и полиции (то есть в расправе судной и гражданстве), такожде ради возможного охранения своих верных подданных, и содержания своих морских и сухопутных войск в добром состоянии, також коммерций, художеств и мануфактур, и доброго учреждения своих морских и земских пошлин, и ради умножения и приращения рудокопных заводов и прочих государственных нужд, следующие к тому потребные и надлежащие государственные коллегии учредит. А именно: иностранных дел, камор, юстиц, ревизион, воинская, адмиралтейская, коммерц, штатс-контор, берг и мануфактур-коллегии.

[1] Цит. по: Реформы Петра I. Сборник документов / Сост. В.И. Лебедев. — М., 1937.

И во оных президентов, вице-президентов и прочих принадлежащих к тому членов и канцелярных и конторных служителей, а более из своих собственных подданных определить, такожде и потребные канцелярии и конторы при том же учредить. Того ради его царское величество запотребно рассудить изволил, всем в вышеписанных государственных коллегиях обретающимся вышним и нижним служителям обще, и каждому особо, сим генеральным регламентом в известие, и вместо генеральной инструкции (наказа) всемилостивейшее свое повеление в нижеписанных главах объявить.

Глава I. О присяжной должности

Государственных коллегий члены, також и прочие чины гражданские обще, и каждый особо имеют, паче всего его царскому величеству, и ея величеству государыне царице, и высоким наследникам, верные, честные и добрые люди и слуги быть, пользу и благополучие их всяким образом и по всей возможности искать и споспешествовать, убыток, вред и опасность отвращать, и благовременно о том объявлять, како сие честным людям и подданным его царского .величества пристойно и принадлежит, и они в том пред богом и его величеством собственною своею совестию и пред всем честным светом ответ дать могут. Чего для каждый, высокий и нижний служитель, особливо как письменно, так и словесно, в том присягою обязатися имеет сицевым образом.

Аз нижеименованный обещаюся и клянуся всемогущим богом, пред святым его евангелием. Что хощу, и должен своему природному и истинному государю, всепресветлейшему и державнейшему Петру Великому, царю и самодержцу всероссийскому, и прочая, и прочая, и прочая. И по нем его царского величества высоким законным наследникам, которые по изволению и самодержавной его царского величества власти определены, и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут, и ея величеству

государыне царице Екатерине Алексеевне верным, добрым и послушным рабом и подданным быть, и все к высокому его царского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и прерогативы (или преимущества) узаконенные, и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, предостерегать и оборонять, и в том живота сво его, в потребном случае не щадит, и притом, по крайней мере старатися, споспешествовать все, что его царскаго величества верной службе и пользе, во всяких случаях касатися может; о ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися буду. Когда же к службе и пользе его величества, какое тайное дело, или какое б оно ни было, которое приказано мне будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне, и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит, и не будет повелено объявлять, и поверенной и положенной на мне чин, как по сей (генеральной, так и по особливой) определенной, и от времени до времени, его царского величества именем (от представленных надо мною начальников), определяемым инструкциям, и регламентам, и указам, надлежащим образом, по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы, ни вражды, противно должности своей и присяги не поступать: и таким образом себя весть и поступать, как доброму и верному его царского величества рабу и подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред богом, и судом его страшным, в том всегда ответ дать могу, как суще мне господь бог душевно и телесно да поможет. В заключении же сей моей клятвы целую слова и крест спасителя моего. Аминь.

Глава II. О преимуществе коллегий

Понеже все государственные коллегии, токмо под его царского величества особливым, також и правительствующего сената, указами

обретаются; буде же сенат о каком деле что повелит, а коллегиум усмотрит, что то его величества указам, и высокому интересу противно: то государственному коллегиуму не должно того вскоре исполнять, но имеет в сенате о том надлежащее письменное предложение учинить. И ежели сенат, не взирая на оное, при прежнем своем определении пребудет, то сенат в том ответ дать повинен, а коллегиум, по письменному указу сенатскому исполнять, и потом его царскому величеству об оном донести должен, а ежели не известить: то коллегиум вся подвержена будет тому наказанию, по силе вреды. Того ради изволяет его царское величество, всякие свои указы в сенат и в коллегии, також и из сената в коллегии ж отправлять письменно; ибо как в сенате, так и в коллегиях словесные указы никогда отправляемы быть не надлежат.

Глава III. О назначенных к сидению днях и часах

Коллегиям сидение свое иметь во всякой неделе, кроме воскресных дней, и господских праздников, и государских ангелов, в понедельник, во вторник, в среду, в пятницу, а в четверток обыкновенно президентам в сенатскую палату съезжатся, в самые кратчайшие дни в 6 часу, а в долгие в 8 часу, и быть по 5 часов А ежели важные дела случатся, которые умедлены быть не имеют, но вскоре окончаны: то долженствует по изобретению дел и обстоятельств, или всему коллегию, или некоторым членам, по определению от коллегий, несмотря на помянутое время и часы, съезжаются, и те дела отправлять; а канцелярским служителям, кроме помянутых воскресных дней и господских праздников, сидеть по вся дни, и съезжаться за час до судей. Приказных же людей приезд и выезд определяются от президента и других членов, смотря по делу, под штрафом, за всякой раз небытия месяц, а за час недосидения, неделя вычета жалованья.

Глава IV. О исполнении указов

Всякой президент, должен все указы его величества и сената, которые надлежат быть письменные и зарученные, а не словесные, неотложно исполнять, и оным две записки иметь, которые вершены и действом исполнены, те вносить в книгу; а которые не вершены или и вершены, а действом не исполнены, тем держать роспись на столе, дабы непрестанно в памяти было.

Толк. Дела разумеются, о которых надлежит письменный указ, те, которые в действо производить, а не те, которые к сочинению действа надлежат, например, надлежит собрать деньги или провиант, тогда и словами приказать мочно, чтоб о том советовали, как то чинить; но когда положат, тогда доложить, так ли быть, и когда апробуется, тогда не производить в дело без письменного указа. И чтоб как возможно оные скорее исполнить, а именно: не более недели времени, ежели скорее нельзя. Буде же которые государственные дела будут требовать справок с губерниями и с провинциями, давать срок до губерний и провинций на проезд в один путь, на сто верст по два дни, а на возвращения по тому ж. А в губерниях и провинциях в оных исправляться, не отлагая ни за чем ни малого времени, как скоро возможно; а более месяца отнюдь не продолжать. А буде в такой срок исправится будет не мочно: то из тех губерний и провинций, не допуская до того срока, писать именно, за чем оного исправить будет не мочно, и на исправление оного дается еще сроку две недели; а больше того, а именно: шти недель отнюдь не продолжать, и по получении тех выправок, те дела вершить по тому ж в неделю, под наказанием смертным, или ссылкою на галеры, и лишением всего имения по силе дела и вины. А челобитчиковы всякие дела по выправкам вершить по реэстру без всякого мотчания как возможно, а далее шти месяцев, как о том именным его величества указом повелено декабря 8 дня 1714 года, отнюдь не продолжать под наказанием.

Ежели далее сего положенного срока, кто без законной причины волочить станет, то наказан будет за каждый день по 30 рублей, ежели убытки от того кому не учинилось; а ежели убыток учинился, то оной в двое доправить в первой и другой раз, а в третий, яко преслушатель указа, наказан быть имеет.

ВОИНСКИЙ УСТАВ[1]

Божиею милостию, мы Петр Первый, царь и самодержец 327 всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая.

Повелеваем всем обще нашим генералом, штаб, обор и ундер-офицерам и салдатам, как подданным, так и чужестранным, в службе нашей пребывающим, покорным и послушным быть по своей должности, и все пункты сего артикула право исполнять, и всякому особо высокого и ниского чина без всякаго изъятия нам, яко государю своему, присягу чинить: в том, дабы им верно, честно, с доброю охотою себя содержать, и как сии последствующие пункты в себе содержат, как честным воинским людям благопристойно, против всех наших и государств наших неприятелей, телом и кровию, хотя и в поле, во осадах, сухим и водяным путем прилучитца, служить, и по крайней возможности тщательно радеть, и чтоб им наш и государств наших подданных убыток отвращати, и против того же прибыток и лутчую пользу знати и вспомогати и в том никакова ради страха не отбегать, ниже трудов жалеть толь долго, пока бог всякому живот продолжит. И дабы неведением никто не отговаривался, надлежит сей артикул на смотрах, а особливо при всяком полку по единожды прочитать в неделю, чтоб всяк своего стыда, наказания и безчестия удалялся и бегал, против тогож о благодеянии, храбрости и повышении прилежание имел.

О присяге, каким образом присягу или обещание чинить, от генералов и до фендриха

[1] Источник текста: http://www.hist.msu.ru/

Положить левую руку на евангелие, а правую руку поднять вверх с простертыми двумя большими персты.

А салдатам (понеже их множество) правую толко руку поднять пред предлежащим евангелием, и говорить за читающим присягу, и попрочтении целовать евангелие.

Сия присяга бывает генералитету в воинской консилии, а штап, обор и ундер-офицерам и олдатам при полку или роте, при распущенном знамени.

Присяга или обещание всякого воинскаго чина людем

328 «Я (имя рек) обещаюсь всемогущим богом служить всепресветлейшему нашему царю государю верно и послушно, что в сих постановленных, також и впредь поставляемых воинских артикулах, что оные в себе содержати будут, все исполнять исправно. Его царского величества государства и земель его врагам, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах, и штурмах, и в протчих воинских случаях, какова оные звания ни есть, храброе и сильное чинить противление, и всякими образы оных повреждать потщусь. И ежели что вражеское и предосудительное против персоны его величества, или его войск, такожде его государства, людей или интересу государственного что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лутчей моей совести, и сколько мне известно будет, извещать и ничего не утаить; но толь паче во всем ползу его и лутчее охранять и исполнять. А командирам моим, поставленным надо мною, во всем, где его царского величества войск, государства и людей благополучию и приращению касаетца, в караулах в работах и в протчих случаях, должное чинить послушание, и весьма повелению их не противитца. От роты и знамя, где надлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучатца, но за оным, пока жив, непременно, добровольно, и верно так, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду. И во всем так поступать,

как честному, послушному, храброму и неторопливому салдату надлежит. В чем да поможет мне господь бог всемогущий».

Понеже сия присяга вообще всякому чину положена, того ради надлежит тому, кто к присяге приводить, выписывать, которому чину что принадлежит, а ундер-офицерам и салдатам все.

Б о г у е д и н о м у с л а в а

ВОИНСКИМ АРТИКУЛАМ

Глава первая — о страсе божии

Артикул 1. Хотя всем обще и каждому христианину без изъятия надлежит христианско и честно жить, и не в лицемерном страсе божии содержать себя: однакоже сие салдаты и воинские люди с вящшею ревностию уважать и внимать имеют; понеже оных бог в такое состояние определил, в котором оныя часто бывают, что ни единаго часа обнадежены суть, чтоб они наивящшим опасностям живота в службе государя своего подвержены не были. И понеже всякое благословение, победа и благополучие от единаго бога всемогущаго, яко от истиннаго начала всего блага и праведнаго победодавца происходит. И оному токмо молитися и на него надежду полагати 329 надлежит, и тако сие наипаче всего иметь во всех делах и предприятиях, и всегда благо содержать: того ради чрез сие все идолопоклонство, чародейство (чернокнижество) наикрепчайше запрещается, и таким образом, что никоторое из оных отнюдь ни в лагере и нигде инде не будет допущено и терпимо. И ежели кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей: оный по состоянию дела в жестоком заключении, в железах, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть.

Толкование. Наказание сожжения есть обыкновенная казнь чернокнижцам, ежели оный своим чародейством вред кому учинил, или действительно с диаволом обязательство имеет. А ежели ж он чародейством

своим никому никакова вреду не учинил и обязательства с сатаною никакова не имеет, то надлежит, по изобретению дела, того наказать другими вышеупомянутыми наказаниями, и притом церковным публичным покаянием.

Артикул 2. Кто чародея подкупит, или к тому склонит, чтоб он кому другому вред учинил, оный равно так как чародей сам наказан будет.

Толкование. Что один чрез другаго чинит, почитается так, яко бы он сам то учинил.

Артикул 3. Кто имени божию хулению приносит, и оное презирает, и службу божию поносит, и ругается слову божию и святым таинствам, а весьма в том он обличен будет, хотя сие в пиянстве или трезвом уме учинится: тогда ему язык роскаленым железом прожжен, и потом отсечена глава да будет.

Артикул 4. Кто пресвятую матерь божию деву Марию и святых ругательными словами поносит, оный имеет, по состоянию его особы и хуления, телесным наказанием отсечения сустава наказан или живота лишен быть.

Артикул 5. Ежели кто слышит таковое хуление, и в принадлежащем месте благовременно извету не подаст, оный имеет по состоянию дела, яко причастник богохуления, живота или своих пожитков лишен быть.

Артикул 6. А ежели слова оного ругателя никакова богохуления в себе не содержат, и токмо из легкомыслия произошли, а учинится то единожды или дважды, тогда имеет преступитель четырнадцать дней в железа заключен быть и жалование его на месяц в шпиталь вычтено, или гонянием шпицрутен наказан, а в третие аркибузирован (розстрелен) быть.

Толкование. Ежели в помянутой вине, преступитель не смертию, но токмо на теле будет наказан, то может и церковное публичное покаяние при том же учинить

Артикул 7. Пресвятое и достохвальное имя божие да не восприемлется всуе, в клятве, божбе и лже. И ежели кто найдется, который сие в сердце, или с должной ревности чина своего учинит, 330 оный имеет, по состоянию своего чина, некоторое число денег в шпиталь дать, или в присудствии регименту мушкеты, пики или карабины носить.

Артикул 8. Есть ли сие нарочно, или из злости, или в пиянстве учинится, тогда имеет нарушитель господу богу явное покаяние при собрании людей принести, и притом половину своего месячнаго жалованья в шпиталь вместо наказания дать, или два дни, а на каждый день по одному часу ружье носить.

Глава вторая — о службе божии и о священниках

Артикул 9. Служба божия имеет отправлятися по вся утра и вечеры и полдень (как о том установлено уже и публиковано в печатных молитвах) с пением и молением, в лагерях. И дабы при том все духовные присудствовали: того ради надлежит, как при начинании, так и при окончании службы божия, в трубы у командующаго генерала над войском, знак дать, и потом от полку до полку барабаны бить, или на трубах трубить, и тако службу божию начинать и оканчивать.

Артикул 10. Есть ли офицер без важной притчины при молитве присудствен не будет, тогда надлежит за каждую небытность по полтине штрафу с него в шпиталь брать, а редового в первые и вдругоредь ношением ружья, а в третие заключением в железа на сутки наказать.

Артикул 11. Когда офицер при молитве пьян явится, а чрез оное пиянство другим соблазн учинит: тогда оный имеет в первые и вдругоредь арестом у профоса наказан, а в третие на несколько времяни от службы отставлен, и рядовым учинен быть.

Артикул 12. А рядовой, которой в таковом же образе обрящется, имеет быть в железа посажен.

Артикул 13. Всем офицерам и рядовым надлежит священников любить и почитать. И никто да не дерзает оным как словом, так и делом досаду чинить, и презирать, и ругатся. А кто против того погрешит, имеет по изобретению его преступления вдвое так, как бы то над простолюдином (над другим) учинил, наказан быть.

Артикул 14. Насупротив того учрежденныя священники в гарнизонах и при полках и везде должны прилежать к непорочной, трезвой и умеренной жизни. А есть ли который из священников обрящется в своей науке, животе и поступках нечестив и беззаконен, и другим жизнию своею соблазн чинит, оный имеет за сие к духовному суду отослан быть, и от онаго, по изобретению вины наказан, чина и достоинства своего лишен.

Артикул 15. Когда священник без знатной причины (а имянно; разве за болезнию и таковыми подобными) службу божию отправлять не будет, тогда имеет, вместо наказания, за каждое свое отбытие 331 по 1 рублю в шпиталь дать. А ежели оный во время службы божия пиян будет, тогда оный имеет в первый и другий раз от начальнаго священника при войске жестокого за то наказан. А в третий к духовному суду отослан, и потом своего чина и достоинства лишен быть.

Артикул 16. Сколь скоро к молитве и службе божией звычайный знак дан будет, имеют тогда все маркетентеры, купцы, харчевники и шинкари лавки свои запереть, и отнюдь никаких товаров, ни пива, ни вина, не продавать. Разве когда больной для своей нужды требовать будет. Кто против того погрешит, онаго все товары отписаны будут, и из тех едина часть в шпиталь, а другая евалтигеру, который будет над тем надзирание иметь, дастся.

Артикул 17. Банкеты и все суетныя излишния забавы надлежит во время службы божия отставить. Кто против того преступит, оный имеет штрафу несколько денег в шпиталь дать.

Глава третья — о команде, предпочтении и почитании вышних и нижних офицеров, и о послушании рядовых

Артикул 18. Впервых имеют, и принуждены все вышния и нижния, которые воинскаго чина люди суть, кто бы они ни были, наивящшее и единое свое намерение к службе его царскаго величества, яко самовластнаго монарха, от своих государств и земель употребить. Такожде везде, где его царское величество своею высокою особою присутствен, то всех начальников власть и сила отнята есть, кроме тех, которым от его величества нарочно что управить повелено будет.

Артикул 19. Есть ли кто подданный войско вооружит или оружие предприимет против его величества, или умышлять будет помянутое величество полонить или убить, или учинит ему какое насилство, тогда имеют тот и все оныя, которыя в том вспомогали, или совет свой подавали, яко оскорбители величества, четвертованы быть, и их пожитки забраны.

Толкование. Такое же равное наказание чинится над тем, котораго преступление хотя к действу и не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было, и над оным, которой о том сведом был, а не известил.

Артикул 20. Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том разсуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен.

Толкование. Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять. И яко же о его величестве самом в оном артикуле помянуто, разумеется тако и о 332 его величества цесарской супруге, и его государства наследии.

Артикул 21. При сем имеют все офицеры и салдаты фелтмаршалам и генералам всякое должное почтение воздавать, и оным, сколь долго они в его царского величества службе суть, послушны быть. А если кто дерзнет оным, или единаго из них непристойными и насмешливыми словами поносить (однакож не такия слова, которыя чести касатися не будут), оный имеет по важности своих слов и состоянию особы, пред воинским судом публично отпущение своея вины просить, или заключением, или каким иным наказанием, по благоразсуждению наказан быть.

Артикул 22 Кто фелтмаршала или генерала бранными словами поносить, или в компаниях и собрании протчих предосудительные слова их чести касающиеся, говорить будет, тот имеет телесным наказанием наказан быть, или и живота лишен.

Артикул 23. Никто отнюдь не дерзает онаго бить или грабить, или вредить оному, которой от его величества, от фелтмаршалов, или генералов, охранительной лист и салвогвардию имеет, кто б он ни был, приятель или неприятель; но оная охорона имеет от всех надлежащим образом почтена быть. И кто против того погрешит, живота будет лишен.

Толкование. Двоякия салвогвардии суть: (1) состоит в залогах, когда един или многие солдаты даны бывают, для охранения от всяких насильств и обид; (2) состоит на писме, которая по прошению дается, дабы все в помянутом охранительном листе упомянутыя вещи и особы, которыя под охранение государя приняты, от всех насильств свободны были. И оные листы имеют у ворот или над дверми, или публичном каком месте прибиты быть, дабы каждый оныя видеть и прочесть мог. Ибо тот не может салвогвардии нарушить, который не ведает, что таковая кому дана; такожде салвогвардии не нарушаются одними словами, но токмо действом.

Артикул 24. Буде кто фелтмаршала или генерала дерзнет вооруженною или невооруженною рукою атаковать, или оному в сердцах противитися, и в том оный весма обличен будет, оный имеет (хотя он тем ружьем повредил,

или не повредил) для прикладу другим, всемерно живота лишен, и отсечением главы казнен быть. Такожде и тот живота лишен будет, который в сердцах против своего начальника за оружие свое примется.

Толкование. По сему артикулу никакой офицер, ни салдат не может оправдатися, хотя с ним от фелтмаршала и генерала непристойным образом поступлено будет, и ему от них некоторым образом оскорбление славы учинится. Ибо почтение генеральству всеконечно и весьма имеет ненарушимо быть. Однакоже таковому обиженному свободно есть о понесенном своем безчестии и несправедливости его величеству, или в ином пристойном месте 333 учтиво жалобу свою принесть, и тамо о сатисфакции и удоволствовании искать и ожидать оныя.

Артикул 25. Равномерное же право, како о фелтмаршалах упомянуто, имеют полковники, подполковники, маеоры и все протчие полковые офицеры, и надлежит каждому своего началника должным образом почитать, и от подчиненнаго своего возиметь оное почтение.

Артикул 26. Есть ли рядовой грозить будет своего сержанта, фуриера, каптенармуса, или капрала бить, или браня уязвить оного, или оному противитися будет, когда ему что повелят к службе его величества управлять, и случится сие в походе против неприятеля, или в лагере, в котором караулы розставлены: тогда оный лишен будет живота. А ежели вне помянутых случаев приключится, надлежит жестоким наказанием наказать, а имянно шпицрутенами.

Артикул 27. Буде офицеру или салдату в его величества службе от началника своего что управить повелено будет, а он того из злости или упрямства не учинит, но тому нарочно и с умыслом противитися будет, оный имеет хотя вышний, или нижний, всемерно живота лишен быть.

Артикул 28. Буде же кто от лености, глупости или медлением, однакож без упрямства, злости и умыслу оное не управит, что ему от его началника

повелено, оный имеет по состоянию и важности дела от службы либо весьма или на довольное время отставлен быть, и по вся разы, на сколько времяни он отставится, за рядоваго служить.

Толкование. Такожде долженствует оный офицер, которому указ дастся, по оному указу весма поступать, и отнюдь из того, что уронить или умедлить, или что прибавить да не дерзает, хотя б и доброе окончание тому делу было. Однакож он по вышереченному артикулу достойна себя наказание учинил.

Артикул 29. Також имеет подчиненный от всякого непристойного разсуждения об указах, которые ему от его началника даны, весьма воздержатся: а есть ли кто противо того учинит, а особливо тогда, когда с неприятелем в бой вступят, или иная тому подобная учинится потреба, то оного по окончании того дела за непристойное его дерзновение лишением чести наказать.

Толкование. Ибо начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушну быть. Оный имеет в том, что он приказал, оправдатся, а сей ответ дать, како он повеленное исправил.

Артикул 30. Есть ли от вышних офицеров указами что повелено будет, а против того кто имеет припомнить нечто, чрез которое он чает его величества интересу более вспомощи, или опасаемое какое нещастие и вред отвратить, тогда он должен сие честно своему командиру донесть, или когда он время к тому иметь может, мнение свое фелтмаршалу или генералу самому с покорностию объявить. Буде его припомнение не за благо изобретено будет, тогда долженствует 334 он то чинить, что ему повелено.

Артикул 31. Такожде когда офицер другому, который его чином менши или подчиненному, или слуге его прикажет, что нужда и должность к его величества службе требовать будет, и оный офицер то учинить должен будет и да долженствует оный, хотя он от другаго полку, так послушен быть, яко бы своему собственному офицеру.

Артикул 32. Оныя офицеры, которыя по фелтмаршалах и генералах командировать будут, могут правда в даемых указах своих угрожения прибавить, дабы тем столь вящшею ревностию к действу приведены были, однакож имеют при том весьма воздержатся от всех поносных и чести касающихся слов, есть ли не похотят накрепко наказаны, и по состоянию дела весма или на нескольное время от чину отставлены быть.

Артикул 33. Такожде никто из офицеров да не дерзает обретающихся под своею командою салдат, без важных и пристойных притчин, которыя службе его величества не касаются, жестоко бить или уязвить. Кто против того преступит, воинскому суду представлен и потом, по изобретению дела, наказан будет. А есть ли он то часто чинить будет, имеет своего чина лишен быть: ибо он тот чин всуе употребил.

Артикул 34. Никто да не дерзает судей, комиссаров и служителей провиантских, такожде и оных, которые на экзекуции присылаются, бранить и в делах принадлежащих их чину противится, или какое препятствие чинить, но оным всякое почтение воздавать. Кто погрешит против того, имеет в том прощения просить, или заключением наказан, или по состоянию дела, чести или живота лишен быть.

Толкование. Понеже таковыя особы все обретаются под его величества особливою протекциею и защитою, и кто в делех принадлежащих их чину противное учинит, оный почитается, якобы он его величества протекцию презрил.

Артикул 35. Все указы, которыя или в лагерях или в крепостях, при трубах, барабанах или при пароле объявятся, имеет каждый необходимо исполнять. А кто тому явится противен и преслушен, оный достойна себя при сем помянутого наказания сочинил.

Толкование. Есть ли никакова наказания в указе против преступников не включено, но указ без объявления оного токмо выдан, то тогда поступает судья в наказании преступления по тому, как в 27 и 28 артикулех упомянуто.

Глава четвертая — о самовольном обнажении шпаги, о тревоге и карауле

Артикул 36. Кто из офицеров, или рядовых, в присутствии фелтмаршала, или командующаго генерала, или при бою, походе, или во время и оном месте, где воинский суд, или на оном месте, и во 335 время, когда служба божия отправляется, или во время розставленного караула, хотя в городех, лагерах или крепостях в сердцах свою шпагу обнажит в том намерении, чтоб уязвить; оный имеет, хотя он никакова вреда не учинит, живота лишен аркебузированием будет.

Артикул 37. По разставлении караулу и после бою тапты, или в ночи, никто да не дерзает непотребную тревогу, или какой крик учинить, разве когда приказ, или нужда требовать будет. Кто против того погрешит, имеет живота лишен быть.

Толкование. При сем надлежит судье внимать и осмотреть, что оная тревога из злости ли нарочно, или незапно, или иных ради притчин учинена, и в таком случае надобно упомянутое в вышереченном артикуле наказание убавить, и по разсуждению наказать.

Сей артикул имеет свою полную силу, ежели неприятельский умысел в том есть. Буде же учинится не из неприятельскаго какова намерения, и опасности и страху в том никакова не будет, тогда может офицер потерянием ружья своего, из которого он стрелял, и вычетом жалования его на несколько месяцов, а рядовой шпицрутенами наказан быть. Ибо сей заказ для того более чинится, понеже во время неприятеля, под тем выстрелом или криком, некая измена умышлена бывает, от чего иногда город, или все войско вред получить может.

Артикул 38. Когда знак на караул дастся, никто да не дерзнет умедлить, кто к оному учрежден. Есть ли офицер учинит, имеет один месяц за рядового служить, а рядовой посажением в железа наказан быть.

Артикул 39. Офицер, который на валу, или ином каком месте караул имеет, да не дерзает без позволения (хотя в лагере или гарнизоне) коменданта, или вышняго офицера с караулу сходить, под опасением лишения живота. Оных же всех надлежит, которые на вал взойдут, роспросить. А ежели караульной что подозрительного найдет, тогда имеет о том коменданту донесть. А иностранные и незнакомые, без позволения и указу коммендантскаго ежели взойдут на вал, наказаны будут.

Толкование. Такожде не вельми охотно позволяется, чтоб офицер другаго, который караулу на том месте не имеет, на караул с собой брал, дабы караульной чрез компанию к пиянству, игре и сему подобному побужден не был, и чрез оное что на карауле своем просмотрел.

Артикул 40. Каждый офицер, который в крепости, лагере, на валу у ворот или в поле караул имеет, должен в том ответ дать. Ежели он то презрит, что исправить должен, или на карауле своем неосмотрителен и не осторожен и ленив будет, оный имеет живота лишен быть, аркебузирован (розстрелян).

Толкование. Ибо караул есть живот крепости и лагеря, и не токмо един генерал, но и все войско во время сна своего надежду 336 имеет на караульных. Караул есть наизнатнейшая служба, которую салдат в войне отправляет.

Артикул 41. А который в лагере, поле или в крепости на карауле своем уснет, или напьется пьян так, что своего караулу отправить не может, или прежде смены с караула пойдет и оставит свое место: хотя б офицер или рядовой был, розстрелен быть имеет.

Толкование. Буде же караул иногда не с лености или от неосторожности, но за приключившеюся болезнию ему, или телесною слабостию уснет, а не в опасном месте оный поставлен. Или случится в такое время, что ни страху ниже неприятеля притом не будет; такожде естьли караульной при приключенной той слабости, от другаго караульнаго во отдалении стоит, и не может о своей слабости оному сказать, дабы о том офицеру, стоящему на карауле известить, чтоб оный другаго вместо болнова командировал. Такожде когда салдат вновь в службу принят, и воинскаго артикулу не слыхал, и не знает еще, какая сила есть в том, что не спать на карауле, то все сии притчины имеют от судьи в приговоре уважены быть, и может наказание вместо смерти в гоняние шпицрутенами превратить.

А оный, который с караулу сойдет прежде смены, не оправдится тем, хотя скажет, что сверх надлежащаго времени стоял. Ибо он должен до того времени стоять, пока он сменится. А ежели и он свыше того времени принужден был стоять, однако должно ему тогда жалобу приносить, когда сменится.

Артикул 42. Понеже офицер и без того, который в непрестанном пьянстве, или протчих всегдашних непотребностях найден будет, от службы отставлен, и его чин другому годному офицеру дан имеет быть.

Артикул 43. Когда кто пьян напьется, и в пьянстве своем что злаго учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящшею жестокостию наказан быть имеет.

Толкование. А особливо, ежели такое дело приключится, которое покаянием одним отпущено быть не может, яко смертное убивство и сему подобное: ибо в таком случае пьянство никого не извиняет, понеже он в пьянстве уже непристойное дело учинил.

Артикул 44. Всяк долженствует часового и протчие караулы, патрулиры и рунды в обозах, городах и крепостях пристойным образом почитать, и оным, когда окликают, учтиво отвечать. Есть ли кто дважды

окликан будет со угрожением, а ответу часовому не учинит, а часовой по нем выстрелит, тогда той имеет самому себе оный вред или несчастие причесть, ежели какой ему таким образом приключится, а часовой от всякаго наказания свободен. Однако же часовой во осмотрении имети должен сие чинить в опасных местах.

Артикул 45. Есть ли кто дерзнет часового, патрулир или рунд 337 бранить, или оному противитися будет, когда оным повелено будет кого за арест взять. Есть ли сие офицер учинит, лишится чина своего, и имеет за рядового служить, пока паки выслужится, а рядовой гонянием шпицрутен наказан будет.

Артикул 46. Буде же кто против караулу или часового, такожде против патрулира и рунду, шпагу обнажит, или на оных нападет, или учинит оным какой вред и препятствие, оного надлежит без всякой милости аркебузировать (розстрелятъ).

Артикул 47. Насупротив того, долженствуют караулы, рунды, и патрулиры в своих мерах себя содержать. И отнюдь бы сами не дерзали начало и притчины ссорам и к возмущению подавать, мимоходящих никакими непристойными поступками и невежеством к тому злу побуждать. А естьли кто против того поступит, оного надлежит, по состоянию дела и чину тех особ, отставлением от чину, гонянием шпицрутен, и жесточае наказать.

Артикул 48. Кто ночью в крепостях, или в городех, на улице, какой крик или какие излишествы учинит: есть ли кто из офицеров учинил оная, то имеет он, и которыя с ним были, каждый, вместо наказания, жалование свое двумесячное в шпиталь дать, а рядовой заключением в железа наказан будет.

Артикул 49. Всяк должен примечать прилежно пароли и лозунги, которые отдаются. А кто найдется, что он оные запомнил, и вместо того какой иной имеет, тогда по обстоятельству и состоянию дела на теле наказан, или чести и живота лишен будет.

Глава пятая — о всякой салдатской работе

Артикул 50. Никто из салдат да не дерзает противитися исправлять оное надлежащим образом, что ему к его величества и войска службе и прибытку, или работанием в крепостях, в лагерях, на кораблях, или где нибудь приказано будет. А кто явно в том противитися будет, оный имеет быть, яко преслушник, аркебузирован.

Артикул 51. Должны офицеры салдат к работе побуждать и прилежно смотреть, чтоб все исправно было зделано. Кто в том мешкателен обрящется, оный жестоко наказан будет.

Артикул 52. Кто работу, на которую он командирован, прогуляет, или с оной пойдет, не окончав ее, имеет быть по розыску наказан.

Толкование. Хотя он, сверх своей очереди, иногда с досады своего офицера на работу командирован: однако ж не надлежит от оной укрываться и отбыть, но надобно оное исправить. А по окончании той работы свободно есть ему о неправом командировании жалобу принесть, что и во всех других командированиях смотреть надобно.

Артикул 53. Ежели кто из офицеров салдатам, под командою его 338 сущым, что нибудь прикажет, которое к службе его величества не касается, и службе солдатской непристойно, тогда салдат не должен офицера в том слушать, и имеет сие в военном суде объявить; за сие оный офицер, по состоянию дела, от воинского суда накажется.

Толкование. Команда офицерская более не распространяется над салдатами, токмо сколко его величества и его государства польза требует. А что к его величества службе не касается, то и должность салдатская того не требует чинить.

Артикул 54. Такой ради притчины, никто как вышний, так и нижний офицер, да не дерзает своих салдат к своей партикулярной службе и пользе, хотя с платежем, или без платежа, на трудную и тяжкую работу принуждать.

А кто против сего артикула учинит, лишится чести, чина и имения своего. Однако же когда офицер вскорости людей своих при себе иметь не возможет, и ради малой и легкой помощи и пособления кого из салдат попросит, а оная работа без великого труда и тягости учинитися может, тогда да не дерзают салдаты в том, хотя в поле или где инде, противитися, или невежествовать.

Артикул 55. А ежели салдат когда караулу, и иной какой его величества службы и работы не имеет, и похочет своему или другому офицеру добровольно своим портным или сапожничьим ремеслом услужить, и на оного работать, то ему в том позволяется. Однако же надлежит офицеру о том своего вышняго уведомить, а салдату за работу справно заплатить. А когда его очередь к караулу или работе его величества придет, онаго бы отнюдь за своею особливою работою удерживать и препятствовать не дерзали.

Глава шестая — о воинских припасах, ружье, мундире, о потрате, и небрежении онаго

Артикул 56. Надлежит салдату, хотя б он в гарнизоне, на квартирах, или в поле был, прилежно того смотреть, чтоб его мундир в целости был, и ружье его всегда вычищено и чисто было. Кто в том ленив явится, имеет от офицера своего (который прилежно смотреть имеет, чтоб его подчиненные как можно чисто ходили) наказан быть. Такожде и оный офицер крепкий выговор получит, который над подчиненными своими в том смотреть не будет, и оных в их ленивстве не поправит.

Артикул 57. Кто свое ружье весьма бросит, или в поле оставит, оный жестоко шпицрутенами наказан будет.

Артикул 58. Буде солдат свое ружье, заступ, пику, шпагу или что иное из припасов самовольно испортит, или изломает, тогда надлежит онаго по случаю времяне и обстоятельству дела жестоко шпицрутенами гонять, и из жалованья оное его починить.

Артикул 59. Есть ли кто свой мундир, ружье проиграет, продаст или в заклад отдаст, оный имеет в первые и вдругоредь 339 жестоко шпицрутенами, и заплатою утраченнаго наказан, а в третие розстрелян быть. Такожде и тот, которой у салдата покупает, или принимает такия веши, не токмо тое, что принял или купил, безденежно паки возвратить, но и втрое, сколько оное стоит, штрафу заплатить должен, или по изобретению особы шпицрутенами наказан будет.

Толкование. Ибо оружия суть самые главнейшие члены и способы салдатские, чрез которые неприятель имеет побежден быть. И кто ружье свое не бережет, оный худой знак своего салдатства показует, и малую охоту иметь означитца, чтоб свою должность надлежащим образом в бою отправлять; того ради пристойно есть онаго такожде жестоко наказать, который салдату в том вспомогает, ибо он тем салдата к службе своего государя негодна чинит.

Глава седьмая — о смотре

Артикул 60. Никто как из вышних, так и из нижних офицеров да не дерзает противитися, чтоб на смотре (в уреченное и за благообретеное время от фелтмаршала, генералов или комиссаров) самому не явитися, и салдат своих к смотру не поставить. Кто сие нарушит, имеет, яко бунтовщик, наказан быть.

Артикул 61. Больные при смотре имеют выставлены, или от комиссаров осмотрены быть, или от лекарей свидетельство иметь.

Артикул 62. При смотре долженствует всяк с своим ружьем явитися, а отнюдь у другова ничего не брать, и кто сие учинит, оный шпицрутенами, или иным наказанием будет наказан.

Артикул 63. Кто себя больным нарочно учинит, или суставы свои переломает, и к службе непотребными сочинит, или лошадь свою самовольно

испортит в том мнении, чтоб отставлену быть от службы, оному надлежит ноздри роспороть, и потом его на каторгу сослать.

Глава восьмая — о корму и жалованье

Артикул 64. Никто, как офицер, так и рядовой да не дерзает без ведома и позволения своего командира, из обозу или своего посту отлучатися, дабы о жалованье своем или досталных деньгах просить. Ежели сие офицер учинит, оный своего прошения, досталных денег и чину лишен, а рядовой шпицрутенами наказан будет.

Артикул 65. Кто из офицеров при выдаче жалованья, корму и провианту, возмет на излишнее число салдат и более, нежели он уреченное число имеет денег, оный не токмо, яко неверный слуга, чину своего без абшиту лишится, но и весьма по случаю времяни и обстоятельства, на галеру сослан, или яко вор живота лишен будет.

Артикул 66. Никто да не дерзает отнюдь от подчиненных своих 340 жалованье, плату, провианту, платье и протчее, что оным дается, удержать и оных в том обижать. Такожде и мундирные деньги, и иныя полковыя иждивения со излишеством более вычитать, как учреждено. В противном случае оный равным наказанием, как выше помянуто, наказан будет.

Толкование. Ибо когда салдату оное не дастся, что ему принадлежит, тогда может легко всякое зло из того произойти, или есть ли солдаты с какой скудости и голоду в болезнь впадут, из того в его величества службе остоновка учинится.

Артикул 67. Есть ли кто своему подчиненному что в заем даст, а платежа от него пожелает, тогда надлежит долг таким образом вычесть, чтоб салдату на пропитание его что осталось, и в его величества службе никакова препятствия тем учинено не было.

Артикул 68. Ежели случится, что жалованье и плата не всегда справно и в уреченное время дано будет, однако же не смотря того, имеют офицеры и

солдаты службу охотно отправлять, и до тех мест терпеть, пока они удовольствованы будут, буде же кто при собрании военных людей в походе, гарнизоне, лагерях, или где инде публично о деньгах кричать будет, оный имеет без всякой милости яко заводчик возмущения наказан быть.

Толкование. Ибо сие есть действительное возмущение, когда офицеры или рядовые, для недоплаты его жалованья, своей должности чинить не будут, что почитается за властную измену.

Глава девятая — о отпуске из службы

Артикул 69. Никто из офицеров, кто бы он ни был, да не имеет власти своих ундер-офицеров или салдат, которые в ротех уже записаны, из службы освобождать или отставлять, под опасением лишения чести и живота, и тот, которой таким образом сам искать будет отставлен быть, наказан будет шпицрутенами.

Артикул 70. А естьли кто за неизлечимою болезнию своею, или увечьем, или ради старости своей, более служить не возможет, тогда надлежит офицеру о сем в принадлежащем месте известие подать дабы оной салдат осмотрен, и по изобретению того после от начальства потребным пасом снабден был.

Артикул 71. Такожде никому, как офицеру, так и другим, не позволяется от службы отстать, и своего абшиду (отпуску) просить, когда войско из квартир выступит, или в походе против неприятеля обретается, или оный к какому делу или работе командирован будет. А кто против сего преступит, не токмо оный поход окончать принужден, но потом без абшиду из службы выгнан будет.

Артикул 72. Такожде никто из офицеров да не дерзает под опасением лишения своего чина, салдат своих из обозу посылать, 341 или оным позволять, чтоб они без позволения вышняго командира домой ехать могли.

Артикул 73. Все слуги, служащыя при офицерах, отнюдь прежде договореннаго времени, а наипаче же в походах, из службы своего господина отходить да не дерзают, ни без воли их где инде службу принимать. Кто в том погрешит, не токмо прежнему своему господину будет отдан, но и сверх того жестоко наказан быть имеет.

Артикул 74. Ежели слуга не возможет более в службе господина своего быть, и притчины иметь будет от него отойти, тогда должен о том объявить полковнику того полку, который должен подлинно розыскать, надобно ли оному слуге отпуск дать или нет.

Артикул 75. Такожде никто из офицеров да не дерзает челядника товарыща своего в службу принять, когда он от прежняго своего господина писменного отпуску иметь не будет, и доказательства, что более оный господин в службе своей держать не похотел; а в противном случае имеет оный офицер не токмо того челядника паки к прежнему его господину отослать, но сверх того по воинскому суду наказан быть.

Толкование. Есть ли офицер служителя или челядника своего какому ремеслу или художеству научит, тогда оный служитель отнюдь да не дерзает до тех мест от господина своего отстать, пока господину за издержанное на него иждивение заслужено от него будет.

Глава десятая — о маршах и походном строю

Артикул 76. Сколь скоро знак трубами, или барабанами к походу дан будет, тогда каждый должен немедленно при своем полку и роте, к которой он принадлежит, явитися, И есть ли кто из рядовых сие преступит, наказан будет заключением в железа или иным наказанием. А офицер, ежели знатной притчины в том не объявит, тогда за рядового несколько времени служить принужден будет.

Артикул 77. Такожде отнюдь, как офицеры, так и рядовые, да не дерзают без ведома и воли своего началника за умедлением каким, или за

леностию, назади оставатися, или иных ради притчин, когда войско выступит, и пойдет в поход. Но каждый долженствует тогда за знаменем или штандартом немедленно следовать, и в учрежденном своем месте быть. И кто преступит сие, тогда надлежит онаго нарушителя, яко дезертира в железа посадить, и до удобнаго времяни его держать, а потом воинским судом наказать, или как в вышепомянутом артикуле написано или по состоянию обстоятельства жесточае.

Толкование. Ибо в войне никогда в безопасности быть не можно, и салдаты всегда надобны, такожде должно им по вся мгновения ока в готовности быть. И сверх того обыкновенное 342 подозрение бывает на оставшегося назади, или наперед ускорившаго, что оный или грабежа или убежания ради от войска отлучается. И тако может случитися, что легко неприятель может их в полон взять, и известие получить о войске. Сие ради многих таких вредительных следств как возможно предостерегать надобно.

Артикул 78. Буде же случится вышепомянутая притчина от одного или многих, тогда оный или оныя лишены будут живота.

Артикул 79. Ежели салдат когда от своего офицера в строй послан будет, и оному попротивится, и офицер принужден будет его уязвить, тогда вина та офицеру отпустится.

Артикул 80. Ежели кто притворится болным, дабы тем отбыть от походу, и назади остатся, и покойство возиметь, а потом здрав явится, и притворная болезнь его найдется, оный другим в наказание жестоко наказан будет.

Артикул 81. Когда войско в марше обретается, оберофицеры и которые войском командуют, во всем том, что во время маршу у жителей украдено и отнято будет, ответ дать и оное заплатить должны. Ибо офицером надлежит солдат содержать всегда во осмотрении, и все непорядки отвращать.

Артикул 82. Когда обоз станет, тогда отнюдь никто да не дерзает за отводные караулы ходить без позволения полковника, или инаго офицера, под опасением лишения живота.

Артикул 83. Кто вне обоза в грабеже или воровстве поиман будет, имеет повешен быть.

Глава одиннадцатая — о квартирах и лагерях

Артикул 84. Каждый воинский служитель имеет довольствоваться квартирами, которыя ему от квартирмейстера назначены и определены будут, хотя в гарнизоне или лагере. А сам собою отнюдь да не дерзает иную квартиру занимать или на имя кого другого квартиру подписывать. Кто в сем преступит, оный яко возбудитель возмущения наказан будет.

Толкование. Офицерам, которыя более нежели единый чин имеют, не надлежит более квартиров требовать и брать, где б он с своими токмо вместитися возмог. Такожде долженствуют поставленныя по квартирам в своих квартирах тако поступать, чтоб господин того дома с ним в доме жить и промысел свой продолжать мог.

Артикул 85. Кто из воинских людей своего хозяина, или хозяйку, или челядина ударит, или непристойным образом с ним поступит, или вред какой учинит, той не токмо имеет у обиженного публично при воинском суде в том прощения просить, и убыток вдвое заплатить, но еще сверх того, по состоянию дела и по разсуждению судейскому, наказан быть. А ежели оный преступитель уязвит кого из оных вышепомянутых, тогда надлежит его, по состоянию дела и особы, или знатным числом денег, шпицрутенами, заключением 343 наказать, или весьма ему руку отсечь.

Артикул 86. А есть ли хозяин или его люди поставленному на квартире салдату какую обиду учинят, тогда долженствует оный о сем своему офицеру объявить, который должен о том генералу или командиру доношение, и потом салдату справедливость учинить.

Артикул 87. С свечею и с огнем имеет всяк в своей квартире осторожно и бережно ходить, и ежели каким небрежением и винностию офицерскою или салдатскою пожары в квартирах учинятся, тогда виноватый в том имеет убыток по судейскому разсуждению заплатить, и сверх того по разсмотрению наказан быть.

Толкование. А ежели учинится сие с умыслу, тогда виноватый в том наказан будет, яко зажигалщик. А буде же невинно и от неосторожности внезапно: тогда оный от наказания свободен быть имеет. Ибо о внезапном случае никто ответу дать не должен.

Артикул 88. Никто из салдат да не дерзает после тапты из своей квартиры выходить, или в квартире небыть, разве когда ему к службе его величества что повелено, или необходимая нужда требовать будет, ежели оный жестокого наказания претерпеть не похочет.

Артикул 89. Ружье и мундир долженствует каждый всегда чисто содержать, и в своей квартире на таком месте повесить или положить, чтоб всегда чисто было, ежели не похочет от своего офицера, (который накрепко того смотреть имеет) жестоко наказан быть.

Артикул 90. В обозе всюду чисто держано имеет быть, буде же кто обрящет;;ся, что он; на оном месте, где не надлежит, испорожнитца, или во оной воде, которую пиют, или на варение берут, мыть, или лошадей тамо поить, или вне учрежденнаго места скотину бить будет: оный имеет не токмо то нечистое сам вычистить, но и сверх того жестоко наказан быть.

Артикул 91. Никто (кто б ни был) да не дерзает в обоз, городы, ретранжаменты, и крепости, инде входить и выходить, кроме обыкновенных улиц и ворот, где караулы розставлены, под потерянием живота.

Толкование. Однакоже может судия разсудить, что с изменическова ли какова умыслу, или с глупости, или безумства, такожде во время ли войны

или мира то учинится, и потому разсуждению наказание убавить или прибавить.

Артикул 92. Никто, как офицеры, так и рядовыя, да не дерзают из обоза, гарнизона, крепости или иных мест, куда оные командированы, без позволения своего полковника, от своей роты где инде ночевать, под потерянием живота.

Артикул 93. Такожде никто да не имеет из обоза для добычи, или чего инаго ради, без позволения и ведома своего началнаго отходить, под лишением живота.

Глава двенадцатая — о дезертирах и беглецах 344

Артикул 94. Которыя, стоя пред непрятелем или в акции уйдут, и знамя свое, или штандарт, до последней капли крове оборонять не будут, оные имеют шельмованы быть, а когда поимаются убиты будут. Или ежели возможно в роту или полк отданы, и тамо без процессу на первом древе, которое прилучится, повешены быть.

Толкование. Понеже кто знамя свое или штандарт до последнего часа своей жизни не оборонит, оный недостоин есть, чтоб он имя салдата имел, но ежели кто будет ранен или болен, тогда может он о том своему офицеру возвестить и обождать, пока ему надлежащее позволение отлучитися дано будет. А буде же найдется, что оный с страху болным притворился, и офицера тем обманул, что его отпустил, то в таком случае может вышепомянутой казни достоин быть, а несмелыя и боязливыя, по изобретению дела и состоянию особ, по благоизобретению суда пощажены бывают.

Артикул 95. Таковыя же казни, а именно повешены быть достойны суть все, которые из гарнизона, обоза, похода (или в протчем сему подобных случаях) уйдут, и при своих знаменах и штандартах верно не останутся, и хотя вскоре, или долгое время спустя поиманы будут. Такожде все оные

равной же казни подлежат, которые без пасу от одного полка в другой перейдут, и службу примут.

Толкование. Якоже достойно есть, чтоб оныя жестоко наказаны были, которыя таковых беглых салдат скроют и оным пропитание дадут, такожде зело потребно есть, чтоб военный суд, когда о дезертирстве приговор учинить имеет, подлинно розыскал, где и у кого он во время своей отбытности жил, дабы о том в надлежащем месте извещено и определено было, дабы оный, который его скрыл, надлежащим образом наказан был.

Артикул 96. Ежели кто после своего побегу, раскаясъ на дороге, сам возвратится, и добровольно у своего офицера явится, оный по правде живота лишен не имеет быть, однакож ради его имевшего злаго замыслу по состоянию времени и по разсмотрению, шпицрутенами или иным каким наказанием наказать подобает.

Артикул 97. Полки, или роты, которые с неприятелем в бой вступя, побегут, имеют в генеральном военном суде суждены быть. И есть ли найдется, что начальныя притчиною тому были, оным шпага от палача переломлена и оныя шельмованы, а потом повешены будут. А ежели начальныя и рядовыя в том преступили, то начальныя, как выше сего упомянуто, накажутся, а из рядовых по жеребью десятой (или как по изобретению дела положено будет) повешен, а протчие шпицрутенами наказаны будут, и сверх того без знамен вне обоза стоять имеют, пока они храбрыми своими делами паки заслужат. Буде же кто невинность свою оказать может, оный пощаду свою получит.

Артикул 98. Ежели полки, войско или шквадроны дезертируют, и 345 весма отступны явятся, оные имеют во время девяти недель чрез публичной барабанной бой и труды трижды в генеральной кригсрехт позываны, и оным салвус кондуктус (безопасная грамота) позволена будет. А буде найдется после, что они противно присяги и своей должности учинили, тогда

нарушитель веры, хотя он явится или нет, шельмован и осужден и его пожитки на его величество взяты будут. Такожде, ежели он после поиман, без всякой милости повешен имеет быть. Протчим же, которые перед судом явились и оправдались, оным данный салв кондукт ненарушимо содержан будет.

Толкование. Хотя правда оным, которые по получении салва кондукта (безопасной грамоты) перед судом явятся, и данный салв кондук ненарушимо содержан быть имеет, однакоже несмотря того, приговор будет против оных учинен, и в оном наказание, которое они заслужили означено. (О безопасной грамоте или салве кондукте я уже в описании судебных тяжеб или процессов пространно упоминал, того ради здесь паки повторять за непотребно почитается).

Артикул 99. Который весьма к неприятелю перебежит, того имя к виселице прибито и оный, яко нарушитель присяги, шельмом и изменником публично объявлен имеет быть, и пожитки его забраны. И ежели он поиман будет, без всякой милости и процесса повесить его надлежит.

Толкование. Ежли кто от неприятеля пленен будет, и не пожелает паки к прежнему своему полку или роте возвратитися, а возможет освободитися, оный поч;итается так как переметчик.

Такожде когда многие умыслят к неприятелю перебежать, а действительно того не учинят, оные в некоторых местах живота лишены бывают.

Еще такожде повешены бывают оныя, которые в дезертировании поимаются.

Артикул 100. Ежели кому из гарнизону, крепости или из иных каких мест куда ехать позволено будет, а оный сверх ему назначеннаго сроку без знатных и важных причин замедлится, тогда оному надлежит за каждые 7 дней, счисляя от срока отпуска его, по месяцу жалованья вычесть.

Толкование. Знатныя притчины следующыя суть. 1) Когда он занеможет, 2) заарестован, 3) когда ему неприятель помешал быть, 4) когда он ума лишится, 5) когда он страх от огня, или воды претерпел, 6) ежели родители его, или кто дом его правит, умрет. И протчия притчины, которыя судья за праведныя и необходимыя признает.

Глава тринадцатая — о штурмах или приступах

Артикул 101. Когда крепости, или шанцы штурмованы будут, а началники с салдатами уступят прежде, пока они крайнюю свою силу 346 учинили, и прибочное свое оружие употребили, и с неприятелем какую стычку имели, и от оного отогнаны, то тогда с оными, как с начальным, так и рядовыми, так поступлено будет, как в вышеупомянутом 97 артикуле о дезертирах упомянуто. Однакож оные должны наперед перед воинским судом явится, и от оных положение и случаи штурмования разспрошены будут, и потом по изобретению приговор совершен, или полегчен быть имеет.

Толкование. Коль более чина и состояния преступитель есть, толь жесточае оной и накажется. Ибо оный долженствует другим добрый приклад подавать, и собою оказать, что оныя чинить имеют.

Артикул 102. Таковым же образом поступлено быть имеет с оными полками или ротами, которые шанцы в поле, батареи, редуты, бреши или рвы (которые оным для збережения и караулу поверены) оставят, или чрез ложныя и вымышленныя притчины или иныя извинения уйдут, не учиня крайнее что, или сикурсу более себе не ожидая.

Артикул 103. Есть ли полк или рота не похочет с неприятелем в бой вступить, или когда приступать по порядку до них дойдет, или его величества служба требовать будет, и указ им дастся, а оные с упрямства или от страху не пойдут, или весьма побегут, тогда оне яко дезертиры наказаны будут.

Глава четырнадцатая — о взятии городов, крепостей, добычей и пленных

Артикул 104. Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает хотя вышнего или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные домы, шпитали, без позволения и указу грабить, или розбивать. Разве что гарнизон или граждане в оном здачею медлить, и великой вред чинить будут. Кто против сего преступит, оный накажется яко разбойник, а именно лишен будет живота.

Артикул 105. Такожде имеет женской пол, младенцы, священники и старыя люди пощажены быть, и отнюдь не убиты ниже обижены (разве что инако от фелтмаршала приказано будет) под смертною казнию.

Толкование. Ибо оныя или невозможности своей или чина своего ради, никакого ружья не имеют при себе, и тако чрез сие чести получить не можно, оных убить, которые оборонятися не могут.

Артикул 106. Когда город приступом взят будет, никто да не дерзает грабить, или добычу себе чинить, или обретающимися во оном питьем пьян напитца прежде, пока все сопротивление престанет, все оружие в крепости взято, и гварнизон оружие свое низположит, и квартиры салдатам розведены, и позволение к грабежу дано будет: под опасением смертной казни.

Артикул 107. Когда в неприятельской обоз впадут, или онаго с 347 поля собьют, никто добычь чинить или грабить да не дерзает, до тогож времени, как уже неприятель из обозу или с поля весьма сбит; и за оным сколько возможно в погоне будут, и когда сие учинится, тогда может всяк часть, которая ему назначена, грабить. Кто же похочет другаго часть взять, оный без всякаго розмышления, от товарища своего может убит быть. Ежели же от того преступления неприятель поправится, и вред причинится в войске, тогда оный чинящий добычь живота лишен. А естьли вред чрез оное не

учинитца, то шпицрутенами жестоко наказан, а добычь неимущим роздана быть имеет.

Артикул 108. Такожде никто другаго квартиру, которая ему назначена, грабить, или у другаго добычь насильством отнять да не дерзает. Кто против сего преступит, имеет отнятое паки возвратить, и сверх того по изобретению и состоянию дела, жестоко наказан быть.

Артикул 109. Под наказанием запрещаетца всякому, чтоб добычную скотину из обоза не продавать, но в обозе за пристойную цену продавать имеет, дабы рядовые и слуги оную употребить могли, разве за излишеством рядовым более непотребно будет. Однако ж с позволения вышняго командира.

Артикул 110. Офицеры да не дерзают у своих сущих под командою салдат полученную правом добычь отнимать, под опасением жестокаго наказания, и возвращением взятого.

Артикул 111. Что неприятель двадцать четыре часа или сутки в своем владении имел, оное почитается за добычь.

Толкование. Наприклад: неприятель возмет у Андрея в партии подводную лошадь, а по трех или четырех днях случится, что Петр с помянутым неприятельским партизаном бой учинит, и возмет у оного лошадь взятую у Андрея; но понеже оная лошадь более 24 часов в неприятельских руках была, того ради Андрей более оной требовать не может, но оная лошадь Петру достатся имеет, и почитается за добрую добычь.

Артикул 112. От полученной добычи, хотя в городах, замках, местечках, крепостях или лагерях, принадлежит его величеству все ружье, порох, свинец и аммуниция. Такожде весь провиант, которой во всех домах найден будет. И не надлежит взятые городы, замки и места, когда оныя

присягу учинили, более повреждать или поборами отягчать. А остальное имеет отдано быть по вычету десятой доли, больным салдатом.

Толкование. Между сим, что его величеству достатся имеет, счисляются все денги, которыя найдутся собранныя к общей потребности.

Артикул 113. Все штандарты и знамена, которые от неприятеля возмутся, имеют его величеству или генералу, сколь скоро возможно без замедления отданы быть. Кто сего не учинит, и оставит из оных при себе, тогда оный от чина своего без абшиду оставлен, а 348 рядовой шпицрутенами наказан будет.

Артикул 114. Всех пленных, которые при взятии городов в баталиях, сражениях, или где инде взяты будут, имеют немедленно оному, которой команду имеет, объявить и отдать. Никто ж да не дерзает пленнаго под каким нибудь предлогом при себе удержать, разве когда указ инако дан будет. Кто против сего преступит, имеет, ежели он офицер, чина лишен, а рядовой, жестоко шпицрутенами наказан быть.

Толкование. Ибо часто генералу или командиру зело потребно есть, чтоб он тотчас пленных получил, и от иных о состоянии неприятеля и его намерении уведомится возмог. Ибо в малом умедлении времени великой интерес пренебрежен быти может.

Артикул 115. Никто да не дерзает пленных, которым уже пощада обещана и дана, убити, ниже без ведома генерала и позволения освобождать, под потерянием чести и живота.

Артикул 116. Никто да не дерзает у другаго его пленнаго силою или инако отнимать, под жестоким наказанием, и отдачею паки взятой особы.

Глава пятнадцатая — о здаче крепостей, капитуляции и акордах с неприятелем

Артикул 117. Есть ли полк, или рота дерзнут без ведома и указу его величества, или его фелтмаршала, с неприятелем в трактат или капитуляцию вступить, тогда надлежит началных, которые в том виновны, чести, пожитков и живота лишить, а из рядовых всегда десятаго по жеребью повесить, протчих же жестоко шпицрутенами наказать, и вне обоза поставить, пока они от того порока очистятся, и своими храбрыми действами заслужат, кто же из оных доказать может, что он в том непричастен есть, но в том прекословил, оный имеет для невинности своей освобожден быть, и при случае повышения себе ожидать. А ежели преступителей получить не можно, то с оными тако как с дезертирами поступлено, и оных пожитки забраны быть имеют.

Толкование. Сей артикул надлежит разуметь о оных полках и ротах, которые вместе куды с другими командированы, а без ведома командира тайным образом с неприятелем трактовать, и о здаче места, или города какова договариватся будут, но не о тех, которые одни в каком месте поставлены, и атаку от неприятеля выдержали, и крайние отпоры учинили. Такожде когда оные более держатца, или от фелтмарашала или генерала указу обождать и сикурсу получить более надежды не имели, а с неприятелем надлежащим образом трактовали.

Артикул 118. Кто из офицеров, которому команда в крепости поверена, оное место без крайней нужды здаст, и оставит, оный имеет чести, пожитков и живота лишен быть, рядовые же без знамен 349 вне обоза стоять и от того порока очиститься принуждены, пока оные свое погрешение и боязливость, храбрыми делами паки направят.

Артикул 119. Ежели же подчиненные коменданту офицеры и рядовые салдаты его коменданта принудят, или подманят к здаче крепости, тогда имеют все офицеры (которые в таком деле виновны суть, и позволили на таковое понуждение) чести, пожитков и живота лишены быть. А из рядовых всегда десятый по жеребью повешен, а протчие как беглые наказаны быть.

Толкование. Протчие шпицрутенами будут наказаны и принуждены вне обозу стоять, пока оные себя паки достойными учинят, с протчими салдатами в равенстве содержаны быть.

Артикул 120. Буде же офицеры и салдаты без всякой притчины допустят коменданта прежде времени, и не видя крайней нужды, на акорд здаваться, и оному от того не отсоветуют, или в том его не удержат, тогда как офицерам, так и солдатам учинить против 117 артикула.

Толкование. Того для в таком случае противление, не токмо допущено, но и повелено таким образом, что есть ли офицеры усмотрят, что коммендат без нужды крепость сдать похощет, тогда имеют оные приступя к нему прекословить, и преклонять его к должности. А ежели его от намерения такова уговорить не можно, онаго заарестовать, и другаго между собою вместо его избрать, и тако всевозможным образом оную крепость оборонять должны.

Артикул 121. Никто да не дерзает при осаде особливые советы иметь, и много говорить, или кричать, чтобы крепость или место здать или оставить, ниже других словом или делом к обороне робость какую подать. Кто в том уличен будет, имеет другим ко устрашению без далного отлагателства повешен быть.

Артикул 122. Никто да не дерзает под наказанием смерти, противитися к бою с неприятелем, не щадя своего живота, до самой крайности, и работать, где повелено будет.

Артикул 123. Притчины, которых ради комендант, офицеры и салдаты извинены быть могут, когда крепость здастся, суть следующия: (1) Крайней голод, когда ничего не будет, чем человек питатися может, имея наперед всевозможную в пище бережность, (2) Когда аммуниции ничего не останется, которая також со всякою бережью трачена; (3) Когда людей так убудет, что оборонитися весьма не в состоянии будут (а во всю осаду

оборонялися храбро) сикурсу получить не могут, и что крепости уже по всем видам удержать будет невозможно; (4) Однакож сии пункты суть тем, кои особливого указа не имеют. А которые имеют указ до последняго человека оборонятися, то никакой нужды ради не капитулировать с неприятелем, и крепости не отдавать.

Толкование. В сих вышеименованных артикулах часто лишение чести, пожитков и живота упомянуто, которое тако исправлено имеет 350 быть, что палач сперва шпагу у нарушителя переломит, и его шельмом объявит, а потом его повесит. И есть ли оной пожитки имеет, оные на его величество взяты быть имеют.

Глава шестнадцатая — о измене и переписке с неприятелем

Артикул 124. Кто из офицеров или рядовых с неприятелем тайную и опасную переписку иметь будет, и неприятелю или его союзникам как нибудь ведомость какую подаст, или с неприятелем, и от него с присланным трубачем, барабанщиком, и с таковыми подозрительными особами без ведома и указу от фелтмаршала или коменданта, хотя в поле, в крепостях или где инде, тайным образом разговор иметь, переписыватца, писма принимать или переносить будет, оный имеет, яко шельм и изменник, чести, пожитков и живота лишен, и четвертован быть.

Толкование. Однакоже прилучаются случаи, в которых сие наказание умаляется, и преступитель сперва казнен, а потом четвертован бывает, яко же оное наказание прибавляется рванием клещами ежели оная измена великой вред причинит войску, землям, городу или государю.

Такожде не позволяется ни сыну с родным своим отцом, которой у неприятеля обретается, тайно корреспондовать.

Такожде таковому наказанию и комендант подвержен, которой сведом, что таковыя писма от неприятеля приходят, или от него отпустятца, а оныя он не переймет и не распечатает, и в принадлежащем месте не известит. Ибо

он виновным себя тем причинит, что он о таковой корреспонденции ведая, и на тое позволил.

Никто из пленных да не дерзает письма свои сам запечатывать, и тайным образом оныя пересылать. Но должен, не запечатав коменданту вручить, которой в принадлежащее место отослать имеет. Ежели пленной против сего поступит, то он самому себе причесть имеет, естли тем, и протчим виновным с ним, за их труды наказанием заплачено будет. Ибо он подобно шпиону почитается, или лазутчику, посланному от неприятеля, дабы о состоянии неприятельском уведомится. Которые по воинскому резону и обыкновению повешены бывают.

Артикул 125. Кто неприятелю пароль или лозунг объявит, хотя офицер или рядовой, или даст оному иные какие изменнические знаки, стрельбою, пением, криком, огнем, и сему подобное, оный равно, как выше помянуто, казнен будет.

Толкование. Кто лозунг забудет, или с фальшивым лозунгом найден будет, о том в 49 артикуле помянуто.

Артикул 126. Пароль и лозунг имеют не всякому отдавать, кому не надлежит, а особливо, если он незнаком есть, и тако на него надеятися не можно.

Артикул 127. Кто какую измену, или сему подобное учинить 351 намеритца, и хотя он сие к действу не произведет, однакоже имеет по состоянию дела и признанию воинскаго суда, таковым же высоким наказанием наказан быть, яко бы за произведенное самое действо.

Артикул 128. Как офицеры, так и рядовые да не дерзают о воинских делах, о войске, о крепости что писать, ниже о том с другими корреспондовать, под потерянием чина, чести или по состоянию дела и живота самаго.

Толкование. В сем случае запрещается для того так жестоко о войске, или из крепости о воинских делах что писать, дабы неприятель тем

ведомости о войске или о состоянии крепости не получил, и свои дела потом толь осторожнее учредить возмог. Понеже часто случается, что отправляющияся почты с писмами, от неприятеля чрез его партии переняты бывают. Того ради тому, что в таковых письмах написано, более верить можно, нежели что от каких лазутчиков или пленных донесено будет.

Артикул 129. Если кто у ведает, что един или многие нечто вредительное учинить намерены, или имеет ведомость о шпионах или иных подозрительных людях, в обозе или гарнизонах обретающихся, и о том в удобное время не объявит, тот имеет, по состоянию дела, на теле или животом наказан быть.

Толкование. Кто ведая, видя и приметя, что таковыя вредительныя дела обращаются, а о том в удобное время не объявит, тогда не может сим извинитца, что он того доказать не мог. Ибо инако есть, когда кого явно в каком деле обличат, и в таком случае довотчик понужден есть довод свой доказать. А инако есть нежели в тайне что доводчик объявит, и предостерегать в таковом же случае, а к доказательству его понуждать не надлежит. Ибо довольно есть, что чрез его до-ношение и предосторожность начальство случай получит. А на оного, на кого донесено, крепко должно смотреть и примечать, что не можно ли что подобное правде из того доводу присмотреть. И тако при таковых доводах зело осторожно поступать, и не вскоре за арест взять, но тайно и накрепко розыскать надлежит, что может ли правда быть в донесенном на него. Ибо часто всякий честный человек от злоумышленного и мстительнаго человека невинным образом оклеветан бывает.

Артикул 130. Кто от неприятеля патенты или манифесты добровольно примет, и во обретающейся земле разсеет, оный по состоянию дела, на теле или животом наказан будет.

Артикул 131. Равное же наказание примет, кто фалшивые и изменнические ведомости, чрез которыя робость салдатам причинена быть может, хотя сам или чрез других розсеет.

Артикул 132. Все ведомости, которыя о неприятеле получатся, всяк тайно содержать и токмо своему офицеру или генералу о том 352 известить имеет, а другим под наказанием о том ничего не объявлять.

Глава семнадцатая — о возмущении, бунте и драке

Артикул 133. Все непристойные подозрительные сходбища и собрания воинских людей, хотя для советов каких нибудь (хотя и не для зла) или для челобитья, чтоб общую челобитную писать, чрез что возмущение или бунт может сочинитца, чрез сей артикул имеют быть весьма запрещены. Ежели из рядовых кто в сем деле преступит, то зачинщиков без всякого милосердия, не смотря на тое, хотя они к тому какую и притчину имели или нет, повесить, а с досталными поступать, как о беглецах упомянуто. А ежели какая кому нужда бить челом, то позволяется каждому о себе и своих обидах бить челом, а не обще.

Артикул 134. А офицеров, которые к сему повод дали, или таким непристойным сходбищам позволили, или рядовых каким нибудь образом к тому допустили, оных наказать лишением чести, имения и живота.

Артикул 135. Никто б ниже словом, или делом, или писмами, сам собою, или чрез других, к бунту и возмущению, или иное что учинить, притчины не давал, из чего бы мог бунт произойти. Ежели кто против сего поступит, оный по розыску дела, живота лишитца, или на теле наказан будет.

Артикул 136. Таким же образом имеют быть наказаны и те, которые такие слова слышали, или таковыя письма читали, в которых о бунте и возмущении упомянуто, а в надлежащем месте или офицерам своим вскоре не донесли.

Артикул 137. Всякий бунт, возмущение или упрямство, без всякой милости имеет быть виселицею наказано.

Толкование. В возмущении надлежит винных на месте и в деле самом наказать и умертвить. А особливо, ежели опасность в медлении есть, дабы чрез то другим страх подать, и оных от таких непристойностей удержать (пока не разширитца) и более б не умножилось.

Артикул 138. Ежели учинится ссора, брань или драка между рядовыми, тоб никто не дерзал товарищей своих или других на помощь призывать таким образом, чтоб чрез то збор, возмущение, или иной какой непристойной случай произойти мог; а ежели кто сие учинит, оного и с помогателями повесить.

Артикул 139. Все вызовы, драки и поединки чрез сие наижесточайше запрещаются таким образом, чтоб никто, хотя б кто он ни был, высокаго или низкаго чина, прирожденный здешний или иноземец, хотя другий кто, словами, делом, знаками или иным чем к тому побужден и раззадорен был, отнюдь не дерзал соперника своего вызывать, ниже на поединок с ним на пистолетах, или на шпагах битца. Кто против сего учинит, оный всеконечно, как вызыватель, 353 так и кто выйдет, имеет быть казнен, а именно повешен, хотя из них кто будет ранен или умерщвлен, или хотя оба не ранены от того отойдут. И ежели случитца, что оба или один из них в таком поединке останетца, то их и по смерти за ноги повесить.

Артикул 140. Ежели кто с кем поссоритца и упросит секунданта (или посредственника), онаго купно с секундантом, ежели пойдут, и захотят на поединке битца, таким же образом, как и в прежнем артикуле упомянуто, наказать надлежит.

Артикул 141. Ежели учинитца драка при питье в пиру без вызову, хотя никто умерщвлен или поранен не будет, то рядового за то чрез полк гонять шпицрутен. А офицера жестоким караулом профосу отдав наказать, и сверх того имеет виноватый у обиженнаго просить о прощении пред судом.

Толкование. Вышеупомянутый артикул значит о зачинщике драки, а не о том, который побит и принужден будет себя оборонять. Того ради судье в таком деле весьма крепко допрашивать надлежит, кто именно зачинщиком ссоры был.

Артикул 142. Для остерегания всякаго случая надлежит при зачатии таких драк посторонним ссорящихся приятельски помирить искать, и ежели того не могут учинить, то немедленно по караул послать или самим сходить, и о таком деле объявить, дабы караул их развести или в нужном случае за арест взять мог. Кто сего не учинит, оный також, яко и виноватый, накажетца.

Артикул 143. Ежели кто с кем ножами порежетца, онаго надлежит взяв под виселицу, пробить ему руки гвоздем, или тем ножем на единый час, а потом гонять шпицрутен.

Артикул 144. Кто пистолет или шпагу на кого подымет в сердцах, в намерении чтоб кого тем повредить, оному рука отсечена будет.

Артикул 145. Ежели кто кого ударит по щеке, оного пред всею ротою профос имеет тако ж ударить, и к тому ещ;е; по разсмотрению наказан быть имеет.

Артикул 146. Кто с сердцов и злости кого тростию или иным чем ударит и побьет, оный руки своея лишитца.

Артикул 147. И дабы озлобленный и обруганный свою надлежащую сатисфакцию или удоволствие имел, когда он сам не захотел самоволне отмщение учинить, тогда должен он командиру оного места жалобу принесть, который должен оное дело приняв выслушать, и обиженному пристойное удоволствие учинить. Ежели кто сие пренебрежет, оный сам имеет быть наказан.

Артикул 148. Челобитчик имеет челобитье свое право доносить и остерегать себя, чтоб ничего не прибавлять, чего доказать не может, что

подлинно учинено, а ежели неправое челобитье учинит, то и он наказан будет, равно как и другии.

Глава восемнадцатая — о поносительных писмах бранных 354 и ругателных словах

Артикул 149. Кто паскивли, или ругательныя письма тайно сочинит, прибьет и распространит, и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтет, чрез что его доброму имени некакой стыд причинен быть может, онаго надлежит наказать таким наказанием, каковою страстию он обруганного хотел обвинить. Сверх того палач такое письмо имеет зжечь под виселицею.

Толкование. Например, ежели кто кого в пасквиле бранил изменником, или иным злым делом, то оный пасквилотворец, яко изменник или каких дел делатель, о которых описал, наказан будет.

Пасквиль есть сие, когда кто писмо изготовит, напишет или напечатает, и в том кого в каком деле обвинит, и оное явно прибьет или прибить велит, а имени своего и прозвища в оном не изобразит.

Ежели же дело, в котором будет в пасквиле обруганный обвинен, весьма о том будет доказано, то правда, хотя обыкновенное наказание не произведено будет, но однакож пасквилант по разсмотрению судейскому, тюрмою, сосланием на катаргу, шпицрутеном и протчим наказан быть имеет, понеже он истинным путем не пошел, дабы другаго погрешение объявить. Ежели кто советом, помощию и делом к таким ругательным писмам вспоможет, оные тайно прибьет, кому в дом или на улице подбросит и протчая: онаго не инако, яко пасквиланта самого, наказать, однакож по разсмотрению обстоятельств против оных иногда наказание легче чинитца.

Артикул 150. Ежели невозможно уведать пасквиланта, однакож надлежит пасквиль от палача сожжен быть под виселицею, а сочинителя оного за безчестнаго объявить.

Артикул 151. Ежели офицер о другом, чести касающияся или поносныя слова будет говорить, дабы тем его честное имя обругать и уничтожить, оный имеет пред обиженным и пред судом обличать свои слова и сказать, что он солгал, и сверх того посажен быть на полгода в заключение.

Толкование. Ежели оный поупрямитца, который приговорен себя обличить, то может он денежным наказанием и заключением к тому принужден быть, и ему иной срок ко исполнению приговора положить.

И ежели сему учинитца противен, то тюрмою крепчае, а дачею денежною в двое прибавить, и иный срок назначен будет. И ежели уже и в сем учинитца противен, то может профос в присутствии упорнаго, именем его отзыв учинить, и последующее наказание над винным исполнить.

Артикул 152. Ежели кто другаго не одумавшись с сердца, или не опамятовась, бранными словами выбранит, оный пред судом у обиженнаго христианское прощение имеет чинить и просить о 355 прощении. И ежели гораздо жестоко бранил, то сверх того наказанием денежным и сносным заключением наказан будет.

Толкование. Ежели оный, который имеет просить о прощении, в том поупрямитца, то можно оного чрез потребные способы к тому принудить.

Артикул 153. А ежели кто против бранных слов, боем или иным своеволством отмщать будет, оный право свое тем потерял, и сверх того с соперником своим в равном наказании будет. Також и оный право свое потерял, кто противно бранит, когда он от другаго бранен будет.

Глава девятнадцатая — о смертном убийстве

Артикул 154. Кто кого волею и нарочно без нужды и без смертного страху умертвит, или убьет его тако, что от того умрет, онаго кровь паки отмстить, и без всякой милости оному голову отсечь.

Толкование. Но надлежит подлинно ведать, что смерть всеконечно ли от битья приключилась. А ежели сыщется, что убиенной был бит, а не от тех побоев, но от других случаев, которые к тому присовокупились, умре, то надлежит убийцу не животом, но по разсмотрению и по разсуждению судейскому наказать, или тюрмою, или денежным штрафом, шпицрутеном и протчая. Того ради зело потребно есть, чтоб сколь скоро кто умрет, который в драке был и бит, поколот, или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали, и подлинно розыскали, что какая притчина к смерти ево была, и о том имеют свидетелство в суде на писме подать, и оное присягою своею подтвердить.

Между другим последующия раны за смертельныя почитаютца:

(1) Раны мозговые, когда главная жила повреждена будет, или когда кровь или иная какая мокрота вход в главную жилу запрет, или по исхождении некоторых скорых дней и по запечении крови лихорадка, безумие и от того смерть приключитца. Крови запеченной надлежит между тонкою и толстою мозговою кожиц;ею лежать, или между тонкою и мозгом; понеже оное, что между толстою и черепом лежит, можно снять препаном и болной излечен быть.

(2) Раны затылочного мозгу, которые у шеи или близко головы, а которые пониже, не имеют великого страху.

(3) Раны у легкого, когда медиан или сучек горла тронут будет.

(4) А особливо раны сердечные, хотя и 15 дней при том жил.

(5) Раны гортанные, а имянно: если глотка повреждена; буде же кожица около глотки уязвлена, то можно исцелить.

(6) Раны перепонки, а имянно: есть ли часть главных жил повреждена будет.

(7) Раны желудка, когда верховное желудковое устье и от онаго разделенные главныя жилы повреждены будут.

(8) Раны тонких кишек гораздо редко исцелимы бывают.

(9) Раны печени и селезенки, когда их жилки повреждены.

(10) Раны медиана наичастее смертоносны 356 бывают. Но понеже лекарь рану лутче, нежели другой кто затворить умеет, того ради притчину смерти не всегда убийце причитать надобно.

(11) Раны, которыя чрез отравныя вещи или звери учинятца, всегда едва не суть смертоносны.

Також судье надлежит гораздо смотреть, каким оружием убитый убит или поврежден был. Тем ли бит, от чего мог легко умереть, яко топором, кольями, дубиною и протчим, или иным чем, яко малыми палочками и протчим, чем нелегко смертно убить возможно, в котором последнем случае обыкновенное наказание произвести невозможно, но на разсмотрение судейское предается.

Ежели случитца, что некоторый главный подчиненных своих за некоторые притчины захочет наказать, а такое в достойной и в должной ево чиновной ревности зло учинитца, что наказанной от того наказания умрет, то ведати надлежит, что оный главный по мнению правоучителей не животом, но жестоко имеет быть наказан, либо отставлением чина на время и службою рядовым, денежным штрафом, или заключением или вербованьем (набором) иных салдат.

Артикул 155. Властно яко убийца сам, тако и протчие имеют быть наказанаы, которые подлинно к смертному убийству вспомогали или советом или делом вступались.

Артикул 156. Кто прямое оборонительное супротивление для обороны живота своего учинит, и онаго, кто его к сему принудил, убьет, оный от всякаго наказания свободен.

Артикул 157. Оный, который предлагает, что он обороняя себя, оного убил, имеет доказать, что он не зачинщик драки был, но от убитого нападен и зацеплен, и что он без опасения смертного уступить или уйти не мог.

Толкование. Не надлежит в нужном оборонении правила оных преступить.

(1) В умерении, что оборонение со обижением равно есть, а именно, чтоб таким же образом оборонятися, каким образом от кого кто нападен будет. Ежели нападение учинитца оружием, то мочно оружием оборонятися; ежели же без оружия, то и противитися без оружия надлежит. Притом же надобно смотреть, когда кто кого ударит рукою, и того сильнее кто бьет, тогда обиженный может оружием оборонятися. Ибо есть все равно, как и чем смертный страх угрожен будет. Ежели смертной страх есть, то надлежит оборонятися как возможно.

(2) Состоит нужное оборонение временем, а имянно: ежели нужное оборонение в самом деле вскоре учинится, когда подлинно в страхе есть и зацеплен будет. Того ради есть ли оный, кто задерет, уступит и от обиженнаго побежит, а обиженный ево настигать побежит, и тогда убьет, то оный уже регулы нужнаго оборонения преступил. И тако смертное убивство из отмщения, нежели от оборонения учинил.

(3) Состоит нужное оборонение в сей притчине, а именно, когда чрез неправое нападение и насилным образом кто обижен будет, хотя кто и должен (ежели задран будет) 357 столко долго уступать, елико возможно, и так без смертнаго убивства из страху спастись; однакож насупротив того, когда уже в страхе есть, и невозможно более уступать, тогда не должен есть от соперника себе перваго удара ожидать, ибо чрез такой первый удар может тако учинится, что и противится весьма забудет.

Ежели сыщется, что преступитель правил нужного оборонения преступил, и не так прилежно смотрел, то он, понеже в начале достойные притчины имел к нужному оборонению, не животом, но по разсуждению

судейскому жестоко, тюрмою, штрафом денежным или шпицрутемном имеет быть наказан, купно же надлежит на него и церковное покаяние положить.

Артикул 158. Ежели учинится смертный убой, хотя ненарочно и неволею, чтоб кого убить или поранить, однакож сочинитель того виновен есть, понеже убивство от того произошло: и тако наказание исполнитца над виновным по делу и состоянию оного, и какую вину в том имеет, или тюрмою, денежным наказанием, шпицрутеном или сему подобным.

Толкование. Например: ежели салдат мушкет свой крепко зарядил, а не в пристойном или в таком месте, где люди ходят, будет в цель стрелять, и ранит человека, или при заряде ружья своего будет неосторожно поступать и кого нибудь застрелит; хотя сие за наглое убийство причесть невозможно, однакож салдат в том виновен, что в таком месте стрелял, и с оружием своим осторожнее не поступал. И в сем случае можно виновному церковное покаяние взложить, купно с другими наказаниями.

Ежели кто кого с ненависти то;лк;нет, или; что с злости на него бросит, или учинит ему что из недружбы, от чего умрет, то оный обыкновенной смертной казни подвержен.

Ежели кто в драке убит будет, и в оной других много было, и его били, а подлинно дознатца будет невозможно, ниже уведать, кто его именно поранил и умертвил, а из них кто нибудь один будет по дознанию и угадом приличен; тогда того жестоко допросить, и мочно его пытать. А буде весьма невозможно уведать, кто из них убийца есть и никто из них гораздо неприличен, то по правам в таком сумнении состоит никого не пытать, ниже смертью казнить надлежит, но их всех тюрмою, штрафом денежным, шпицрутеном или протчим наказать, притом же и к церковному покаянию всех принудить.

Артикул 159. Но весьма неумышленное и ненарочное убивство, у котораго никакой вины не находитца, оное без наказания отпустится.

Толкование. На пример: егда в поле ученье стрелянию в цель отправится, и случитца, что кто нибудь за цель пойдет, а его не усмотрят, или побежит чрез место между стреляющим и целью, и тем выстрелом умерщвлен будет, в таком случае учинитель того конечно свободен есть.

Артикул 160. Ежели кто кому прикажет кого смертно убить, 358 оный також яко убийца сам имеет казнен быть смертью, а именно голову ему отсечь.

Артикул 161. А ежели ж кто для прибыли или в надежде к какой прибыли договоритца, найметца или даст себя подкупить, или готова себя учинит кого убить смертно, тогда оный купно с тем, кто его нанял, подкупил или упросил, колесом разломан, и тела их на колеса положены быть имеют.

Толкование. Сие наказание имеет свое исполнение, хотя обещанная кому прибыль вскоре отдана, или впредь еще имеет быть заплачена, или хотя точию едина надежда к прибыли учинена, и обещание в том дано было.

Ежели тот, котораго умертвить хотели, подлинно не убит, однакож на него нападение было, и оный побит или ранен, то как подкупщик, так и наемщик мечем казнены, и обоих тела на колеса положены будут.

Артикул 162. Ежели кто другаго отравою погубит, онаго надлежит колесовать.

Артикул 163. Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера наглым образом умертвит, оного колесовать, а тело его на колесо положить, а за протчих мечем наказать.

Толкование. Ежели сие убийство учинитца не нарочно, или не в намерении кого умертвить, якобы кто похотел жену свою или дитя наказать, и оную так жестоко побьет, что подлинно от того умрет, то правда, что наказание легчее бывает. А ежели умышленное убивство будет, тогда убийца имеет мечем наказан быть.

Артикул 164. Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в безчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу.

Толкование. А ежели кто учинил в безпамятстве, болезни, в меленхолии, то оное тело в особливом, но не в безчестном месте похоронить. И того ради должно, что пока такой самоубийца погребен будет, чтоб судьи наперед о обстоятельстве и притчинах подлинно уведомились, и чрез приговор определили б, каким образом его погребсти.

Ежели салдат поиман будет в самом деле, что хотел себя сам убить, и в том ему помешали, и того исполнить не мог, а учинит то от мучения и досады, чтоб более не жить, или в безпамятстве и за стыдом, оный по мнению учителей прав с безчестием от полку отогнан быть имеет. А ежели ж кроме вышепомянутых притчин сие учинил, онаго казнить смертию.

Глава двадцатая — о содомском грехе, о насилии и блуде

Артикул 165. Ежели смешается человек со скотом и безумною тварию, и учинит скверность, оного жестоко на теле наказать.

Артикул 166. Ежели кто отрока осквернит, или муж с мужем мужеложствует, оные яко в прежнем артикуле помянуто, имеют быть 359 наказаны. Ежели же насильством то учинено, тогда смертию или вечно на галеру ссылкою наказать.

Артикул 167. Ежели кто женской пол, старую или молодую, замужнюю или холостую, в неприятельской или дружеской земли изнасилствует, и освидетелствуется, и оному голову отсечь, или вечно на галеру послать, по силе дела.

Толкование. Скверныя женщины обыкновенно, когда в своих скверностях, иногда многия скверности учинят, предлагают, что насилством чести своей лишены и насилствованы. Тогда судье их такому предложению вскоре не надлежит верить, но подлиннее о правде выведать, и чрез сие насилие мочно освидетельствовать, егда изнасильствованная свидетелей

имеет, что оная с великим криком других на помощь призывала, а ежели сие дело в лесу или в ином каком единаком месте учинилось, то оной женщине, хотя б она и в доброй славе была, невозможно вскоре верить. Однако же судья может при том случившияся обстоятелства разсмотреть, и егда обрящет ее честну, то может онаго пытать или к присяге привесть.

А такия обстоятельства меж другим могут сии быть:

(1) Ежели у женщины или у насилника, или у них обоих, найдется, что платье от обороны разодрано.

(2) Или у единаго, или у другаго, или синевы или кровавые знаки найдутся.

(3) Ежели изнасиленная по скором деле к судье придет, и о насилствии жалобу принесет. При котором случае ее притвор и поступки гораздо примечать потребно. А ежели несколько времяни о том умол;чит, и того часу жалобы не принесет, но умолчит единый день или более потом, то весьма повидимому видно будет, что и она к тому охоту имела.

Хотя правда, некоторыя права насилие над явною блудницею не жестоко наказать повелевают, однакож сие все едино. Ибо насилие есть насилие, хотя над блудницею или честною женою, и надлежит судье не на особу, но на дело и самое обстоятелство смотреть, в чем саксонския права зело согласуются. Начатое изнасилствие женщины, а неокончанное наказуется по разсмотрению.

Артикул 168. Кто честную жену, вдову или девицу тайно уведет, и изнасилничает, а оная вскоре, или потом хотя в том позволила, онаго казнить смертию, отсечь голову.

Толкование. Сие обыкновенное наказание силы не имеет, ежели уведенная уводчикова была невеста зарученная, а отеческой ниже душеприкащиковой воле подвержена не была.

Артикул 169. Ежели муж женатый с женою замужнею телесно смешаетца, и прелюбодеяние учинят, оные оба наказаны да будут, по делу и вине смотря.

Артикул 170. Одинакое прелюбодеяние, когда едина особа в супружестве обретается, а другая холостая есть, оная, по состоянию особ и обстоятельству, имеет жестоким заключением, шпицрутеном, и отставлением от полку, или посылкою на каторгу на время наказана быть.

Толкование. Ежели невинной супруг за прелюбодеющую супругу 360 просить будет, и с нею помиритца, или прелюбодеющая сторона может доказать, что в супружестве способу не может получить телесную охоту утолить, то мочно наказание умалить.

Единакое прелюбодейство також чинится, есть ли холостой с девкою, а за другаго сговоренною невестою смешаетца.

Артикул 171. Кто при живой жене своей на другой браком сочетается, и тако две жены разом иметь будет, онаго судить по церковным правилом.

Артикул 172. А ежели супруг или хотя супруга к тому обмануты, в супружество вступит с тем, кто уже женат, оный от всякого наказания уволен, и в прежней чести и достоинстве содержан будет.

Артикул 173. Блуд, ежели двое из ближних свойственников (которым по правам в супружество вступить невозможно для свойства) телесно смешаютца, и правда в восходящей и нисходящей линии смертию казнен бывает.

Артикул 174. Ежели же учинитца в побочной линии и между ближними свояками, то по разсуждению судейскому наказаны, и виновные явное церковное покаяние принести имеют.

Артикул 175. Никакия блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутца, имеют оныя без разсмотрения особ, чрез профоса раздеты и явно выгнаны быть.

Артикул 176. Ежели холостый человек пребудет с девкою, и она от него родит, то оный для содержания матери и младенца, по состоянию его, и платы нечто имеет дать, и сверх того тюрмою и церковным покаянием имеет быть наказан, разве что он потом на ней женитца, и возмет ее за сущую жену, и в таком случае их не штрафовать.

Толкование. Ежели кто с девкою пребудет, или очреватит ее, под уговором, чтоб на ней женитца, то он сие содержать и на чреватой женитца весьма обязан.

Ежели ж отговоритца, что будто ей не обещал о женитьбе, а признает при сем, что он ее обременил, к томуж иные свидетелства явятца, из чего мочно будет видеть, что он всеконечно о супружестве обещал: то надлежит его с присягою спросить, что он с нею ни в какия супружеския дела не вступал, ниже оной обещал. А хотя она и чревата, а других доказаний нет, то не потребно его к присяге приводить.

Ежели ж оный не захочет, и не возможет присяги учинить, то должен он на чреватой женитца; також, когда доказательства и признаки, что он обещал женитца, велики и сильны суть, а опасаясь нарушения присяги, то более надлежит оного к супружеству принуждать, нежели присягою поступать.

Артикул 177. От позорных речей и блядских песней достойно и надобно всякому под наказанием удержатись.

Глава двадцать первая — о зажигании, грабительстве и воровстве

361 Артикул 178. Кто из офицеров или рядовых самоволством и нарочно без указу в маршу город, село и деревню или церкви, школы, шпитали и мельницы зажжет, печи или некоторые дворы сломает, також крестьянскую рухледь и прочее что потратит, оный купно с теми, которые помогали, яко зажигатель и преступитель уложения смертию имеет быть казнен и сожжен.

Артикул 179. А ежели каким небрежением и неосторожностью, или виною офицеров или салдат, такие подобные пажары в квартирах или инде где учинятца, то оные, которые в том виновны, убыток по судейскому приговору наградить. И сверх того, по изобретению вины и неосторожности, наказаны имеют быть.

Артикул 180. Також и с теми таким же образом поступать надлежит, когда у подданных дворы, бревна, заборы и протчее сломаны и сожжены, или хлеб на поле стравлен, или потрачен будет, разве по необходимой нужде востребуется и на то позволится.

Артикул 181. Також в земле неприятельской никто б не дерзал без указу, на котором бы месте ни было, зажигать или огонь вбросить. Кто против того учинит, оный по приговору военнаго суда, как для убытку и ущербу, чрез что войско его величества понесет, так и для прибытку, чрез что неприятель получит, жестоким заключением, отставлением от службы, шпицрутеном наказан будет. А ежели сожжет квартиры началных своих или и других, умыслом для какого зла, той весьма смертию казнен имеет быть.

Артикул 182. Никто бы, ниже офицер, рейтар или солдат не дерзал никакогоб человека, его величества подданного или нет, грабить и насилить, или что у него силою отнимать, хотя на улице, в походе чрез землю, или в обозе, городех, крепостях и деревнях, под наказанием на теле и смертию.

Артикул 183. Також бы никто у тех, которые сквозь караул пойдут, денег, или иного чего насильно брать не дерзал, под смертною казнию.

Толкование. Вышеозначенные оба артикула разумеются, ежели с невооруженною рукою чинится.

Артикул 184. Ежели кто подарков, прибыли или ползы себе ради чрез караул кого пропустит, где не надлежит пропускать, оного надлежит повесить.

Артикул 185. Кто людей на пути, и улицах вооруженною рукою нападет, и оных силою ограбит или побьет, поранит или умертвит, оного

купно с теми, которые при нем были и помогали, колесовать и на колеса тела их потом положить.

Толкование. Ежели кто ворветца без оружия, или войдет в дом без насилства в конюшню или хоромы, или отопрет сундуки, хоромы воровскими ключами, от чего никакого насилия или убийства 362 опасатись не надлежало, онаго шпицрутенами, яко протчих воров наказать.

Також ежели вор, правда, ворветца в намерении украсть, но и в том пойман или отогнан, или помешает ему кто, что ничего с собою не унес, оного також шпицрутенами полегче наказать надлежит.

Впротчем, в правах позволено вора, который в ночи в дом ворветца, без страху наказания умертвить, ежели его без своего опасения преодолеть было невозможно. Ибо надлежит разсудить, что вор не для единой кражи, но чтоб и умертвить, в дом ночью врываетца.

Артикул 186. Кто церкви или иныя святыя места покрадет, или у оных что насилно отъимет, також и тех, которые в обоз, крепости и городы всякой провиант привозят, оный имеет быть лишен живот, и тело его на колесо положено.

Артикул 187. Ежели кто человека украдет и продаст, оному надлежит, ежели докажется, голову отсечь.

Артикул 188. Кто украдет что из намету или палубов, в поле или в походе, и в том будет пойман, оному отрезать уши и нос.

Артикул 189. Ежели кто в воровстве пойман будет, а число краденаго более двадцати рублев не превозыдет, то надлежит вора в первые шестью сквозь полк прогнать шпицрутен, вдругоредь двенадцатью, а втретие, отрезав нос и уши, сослать на каторгу, а украденное всегда от него отобрать.

Толкование. Оные, которые в воровстве конечно вспомогали, или о воровстве ведали, и от того часть получили, или краденое ведая добровольно приняли, спрятали и утаили, оные властно, яко самые воры, да накажутся.

Ежели многие вкупе в воровстве поиманы будут, те все, хотя их много или мало, всяк так наказан будет, яко бы един все воровство учинил.

Овощные воры, такожде которые дрова, кур, гусей и рыбы крадут, по разсмотрению воровства да накажутся.

Артикул 190. Ежели кто купит или продаст, ведаючи краденыя вещи и скроет, и содержит при себе вора, оной яко вор сам наказан быть имеет.

Артикул 191. Ежели кто украдет (1) ценою более двадцати рублев, (2) в четвертые, (3) ежели во время нужды водяной или пожарной или (4) из артиллерии, магазейну, амуниции или цейхгауза его величества, или (5) от своего собственнаго господина, или (6) от товарыща своего, или (7) на месте, где он караул имел, оный хотя много или мало украл, имеет быть повешен.

Артикул 192. Ежели кто, стоя на карауле, что украдет, много или мало, оный имеет быть повешен.

Артикул 193. Ежели кому что в верные руки на сохранение дастся, а потом в принятии он запрется, или иным каким способом искать будет, чтоб утаить, тогда оного, яко вора, таким же образом, по состоянию дела и цене повереннаго ему добра, наказать.

Артикул 194. Кто его величества или государственныя деньги в 363 руках имея, из оных несколько утаит, украдет, и к своей пользе употребит, и в расходе меньше записано и сочтено будет, нежели что он получил, оный живота лишится и имеет быть повешен. Тую же казнь чинить и тем, кои ведая про то, а не известят.

Артикул 195. Ежели кто что найдет в походе или инде где, на дороге и местах, хотя б что ни было, оный долженствует офицеру своему о сем донести, и найденое без замедления принести, дабы у пароля или инако о сем объявлено, и найденое господину, кому надлежит, отдано было. Кто инако учинит, имеет наказан быть якоза кражу, и найденное паки возвратить.

Толкование. Ежели кто что найдет, и оное по должности объявит и отдаст, оному надлежит за труды дать тринкгельд (или на пропой), дабы с третьею долею найденнаго равно могло быть ценою.

Наказание воровства обыкновенно умаляется, или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет, или кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть.

Глава двадцать вторая — о лживой присяге и подобных сему преступлениях

Артикул 196. Кто лживую присягу учинит, и в том явственным свидетелством обличен будет, оному надлежит два пальца, которыми он присягал, отсечь, а его послать на катаргу.

Толкование. Сие надлежит точию разумети о том, который лживую присягу подлинно учинил, но ненадобно так оное распространять, чтоб и того сим же наказанием отягчать, который не омыслясь к присяге представит себя. Ибо сие безпамятству причитается. А ежели потом освидетелствуется, без наказания отпущен быть не имеет.

Артикул 197. Ежели таковой клятвопреступник чрез свою лживую присягу кому чинит вред на теле или в имении, то оного надлежит по розыску дела и по судейскому приговору жестоко наказать, а иногда и весьма живота лишить.

Артикул 198. Також и с таковыми клятвопреступники и свидетелми поступать должно, которые по учиненной присяге, ложно свидетельствовали, и невинному учинят вред.

Толкование. И все сии, которые найдены будут во лживой присяге, могут сверх других наказаний явным церковным покаянием наказаны быть.

Артикул 199. Кто лживую монету будет бить или делать, оный имеет живота лишен, и по великости нарушения сожжен быть.

Толкование. Монета трояким образом фалшиво делается, 364 (1) когда кто воровски чужим чеканом напечатует, (2) когда не прямую руду (металл) примешает, (3) когда кто у монеты надлежащей вес отъимет, и сие последнее не животом наказано, но чести и имения своего лишены бывают.

Артикул 200. Ежели кто мерою и весом лживо поступит, оный не точию то добро (которым он обманул) имеет возвратить втрое, но и сверх того денежный штраф дать, и на теле имеет быть наказан.

Артикул 201. Фальшивых печатей, писем и росхода сочинители, имеют на теле наказаны, или чести и имения, пожитков и живота лишены быть по состоянию, ежели обман велик или мал, или вредителен есть.

Артикул 202. Ежели кто с умыслу, лживое имя или прозвище себе примет, и некоторый учинит вред, оный за безчестнаго объявлен и по обстоятельству преступления, наказан быть имеет.

Толкование. А ежели кто без обмана и без всякаго вредительнаго намерения, но от страху себе наказания на теле или живота лишения, имя свое переменит, оного никако не надлежит наказывать. И такое ему пременение имяне в правах допущаетца, и не запрещается.

Артикул 203. Ежели кто явно прибитые указы, повеления нарочно и нагло раздерет, отбросит, или вычернит, оный посланием на каторгу с жестоким наказанием или смертию, а ежели небрежением каким, то денежным штрафом, тюрмою, шпицрутеном и прочим, по великости преступления, наказан быть имеет.

Глава двадцать третья — о палаче и профосах

Артикул 204. Никто да не дерзает генералу-гевальдигеру, профосам и протчим судейским служителям, во управлении чина их, и когда оныя захотят взять винного, возбранять и воспрепятствовать, ниже б им

противитися, ниже на палача каким образом нападать, когда он какую казнь по указу отправлять будет, под потерянием живота.

Толкование. Ибо сии суть слуги началства; и ежели им что непристойное учинится, почитается властно, якобы высокому началству самому сие приключилось, и в отправлении должности их помешано.

Когда палач к смерти осужденному имеет голову отсечь, а единым разом головы не отсечет, или когда кого имеет повесить, а веревка порветца, и осужденный с виселицы оторветца, и еще жив будет, того ради осужденный несвободен есть, но палач имеет чин свой до тех мест отправлять, пока осужденный живота лишится, и тако приговор исправлен быть может.

Артикул 205. Ежели осужденный будет противитца против того, который командрован будет его взять, а оного взять будет невозможно, тогда хотя осужденнаго оный и убьет, то за оное 365 наказать не надлежит. Однакож сие для обыкновенных воров, а не чрезвычайных, яко бунтовщиков и изменников, которых убийством могут многие товарыщи покрыты быть.

Глава двадцать четвертая — о утаении, и увозе злодеев

Артикул 206. Никто б ни вышняго, ниже нижняго чина, никаким образом не дерзал, никого из неприятелей, изменника какова или злодея утаить, или под каким видом уводить, дабы от заслуженнаго наказания оного освободить, под необходимою смертною казнию.

Толкование. Каждый должен злодея задержать и возпрепятствовать, чтоб не ушел, пока оный надлежащему караулу отдан не будет.

Сие наказание и над оными произведено бывает, которые к сему делу вспомогали.

Артикул 207. Когда злодей караулу или генералу-гевальдигеру или профосам уже отдан, и оным онаго стеречь приказано будет, а злодей чрез

небрежение их уйдет, или от них без указу отпуститца, тогда оные, которые в сем виновны, вместо преступителя имеют надлежащее наказание претерпеть.

Артикул 208. Ежели офицеру о погрешении салдата его донесено будет, тогда имеет оного немедленно за арест взять и погрешение онаго объявить. Ежели ж сего не учинит, то впервые шесть месяцев рядовым салдатом служить принужден, а вдругоредь яко негодный офицер отставлен быть.

Артикул 209. Кто когда ошельмован или в руках палачевых был, оный в войске его величества терпим да не имеет быть, но надлежит оного отослать.

Толкование. Салдаты и офицеры в великих преступлениях, как и протчие злодеи могут быть пытаны, в сем нет сомнения, ибо в то время не яко салдат или офицер, но яко злодей почитается. Ежелиж он на пытке явится невинен, или от его величества, или фелтмаршала весма прощен будет, то для невинности своей высокоповеренный чин свой может конечно паки отправлять, хотя он и в палачевских руках и на пытке был. Однакож иногда в сем деле бывает не без трудности до тех мест, пока над ним публично знамя не возложится. И тако чрез сие паки за честного причтен, и всем всеконечно запрещено будет, дабы ему сим впредь не попрекать.

МОРСКОЙ УСТАВ[1]

Выдержки из Морского устава 1720 г.

Все воинские корабли Российские не должны ни перед кем спускать флаги, вымпелы и марсели.

Если кто свой мундир, ружье проиграет, продаст или в заклад отдаст, оный имеет в первый и в другой раз жестоко кошками и заплатою утраченного наказан. А в третье расстрелян или на галеру сослан быть.

[1] Цит. по: Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. — М., 1986.

Кто свое ружье бросит, оный шпицрутенами наказан жестоко будет.

Кто к неприятелю перебежит, того имя к виселице будет прибито, и оный, как нарушитель присяги, изменником публично объявлен имеет быть… и ежели он пойман будет, без всякой милости и процессу повесить его надлежит.

Которые во время боя оставят свои места, дабы укрыться, те будут казнены смертью. Такожды и те будут казнены, которые похотят сдаться или иных к тому будут подговаривать.

Ежели кто на вахте найдется спящ на пути едучи против неприятеля, ежели он офицер, лишен будет живота, а рядовой жестоко наказан будет биением кошками у шпиля.

Провиант определенный больным кто украдет и продаст, того с наказанием сослать на галеру. А кто съест, тот вчетверо заплатит и сверх того бит будет у мачты.

Кто пасквили или ругательские письма тайно сочиняет и тако кому бесчестие учинит, оному надлежит наказание такое учинить, что было довелось тому, про кого он писал, ежели он в том виноват был.

Запрещается офицерам и рядовым привозить женский пол для беседы их во время ночи, но токмо для свидания и посещения днем.

Никто не дерзнет никакого табаку или горячего вина и прочих заповедных питий для продажи на корабль привозить под потерянием всего того без повороту и сверх того наказанием по обстоятельству, по важности вины смотря.

Кто лживую присягу учинит и в том явственном свидетельством обличен будет, оный с наказанием послан будет на галеру навечно.

Все вызовы, драки и поединки наижесточайше запрещаются, таким образом, чтобы никто, хотя 6 кто он ни был, великого или низкого чина, прирожденный здешний или иноземец, отнюдь не дерзал соперника своего вызывать на поединок с ним на пистолетах или на шпагах биться. Кто против

сего учинит, оный всеконечно, как вызыватель, имеет быть казнен, а именно повешен, хотя кто из них будет ранен или умерщвлен или хотя оба не ранены от того отойдут. И ежели случится, что оба или один из них в таком поединке убит будет, то их и по смерти за ноги повесить. Такой же казни повинны и секунданты, которые при оных поединках будут.

Капитан повинен разделить всех людей, которые будут на корабле, прежде чем выйдут в море, на три равные части для управления парусами и прочим, дабы каждый знал свое место. А для этого расписание иметь по кубрикам, а одно прибить к бизань-мачте. Кроме того, надлежит капитану распределять людей для боя, назначив их к пушкам, мелкому ружью, к управлению парусами и прочего, как надлежит быть во время боя. Так, чтобы всякий человек, когда бы ни спрося, мог знать свою должность и место в бою.

Никто не дерзнет никакого табаку или горючего вина и прочих заповедных питий для продажи на корабль привозить под потерянием всего того без повороту и сверх того наказанием по обстоятельству, по важности вины смотря.

Штурманов во время баталии на верхнюю палубу не пущать, ибо они своим гнусным видом, всю баталию расстраивают.

Штурманов в кабаки не пущать, ибо они, отродье хамское, не замедля напиваются и дебош устраивают.

ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ[1]

Между многими, по долгу Богоданныя Нам власти, попеченьми о исправлении народа Нашего, и прочих подданных Нам Государств, посмотря и на Духовный чин, и видя в нем много нестроения и великую в делах его скудость, не суетный на совести Нашей возымели Мы страх, да не явимся

[1]Цит. по: Духовный регламент. — М., 1804.

неблагодарни Вышнему, аще толикая от Него получив благопоспешества во исправлении как Воинскаго, так и Гражданскаго чина, пренебрежем исправление и чина Духовнаго. И когда нелицемерный Он Судия, воспросит от нас ответа о толиком Нам от Него врученном приставлении, да не будем безответни. Того ради образом прежних, как в Ветхом, так и в Новом Завете, Благочестивых Царей, восприяв попечение о исправлении чина Духовнаго, а не видя лучшаго к тому способа, паче Соборнаго Правительства. Понеже в единой персоне не без страсти бывает; к тому ж не наследственная власть, того ради вящше не брегут. Уставляем Духовную Коллегию, то есть Духовное Соборное Правительство, которое по следующем зде Регламенте, имеет всякия Духовныя дела во Всероссийской Церкви управлять. И повелеваем всем верным подданным Нашим, всякаго чина, Духовным и мирским имети сие за важное и сильное Правительство, и у него крайния дел Духовным управы, решения и вершения просить, и судом его определенным довольствоватися, и указов его слушать во всем, под великим за противление и ослушание наказанием, против прочих Коллегий.
Должна же есть Коллегия сия, и новыми впредь правилами дополнять Регламент свой, яковых правил востребуют разные разных дел случаи. Однакож делать сие должна Коллегия Духовная на базе Нашего соизволения.
Определяем же в сей Духовной Коллегии быть именованным зде Членам: единому Президенту, двоим Вице-Президентам, четырем Советникам, четырем Ассессорам. А понеже помянулось в сем Регламенте в первой части, в седьмом и осьмом пунктах, что Президент подлежати имать суду своея братии, сие есть тойжде Коллегии, аще бы в чем знатно погрешил; того ради определяем и голос оному иметь един с прочими равный.
Имеют же все Члены сея Коллегии при вступлении в свое дело, учинить присягу или обещание пред Святым Евангелием, по приложенной форме присяги.

Присяга Членам Духовныя Коллегии

Аз, нижеименованный, обещаюся и клянуся Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, что должен есмь, и по долженству хощу, и всячески тщатися буду в советах и судах и всех делах сего Духовнаго Правительствующаго Собрания искать всегда самыя сущия истины и самыя сущия правды, и действовать вся по написанным в Духовном Регламенте уставам, и аще кия и впредь согласием сего Духовного Правительства, и соизволением Царскаго Величества определена будет. Си же вся буду действовать по совести моей не работствуя лицеприятию, не болезну враждою, завистию, упрямством, и просто никаковыми же пленяяся страстьми, но с страхом Божиим, всегда имея в памяти неумытный суд Его, со искреннею Бога ближняго любовию, полагая всем мыслям и словам и действиям моим, яко вину конечную, славу Божию, и спасение душ человеческих и всей Церкви созидание, не иский, яже моя, но яже Господа Иисуса. Клянуся же Богом живым, что всегда, памятствуя страшное слово Его: проклят всяк творяй дело Божие с небрежением, во всяком деле сего Правительствующаго Собрания, яко в деле Божии, ходити буду безленостно, со всяким прилежанием, по крайней моей силе, пренебрегая всякия угодия и упокоения моя. И не буду притворять мне невежества; но аще в чем недоумение мое будет, всячески потщуся искать уразумения и ведения от священных писаний, и правил соборных, и согласия древних великих учителей. Клянуся паки Всемогущим Богом, что хощу, и должен есмь моему природному и истинному Царю и Государю Петру Первому, Всероссийскому Самодержцу и прочая, и по нем Его Царскаго Величества Высоким законным Наследникам, которые, по изволению и Самодержавной Его Царскаго Величества власти, определены, и впредь определяеми, и к восприятию Престола удостоены будут. И Ея Величеству, Государыне Царице Екатерине Алексеевне верным, добрым и послушным рабом и подданным быть. И все к

высокому Его Царскаго Величества самодержавству, силе и власти принадлежащия права, и прерогативы (или преимущества), узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать, и оборонять, и в том живота своего в потребном случае не щадить. И при том по крайней мере старатися споспешествовать все, что к Его Царскаго Величества верной службе и пользе во всяких случаях касатися может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, нетокмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися буду. Когда же к службе и пользе Его Величества, или церковной, какое тайное дело, или какое бы оное ни было, которое приказано мне будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне, и никому не объявлять, кому о том ведати не надлежит, и не будет повелено объявлять. Исповедую же с клятвою крайняго Судию Духовныя сея Коллегии, быти Самаго Всероссийскаго Монарха, Государя Нашего Всемилостивейшаго. Клянуся и еще Всевидящим Богом, что вся сия, мною ныне обещаваемая, не инако толкую во уме моем, яко провещаваю устнами моими, но в той силе и разуме, яковую силу и разум написанныя зде слова чтущим и слышащим являют. Утверждаю клятвою моею, буди мне Сердцевидец Бог, обещания моего Свидетель, яко неложное есть. Аще же есть ложное и не по совести моей, буди мне тот же Правосудный отмститель. В заключении же сея моея клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

Регламент или Устав Духовныя Коллегии, по которому оная знать долженства своя, и всех духовных чинов, такожъ и мирских лиц, поелику оныя управлению духовному подлежат, и при том в отправлении дел своих поступать имеет

Разделяется же Регламент сей на три части, по числу триех духовных нужд, ведения достойных и управления требующих, которыя суть:

1) Описание и важныя вины таковаго правления.
2) Дела, управлению сему подлежащая.
3) Самых управителей должность, действо и сила.

А управления основание, то есть, закон Божий, в священном писании предложенный, тако ж каноны, или правила соборныя Святых Отец и уставы гражданские, слову Божию согласные, собственной себе книги требуют, а зде не вмещаются.

Часть I. – Что есть духовное Коллегиум, и каковыя суть важныя вины таковаго правления

Коллегиум правительское не что иное есть, токмо правительское собрание, когда дела некия собственныя не единому лицу, но многим к тому угодным, и от Высочайшей власти учрежденным подлежат ко управлению. Ино же есть Коллегиум единовременное, ино же всегдашнее. Единовременное есть, когда на едино некое случившееся дело, или на многая, но в едином времени решения своего требующия, собираются угодныя к тому лица. Таковые суть церковные Синоды и гражданские, чрез обычайные розыски, трибуналы, и советы. Всегдашнее же Коллегиум есть, когда именным некиим делам, часто или всегда в отечестве бываемым, определяются ко оных управлению число некое довольное мужей.

Таковое было церковное Синедрион в Ветхозаветней церкви во Иерусалиме, и гражданский суд Ареопагитов в Афинех, и иныя в том же городе правительствующия собрания, нарицаемыя Дикастериа. Подобне и во многих иных Государствах, как древних, так и нынешних. Таковыя различныя Коллегии, по различию дел и нужд Государственных, Державнейший Царь Всероссийский, Петр Первый премудре на пользу

отечества державы Своея уставил в лето 1718.
А яко Христианский Государь, правоверия же и всякаго в церкви Святей благочиния блюститель, посмотрев и на духовныя нужды, и всякаго лучшаго управления оных возжелав, благоволил уставити и духовное Коллегиум, которое бы прилежно и непрестанно наблюдало, еже на пользу церкви, да вся по чину бывают, и да не будут нестроения, еже есть желание Апостола, или паче Самаго Бога благоволение.
Да не возмнит же кто, что сие управление не угодно есть, и лучше бы единому лицу дела духовныя всего общества правити, якоже частных стран, или Епархий дела управляют кийждо особ Епископи. Предлагаются зде важныя вины, которыя показуют, что сие правление соборное всегдашнее, и аки всегдашний Синод или Синедрион, совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же в Государстве Монаршеском, яковое есть Наше Российское.

1. Во первых бо известнее взыскуется истина собораным сословием, нежели единым лицем. Древне пословие есть Греческое: другие помыслы мудрейшие суть, паче первых; то кольми паче помыслы многие, о едином деле разсуждающие, мудрейшие будут, паче единаго. Случается, что в некоей трудности усмотрит тое человек простый, чего не усмотрить книжный и остроумный; то как не нужно есть Соборное Правительство, в котором предложенную нужду разбирают умы многие, и что един не постигнет, то постигнет другий, а чего не увидит сей, то он увидит? И тако вещь сумнительная и известнее и скорее объяснится, и каковаго требует определения, не трудно покажется.

2. А яко известие в познании, тако и сила в определении дела большая зде есть понеже вящше ко уверению и повиновению преклоняет приговор соборный, нежели единоличный указ. Монархов власть есть Самодержавная, которым повиноватися Сам Бог за совесть повелевает; паче советников своих

имеют не токмо ради лучшаго истины взыскания, но дабы и не клеветали непокоривые человецы, что се, или оно силою паче и по прихотям своим, нежели судом и истиною заповедует Монарх: то кольми паче в Церковном правлении, где правительство не монаршеское есть, и правителем заповедуется, да не господствуют клиру. Где аще един что уставляет, могут противницы единым лица его оклеветанием силу уставлению его отъяти, чего не так возмогут, где от соборного сословия определение происходит.

3. Се же наипаче сильно есть, когда Коллегиум правительское под Державным Монархом есть и от Монарха уставлено. Яве бо зде, что Коллегиум не есть некая факция, тайным на интерес свой союзом ложившаяся, но на добро общее повелением Самодержца, и Его ж с прочими разсмотрением собранныя лица.

4. Еще же и се важное есть, что в единоличном правлении часто бывает дел продолжение и остановка за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугом и болезнию. А когда в живых не станет его, то и паче пресецаются дела. Инако в правлении Соборном: не присудствующу единому, аще бы и первейшему лицу, действуют другие, и дело идет непресекомым течением.

5. Но се наипаче полезно, что в Коллегиум таковом не обретается место пристрастию, коварству, лихоимному суду. Како бо могут сложитися в заступление винной, или во осуждение невинной стороны, где аще и будет един от них к лицу судимому пристрастен или яростен, обаче другий и третий и прочии от гнева и пристрастия того свободни? Како же и мзда одолети может, где не по власти, но по правильным и важным причинам дело вершится, и един другаго (аще благословной мнения своего вины не покажет) зазорится, да не познан будет во мздоимстве своем? Се же наипаче, егда Коллегиум состоится в таковых лицах, которым отнюдь невозможно тайно всем слагатися, сиесть, аще будут лица разного чина и звания:

Епископи, Архимандриты, Игумены и от властей белаго Священства. Во истинну не видать зде, како таковые друг другу и открывати дерзнут коварное некое умышление, нетокмо что согласитися на неправость.

6. И се тому ж подобно, что Коллегиум свободнейший дух в себе имеет к правосудию: не тако бо, яко же единоличный правитель гнева сильных боится; понеже и причины проискивать на многих, а еще разностатейных особ, не тако удобно есть, яко на единаго человека.

7. Велико и сие, что от соборнаго правления не опасатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от Самодержавной; но великою высочайшаго пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковый правитель есть то вторый Государь Самодержцу равносильный, или и больши Его, и что духовный чин есть другое и лучшее Государство, и се сам собою народ тако умствовати обыкл. Что же егда еще и плевелныя властолюбивых духовных разговоры приложатся, и сухому хврастию огнь подложат? Тако простыя сердца мнением сим развращаются, что не так на Самодержца своего, яко на верховнаго пастыря, в коем либо деле смотрят. И когда услышится некая между оными распря, вси духовному паче, нежели мирскому правителю, аще и слепо и пребезумно согласуют, и за него поборствовати и бунтоватися дерзают, и льстят себе окаянныя, что они по Самом Бозе поборствуют, и руки своя не оскверняют, но освящают, аще бы и на кровопролитие устремилися. Такому же в народе мнению вельми ради и не простые, но коварные человецы; тии бо, на Государя своего враждующе, егда увидят ссору Государя с пастырем, похищают то за добрый случай злобе своей, и под видом Церковной ревности, не сумнятся подносить руки на Христа Господня; и к тому ж беззаконию, яко к делу Божию, подвизают простой

народ. Что ж, когда еще и сам пастырь таковым о себе надмен мнением, спать не похощет? Изрещи трудно, коликое отсюду бедствие бывает.

И не вымыслы то дал бы Бог, чтоб о сем домышлятися только мощно было, но самою вещию не единожды во многих Государствах сие показалося. Вникнуть только во Историю Константинопольскую, нижае Иустиниановых времен, и много того покажется. Да и Папа не иным способом толико превозмог, не точию Государство Римское полма пресече, и себе великую часть похити, но и иные Государства едва не до крайняго разорения не единожды потрясе. Да не воспомянутся подобные и у нас бывшие замахи! Таковому злу в Соборном духовном Правительстве несть места. Ибо несть зде и на самом Президенте великия, и народ удивляющия славы, несть лишния светлости и позора, несть высокаго о нем мнения, не могут ласкатели безмерными похвалами возносити его. Понеже что либо таковым Правительством доброе делается, невозможно единому Президенту восписоватися. Самое имя Президента не гордое есть, не иное бо что значит, только Председателя; не может убо ниже сам о себе, ниже кто иный о нем высоко помышляти. А когда еще видит народ, что Соборное сие Правительство Монаршим указом и Сенатским приговором уставлено есть; то и паче пребудет в кротости своей, и весьма отложит надежду имети помощь к бунтам своим от чина духовнаго.

8. Еще и сие угодие Церкви и Государству от таковаго Соборнаго Правительства будет, что в нем нетокмо един некто от соседателей, но и сам Президент или Председатель подлежати имать суду своея братии, то есть томужде Коллегиум, аще бы в чем знатно погрешил, не так как деется, где един самовластный пастырь владеет: ибо он не похощет от подручных себе Епископов судитися. Аще же бы к тому и принужден был, то обаче в народе простом, правосудия неведущем, и слепо разсуждающем, таковый суд был бы подозрительный и поношению подверженный. От чего деется, что на

злаго таковаго единовластителя нужда есть созывати Собор Вселенский, что и с великою всего отечества трудностию, и с не малым иждивением бывает, и в нынешния времена (когда восточные Патриархи под игом Турским живут, и Турки Нашего Государства вящше, нежели прежде опасаются) отнюдь мнится быти невозможно.

9. Наконец в таковом Правительстве Соборном будет аки некая школа правления духовнаго. Ибо от сообщения многих и различных разсуждени, и советом и доводов правильных, яковых частыя дела требуют, всяк от соседателей удобно может научитися духовной политики, и повседневным искуством навыкнути, как бы лучше дом Божий управлять возмогл; и потому самыя угоднейшия от числа коллегов, или соседателей, особы явятся на степень Архиерейства восходить достойныя. И тако в России, помощию Божиею, скоро от духовнаго чина грубость отпадет и надеятися всего лучшаго.

Часть II. – Дела, управлению сему подлежащая

Разсуждая же дела, которыя в духовном Коллегиум имеют управлятися, оных всех два рода являются: первый род дел обще всея церкви, как духовному, так и мирскому чину, и всем великим и малым чиновным степеням, тако ж и рядовым особам нужных, где наблюдать подобает, аще все правильно по закону Христианскому деется. И аще что оному противно обретается, и несть ли коея скудости в наставлении, Христианину всякому подобающем, о чем мало ниже слово будет.
Второй род дел собственным чином потребных.
Чины же оные пяточисленные суть:

1. Епископи, 2.Пресвитеры, диаконы и прочий клир церковный, 3. Монахи, 4. Домы училищные, и в них учители и ученики, тако ж церковные проповедники, 5. Особы мирския, поелику участны суть наставления

духовнаго, яковое случается о правильных и неправильных браках и прочих делах, до светских людей касающихся.

О сих всех порядком, что есть важное, зде предлагается. Дела общая. Зде двое смотреть подобает, по вышеописанному предложению. Первое, аще все правильно и по закону Христианскому деется, и не деется ли что и где закону оному противное.

Второе же, аще довольное Христианом наставление употребляется. К первому насмотрению последующие пункты суть потребны:

1. Розыскать вновь сложенные и слагаемые Акафисты и иныя службы и Молебны, которые наипаче в Наша времена в Малой России сложены суть не малое число, суть ли оная сложения писанию вященому согласная? и не имеют ли нечто в себе слову Божию противное, или хотя нечто непристойное и прадословное?

2. Тако ж определить, что оныя многочисленныя моления, хотя бы и прямыя были, однако не суть всякому должныя, и по воли всякаго на едине, а не в соборе церковном употреблять оных мощно, дабы по времени не вошли в закон, и совести бы человеческой не отягощали.

3. Смотреть Историй Святых, не суть ли некия от них ложно вымышленныя, сказующия чего не было, или Христианскому православному учению противныя или бездельныя и смеху достойныя повести. И таковыя повести обличить и запрещению предать со объявлением лжи во оных обретаемой. Ибо суть таковыя явственно ложныя и здравому учению противныя. На пример, в житии Евфросина Псковскаго спор о двойственном аллилуия пения явно ложный есть, и от некоего бездельника вымышленный, в котором , кроме самаго тщетнаго догмата о двоении аллилуия, обретаются Савеллиева, Несториева и иныя ереси. И хотя автор тот невежеством погрешил, обаче духовному правительству не подобает вымыслов таковых

терпеть, и вместо здравой духовной пищи, отраву людям представлять. Наипаче, когда простой народ не может между десным и шуим разсуждать, но что либо видит в книге написанное, того крепко и упрямо держится.

4. Собственно же и прилежно розыскивать подобает оные вымыслы, которые человека в недобрую практику или дело ведут, и образ ко спасению лестный предлагают. На пример, не делать в пяток и празднованием проводить, и сказуют, что пятница гневается на непразднующих, и с великим на оных же угрожением наступает. Також поститися некиих именных дванадесять пятниц, а то для многих телесных и духовных приобретений; також собственно, аки важнейшия паче иных времен, службы почитать, обедню Благовещенскую, утреню Воскресенскую и вечерню Пятьдесятницы. Сия, на пример, воспоминаются, ибо оныя немногих и простых повреждают. Хотя и о немногих и о едином брате должно есть иметь понечение, да не соблазнится той, его же ради Христос умре; обаче суть сим же подобная учения, которая и честнейшим лицам за их простоту вероятна быти мнятся, и по тому вреднейшая суть. И таковое Киевопечерскаго монастыря предание, что погребенный тамо человек, хотя бы и без покаяния умер, спасен будет. И как далече сия и сему подобныя повести отводят от пути спасательнаго, всяк, хотя немного учению православному навыкший, но доброй совести человек, исповесть не без воздыхания.

5. Могут обрестися некия и церемонии непотребныя, или и вредныя. Слышится, что в Малой России, в полку Стародубском в день уреченный праздничный водят жонку простовласую под именем Пятницы, а водят в ходе церковном (есть ли то по истине сказуют) и при церкви честь оной отдает народ с дары и со упованием некия пользы. Також на ином месте попы с народом молебствуют пред дубом; и ветьви онаго дуба поп народу раздает на благословение. Розыскать, так ли деется, и ведают ли о сем мест

оных Епископи. Аще бо сия и сим подобныя обретаются, ведут людей в явное и стыдное идолослужение.

6. О мощах святых, где какия явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о сем наплутано. На пример,предлагаются чуждыя некия: Святаго первомученика Стефана тело лежит и в Венеции на предградии, в монастыре Бенедиктинском, в церкви святаго Георгия, и в Риме в загородной церкви святаго Лаврентия; тако ж много гвоздей креста Господня, и много млека Пресвятыя Богородицы по Италии, и иных сим подобных без числа. Смотреть же, нет ли и у Нас такого безделия?

7. О иконах Святых смотреть того, что во обещании поставляемых Епископов написано.

8. Еще сие наблюдать, чтоб как деялось, впредь бы того не было: понеже сказуют, что нецыи Архиереи, для вспоможения церквей убогих, или новых построения, повелевали проискивать явления иконы в пустыне, или при источнице и икону оную за самое обретение свидетельствовали быти чудотворную.

9. Худый и вредный и весьма богопротивный обычай вшел службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно петь, так что утреня или вечерня на части разобрана, вдруг от многих поется, и два или три молебна вдруг же от многих певчих и четцов совершаются. Сие сделалось от лености клира, и вошло во обычай, и конечно должно есть перевесть таковое богомоление.

10. Вельми срамное и сие обреталося, (как сказуют) молитвы людям, далече.отстоящим, чрез посланников их в шапку давать.Для памяти сие пишется, чтоб иногда отведать, еще ли сие деется.
Но зде не нужда исчислять все неправости: словом рещи, что либо именем суеверия нарещися может, си есть лишнее, ко спасению непотребное, на

интерес только свой от лицемеров вымышленное, а простой народ прельщающее, и аки снежные заметы, правым истины путем идти возбраняющее. Все тое к сему досмотру прилагается, яко зло общее: понеже во всяких чинах обретатися может. А зде некая токмо предлагаются для примера, чтоб от сих мощно было наблюдать и прочая. И се первый вид есть дел общих.

Вторый же общих дел вид есть, яко же предречеся, осмотреть, есть ли у нас довольное ко исправлению Христианскому учение? Ибо хотя известно есть, что самое Священное писание содержит в себе совершенные законы и заветы ко спасению нашему нужные, по гласу Апостола, 2 Тимофея 3: всяко писание богодохновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию, еже в правде, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован; обаче, понеже немногие умеют честь книги, и от книжных немногие могут вся собрать от писания, яже суть нужнейшая ко спасению; того ради требуют руководства совершеннейших мужей. Того бо ради пастырский чин от Бога уставлен, дабы от Священнаго Писания научал вверенное себе стадо. А понеже мало есть, противно толикаго Российския церкве многонародия, таковых пресвитерей, которые бы наизусть могли проповедать догматы и законы Священнаго Писания; то всеконечная нужда есть имети некия краткия и простым человекам уразумительныя и ясныя книжицы, в которых заключится все, что к народному наставлению довольно есть; и тыя книжицы прочитовать по частям в недельные и праздничные дни в церкви пред народом.

А хотя и есть таковых книг довольное число, сиесть, Омология или исповедание православное, тако ж и некиих великих учителей Святых толковательныя беседы и слова нравоучительныя; обаче се есть неудобное всему, наипаче простому народу учение. Ибо книга исповедания

православнаго немалая есть, и для того в памяти простых человек неудобь вмещаема и писано непросторечно, и для того простым не вельми внятна. Тако ж и книги великих учителей, Златоустаго, Феофилакта и прочих писаны суть Еллинским языком, и в том токмо языке внятны суть, а перевод их Славенский стал темен и с трудностию разумеется от человек и обученных, а простым невежам отнюдь непостизаемый есть. И сверх того толколвательныя беседы учительския много имеют высоких богословских таин; тако ж и немало сказуют, что тогда сказовать подобало по приклонности разных народов, и по обстоятельству оных времен, чего ныне невежливый человек к пользе своей употребить не умеет. А простому народу внушать часто подобает то, что самое есть всем обще, и всякому собственно, по своему званию должное. Еще же и невозможно книг оных иметь во всех и сельских церквах, разве в городовых, и то богатых. Того ради подобает иным способом врачевать немощь человеческую. И таковое приходит разсуждение, аще бы ведали все самыя главнейшия веры нашея догматы, и кое есть устроенное от Бога спасения нашего смотрение; и аще бы ведали заповеди Божия, еже уклонитися от зла, и творити благое: то довольное бы им было наставление. А если бы кто и при таковом ведении развращен пребыл; то сам бы таковый был пред Богом безответен, а не чин пастырский, спасению его добре служащий. И того ради нужно есть сочинить три книжицы небольшия. Первую о главнейших спасительных догматах веры нашея; тако ж и о заповедях Божиих, в Десятословии заключенных. Вторую о собственных всякаго чина должностях.

Третию таковую, в которой собранныя будут с разных Святых учителей ясныя проповеди, как о главнейших догматах, так и наипаче о грехах и добродетелях и собственно о должностях всякаго чина. Первая и вторая книжица иметь будет доводы своя от самаго Священнаго Писания, но внятныя всем и краткия. Третия же от Святых Отец тоеж, что в первой и во второй поучающая. Чтение же книжиц оных таковым порядком пойдет

изрядно. В день воскресный или в праздничный на утрени прочесть часть малую от первой, а в другой ряд часть от второй книжицы, а в тот же день по обедни прочесть слово от третей книжицы о том же самом, о чем чтение было и на утрени. И тако едино и тоеже учение, слышанное на утрени и подтвержденное на обедни, может лучше в памяти слышащих затвердитися. А так вся оныя чтомыя части разделить, чтоб все три книжицы могли быть прочтены в четверть года. Ибо тако услышит народ вся нужная своя наставления четырежды в год, и возможет слышанная добре памятовать. Но и сие еще буди известно, что первую и вторую книжицу могут и дети учить из начала букварьнаго своего учения.
А хотя оныя книжицы будут число три; обаче могут во одной небольшой книге вси три вместитися, чтоб малым иждивением могли быть купованы, и не токмо в церквах, но и в домах всякаго охотника без труда употребляемы.
Дела Епископов. Было слово о общих делах, уже нечто предлагается и о собственных, что должни Епископи, Пресвитеры, монахи и прочие.

О Епископах сия зде последующая суть ведения достойная.

1) Должни суть Епископи иметь всяк у себя соборы Вселенские и поместные, и что во оных заповедано, как их же самих чину, так и всему клиру должное, знать гораздо, что не может быть без прилежнаго и частаго чтения.

2) Должны наипаче знать степени однородства и сродства, и каковыя могут вместить в себе супружество, а каковыя не могут, или по заповеди Божией в книгах Левитских глава 18, или по церковной, в канонах отеческих и Царских. Сами бы сие ведали, а не на иного кого спускались, хотя бы и был у них искусный в сем человек.

3) А понеже как первая, так и вторая вышеупомянутая их должность не может добре знаема быть без прилежнаго чтения; а будет ли всяк охотник ко

чтению, неизвестно: того ради подан будет всем Епископам от Коллегиум Духовнаго указ, чтоб у всякаго при его трапезе чтение было канонов себе надлежащих, и разве тое могло б иногда отставатися во дни великих праздников, или при гостях достойных, или за иную некую вину правильную.

4) Если каковый случай явится трудный, и недоумевал бы Епископ, что делать; то первее да пишет о том, прося совета, ко иному ближайшему Епископу, или ко иному кому искусному; а потом, если бы и так недоволен был, писал бы к Духовному Коллегиум в Царствующий Санктпетербург ясно, и докладно, и обстоятельно.

5) Суть каноны, запрещающие Епископам долгое время мешкать вне своей Епархии (что от соборной книги имать всяк ведать). Если же необходимая зайдет нужда, вне Епархии его держащая, очередь, на пример, служения в Царствующем граде, или иная правильная вина, такоже если и немощь приидет тяжкая, и управлять дел весьма недопускающая (ибо тако немощный, равне яко и не присутствующий есть): в таковом случае должен Епископ, кроме обычайных домовых своих управителей, определить к делам некоего умнаго и житием честнаго мужа, Архимандрита или Игумена, придав к нему в помощь и других несколько умных же человек от монашескаго или священническаго чина; и они бы ему Епископу, во отлучке сущему, важныя дела на письме извествовали, а немоществующему на словах бы доносили, если за немощь может слушати. А буди случатся дела, управителям оным недоуменныя к решению, то бы они писали о том к Духовному Коллегиум, как выше речено и о самых Епископах.

6) Подобную заповедь и указ подали б Епископи и подручным своим Архимандритом, Игуменом, Строителем, приходским Священником, когда и оным придет немощь великая, или важная вина, удерживающая их вне монастыря или прихода своего.

7) А буди Епископ, за старосст глубокую, или за иную неисцельную болезнь, приидет в крайнее изнеможение, без надежды лучщаго здравия, так, что должностей своих отнюдь управить ему невозможно станет; и в ту пору Епископ, кроме вышеупомянутых чрезобычайных, на место его определенных управителей, должен описаться к Духовному Коллегиум. Аще же бы Епископ писать о себе и не похотел, то обаче управители его должны б о нем писать. А в Духовном Коллегиум будет разсуждение, что делать, дать ли коего Администратора во оную Епархию, или новаго Епископа поставить. Смотрети же должен Епископ, чего смотреть обещался с клятвою на своем поставлении, сиесть о монахах, дабы не волочились безпутно, дабы лишних безлюдных церквей не строено, дабы иконам Святым ложных чудес не вымышленно; також о кликушах, о телесах мертвых несвидетельствованных, и прочих всего того добре наблюдать.

8) Все же тое, чтоб удобнее пошло в дело, указать должен Епископ по всем городам, чтоб закащики, или нарочно определенные к тому благочинные, аки бы духовные фискалы, тое все надсматривали и ему бы Епископу доносили. Если бы таковое нечто где проявилось, под виною извержения, кто бы утаить похотел.

9) Вельми ко исправлению церкви полезно есть сие, чтоб всяк Епископ имел в доме, или при доме своем школу для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных. А в школе той был бы учитель умный и честный, который бы детей учил не только чисто, ясно и точно в книгах честь (что хотя нужное, обаче еще недовольное дело), но учил бы честь и разуметь. И если мощно и наизусть читать две первыя вышепомянутыя книжицы: одну о догматех веры; а другую о должностях всяких чинов, когда таковыя книжицы изданы будут. А который бы ученик был крайне туп, или хотя и остроумен, да развращен, и упрям и непобедимой

лености, таковых бы, по довольном искушении, отпускать от школы, отняв им всю надежду чина священническаго.

10) Таковых же единых в школе Архиерейской раставленных учеников (когда уже, за помощию Божиею, довольно их число покажется) производить на священство; или аще кто от них монашеский чин изберет, то в Архимандриты, или Игумены, разве бы на котором явилася важная некая вина, того ему непопускающая.

А если Епископ неученаго во оной школе человека поставит в Священники, или в монашеский степень, минув ученаго, и без вины правильной: то подлежит наказанию, яковое определено будет в Духовном Коллегиум.

11) Но дабы не было роптания от родителей ученических за великий оных кошт на учителя онаго, и на покупание книг, тако ж и на пропитание сынов своих, далече от дому своего учащихся: подобает, чтоб ученики и кормлены и учены были туне и на готовых книгах Епископских.
А чтоб сие могло статься, о сем разсуждение есть таковое: от знатнейших в Епархии монастырей брать всякаго хлеба 20 долю, да от земель церковных, где суть, всякаго же хлеба брать 30 долю. И на столько бы человек стало хлеба онаго к пропитанию и другим нуждам (одеяние не в числе), толикое бы число учеников с потребными служителями было.
А самаго учителя или учителей довольствовал бы Епископ кормом и денежною ругою из Архиерейской казны, как по разсуждению места определить Духовное Коллегиум.

12) Таковые же с монастырей и с земель церковных поборы ни мало скудости не сделают церквам и монастырем, только б было доброе и верное у оных домостроение. И по вся годы Епископу давали б ведение, кое число всякаго хлеба собралось; а Епископ бы надсматривал, где оной хлеб

подевается, которой всякия надлежащия нужды довольством своим превосходит. И того ж ради, да будут в Коллегиум Духовном книги приходов и расходов всех знатнейших монастырей в России. О расходах же слово зде есть обычных и всегдашних, а не чрезобычайных случаемых, на пример, на нужное строение и прочая
Обаче и на таковые чрезобычайные расходы подобает учинить в Коллегиум разсмотрительные догады, против нужд всякаго монастыря и против приходов.

13) А чтоб Епископи не возраптали, будто им убыточно будет ружить учителя или учителей, указуется им, чтоб лишних служителей не держали, и нужных строений не делали, (разве строения прибыльные, на пример, мельницы и прочая); тако ж священнаго себе одеяния и всего платья, над подобающую чести своей потребу, не умножали.
Но для лучшаго всем управления, быть книгам из Еписковских приходов в Духовном Коллегиум. Прочее о учителях и учении будет нижае на своем месте.

14) Ведал бы всяк Епископ меру чести своея, и невысоко бы о ней мыслил и дело убо великое, но честь никаковая, почитай в писании знатная определена. Апостол, разрушая мнение Коринфянов, о своих пастырях кичащихся, сказует, что дело пастырское имеет весь поспех и плод от самого Бога, в сердцах человеческих действующаго. Аз, рече, насадих, Апполлос напои, Бог же возрасти. И потому наводит, что за возращение сие человеку никая же остается похвала. Тем же ни насаждаяй есть, ни напаяяй, но возращаяй Бог. А пастырей нарицает там же, служительми Божиими, и строительми таин Его, только бы в деле том вернии пребыли. Убо точию внешнее дело пастырское есть проповедати, настояти, запрещати благовременно и безвременно, и обряды Таин Святых строити. Дело же внутреннее, еже обращати сердца к покаянию и обновлению жития, есть

единаго Бога, благодатию Своею чрез слово и тайнодействие пастырей, аки чрез орудие невидимо действующаго.

15) Се же того ради предлагается, чтоб укротити оную вельми жестокую Епископов славу, чтоб оных под руки, донеле же здравы суть, не вожено, и в землю бы оным подручная братия не кланялись. И оные поклонницы, самохотно и нахально стелются на землю, да лукаво, чтоб степень исходатайствовать себе недостойный, чтоб так неистовство и воровство свое покрыть. Истина есть, что дело пастырское только бы оно делалось, хотя и внешнее, однако не малое есть, яко посольство Божие. И заповедует Бог, да прилежащии добре пресвитеры сугубой чести сподобляются, паче же труждающийся в слове и учении. 1. Тимофея 5. Обаче честь оная умеренная есть, а лишняя и почитай равно Царская да не будет; и умеренной не самым пастырям искать и от подручных истязовать, но свободно подаваемою довольствоватися.

16) Следует из того и сие, чтоб Епископ не был дерзок и скор, но долготерпелив и разсудителен во употреблении власти своей связательной, то есть во отлучении и анафеме. Даде бо Господь власть сию в созидание, а не на разорение, глаголет Апостол 1 Коринфяном 10. И намерение того ж учителя народов было предати Коринфянина, явно грешника, сатане во изможднение плоти, да дух спасется. 1 Коринф. 5. Власть убо сия, дабы правильно была употребляема, двое смотреть надобе:
Первое, каковая вина толикаго наказания достойная.
Другое, как поступать Епископу в наказании том.
Вина сим разсуждением может определитися: аще кто явственно хулит имя Божие, или Священное Писание, или Церковь, или явно грешник есть, не стыдяся дела своего, но и паче тым чваняся, или без правильной вины покаяния и святыя Евхаристии больше году не приемлет, или что либо иное творит, с явным закона Божия ругательством и посмеянием, таковый по

повторенном наказании, упрям и горд пребыв, достоин судитися толикой казни. Ибо не просто за грех подлежит анафеме, но за явное и гордое презрение суда Божия и власти Церковныя с великим соблазном немощных братий, и что тако воню безбожия издает от себе. Последование же или поступок дела сего таковое будет правильное. Первее пошлет Епископ ко оному его духовника выговорить ему вину его на одине с кротостию и со увещаванием, дабы престал дела своего. А понеже яко явным грехом и гордым соблазнил Церковь; то умолять его станет духовный, чтоб в близкий день праздничный принес отцу духовному покаяние, и принял бы эпитимию, и причастился бы Евхаристии Святой при народе, чтоб его изменение явно стало, и соблазн бы разорился, и на блевотины своя не возвращался бы. И аще, сие слышав, виноватый покорится и повелеваемое сотворит, приобрел Епископ брата своего, и больше нечего делать. А если посольство оное вотще будет, то Епископ, спустив некое время, призовет его к себе честно с прошением, и тоежде повторит ему наставление втайне, присутствующу токмо единому духовному, который к нему ходил. И аще послушает, приобретен есть брат. А буде не пойдет к Епископу званный: то Епископ того ж духовнаго с другими некиими честными особами, духовными и мирскими, наипаче с приятельми онаго пошлет к нему увещевать так, как и первее. И зде, аще преклонится, и по наставлении сотворит, вершилось дело. А если и так непреклонен пребудет и горд, и еще мощно поновити такое ж посольство.

Если же все всуе пойдет, тогда Епископ повелит протодиакону в праздничный день в церкви известить народу сими или подобными словесы: человек, ведомый вам (имярек), таковым то явногрешием именно соблазняет церковь и презорник гнева Божия является, и наставление пастырское, не единожды ему повторенное, с ругательством отметнул; того ради пастырь ваш (имярек) молит вашу любовь отческо, да вси помолитеся о нем

благоутробному Богу, да умягчит его жестосердие, и да сердце чисто сотворит в нем и преклонит его к покаянию. А которые ближайшее с ним имеете сообщение, увещевайте его, и умоляйте и единолично всяк и с прочими совокупно со всяким усердием, да принесет покаяние, и доложите ему, что аще неисправлен и презорив пребудет до такого времени (время уреченно будет по разсуждению); то подпадет извержению от церкви. И если уже и по сем непреклонен и упрям пребудет преступник, то Епископ и тогда не приступит еще к анафеме; но прежде о всем том, как деялось, напишет к Духовному Коллегиум; а от Коллегиум получив соизволение на письме, предаст явно грешника анафеме, составив такую, или подобную формулку или образец, и протодиакону в Церкви при народе прочести повелев: понеже знаемый вам человек (имярек) таковым-то своим явным закона Божия преступлением соблазнил Церковь, и неоднократное пастырское увещавание, к покаянию его ведущее, презрел; последи же и отвержение его от церкви, аще не покается, в слух народа извещенное уничтожив, пребывает доселе в жестосердии своем, не подая надежды исправления своего: того ради Пастырь наш, по заповеди Христовой, данною себе от тогожде Господа властию, извергает его от общества Христианскаго, и яко непотребнаго члена, от тела церкве Христовы отсецает, всем правоверным извествуя о нем, что он непричастен к тому есть даров Божиих, кровию Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа приобретенных нам, дондеже истинно от сердца не покается. И того ради запрещен и не благословен есть ему вход церковный, кольми паче святой и страшной тайны Евхаристии и прочиих Таин Святых и треб церковных участник он быти не может как в церкви, так и в дому своем и на коем либо ином месте. И аще бы в церковь он вшел тайно или и явно, но силою; то большему осуждению подлежит, и множае паче, аще коварно или насильно Таин Святых причаститися дерзнет. Священницы же да возбраняют ему всячески входа церковнаго; и аще не могут возбранить ему ради силы его, то кроме

литургии, да престают от всякой службы церковной, дондеже не изыдет. Тако ж священницы да не ходят к нему с молитвою, благословением и Святыми таинствы, под лишением сана своего.
Вестно же всем буди, что он (имярек) сам точию единоличне анафеме сей подлежит, но ни жена, ни дети и ни прочии домашнии его, разве бы и оные поревновать похотели его неистовству, и за сию наложенную на него клятву дерзнули бы гордо и явственно укорять церковь Божию.
Сей, или иный каковый в разсуждении Коллегиум уставится анафемы образец, по прочитании прилеплен да будет на дверях церковных, единой Престольной, или во всех Епархии той церквей, разсудит Коллегиум.
Потом же, если изверженный приидет в чувство, и похощет принести покаяние; то должен будет сам, или, аще сам не возможет, то чрез честныя иныя лица принести свое покаяние со всяким смирением публично в церкви Епископу, и просить разрешения со исповеданием греха своего и гордаго презорства. И тогда Епископ предложит ему вопросы: аще истинно и ради прощения грехов, бояся гнева Божия и прося Божия милосердия, кается; и аще верует, что власть пастырская, еже решити и вязати, есть не суетная, но сильная и действительная и страшная; и аще обещавается, что будет впредь послушный сын церкви и не имать власти пастырской презирать: и по ответах онаго, в слух всего народа изреченных, повелит ему Епископ крепко уповать на Божие милосердие, за смерть Спасителеву грешнику кающемуся творимое, и прочесть над ним разрешение. Таже, поучив его о исправлении жития, (каковое поучение может после сочинитися), укажет ему уреченный некий день праздничный, по исповедании пред духовным отцем, приити к причастию святыя Евхаристии. А если изверженный, не покаявся, учнет еще ругать анафему церковную, или еще и пакостить Епископу, или иному причту; и тогда Епископ пошлет о том челобитную к Духовному Коллегиум, а Коллегиум, розыскав истину, будет с настоянием просить суда подобающей мирской власти, или у самого Царскаго Величества. Сие только Епископом

накрепко укажет Коллегиум, чтоб они, как анафемы, так и разрешение не делали ради прибыли своей или инаго коего собственного интереса, и искали б в толь важном деле, не яже своя, но яже Господа Иисуса. Таковый дела сего поступок есть правильный, слову Божию согласный и подозрению неподлежащий. Но се слово было анафеме, еже есть проклятие, казнь смерти подобная. Анафемою бо отсекается человек от мысленнаго тела Христова, то есть от церкви, и к тому не Христианин пребывает, отчужден наследия всех благ, смертию Спасителевою нам приобретенных. То бо является от словес Божиих: буди тебе яко язычник и мытарь, и подобает таковаго предати сатане, и прочая сим подобныя.

Есть же в Церкви Святой и меньшее наказание, нарицаемое отлучение или запрещени. Се же есть, когда не предает явно грешника Церковь анафеме, и не изгоняет его от стада Христова; но только смиряет его отлучением от сообщения с правоверными во общих молитвах, не велит входити в храмы Божия, и на некое время запрещает ему причастие Святых Таин. Кратко рещи, чрез анафему человек подобен есть убиенному, а отлучением или запрещением подобен есть за арест взятому. Обоих сих великой и меньшой казни образы суть на церковных соборах, где еретикам сказуется анафема. А преступницы соборных правил отлучением наказуемы суть. Вина меньшой казни, то есть отлучения достойная, есть некий великий и явный грех, но не самое большое явногрешие, о яковом выше уже слово было. На пример, когда кто явно безчинствует, на долзе от церковнаго пения удаляется, явно изобидев, или обезчестив лице честное, прощения не просит; таковых Епископ сам собою, или чрез духовника поучив, да покаяние явственное принесут, аще того не похотят сотворить, хотя, не являя великой гордости и презорства, может смирить отлучением без оных великих чрез протодиакона предвозвещений, но только на малой хартинке написав вину преступника и отлучение его. И в таком деле не должен Епископ описываться к Духовному Коллегиум для соизволения, но сам свободен и силен есть сие творить,

только бы сие творил не по страсти, но и с прилежным розыском. Аще бо неповинне кого отлучить, а тот поищет на его суда в Коллегиум, наказан Епископ будет, по разсуждению Коллегиум Духовнаго.

17) Было слово выше под числом осьмым, чтоб Епископи смотрели, хранятся ли по Епархии его от пресвитерей и монахов и прочих должныя оных заповеди, и чтоб имел на сие духовных фискалов. Обаче понеже сие не довольно есть; ибо и фискалы оные, дружа своим благодетелям, или мзду емля, много утаевают: того ради подобает Епископу в год, или в два года единожды объити и посетить Епархию свою. И есть сего, кроме многих иных, великий образ Павла Апостола, яко же является в Деяниях гл. 14, ст. 21, 22. и Деяний гл. 15, ст. 36. Римляном гл. 1, ст. 11, 12. 1 Коринфяном гл. 4, ст. 12, 1 Солуняном гл. 3 ст. 2. 1 Солуняном гл. 3, ст.10.

Како же лучше может быть сие посещение, последующия регулы суть потребные:

1. Время летнее кажется быть угоднейшее к посещению, нежели зимнее. Се же того ради, что не так много летом, как зимою и сам Епископ и церкви посещаемыя на корм и иныя нужды его издержать. Не надобе сена, а дров мало треба. Хлеб, рыба, корм конской дешевее. И может Епископ не далече от города на поле в палатке время перестоять, чтоб не трудить священства, или граждан квартирою, наипаче где город убогий.

2. По приезде своем Епископ на другой день или на третий, собрав градских и сельских пресвитеров, священную литургию совершит, по Литургии со всеми Священники отпоет молебен о здравии и победе Державнейшаго Монарха, о исправлении и благосостоянии церквей, о обращении раскольников, о благорастворении воздуха, о обилии плодов земных и прочая. И собственный канон составлен будет, всякия нужды содержащий.

3. Тогда же, по совершении всего пения, слово скажет к священству и народу учительное о покаянии истинном, и всякаго, наипаче же священническаго чина должностех. И там же приложит увещавание, чтоб ему предложил, кто имеет некия духовныя нужды и сумнительныя падежи совести, тако ж и что где видится в церковном причте не исправлено и прочая. А понеже не всяк Епископ может чистое слово сложить, того ради подобает в Духовном Коллегиум таковое слово сочинить, и то бы Епископи в посещаемых церквах прочитывали.

4. Может Епископ и тайно у меньших церковников, и аще кто иный угодный покажется, спрашивать, как живут пресвитеры и диаконы. И хотя доношению всякаго не подобает верить скоро, обаче лучшая уже покажется причина к разсмотрению и исправлению.

5. Покамест Епископ донесенных дел не управит, пота и сам к себе гостей не позовет, и званный к иным не пойдет, чтоб не обольстился трактаментом, или поне подозрения бы на себя не подал, что он судит по пристрастию за удоволение свое.

6. Если дело явится долгаго времене требующее за неприсутствием свидетелей, или за иным некиим препятствием: то оное дело записав, отложить ко управлению в дом свой. А то для того, чтоб ему на едином месте не долго гостить, и стало б ему времени к посещению всея Епархии.

7. Если Епископ похощет звать к себе гостей, то весь бы тот трактамент своею казною отправлял, а не налагал бы побору на священство, или на монастыри. И не может извинитися убожеством своим: ибо не по долгу, но по свободной своей воли звать гостей или не звать будет.

8. Иныя дела и поступки, как священства, так и приходских людей, могут быть утаеваемыя пред Епископом, хотя и явныя народу суть; и о таковых тайно и искусно проведывать. А сие не может утаитися, читает ли

Священник во дни праздничные наставительныя книжицы, о которых выше слово было. И если который не читает за леностию: того при прочих Священниках накажет по разсуждению.

9. Спросит же Епископ священства и прочих человек, не делаются ли где суеверия? Не обретаются ли кликуши? Не проявляет ли кто для скверноприбытства ложных чудес при иконах, при кладезях, источниках и прочая? И таковые безделия запретить со угрожением клятвы на противляющихся упрямцов.

10. О правлении и поведении близких (аще где суть) монастырей лучше спрашивать в градех и селех от священства и мирян, нежели в самых монастырях о том же проикивать мощно.

11. А чтоб Епископ не запомнил, чего должен наблюдати в посещаемых церквах и монастырях; того ради имел бы с собою списанныя должности монашеския и священническия, которыя зде ниже следуют:

12. Крепко же заповедать Епископ должен служителем своим, чтоб в посещаемых городах и монастырях благочинно и трезво пребывали, и не творили б соблазна; наипаче же не домогались бы у монахов и у попов кушанья и питья, и конскаго корму лишняго. Кольми паче не дерзали б грабить под виною жестокаго наказания. Ибо слуги Архиерейские обычне бывают лакомыя скотины; и где видят власть своего владыки, там с великою гордостию и безстудием, как Татаре, на похищение устремляются.

13. Да весть же всяк Епископ, каковый он ни есть степенем, простой ли Епископ, или Архиепископ, или Митрополит, что он Духовному Коллегиум, яко верховной власти, подчинен есть, указов онаго слушать, и определением его довольствоваться должен. И того ради, аще что имать на брата своего другаго Епископа, обидим от онаго, подобает ему не самому мститися, ниже клеветами, ниже повестьми, хотя бы и истинныя были, грехов его, ниже

поущением сильных некиих лиц духовных или мирских, наипаче да не дерзает недруга своего Епископа предавать анафеме; но обиды своя да предлагает доношением Духовному Коллегиум, и тамо суда себе два просит.

14. Тому и сие следует, что всякому Архимандриту, Игумену, Строителю, приходскому Священнику, тако ж и диаконом и прочиим причетникам свободно и вольно просить у Духовнаго Коллегиум суда на своего Епископа, аще кто в чем от него знатно изобижен будет. Тако ж, аще кто судом Епископа своего не довольствуется, вольно ему чинить провокацию, сиесть, переносить дело на суд Духовнаго Коллегиум; и Епископ таковым на себе челобитчикам и истцам должен сию свободу попускать, и не удерживать их, ниже угрожать, ниже, по отшествии оных к Духовному Коллегиум, печатать или грабить домы оных. Но дабы сие не подало многим вины к безстрашию и презорству своих пастырей, уставить Духовное Коллегиум немалое наказание на тех, которые бы ложным доношением пастырей своих требовать дерзнули, или всуе от суда Епископскаго на суд Духовнаго Коллегиум учинили б провокацию.

15. Наконец должен будет всяк Епископ дважды в год (или как укажет о сем Коллегиум) присылать до Коллегиум репорты, сиесть извещения о состоянии и поведении Епархии своей, все ли добре, или некое неисправление есть, котораго он переставить не может. А хотя б все добре было, то обаче должен Епископ известить в Коллегиум, что слава Богу все добре. Но если бы известил, что все добре, и отинуду бы показалось, что нечто в Епархии его деется суеверное, или и явно богопротивное; Епископ бы, ведая тое, утаил и до Коллегиум не донесл; то самого его позовет на суд к себе Коллегиум, и, по довольном уличении, подвержен его наказанию, яковое уставлено будет.

Домы училищные и в них учители и ученики, тако ж и церковные проповедники

Известно есть всему миру, каковая скудость и немощь была воинства Российскаго, когда оное не имело правильнаго себе учения, и как несравненно умножилась сила его, и надчаяние велика и страшна стала, когда Державнейший наш Монарх, Его Царское Величество Петр I обучил оное изрядными регулами. То ж разуметь и о Архитектуре, и о Врачевстве, и о Политическом Правительстве и о всех прочих делах.
И наипаче тое ж разуметь о управлении церкви: когда нет света учения, не льзя быть доброму церкве поведению, не льзя быть нестроению и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересем. Дурно многие говорят, что учение виновное есть ересей: ибо кроме древних от гордаго глупства, а не от учения бесновавшихся еретиков, Валентинов, Манихеов, Кафаров, Евхитов, Донатистов и прочих, которых дурости описуют Ириней, Епифаний, Августин, Феодорит и иные; наши же Русские раскольщики не от грубости ли и невежества толь жестоко возбесновалися? А хотя и от ученых человек бывают ересиархи,яковый был Арий, Несторий и нецыи иные; но ересь в оных родилась не от учения, но от скуднаго священных писаний разумения, а возрасла и укрепилася от злобы и гордости, которая не попустила им переменить дурное их мнение, уже и по познании истины против совести своей. И хотя от учения своего имели они силу сочинять софисмы, сиесть коварные мудрований своих доводы: обаче кто бы сие зло восписовал просто учению, тот бы понужден был говорить, что когда и врач опоит кого отравою, того учение врачевское виновно есть; и когда ученый солдат хитро и сильно разбивает, того виновно есть учение воинское. И если посмотрим чрез истории, аки чрез зрительныя трубки, на мимошедшие веки, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах. Не спесивились так Епископи до четыресотнаго лета, как после возгорелися, наипаче Константинопольский и Римский; ибо тогда было учение, а после оскудело. И аще бы учение церкви, или Государству было вредное, то не учились бы сами лучшия Христианстии особы, и запрещали

бы иным учитися: а то видим, что и учились вси древнии наши учители не токмо священнаго писания, но и внешней Философии. И кроме многих иных, славнейшие столпы церковные поборствуют и о внешнем учении, а именно: Василий Великий в слове своем ко учащимся младенцам, Златоустый в книгах о монашестве, Григорий Богослов в словах своих на Иулиана Апостата. Но много бы говорить, аще бы о едином сем нарочное слово было. Убо учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и церкве, аки корень и семя и основание. Но сие накрепко наблюдать подобает, чтоб было учение доброе и основательное. Ибо есть учение, которое и имени того недостойно есть; а обаче от людей хотя и умных, но того несведущих, судится быть за прямое учение. Обычно вопрошают мнози: в которых школах был онсица? И когда услышат, что был он в Реторике, в Философии и в Богословии; за единыя тыя имена высоко ставят человека, в чем часто погрешают. Ибо и от добрых учителей не вси добре учатся, ово за тупость ума, ово за леность свою, кольми паче когда и учитель будет в деле своем мало, или и ниже мало искусен. Ведати же подобает, что от пятисотнаго до четыренадесятьсотнаго году, сиесть чрез девять сот лет во всей Европе вся почитай учения в великой скудости и неискустве были, так что у самых лучших авторов, во оныя времена писавших, остроумие видим великое, а света великаго не видим. По четыресотном над тысячу годе почали проявлятися любопытнейшии и потому искуснейшии учители, и помалу многия Академии гораздо великую, и почитай от древних оных Августовых лет большую силу возымели: многия обаче училища в прежней тине остались, так что у оных Реторики, и Философии и прочих учений имена точию суть, а дело не тое. Причины того различныя суть, которыя зде за краткость не воспоминаются. Таковаго же, тако рещи, привиденнаго и мечтательнаго учения вкусивши человецы глупейшии бывают от неученых. Ибо весьма темни суще, мнят себя быти совершенных, и помышляя, что все что либо знать можно, познали, не хотят, но ниже думают честь книги, и

больше учитися. Когда вопреки прямым учением просвещенный человек никогда сытости не имеет в познании своем, но не престанет никогда же учитися, хотя бы он и Мафусалев век пережил. Се же вельми бедно, что именованные неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству и церкви; пред властьми над меру смиряются, но лукаво, чтоб так украсть милость их, и пролезть на степень честный. Равнаго чина людей не навидят; и если кто во учении похваляем есть, того всячески тщатся пред народом и у властей обнести и охулити. К бунтам склонны, восприемля надежды высокия. Когда богословствуют, не льзя им не еретичествовать; за невежеством бо своим удоб проговорятся, а мнения своего изреченнаго переменить отнюдь не хотят, чтоб не показать себе, что не все знают. А мудрии мужие сие между собою утвердили пословие: мудраво человека свойство есть отменять мнение. Сие предложить судилось за благо, что если Царское Величество похощет основать Академию, разсуждало бы Духовное Коллегиум, каковых исперва учителей определить, и каковый учения образ показать оным, дабы не вотще пошло Государское иждивение, и вместо чаянной пользы, не была бы тщета, смеха достойная. А как бы в сем опасно и искусно справитися, угодно суть последующие регулы:

1. Не подобе исперва многих учителей, но первый год довольно единаго или двоих, которые бы учили Грамматике, сиесть, язык правильно знать Латинский, или Греческий, или оба языка.

2. На другой год, и третий и прочии, поступая к большим учениям, да и перваго не отлагая для новых учеников, большее число и учителей придастся.

3. Искушать всячески, каков в деле своем есть, кто хощет быть учитель школы: на пример, желая ведать, искусен ли в языке Латинском, велеть ему сложение Русское перевесть на Латинское, тако ж Латинское слово некоего

славнаго в языке том автора, перевесть на Русское; и велеть искусным осмотреть и освидетельствовать переводы его, и тотчас покажется, совершен ли есть, или средний, или и того нижае, или весьма ничего. Суть же и иных учений свойственныя искушения, которыя мощно будет особенно списать.

4. А хотя и неискусен в требуемом учении покажется, обаче мощно знать, что остроумен есть, то знатно он за леностию, или за плохим своим учителем не достигнул того, и таковому повелеть полгода или год самому учитися от авторов, в деле том искусных, аще учитель хощет быть. Только ж сие делать за скудость людей, а лучше бы на таковых не надеятися.

5. Определенным и добрым учителям приказать, чтобы они исперва сказывали ученикам своим вкратце, но ясно, кая сила есть настоящаго учения, Грамматики, на пример, Реторики, Логики и прочая; и чего хощем достигнути чрез сие или оное учение, чтоб ученики видели берег, к которому пловут, и лучшую бы охоту возымели и познавали бы повседневную прибыль свою, тако ж и недостатки.

6. Избрать изряднейших во всяком учении авторов, которые свидетельствовани суть в славных Академиях: именно же, в Париже, повелением Короля Людовика четвертаго надесять, так кратко, а совершенно заключена Латинская Грамматика; что мощно надеятися остроумнаго ученика за един год совершенно научить языка онаго, когда у нас за пять и за шесть лет мало кто постизает. Что можно знать по тому, что студент из Философии, или Богословии изшедший, не может перевесть и средняго стиля Латинскаго. Избрав убо, яко же речеся, лучших в Грамматике, Реторике и в прочих учениях авторов, подать в Академию и приказать, чтоб оных руководством, а не иных учено в школах.

7. В Богословии собственно приказать, чтоб учено главные догматы веры нашея и закон Божий. Чел бы учитель Богословский Священное

Писание, и учился бы правил, как прямую истую знать силу и толк Писаний, и вся бы догматы укреплял свидетельством Писаний. А в помочь того дела чел бы прилежно Святых Отец книги, да таковых Отец, которые прилежно писали о догматех, за нужду распрь в церкви случившихся, с подвигом на противныя ереси. Ибо суть древние учители собственно о догматах, тот о сем, а другой о ином писавшии. На пример: о Тройческой тайне Григорий Назианзин в пяти словах своих Богословских, и Августин в книгах о Троице и о Божестве Сына Божия, кроме оных, Афанасий Великий в пяти книгах на Ариан о Божестве Святаго Духа, Василий Великий в пяти книгах на Евномиа; о ипостаси Христовой Кирилл Александрийский на Нестория; о двоице естеств в Христе довольно одно послание Леона, Папы Римскаго до Флавиана Цареградскаго Патриарха; о грехе первородном и о благодати Божией Августин во многих книгах на Пелагианы и прочая. К тому ж зело полезны деяния и разговоры Всселенских и Поместных Синодов. И от таковых учителей при Священном Писании нетщетное будет учение Богословское. А хотя и может Богословский учитель и от новейших иноверных учителей помощи искать; но должен не учитися от них и полагатися на их сказки, но только руководство их принимать, каких они от Писания и от древних учителей доводов употребляют. Наипаче в догматах, в которых с нами иноверцы согласни суть; а однако доводам их не легко верить, но посмотреть, если таковое в Писании, или в книгах отеческих слово, и тую ли имеет силу, в яковой они приемлют. Многажды бо лгут господа оные, и чего не бывало приводят. Многажды же слово истинное развращают. Буди зде едино, на пример, слово Господне к Петру: Аз молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя, реченно о Петре персонально, о самом лице Петрове, а Латини влекут оное к Папе своему, наводя от того, что Папа не может погрешить в вере, хотя бы хотел. Должен убо учитель Богословский не по чужим сказкам, но по своему ведению учить и, иногда избрав

собственное время, показать в книгах и ученикам своим, чтоб и они известны сами были, а не сумнились бы, правду ли говорит, или лжет учитель их.

8. По случаю зде с причины мимошедшаго совета воспоминается, что при школах надлежит быть библиотеке довольной. Ибо без библиотеки, как без души Академия. А довольную библиотеку мощно купить за две тысящи рублей. Библиотека учителем по вся дни и часы ко употреблению невозбранна, только бы книг по келлиам не разбирали, но чли бы оныя в самой библиотечной канторе. А ученикам и прочиим охотникам отворять библиотеку в уреченные дни и часы. И ходили б в библиотеку, которые язык умеют, в особенные часы и дни по долженству, а в иные за охоту и в урочное время. Спрашивал бы всякаго свой учитель, котораго он автора чтет, и что прочел, и что писал; а если чего не уразумел, то б ему объяснил учитель. Сие вельми полезно и скоро человека, аки претворяет в иного, хотя бы прежде грубых был обычаев.

9. Обращаяся к школьным учениям, сие видится быть вельми благоуспешно, что могут некая учения двое или трое вдруг одного часа и одним делом подаватися. На пример, уча Грамматике, может учитель с нею учить купно и Географию и Историю: понеже, по регулам Грамматическим, нужно есть делать экзерциции, сиесть обучатися в переводах с моего языка, на язык тот, котораго учуся, и вопреки с языка того на мой язык. То мощно велеть ученикам переводить по части Географию, или Историю одну внешнюю, либо Церковную, или на перемену оба те учения. Обаче, понеже Историю честь без ведения Географскаго, есть как бы завязанными глазами по улицам ходить; того ради здравый совет есть год, Грамматике определенный, разделить на две части; и полгода первое учить Грамматику с Географиею, особенный в неделе день определяя, в которой на карте будет учитель показывать циркулы, планисферия и универсальную ситуацию мира. А еще лучше бы делать сие на глобусе, и так обучать

студентов, чтоб могли перстом показать, когда кто спросит их: где Азия? где Африка, где Европа? и к которым сторонам под нами лежит Америка? Тако ж и особь о Государствах: где Египет? где Хина? где Португалия? и прочая. А другое полгода давать в экзерциции переводить Историю универсальную, да краткую, только бы был автор чистаго языка Латинскаго, яковый есть Юстин Историк, и мощно будет после других смотреть. И се вельми полезно; ибо ученицы великое ко учению возымеют доброхотство, когда невеселое языка учение толь веселым мира, и мимошедших в мире дел познанием, растворено им будет, и скоро от них грубость отпадет, и еще при береге почитай училищном не мало драгих товаров обрящут.

10. Чин учения таковый добрый кажется: 1. Грамматика купно с Географиею и Историею. 2. Арифметика и Геометрия. 3. Логика или Диалектика, и едино то двоименное учение. 4. Реторика купно или раздельно с стихотворным учением. 5. Физика, присовокупя краткую Метафизику. 6. Политика краткая Пуффендорфова, аще она потребна судится быть, и может она присовокупитися к Диалектике. 7. Богословия. Первые шесть по году возмут, а Богословия два года. Ибо хотя и всякое учение , кроме Диалектическаго и Грамматическаго, пространное есть; обаче в школах сокращенно трактовать надобе, и главнейшия толь части. После сам долгим чтением и практикою совершится, кто так доброе руководство получит. Язык Греческий и Еврейский, (если будут учители) между иными учении урочное себе время приимут.

11. Ректора и Префекта усмотреть прилежных человек, и которых учение и труды уже известны. И укажет им Духовное Коллегиум тщательным быть в деле своем, с таковым угрожением, что ежели нечинно пойдут учения и неблагопоспешно; то они сами суду подпадут в Духовном Коллегиум. И того ради смотреть должны, ходят ли всегда в школу учители,

и так ли учат, как подобает. И должны Ректор с Префектом посетить в неделю две школы, а в другую неделю другия две, и так и прочия кругом. А когда в школу приидут, учитель при них учить будет, а они слышати, хотя чрез полчаса; тако ж и вопросами отведовать учеников, знают ли, что уже должно бы им знать.

12. Если кто от учителей противен покажется Академицким уставом, и непреклонен наставлению Ректорскому: таковаго Ректор объявит в Духовное Коллегиум, и по следовании отставлен или наказан будет по разсуждению.

13. Мощно и фискалов определить, которые бы надсматривали, все ли во Академии порядочно.

14. О учениках сие разсуждение: должны вси Протопопы и богатшии и инии Священницы детей своих присылать во Академию. Мощно тое ж указать и градским лучшим приказным людем, а о дворянех, как собственная воля будет Царскаго Величества.

15. Приходящие же тые ученики были б при Академии до конца всех учений, и не отпускать от школы Ректору без ведома Духовнаго Коллегиум. А если бы Ректор или Префект, или иный кто отпустил ученика отай за мзду поданую, и на такого преступника определить жестокое наказание.

16. Всем повсюду известно буди, что где будет человек ученый во Академии, и от Академии свидетельствованный, того на степень духовныя или гражданския чести не может упредить неученый с великим штрафом на власти оныя, которыя бы инако сделали.

17. Новопришедшаго ученика отведать память и остроумие; и если покажется весьма туп, не принимать в Академию: ибо лета потеряет, а ничего не научится; а обаче возымеет о себе мнение, что он мудрый и от таковых несть горших бездельников. А чтоб который не притворял себе тупости,

желая отпуску в дом, как то другие притворяют телесную немощь от солдатства; искушению ума его целый год положить. И может умный учитель примыслить способы искушения таковые, яковых он познать и ухитрить не дознается.

18. Буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорив, и буде чрез годовое время ни увещании, ни жестоким наказании одолеть ему невозможно, хотя б и остроумен был: выслать из Академии, чтоб бешеному меча не дать.

19. Место Академии не в городе, но в стороне на веселом месте угодное, где несть народного шума, ниже частыя окказии, которыя обычно мешают учения и находит на очи, что похищает мысли молодых человек, и прилежать учением не попускает.

20. Не надобе хвалитися Академии, но ниже смотреть на тое, что много учеников имеет: сие бо весьма суетно есть; но смотреть, как много есть остроумных и добре учащихся, с великою пользы надеждою, и как бы оных додержать постоянных до конца.

21. И сие есть отнюдь непотребно, паче же и тщетно, чтоб студентов, какие ни приидут, принимать на поденныя деньги Государевы. Приходят бо многие не для учения, но еще иные и неспособные по природе для жалованья только, нищетною нуждою влекомы. Иные же и способные, да сколько похотят при Академии живут, а когда и куда хотят, отходят. Что ж с того добра? Только суетный убыток. Принимать бы студентов с разсмотрением остроумия, и они бы запись давали на себе, что до конца учений пребудут во Академии, под великим штрафом, если бы обета своего не исполнили без крайней нужды. И так можно будет, оных по совершении школьном, презентовать Царскому Величеству и по Его Величества указу определять оных на разныя дела.

22. Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно, быть при Академии или в начале и без Академии Семинариум для учения и воспитания детей, какие вымышлено не мало во иноземных странах. А того некий зде образ представляется:

1. Построить дом образом монастыря, котораго пространство и жилье и всякие к пропитанию, и одеянию и прочиим нуждам припасы были б против числа детей, (каковое определено будет по воли Царскаго Величества) пятьдесят, или семьдесят или больше, тако ж и потребных управителей и служителей.

2. В дому том имеют жить дети и уже и большаго возраста юноши по осьми или по девяти человек в единой избе. Обаче с таким расположением: большие во единой, средние в другой,малые в третией избе.

3. Всякому место определить при стене вместо собственной канторы, где его стоит кроватка складная, чтоб в день логовища знать не было; тако ж шкафа на книжки и иныя вещицы, и стулик для седения.

4. Во всякой избе (сколько оных будет), имать быть Префект, или надсмотрщик, человек хотя неученый, обаче честнаго жития, только б не вельми свирепый и не меланхолик, летами от 30 до 50-го года. А дело онаго сие: насматривать, чтоб между Семинаристы (так воспитываемые в дому том нарицаются) не было ссор, драки, сквернословия, и всякаго инаго безчиния, и чтоб во уреченные часы всяк делал, что должно. А всяк бы Семинарист из избы своей без его благословения не исходил, и то со объявлением причины, куды и для чего исходит.

5. В том же дому подобает быть хотя б трем ученым человеком монахом или мирским, из которых един будет Ректор, дому всего управитель, а два экзаминаторы, сиесть розыщики учения как кто учится, лениво или прилежно.

6. Во всякой избе Префект имеет власть наказывать себе подчиненных за преступление, но малых розгою, а средних и больших словом угрозительным, а потом на неисправляющихся доносить Ректору.

7. Тако ж экзаминаторы за леность во учении с малыми, средними и большими поступать будут, и Ректору доносить.

8. Ректор, верховная власть всех, всяким по разсуждению наказанием наказывать может. А кто непреклонен к исправлению явится, того Ректору не отпускать из Семинариум без ведома Духовнаго Коллегиум.

9. Определить времена ко всякому делу и покою Семинаристом, когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, идти на трапезу, гулять и прочая. И вси бы оные часы колокольцем означать, и вси бы Семинаристы, как солдаты на барабанной бой, так на колокольцев голос, принимались за дело, какое на час уреченной назначено.

10. Не отпускать из Семинариум в городы, или куды ни есть, к своим в гости, пока Семинарист не обыкнет, пребывая в Семинариум, и не ощутит знатной пользы таковаго воспитания, а именно: до трех лет, по приходе всякаго в Семинариум, не испускать никуды; а и по третьем году, не больши дважды в год позволить выдтить в гости к родителем или сродником, и то не далече отстоящим, так чтоб не больше седьми дней прошло от нашествия до возвращения в самый дом Семинарийский.

11. А когда и так испущен будет в гости Семинарист, то обаче придавать оному честнаго человека, яко Инспектора или наблюдателя, который был бы при нем везде, и всегда и при всяких случаях, и по возвращении давал бы репорт Ректору, что деялось. А если бы тот приданный Инспектор, поноровя ему, утаил нечто худое: и таковаго плута бить гораздо. А можно будет тое познать и по сему, что возвратившийся

Семинарист не может не показати на себе некоей прежних нравов и охоты измены.

12. А когда какие сродники приидут в Семинариум посетить своего тамо сродника, и тех гостей, с ведомом Ректорским, ввесть в трапезу, или иную общую избу, или в сад, и тамо оным с сродником своим разговаривать, и мерно кушанием и питием потрактовать их можно, самому присутствующу Ректору или одному экзаминатору, по разсуждению лиц.

13. Таковое младых человек житие кажется быти стужительное и заключению пленническому подобное. Но кто обыкнет так жить, хотя чрез един год, тому весьма сладко будет.
Обаче ко врачеванию скуки, последствующия регулы угодныя суть:

14. Не принимать до Семинариум, только малых детей от 10 до 15 году возраста, а выше того разве за прошением честных лиц, свидетельствующих, что отрок и в доме родительском жил в страсе и добром насмотрении.

15. На всяк день 2 часа определить на гулянье Семинаристам, а именно: по обеде и по вечери, и тогда б невольно никому учитися, и ниже книжки в руках иметь.А гулянье было бы с играми честными и телодвижными, летом в саде, а зимою в своей же избе. Ибо сие и здравию полезно есть и скуку отгоняет. А еще лучше таковыя избирать, которыя с потехою подают полезное некое наставление. Такое, на пример, есть водное на регулярных судах плавание, Геометрические размеры, строение регулярных крепостей и прочая.

16. Можно единожды или дважды на месяц, наипаче летом, проездиться на острови, на поля и места веселыя, к дворам загородным Государевым, и хотя единожды в год в Санктпетербург.

17. В трапезе чтение будет ово Историй воинских, ово церковных. А в начале всякаго месяца чрез два или три дни чтомы да будут повести о мужах, во учении просиявших, о церковных великих учителях, тако ж и о древних и нынешних Философах, Астрономах, Риторах, Историках и прочая. Ибо таковых повестей слышание и сладко есть, и к подражанию мудрых оных людей поощряет.

18. Можно же еще дважды в год или больше делать некия акции, диспуты, комедии, риторския экзерциции. И то бы зело полезно к наставлению и к резолюции, сиесть честной смелости, каковыя требует проповедь слова Божия, и дело посольское, но и веселую перемешку делают таковыя акции.

19. Могут уставлены быть и некия почести добре и тщательно учащимся.

20. Добре в великие праздники быть при столе оных Семинаристов гласом мусикийских инструментов; и сие не трудно: ибо перваго токмо нанять мастера, а от него наученные охотные Семинаристы должны будут и других научить на свое место туне. И сия седмь воспомянутыя регулы служат ко увеселению учащихся.

21. Подобает быть в Семинариум церкви, аптеке и Доктору, а школы в близкой Академии, куды Семинаристы ходить учитися будут. А если в Семинариум и школы и учители будут: то Академия и Семинариум вместе будут. А для учеников прочиих, которые не похотят жить в Семинариум, можно построить несколько жилья вне Семинариум, и пустить в наем студентом.

22. Регулы учителей, учения и учеников, выше во Академии описанныя, и зде хранитися должны.

23. Семинаристы едини будут люди убогии, и тыя, по милости Царскаго Величества, пропитание и одеяние и прочая нужная возымеют. А другие богатых людей дети, которые должны будут платить за корм и одеяние, а цене быть единой, навсегда определенной.

24. Как приидет Семинарист в совершенный разум, и к большим учениям достигнет; то должен учинить в церкви Семинарийской при прочией братии своей присягу на том, что хощет он быть верен Царскому Величеству и Его Наследнику, и готов к службе, до которой угоден есть и позван будет указом Государевым.

25. Совершившихся в учении Семинаристов не отпустит Ректор от Семинариум, пока прежде не обвестит до Коллегиум Духовнаго, а Коллегиум презентовать оных будет Царскому Величеству. И потом даст оным абшит со свидетельством искуства их.

26. А которые Семинаристы, по совершении учения, угоднейшие покажутся к делу духовному, и они б у Епископов были ближайшии к всяким степенем властелинским паче прочих, хотя бы и равно оным искусных, но не в Семинариум воспитанных, разве бы некий знатный порок на Семинаристе показался, и то не был бы оной порок от клеветы. А на завистников и клеветников определить жестокое наказание.
До зде о Семинарии. И можно впредь будет больше придумать, или от иноземных лучших Семинариов информации происказать; а от таковаго воспитания и учения воистинну надеятися великой пользы отечеству.

23. О проповедниках слова Божия последующие регулы полезныя суть:

1. Никто же да дерзает проповедать не в сей Академии ученый, и от Коллегиум Духовнаго не свидетельствованный. Но если кто учился у иноверцов, тот бы явил себе прежде в Духовном Коллегиум, и тамо его испытать: как искусен в Священном Писании, и слово бы сказал о том, о чем

ему повелит Коллегиум: и если искусен покажется, то дать ему свидетельство, что, аще похощет быть в чину Священническом, мощно ему проповедовать.

2. Проповедали бы проповедники твердо, с доводом Священнаго Писания о покаянии, о исправлении жития, о почитании властей, паче же самой высочайшей власти Царской, о должностях всякого чина. Истребляли б суеверие; вкореняли б в сердца людския страх Божий. Словом рещи: испытовали б от Священнаго Писания, что есть воля Божия, святая, угодная и совершенная, и то б говорили.

3. О грехах во обществе говорить, а не именовать кого, разве был бы публикован от всея церкве. Но и когда пронесется о некоем лице недобрый некий слух, о сем или оном именно грехе, и тогда проповедник должен о таковом грехе молчать на слове. Ибо если воспомянет грех той, хотя бы и не воспоминал лицо именно; обаче помыслит народ, что на оное лице гром той есть. И тако оному умножится печаль, и он не о своем исправлении, но паче о мщении на таковаго проповедника думать станет. Что ж из того пользы? Если чий грех великий, с презрением закона Божия, самохотно от грешника гордаго явлен будет; то его Епископу, а не коему либо Пресвитеру штрафовать, таким способом, как выше говорилось в делах Епископских о анафеме.

4. Обычай некиим проповедникам есть, аще кто его в чем прогневит, на проповеди своей мстить оному, хотя не именно, терзая славу его, обаче так говоря, что можно слышателем знать, о ком речь есть: и таковые проповедники самые бездельники суть, и оных бы жестокому наказанию подвергать.

5. Непригоже вельми проповеднику, наипаче юному, говорить о грехах властительских, или обличительне к лицу слышателей. Так на пример: не

имеете страха Божия, нет у вас любви ко ближнему; немилосердни есть, друг друга обидите. Но должен паче в первом лице, во множественном числе так говорить: не имеем страха Божия, нет у нас любве ко ближнему; немилосердни есмы, друг друга обидим. Ибо сей образ слова кроткий есть, понеже и сам проповедник в числе грешников мешает себе, как то и самая истина есть: много бо согрешаем вси. И так Павел Апостол, обличая учителей, которые, ставя себя высоко, по своему имени ученикам своим нарицатися желали, не воспоминая оных именно, на себя аки бы вину тую приемлет, в первом послании из Коринфом в главе первой, тако ж и на другов своих Петра, Аполлоса. Киждо, рече, от вас глаголет, аз убо есмь Павлов, аз же Аполлосов, аз же Кифин, аз же Христов. Еда разделися Христос? Еда Павел расплся по вас, или во имя Павлово крестистеся? и прочая. А что он вину сия пренесл на себе и на других, сам свидетельствует. Ибо долго о том поговорив, та же в главе четвертой исповедует: сия же братия моя преобразих, на себе и Аполлоса нас ради, да от нас научитеся не паче мудрствовати написанных и прочая.

6. Должен всяк проповедник имети у себя книги святаго Златоустаго и прилежно чести оныя: ибо тако приобучитися складать чистейшее и яснейшее слово, хотя и не будет Златоустому равное; а казнодеишков легкомысленных, каковые наипаче Польские бывают, не чел бы.

7. Аще проповедник видит от слова своего в народе пользу, да не хвалится тем. Аще же не видит, да не сердитует, и людей за сие да не поносит. Дело их есть говорить: а обращение сердец человеческих, дело Божие есть. Аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти.

8. Безумно творят проповедницы, которые брови своя поднимают, и движение рамен являют гордое, и в слове нечто такое проговаривают, от чего можно познать, что они сами себе удивляются. Но благоразумный учитель, елико мощно, да тщится и словом и всего тела действием таковаго себе

показовать, что он ниже помышляет о своем остроумии или красноречии. И того ради часто подобает мешать краткия оговорки с смиренным некиим самаго себе понижением. На пример: молю вашу любовь, да не смотрите, кто глаголет; что бо сам о себе засвидетельствовать могу вам, разве яко грешен есмь? Веруйте слову Божию: ибо от писаний Священных, а не от моего вымысла предложить потщуся, и сим подобная.

9. Не надобно проповеднику шататься вельми, будто в судне веслом гребет. Не надобно руками спляскивать, в боки упиратися, подскакивать, смеятися, да не надобе и рыдать; но хотя бы и возмутился дух, надобе, елико мощно, унимать слезы; вся бо сия лишняя и неблагообразна суть, и слышателей возмущают.

10. По слове, аще лучится в гостях быть, или в каких ни есть беседах с людьми, не подобает проповеднику воспоминать о слове своем, и не точию слова своего хвалить, что есть великое безстудие, но и не охужать самохотне: ибо покажется, что он в похвале слова своего таковым способом поощряет прочиих. А хотя б кто и стал хвалить слово его, то проповедник должен показать на себе, что ему слышать то стыдно, и всячески отводить от похвал и заводить иную беседу. Мирския особы, поелику участны суть наставления духовнаго. Хотя и не много в сей частице говорить надлежит: обаче подобает предположить малое предословийце к лучшему уразумению: почему миряне нарицаются миряне, и в чем от чина духовнаго имеют разнствие? Сие имя мир в тройственном разуме употребляемо есть:

1. Мир нарицается вся подсолнечная, от человека обитаемая, но не в сем разуме человецы, служения церковнаго неимущии, нарицаются миряне; ибо и священнический чин в томжеде с прочиими мире живет.

2. Мир приемлется за людей просто, яко суть тварь телесная, но разумная. И не по сему миру мирян именуем, которые вне причта службы

церковныя суть. Понеже и Священник и кий либо причетник не похощет отрещися нарицатися мирянин в таковом разуме. И в сем то разуме стоит имя мир, где нечто доброе прилагается ему, на пример: тако Бог возлюби мир и проч.

3. Мир часто знаменует злобу человеческую и суету, или самых человек; поелику злобни и суетни суть, яко же глаголет Иоанн Апостол в первом послании своем, в главе второй: не любите мира, ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любве Отчей в нем: ибо все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И не от сего мира миряне нарицаются; ибо Иоанн пишет не к священству, но обще к Христианом. И яко же сам глаголет там же ко отцам, юношам, детем, сие есть ко всем всякаго возраста. И не льзя сказать, что оных словом сим наговаривает в монахи или в церковники. Подобне, якоже и сие имя, духовный, которое противно есть миру, в третием сем разуме употребляемое, не монахов самых и церковников показует у Павла Апостола в первом послании к Коринфяном, в главе второй при конце, где он душевнаго и духовнаго человека соразсуждает. Ибо там душевнаго нарицает того, который без благодати Духа Святаго сам собою преклонен есть ко всякому злу, а ко богоугодному добру весьма безсилен, яковые вси необновленные суть. Духовнаго же именует того, который просвещен и обновлен, и водим есть Духом Святым. Аще убо Священник, аще мирянин зол, душевен есть; и вопреки аще Священник, аще мирянин, Духом Святым водимый, духовен есть. И потому Петр Святый и имя священства дает не единым церковным служителем, но обще всем Христианом. 1. Петр. глава 2. Вы род избран, Царское священие, язык свят, людие обновления, яко да добродетели возвестите из тьмя вас призвавшаго в чудный Его свет. Подобне и Апокалипсис, глава 5: сотворил есть нас Богови Цари и Иереи. Сие подобало предложить для того, что за неведением сего многая и деются

и сказуются дурости душепагубныя. Сего не ведай человек мирский, думает иногда, что ему спастися не льзя для того самаго, что он не духовный, но мирский есть. Сего не ведяй иный монах наговаривает другаго оставити жену, чада, родителей, и ненавидети их; понеже, рече, заповедь имамы: не любите мира, и яже суть в мире. Но почему миряне нарицаются? Ответ. Понеже подобало быть определенным учения духовнаго служителем и управителем, яковии суть Епископи и Пресвитеры: того ради, но преизяществу некоему, восприяли они титлу духовнаго чина. А ради служения безкровныя жертвы нарицаются по преизяществу и священницы. И потому уже прочии,которые слыщателие и ученицы оных суть, нарицаются просто миряне. Речеши: от коего убо из триех вышеименованных разумов мира, миряне тако нарицаются? Есть сие именование разуму второму прилично; вси бо и священницы и не священницы суть миряне, то есть человецы. Но не священницы нарицаются миряне просто; поелику не суть управители и служители определенные духовнаго учения, но слышателие. И уже нечто сказать надобе о мирянах, поелику надлежат они к духовному управлению.

1. Всем ведомо сие: в первых да будет, что всяк Христианин должен православнаго учения слушать от своих пастырей. Яко же бо пастырие не пасут, аще овец своих словом Божиим не питают: тако и овцы не суть овцы, но всуе тако нарицаются, аще не хотят пасоми быть от пастырей. Того ради если бы кто презирал и ругал, или что горше, тщался бы не допустить чтения, или проповеди слова Божия, без крайней нужды за едину некую горделивую злобу: тот наказанию церковному подлежит, или суду Епископскому, о котором выше слово было, где о анафеме, или, аще силен явится, самаго Духовнаго Коллегиум следованием и декретом.

2. Должен всяк Христианин и часто, а хотя бы единожды в год причащатися святой Евхаристии. Сие бо есть и благодарение наше

изящнейшее Богу о толиком смертию Спасителевою содеянном нам спасении. Елижды аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет. И напутствие к живому вечному. Аще не ясте тела Сына человеческаго, и не пиете крове Его, живота не имате в себе. И есть характир или знамение, которым являем себе быть убы единаго мысленнаго тела Христова, сиесть, сообщники единой Святой Церкви, яко же глаголет Апостол 1 Коринф. глава 10. Чаша благословения юже благословляем, не общение ли крове Христовы есть? Хлеб, его же ломим, не общение ли тела Христова есть? Яко един хлеб, едино тело есмы мнози; вси бо от единаго хлеба причащаемся. Того ради, аще который Христианин покажется, что он весьма от Святаго Причастия удаляется, тем самым являет себе, что не есть в теле Христове, сиесть, не есть сообщник церкви, но раскольщик. И несть лучшаго знамения, почему познать раскольщика. Сие прилежно подобает наблюдать Епископом, и приказывать, чтоб им священницы приходские по вся годы о своих прихожанах доносили, кто из них не причащался чрез год, кто же и чрез два, и кто никогда же. И таковых понуждать ко исповеданию клятвенному, аще суть они сыны церкве, и проклинают ли вся полки раскольнические, которые где ни есть в России обретаются, Понуждение же оное клятве, не иное имать быть, только угрожением, что если не похотят клястися, и проклинать именно вся раскольническая согласия; то объявление о оных издастся, что они суть раскольщики. Не малая бо польза ведать о сем: ибо многие раскольщики, под одеждою православия крыющиеся, вместо того, чтоб боялися, еще сами воздвизают гонение на церковь. И не токмо ругают чин священный и, сколько могут, пакостят ему, но мирских, своему безумию несогласных, всячески утесняют, о чем могут засвидетельствовать людие веры достойнии.

3. А когда таким иным способом объявлен будет раскольщик; тогда Епископ должен о оном раскольщике письменно дать знать тому, под чиим он судом, который его имеет послать в Духовную Коллегию.

4. Полезно есть иметь в Коллегиум ведение, сколько во всех Епархиях обретается раскольщиков; сие бо ко многим, разсуждения требующим, случаям помощно есть.

5. Великий грех есть и нетерпящий молчания духовных, что нецыи мирские господа, в своих областях ведая раскольщиков, покрывают для мзды, им подаемой. Иное дело о раскольщиках явных; ибо от тех напасти блюстися не надобно; но раскольщиков, под видом православия живущих, покрывать сие дело безбожием смердящее. И за сие должни суть Епископи ревновать, и доносить о сем к Духовному Коллегиум; а Коллегиум, по духовном розыске, таковых господ, аще не похотят в том исправиться, может предать анафеме. Духовный же розыск надлежит быть таковым образом: доношение подаст Епископ в Духовную Коллегию на мирскаго господина не просто, что у него раскольщики обретаются; но что господин тот сильно не допускает Священнику прихода онаго, или и посланным Архиерейским сыскивать и обличать раскольщиков, в вотчине его пребывающих, и именовани будут в доношении достоверныи свидетели того. А Коллегиум, слушав свидетелей, напишет увещательне ко оному господину, чтоб попустил свободно сыскивать раскольщиков в своей вотчине. И буде послушает господин, то его больше не утруждать; буде же преслушает, то и сам делом о себе засвидетельствует, что он раскольщиков заступник есть. И тогда Коллегиум приступит к духовному его наказанию всем тем порядком, как выше писано о анафеме. А дело сие не о явных, но о тайных раскольщиках, как объявлено выше, если они простой народ суть: если же учители, и аки бы пастырие раскольнические суть, о тех, как тайных, так и

явных дело сие есть. Таковым же образом судятся и духовные, которые имеют за собою подданных.

6. По всей России никого от раскольщиков не возводить на власти, не токмо духовныя, но и на гражданския, даже до последняго начала и управления, чтоб не вооружать нам на нас же лютых неприятелей, и Государству и Государю, непрестанно зло мыслящих.
А если кто в подозрении будет раскольничества, хотя бы и вид на себе являл православия, и того первее привести к присяге, купно с клятвою на себя, и оных, что он не есть и не думает быть раскольщик; и объявить ему жестокое наказание, если бы после противное на нем показалось, и подписаться ему в том своею рукою. Вина же онаго сия есть: когда кто знатным делом своим сотворит себе подозрение, на пример [*]: аще никогда же приобщается Святым Тайнам без всякой благословной вины; аще учителей раскольнических в дому своем покрывает с ведением, что таковые суть, и аще милостыню посылает в раскольническия обители и прочая; а в таковых делех кто обличен будет явными доводами, тогда таковый подозрению раскольничества подлежит. А если сему противное где явится, то Епископ должен о том скоро писать к Духовной Коллегии.

7. Отселе не быть у мирских ни у кого (кроме фамилии Царскаго Величества) в домех церквам и крестовым попам: ибо сие лишнее есть, и от единыя спеси деется, и духовному чину укорительное. Ходили бы господа к церквам приходским, и не стыдились бы быть братиею, хотя и крестьян своих, во обществе Христианстем. О Христе бо Иисусе несть раб, ни свободь, глаголет Апостол.

8. Когда прихожане или помещики, которые живут в вотчинах своих, изберут человека в церкви своей в Священники: то должни в доношении своем засвидетельствовать, что оной есть человек жития добраго и неподозрительнаго. А которые помещики в тех своих вотчинах сами не

живут, оное свидетельство о таких людях подавать людем и крестьяном их, и в челобитных писать именно, какая ему руга будет или земля. А избранный бы также приложил руку, что он тою ругою или землею хощет быть доволен, и от церкви, к которой посвящен, не отходить до смерти. А ежели оный избранный, пред Епископом явится в каком подозрении или расколе, и онаго чина недостоин, сие оставляется в разсуждение Епископле.

9. Волочащихся попов не принимали б господа к себе в духовники. Ибо Священник изгнан за преступление, или своевольно сам оставив врученную себе церковь, уже почитай и не Священник есть, и великий грех приемлет, действуя священническая. А приемлющий его господин тому ж греху участник есть, и сугубо: ибо и помощник греху тому, и правлению церковному противник есть.
Не понуждали б сильные миряне Священников в домы своя входить для крещения младенцов, но носили б тех в церковь, разве бы вельми болен был младенец, или иная некая великая нужда зашла бы.

10. Сказуют, что иногда гражданские управители, и иныя власти, тако ж сильные помещики в случившемся некоем деле, духовнаго наставления требующем, не хотят повиноватися Епископом, в котораго кто Епархии живет, отговариваяся тем, что Епископ оным не пастырь. Ведомо же всем буди, что всяк коего либо чина человек подлежит в духовных делах суду того Епископа, в котораго Епархия пребывает, пока в той пребывает.

11. Но наипаче мирским особам многия случаются трудности в сомнительных браках, и того ради, если таковое кому случится сумнительство, то не дерзал бы таить онаго пред Священником. А Священник, если и сам сомневается, не дерзал бы скоро венчать, но относить дело оное ко разсуждению Епископа. Но и Епископ отсылал бы к Духовному Коллегиум, если и он сам решить недоумеет.
И для чиннаго и известнаго таковых трудностей решения надлежит Коллегом

Духовным, избрав собственное время, довольно поговорить о оных, и на всякую трудность написать решение крепкое от Священнаго Писания, и от разсуждения славных древних учителей, тако ж и от уставов Царских.

12. А хотя бы и несумнительный брак чий мнился быть; обаче не подобает венчатися во ином приходе, в котором ни жених, ниже невеста живет; кольми паче во иной Епископии венчатися не подобает. Також и не звать из чужаго прихода или Епархии Священников на венчание; ибо сие, кроме укоризны своих пастырей, еще являет, что так женящиися в подозрении суть неправильнаго сочетания.

Часть III. – Самых управителей должность, действо и сила

Время уже говорить о самых управителях, из которых составляется Духовное Коллегиум.

1. Число особ правительствующих довольное есть 12. Быть же лицам разнаго чина: Архиереом, Архимандритом, Игуменом, Протопопом, из котораго числа, трем Архиереом, а прочиих чинов, сколько котораго достойных сыщется.

2. Смотреть сего, чтоб Архимандриты и Протопопы не были в чину сего собрания, которые подручни суть некоему Архиерею, в сем же собрании обретающемуся: ибо таковый Архимандрит, или Протопоп будет непрестанно наблюдать, к которой стороне судимой преклонен есть Епископ его, к той и тот Архимандрит и Протопоп преклонен будет, и так две или три особы будут уже един человек. Прочее разсмотреть подобает, что Духовное Коллегиум должно делать, и как в принесенных делах действовать и поступать, и какую имеет оно силу к вершению дел. И сия три означаются

тремя вещьми, в титле части сея вышеименованными, яже суть должность, действо и сила. О всяком особь нечто поговорить.

Должность.

1. Первое и почитай едино долженство есть сего Духовнаго Правительства ведать, кия суть должности и всех вообще Христиан и собственно Епископов, Пресвитеров с прочими церковными служительми, монахов, учителей и учащихся; тако ж и мирских лиц, поелику они наставления духовнаго участницы суть. И того ради зде исписаны некия всех оных чинов должности. И должно Духовное Коллегиум наблюдать, аще всяк в звании своем пребывает; а погрешающих наставлять и наказывать. Обаче некия правительства сего должности и собственно зде прилагаются.

2. Обвестить или публиковать всем обще Христианом, коего либо чина, что можно всякому, усмотрев нечто к лучшему правлению церкви полезное, доносить на письме Духовному Коллегиум так, как вольно всякому доносить Сенату о правильных прибылях Государственных. А Коллегиум Духовное разсудит, полезный ли или неполезный совет; и полезный прият, а неполезный презрен будет.

3. Аще кто о чем Богословское письмо сочинит, и тое б не печатать, но первее презентовать в Коллегиум. А Коллегиум разсмотреть должно, нет ли каковаго в письме оном погрешения, учению православному противнаго.

4. Аще где проявится нетленное тело, или пройдет в слух видение чие или чудотворение, Коллегиум долженствует испытовать тоя истины, призвав к допросу оных повестителей, и прочиих, которые о том свидетельствовать возмогут.

5. Аще кто кого поречет, яко раскольщик, или новаго некоего учения изобретатель есть, судить тое в Духовном Коллегиум.

6. Случаются недоуменные некие падежи совести, на пример, что делать, когда кто, похитив чуждее имение, хощет, но не может онаго возвратить, или за стыд или страх, или что онаго лица, у кого украл, уже не стало? И что делать тому, которому случилось быть у поганых в неволе, и для свободы своей безбожную оных веру принять, а потом обращается ко исповеданию Христианскому? Сия и иныя недоумения приносить к Духовному Коллегиум, и от него прилежно разсуждаемым и решимым быть.

7. Производимых на Архиерейство тут первее освидетельствовать, не суть ли суеверцы, ханжи, святокупцы, где и как жили; допросить с свидетельством, от чего богатство имеет, если кто таковый покажется.

8. На суд Духовнаго Коллегиум относить суды Епископов, если кто оными не доволен. Дела же суду сему подлежат сия именно: недоуменные браки, вины разводов брачных, обиды клиру, или монастырю от своего Епископа нанесенныя, обиды, сделанныя Епископу от другаго Епископа. И кратко рекше: вся тая дела, которыя к суду Патриаршему надлежали.

9. Должно Коллегиум разсмотреть, кто и как владеет землями церковными, и куды на что хлеб и прибыли, аще кия суть денежныя, издерживаются. И если кто церковные пожитки похищает воровски: Духовное Коллегиум наступать на онаго, и на нем похищеннаго доправлять долженствует.

10. Когда Епископ, или меньший служитель церковный обиду терпит от господина некоего сильнаго, хотя на него не в Коллегиум Духовном, но в Юстиции Коллегиум или послежде в Сенате управы просить надобно: однакож и Духовному Коллегиум нужду свою открыет обидимый. И тогда

Президент и все Коллегиум, подая помощь обидимому своему брату, пошлют от себе мужей честных просить скоро управы, где надлежит.

11. Заветы или духовницы знатных особ, аще покажутся быть в чем сумнительныя, объявить оныя в Духовное Коллегиум и в Юстиц Коллегиум, и оба сия Коллегия разсудят, и определение положат.

12. О подаянии милостыни должно Коллегиум Духовное сочинить наставление; ибо в сем не мало погрешаем. Многие бездельники, при совершенном здравии, за леность свою пускаются на прошение милостыни, и по миру ходят безстудно; и иные же в богадельни вселяются посулами у старост, что есть богопротивное и всему отечеству вредное. Повелевает нам Бог от пота лица нашего, сиесть от промыслов праведных и различных трудов ясти хлеб, Бытия глава 3; и делати доброе не только для собственнаго препитания, но еще чтоб имели мы что подавать и требующим, сиесть убогим. Послания к Ефесеем глава 5. И запрещает Бог, да праздный человек ниже яст. 2. Послание к Солуняном глава 3. И потому здравии, а ленивии прошаки Богу противни суть. И аще кто снабдевает оных, и той есть яко помощник, тако и участник оных же греха; и что либо на таковую суетную милостыню издерживает, все то вотще ему, а не в пользу духовную. Но из таковой дурной милостыни еще и отечеству, якоже рехом, великий вред деется; от сего бо в первых скудость и дорог бывает хлеб. Разсуди всяк благоразумный, сколько тысящ в России обретается ленивых таковых прошаков, толикож тысящ не делают хлеба, и потому нет от них приходу хлебнаго. А обаче нахальством и лукавым смирением чуждые труды поядают, и потому великий хлеба расход вотще. Хватать бы таковых всюды, и к делам общим приставлять. Да от тех же прошаков деется убогим истинным великая обида: ибо сколько оным подается, толико прямым убогим отъемлется. А еще бездельники оныя, понеже здравы суть, скоро до милостыни прибегают, когда немощные нищие остаются, иныи же

полумертвы почитай на улицах лежат, и при своей болезни и гладом истаевают. Суть же и таковые, что и дневной пищи лишаеми, просити стыдятся. Аще кто истинную имеет утробу милосердия, сия разсудив, не может не желать от сердца, чтоб было таковому безчинию доброе исправление.

Сверх того еще ленивии оные нахальники сочиняют некая безумная и душевредная пения, и оная с притворным стенанием пред народом поют, и простых невеж еще вяшше обезумливают, приемля за то награждение себе. И кто вкратце изчислит вреды от таковых бездельников деемыя? По дорогам, где угодно видят, разбивают; зажигатели суть, на шпионство от бунтовщиков и изменников подряжаются; клевещут на властей высоких, и самую власть Верховную зле обносят, и простой народ к презорству властей преклоняют. Сами никиих же Христианских должностей касаются, в церковь входить не свое дело быти помышляют, только бы им пред церковию непрестанно вопить. И что еще меру превосходит безсовестие и безчеловечие оных, младенцем своим очи ослепляют, руки скорчивают, и иные члены развращают, чтоб были прямые нищие и милосердия достойные: воистинну нет беззаконнейшаго чина людей. Надлежит убо великая должность Духовному Коллегиум прилежно о сем думать и советовать, каковым бы лучшим способом зло сие искоренить, и добрый чин милостыни определить, а определив, просить Царскаго Величества, дабы изволил указом Своим Монаршим утвердить.

13. И се немалая должность, как бы священство от симонии и безстуднаго нахальства отвратить. К сему полезно есть сделать совет с Сенаторами, как много дворов к одному приходу определить, с которых всякий бы давал такую то именно подать священству и прочим причетником церкве своея, дабы они совершенное по мере своей имели довольство, и

впредь бы не домогалися платежа за крещение, погребение, венчание и прочая.

Обаче сие определение не возбраняет доброхотным человеком подавать Священнику, сколь много кто по щедрости своей похощет. Собственно всяк Коллегиат, как Президент, так и прочие в начале приятия чина своего, должны учинить присягу, что верен есть и будет Царскому Величеству; что не по страстям своим, не для мздоимства, но для Бога и пользы людской со страхом Божиим и доброю совестию судить дела и советовать, и других братий своей мнения и советы разсуждать, принимать или отвергать будет. И клятву таковую изречет на себе под именным штрафом анафемы, и телеснаго наказания, аще бы после противен присяги своей подстережен и уличен был.

Сия вся зде написанная, первее Сам Всероссийский Монарх, Его Царское Священнейшее Величество слушать пред собою чтомая, разсуждать же и исправлять благоволил 1720 года Февраля 11 дня. А потом по указу его Величества Преосвященныи Архиереи, Архимандриты, купно же и Правительствующии Сенаторы слушали же и, разсуждая, исправляли сего ж Февраля 23 дня. Таже в утверждение и в исполнение непреложное, по приписанию рук присутствующих Духовных и Сенаторских персон, и Сам Его Царское Величество своею Собственною рукою подписать соизволил.

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ[1]

Ко учрежденной вышеобъявленной табели рангов прилагаются 62 сии пункты, каким образом со оными рангами каждому поступать надлежит.

1. Принцы, которые от нашей крови произходят, и те, которые с нашими принцессами сочетанны: имеют при всяких случаях

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3890.

председательство и ранг над всеми князьями и высокими служители Российского государства.

2. Морские же с сухопутными в команде определяются следующим образом: кто с кем одного ранга, хотя и старее в чину, на море командовать морскому над сухопутным, а на земли сухопутному над морским.

3. Кто выше своего ранга будет себе почести требовать, или сам место возмет выше данного ему ранга, тому за каждой случай платить штрафу 2 месяца жалованья. А ежели кто без жалованья служит, то платить ему такой штраф, как жалованья тех чинов, которые с ним равного рангу, и действително жалованье получают.

Из штрафных денег имеет объявитель того третьюю долю получать, а досталныя имеют в гошпиталь употреблены быть. Но сие осмотрение каждого рангу не в таких оказиях требуется, когда некоторые яко добрыя друзья и соседи съедутся, или в публичных асамблеях, но токмо в церквах при службе божией, при дворовых церемониях, яко при аудиенции послов, торжественных столах, в чиновных съездах, при браках, при крещениях, и сим подобных публичных торжествах и погребениях. Равной же штраф и тому следует, кто кому ниже своего рангу место уступит, чего надлежит фискалом прилежно смотреть, дабы тем охоту подать к службе, и оным честь, а не нахалом и тунеядцом получать. Вышеписанной штраф как мужескому, так и женскому полу необходимо за преступления надлежит.

4. Под равным штрафом, не имеет никто рангу себе требовать, пока он на свой чин надлежащаго патента показать не имеет.

5. Такожде не имеет никто ранг взять по характеру, которой он в чужих службах получил, пока мы ему онаго характера не подтвердили,

которое подтверждение мы каждому по состоянию его заслуг охотно жаловать будем.

6. Без патента апшит никому не дает ранга, разве оной апшит за нашею рукою дан будет.

7. Все замужные жены поступают в рангах, по чинам мужей их. И когда они тому противно поступят, то имеют они штраф заплатить такой же, как бы должен платить муж ее был за свое преступление.

8. Сыновьям российскаго государства князей, графов, баронов, знатнейшаго дворянства, такожде служителей знатнейшаго ранга, хотя мы позволяем для знатной их породы или их отцов знатных чинов в публичной асамблеи, где двор находится, свободной доступ пред другими нижняго чину, и охотно желаем видеть, чтоб они от других во всяких случаях по достоинству отличались; однако ж мы для того никому какова рангу не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут, и за оныя характера не получат.

9. На сопротив того, имеют все девицы, которых отцы в 1-м ранге, пока они замуж не выданы, ранг получить над всеми женами, 63 которые в 5-м ранге обретаются, а имянно, ниже генерала-маэора, а выше брегадира. И девицы, которых отцы во 2-м ранге, над женами, которые в 6-м ранге, то есть ниже брегадира, а выше полковника. А девицы, которых отцы в 3-м ранге, над женами 7-го ранга, то есть ниже полковника, а выше подполковника. И протчие, против того, как следуют ранги.

10. Дамы и девицы при дворе имеют, пока они действително в чинах своих обретаются, следующие ранги получить:

Обер гофмейстерина у ея величества государыни императрицы имеет ранг над всеми дамами.

Действителные стац дамы у ея величества государыни императрицы следуют за женами действителных тайных советников.

Действителные камер девицы имеют ранг с женами президентов от колегеи.

Гоф дамы - с женами брегадиров.

Гоф девицы - с женами полковников.

Гоф мейстерина и наших цесаревен - с действителными стац дамами, которые при ее величестве императрице.

Камер девицы при государынях цесаревнах следуют за гоф дамами при ее величестве государыне императрице.

Гоф девицы государынь цесаревен следуют за гоф девицами при ее величестве государыне императрице.

11. Все служители российские или чужестранные, которые осмии первых рангов находятся, или действително были, имеют оных законные дети и потомки в вечныя времена лутчему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть, хотя б они и низкой породы были, и прежде от коронованных глав никогда в дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были.

12. Когда кто из наших высоких и нижних служителей, два чина и более действително имеет, или выше ранг получил, нежели по чину, которой он действително управляет, то имеет он при всяких случаях ранг вышняго его чину. Но когда он в нижнем чину свое дело отправляет, то не может он тогда на том месте своего вышняго рангу или титла иметь, но по оному чину, которой он действително отправляет.

13. Понеже статские чины прежде не были распоряжены, и для того почитай никто или зело мало чтоб кто надлежащим порядком с низу свой чин верхней заслужил из дворян, а нужда ныне необходимая требует и в вышние чины: того ради брать, кто годен будет, хотя б оной и никакого чина не имел. Но понеже сие в рангах будет оскорбительно воинским людем, которые во многие лета, и какою жестокою службою оное получили, а увидят без заслуги себе равного или выше: того ради кто в которой чин и возведен будет, то ему ранг заслуживать летами, как следует. Чего для надлежит из Сенату, кто в какой чин в статской не по порядку с низу пожалован будет нынешней ради нужды с котораго времени, давать имена их обор фискалу, дабы могли фискалы смотреть, чтоб исполняли в рангах по сему указу. И дабы впредь на ваканцыи не стороны хватать, но порядком, как в воинских чинах производятца. Того ради надлежит ныне иметь в статских колегиях по 6 или по 7 человек колегеи юнкеров, или менше. А ежели более надобно, то с докладу.

14. Надлежит дворянских детей в колегиах производить снизу: а имянно, перво в колегии юнкары, ежели ученые, и освидетелствованы от колегии, и в Сенате представлены, и патенты получили. А которые не учились, а нужды ради и за оскудением ученых приняты, тех перво в титулярные колегии юнкары писать, и быть им те годы без рангов, которым нет рангов до действителнаго колегеи юнкарства.

	годы	месяцы
против капрала	1	
против сержанта	1	
против фендрика	1	6
против порутчика	2	

против капитана 2

против маэора 2

против подполковника 2

против полковника 3 6

Карпоралские и сержантские лета зачитать тем, которые учились и выучились подлинно, что коллежским правлениям надлежит.

А имянно, что касается до праваго суда, также торгам внешним и внутренним к прибыли Империа и экономии, в чем надлежит их свидетелствовать.

Которые обучатца вышеписанным наукам, тех из колегеи посылать в чужие краи по несколку, для практики той науки.

А которые знатные услуги покажут, те могут за свои труды производитца ранги выше, как то чинитца и в воинской службе, кто покажет свою какую выслугу. Но сие чинить в Сенате толко, и то с подписанием нашим.

15. Воинским чинам, которые дослужатся до обер офицерства не из дворян, то когда кто получит вышеписанной чин, оной суть дворянин, и его дети, которые родятца в обор офицерстве, а ежели не будет в то время детей, а есть прежде, и отец будет бит челом, тогда дворянство давать и тем, толко одному сыну, о котором отец будет просить. Протчие же чины, как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяна.

16. И понеже никому кроме нас, и других коронованных глав принадлежит, кого в дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать, и насупротив того многократно оказалось, что некоторые

себя дворянами сами называют, а подлинно не суть дворяня, иные же своеволно герб приняли, котораго предки их не имели ниже от предков наших, или от иностранных коронованных глав им дан, и при том смелость приемлют иногда такой герб изобрать, которой владеющие государи и иные знатнейшые фамилии действително имеют. Того ради мы тем, до которых сие касается, чрез сие милостиво напоминаем, чтоб каждый от такого непристойнаго поступка, и от того вопоследующаго безчестья и штрафования впредь остерегался. Каждому объявляется, что для сего дела определили мы геролдмейстера. И тако надлежит всем для того дела к нему приходить, и доношении подавать, и решения требовать, как следует: кто имеет дворянство, и на оное гербы, дабы доказывали, что они или предки их от какого наддания имели, или чрез предков наших или нашею милостию во оную честь приведены. Буде же кто того подлинно вскоре доказать не может: то таковым давать сроку на полтора года. А потом требовать, дабы подлинно доказал. И ежели не докажет, (а объявит за чем подлинно) о том доносить Сенату; а в Сенате о том разсмотря, доносить нам.

Буде же кто будут просить за явныя службы о наддании, то о службах того справливатца. И буде из таковых явятца подлинно заслуженые, и о том доносить Сенату ж, а Сенату представлять нам же. А которые дослужились до обор офицерства, руской или иноземец, как из дворянства, так и не из дворянства, тем давать гербы смотря по заслугам. А которые хотя в воинской службе и не были, и ничего не заслужили, а могут доказать не менши ста лет: и таким гербы давать же.

В нашей же службе обретающыеся чюжестранные люди, имеют или своими дипломами, или публичными свидетелствами от правителства их отечества, свое дворянство и герб доказать.

17. Также нижеписанные чины, а имянно: президенты и вицепрезиденты в надворных судах, обер ландрихтеры в резиденции, президент в магистрате в резиденции, обер комисары в колегиах, воеводы, обер рентмейстеры и ландрихтеры в губерниях и в провинциях, казначеи при манетном деле, директоры над пошлинами в портах, обер экономии камисары в губерниях, обер камисары вгуберниях, ассесоры в надворных судах в губерниях, камериры приколегиях, ратманы в резиденции, почт мейстеры, камисары приколегиях, камериры в провинциях, земские камисары, ассесоры впровинциалных судах, земские рентмейстеры, не надлежит за вечныйчин почитать, но за уряд, как вышеписанным, так и им подобным: ибо оные не суть чины: того ради ранг иметь должны, пока они действително у своего дела обретаются. А когда переменятся или оставятся, тогда того ранга не имеют.

18. Те, которые за тяжкие преступления отставлены, публично на площади наказаны, или хотя толко обнажены, или пытаны были, оные лишены от имевшаго титла и рангу, разве они от нас за какия выслуги паки за собственною нашею рукою и печатью в совершенную их честь возставлены, и о том публично объявлено будет.

Толкование о пытанных

В пытке бывает, что многие злодеи, по злобе, других приводят: того ради, которой напрасно пытан, в безчестные причесться не может, но надлежит ему дать нашу грамоту со обстоятелством его невинности.

19. Понеже такожде знатность и достоинство чина какой особы часто тем умаляется, когда убор и прочей поступок тем не сходствует, якоже на супротив того многия разоряются, когда они в уборе выше чина своего и имения поступают: того ради напоминаем мы милостиво, чтоб

каждый такой наряд, экипаж, и либрею имел, как чин и характер его требует.

По сему имеют все поступать, и объявленного штрафования и вящшаго наказания остерегатся.

Дан за подписанием нашей собственной руки, и государственною нашею печатью в резиденции нашей.

Петр

УКАЗ О ЕДИНОНАСЛЕДИИ 1714 г.[1]

«О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах»

Мы, Петр первый, царь и самодержец всероссийский и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляем сей указ всем подданным нашего государства, какого чину и достоинства оныя ни есть.

Понеже разделением имений после отцов детям недвижимых великой есть вред в государстве нашем, как интересам государственным, так и подданным и самим фамилиям падение, а имянно:

(1. О податях). Например, ежели кто имел тысячу дворов и пять сынов, имел дом доволной, трапезу славную, обхождение с людми ясное, когда по смерти ево разделитца детем ево, то уже толко по двести дворов достанетца, которыя, помня славу отца своего и честь рода, не захотят сиро жить, но каждой ясно (хотя и не так), то уже с бедных подданных будет пять столов, а не один, и двести дворов принуждены будут едва не то ж нести, как тысяча несла (а государственныя подати – податми), от чего не

[1] Цит по: Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. / Отв. ред. А. Г. Маньков. — М., 1986.

разоренье ли суть людем и вред интересам государственным, ибо податей так исправно не могут платить двести дворов в казну и помещику, как тысяча дворов, ибо (как выше писано), с тысячи один господин (а не с двусот дворов), которой пятою долею доволен будет, а в протчем облегчит крестьяном, которыя исправнее в казну и господину подати платить могут. И тако от того разделения казне государственной великой есть вред и людем подлым разорение.

(2. О фамилиях.) А когда от тех пяти по два сына будут, то по сту дворов достанетца, и тако далее умножаясь, в такую бедность придут, что сами однодворцами застать могут, и знатная фамилия, вместо славы, поселяне будут, как уже много тех эксемпелев (образов) есть в российском народе.

(3. О непотребности). Сверх обеих сих вредителных дел, еще и сие есть, что каждой, имея свой даровой хлеб, хотя и малой, ни в какую пользу государства без принуждения служить и простиратца не будет, но ищет всякой уклонятца и жить в праздности, которая (по 296 святому писанию) материю есть всех злых дел.

Напротиву ж того.

(На 1-ю) Ежели недвижимое будет всегда одному сыну, а протчим толко движимое, то государственныя доходы будут справнее, ибо с болшаго всегда господин доволнее будет, хотя по малу возмет, и один дом будет, а не пять, (как выше писано), и может лутче льготить подданных, а не разорять.

(На 2-ю) Фамилии не будут упадать, но в своей ясности непоколебимы будут чрез славныя и великия домы.

(На 3-ю) Протчия не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и протчим. И то все, что оныя сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть.

Чего ради за благо изобретено чинити по сему, как обявлено ниже сего.

I

Всем недвижимых вещей, то есть, родовых, выслуженых и купленых вотчин и поместей, также и дворов и лавок не продавать и не закладывать, но обращатися оным в род таким образом.

II

Кто имеет сыновей и ему же, аще хощет, единому из оных дать недвижимое, чрез духовную, тому в наследие и будет.

Другие же дети обоего полу да награждены будут движимыми имении, которые должен отец их или мать разделити им при себе, как сыновьям, так и дочерям, колико их будет, по своей воли, кроме оного одного, который в недвижимых наследником будет.

А ежели у оного сыновей не будет, а имеет дочерей, то должен их определити таким же образом.

А буде при себе не определит, тогда определится указом недвижимое по первенству болшому сыну в наследие, а движимое другим равною частию разделено будет.

То ж разумеется и о дочерях.

III

А кто бездетен, и оный волен отдать недвижимое одному фамилии своей, кому похочет, а движимое кому что похощет дать сродником своим, или и посторонним, и то в его произволении будет.

А ежели при себе не учинит, тогда обои те имения да разделены будут указом в род: недвижимое одному, по линии ближнему, а прочее другим, кому надлежит, равным образом.

IV

Кому по духовной или по первенству достанутся недвижимые, у того и движимаго имения части других в сохранении да будут до тех мест, пока ево братья и сестры приспеют возраста своего, мужеской – до осмнатцати, а женской – до семнатцати лет.

И в те уреченные лета должен тот наследник их, братей и сестр, кормить и снабдевать и учить всех грамоте, а мужеской пол и цыфирному счету, также и наукам, к которым приклонность будет кто иметь.

А потом, когда выдут те лета, то им каждой персоне дать его жребей по духовной сполна, не зачитая издержек, учиненных (на них) в вышереченные лета.

V

И для того надлежит отцам или матерям заранее духовные писать и движимыя имения долями описывать.

Буде же отец или мать умрет без духовной, то тотчас детям их обявить после смерти родителей своих, где они ведомы, и требовать, дабы пожитки описать, и доли им определить при свидетелех.

А покамест наследники недвижимых вещей до дватцати лет возраста своего не придут, а другия, оставшияся в движимых имениях

обоего пола до вышеписанных лет не приспеют, никаким их писмам или записям не верить, которые прежде тех лет явятца у кого.

И дабы кадеты обоих полов каким образом не были притеснены в молодых летех, того для неволно в брак вступать ранее, мужеского пола до дватцати, а женского – до семнатцати лет.

VI

Ежели которая девица, возраста своего по осмнатцати летех, у брата своего жить не похочет, то оная, взяв долю имения своего, отойти от него вольна при свидетелех же.

А буде у него жить похочет до своего замужества, или и вовсе (есть ли замуж не пойдет), и то да будет в ее воли.

VII

А для возобновления фамилеи, в которой фамилии мужеска полу останетца один, прочии же от нисходящей и восходящей линии того рода все вымрут, кроме женска полу, которых едина или несколко осталося в девицах или замужные, то помянутой последней оной фамилии повинен все недвижимые вещи, которые ему по наследию пришли, отдать в наследие единой из оных, кому похочет, замужней, вдове или девице; однакож с таким изяснением, что муж замужней повинен принять прозвище того, от кого получить недвижимое (оставя свое), он и его наследники, а девице или вдове не посягать за такого, которой не приимет прозвания.

И для того прежде в брак не вступать, а женатым не укреплять недвижимых, пока оной писменного обязателства не подаст, где те дела ведомы, что он оное прозвание примает вечно себе и наследником своей линии. Ежели же никто из них прозвания оного не приимут, тогда

недвижимое все повинно будет взять на государя, кроме движимого, которое в разделении оставляется предявленным образом.

VIII

А у кого будут дети от разных жен, а за матерми их были приданые поместья и вотчины, а отец их учинит наследником одного, и та воля отеческая на его токмо отеческие недвижимыя имения, а в матерних быть наследником детям их.

Тем же образом чинить и женскому полу, которая будет иметь детей от разных мужей.

И тако сей указ (пункт) должен в действителной быть силе до тех мест, донеле же оные дети, которые родились до сего указа, в недвижимых приданых матерей своих наследниками будут, ибо впредь с недвижимым приданым уже никого не будет.

IX

Которая жена после мужа останется бездетна, то и недвижимое мужа ее имение да будет по смерть ея или по пострижение.

А как умрет или пострижетца, тогда недвижимое мужа ея отдать одному фамилии ево не ис кадетов, но из наследников ближнему, а приданые ея деревни, которые у нее есть, да возвратятца в род ея таким же образом. А прочие мужа ея и ея имения, естьли она без завету умрет, да возвратятца одни мужа ея в род ево; а другие, что ея, сродником ея ближним, кому надлежит, всем равною частью, кроме тех, кому недвижимое приидет.

А буде оная вдова замуж выдет, то недвижимое перваго мужа ея имение возвращено будет в род ево, одному старшему по линии, как выше

обявлено, а от протчего все при ней да будет. И сей пункт имеет силу против осмаго пункта.

X

А буде за кем обявятца какие деревни и земли, укрепленые для каких ни будь причин, а владеют теми деревнями и землями те люди, чьи те деревни и земли были, а за кем укреплены и те люди теми деревнями и землями не владеют, а иные и владеют за причиною малолетства и вдовства и сиротства, и таковым деревни и земли возвращать по прежнему обыкновению.

И в том дается сроку на год, а офицером и салдатом, обретающымся в армеи и которые пребывают в чужих краях, на два года, чтоб могли оные деревни и земли или за ними укрепить или обявить.

А буде в такое время кто не исправится, и тем деревням и землям быть за тем, кто ими ныне владеет, невозратно.

XI

У которых деревни и земли заложены до сего указу и просрочены, или и не просрочены, и те деревни и земли выкупать по прежнему указу.

А буде кто не выкупит, записывать за заимодавцы по тем крепостям, с платежом прежних пошлин.

XII

А с сего указу кто принужден будет из недвижимых продать вотчину или поместье, или иное что, и за то имать пошлины с рубля по гривне для того, чтоб никто ничего из недвижимого вымыслом для укрепления не продавали.

А буде перепродаст кто что из оного меншим детям (обоего пола, которые не наследники недвижимым) без платежа денег, как прежде сего делали, или иным каким вымыслом, а о том кто на него донесет, и то недвижимое, которое в перепродаже явится, отдать тому доносителю.

XIII

Выкуп вотчин и поместей и протчего недвижимого должен быть тем, которые оным наследники будут по линеи ближние, а не кадетом их.

И при выкупе за новоприбылое строение взятье по скаскам отставить, а платить по свидетелству и по осмотру, наложа настоящую правдивую цену, во что стало.

XIV

Сей указ не на прошедшие времена, но с сего 1714 году действо свое имеет.

И хотя в прошедшия два месяца какие розделы где и зделаны, то оныя переделить по сему указу.

А тем, которыя до сего году, быть так, как учинены, толко даетца воля отцам и матерем, ежели хотя за несколко лет детей своих и разделили, а ныне похотят по сему указу переделить, и то да будет в их воле.

XV

Когда кто из кадетов дворянских фамилей захотят итить в чин купеческой, или какое знатное художество, также за сорок лет (с подлинным свидетелством к указом, подписанным от тех, где оне ведомы) своего возраста и в духовныя, то есть в белыя священники, то тем, которыя в

сие вышеписанное вступят, не ставить ни в какое безчестье им и их фамилиям ни словесно, ни писменно.

XVI

А буде явятца какие дела впредь, что сим указом решить их невозможно, и о тех делех доносить на писме в Сенате, где на то положены будут особыя пункты и выданы будут в народ печатью, как и сей указ.

А не дождався новаго указу, отнюдь не вершить, (под 300 потерянием всех своих пожитков и ссылкою), хотя и право покажетца, дабы тем не дать злым вымышленикам свои мины устроить.

Петр

Печатано в Санкт Питербурхе 1714 году марта в 24 день, государствования нашего 32 году.

НИШТАДСКИЙ МИР[1]

30 августа 1721 г.

Трактат, заключенный на конгрессе в Ништате уполномоченными министрами: с российской генерал-фельдцейгмейстером графом Брюсом и канцелярии советником Остерманом, а с шведской стороны Лилиенштетом и бароном Штремфельтом - о вечном мире между обоими государствами.

Мы, Фридрих, Божьей милостью король шведский, готский и венденский и проч., и проч., и проч., объявляем, что понеже между нами и короной шведской с одной, и Божьей милостью с пресветлейшим и державнейшим царем и государем, государем Петром Первым, всероссийским самодержцем, и проч., и проч., и проч., и с государством

[1] Цит. по: Под стягом России: Сборник архивных документов. — М., 1992.

Российским, с другой стороны, соглашенось и постановлено: по долгобывшей и вредительной войне, чтоб с обеих сторон полномочные министры съехались в Ништат в Финляндию, и в конференции вступить, трактовать и непрестанно пребываемый заключить вечный мир между нами и обоими государствами, землями и подданными. И для того с нашей стороны наш и государственный советник, купно и канцелярии советник, благородный граф г-н Иоган Лилиенстет, и ландсгевдинг заводов медных и в лене Далерн благородный барон Отто Рейнгольт Штремфелт, а с стороны е.ц.в. и государства Российского благородный граф г-н Яков Даниель Брюс, е.ц.в. генерал-фельдцейгмейстер, президент Берг- и Мануфактур-коллегии, кавалер орденов св. Андрея и Белого Орла; такожде и благородный г-н Гендрих Иоган Фридрих Остерман, е.ц.в. тайный советник его канцелярии, в вышепомянутое для мирных договоров и от обеих сторон в соизволенное место Ништат в Великом княжестве Финляндии съехались. И ныне чрез Высшего милостивую помощь и по силе данной им полной мочи 30 августа месяца ныне текущего года 1721-го постановлен, заключен, подписан и запечатан вечный мир и к тому надлежащее и сепаратный артикул, которые от слова до слова тако гласят:

Во имя святой и неразделимой Троицы. Известно и ведомо да будет сим, что понеже высокоблаженной памяти между е.к.в. пресветлейшего, державнейшего короля и государя Каролуса XII свейского, готского, венденского короля и проч., и проч., и проч., е.к.в. наследниками шведского престола, пресветлейшей, державнейшей королевой и государыней, государыней Ульрикой Элеонорой Свейской, Готской и Венденской королевой, и проч., и проч., и проч., и пресветлейшим, державнейшим королем и государем, государем Фридрихом Первым свейским, готским и венденским королем и проч., и проч., и проч., и королевством Свейским с одной; и е.ц.в. пресветлейшим, державнейшим царем и государем, государем

Петром Первым, всероссийским самодержцем и проч., и проч., и проч., и Российским государством, с другой стороны, тяжкая и разорительная война уже от многих лет началась и ведена была. Обе же высокие страны по возбуждению Богу благоприятного примирения о том мыслили, како тому до сего времени бывшему кровопролитию окончание учинить и земле разорительное зло как наискорее прекратить. И тако соизволением Божьим к тому пришло, что с обеих высоких стран уполномоченные министры на съезд присланы, дабы о истинном, безопасном и постоянном мире и вечно пребывающем дружебном обязательстве между обеих стран государствами, землями, подданными и жителями купно трактовать и оный заключить, а именно: со страны е.к.в. и государства свейского высокоблагородный граф г-н Иоган Лилиенстет, е.к.в. свейского и его государственный советник и купно канцелярии советник, такожде высокоблагородный барон г-н Отто Рейнгольт Штремфелт, е.к.в. учрежденный ландс-гауптман в медных рудокопных заводах и в лене Далерн; а с страны е.ц.в. высокоблагородный граф г-н Яков Даниель Брюс, е.ц.в. генерал-фельдцейгмейстер, президент Берг- и Мануфактур-коллегии, кавалер ордена св. Андрея и Белого Орла; такожде благородный г-н Гендрих Иоган Фридрих Остерман, е.ц.в. тайный советник канцелярии, которые по согласию с обеих стран к конгрессу и трактованию в назначенное и соизволенное место в Ништате в Финляндии съехались. И по умолении о помощи Божьей и по объявленным и одну против другой обыкновенным образом размененным полномочиям оное полезное дело купно предвосприяли. И по учиненном трактовании Всевысочайшего милостью и благословением о следующем всегда пребываемом вечном заключении мира именем обеих высоких стран и за них договорились и согласились:

1. Имеет отныне непрестанно пребываемый, вечный, истинный и ненарушимый мир на земле и воде, такожде истинное согласие и

неразрешаемое вечное обязательство дружбы быть и пребывать между е.к.в. свейским, пресветлейшим, державнейшим королем и государем, государем Фридрихом Первым свейским, готским и венденским королем, и проч., и проч., и проч. е.к.в. наследниками и потомками свейской короны и королевством свейским и оного так в Римской империи, как вне оного лежащими областями, провинциями, землями, городами, вассалами, подданными и обывателями, с одной, и е.ц.в. пресветлейшим, державнейшим царем и государем, государем Петром Первым, всероссийским самодержцем, и проч., и проч., и проч. е.ц.в. наследниками и потомками Российского государства и оного землями, городами, государствами и областями, вассалами, подданными и жителями, с другой стороны, так что впредь обе высокие договаривающиеся страны не токмо одна другой ничего неприятельского или противного, хотя тайно или явно, прямым или посторонним образом, чрез своих или иных чинить, наименьше один другого неприятелям, под каким бы именем ни было, помощи не чинить или с ними в союзы, которые сему миру противны быть могут, не вступать, но паче верную дружбу и соседство и истинный мир между собой содержать, один другого честь, пользу и безопасность верно охранять и споспешествовать, убыток и вред, елико им возможно, по крайней мере остерегать и отвращать хотят и имеют, дабы восстановленный мир и постоянная тишина к пользе и приращению обоих государств и подданных ненарушимо содержаны были.

2. Имеет еще с обеих стран генеральная амнистия и вечное забвение всего того быть, что во время продолжающейся войны с одной или с другой страны неприятельского или противного хотя оружием или инако предвосприято, произведено и учинено, так чтоб никогда о том упомянуто не было, наименьше же чтоб кто в которое ни будь время то злом мстил, и имеют все и каждые высокого и низкого чина подданные или чужестранные, какого народа они б ни были, которые во время сей войны у одной которой

партии службу приняли и чрез то против другой неприятельски поступали (окроме тех российских казаков, которые свейским оружиям следовали; ибо оным е.ц.в., дабы в сию генеральную амнистию включены были, несмотря на все с свейской страны учиненные представления, не позволяет ниже позволить хочет), прочие же все в сию генеральную амнистию всемерно внесены и включены быть тако и таковым образом, что всем обще и каждому особливо тот их поступок никаким образом впредь не имеет причтен быть. Наименьше же им ради того ни малейшее оскорбление причинено, но права их и справедливости, им принадлежащие, оставлены и возвращены будут.

3. Все неприятельства на воде и на земле имеют здесь и во всем Великом княжестве Финляндии в четырнадцать дней и прежде, ежели возможно, по учиненном подписании сего мирного договора, а во всех прочих местах и краях в три недели и прежде, ежели возможно, по размене ратификаций с обеих стран престать и весьма оставлены быть. И ради того о постановлении мира немедленно объявлено быть имеет. И ежели после вышеупомянутого времени от одной или другой страны за неведением о заключенном мире где-нибудь на воде или на земле какие неприятельства, какого звания оные б ни были, учинены будут, то оное настоящему заключению мира нимало предосудительно быть не может. Но оное, что из людей и имения взято и увезено, бессорно возвращено и назад отдано будет.

4. Е.к.в. свейское уступает сим за себя и своих потомков и наследников свейского престола и королевства Свейского е.ц.в. и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез е.ц.в. оружия от короны свейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, который ниже сего в артикуле разграничения означен и описан, с городами и крепостями: Ригой, Дюнаминдом, Пернавой, Ревелем, Дерптом, Нарвой, Выборгом, Кексгольмом

и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенами, местами, дистриктами, берегами, с островами Эзель, Даго и Меном и всеми другими от курляндской границы по лифляндским, эстляндским и ингерманландским берегам и на стороне Оста от Ревеля в фарватере к Выборгу на стороне Зюйда и Оста лежащими островами, со всеми так на сих островах, как в вышепомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями и генерально со всеми принадлежностями, и что ко оным зависит высочествами, правами и прибытками во всем ничего в том не исключая, и как оными корона свейская владела, пользовалась и употребляла. И е.к.в. отступает и отрицается сим наиобязательнейшим образом, как то учиниться может, вечно за себя, своих наследников и потомков и все королевство Свейское от всяких прав, запросов и притязаний, которые е.к.в. и государство Свейское на все вышепомянутые провинции, острова, земли и места до сего времени имели и иметь могли, яко же все жители оных от присяги и должности их, которыми они государству Свейскому обязаны были, по силе сего весьма уволены и разрешены быть имеют, так и таковым образом, что от сего числа в вечные времена е.к.в. и государство Свейское, под каким предлогом то б ни было, в них вступаться, ниже оных назад требовать не могут и не имеют; но оные имеют вечно Российскому государству присоединены быть и пребывать. И обязуется е.к.в. и государство Свейское сим и обещают его царское величество и его наследников Российского государства при спокойном владении всех оных во всякие времена сильнейше содержать и оставить имеют, такожде все архивы, документы всякие и письма, которые до сих земель особливо касаются и из оных во время сей войны в Швецию отвезены, приисканы и е.ц.в. к тому уполномоченным верно отданы быть.

5. Против того же е.ц.в. обещает в четыре недели по размене ратификаций о сем мирном трактате, или прежде, ежели возможно, е.к.в. и

короне свейской возвратить, и паки испражнить Великое княжество Финляндское кроме той части, которая внизу в описанном разграничении выключена и за е.ц.в. остаться имеет, так и таким образом, что е.ц.в., его наследники и последователи на сие ныне возвращенное Великое княжение никакого права, ниже запроса, под каким бы видом и именем то ни было, вовеки иметь не будут, ниже чинить могут. Сверх того хочет е.ц.в. обязан быть и обещает е.к.в. сумму двух миллионов ефимков исправно без вычета и конечно от е.к.в. с надлежащими полномочными и расписками снабденным уполномоченным заплатить и отдать указать на такие сроки и такой монетой, как о том в сепаратном артикуле, который такой же силы и действа есть, яко бы он от слова до слова здесь внесен был, постановлено и договорено.

6. Е.к.в. свейское о коммерции сим себе выговорил, что ему в вечные времена свободно быть имеет в Риге, в Ревеле и Аренсбурге ежегодно на 50 000 руб. хлеба покупать повелеть, который по учиненному засвидетельствованию, что оный или на е.к.в. счет, или от свейских от е.к.в. к тому именно уполномоченных подданных закуплен, не платя никаких пошлин или иных налогов, в Швецию свободно вывезен быть имеет; что, однако же, не о тех летах разуметься имеет, в которые за недородом или иными важными причинами е.ц.в. принужден будет вывоз хлеба генерально всем нациям запретить.

7. Е.ц.в. обещает такожде наисильнейшим образом, что он в домашние дела королевства Свейского, яко же в позволенную единогласно и от чинов королевства под присягой учиненную форму правительства, и образ наследства мешаться, никому, кто б ни был, в том ни прямым, ни посторонним и никаким образом вспомогать не будет, но паче к показанию истинно соседской дружбы, все, что против того вознамеренно будет и е.ц.в. известно учинится, всяким образом мешать и предупреждать искать изволит.

8. И понеже с обеих стран истинное и ревностное намерение имеют истинный и постоянный мир учинить, и для того весьма потребно есть, чтоб границы между обоими государствами и землями таким образом определены и учреждены были, чтоб ни которая страна другой никакого подозрения подать, но паче каждая тем, что за оною чрез сей мир останется, в пожеланном покое и безопасности владеть и пользоваться могла, того ради между обеими высокими договаривающимися странами соизволено и договорено, что от сего числа в вечные времена между обоими государствами границы следующие быть и остаться имеют, а именно: начинается оная у северного берега синуса Финского у Вирелакса, откуда идет оная с полмили от морского берега в землю и останется в расстоянии полумили от воды даже против Виллаиоки, а отсюда распространяется оная немного далее в землю тако и таким образом, что когда оная против островов Роголей придет, оная тогда в расстоянии трех четвертей мили от морской заливы отстоит, и идет тогда прямой линией в землю даже до дороги, которая от Выборга в Лапстранд есть, расстоянием в трех милях от Выборга и тако далее, в таком же расстоянии трех миль северной стороной за Выборгом прямой линией даже до старинной между Россией и Швецией бывшей границы, прежде нежели Кексгольмский лен Швеции достался. И последует сия старинная граница к северу вверх восемь миль, а оттуда идет оная прямой линией чрез Кексгольмский лен даже до того места, где озеро Пороэрви, которое под деревней Куду Макуба свое начало имеет, с последней между Россией и Швецией бывшей границей сходится тако и таким образом, что все то, что за сей означенной границей к весту и норду лежит, за е.к.в. и королевством Свейским, а то, что ниже ко осту и зюйду лежит, за е.ц.в. и Российским государством в вечные, времена остаться имеет. И понеже е.ц.в. таким образом некоторую часть Кексгольмского лена, которая в старые времена Российскому государству принадлежала, е.к.в. и королевству Свейскому вечно уступает, и тако обещает он наисильнейшим

образом за себя, своих наследников и последователей российского престола, что он сей части Кексгольмского лена ни в какое время, под каким бы именем и видом то ни было, назад требовать не хочет и не может, но имеет оная с сего числа в вечные времена к свейским землям присоединена быть и остаться. А в Лапмарках остается граница так, как оная до начала сей войны между обоими государствами была. Еще же договоренось, что тотчас по воспоследованной ратификации главного трактата с обеих сторон комиссары назначены быть имеют для учинения и разделения сего разграничения таким способом и образом, как выше описано.

9. Е.ц.в. обещает при том, что все жители Провинций Лифляндских и Эстляндских, такожде и острова Эзеля, шляхетные и нешляхетные, и в тех провинциях обретающиеся города, магистраты, цехи и цунфты при них, под свейским правлением имевших привилегиях, обыкновениях, правах и справедливостях постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будут.

10. Також в таких уступленных землях не имеет никакое принуждение в совести введено быть, но паче евангелическая вера, кирхи и школы и что к тому принадлежит на таком основании, на каком при последнем свейском правительстве, были оставлены и содержаны, однако ж во оных и вера греческого исповедания впредь також свободно и без всякого помешательства отправлена быть может и имеет.

11. И понеже под прежним королевским свейским правительством в Лифляндии, в Эстляндии и на Эзеле в действо произведенная редукция и ликвидация ко многим жалобам подданных или жителей повод подали, отчего и его в Бозе усопшее королевское величество свейское славнейшей памяти и в рассуждении справедливости того дела побужден был, по силе в печать изданного 1700 г. в 13-й день апреля патента обнадеживание от себя дать, что ежели кто из его подданных подлинными свидетельствами доказать может, что маетности, которые им принадлежат, отняты, у тех право их

неотъемлемо будет, почему и многие из упомянутых подданных, владения своих прежних чрез помянутую редукцию или иной предлог от них отрешенных, отнятых или секвестрованных маетностей паки получили, того ради обещает и е.ц.в. сим, что каждый, хотя он внутри или вне земли обретается, который в таком случае справедливое притязание или требование на маетности в Лифляндии, Эстляндии и Эзельской провинции имеет и оные надлежащим образом доказать может, своим правом бесспорно пользоваться и чрез немедленный розыск и освидетельствование таких притязаний и требований, владение праведно им принадлежащих маетностей паки получить имеет.

12. Також имеют по силе предшествующего второго артикула договорной и постановленной амнистии в Лифляндии и Эстляндии и на острове Эзель для бывшей до сего времени войны и что помещики при королевской свейской стороне остались, либо отнятые, другим отданные или конфискованные маетности, земли и неминувшиеся сроком аренды и дома в принадлежащих к сим провинциям городах, також в Нарве и Выборге, хотя б оные до войны кому и принадлежали или во время войны кому наследством или инако достались, без всякого изъятия их праведным помещикам, хотя бы оные ныне в Швеции или в полоне, или б где инде были, как кто у генерального губернамента по силе объявления своих доказательств, писем и документов наперед надлежащим образом себя к тому удостоверят, бесспорно и без всякого задержания тотчас назад отданы и возвращены быть. Но те помещики не могут за взятые с тех маетностей во время сей войны и после учиненной конфискации браные доходы и за приключенный убыток чрез оную войну или инако ничего требовать и претендовать. И те, которые таким образом во владение им принадлежащих маетностей придут, обязаны суть при получении владения е.ц.в., яко нынешнему своему государю земли, присягу чинить. И в прочем к нему так, как честным вассалам и подданным

надлежит, поступать, против того ж им, когда они обыкновенную присягу учинят, беспрекословно допущено и позволено будет из земли выезжать, в чужих с Российским государством в союзе и дружбе пребывающих землях жить и у неутральных держав в службу вступать или, ежели они уже в той обретаются, по своему произволу и впредь в оной пребывать. А тем, которые е.ц.в. весьма присяги учинить не похотят, дается сим и позволяется время трех лет, считая от публикования сего мира, чтоб в такое время свои маетности и собственности наилучшим способом и по своему произволу избывать и продавать, не платя с того ничего больше, как они по своим земским уложениям должны и обязаны быть могут. И ежели впредь кому по земским правам который присяги не учинил, какое наследство достанется, то також обязан есть при принятии своего ему доставшегося выморочного наследства е.ц.в. присягу в верности учинить или свободу иметь в год те свои маетности продать. Таким же образом имеют все те обеих высокодоговаривающихся сторон подданные, которые на публичные в Лифляндии, Эстляндии и на острове Эзеле лежащие маетности деньги взаймы дали и на их порядочные закладные контракты получили, по силе сих контрактов своими закладами до тех мест спокойно и безопасно владеть, пока они совершенно по имеющим у себя записям выкуплены и они за свой капитал и свершки совершенно удовольствованы будут. Однако ж такие закладодержцы за прошлое время сей войны и несбиранные свершки не имеют ничего начитать, ниже претендовать. Но те, которые так в сем, как и преждереченном случае администрацию таких маетностей отправляют, имеют быть должны и обязаны е.ц.в. присягу учинить, и его действительными подданными быть. Все сие разумеется и о тех, которые под е.ц.в. державой остаются, которые со своими либо в Швеции и в остающихся по сему миру за королевством Свейским землях имеющими маетностями и собственностями таким же образом поступать совершенную мочь и свободу иметь будут. Також имеют обоих высокодоговаривающихся сторон

подданные, которые в которой-нибудь стороны землях какие справедливые запросы и претензии хотя на публике или на партикулярных персонах имеют, при оных весьма содержаны и защищены быть. И хотят обе высокодоговаривающиеся стороны стараться, чтоб оным в помянутых их требованиях и прошениях скорый суд и справедливость учинена была и тако всяк свое немедленно получить мог.

13. В Великом княжении Финляндском, которое е.ц.в. по силе предшествующего 5-го артикула, е.к.в. и королевству Свейскому возвращает, имеют от числа подписания сего мирного договора все денежные контрибуции весьма отставлены быть. Однако ж имеет все потребное провиантом, и фуражом е.ц.в. войскам до совершенного испражнения, как и прежде сего, на таком основании, как до сего числа было, безденежно давано; також и войскам под жестоким наказанием запрещено быть имеет при их выходе каких служителей из финской нации против их воли, а весьма никаких финских крестьян оттуда с собой вывозить иль им хотя малое какое насильство или обиду чинить. Сверх того, имеют все крепости и замки в Великом княжении Финляндском в том состоянии, в котором они ныне обретаются, оставлены быть. Однако ж е.ц.в. свободно будет при испражнении помянутой земли и мест все большее и мелкое оружие и ко оному принадлежащее, амуницию, магазейны и иные воинские припасы, какое бы имя ни имели, и е.ц.в. туды привезти указал, с собой взять и вывесть. Також для вывоза всего того и багажу армейского имеют все потребные подводы и телеги до границы от жителей бесспорно и безденежно даны быть. А ежели в назначенное время все то вывезено быть не может, но из того некоторая часть тамо оставлена будет, то имеет оное все в добром сохранении остаться, а потом во всякое время, в которое ни пожелают, тем, которые от стороны е.ц.в. для того присланы будут, бесспорно отдано и, как прежнее, до границ вывезено быть имеет. Ежели же от е.ц.в. войск какие

архивы, документы и письма, которые до сего Великого княжества Финляндского касаются, найдены и либо из земли вывезены, то изволит е.ц.в. оные сколько возможно, приискивать, и что из них найдется, е.к.в. свейского к тому уполномоченным верно назад отдать повелеть.

14. С обеих сторон военные пленники, какой бы нации, чина и состояния ни были, имеют тотчас по воспоследованной ратификации сего мирного трактата без всякого выкупа, однако ж когда всякий наперед либо во учиненных каких долгах, или разделку учинит, или в платеже оных довольственную и справедливую поруку даст, из плена освобождены, на совершенную свободу выпущены и с обеих сторон без всякого задержания и в некоторое уреченное по расстоянию мест, где оные пленники ныне обретаются, пропорциональное время до границ с надлежащими подводами безденежно по возможности выпровождены быть. А те, которые у одной или другой стороны службу приняли или инако в землях одной или другой стороны остаться намерены будут, в том без изъятия всякую свободу и совершенную мочь иметь. Сие же разумеется и о всех во время сей войны от одной или другой стороны увезенных людях, которые також по своему произволу остаться или в дома свои свободно и без помешательства возвратиться могут и имеют, кроме тех, которые по своему желанию веру греческого исповедания приняли, которые на стороне е.ц.в. остаться имеют; для чего обе высокодоговаривающиеся стороны в своих землях публичными указами о сем публиковать и объявить изволят.

15. Е.к.в. и Речь Посполитая Польская, яко е.ц.в. союзники, в сей мир именно включаются, и им вступление таким образом совершенно предоставляется тако, якобы между ими и короной свейской возобновляемый мирный трактат от слова до слова в сей внесен был. И для того имеют во всех местах и везде и во всех обеим высоким сторонам принадлежащих государствах, землях и областях, хотя оные вне или в Римском государстве

суть, все неприятельские поступки, какое б имя ни имели, весьма престать и кончиться, и постоянный вечный мир между ими содержан быть. И понеже от е.к.в. и Речи Посполитой Польской никаких полномочных министров на здешнем мирном конгрессе не обретается, и тако мир между оными и короной свейской формальным трактатом вкупе с сим ныне возобновлен быть не может. Того ради обещает е.к.в. свейское, что он немедленно в то место, о котором он с е.к.в. и Речью Посполитой Польской согласится, своих полномочных пошлет и под е.ц.в. медиацией с оными вечный мир на пристойных кондициях возобновить и заключить изволит. Однако ж чтоб в том ничего содержано не было, чтоб нынешнему сему с е.ц.в. учиненному вечному миру в чем-нибудь или б каким-нибудь образом противно и предосудительно быть могло.

16. Коммерции имеют свободно и беспомешательно между обоими государствами и к оным принадлежащими землями, подданными и жителями как на земле, так и воде учреждены и сколь возможно скоро, чрез особливый трактат к пользе обоих государств учреждены быть. А между тем могут обои российские и свейские подданные тотчас по ратификации сего мира в обоих государствах и землях, с платежом в каждом государстве обыкновенных пошлин и прочих установленных прав, всякими товарами свои торги свободно и невозбранно отправлять. И имеют российские подданные в государстве и землях е.к.в. свейского, и напротив того свейские подданные в государстве и землях е.ц.в. таковые привилегии и пользы в своем купечестве получать, какие дружебнейшим народам во оных позволены.

17. Торговые дома, которые свейские подданные до начатия войны в некоторых е.ц.в. принадлежащих торговых городах имели, имеют тотчас по воспоследованному миру не токмо паки возвращены и очищены быть, но такожде им свободно да будут в уступленных городах и гавенах таковые торговые дома себе получить и учредить, якоже е.ц.в. подданным, не токмо

торговые дома, которые они прежде сего в королевстве Свейском и других свейских землях имели, немедленно паки очищены, но и равномерно им позволено быть имеет в других государства Свейского городах и гаванях, где они того пожелают, таковые торговые дома себе получать и учреждать.

18. Ежели свейские военные или купеческие корабли от штурма погоды и иных случаев при берегах и морских краях Российского государства и ко оному принадлежащими землями на мель попадут или потонут, то имеет от е.ц.в. подданных в той нужде сущим всякое верное истинное вспоможение показано, люди и товары по всякой возможности спасены и выниманы, и что из товаров на берег выбросит, во время одного года требующим хозяевам за некоторое пристойное воздаяние верно назад отданы быть. Таковым же образом имеет и с свейской страны с российскими разбитыми кораблями и товарами содержано и поступлено быть. И хотят обе высокие договаривающиеся страны о том старание прилагать, дабы чрез крепчайшее запрещение и наказание всякие своевольства, похищение и грабежи при таковых случаях уняты и удержаны были.

19. Дабы такожде всякие случаи на море, которые к какому несогласию между обеими высокими договаривающимися странами повод подать могут, сколько возможно отвращены и предостережены быть могли, того ради сим постановлено и соглашенось, что когда свейские военные корабли один или более числом, большие или малые, е.ц.в. принадлежащую крепость впредь проходить будут, то оные должны будут свейский лозунг стрелять, на что оному тотчас российским лозунгом с крепости взаимно поздравлено будет. Равным же образом имеют такожде российские военные корабли один или более числом, когда оные мимо е.к.в. принадлежащей крепости пойдут, российский лозунг стрелять, и такожде свейским лозунгом с крепости взаимно поздравлены будут. Но ежели случится, что свейские и российские корабли друг друга или на море, в гавани или инде где встретят, или на каком

месте застанут, то имеют оные обыкновенным лозунгом между собой дружебно поздравляться. И в прочем во всем в сем деле тако поступано быть имеет, как то между коронами свейской и датской в таковых случаях обычайно есть, и междо ими о сем соизволено и договоренось.

20. Еще же с обеих стран сим соизволено и договоренось, чтоб между обоими государствами до сего времени в обычае бывшее свободное содержание послов весьма перестало, и, напротив того, обеих стран полномочным послам и иным с характером или без оного посланным поведено будет себя со всей своей свитой так в пути, как при том дворе, куды им повелено ехать и пребывать, содержать, и о своем довольствовании самим попечение иметь. Однако ж обе высокие страны хотят так генерально, как на каждое время, а особливо когда им о прибытии посла благовременно известие преже подается, довольное определение учинить, чтоб им в пути их всякая безопасность, благосклонность и потребное вспоможение показано было.

21. От страны е.к.в. свейского також е.к.в. великобританское в сей мирный трактат включается, однако же с предоставлением того, в чем либо е.ц.в. от е.к.в. великобританского себя отягчено находит, о чем прямо между е.ц.в. и е.к.в. великобританским добродетельно трактовано и соглашенось быть имеет. И могут такожде и иные державы, которых обе высокие договаривающиеся страны во время трех месяцев по воспоследованной ратификации назначат, в сей мирный трактат с общего обеих высокодоговаривающихся стран соизволения вступить и во оный приняты быть.

22. И хотя б впредь между обоими государствами и подданными какие ссоры и несогласия произошли, то, однако ж, имеет сие заключение вечного мира в совершенной силе и действе пребыть. А ссоры и несогласия чрез

назначенных к тому с обеих сторон комиссаров немедленно разысканы и по справедливости окончены и успокоены быть.

23. Имеют такожде от сего числа все те, которые по воспоследованной ратификации сего мира для учиненной измены, убивства, воровства и иных причин или без причины, от свейской к российской или от российской к свейской стране одни или с женами и с детьми перейдут, когда они от той страны, от которой они сбежали, назад требованы будут, какой бы нации они ни были и в таком состоянии, как они пришли, с женами и детьми и со всем тем, что они из краденых или пограбленных пожитков привезли, бесспорно выданы и назад отданы быть.

24. Ратификации о сем мирном инструменте имеют во время трех недель, считая от подписания, и прежде, ежели возможно, получены и здесь в Ништате одна против другой разменены быть. Во утверждение всего того, сего мирного трактата два единогласных экземпляра сочинены и с обеих стран от полномочных министров по силе имеющей полной мочи собственноручно подписаны, их печатями утверждены, и один против другого разменены.

И тако мы сей вечный мир во всех артикулах, пунктах и определениях вкупе к тому с принадлежащим сепаратным артикулом, как оные от слова до слова внесены находятся, приняли, за благо признали, утвердили и ратификовали, якож мы оные наиобязательнейше, како то может учиниться, сим приемлем, за благо признаваем, утверждаем и ратификуем, нашим королевским словом обещаем за нас и наших наследников королей шведских и Шведское государство, что мы все то, что в преждеписаном вечного мира договоре и во всех того артикулах, пунктах и клаузулах, якоже и в сепаратном артикуле содержится, твердо, нерушимо, свято, неподвижно вовеки содержать и исполнять хощем и никако не допустим, чтоб противно оному от нас и с нашей стороны поступлено было. И для большего известия

того мы сей мирный договор сим нашим собственноручным подписанием и нашей великой королевской печатью повелели утвердить.

Артикул сепаратный

Понеже е.ц.в. по силе пятого артикула сегодняшнего числа заключенного и совершенного главного трактата хощет обязан быть е.к.в. по его ассигнации и отписи сумму двух миллионов или двадцать сот тысяч ефимков заплатить, того ради сим постановлено и договоренось, что оные имеют полновесными монетами, именуемыми цвейдрительштир, которых три сочиняют в Лейпцихе, в Берлине и в Брауншвейге два помянутых ефимков, е.к.в. верным полномочным и расписками снабденным комиссарам в Гамбурге, в Амстердаме и в Лондоне исправно и без вычета конечно отданы и заплачены; и от е.ц.в. всегда, а за шесть недель до каждого срока объявлено быть, где платежу учинено быть надлежит. А ежели е.ц.в. в помянутых местах надлежащей суммы полновесными цвейдрительштирами собрать не может, то обещает оные доброй в тех местах ходячей серебряной монетой, однако ж кроме дробной монеты, по цене, как платимая сумма по текущему при платежном сроке вексельному курсу сочиняет, без ущерба заплатить. А сей платеж чинится в прочем в четыре срока, из которых первый в начале будущего февраля 1722 г. на 500 тысяч ефимков; второй в начале месяца декабря того года также на 500 тысяч ефимков; третий в месяце октябре 1723 г., паки на 500 тысяч ефимков, а четвертый и последний в начале месяца сентября 1724 г., на 500 же тысяч ефимков, так что тогда вся сумма сих помянутых двух миллионов сполна заплачена и отдана быть имеет.

Акт поднесения государю царю Петру I титула императора всероссийского и наименования великого и отца отечества

В 20 день сего октября, по совету в Сенате обще с Духовным Синодом, намерение воспринято, Его Величество, в показание своего

должнаго благодарения за высокую Его милость и Отеческое попечение и старание, которое Он в благополучии Государства во все время Своего славнейшаго Государствования, и особливо во время прошедшия шведския войны явить изволил, и Всероссийское Государство в такое сильное и доброе состояние, и народ Свой подданной в такую славу у всего света чрез единое токмо Свое руковождение привел, как то всем довольно известно, именем всего народа Российскаго просить, дабы изволил принять, по примеру других, от них титло Отца Отечестзия, Императора Всероссийскаго, Петра Великаго

О ШТАТЕ КОЛЛЕГИЙ И О ВРЕМЕНИ ОТКРЫТИЯ ОНЫХ[1]

11 декабря 1717 г.

Реэстр людям в Коллегия в каждой по сему

Русские: Президент, Вице-Президент (Русской или иноземец); 4 Коллегии Советники, 4 Коллегии Ассесоры, 1 Секретарь, 1 Натарий, 1 Актуарий, 1 Регистратор, 1 Переводчик; подъячие трех статей.

Иноземцы: 1 Советник или Ассесор, 1 Секретарь, Шкрейвер.

Начать надлежит всем Президентам с новаго года сочинять свои Коллегии и ведомости отвсюду брать, а в дела не вступаться до 1719 году, а с будущаго году конечно зачать свои Коллегии управлять, а понеже 1 Старшие, средние, младшие подъячие. Новым образом еще не управились, того ради 1719-го управлять старым манером в тех Коллегиях, а 1720 новым Президентам, которые ныне не в Сенате, сидеть в Сенате с будущаго 1718 году.

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3129.

О ВВЕДЕНИИ РЕВИЗИИ, О РАСПРЕДЕЛЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ ВОЙСКА ПО ЧИСЛУ РЕВИЗСКИХ ДУШ, ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОИНСКИХ И ИЗБРАНИИ ЗЕМСКИХ КОМИССАРОВ ДЛЯ ЗАВЕДЫВАНИЯ ВСЕХ СБОРОВ С КРЕСТЬЯН ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ ВОЙСКА, И О СЧЕТЕ ЗЕМСКИХ КОМИССАРОВ В СОБИРАЕМЫХ ИМИ ДЕНЬГАХ И ПРИПАСАХ[1]

26 ноября 1718 г.

1) Взять сказки у всех (дать на год сроку), чтоб правдивыя принесли, сколько у кого в которой деревне душ мужеска пола, объявя им, то, что кто что утаит, то отдано будет тому, кто объявит о том.

2) Росписать, на сколько душ солдат рядовой с долею на него роты и полкового Штаба, положа средний оклад, или чего более не возможно, и чего меньше не надлежит, в такой надежде, что с них более никаких податей и работ не будет, разве какое нечаемое нападение неприятельское, или домашнее какое замешано.

ОБ УПРАВЛЕНИИ ВО ВСЕХ КОЛЛЕГИЯХ И В ГУБЕРНИЯХ ДЕЛ С 1720 ГОДА ПО НОВОМУ ПОРЯДКУ И О РАЗДЕЛЕНИИ ДЕЛ МЕЖДУ КОЛЛЕГИЯМИ[2]

12 декабря 1718 г.

В Коллегиях дела управлять в будущем 1719 году старым, а с 1720 года новым манером, понеже новым манером еще не управились; такожде и в Губерниях до 1720 года управлять по прежнему, как управляли по Его Царскаго Величества указам Губернаторы со товарищи; того ради во все Губернии и в Канцелярии и в Приказы объявить указами, дабы по

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3245.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3255.

посланным из тех Коллегий указам во всем были послушны; а какое дело в которой Коллегии по Его Царскаго Величества указу управлять велено, и в чем Губернаторам с товарищи в коей Коллегии надлежит быть послушным, о том при указах послать ведение.

Реэстр Коллегиям. О должности Коллегий, что в которой управлять надлежит

1. Чужестранных дел (что ныне Польской Приказ). Всякия иностранныя и посольския дела и пересылка со всеми окрестными Государствы, и приезды Послов и Посланников, и приезды курьеров и других иноземцев.

2. Камор (или казенных сборов). Всякое расположение и ведение доходов денежных всего Государства.

3. Юстиция (то есть расправа гражданских дел). Судныя и розыскныя дела; в той же Коллегии в ведении и Поместной Приказ.

4. Ревизией. Счет всех Государственных приходов и расходов.

5. Воинской. Армия и гарнизоны и все воинския дела, которыя были ведомы в Военном Приказе, и которыя прилучаются во всем Государстве.

6. Адмиралтейской. Флот со всеми морскими воинскими служители, к тому принадлежащими морскими делами и управлении.

7. Коммерц. Смотреть над всеми торгами и торговыми действии.

8. Штатс-Контор (казенный дом). Ведение всех Государственных расходов.

9. Берг и Мануфактур. Рудокопные заводы и все прочие ремесла и рукоделия и заводы оных и размножение, при том же и артиллерия.

РЕГЛАМЕНТ ИЛИ УСТАВ ГЛАВНАГО МАГИСТРАТА[1]

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3708.

16 января 1721 г.

[Извлечение]

ГЛ. II. О главных Магистрата делах

По присяжной должности Главнаго Магистрата: правление состоит в том. 1) Во всех городах порядочной Магистрат учредить. 2) Оной добрыми уставами и ограждениями снабдить. 3) Того смотреть, чтобы было правосудие. 4) Добрую полицию учредить. 5) Купечество и мануфактуры размножать (сии мануфактуры разумеются не те, которыя большия яко всякия, например: суконныя, парчевыя, также железные, медные заводы и прочие сим подобные, но на ряду необходимо нужные, яко портные, сапожники, плотники, кузнецы, серебренники и им подобные), и в лучшее состояние производить, також и прочее, что к Магистратской пользе принадлежит, в добрый порядок и совершенство, где как возможно с усмотрением.

ГЛ. X. О полицейских делах

Ежели в Главном Магистрате в которых городах усмотрят что полезное ко установлению полиции, или добрых гражданских порядков к поправлению, и о том, какие надлежат новые уставы сочинить; то должно оное сочинять со осмотрением, чтоб оные были ко общенародной пользе, а не к повреждению, которые сочиня, для апробации объявить в Сенате, а не объявя, отнюдь в действо собою не производить, понеже полиции особливое свое состояние имеет; а именно: оная споспешествует в правых и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждаго к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном к жизни

человеческой, предостерегает все приключившияся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах, и все явныя нарушения, призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и в честных науках; в кратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобности. Того ради Главному Магистрату в таком бла-гопотребном важном деле со осторожностию поступать, дабы, вместо онаго, какия противныя и вредительныя действа не произошли, или, вместо чаемого исправления, города и граждане в тщетной убыток и разорение не пришли: и для того не надлежит никаких полицейских регламентов прежде издавать и публиковать, пока он об оном с Коллегиями (с которыми о чем надлежит) не снесется, и не посоветует с ними, и по том от Сената или от самаго Его Царскаго Величества апробацию (о том) не получит.

ГЛ. XIV. О власти Магистратской

Понеже Магистрат, яко глава и начальство есть всему гражданству, то онаго должность состоит в том, еже судити граждан, содержати в своем смотрении полицию, положенные с них доходы сбирать, и отдавать по указам,куда от Камор-Коллегий будет определено, учреждать всю экономию (или домостроительство) города, яко купечество, всякое ремесло, художество и прочее, и чинить о всяких нуждах, и что к гражданской пользе принадлежит, потребныя предложения до главнаго Магистрата: того ради (оные) Магистраты Губернаторам и Воеводам не должны подчинены быть в том, что до градскаго суда и экономии касается, також не надлежит ни гражданскому ни военному начальнику, гражданина к своему суду (в Канцелярию) позывать; но надлежит из такого (мещанина) в Магистрате бить челом, и по гражданским правам у гражданскаго начальства суда на

него искать. Також никакому Коменданту не должно квартиры в городах по своей воли располагать, но надлежит сие чинить так, как в 12 главе объявлено. А ежели кто из Магистрата в вверенной ему службе покажет тщательное радение, и во все время содержит себя честно: таковым позволяется Его Царскому Величеству бить челом, которые по заслугам могут быть пожалованы шляхетством. Буде же кто из граждан на Магистрат в чем будет неправедно бить челом или доносить: и таковые по свидетельству суждены, и по суду наказаны будут по винам их, как Его Царскаго Величества Уложенье и уставы повелевают. Впрочем же, что до преимущества такого начальства и ограждения вящшее принадлежит, и том во всем главному Магистрату все Магистраты защищать и оным вспомогать должно.

О ПОКУПКЕ К ЗАВОДАМ ДЕРЕВЕНЬ[1]

18 января 1721 г.

[Извлечение]

Понеже хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели;а ныне по Нашим указам, как всем видно, что многие купецкие люди компаниями, и особно многие возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебреные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к томуж и шелковыя, и полотняныя, и шерстяныя фабрики, из которых многие уже и в действо произошли. Того ради позволяется сим Нашим указом, для размножения таких заводов, как Шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать, невозбранно, с позволения Берг и Мануфактур-Коллегии, токмо

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3711.

под такою кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно...

РЕГЛАМЕНТ ИЛИ УСТАВ ДУХОВНОЙ КОЛЛЕГИИ[1]

25 января 1721 г.

[Извлечение]

...Понеже в единой персоне не без страсти бывает; к тому ж не наследственная власть, того ради вящшее не брегут. Уставляем Духовную Коллегию, то есть Духовное Соборное Правительство, которое по следующем зде Регламенте, имеет всякия Духовныя дела во Всероссийской Церкви управлять...

Должна же есть Коллегия сия, и новыми впредь правилами дополнять Регламент свой, яковых правил востребуют разные разных дел случаи. Однакож делать сие должна Коллегия Духовная не без Нашего соизволения. Определяем же в сей Духовной Коллегии быть именованным зде Членам: единому Президенту, двоим Вице-Президентам, четырем Советникам, четырем Ассесорам...

О РАЗЛОЖЕНИИ ПОДУШНАГО СБОРА[2]

11 января 1722 г.

Разладке учинить на души на пять миллионов мужеска пола крестьян и дворовых деловых людей, и иных, которые с ними равно в тягло положены, по 8 гривен с персоны.

ИЗ ПОХОДНОГО ЖУРНАЛА ПЕТРА ВЕЛИКОГО[3]

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3718.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3873

[3] Цит. по: Походный журнал Петра I 1712 года. — СПб, 1854.

19—20 февраля 1712 г.

Его Царское Величество и Государыня Царица изволили поехать в церковь Исакия Долмацкого и тут венчались; а после венчания изволили приехать на Васильевский остров к Светлейшему Князю Меншикову в дом и оттоль приехали в Свой Дом Зимний. <…> …на другой день те же все гости съехались паки в Дом Его Царского Величества пополудни в 3-м часу и сидели за теми же столами, где поставлены были канфекты и фрукты. И сидели до 7-го часа, а в 7-м часу встали из-за столов и танцевали до полуночи.

ИЗ ПОХОДНОГО ЖУРНАЛА ПЕТРА ВЕЛИКОГО[1]

Конец октября — декабрь 1714 года

/Октябрь/ 28-го. Его Величество был в Адмиралтействе и кушал дома, и был за рекой в лавках, и у Светлейшего Князя у Корсакова на асамблее. <…>

/Октябрь/ 31-го. Его Величество… был у Генерала Головина и на асамблее у Генерала Долгорукова. <…>

/Ноябрь/ 21-го. …были у Кронпринцессы Их Величества на свадьбе. <…>

/Декабрь/ 12-го. Его Величество слушал обедню у Троицы, и кушал на крестинах у Алексея Волкова, и были в машкаратах (маскарадах. — *Сост.*) у Князя Меншикова: Его Величество был в шхипорском платье.

ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО ИЛИ ПОКАЗАНИЕ К ЖИТЕЙСКОМУ ОБХОЖДЕНИЮ[1]

[1] Цит. по: Походный журнал Петра I 1714 года (доп.). — СПб, 1854. — С. 139, 140, 147—148.

В первых, наипаче всего должны дети отца и матерь в великой чести содержать. И когда от родителей, что им приказано бывает, всегда шляпу в руках держать, а пред ними не вздевать, и возле их не садиться, не с ними в ряд, но немного уступя позади оных с стороне стоять, подобно яко паж или слуга. В доме ничего своим именем не повелевать, но именем отца или матери, разве что у кого особливые слуги, для того, что обычно челядинцы не двум господам, но токмо одному господину охотно служат.

2. Дети не имеют без имянного приказу родительского никого бранить или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должни учинить вежливо и учтиво.

3. У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить, и других их сверстников в речи не впадать, но ожидать, пока они выговорят. Часто одного дела не повторять, на стол, на скамью, или на что иное, не опираться, и не быть подобным деревенскому мужику, которой на солнце валяется, но стоять должни прямо.

4. Без спросу не говорить,, а когда и говорить им случится, то должны они благоприятно, а не криком и ниже с сердца, или с задору говорить, не яко бы сумозброды. Но все, что им говорить, имеет быть правда истинная, не прибавляя и не убавляя ничего. Нужду свою благообразно в приятных и учтивых словах предлагать, подобно якобы им с каким иностранным высоким лицем говорить случилось, дабы они в том тако и обыкли.

5. Не прилично им руками или ногами по столу везде колобродить, смирно ести. А вилками и ножиком по торелкам, по скатерти или по блюду чертить, не колоть и не стучать, но должни тихо и смирно, прямо, а не избоченясь сидеть.

6. Когда родители или кто другии их спросят, то должни к ним отозватца и отвещать тотчас, как голос послышат. И потом сказать. что

---

[1] Цит. по: Хрестоматия по истории России: В 4.т. Т.2. Кн. I. XVII — начало XVIII века / Сост. И. В. Бабич, В. Н. Захарова, И. Е. Уколова. — М.,1995.

изволите, государь батюшко; или государоня матушка. Или что мне прикажете государь; а не так: что, чего, што, как ты говоришь, чего хочешь. И не дерзностно отвещать: да, так, и ниже вдруг наотказ молвить, нет; но сказать: так государь, слышу, государь: я выразумел, государь, учиню так, как вы, государь приказали. А не смехом делать, яко бы их презирая, и не слушая их повеления и слов. Но исправно примечать все, что им говорено бывает, а многажды назад не бегать и прежняго паки вдругорядь не спрашивать.

7. Когда им говорить с людьми, то должно им благочинно, учтиво, вежливо, но а не много говорить. Потом слушать, и других речи не перебивать, но дать все выговорить и потом мнение свое, что достойно, предъявить. Ежели случиттся дело и рчь печальная, то надлежит при таких быть печальну и иметь сожаление. В радостном случае быть радостну и являть себе весела с веселыми.

А в прямом деле и в постоянном быть постоянну и других людей разсудков отнюдь не презирать и не отметать. Но ежели чие мнение достойно и годно, то похвалять и в том соглашатца. Еже ли же которое сумнительно, в том себя оговорить, что в том ему разсуждать не достойно. А еже ли в чем оспорить можно, то учинить с учтивостью и вежливыми словами, и дать свое рассуждение на то, для чего. А ежели кто совету пожелает или что поверит, то надлежит советовать сколько можно и поверенное дело содержать тайно. <...>

9. Никто себя сам много не хвали и не уничижай (не стыди) и не срамота, и ниже дела своего возвеличивая, разширяй боле, нежели как оное в подлинном действе состоит, и никогда роду своего и прозвания без нужды не возвышай, ибо так чинят люди всегда такия, которыя не в давне токмо прославлялись. А особливо в той земле, где кто знаком, весьма не надлежит того делать, но ожидать, пока с стороны другая похвалят.

10. С своими или с посторонними служители гораздо не сообщайся. Но ежели оньи прилежны, то таких слуг люби, а не во всем им верь, для того, что они, грубы и невежи (неразсудливы) будучи, не знают держать меры. Но хотят при случае выше своего господина вознестись, а отшедши прочь, на весь свет разглашают, что им поверено было. Того ради смотри прилежно, когда что хощешь о других говорить, опасайся, чтоб при том слуг и служанок не было. А имян не упоминай, но обиняками говори, чтоб дознатца было неможно, потому что такия люди много приложить и прибавить искусны.

11. Всегда недругов заочно, когда они не слышат, хвали, а в присутствии их почитай и в нужде их им служи, также и о умерших никакого зла не говори.

12. Всегда время пробавляй в делах благочестных, а празден и без дела отнюдь не бывай, ибо от того случается, что некоторыя живут лениво, не бодро, а разум их затмится и иступится, потом из того добра никакова ожидать можно, кроме дряхлова тела и червоточины, которое с лености тучно бывает.

13. Младый отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и безпокоен, подобно как в часах маетник, для того что бодрый господин ободряет и слуг: подобно яко бодрый и резвый конь учиняет седока прилежна и осторожна. Потому можно от части смотря на прилежность и бодрость или радение слуг признать, како правление котораго господина состоит и содержится. Ибо не напрасно пословица говорится, каков игумен, такова и братия.

14. От клятвы чужеложства (блуда) играния и пьянства отрок себя велми удержать и от того бегать. Ибо из того ничто ино вырастает, кроме великой беды и напасти телесныя и душевныя, от тогож раждается и погибель дому его, и разорение пожиткам. <...>

16. Имеет прямый (сущий) благочестный кавалер быть смирен, приветлив и учтив. Ибо гордость мало добра содевает (приносит), и кто сих

трех добродетей не имеет, оный не может превзойти, и ниже между другими просиять, яко светило в темном месте или каморе. <...>

24. Младому человеку не надлежит быть резву и ниже доведыватся (выведывать) других людей тайн. И что кто делает - ведать не надлежит. Так писем, денег или товаров без позволения не трогать и не читать, но когда усмотришь, что двое или трое тихо между собою говорят, к ним н ступать, но на сторону отдалиться, пока они между собою переговорят.

26. Честный отрок должен остерегать себя от неравных побратенеств в питье, чтоб ему опосле о том не раскаяваться было. И дабы иногда новой побратеник не напал на него безчестными и необыкновенными словами что часто случается. Ибо когда кто с кем побратенство выпьет, то чрез оное дается повод и способ к потерянию своея чести, так, что иной принужден побратеника своего устыдиться. А особливо когда оной отречется или нападет несносными поносительными словами.

27. Младыя отроки должни всегда между собою говорить иностранным языки, дабы тем навыкнуть могли, а особливо когда им что тайное говорил, случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов разпознать: ибо каждый купец, товар свой похваляя продает как может.

28. Младыя люди не должни ни про кого худого переговаривать. И ниже все разглашать, что слышат. А особливо что ближнему ко вреде, урону и умалению чести и славы касатися может. Ибо на сем свете нет иного чувствительнее, чим бы бог до зела прогневан, и ближней озлоблен были, кроме сего.

29. Младые отроки не должни носом храпеть, и глазами моргать и ниже шею и плеча якобы из повадки трести, и руками не шалить, не хватать, или подобное неистовство не чинить, да бы от издевки не учинилось в правду повадки и обычая: ибо такия принятая повадки, младаго отрока весьма

обезобразят и остыжают так, чтоб потом в домах, их посмехая, тем дражнят. <...>

32. На свадьбы и танцы младый отрок не зван и не приглашен для получения себе великой чести и славы отнюдь не ходи, хотя такой обычай и принят. Ибо в первых, хотя незамужния жены и охотно то видят, однакож свадебные люди не всегда ради тому бывают. И понеже невзначай пришедшия, причиняют возмущения, а пользы от них мало бывает, но часто от таких нестройных поступков ссоры происходят, что либо излишняго вина не могущи стерпеть и самим собою владеть, или, не узнав меры, не пристойным своим невежеством подаст к ссоре причину, или незванной похощет посесть званнаго и возбудит великое неспокойство: ибо говорится, кто ходит не зван, тот не отходит от дран. <....>

34. Не малая отроку есть краса, когда он смирен, а не сам на великую честь позывается, но ожидает пока его танцевать, или к столу итти с другими пригласят, ибо говорится: смирение молодцу ожерелие. <...>

36. Имеют младыя отроки всегда начальствующих своих как при дворе, так и вне двора в великом почтении и чести содержать. Подобно как сами сеое хотят, чтоб они в такой службе превознесены были. Ибо честь какову они ныне оным показуют, со временем и им такая ж показана будет.

37. Когда при дворе, или в других делах явитца надлежит, то должно в таких церемониях, в которых напредь того не бывали и не учивались, прилежно присматривать, как в том те поступают, которым оное дело приказано. И примечать, похваляют ли их или хулят, и хорошо ль они в том поступали или плохо. Слушать же и примечать, в чем оныя погрешили или что просмотрели. <...>

44. Еще же отрок да будет во всех своих службах прилежен, и да служит с отою и радением. Ибо как кто служит, так ему и платят. По тому и счастие себе получает. <…>

47. Никто не имеет, повеся голову и потупя глаза, вниз по улице ходить

или на людей косо взглядовать, но прямо, а не согнувшись ступать и голову держать прямо ж, а на людей глядеть весело и приятно, с благообразным постоянством, чтоб не сказали: он лукаво на людей смотрит.

48. Когда о каком деле сумнёваешься, то не говори того за подлинную правду, но или весьма умолчи, или объяви за сумнительно, дабы после, когда инако окажется, тебе не причтено было в вину.

49. Слугам своим и челядинцам не должно давать злато прикладу, и пред ними никакова соблазну не чинить, и ниже допускать, чтоб они всякими глупостми хозяину подлещались, как обычно такия люди делают, но держать их в страсе, и больше двух крат вины не спущать, но выгнать из дому. Ибо лукавая лисица нрава своего не переменит.

50. Когда кто своих домашних в страхе содержит, оному благочинно и услужено бывает, а слуга может от него научитися, и другие его равестники за разумнаго его почитать будут. Ибо раби по своему нраву невежливи, упрями, безстыдливи, и горди бывают, того ради надобно их смирять, покарять и унижать.

51. Не надлежит от слуги терпеть, чтоб он переговаривал или как пес огрызался, ибо слуги всегда хотят больше права иметь, нежели господин: для того не надобно им того попущать.

52. Когда кто меж своими слугами присмотрит одного мятежника и заговорщика (переговорщика), то вскоре такого надобно отослать. Ибо от одной овцы паршивой все стадо пострадать может, и нет того мерзостнее, как убогой, гордой, нахалливой, и противной слуга, от чего и пословица зачалась: в нищенской гордости имеет диавол свою утеху.

53. К оным, которые исправно служат, должно быть склонну и верну, и в делах их спомогать, защищать и их любить, пред другими повышать и договорную мзду исправно в прямый срок платить, то напротив того, ему больше счастия и благословения будет от бога и не даст приичины, чтобы го

порекали, как инако у них обычай делвть. А особливо, когда кто их известную мзду задержит как некоторая в том мало совести имеют.

54. Непристойно на свадьбе в сапогах и острогах (сапоги с острыми носами. - *Сост.*) быть, и тако танцевать, для того что тем одежду дерут у женского полу и великий звон причиняют острогами, к тому ж муж не так поспешен в сапогах, нежели без сапогов.

55. Такожде когда в беседе или в компании случится в кругу стоять, или сидя при столе, или между собою разговаривая, или с кем танцуя, не надлежит никому неприличным образом в круг плевать, но на сторону, а ежели в каморе, где много людей, то прими харкотины в платок, а также невежливым образом в каморе или в церкви не мечи на пол, чтоб другим от того не згадить или отьид для того к стороне (или за окошко выброси), дабы никто не видал, и подотри «огами так чисто, как можно.

56. Никто честновоспитанный возгрей (соплей. - *Сост.*) в нос не втягн подобно как бы часы кто заводил, а потом гнусным образом оныя в вниз глотает, но учтиво, как вышеупомянуто, пристойным способом испражняет и вывергает.

57. Рыгать, кашлять и подобный такия грубыя действия в лицо другого чини, или чтоб другой дыхание и мокроту желудка, которая восстает, мог и чувствовать, но всегда либо рукой закрой, или отворотя рот на сторону, или скатертию, или полотенцем прикрой. Чтоб никого не коснутца и тем сгадить.

58. И сия есть не малая гнусность, когда кто часто сморкает, яко бы в трубу трубит, или громко чхает, будто кричит, и тем в прибытии других людей или в церкве детей малых пужает и устрашает.

59. Еще же зело непристойно, когда кто платком или перстом в носу чистит, яко бы мазь какую мазал, а особливо при других честных людях. <...>

61. Должно, когда будешь в церкве или на улице людем никогда в глаза не смотреть, яко бы из их насквозь кого хотел провидеть, и ниже везде заглядоватся, или рот розиня ходить яко ленивый осел. Но должно итти

благочинно постоянно и смирно и с таким вниманием молитца, яко бы пред вышшим сего света монархом стоять довлело.

62. Когда кого поздравлять, то должно не головой кивать и махать, яко бы от поздравляемого взаимной чести требовать, а особливо будучи далеко, но надобно дожидатися, пока ближе вместе сойдутца. И ежели другой тогда взаимной чести тебе не отдает, то после его никогда впредь не поздравляй, ибо честь есть того, кто тебя поздравляет и не твоя. <...>

Как младый отрок должен поступить, когда оный в беседе с другими сидит

Когда прилучится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу: в первых обрежь свои ногти да не явится яко бы оныя бархатом обшиты, умой руки и сяди благочинно, сиди прямо и не хватай первой в блюдо, не жри как свинья, и не дуй в ушное, чтоб везде брызгало, не сопи егда яси, первой не пии, будь воздержан, избегай пьянства, пии, и яждь сколько тебе потребно, в блюде будь последний, когда часто тебе предложат, то возьми часть из того, протчее отдай Другому, и возблагодари ему. Руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай. Когда тебе пить, не утирай (рта) губ рукою, но полотенцем, и не пии, пока еще пищи не проглотил. Не облизывай перстов и не грызи костей, но обрежь ножем. Зубов ножем не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой рот, когда зубы чистишь, хлеба приложа к грудям не режь, еж что пред тобою лежит, а инде не хватай. Ежели перед кого положить хощешь, не примай перстами, как некоторый народы ныне обыкли. Над естваю не чавкай, как свинья, и головы не чеши, не проглотя куска, не говори, ибо так делают крестьяне. Часто чихать, сморкать кашлять не пригожо. Когда яси яйцо, отрежь напред хлеба, и смотри, чтоб при том не вытекло, и яждь скоро. Яишной скорлупы не разбивай, и пока яси яйцо, не пии, между тем не замарай скатерти, и не облизывай перстов, около свое тарелки не делай забора из костей, корок хлеба и протчаго. Когда перестане ясти, возблагодари бога, умой руки и лице и выполощи рот.

Коим образом имеет отрок поступать между чуждыми

К никакое неполезное слово, или непотребная речь да не изыдеть из устен твоих. Всякой гнев, ярость, вражда, ссоры и злоба да отдалится от тебя. И не пелай, ни приуготовляй никаких ссор: все, что делаешь, делай с прилежанием и разсуждением, то и похвален будешь. Когда ты верно обходисся, то и богу благоприятно, и так благополучно тебе будет. А ежели ты не верно поступаешь, то наказания божия не минуешь, ибо он видит все твои дела. Не учись как бы тебе людей обманывать, ибо сие зло богу противно, и тяжкой имаши за то дати ответ: не презирай старых или увечных людей, буди правдив во всех делах. Ибо нет злея порока в отроке, яко ложь, а от лжи раждается кража, а от кражы приходит веревка на шею. Не выходи из дому твоего без ведома и воли родителей твоих, и начальников, и ежели ты послан будешь, то возвратись паки вскоре. Не оболги никого ложно, ни из двора, ни во двор вестей не переноси. Не смотри на других людей, что они делают или как живут, ежели за кем какой порок усмотришь, берегись сам того. А буде что у кого доброе усмотришь, то не постыдись сам тому следовать.

Кто тебя наказует, тому благодари и почитай его за такова, которой тебе всякого добра желает.

Где двое тайно между собою говорят, так не приступай, ибо подслушивание есть безстыдное невежество.

Когда тебе что приказано будет сделать, то управь сам со всяким прилежанием, а отнюдь на своих добрых приятелей не надейся и ни на кого не уповай.

Юности честное зерцало. СПб., 1717.

ОБСТОЯТЕЛЬНАЯ РЕЛЯЦИЯ О ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ[1]

Сего месяца 20 дня перешли мы со всею армеею через (реку) Ворсклу и по ею сторону оной с малую милю[2] от неприятелской армеи стали. Потом же 24-го числа пошли мы далее со всею армеею и стали с четверть мили от неприятеля и, дабы оной на нас нечаянно не напал, учинили около обозу транжамент[3]. Наша же кавалерия на правой руке между лесом поставлена была, и междо оною несколко редут зделано, и людми и пушками осажены, и изволил его царское величество всякое предуготовление чинить к нападению на неприятеля. Однако ж оной, по своей обыкновенной запалчивой отваге, в том нас упредил, и 27-го числа по утру веема рано, почитай при бывшей еще темноте, из дефилеев[4] в которых он во всю ночь свое все войско в строй поставлено имел, на нашу кавалерию как с конницею, так и с пехотою своею с такою фуриею[5] напал, что, хотя он многократно с великим уроном от нашей кавалерии и от наших редут, х которым приступал, отогнан есть, однакож наша кавалерия, понеже оную нашею инфантерией толь скоро выручить не могли, последи немного к нашему ретранжементу уступити принужденна; однакож паки скоро остановились и неприятеля атаковали, и онаго правое крыло весьма збили, и генерала-маеора Шлипембаха, которой тем крылом командовал, в полон взяли. Междо тем послал его царское величество (Петр 1. — *Ред.*) его светлость генерала князя Меншикова да при нем генерала-лейтенанта Ренцеля с некоторою частию кавалерии и

---

[1] Цит. по: Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. — М.; Л., 1950. — С. 258—276.

[2] Миля малая — вероятно, английская, длиною около 1,5 км.

[3] Транжаменг — окоп или ров с валом.

[4] Дефилеи — теснина; здесь: выходы шведов к местам построения войск перед началом сражения.

[5] Фурии — у древних римлян богини-мстительницы, злые и неистовые; с такою фурией — в переносном смысле: с такой яростью, неистовством.

инфантерии к Полтаве, дабы еще в сукурс[1] неприятелю идущия войска, також и в шанцах[2] оставшагося неприятельского генерала-маеора Роза с неприятельскими войски атаковать и помянутый город от блокады веема освободить. И вышепомянутой его светлость (А. Д. Меншиков. — *Ред.*) встретил на дороге неприятелской корпус резервы, состоящий в 3000 человеках, которые они поставили позади своего правого крыла при лесе, которых по кратком бою збили и без остатку побили и в полон побрали. А потом его светлость паки к главной армеи возвратился, генералу же лейтенанту Ренцелю веле продолжать марш к Полтаве, по которого прибытии ретировался генерал-маеор Розе с тремя при нем бывшими полками в зделанные перед городом от неприятеля крепости и шанцы; но оной от помянутого генерала-лейтенанта Ренцеля тамо атакован и по кратком учиненном супротивлении принужден со всеми при нем будучими людьми на дискрецию[3] здатца.

Междо тем же неприятелская кавалерия от главного войска от нашей кавалерии уступила (отступила) и с своею инфантерией паки случилася (соединилась), и поставили (шведы) всю свою армею в ордер баталии перед фрунтом с четверть мили от нашего обозу. Междо тем же его величество (Петр I. — *Ред.*) повелел тотчас двум линиям от нашей инфантерии из нашего транжаменту выступить, а третию в оном назади оставил, и тако ту армею в строй поставил, что инфантерия в среди, кавалерия же на обоих крылах. поставлена. И с нашей стороны правое крыло кавалерии командовал генерал-лейтенант Баур ... левое же крыло командовал его светлость князь Меншиков, понеже тамо его пребытие потребнейше было. А корпус баталии командовал сам его царское величество <...> и при том господин генерал-фелтьмаршал Шереметев також генералы от инфантерии князь Репнини

[1] Сукурс (искаженное французское) — помощь, поддержка.

[2] Шанцы — окопы, укрепления.

[3] На дискрецию здатца — здесь; без всяких предварительных условий.

Аларт <...> А артиллериею управлял генерал-порутчик от артиллерии Брюс. И всякой в своем назначенном месте управляли со изрядным опыты мужества и воинского искусства своего. И как войско наше таковым образом в ордер баталии установясь, на неприятеля пошло, и тогда в 9-м часу перед полуднем атака и жестокой огонь с обоих сторон начался, которая атака от наших войск с такою храбростию учинена, что вся неприятелская армея по получасном бою с малым уроном наших войск <...> как кавалерия, так и инфантерия веема опровергнута, так что швецкая инфантерия не единожды потом не остановилась, но без остановки от наших шпагами, багинетами[1] и пиками колота, и даже до обретающегося вблизи лесу, яко скоты, гнаны и биты. <...>

И тако, милостию всевышнего, совершенная виктория, которой подобной мало слыхано и видано, с легким трудом против гордого неприятеля чрез его царского величества славное оружие и персоналной храброй и мудрой привод одержана, ибо его величество в том воистинно свою храбрость, мудрое великодушие и воинское искусство, не опасаясь никакого страха <...> в вышшем градусе показал, и при том шляпа на нем пулею пробита. Под его же светлостию князем Меншиковым, которой також мужество свое при том доволно показал, три лошади ранены. <...>

Получено известие от посыпанных для погребания мертвых по баталии, что они на боевом месте и круг оного сочли и погребли швецких мертвых тел 8619 человек, кроме тех которые в погоне по лесам в розных местах побиты. <...>

А что от неприятелей при том пушек, штандартов, знамен, також и прочего в добычю получено, о том последует при семь роспись.

---

[1] Багинет — штык; баганеты вставлялись в дуло ружья.

МЕМОРИЯ[1] ГОСПОДИНУ АДМИРАЛУ[2]

Мемория господину адмиралу. Понеже определено есть, чтоб иметь флот в 27 кораблях линейных состоящей и для того сим доноситца сколко мы имеем годных и сколко еще надобно каких [ибо хотя сие число с купленными вновь уже имеем, но не все годны, понеже тежелых пушек носить не могут]:

надобно:		годныя имеем:		в дополнку надобно:	
число	пушки	число	пушки	число	пушки
3	80	1	80	2	80
12	70	9	70	3	70
12	50	12	50	0	0
		фрегаты			
6	32	5	32	1	32
		шнявы			
6	18	5	18	1	18

Закладывать из вышеписанных надлежит: Козенцу 1—80 , 1—70; Броуну тож, Скляеву 1—70 и чтоб оные заложить в сем году, а впредь более

---

[1] Это собственноручная записка Петра I Ф. М. Апраксину. Она может быть датирована январем—апрелем 1715 г.

[2] Цит. по: Новые источники о численности и корабельном составе русского Балтийского флота в 1715—1725 гг. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. Новосельского. — М., 1961.

не закладывать, но памалам обрубать, приплачивать замки и протчее насентах и, разобрав, класть в амбары. Бомбандирских 1. имеем, а еще надобно — 2.

Годныя поимянно — 70 и 64 (пушечные.— *Ред.*): Ляферм, Катерина, Шлютембурх (Шлиссельбург. — *Ред.*), Нарва , два Козенсавых , Скляева, Броунов, один, который в Голландии зделан, мой — 80.

50 и 54 (пушечные. — *Ред.*): Полтава, Рига, Перноу, Михаил, Гавриил, Рафаил.

4, кои у города (Архангельска. — *Ред.*) строятца и к августу готовы будут 16, [кои надлежит отправить в сентябре оттоль, к чему аншталт (приготовления. — *Ред.*) надлежит учинить ныне пред компаниею].

2, что деланы в Голландии.

Прочие хотя и число пушек имеют довольное, но за лехкостию ядр в линейныя причтены быть не могут.

СЛОВО НА ПОГРЕБЕНИЕ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАГО ДЕРЖАВНЕЙШАГО ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

императора и самодержца всероссийскаго, отца отечества, проповеданое в царствующем Санктъпетербурге, в церкви Святых Первоверховных апостол Петра и Павла, святейшаго правительствующаго Синода вицепрезидентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом псковским и нарвским, 1725, марта 8 дне[1]

Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великаго погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам

[1] Цит. по: *Феофан Пркопович*. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. — М.; Л., 1961.

привидение? Ох, как истинная печаль! Ох, как известное наше злоключение! Виновник безчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший прямый сый отечествия своего отец, которому по его достоинству добрии российстии сынове безсмертну быть желали, по летам же и состава крепости многолетно еще жить имущаго вси надеялися, — противно и желанию и чаянию скончал жизнь и — о, лютой нам язвы! — тогда жизнь скончал, когда по трудах, безпокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех жить нечто начинал. Довольно же видим, коль прогневали мы тебе, о Боже наш! И коль раздражили долготерпение твое! О недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! Не видяй сего, слеп есть, видяй же и не исповедуяй, в жестокосердии своем окаменей есть. Но что нам умножать жалости и сердоболия, которыя утолять елико возможно подобает. Как же то и возможно! Понеже есть ли великия его таланты, действия и дела воспомянем, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистину толь печальной траты разве бы летаргом некиим, некиим смертообразным сном забыть нам возможно.

Кого бо мы, и какового, и коликаго лишилися? Се оный твой, Россие, Сампсон, каковый да бы в тебе могл явитися, никто в мире не надеялся, а о явлшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную, адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же востающая на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание корабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления всея селенныя, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоея, до предел, правдою полагаемых, власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на мори крепкую и постоянную сотворил.

Се Моисеи твой, о Россие! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерешимая оковы злодеяния! Не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим,высокоправительствующий сигклит и под ним главныя и частныя правительства, от него учрежденныя! Не светила ли суть тебе к поисканию пользы и ко отражению вреда, к безопастию миролюбных и ко обличению свирепых! Воистинну оставил нам сумнение о себе, в чем он лучший и паче достохвальный, или яко от добрых и простосердечных любим и лобызаем, или яко от нераскаянных лестцов и злодеев ненавидим был.

Се твой, Россие, Соломон, приемший от Господа смысл и мудрость многу зело. И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влиянная и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданския, и честныя образы житейскаго обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний вид и наличие краснопретвореное, яко же отечество наше, и отвнутрь и отвне, несравненно от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твой, о и церкве российская, и Давид, и Константин. Его дело — правительство синодальное, его попечение — пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произвносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасеннаго! Коликия ревности на суеверия, и лестническия притворы, и раскол, гнездящийся в нас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в

нем и желание было и искание вящщаго в чине пастырском искусства, прямейшаго в народе богомудрия и изряднейшаго во всем исправления!

Но о многоименитаго мужа! Кратким ли словом объимем безчисленныя его славы, а простирать речи не допускает настоящая печаль и жалость, слезить токмо и стенать понуждающая. Негли со временем ничто притупится терн сей, сердца наша бодущий, и тогда пространнее о делах и добродетелех его побеседуем. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можем; а ныне, кратко воспоминающе и аки бы токмо воскрилий риз его касающеся, видим, слышателие, видим, беднии мы и нещастливии, кто нас оставил и кого мы лишилися.

Не весьма же, россияне, изнемогаим от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которые вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою зделал, такова и будет: зделал добрым любимою, любима и будет; зделал врагом страшную, страшная и будет; зделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам.

Наипаче же в своем в вечная отшествии не оставил нас сирых. Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямаго по нем помощника в жизни его и подобонравнаго владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героина, и монархиня, и матерь всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от Бога данное, кому неизвестно! А когда обое то утвердилося в тебе и совершилося, не просто сожитием толикаго монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, и разноличных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он иметь ложа своего

сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил. Как нам не надеятся, что зделанная от него утвердит, недоделанная совершит и все в добром состоянии удержиш. Токмо, о душе мужественная, потщися одолеть нестерпимую сию болезнь твою, аще и усугубилася она в тебе отъятием любезнейшей дщери и, аки жестокая рана, новым уязвлением без меры разъярилася. И якова ты от всех видима была в присутствии подвизающагося Петра, во всех его трудех и бедствиях неотступная бывши сообщница, понудися такова же быти и в прегорком сем лишении.

Вы же, благороднейшее сословие, всякаго чина и сана сынове российстии, верностию и повиновением утешайте государыню и матерь вашу, утешайте и самих себе, несумненным познанием петрова духа в монархине вашей видяще, яко не весь Петр отошел от нас. Прочее припадем вси Господеви нашему, тако посетившему нас, да яко Бог щедрот и отец всякия утехи ея величеству самодержавнейшей государыни нашей и ея дражайшей крови - дщерям, внукам, племянницам и всей высокой фамилии отрет сия неутолимыя слезы и усладит сердечную горесть благостынным своим призрением и всех нас милостивне да утешит. Но, о Россие, видя кто и каковый тебе оставил, виждь и какову оставил тебе. Аминь.

ИЗ ГАЗЕТЫ «ВЕДОМОСТИ»[1]

20 июля 1708 г.

Донской казак, вор и богоотступник Кондрашка Булавин умыслил во украинских городах и в донских казаках учинить бунт. Собрал к себе несколько воров и единомысленников и посылал прелестные письма во

[1] Цит. по: Ведомости времени Петра Великого. — М., 1903. — Вып. 2. — С. 242—245.

многие города и села, призывая к своему воровскому единомыслию, и многие таковые ж воры и все донские казаки иные по нужде, а иные по прелести его к нему пристали. И собравшиеся многолюдством, ходили под городы и в села для разорения и призывания иных в свое единомыслие, и того ради царское величество указал послать свои войска под командою господина Долгорукова, дабы того вора Булавина поймать и злый их воровский совет разорить. И ныне по письмам из полков и городов подлинно ведомость получена: что они, воры булавинцы, не во едином месте многие, а главнейший его товарищ вор Стенька Драной во многом своем собрании убит и единомысленников их не малое число побито. Также и под Саратовом и Азовом посланные воровские его товарищи, с немалым собранием побиты, и видя он, Булавин, что не может от войска царского величества уйти, убил сам себя до смерти. А единомысленники его многие побиты, иные же переловлены и сидят окованы. А донские казаки всех городов принесли повинные. И ныне милостию божиею то Булавина и единомысленников его воровство прииде во искоренение. А в которых числах и где и сколько их воров побито и переловлено, и то объявлено будет впредь.

На Москве, лета господня 1708, июля в 20 день.

ПИСЬМО[1] ПЕТРА I К ФЕРЕНЦУ РАКОЦИ II[2]

[1] Данное письмо написано рукой П. Шафирова и подписанно Петром I 21 апреля 1707 г.; оно обращено к руководителю освободительной войны венгерского народа Ференцу Ракоци II, с которым Петр I начиная с 1707 г. поддерживал тесные связи.

[2] Цит. по: Письмо Петра I к Ференцу Ракоци II // Исторический архив. — 1958. — № 2.

Светлейший князь! Понеже мы потребно быти разсудили нашего надворного советника Давыда Корбе к вашей светлости ради некоторых потребных дел послать, того ради требуем да благоволит ваша светлость одного немедленно на секретную аудиенцию допустить. И не токмо наказных ему от нас дел с полною верою выслушать, но и немедленно намерение свое оному объявя с таковым решением к нам вскоре отпустить. Каково мы по доброжелательству нашему к вашему сиятельству уповаем.

В протчем же ссылаясь на его изустное доношение пребываем вашей светлости склонный приятель.

Дан в Жолкве апреля 21 дня 1707 г.

Петр

Петр Шафиров

ПИСЬМО ПЕТРА I ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ О РАЗГРОМЕ ШВЕДСКОЙ АРМИИ ПОД ПОЛТАВОЙ[1]

Матка, здравствуй. Объявляю вам, что всемилостивый Господь неописанную победу над неприятелем нам сего дня даровати изволил, и единым словом сказать, что вся неприятельская сила наголову побиты, о чем сами от нас услышите. И для поздравления приезжайте сами сюда.

Piter

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКОВИЮ К. де БРУИНА[2]

ГЛАВА II

Описание самоедов, или самоютов. Их нравы, жилища и образ жизни

---

[1] Цит. по: Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. — М., 1861. — С. 8—9.

[2] Цит. по: Россия XVIII в. глазами иностранцев. — Л., 1989.

11-го чила того же месяца (11 сентября 1701 г. — *Ред.*)я отправился с одним другом моим по реке в его сельский дом, который был в двух или трех часах от города. Прежде, нежели прибыли туда, вышли мы на берег, чтобы в лесу посмотреть на один народ, который называют самоедами, что значит на русском языке людоеды, или люди, которые едят сами себя. Почти все они дики и обитают в этой стороне в большом числе вдоль моря до самой Сибири и даже в оной, как уверяют другие. Люди эти, от семи до восьми мужчин и столько же женщин, помещались в пяти отдельных палатках, у которых было от шести до семи собак, привязанных к особым колышкам и поднявших большой лай при нашем приближении. Мы застали этих людей за работой, т. е. за деланием весел, сосудов для выкачивания воды из лодок, маленьких скамеек, или стульцев, и подобных поделок из дерева, которые они обыкновенно приносят для продажи в город и на корабли. Нужное им дерево получают они, сколько им надобно, в лесах, работая как мужчины, так равно и женщины. Что касается роста, они... невелики, особенно женщины, имеющие премалые ноги. Цвет кожи у них смугло-желтый, на вид некрасивы, с продолговатыми глазами и выдающимися скулами (дутыми щеками). У них свой язык, но употребляют и русский. Одежда мужчин и женщин одинакова, изготовляемая из оленьих шкур. Верхнее платье простирается от шеи до колен, и сшито оно шерстью наружу, у женщин разных цветов, которые украшают они кусочками сукна, красными и синими, другие употребляют к тому также кусочки прочих обыкновенных материй. Волосы их, совершенно черные, спускаются с головы, как у дикарей, и по временам они подстригают их клоками. Женщины заплетают часть своих волос и привязывают к плетенкам небольшие круглые медные кусочки с перевязками из красного сукна для придания себе красы. Они также носят пестрые шапки, белые внутри и черные снаружи. Между женщинами есть такие, у которых волосы так же спускаются с головы, как у мужчин, почему трудно бывает и отличить их друг от друга, тем более что мужчины редко

имеют бороду, а только несколько волос на верхней губе, но большая часть — ничего, что происходит, может быть, от их дурной пищи. Все они носят нижнее платье, вроде поддевки, и штаны из того же вещества, а на ногах сапоги, почти всегда белые, отличающиеся у женщин опять только черными перевязками. Употребляемые ими нитки делаются из жил животных. Вместо носовых платков они употребляют березовые стружки, чрезвычайно курчавые, которых у них всегда довольно в запасе, чтобы утираться ими, когда они потеют или едят. Палатки их делаются из лык или коры, сшитой длинными полосами, которые спускаются до земли и препятствуют таким образом входу в оные ветра. Палатки эти вверху открыты для выпуску дыма и здесь вверху черные, а в остальных частях везде рыжеватые, и поддерживаются они жердями, которые высовываются в сказанное верхнее отверстие. Вход в палатку около четырех футов вышиной прикрыт большим куском той же коры, который они приподнимают, когда входят в палатку или выходят из нее. Посредине палатки разводят огонь. Они питаются трупами быков, овец, лошадей и других животных, которых подбирают на больших дорогах или которых дарят им, также кишками и другими внутренностями этих животных. Все это они варят и едят без хлеба и без соли. Бывши у них, я видел большой котел (чугун) на огне с этими съедобными прелестями, которые кипели, и никто не считал за нужное снимать с варева пену, которая обильно отделялась на котле. Во всех углах палатки было также сырое лошадиное мясо, производившее отвратительный запах. Осмотревши все это хорошенько, я изобразил виденное. <...> И в то время когда я занимался, мужчины и женщины собрались вокруг меня, посматривая таким взглядом, который показывал, что работа моя нравится им. В одной из этих палаток я видел ребенка восьми недель, лежавшего в люльке или в яслях из желтоватого дерева, похожих очень на крышку с коробки. Эта люлька у изголовья снабжена полуобручем, идущим над головой ребенка, и висела на двух веревках, привязанных к жерди. Она завешена была кругом серым

сукном вроде полога с отверстием наверху и распахивалась сбоку для того, чтобы можно было класть в люльку и брать из нее ребенка, который был спеленат в такое же серое сукно, обмотанное в трех местах веревкою — через грудь, середку и ножонки дитяти,— оставляя голову его и часть шеи открытыми. Как ни противны эти люди, но дитя не было неприятно и телом довольно бело. К сожалению, на этот раз время не дозволило мне кончить мое изображение, тем же более что часть женщин и дети были в лесу, и я счел кстати отложить окончание остального до моего возвращения назад. Таким образом, мы пустились далее в путь и через несколько времени прибыли в сельский дом моего друга и жили там приятно.

Во время нашего пребывания в этом доме нам принесли утром несколько видов репы (или брюквы) различных цветов, поразительной красоты. Были тут фиолетовые, как наши сливы, серые, белые и желтоватые, все исписанные жилками красноватыми, похожими на киноварь или на самую лучшую красную камедь (лак китайский), на вид так же приятными, как и цвет гвоздики. Я списал несколько этих плодов на бумаге водяными красками, также послал в натуре несколько плодов в Голландию в коробке, наполненной сухим песком, к одному приятелю моему, охотнику до таких любопытных вещей. Кроме того, я привез с собою репы, с которых я снимал, в Архангельск, где не хотели верить, чтобы в натуре были такие репы, и не верили до тех пор, пока я не показал им самые репы. Так мало здесь обращают внимания на подобного рода вещи. <...>

…я возвратился опять к оставленным мною самоедам и снимал там одну из палаток их, т. е. внутреннюю ее часть, раскрыв самую палатку на две стороны, чтобы лучше высмотреть все находящееся в ней. Я был там с моим другом, которого посадил с левой, а трех самоедок с правой стороны, из коих одну просил держать люльку по моему усмотрению, в присутствии ее мужа. <...>

В палатках этих обыкновенно по обеим сторонам лежат оленьи шкуры, на коих самоеды сидят, спят и греются. Обстоятельство это вместе со способом их приготовлять свои мясные припасы, обыкновенно испорченные, причиняют зловоние невыносимое. Друг мой, сидевший возле меня, когда я снимал ребенка в люльке, почувствовал себя от сказанной вони до того дурно, что у него пошла носом кровь и он принужден был выйти из палатки, несмотря на то что мы были предупреждены на этот счет и употребляли водку и табак. Этому удивляться нечего, потому что сами эти люди имеют пренеприятный запах, замечаемый при приближении к ним и который я скорее всего приписываю их обыкновенной пище и неопрятности в изготовлении оной.

Я поспешил уйти из этого непривлекательного помещения и просил самоедов посетить меня в Архангельске — мужчину и женщину, покрасивее сложенных и одетых по-ихнему наилучшим образом, чтобы снять их. Они обещались мне прийти и исполнили свое обещание спустя несколько дней. Я представил одну самоедку в том виде, как она находится. <...> Она представлена в платье, которое было пестро и из оленьих шкур, украшено белыми, серыми и черными полосами. Изображенная мною самоедка разодета была, как новобрачная, чрезвычайно опрятно по их обыкновению, с ног до головы. Она постоянно держала глаза свои устремленными на мои, стояла неподвижно в таком положении и казалась так довольна моим делом, что другая самоедка, прибывшая вместе с нею, очевидно, завидовала ей и очень огорчилась моим отказом снять и ее также. Но мне немалого труда стоило это выполнить да и согласить войти в мое пристанище, тем же более, что я решился снять изображение и с ее мужа. Для этого я склонил их остаться у меня несколько дней. Зимнее платье этого последнего показалось мне самым подходящим для моего предприятия, и я попросил его надеть оное. Верхняя одежда его состояла целиком из одного меха, вместе и с шапкою, бывшею у него на голове. Он надевал и снимал эту одежду, как бы

рубаху, так что из-под нее видно было только одно лицо; рукавицы у него из того же меха привязывались к рукавам этой одежды. От этого самоед совершенно казался скорее медведем, чем человеком, когда и самое лицо его было закрыто. Сапоги его привязаны были под коленами повязкой. Одежда эта была такая теплая, равно как и печь моей комнаты, что самоед мой принужден был несколько раз снимать ее и выходить вон, чтобы освежиться на воздухе. Он представлен на изображении... с кишкою в руке, чтобы показать, чем он питается. Подле него лежит еще несколько кишок и ободранная лошадиная голова. В этот день ему подарили околевавшую лошадь, которую он стащил с невыразимою радостию к себе в лес, где, зарезав ее, содрал с нее шкуру и голову ее прислал ко мне для того, чтобы снять и ее. Он сделал это не без сожаления, потому что лошадиные головы у этого народа составляют такое же лакомое кушанье, как у нас самые лучшие телячьи. Сказанная лошадь была уже лет около тридцати и, конечно, не особенно жирна, но самоед говорил о ней с таким же удовольствием, как у нас говорят о хорошем быке. Я представил также одного из оленей этого самоеда, а на полу изобразил его лук и стрелы, концы которых выглядывают из колчана, как их держат в их стране. Колчан этот носят за спиною, на тесьме, перекинутой через левое плечо и спускающейся концами наперед. В стороне от самоеда лежит пища его оленя — белый мох, о котором буду еще говорить в своем месте. Я представил лицо самоеда и принадлежности его в несколько большем объеме, чем все остальное, для того чтобы лучше передать все существенное. <...>

Так как я жил в помещении довольно низком, то я попросил самоеда въехать в мою комнату на санях с его оленями и снял все это, чтоб показать, как запрягают этих животных там.

Эти сани длиною обыкновенно бывают восемь рейнских футов, шириною в три фута и четыре дюйма и спереди загнуты вверх, как наши коньки. Он садится на задке, поджавши ноги, иногда выставляя одну из них в

висячем положении наружу. Спереди у седока проходит небольшая планка, сверху закругленная... и такая же планка, только повыше, приделана и позади его; сам же он держит в руке длинную палку с набалдашником на конце, которая служит ему для того, чтоб поднять ею оленей своих. На переднем конце саней приделываются еще две крючковатые планки, по правую и по левую сторону, которые вертятся, как блоки, и через которые проходят постромки, а оттуда проводятся между ног оленей, у шеи которых постромки эти привязываются к недоузду. Вожжа, или повод, который ездок держит в правой руке, привязывает<ся> к ремню, повязанному вокруг головы оленя. Но так как я любопытствовал испытать эту упряжку и поглядеть получше и на самый бег оленей, то я упросил все того же самоеда снарядить двое саней и в каждые из них запрячь по два оленя. Таким образом мы отправились на лед и проехались несколько раз по реке. Я вышел затем из саней, чтобы лучше рассмотреть все, и нашел, что самоед не вполне хорошо снарядил те сани, которые он ввозил в мою комнату. <...>

На сказанной реке я заметил, что лошади, завидевши оленей и самоедов, разбегаются в испуге, запряженные ли в санях или не бывшие в упряжи. Это же случается и в городе и заставляет поэтому видеть в этом страх лошадей, внушаемый в них сими животными и людьми. Олени бегут с быстротою, превосходящею быстроту лошадей, не выбирая наезженной дороги, и бегут всюду, куда только их правят; а желая, чтобы мчались быстрее, подгоняют их, причем они приподнимают голову свою так, что рога ее касаются спины. Они никогда не потеют, но, когда устанут, высовывают язык на сторону, и если сильно разгорячатся, то ускоренно дышат, как собаки. Для ловли этих животных этот народ употребляет троякого рода стрелы. Первый род — обыкновенные с одним острием, другой — с двумя остриями и третий — с весьма острым, спереди клинообразным, концом. <...> Самоеды называют их, вместе с русскими, стрелами, а одну — стрела, снаряд же дугообразный, с которого спускаются стрелы, зовут луком.

Отправляясь охотиться на белок, они употребляют особые стрелы, называемые ими томар; эти стрелы с тупыми концами, похожими видом на грушу из кости или рога, для того, собственно, чтобы, убивая белку, не испортить шкурки или меха, что уменьшает цену их. Охота за оленями бывает зимой, и для нее употребляют деревянные коньки (лыжи) длиною в пять футов и шириною в полфута, которые с середины привязываются к оконечности ступни (цыпочкам) ремнем, а от этого ремня идет другой ремень, охватывающий пятки, прикрепленный к дереву. Вооружив таким образом свои ноги, самоеды скользят поверх снега и по холмам с невероятною быстротою. Лыжи эти подшиты снизу кожею с ноги оленя, шерстью наружу, для того чтобы не подаваться назад и иметь возможность остановиться, всходя на гору. При этом самоеды имеют в руке палку, снабженную на конце лопаткою, которою они, завидя оленей, бросают в них снег, для того чтобы загнать их в ту сторону, где поставлена западня для поимки их в том случае, когда они находятся на таком расстоянии, на котором нельзя достать в них. На другом конце этой палки приделан небольшой обруч или кружок, имеющий в поперечнике около четырех дюймов, снабженный небольшими струнами и похожий на четвероугольник, и таким снарядом пользуются они для того, чтобы по временам останавливаться там, где застрянет кружок, втыкая в снег конец палки, проходящий сквозь этот кружок и несколько выходящий вон из него. Когда они загоняют зверей в расставленные для них силки, то они попадают в оные, словно рыбы в вершу, причем не успевших освободиться они тут же убивают. Затем шкуру продают или делают из нее одежду, как сказано выше, и питаются мясом их. Не меньшую пользу извлекают они от прирученных оленей, продавая часть их, а другую употребляя для возки своих саней в зимнее время. Если случится, что дикий самец олень повяжется с прирученною самкою, то самоеды убивают приплод от такой помеси, потому что такие молодые олени непременно убегают в пустыню в течение первых

же трех или четырех дней. Прирученные же совсем другого свойства: они остаются в лесах, бегая близ жилищ самоедских, и самоеды умеют зазывать оленей, а диких заманивать в силки, которые они им расставляют. Животные эти сами отыскивают себе корм, состоящий из известного белого моху, растущего на болотах. Они умеют находить этот корм даже тогда, когда он покрыт горою снега, который и разрывают они своими ногами до тех пор, пока не достигнут до самого моху. Этот мох составляет почти единственную пищу их, хотя, за отсутствием его, они могут есть и траву, и сено. Северные олени очень похожи на обыкновенного оленя, но только сильнее его и имеют более короткие ноги. <...> Они почти все белые, но есть и серые между ними; подошва ног их покрыта некоторого рода черным рогом. Рога у них падают и меняются ежегодно весною, и они покрыты волосяною кожицею, которая тоже падает с наступлением зимы. Вообще животные эти живут обыкновенно от восьми до девяти лет.

Кроме этой охоты на суше самоеды занимаются еще и другою, на воде,— охотой на морских собак , которые в марте и апреле месяцах держатся на Белом море, куда, как вообще полагают, стекаются они с Новой Земли на время совокупления. Они совокупляются на льду, где самоеды подстерегают их, одетые для поимки их таким образом, что они менее всего кажутся похожими на человеческие создания. Охоту эту они производят таким образом: они продвигаются к месту, где эти <животные> находятся, по льду, простирающемуся иногда в море на полчаса от земли, вооруженные палкою, снабженной багром и привязанной к веревке почти сажен в двенадцать длиною. Завидев животных, они подползают к ним на брюхе сколь возможно ближе в то самое время, когда животные совокупляются, и приостанавливаются, как только удостоверятся, что животные приметили их движение. Затем они подвигаются еще немного и, когда приблизятся на такое расстояние, с которого могут уже достать, мгновенно бросают в них свой багор. Почувствовав в себе орудие, прикрепленное к веревке, животные

возвращаются в воду. Тогда самоед подергивает веревку, привязанную у него к поясу, до тех пор, пока раненое животное, выбившись из сил, не попадет в его руки. Иногда животное это, будучи ранено, от боли, которую причиняет ему в ране соленая вода, выскакивает опять на лед, где и убивают его. Мясо его употребляют в пищу, шкуру — на одежду, а жир продают. В этой морской охоте случается иногда и так, что раненая морская собака бросается в воду с такою силою и ожесточением, что увлекает за собою и бедного охотника, который, будучи не в состоянии отделаться скоро от веревки, повязанной вокруг его тела, погибает самым плачевным образом. Подобную же проделку употребляют иногда самоеды и на охоте за оленями, ползая по снегу, покрытые оленьей шкурой, промеж прирученных животных, и затем, приблизясь таким образом к дикому животному, бросаются на него и убивают; но при этом нужно, чтоб охотник держался непременно под ветром, ибо в противном случае животные эти, обладая удивительным чутьем, тотчас открывают его. Таким-то образом охотник достигает своей цели и делает иногда хороший улов.

Все это я узнал от жены самоеда, которая приезжала ко мне со своим мужем, когда я снимал его изображение. Это была самая красивая и приятная из всех самоедок, каких только можно было найти у этого народа. Я старался расположить ее как-нибудь в свою пользу, для того чтобы разведать у нее о том, что мне хотелось знать об этом народе. Ничто так не способствовало к этому, как добрый сосуд с водкой, которую женщины этой стороны пьют так же, как и мужчины, до тех пор, пока не станут шататься и повалятся на землю. Так случилось и с этой женщиной, и не считалось то предосудительным, но муж ее, глядя на то, помирал со смеху. Впрочем, она скоро приподнялась и начала горько жаловаться и испускать струи слез, вспомнивши, что у нее нет детей и что четверых она уже лишилась, как объяснила мне причину слез ее хозяйка дома, в коем я снимал; действительно, нередко случается, что пьяные, вспомнивши о том или

другом предмете, то и дело возятся с ним. Разговаривая однажды с этой самоедкой вообще о детях, она рассказала мне о способе погребения их детей; способ этот чрезвычайно странный. Когда умрет грудной ребенок, которого обыкновенно кормят грудью в продолжение года, не отведавши еще мяса, они завертывают его в сукно и вешают на дерево в лесу. Так как обычаи их отличаются от обычаев других народов, то я употребил все усилия узнать об этом, сколько то было мне возможно. Когда у них родится дитя, они тотчас дают ему имя, по имени того, кто первый войдет в их палатку, будь это человек или животное, или же по имени первого встреченного ими при выходе из палатки, человек ли то, животное или птица. Часто они дают ему имя даже той вещи, которая первая представится их взору, как-то: реки, дерева или другого чего-нибудь. Детей же, умерших более году, зарывают в землю между несколькими досками.

Когда самоеды вознамерятся жениться, то выискивают себе невесту по-своему и затем торгуют ее и условливаются в цене за нее с ее ближайшими родственниками, точно так, как это бывает у нас при покупке коня или вола. Дают за невесту иногда от двух до трех или четырех оленей, которых ценят обыкновенно от пятнадцати до двадцати золотых за голову. Это количество уплачивают иногда, переводя на деньги, по обоюдному согласию. Таким образом, они набирают себе столько жен, сколько только могут содержать; но есть и такие самоеды, которые довольствуются и одною женою. Когда добытая жена опротивеет им, они сейчас возвращают ее родителям ее, у которых они купили ее, лишаясь только данной за нее платы, и родители обязаны взять ее себе назад. Я слышал, что самоеды, живущие на морском берегу и в Сибири, которые женятся таким же образом, продают своих жен, когда они надоедят им. Когда у них умирают отец или мать, они сберегают кости их, не погребая оных. В то же время я слышал от очевидцев, что самоеды топят своих родителей, когда они достигнут уже такой старости, что не годятся ни к какой работе. Наконец, когда умирает мужчина, они

вырывают в земле яму и кладут в нее его, одетого так же, как и при жизни, и засыпают яму землею. Затем вешают около его на дереве лук, колчан, топор, котел и все вещи, которые употреблял покойный при жизни. Женщин самоеды хоронят таким же образом, ничего особенного не прибавляя к тому. Осведомившись об их обычаях и образе жизни, я пожелал ознакомиться с их богослужением. Для этого, по указанию моих приятелей, я обратился к одному самоеду, которого я угостил водкою, чтоб привести его в хорошее расположение духа, ибо без этого они чрезвычайно скрытны и высказываются неохотно. Я вспомнил при этом слова Св. Писания о том, что язычники, не знающие закона, все-таки исполняют оный, озаряемые только одним светом природы; из этого я заключил, что люди эти также могут иметь в их совести некоторое понятие об этом предмете. Предложивши ему несколько вопросов на этот счет, в ответ получил от него, что он так же, как и соотечественники его, верит, что есть одно небо и един бог, которого они называют Heyha, т. е. божество. Что они совершенно уверены, что нет ничего выше и могущественнее бога, что все зависит от него, что Адам, общий отец всех людей, сотворен богом или происходит от него, что он пребывает на небе, но потомство его ни на небе, ни в аде, что все те, которые делают добро, будут помещены в место более возвышенное, чем ад, где они не знают никаких мучений, напротив, наслаждаются небесными радостями. Самоеды поклоняются, впрочем, своим идолам, почитают солнце, луну и другие небесные светила, даже некоторых животных и птиц, по своему произволению, в надежде получить от них какую-нибудь выгоду. Перед идолами своими они ставят известный кусок железа, на который навешивают разные палочки, толщиною с ручку ножа и длиною в палец; палочки эти заострены одним концом, представляя таким образом как бы голову человека: на них делаются небольшие ямочки — для обозначения глаз, носа и рта. Эти маленькие палочки обвертывают в оленью кожу, и к ним привешивают еще медвежий или волчий зуб или что-нибудь подобное.

Между самоедами есть человек, которого они называют шаманом или кудесником, что значит жрец, или, скорее, чародей, и они верят, что такой человек может предсказать им счастье или несчастье, как-то: будут ли они иметь удачу на охоте, выздоровеют ли больные люди или умрут и прочие подобные вещи. Когда самоеды хотят узнать от такого кудесника, что их ожидает в ближайшем, то зовут его к себе, и когда он является, набрасывают ему на шею веревку, потом стягивают ее до такой степени, что тот падает, словно мертвый. По прошествии некоторого времени кудесник начинает несколько двигаться и затем совершенно приходит в себя. Когда он начинает свои предсказания, кровь выступает у него из щек и останавливается, когда он кончит предсказание, если ж он снова начинает предсказывать, то снова начинает течь и кровь, как рассказывали мне это люди, часто бывшие очевидными тому свидетелями. Эти чародеи носят на своем платье множество железных пластинок и таких же колец, которые издают страшный шум, когда они входят куда. Впрочем, те из них, которые живут в этой местности, не имеют на себе ничего подобного, а просто носят на лице проволочную сетку, к которой привязывают всякого рода зубы разных животных. Когда такой кудесник умирает, самоеды строят подмостки из бревен, огороженные сверху со всех сторон против вторжения диких животных; потом кладут покойника на верх оных в лучшей его одежде, а подле него помещают его лук, колчан, топор и т. п.; далее привязывают также оленя — одного или двух, если покойник имел их при жизни, и оставляют таким образом этих животных на привязи, пока они околеют с голоду, если, впрочем, не сорвутся и не убегут куда-нибудь.

Все эти сведения сообщили мне люди, жившие в этой местности, и мне подтвердил их еще один русский купец, Михаил Остатёв (Остафьев?), которого я пригласил к себе, узнав, что он езжал по Сибири летом и зимою, отправляясь в Китай, и что в этих путешествиях своих он провел четырнадцать лет. Это был человек лет шестидесяти, с здравыми познаниями

и суждением. Он сообщил мне, что самоеды распространены в Сибири до главнейших рек ее, как-то: Оби, Енисея, Лены и Амура, впадающих в Великий океан. Последняя река составляет границу самых крайних владений московского царя со стороны Китая, так что сказанные обитатели уже не переходят за нее. Между реками Леной и Амуром живут якуты, которые суть особый вид татар, и ламуты, питающиеся оленями, как и самоеды: число их простирается до 30 000; они отважны и воинственны. Есть еще другой народ у берегов моря, называемый юкагиры, или югра. Эти уже во всем походят на самоедов в одежде и живут в пустынях (в степях). Как собаки, они едят кишки и другие внутренности сырьем. Все эти народы говорят различными языками. Есть еще тут и четвертый народ, коряки, называемые так от страны, в которой они обитают, и живут они точно так же, как и самоеды. К этим последним можно присоединить еще другой народ, называемый чукчи. Эти люди раздирают себе щеки, засовывают в отверстия плоские кусочки моржовых зубов и оставляют оные таким образом зарастать, считая то украшением. Мужчины здесь умываются мочою жен своих, а жены — мочою мужчин. Народ этот считают самым презренным, но он, говорят, очень искусен в чародействе. В этом сами они уверяют и всегда носят при себе кости своих умерших отцов, употребляя их при чародействах своих. Далее, они поклоняются дьяволу. Но что наиболее необыкновенно у этого народа, это то, что они немедля предлагают путешествующим и чужим своих жен и дочерей — почет, которым они считают себя обязанными по отношению к незнакомым. Так-то обычаи этих народов разнятся от обычаев европейцев. Русский, сообщивший мне все эти подробности, сказал мне еще, что, пять или шесть недель путешествуя по краям, где живут эти народы, он нашел еще и шестой народ на морском берегу, называемый лежачие чукчи, потому что они лежат либо сидят в своих палатках в продолжение всей зимы. Палатки эти делаются из моржей и заносятся снегом целые пять месяцев в году. Потому и заготовляют они в своих палатках себе нужное пропитание в

сухом виде. Впрочем, этих животных едят они, как есть, и сырьем, а как наступит весна, выходят тотчас из жилищ своих. Рассказывали, что несколько лет тому назад здешние самоеды умудрились ранить рогатый скот русских тонким ольховым копьецом промеж малых ребер либо в уши, от чего животные эти, проболев некоторое время, околевали, самоеды же пользовались колелым скотом. Проделка эта была открыта, многих поймали и перевешали для примера, одних за ноги, других за ребра. Несмотря на это, прошлой зимой они снова повторили свою проделку: виновных тоже переловили и заключили в крепкую темницу, но они нашли средство освободиться и бежать, оставив после себя только одного малого ребенка, которого правитель области сохранил и окрестил в русскую веру.

Между прочими известиями узнал я еще во время моего здесь пребывания, что не далее, как семь лет тому назад, открыт был остров у левого берега Китая, который и подчинен власти московского царя, несмотря на то что нужно употребить, пожалуй, год времени, чтобы достигнуть до этого острова из Москвы, что остров этот изобилует Соболевыми и другими мехами, хотя не известно еще, есть ли на нем другие достойные внимания произведения, что народ, наконец, населяющий этот остров, походит на тех, о которых я сейчас говорил.

При мне 18 сентября была здесь в вечернюю пору сильная буря, снесшая множество кровель с домов. Я обедал в этот день у г-на Гоутмана, вовсе не думая о том, какая беда готовится, и только что вышел было из дому, как вдруг подле меня упало сверху несколько длинных половиц, не причинив, впрочем, мне вреда, но которые заставили меня поскорее опять войти в дом. Так как бывшие в доме совсем не замечали бури, то они были очень удивлены, узнавши теперь о ней, и когда кто-то зашел на чердак поглядеть, то оказалось, что большая часть крыши была сорвана, и все радовались моему спасению.

25-го числа сего месяца около полудня прибыли из Москвы на четырех судах пятьсот человек русских драгунов. Это было в воскресенье: мужчины и женщины высыпались на берег реки, и так как все были одеты по-праздничному, то это представляло довольно приятное зрелище.

Наши последние корабли отправились обратно в отечество 14 октября и счастливо добрались до моря, кроме корабля «Белый орел», который сел на мель близ лугов.

Нужно было снять с корабля половину груза, чтобы поставить его в возможность подняться и пойти далее по воде. Были бы большие затруднения, если б погода в это время не была такая прекрасная. Таким образом, он, как и прочие, вышел 19-го числа тоже в море.

ГЛАВА X

Перемены в обычаях страны. Торжественные ворота, воздвигнутые в Москве. Торжественный въезд царя по случаю взятия Нотенбурга

Время произвело великие перемены в этом государстве, в особенности со времени возвращения царя из путешествия. Прежде всего он повелел изменить род одежды, как мужской, так и женской, и особенно распоряжение это касалось до придворных лиц, которые исправляли там различные должности, кто бы они ни были, даже самые дети. Таким же образом стали одеваться и русские купцы, и другие русские люди, так что по одежде их нельзя отличить от наших соотечественников. В этот же год обнародован был указ, воспрещавший всем русским выходить за городские ворота не в польском кафтане или не в нашей (голландской) одежде, чулках и башмаках. Иностранные слуги первые обязаны были исполнять этот указ, за нарушение коего стража срывала их с запяток саней и взыскивала с них известную пеню, после чего и отпускала их; но указ этот не касался ни крестьян, ни сельских жителей вообще. Так как перемена со временем может совершенно изгладить даже из памяти старинную русскую одежду, то я и изобразил на полотне

одежду девиц, представив одну вполоборота, чтобы лучше можно было видеть украшения назади головы.<...>

Надо заметить, что открытая прическа обозначает девицу, потому что было бы бесчестием для замужней женщины, если б она явилась с непокрытой головой. Женщины носят на голове меховую шапочку, сверху гладкую, а снизу круглую, со всех сторон остроконечную, наподобие короны, и усеянную драгоценными камнями, равно как и самый ее верх. Шапочка эта назади несколько длиннее, чем спереди, и имеет два острых конца. Называется она треух.

Головной убор девиц... который также имеет вид короны и усеян жемчугом и брильянтами, называется перевязкою. Некоторые привязывают к этому убору ленты, называемые связки. Украшение, носимое девицами на шее, называется ожерелье, а в ушах — серьгами. Верхняя одежда их, подбитая мехом, называется шубой, нижняя — телогрейкой, или сарафаном, сорочка — рубахой. Рукава в рубахе у них до того широки и собраны в складки, что на них идет от шестнадцати до семнадцати аршин полотна. Браслеты или украшения на руках называются у них зарукавья. На ногах они носят так называемые чулки, которые обыкновенно не подвязывают, а обувь их, из красной или желтой кожи, с весьма высокими каблуками и острыми носками, называется башмаками.

Кроме описанной перемены в одежде, русским приказано было брить бороды; но усы носить дозволяется, хотя придворные чины и другие лица не носят уже и усов. Для того же, чтобы приказание это исполнялось в точности, заведены были особые бородобреи, чтобы они брили бороды без различия всем тем, кого встретят с бородою. Многим из русских распоряжение это казалось до того горьким, что они старались подкупить деньгами тех бородобреев, которым поручено было брить всех; но это не помогало, потому что вслед за тем они попадали на другого бородобрея, который не соглашался ни на какой подкуп. Такое бритье совершалось даже

за столом царя и везде в другом месте, даже над самыми знатными вельможами. Невозможно выразить скорбь, какую причиняло это бритье многим русским, не могшим утешиться оттого, что они потеряли бороду, которую они так долго носили и которую считали признаком почета и знатности. Есть и теперь еще много таких, которые дали бы бог знает что за то, чтобы отбыть такого несчастия.

Перемены в одежде не так значительны между женщинами, за исключением знатных особ, которые носят вообще наряды и платья, употребляемые у нас.

Вначале, для приведения распоряжения об одежде в исполнение, нужно было выписать из заграницы шляпы, башмаки и другие необходимые вещи. Но так как это было неудобно и дорого, то русские сами стали было делать шляпы. Сначала это самодельe шло довольно плохо, но потом они усовершенствовались, когда выписали иностранных мастеров и стали учиться у них: я уже упоминал, что русские — искусные подражатели и любят поучиться.

В этом же году сделано было похвальное распоряжение относительно нищих, мужчин и женщин, шатающихся во множестве по московским улицам, которые тотчас окружают вас со всех сторон, как только вы остановились в лавочке и хотите купить что-нибудь. При этом особенно неприятно то, что в толпе этих нищих замешиваются часто воры, которые обрезают кошели с деньгами, и совесть русских как-то легко выносит подобные проделки. Желая уничтожить это зло, его величество запретил нищим просить по улицам милостыни; с другой же стороны, он запретил всем без исключения и подавать милостыню, под опасением взыскания пени в пять рублей, или двадцать пять гульденов. В то же время, чтоб обеспечить существование бедных, заведены близ каждой церкви — как внутри, так и вне Москвы — богадельни, на содержание которых царь приказал отпускать ежегодно жалованье. Таким образом уничтожено было это великое

неудобство, ибо нельзя было выйти из церкви без того, чтобы толпы нищих не преследовали вас с одного конца улицы до другого. Мера эта имела еще и то доброе последствие, что многие бездельные бедняки стали работать из опасения попасть в богадельню, ибо нищие, естественно, не любят труда и не смотрят на нищенство как на постыдное дело. Это напомнило мне одно происшествие, которое не лишним нахожу рассказать здесь.

Однажды в гостиницу, в которой я жил, пришел один молодой парень, который попросил милостыни у одного господина, тоже живущего в той гостинице. Господин спросил его, отчего он не старается доставать себе средства к жизни какою-нибудь работой или поступлением куда ни есть в услужение. Парень ответил, что его никогда ничему не обучали, а в услужение никто его не берет. Купец (это был он), видя честную наружность парня, сказал ему: не хочет ли он служить у него? Что он готов принять его к себе в услужение, если только он будет прилежно исполнять свою должность и если притом он представит кого-нибудь, кто бы поручился за него. Такое поручительство необходимо и совершенно обыкновенно в этой стране, и без оного нельзя и всчинять иска в случае, если нанятый слуга обворует хозяина. Бедняга отвечал, что он не знает никого, кто бы мог за него поручиться, но что бог да будет его порукой и он призывает его в свидетели, что будет честно служить хозяину. Купец удовольствовался этим, взял себе в услужение парня, который и действительно верно служил ему. Между тем случилось, что в этом доме он довольно близко сошелся с одною служанкой, которая и забеременела от него. Как только служанка заметила свою беременность, тотчас же открылась в том ему и советовала ему жениться на ней, потому что он был первый, лишивший ее невинности. Хотя парень и не очень-то был склонен на женитьбу с нею, потому что она была гораздо старше его, но, наконец, чувствуя себя обязанным исполнить данное им ей обещание, а с другой стороны, помышляя об ответе, который он должен дать в поступке своем перед порукой своим, богом, он пришел к заключению, что

должен уступить поневоле, и обещал служанке жениться на ней. Он и действительно женился на ней и стал промышлять небольшою торговлей на деньги, заслуженные им у своего хозяина. Торговля ему так повезла, что теперь он имеет уже одну из лучших суконных лавок в Москве, и богатство его считается уже до тридцати тысяч гульденов. Он живет с своей женой очень согласно; но так как ей уже шестьдесят лет, а бывшие у них дети все перемерли, то он уговаривает ее поступить в монастырь, где он и содержал бы ее, с тем чтобы самому вступить в новый брак, иметь опять детей, чего русские законы не возбраняют; но старуха жена до сих пор не решилась уступить его просьбе.

Преобразования, о которых я говорил выше, проникли и в приказы, или канцелярии, где все деловые бумаги ведутся теперь таким же образом, как у нас, голландцев. Царь обратил на это заботливое свое внимание, равно как и на все то, что считает он благом государства, в котором ничего не делается без его участия или ведения и все дела проходят через его руки. С чрезвычайным старанием он укрепил уже Новгород, Псков, Азов, Смоленск, Киев и Архангельск, и, несмотря на громадные издержки, которые он должен был употребить на эти укрепления, в его казне все-таки находится около трехсот тысяч рублей, собранных его старанием и добрым хозяйством, как это объявил мне однажды сам царь и что впоследствии подтвердили мне многие другие лица, и все это невзирая на расходы по войне, устройству кораблей и других потребностей государства. Правда, что построение кораблей делается на общественный счет, и каждая тысяча душ крестьян обязана доставлять все, что нужно для постройки одного корабля и всего, относящегося до этой постройки.

Крестьяне в России суть крепостные его величества, разных бояр, дворян и монастырей. Эти последние владеют большим числом душ, в особенности Троицкий монастырь, о котором было уже говорено выше.

Таким образом, подданные этого государя должны молить бога о продлении его жизни и ниспослании благословения на его царствование для того, чтобы все более и более преуспевали в познании множества полезных вещей. Они даже могут надеяться на это благословение божие, потому что наследный царевич, будучи всего четырнадцати лет, следует уже по пути своего отца и проявляет в этой нежной молодости много здравого смысла и замечательные способности. Царь и прилагает особенное старание об его воспитании, обучая его для этого латинскому и немецкому языкам.

14 сентября (1702 г. — *Ред.*) привели в Москву около восьмисот шведских пленных — мужчин, женщин и детей. Сначала продавали многих из них по три и по четыре гульдена за голову, но спустя несколько дней цена на них возвысилась до двадцати и даже тридцати гульденов. При такой дешевизне иностранцы охотно покупали пленных, к великому удовольствию сих последних, ибо иностранцы покупали их для услуг своих только на время войны, после которой возвращали им свободу. Русские тоже купили многих пленных, но несчастнейшие из них были те, которые попали в руки татар, которые уводили их к себе в рабы в неволю,— положение самое плачевное.

20 сентября получено было известие о взятии войсками его величества Нотенбурга, который сдался на известных условиях после троекратного приступа. 23-го числа служили в церквах благодарственный молебен по поводу этого завоевания,

К концу месяца стал выпадать первый снег, и в начале октября начались морозы; но вскоре за ними пошли дожди, затянувшиеся, как и до того, на довольно продолжительное время.

В этом году в Архангельск прибыло очень много купеческих кораблей, так что насчитывали их до 154, а именно: 66 английских, в сопровождении четырех военных кораблей; столько же голландских, с тремя военными же кораблями, 16 гамбургских, 4 датских и 2 бременских. Впрочем, из английских было много небольших судов с незначительным грузом.

В средине ноября река Яуза замерзла позади нашей слободы, и многие немцы, а также некоторые русские катались по ней на коньках, так как снегу еще не было. Я приказал сделать ручные санки, какие употребляются при этом у нас в Голландии, и воспользовался случаем провезти с ними на коньках одну госпожу, что представляло зрелище, до тех пор здесь невиданное. В продолжение тридцати двух лет это был второй только случай моего катанья на коньках, и я нашел, что нелегко забывается то, чему однажды хорошо выучишься. Но удовольствие это продолжалось недолго, ибо на другой же день стал падать снег.

23 того же ноября сгорел до основания Посольский приказ в Кремле, и пожар этот произвел большое смятение.

В начале декабря получено было известие, что царь прибыл в город Пешик, в девяноста верстах от Москвы. Оттуда он отправился на дачу господина Лофкрейлиса, дяди его, в тридцати верстах от Москвы,— зовется она Сальников, и, наконец, поближе, к князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, губернатору Сибири; это последнее находится в семи верстах от Москвы и называется Никольское.

Тогда стали приготовлять все необходимое для въезда его величества. Большая часть иностранных купцов получила приказание доставить большее, против обыкновения, число лошадей, с прислужником, одетым в немецкое платье, чтобы везти пушки, взятые у шведов. Иностранные министры, наш резидент, английский консул и несколько купцов на следующий же день по получении сказанного известия отправились в Никольское на поклон к царю, возвратились оттуда рано утром на другой день. Это было 4-го числа, именно в тот день, когда назначен был въезд царя. Для этого приготовлено было немецкое платье на восемьсот человек и построены из дерева двое триумфальных ворот на Мясницкой улице. Первые ворота были внутри Красной стены, насупротив Греческого монастыря, близ типографии и дома фельдмаршала Шереметева: вторые — в Белой стене, подле приказа

Адмиралтейства, в четырехстах шагах от первых. Улицы и предместье полны были народа, собравшегося поглядеть на торжество. Я проехал город и выехал из него, чтобы видеть весь торжественный въезд процессии с самого его начала. Я прибыл в то время, когда шествие приостановилось на время, для того чтобы все привести в надлежащий порядок, причем распоряжался всем сам царь лично. Он был на ногах уже, а не на коне, и я приблизился к нему, чтобы приветствовать его, поздравить с благополучным возвращением. Поблагодарив, он обнял меня, поцеловал и, казалось, был доволен, что нашел меня еще в своих владениях. Затем он взял меня за руку и сказал: «Пойдем, я хочу показать тебе несколько корабельных флагов». Затем прибавил: «Ступай теперь туда далее и снимай все, что только пожелаешь». В то время, как я был занят этим, вдруг ко мне подходит какой-то русский господин в сопровождении нескольких прислужников и выхватил у меня из рук бумагу, на которую я снимал. Он подозвал к себе потом одного немецкого офицера, чтобы объясниться со мною и узнать, что это я такое делаю. Когда же он узнал, что снимаю по приказанию его величества, то он тотчас же возвратил мне начатый мною снимок, который я и окончил: без дозволения царского снимать что-либо было бы невозможно.

Шествие происходило следующим образом: впереди шел полк гвардии в восемьсот человек, под начальством полковника Риддера, родом немца. Половина этого полка, шедшая впереди, одета была в красное, по-немецки, а другая половина — по-русски, потому что за недостатком времени не успели покончить им новые платья. Между теми и другими шли пленные шведские солдаты и крестьяне, вперемежку, по три в ряд, в семи отрядах, от восьмидесяти до восьмидесяти четырех человек в каждом, составляя, таким образом, около пятисот восьмидесяти человек, окруженных тремя ротами солдат. За этими вели двух прекрасных подручных лошадей, и шла рота гренадер, одетых в зеленые кафтаны с красными отворотами, на немецкий покрой, за исключением шапок, обшитых медвежьим мехом, вместо шляп.

Это были первые гвардейские гренадеры. Далее шли шестеро с бердышами, пять гобоистов, наигрывающих весело, и шесть офицеров. Потом его величества Преображенский полк, числом в четыреста человек, одетых в новые немецкие кафтаны из зеленого сукна, с красными отворотами, и в шляпах, обшитых серебряным белым галуном. Царь и господин Александр были во главе этого полка, предшествуемые девятью немецкими флейтщиками и несколькими превосходными подручными лошадями. Затем следовал отряд Семеновского полка, также гвардии его величества, одетый в голубые кафтаны с красными отворотами. Далее несли знамена, взятые у шведов. Впереди — два знамени, в сопровождении большого третьего, которое несли четыре солдата и которое водружено было на Нотенбургской крепости. Потом пять корабельных флагов и двадцать пять знамен с иних, зеленых, желтых и красных, из коих каждое несли два солдата. На большей части этих знамен изображено было по два золотых льва с короною наверху. За знаменами следовали сорок пушек, из которых каждую везли четыре или шесть лошадей, все одной масти; четыре большие мортиры и пятнадцать полевых чугунных орудий — больших и малых, потом еще мортира и четырнадцать тяжелых полевых чугунных орудий, чрезвычайно длинных; каждое из них везли от шести до восьми лошадей. За всем этим везли деревянный ящик, наполненный поварской посудой; далее — десять саней с ружьями, три барабана и еще сани с кузнечным прибором и огромным мехом. Далее шли пленные офицеры — сорок человек, каждый между двумя солдатами, и наконец, несколько саней с больными и ранеными пленными в сопровождении нескольких русских солдат, которые и замыкали шествие.

Был уже час пополудни, когда шествие это вступило в город. Прошед в Тверские ворота, лежащие на север, оно приблизилось к первым Триумфальным воротам, и когда первый полк прошел через эти последние, его величество приостановился на четверть часа, чтобы принять поздравления от духовенства и подкрепить себя закуской. Так как улица

здесь была широкая, то Триумфальные ворота состояли из трех арок, или проходов: в середине — большой и по бокам — два поменьше, которые и примыкали к стене. Все ворота были увешаны коврами, так что плотничной работы совсем не было видно. На верху ворот устроена была вислая площадка, на которой стояли, по два в ряд, восемь молодых юношей, великолепно разодетых, сливавших свое пение с музыкой. Ворота увешаны были гербами, из коих некоторые имели иносказательные изображения с приличными подписями. Посверх стоял огромный орел и множество знамен. Лицевые стороны домов, находящихся по соседству с Триумфальными воротами, также все увешаны были коврами и украшены изображениями, а на вислых крыльцах их развевались флаги лент, стояли музыканты, и гремела музыка на всевозможных инструментах, которым подтягивал и орган, что все производило гармонию чрезвычайно приятную. Улицы усыпаны были зелеными ветками и другою зеленью в том месте, где находились разные господа. Княжна, сестра его величества, царица и княжны ее, три молоденькие дочери, в сообществе множества русских и иностранных госпож помещались поблизости, в доме Якова Васильевича Федорова, чтобы хорошо видеть это торжественное шествие. Сделавши приветствие княжнам, царь продвинулся ко вторым Триумфальным воротам, точно так же, как и первые, разукрашенным. Прошедши в этом месте город, он направился далее, через Мясницкие ворота, к Немецкой слободе. Когда царь прибыл сюда, в слободу, к двору голландского резидента, последний поднес ему вина, но царь отказался и потребовал пива, стакан которого и имел честь поднести ему я. Он только отхлебнул пива и продолжал свое шествие в Преображенское. Когда он вышел из слободы, стало уже темно; его величество сел на лошадь и поехал в сказанное Преображенское, чем и окончилось это торжество.

Хотя народу было бесчисленное множество, собравшегося отовсюду в Москву поглядеть на шествие, но, сколько я знаю, не произошло никакого

несчастия и все обстояло в порядке и спокойно, к удовольствию всех и каждого, несмотря на то что улицы были загромождены разного рода временными постройками.

«КОНДИЦИИ» АННЫ ИОАННОВНЫ[1]

Понеже по воле всемогущего бога и по общему желанию российского народа мы по преставлении всепресветлейшего державнейшего Великого государя Петра второго, императора и самодержца всероссийского, нашего любезнейшего государя племянника, императорский всероссийский престол восприяли и, следуя божественному закону, правительство свое таким образом вести намерена и желаю, дабы оное в начале к прославлению божеского имени и к благополучию всего нашего государства и всех верных наших подданных служить могло. - Того ради, чрез сие наикрепчайше обещаемся, что и наиглавнейшее мое попечение и старание будет не только о содержании, но и крайнем и всевозможном распространении православные нашея веры греческого исповедания, такожде, по приятии короны российской, в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника, ни при себе, ни по себе никого не определять. Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного Верховного тайного совета согласия:

1) Ни с кем войны не всчинять.

2) Миру не заключать.

3) Верных наших подданных никакими новыми податми не отягощать.

4) В знатные чины, как в статцкие, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам

[1] Цит. по: *Корсаков Д. А.* Воцарение имп. Анны Иоанновны. — Казань, 1880. — С. 17—18.

никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета.

5) У шляхетства живота и имения и чести без суда не отымать.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) В придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного тайного совета не производить.

8) Государственные доходы в расход не употреблять - и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской.

М. В. ЛОМОНОСОВ.
ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1748 ГОДА[1]

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.
Благословенное начало
Тебе, богиня, воссияло.
И наших искренность сердец
Пред троном вышнего пылает,
Да счастием твоим венчает
Его средину и конец.

[1] Цит. по: *Ломоносов М. В.* Стихотворения / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Е. Н. Лебедева. — М., 1984.

Да движутся светила стройно
В предписанных себе кругах,
И реки да текут спокойно
В тебе послушных берегах;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и меч да удалится
От стран твоих и всякий вред;
Весна да рассмеется нежно,
И земледелец безмятежно
Сторичный плод да соберет.

С способными ветрами споря,
Терзать да не дерзнет борей
Покрывшего судами моря,
Пловущими к земли твоей.
Да всех глубокий мир питает;
Железо браней да не знает,
Служа в труде безмолвных сел.
Да злобна зависть постыдится,
И славе свет да удивится
Твоих великодушных дел.

Священны да хранят уставы
И правду на суде судьи,
И время твоея державы
Да ублажат рабы твои.
Соседы да блюдут союзы;
И вам, возлюбленные музы,
За горьки слезы и за страх,

За грозно время и плачевно
Да будет радость повседневно,
При Невских обновясь струях.

Годину ту воспоминая,
Среди утех мятется ум!
Еще крутится мгла густая,
Еще наносит страшный шум!
Там буря искры завивает,
И алчный пламень пожирает
Минервин с громким треском храм!
Как медь в горниле, небо рдится!
Богатство разума стремится
На низ к трепещущим ногам!

Дражайши музы, отложите
Взводить на мысль печали тень;
Веселым гласом возгремите
И пойте сей великий день,
Когда в отеческой короне
Блеснула на российском троне
Яснее дня Елисавет;
Как ночь на полдень пременилась,
Как осень нам с весной сравнилась,
И тьма произвела нам свет.

В луга, усыпанны цветами,
Царица трудолюбных пчел,
Блестящими шумя крылами,

Летит между прохладных сел;
Стекается, оставив розы
И сотом напоенны лозы,
Со тщанием отвсюду рой,
Свою царицу окружает
И тесно вслед ее летает
Усердием вперенный строй.

Подобным жаром воспаленный
Стекался здесь российский род,
И радостию восхищенный,
Теснясь, взирал на твой приход.
Младенцы купно с сединою
Спешили следом за тобою.
Тогда великий град Петров
В едину стогну уместился,
Тогда и ветр остановился,
Чтоб плеск всходил до облаков.

Тогда во все пределы света
Как молния достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух.
Тогда нестройные соседы
Отчаялись своей победы
И в мысли отступали вспять.
Монархиня, кто россов знает
И ревность их к тебе внимает,
Помыслит ли противу стать?

Что Марс кровавый не дерзает
Руки своей простерти к нам,
Твои он силы почитает
И власть, подобну небесам.
Лев ныне токмо зрит ограду,
Чем путь ему пресечен к стаду.
Но море нашей тишины
Уже пределы превосходит,
Своим избытком мир наводит,
Разлившись в западны страны.

Европа, утомленна в брани,
Из пламени подняв главу,
К тебе свои простерла длани
Сквозь дым, курение и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чем для блаженства смертных рода
Всевышний наш украсил век,
Склонилась для ее защиты,
И меч твой, лаврами обвитый,
Не обнажен, войну пресек.

Европа и весь мир свидетель,
Народов разных миллион,
Колика ныне добродетель
Российский украшает трон.
О как сие нас услаждает,
Что вся вселенна возвышает,

Монархиня, твои дела!
Народов твоея державы
Различна речь, одежда, нравы,
Но всех согласна похвала.

Единым гласом все взываем,
Что ты защитница и мать,
Твои доброты исчисляем,
Но всех не можем описать.
Когда воспеть щедроты тщимся,
Безгласны красоте чудимся.
Победы ль славить мысль течет,
Как пали готы пред тобою?
Но больше мирною рукою
Ты целой удивила свет.

Весьма необычайно дело,
Чтоб всеми кто дарами цвел:
Тот крепкое имеет тело,
Но слаб в нем дух и ум незрел;
В другом блистает ум небесный,
Но дом себе имеет тесный,
И духу сил недостает.
Иной прославился войною,
Но жизнью мир порочит злою
И сам с собой войну ведет.

Тебя, богиня, возвышают
Души и тела красоты,

Что в многих разделясь блистают,
Едина все имеешь ты.
Мы видим, что в тебе единой
Великий Петр с Екатериной
К блаженству нашему живет.
Похвал пучина отворилась!
Смущенна мысль остановилась,
Что слов к тому недостает!

Однако дух еще стремится,
Еще кипит сердечный жар,
И ревность умолчать стыдится:
О муза, усугубь твой дар,
Гласи со мной в концы земные,
Коль ныне радостна Россия!
Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы;
Гремящей насыщенна славы,
Покоится среди лугов.

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Седит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вкруг довольства исчисляет,

Возлегши лактем на Кавказ.

Се нашею, рекла, рукою
Лежит поверженный Азов;
Рушитель нашего покою
Огнем казнен среди валов.
Се знойные Каспийски бреги,
Где, варварски презрев набеги,
Сквозь степь и блата Петр прошел,
В средину Азии достигнул,
Свои знамена там воздвигнул,
Где день скрывали тучи стрел.

В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тщатся
Драгих мне в дар ловить зверей;
Едва покров себе имея,
Смеются лютости борея;
Чудовищам дерзают вслед,
Где верьх до облак простирает,
Угрюмы тучи раздирает,
Поднявшись с дна морского, лед.

Здесь Днепр хранит мои границы,
Где гот гордящийся упал
С торжественныя колесницы,
При коей в узах он держал
Сарматов и саксонов пленных,

Вселенну в мыслях вознесенных
Единой обращал рукой.
Но пал, и звук его достигнул
Во все страны, и страхом двигнул
С Дунайской Вислу быстриной.

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Венцем, порфирою блистает,
Покрыта лаврами глава.
Там равной ревностью пылают
Сердца, как стогны все сияют
В исполненной утех ночи.
О сладкий век! О жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны испустил лучи.

Сие Россия восхищенна
В веселии своем гласит:
Москва едина на колена
Упав перед тобой стоит,
Власы седые простирает,
Тебя, богиня, ожидает,
К тебе единой вопия:
Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стены разрушении;
Я жду щедроты твоея.

Гряди, краснейшая денницы,

Гряди, и светлостью лица
И блеском чистой багряницы
Утешь печальные сердца,
И время возврати златое.
Мы здесь в возлюбленном покое
К полезным припадем трудам.
Отсутствуя, ты будешь с нами:
Покрытым орлими крилами
Кто смеет прикоснуться нам?

Но если гордость ослепленна
Дерзнет на нас воздвигнуть рог,
Тебе, в женах благословенна,
Против ее помощник бог.
Он верьх небес к тебе преклонит
И тучи страшные нагонит
Во сретенье врагам твоим.
Лишь только ополчишься к бою,
Предъидет ужас пред тобою,
И следом воскурится дым.
Конец 1748

МАНИФЕСТ О ДАРОВАНИИ ВОЛЬНОСТИ И СВОБОДЫ ВСЕМУ РОССИЙСКОМУ ДВОРЯНСТВУ[1]

18 февраля 1762 г.

[Извлечение]

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. XV. № 1144.

...1) Все находящиеся в разных Наших службах дворяне могут оную продолжать, сколь долго пожелают, и их состояние им дозволит, однакож военные ни во время кампании, ниже пред начатием оной за три месяца о увольнении из службы или абшида просить да не дерзают...

4) Кто ж, будучи уволен из Нашей службы, пожелает отъехать в другия европейския Государства, таким давать нашей иностранной коллегии надлежащие паспорты беспрепятственно с таковым обязательством, что когда нужда востребует, то б находящиеся дворяне вне государства Нашего явились в своем отечестве, когда только о том учинено будет надлежащее обнародование, то всякой в таком случае повинен со всевозможною скоростию волю нашу исполнить, под штрафом секвестра его имения.

9) ...В заключение сего Мы, Нашим Императорским словом, наиторжественнейшим образом утверждаем, на всегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах... Мы надеемся, что все благородное российское дворянство, чувствуя толикия к ним и потомкам их щедроты, по своей к нам всеподданической верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностию и желанием в оную вступать, и честным и незазорным образом оную по крайней возможности продолжать, неменьше и детей своих с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам, ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели, но только как сами в лености и праздности все время препровождать будут, так и детей своих в пользу отечества своего ни в какия полезныя науки не употребят, тех Мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать, всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества повелеваем, и ниже ко двору нашему приезд, или в публичных собраниях и торжествах не терпимы будут.

ИЗ ЗАПИСОК ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ[1]

Во время болезни блаженной памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, в декабре месяце 1761 г., слышала я из уст Никиты Ивановича Панина, что трое Шуваловых: Петр Иванович, Александр Иванович и Иван Иванович, чрезвычайно робеют о приближающейся кончине государыни императрицы и о будущем жребии их, что от сей робости их родятся у многих окружающих их разнообразные проекты, что наследника ее все боятся, что он не любим и не почитаем никем, что сама государыня сетует, кому поручить престол, что склонность в ней находят отрешить наследника неспособного, от которого много имела сама досады, и взять сына его, семилетнего, и мне поручить управление, но что сие последнее касательно моего управления — не по вкусу Шуваловым. Из сих проектов родилось, что посредством Мельгунова Шуваловы помирились с Петром III, и государыня скончалась без иных распоряжений. Но тем не кончились ферментации публики, а начало их приписать можно дурному Шуваловскому управлению и беззаконному Бестужевскому делу, т. е. с 1759 г.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ II С ВОЛЬТЕРОМ[2]

Екатерина. Письмо:

Мой девизъ составлять будетъ пчела, летающая съ одного растения на другое, и собирающая медъ, для отнесения въ улей съ надписью: полезна. У васъ низшие научаютъ высшихъ, и симъ остается стараться только темъ

---

[1] Цит. по: Записки императрицы Екатерины Второй // Исторический вестник. — 1906. — № 9.

[2] Цит. по: Переписка Россійской императрицы Екатерины вторыя съ г. Вольтеромъ, съ 1763 по 1778 годъ / Год выпуска: 1802.

пользоваться : но у насъ со всемъ на противъ ; мы не имемъ сей выгодности.

Ответ Вольтера:

Пчела конечно полезна! Ее любятъ и боятся; Смертнымъ она благо творитъ, Воскомъ ихъ освещаетъ, медомъ питаетъ; А даръ. ея, всемъ нравиться, Отнюдь не излишнымъ кажется. Минерва, вселенне Покровительница, невеждъ всегда научала; Надъ Марсомъ бывъ победительница, Миръ устроевала; когда она оспоривая красоту, яблоко желала получить, тогда Парисъ поколебался; Но Ахиллъ верно бы въ ея пользу спор решилъ.

НАКАЗ ЕКАТЕРИНЫ КОМИССИИ О СОСТАВЛЕНИИ НОВОГО УЛОЖЕНИЯ. 1767 г.[1]

1. Закон Христианский научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно.

2. Полагая сие законом веры предписанное правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться в сердцах целого народа, не можем иного кроме сего сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет, видеть все отечество свое на самой вышней степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия.

3. А всякого согражданина особо видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его ото всех сему правилу противных предприятий.

4. Но дабы ныне приступите ко скорейшему исполнению такого, как надеемся, всеобщего желания, то, основываясь на выше писанном первом правиле, надлежит войти в естественное положение сего государства.

[1] Цит. по: *Екатерина II*, имп. О величии России. — М., 2003. — С. 72—156.

5. Ибо законы, весьма сходственные с естеством, суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены. В первых трех следующих главах описано сие естественное положение.

Глава I

6. Россия есть Европейская держава.

7. Доказательство сему следующее. Перемены, которые в России предпринял ПЕТР Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали со климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. ПЕТР Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобности, каких он и сам не ожидал.

Глава II

8. Российского государства владения простираются на 32 степени широты и на 165 степеней долготы по земному шару.

9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства.

10. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностию мест причиняемое.

11. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим.

13. Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра.

14. И так правление, к сему концу достигающее лучше прочих и при том естественную вольность меньше других ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствует с намерениями, в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на который в учреждении гражданских обществ взирают неотступно.

15. Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя.

16. Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел и столько споспешествовать благополучию подданных, как и самая вольность.

Глава III

17. О безопасности постановлений государственных.

18. Власти средние, подчиненные, и зависящие от верховной, составляют существо правления.

19. Сказано МНОЮ: власти средние, подчиненные, и зависящие от верховной: в самой вещи Государь есть источник всякие государственные и гражданские власти.

20. Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, сиречь правительства, чрез которые изливается власть Государева.

21. Законы, сим правительствам дозволяющие представлять, что такой-то указ противен Уложению, что он вреден, темен, что нельзя по оному исполнить; и определяющие наперед, каким указам должно повиноваться, и как по оным надлежит чинить исполнение; сии законы — несомненно суть делающие твердым и неподвижным установление всякого государства.

Глава IV

22. Надобно иметь хранилище законов.

23. Сие хранилище инде не может быть нигде, как в государственных правительствах, которые народу извещают вновь сделанные и возобновляют забвению преданные законы.

24. Сии правительства, принимая законы от Государя, рассматривают оные прилежно и имеют право представлять, когда в них сыщут, что они противны Уложению и прочая, как выше сего в главе III в 21 статье сказано.

25. А если в них ничего такого не найдут, вносят оные в число прочих, уже в государстве утвержденных, и всему народу объявляют во известие.

26. В России Сенат есть хранилище законов.

27. Другие правительства долженствуют и могут представлять с тою же силою Сенату и самому Государю, как выше упомянуто.

28. Однако ежели кто спросит, что есть хранилище законов? На сие ответствую: законов хранилище есть особливое наставление, которому последуя вышеозначенные места, учрежденные для того, чтобы попечением их наблюдаема была воля Государева сходственно с законами, во основание положенными и с государственным установлением, обязаны поступать в отправлении своего звания по предписанному там порядка образу.

29. Сии наставления возбранют народу презирать указы Государевы, не опасаяся за то никакого наказания, но купно и охранять его от желания самопроизвольных и от непреклонных прихот;ей.

30. Ибо, с одной стороны, сими наставлениями оправдаются осуждения, на преступающих законы уготованные, а с другой стороны, ими же утверждается быть правильным отрицание то, чтобы вместить противные государственному благочинию законы в числе прочих, уже принятых, или чтоб поступать по оным в отправлении правосудия и общих всего народа дел.

Глава V

31. О состоянии всех в государстве живущих.

32. Великое благополучие для человека быть в таких обстоятельствах, что, когда страсти его вперяют в него мысли быть злым, он, однако, считает себе за полезнее не быть злым.

33. Надлежит, чтоб законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждого особо гражданина.

34. Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам.

35. Сие равенство требует хорошего установления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжание имеющих и обращать себе в собственную пользу чины и звания, порученные им только как правительствующим особам государства.

36. Общественная или государственная вольность не в том состоит, чтоб делать все, что кому угодно.

37. В государстве, то есть в собрании людей, обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно.

38. Надобно в уме себе точно и ясно представить, что есть вольность? Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют; и, если бы где какой гражданин мог делать законами запрещаемое, там бы уже больше вольности не было; ибо и другие имели бы равным образом сию власть.

39. Государственная вольность во гражданине есть спокойство духа происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностию; и, чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов.

Глава VI

40. О законах вообще.

41. Ничего не должно запрещать законами, кроме того, что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу.

42. Все действия, ничего такого в себе не заключающие, нимало не подлежат законам, которые не с иным намерением установлены, как только чтобы сделать самое большее спокойствие и пользу людям, под сими законами живущим.

43. Для нерушимого сохранения законов надлежало бы, чтоб они были так хороши и так наполнены всеми способами к достижению самого большого для людей блага ведущими, чтобы всяк несомненно был уверен, что он ради собственной своей пользы должен сохранить нерушимыми сии законы.

44. И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должно.

45. Многие вещи господствуют над человеком: вера, климат, законы, правила, принятые в основание от правительства, примеры дел прешедших, нравы, обычаи.

46. От сих вещей рождается общее в народе умствование, с оными сообразуемое, например:

47. Природа и климат царствуют почти одни во всех диких народах.

48. Обычаи управляют китайцами.

49. Законы владычествуют мучительски над Японией.

50. Нравы некогда устраивали жизнь лакедемонян.

51. Правила, принятые в основание от властей, и древние нравы обладали Римом.

52. Разные характеры народов составлены из добродетелей и пороков, из хороших и худых качеств.

53. То составление благополучным назвать можно, от которого проистекает много великих благ, о коих часто и догадаться нельзя, чтоб они от той происходили причины.

54. Я здесь привожу во свидетельство сего разные примеры действия различного. Во все времена прославляемо было доброе сердце ишпанцев. История описывает нам их верность во хранении вверенного им залога. Они часто претерпевали смерть для соблюдения оного в тайне. Сия верность, которую они прежде имели, есть у них и теперь. Все народы, торгующие в Кадиксе, поверяют стяжания свои ишпанцам и никогда еще в том не раскаивались. Но сие удивительное качество, совокупленное с их леностью, делает такую смесь или состав, от которого происходят действия, для них вредные. Европейские народы отправляют пред глазами их всю торговлю, принадлежащую собственно их Монархии.

55. Характер китайцев другого состава, который совсем противен ишпанскому характеру. Жизнь их ненадежная причиною [по свойству климата и земли], что они имеют проворство, почти непонятное, и желание прибытка столь безмерное, что ни один торгующий народ себя им не может вверить. Сия изведанная неверность сохранила им торг японский. Ни один европейский купец не осмелился в сей торг вступить под их именем, хотя бы и очень легко можно сие сделать чрез приморские их области.

56. Предложенное МНОЮ здесь не для того сказано, чтобы хотя на малую черту сократить бесконечное расстояние, находящееся между пороками и добродетелями. Боже сохрани! Мое намерение было только показать, что не все политические пороки суть пороки моральные и что не все пороки моральные суть политические пороки. Сие непременно должно знать, дабы воздержаться от узаконений, с общим народа умствованием не уместных.

57. Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности.

58. Для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить. Но чтоб сие не служило отговоркою, что нельзя становить и самого полезнейшего дела; ибо если умы к тому еще не приуготовлены, так примите на себя труд приуготовить оные, и тем самым вы уже много сделаете.

59. Законы суть особенные и точные установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа.

60. Итак, когда надобно сделать перемену в народе великую к великому оного добру, надлежит законами то исправлять, что учреждено законами, и то переменять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями.

61. Есть способы, препятствующие вогнездиться преступлениям, на то положены в законах наказания: также есть способы, перемену обычаев вводящие; к сему служат примеры.

62. Сверх того, чем большее сообщение имеют между собою народы, тем удобнее переменяют свои обычаи.

63. Словом сказать: всякое наказание, которое не по необходимости налагается, есть тиранское. Закон не происходит единственно от власти; вещи между добрыми и злыми средние, по своему естеству, не подлежат законам.

Глава VII

64. О законах подробно.

65. Законы, преходящие меру во благом, бывают причиною, что рождается оттуда зло безмерное.

66. В которых законах законоположение доходит до крайности, от тех всех избыть находятся способы. Умеренность управляет людьми, а не выступление из меры.

67. Гражданская вольность тогда торжествует, когда законы на преступников выводят всякое наказание из особливого каждому преступлению свойства. Все, что ни есть произвольное в наложении наказания, не должно происходить от прихоти законоположника, но от самой вещи; и не человек должен делать насилие человеку, но собственное человека действие.

68. Преступления разделяются на четыре рода.

69. Первого рода — преступления против закона или веры.

70. Второго — против нравов.

71. Третьего — против тишины и спокойствия.

72. Четвертого — против безопасности граждан устремляются.

73. Наказания, чинимые за оные, должны быть производимы из особливого каждому преступлений роду свойства.

74. (1.) Между преступлениями, касающимися до закона или веры, Я не полагаю никаких других, кроме стремящихся прямо против закона, каковы суть прямые и явные святотатства. Ибо преступления, которые смущают упражнение в законе, носят на себе свойство преступлений, нарушающих спокойствие или безопасность граждан, в число которых оные и относить должно. Чтобы наказание за вышеописанные святотатства производимо было из свойства самой вещи, то должно оное состоять в лишении всех выгод, законом нам даруемых, как-то: изгнание из храмов, исключение из собрания верных на время или навсегда, удаление от их присутствия.

75. В обыкновении же есть употребление и гражданских наказаний.

76. (2.) Во втором роде преступлений заключаются те, которые развращают нравы.

77. Такие суть нарушение чистоты нравов — или общей всем, или особенной каждому; то есть всякие поступки против учреждений показующих, каким образом должно всякому пользоваться внешними выгодами, естеством человеку данными для нужды, пользы и удовольствия его. Наказания сих преступлений должно также производить из свойства вещи. Лишение выгод, от всего общества присоединенных к чистоте нравов, денежное наказание, стыд или бесславие, принуждение скрываться от людей, бесчестие всенародное, изгнание из города и из общества,— словом, все наказания, зависящие от судопроизводства исправительного, довольны укротить дерзость обоего пола. И воистину сии вещи не столько основаны на злом сердце, как на забвении и презрении самого себя. Сюда принадлежат преступления, касающиеся только до повреждения [С. 79] нравов; а не и те, которые вместе нарушают безопасность народную, каково есть похищение и насилование; ибо сии уже вмещаются между преступлениями четвертого рода.

78. (3.) Преступления третьего рода суть нарушающие спокойство и тишину граждан. Наказания за оные должны производимы быть из свойства вещи и относимы к сему спокойству, как-то лишение оного, ссылка, исправления и другие наказания, которые беспокойных людей возвращают на путь правый и приводят паки в порядок установленный. Преступления против спокойства полагаю Я в тех только вещах, которые простое нарушение гражданских учреждений в себе содержат.

79. Ибо нарушающие спокойство и устремляющиеся вместе против безопасности граждан относятся к четвертому роду преступлений.

(4.) Наказания сих последних преступлений называются особливым именем казни. Казнь не что иное есть, как некоторый род обратного воздаяния: посредством коего общество лишает безопасности того гражданина, который оную отнял или хочет отнять у другого. Сие наказание произведено из свойства вещи, основано на разуме и почерпнуто из источников блага и зла.

Гражданин бывает достоин смерти, когда он нарушил безопасность даже до того, что отнял у кого жизнь или предпринял отнять. Смертная казнь есть некоторое лекарство больного общества. Если нарушается безопасность в рассуждении имения, то можно сыскать доказательства, что в сем случае не надлежит казнить смертию; а кажется лучше и с самим естеством сходственнее, чтобы преступления, против безопасности во владении имением устремляющиеся, наказываемы были потерянием имения: и сему бы надлежало непременно так быть, если бы имение было общее или у всех равное. Но как неимущие никакого стяжания стремятся охотнее отнимать оное у других, то надлежало, конечно, вместо денежного, в пополнение употребить телесное наказание. Все МНОЮ здесь сказанное основано на естестве вещей и служит к защищению вольности гражданской.

Глава VIII

80. О наказаниях.

81. Любовь к отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительные и могущие воздержать множество преступлений.

82. Самое большое наказание за злое какое-нибудь дело в правлении умеренном будет то, когда кто в том изобличится. Гражданские законы там гораздо легче исправлять будут пороки, и не будут принуждены употреблять столько усилия.

83. В сих областях не столько потщатся наказывать преступления, как предупреждать оные, илриложить должно более старания к тому, чтобы вселить узаконениями добрые нравы в граждан, нежели привести дух их в уныние казнями.

84. Словом сказать: все, что в законе называется наказание, действительно, не что иное есть, как труд и болезнь.

85. Искусство научает нас, что в тех странах, где кроткие наказания, сердце граждан оными столько же поражается, как в других местах — жестокими.

86. Сделался вред в государстве чувствительный от какого непорядка? Насильное правление хочет внезапно оный исправить и, вместо того чтобы думать и стараться о исполнении древних законов, установляет жестокое наказание, которым зло вдруг прекращается. Воображение в людях действует при сем великом наказании так же, как бы оно действовало и при малом; и как уменьшится в народе страх сего наказания, то нужно уже будет установить во всех случаях другое.

87. Не надобно вести людей путями самыми крайними; надлежит с бережливостью употреблять средства, естеством нам подаваемые для препровождения оных к намереваемому концу.

88. Испытайте со вниманием вину всех послаблений, увидите, что она происходит от ненаказания преступлений, а не от умеренности наказаний. Последуем природе, давшей человеку стыд вместо бича, и пускай самая большая часть наказания будет бесчестие, в претерпении наказания заключающееся.

89. И если где сыщется такая область, в которой бы стыд не был следствием казни, то сему причиною мучительское владение, которое налагало те же наказания на людей беззаконных и добродетельных.

90. А ежели другая найдется страна, где люди инако не воздерживаются от пороков, как только суровыми казнями, опять ведайте, что сие проистекает от насильства правления, которое установило сии казни за малые погрешности.

91. Часто законодавец, хотящий уврачевати зло, не мыслит более ни о чем, как о сем уврачевании; очи его взирают на сей только предлог и не смотрят на худые оттуда следствия. Когда зло единожды уврачевано, тогда мы не видим более ничего, кроме суровости законодавца; но порок в

общенародии остается, от жестокости сея произрастший; умы народа испортились, они приобыкли к насильству.

92. В повестях пишут о воспитании детском у японцев, что с детьми надлежит поступать со кротостию для того, что от наказания в сердце их вселяется ожесточение: так же, что и с рабами не должно обходиться весьма сурово, ибо они тотчас к обороне приступают. Примечая душу, долженствующую обитать и царствовать в домашнем правлении, не могли ли они рассуждениями дойти и до той, которую надлежало влить также и в правление государственное и гражданское?

93. Можно и тут сыскать способы возвратить заблудшие умы на путь правый: правилами закона Божия, любомудрия и нравоучения, выбранными и соображенными с сими умоначертаниями; уравненным смешением наказаний и награждений; беспогрешным употреблением пристойных правил честности, наказанием, состоящим в стыде, непрерывным продолжением благополучия и сладкого спокойствия. А если бы была опасность, что умы, приобыкшие ничем не укрощаться иным, кроме свирепого наказания, не могут быть усмирены наказанием кротким; тут бы надлежало поступать (внимайте прилежно сие, как правило, опытами засвидетельствованное в тех случаях, где умы испорчены употреблением весьма жестоких наказаний) образом скрытным и нечувствительным; и в случаях особливых излияния милости неотчужденных налагать за преступления казнь умеренную до тех пор, покамест бы можно достигнуть того, чтоб и во всех случаях оную умерить.

94. Весьма худо наказывать разбойника, который грабит на больших дорогах, равным образом как и того, который не только грабит, но и до смерти убивает. Всяк явно видит, что для безопасности общенародной надлежало бы положить какое различие в их наказании.

95. Есть государства, где разбойники смертного убийства не делают для того, что воры, грабительствующие только, могут надеяться, что их

пошлют в дальние поселения; а смертноубийцы сего ожидать не могут ни под каким видом.

96. Хорошие законы самой точной средины держатся: они не всегда денежное налагают наказание и не всегда также подвергают и наказанию телесному законопреступников.

Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить.

Глава IX

97. О производстве суда вообще.

98. Власть судейская состоит в одном исполнении законов, и то для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан.

99. Для сего ПЕТР Великий премудро учредил Сенат, коллегии и нижние правительства, которые должны давать суд именем Государя и по законам: для сего и перенос дел к самому Государю учинен столь трудным — закон, который не должен быть никогда нарушен.

100. И так надлежит быть правительствами.

101. Сии правительства чинят решения или приговоры: оны;е должно хранить и знать должно оные для того, чтобы в правительствах так судили сего дни, как и вчера судили, и что;бы собственное имение и жизнь каждого гражданина были чрез оные надежно утверждены и укреплены так, как и самое установление государства.

102. В самодержавном государстве отправление правосудия, от приговоров которого не только жизнь и имение, но и честь зависит, многотрудных требует испытаний.

103. Судия должен входить в тонкости и в подробности тем больше, чем больший у него хранится залог и чем важнее вещь, о которой он чинит решение. И так не должно удивляться, что в законах сих держав находится

столько правил, ограничений, распространений, от которых умножаются особливые случаи, и кажется, что оное все составляет науку самого разума.

104. Различие чинов, поколения,, состояния людей, установленное в единоначальном правлении, влечет за собою часто многие разделения в существе имения; а законы, относимые к установлению сея державы, могут умножить еще число сих разделений.

105. Посему имение есть собственное, приобретенное, приданое, отцовское, материнское, домашний скарб и проч., и проч.

106. Всякий род имения подвержен особливым правилам; оным надобно последовать, чтоб учинить в том распоряжение: чрез сие раздробляется еще больше на части единство вещи.

107. Чем больше суды в правительствах умножаются в правлении единоначальном, тем больше обременяется законоучение приговорами, которые иногда друг другу противоречат, или для того, что судьи одни, попеременно следующие за другими, разно думают; или что те же дела иногда хорошо, иногда худо бывают защищаемы; или, наконец, по причине бесчисленного множества злоупотреблений, вкрадывающихся помалу во все то, что идет чрез руки человеческие.

108. Сие зло неминуемо, которое законодавец исправляет от времени до времени, как противное естеству и самого умеренного правления.

109. Ибо когда кто принужден прибегнуть ко правительствам, надлежит, чтобы то происходило от естества государственного установления, а не от противоречия и неизвестности законов.

110. В правлении, где есть разделение между особами, там есть также и преимущества особам, законами утвержденные. Преимущество особенное, законами утверждаемое, которое меньше всех прочих отягощает общество, есть сие: судиться пред одним правительством предпо-[С. 84]чтительнее, нежели пред другим. Вот новые затруднения. То есть: чтоб узнать, пред которым правительством судиться должно.

111. Слышно часто, что в Европе говорят: надлежало бы, чтобы правосудие было отправляемо так, как в Турецкой земле. Посему нет никакого во всей Подсолнечной народа, кроме в глубочайшем невежестве погруженного, который бы столь ясное понятие имел о вещи такой, которую знать людям нужнее всего на свете.

112. Испытывая прилежно судебные обряды, без сомнения, вы сыщете в них много трудностей, представив себе те, какие имеет гражданин, когда ищет судом, чтоб отдали ему имение его или чтобы сделали ему удовольствие во причиненной обиде; но, сообразив оные с вольностию и безопасностию граждан, часто приметите, что их очень мало; и увидите, что труды, проести и волокиты, также и самые в судах опасности,— не что иное суть, как дань, которую каждый гражданин платит за свою вольность.

113. В Турецких странах, где очень мало смотрят на стяжания, на жизнь и на честь подданных, оканчивают скоро все распри таким или иным образом. Способов, как оные кончить, у них не разбирают, лишь бы только распри были кончены. Паша, внезапно ставши просвещенным, велит по своему мечтанию палками по пятам бить имеющих тяжбу и отпускает их домой.

114. А в государствах, умеренность наблюдающих, где и самого меньшего гражданина жизнь, имение и честь во уважение принимается, не отъемлют ни у кого чести, ниже имения прежде, нежели учинено будет долгое и строгое изыскание истины; не лишают никого жизни, разве когда само отечество против оные восстанет; но и отечество ни на чью жизнь не восстает инако, как дозволив ему прежде все возможные способы защищать оную.

115. Судебные обряды умножаются по тому, в каком где уважении честь, имение, жизнь и вольность граждан содержится.

116. Ответчика должно слушать не только для узнания дела, в котором его обвиняют, но и для того еще, чтоб он себя защищал. Он должен или сам себя защищать, или выбрать кого для своего защищения.

117. Есть люди, которые думают, что молодший член во всяком месте по должности своей мог бы защищать ответчика: как, например, прапорщик в роте. Из сего последовала бы еще другая польза, в том состоящая, что судии чрез то во своем звании сделалися бы гораздо искуснее.

118. Защищати — значит здесь не что иное, как представлять суду в пользу ответчика все то, чем его оправдать можно.

119. Законы, осуждающие человека по выслушании одного свидетеля, суть пагубны вольности. Есть закон, во время наследников Константина I изданный, по которому свидетельство человека, в знатном каком чине находящегося, приемлется за достаточное вины доказательство, и других по тому делу свидетелей больше уже слушать не повелевается оным законом. Волею сего законодавца расправу чинили очень скоро и очень странно: о делах судили по лицам, а о лицах — по чинам.

120. По здравому рассуждению, требуются два свидетеля; ибо свидетель один, утверждающий дело, и ответчик, отрицающийся от того, составляют две равные части; ради того должно быть еще третьей — для опровержения ответчика, если не будет кроме того других неоспоримых доказательств, или общая ссылка на одного.

121. Послушествование двух свидетелей почитается довольным к наказанию всех преступлений. Закон им верит так, буд;то бы они говорили устами самые истины. Следующая глава о сем яснее покажет.

122. Таким же образом судят почти во всех государствах, что всякий младенец, зачавшийся во время супружества, есть законнорожденный: закон в сем имеет доверенность к матери. О сем здесь упоминается по причине неясности законов на сей случай.

123. Употребление пытки противно здравому естественному рассуждению: само человечество вопиет против оной и требует, чтоб она была вовсе уничтожена. Мы видим теперь народ, гражданскими учреждениями весьма прославившийся, который оную отметает, не чувствуя оттуда никакого худого следствия: чего ради она не нужна по своему естеству. МЫ ниже сего пространнее о сем изъяснимся.

124. Есть законы, кои не дозволяют пытати, кроме только в тех случаях, когда ответчик не хочет признать себя ни виноватым, ниже невинным.

125. Делать присягу чрез частое употребление весьма общею — не что иное есть, как разрушать силу ее. Крестного целования не можно ни в каких других случаях употреблять, как только в тех, в которых клянущийся никакой собственной пользы не имеет, как-то судия и свидетели.

126. Надлежит, чтоб судимые в великих чинах с согласия законов избирали себе судей или по крайней мере могли бы отрешить из них толикое число, чтоб оставшиеся казались быть в суде по выбору судимых преступников.

127. Также бы надлежало нескольким из судей быть чина по гражданству такого же, какого и ответчик, то есть: ему равным, чтоб он не мог подумать, будто бы он попался в руки таких людей, которые в его деле насильство во вред ему употребить могут. Сему уже примеры есть в законах военных.

128. Когда ответчик осуждается, то не судии налагают на него наказание, но закон.

129. Приговоры должны быть, сколь возможно, ясны и тверды, даже до того, чтоб они самые точные слова закона в себе содержали. Если ж они будут заключать в себе особенное мнение судии, то люди будут жить в обществе, не зная точно взаимных в той державе друг ко другу обязательств.

130. Следуют разные образы, коими делаются приговоры. В некоторых землях запирают судей и не дают им ни пить, ни есть до тех пор, покамест единогласно не будет окончен приговор.

131. Есть царства единоначальные, где судьи поступают наподобие производящих суд третейский. Они рассуждают вместе; сообщают друг другу свои мысли; соглашаются между собою; умеряют мнение свое, чтобы сделать оное, сходственным со мнением другого, и ищут соглашать голоса.

132. Римляне не приговаривали по иску, кроме означенного точно — без прибавки и убавки и без всякого умерения оного.

133. Однако преторы или градоначальники выдумали другие образцы истцева права, которое называлось право доброй совести. В оном чинимы были определения или приговоры по рассмотрению судейскому и по совестному их разбору.

134. За приклепный иск истец лишается иска. Надлежит и на ответчика налагать пеню, если не признал точно, чем он должен, дабы сим сохранить с обеих сторон добрую совесть.

135. Если властям, долженствующим исполнять по законам, дозволить право задержать гражданина, могущего дать по себе поруки, то там уже нет никакой вольности; разве когда его отдадут под стражу для того, чтоб немедленно отвечал в доносе на него такой вины, которая по законам смертной подлежит казни. В сем случае он действительно волен; ибо ничему иному не подвергается, как власти закона.

136. Но ежели законодательная власть мнит себя быти в опасности по некоему тайному заговору противу государства или Государя, или по какому сношению с зарубежными недругами, то она может на уреченное время дозволить власти, по законам исполняющей, под стражу брать подозрительных граждан, которые не для иного чего теряют свою свободу на время, как только чтоб сохранить оную невредиму навсегда.

137. Но всего лучше означить точно в законах важные случаи, в которых по гражданине порук принять нельзя; ибо людей, кои порук по себе сыскать не могут, законы во всех землях лишают свободы, покамест общая или частная безопасность того требует. В главе X о сем подробнее написано.

138. Хотя все преступления суть народные, однако, касающиеся больше до граждан, между собою должно различать от принадлежащих более к государству в рассуждении союза, между гражданином и государством хранимого. Первые называются особенными или частными, вторые суть преступления народные или общественные.

139. В некоторых государствах король, будучи возведен на престол для того, чтобы законы во всех державы его странах были исполняемы, по установлению закона государственного во всяком правительстве, сажает чиновного человека ради гонения преступлений именем самого короля: отчего звание доносителей в тех землях неизвестно; а ежели когда на сего народного мстителя подозревают, что он употребляет во зло должность, ему порученную, тогда принудят его объявить имя своего доносчика. Сей чин, в обществе установленный, бдит о благосостоянии граждан; тот производит дело, а они спокойны. У нас ПЕТР Великий предписал прокурорам изыскивать и производить все безгласные дела: если бы к сему прибавить еще чин или особу, вышеописанною должностью обязанную, то б и у нас менее известны были доносчики.

140. Достойный хулы сей закон Римский, который дозволял судьям брать малые подарки, лишь бы они во весь год не больше как до ста ефимков простиралися. Те, которым ничего не дают, не желают ничего; а которым дают мало, те желают тотчас немного поболее, и потом много. Сверх сего гораздо легче доказать тому, который, будучи должен не брать ничего, возьмет ничто, нежели тому, который возьмет больше, когда ему меньше взять надлежало, и который всегда сыщет на сие виды, извинения, причины и представления, удобно защитить его могущие.

141. Между римскими законами есть, который запрещает описывать имение на Государя, кроме в случае оскорбления Величества, и то в самом высшем степени сего преступления. Нередко сходствовало бы со благоразумием следовать силе сего Закона и определить, чтобы в некоторых только преступлениях описывано было имение на Государя, также не надлежало бы описывать на Государя других, кроме приобретенных, имений.

Глава X

142. Об обряде криминального суда.

143. МЫ здесь не намерены вступать в пространное исследование преступлений и в подробное разделение каждого из них на разные роды, и какое наказание со всяким из сих сопряжено; МЫ их выше сего разделили на четыре рода: в противном случае множество и различие сих предметов, также разные обстоятельства времени и места, ввели бы НАС в подробности бесконечные. Довольно будет здесь показать: 1) начальные правила самые общие и 2) погрешности самые вреднейшие.

144. Вопрос I. Откуда имеют начало свое наказания и на каком основании утверждается право наказывать людей?

145. Законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются в обществе и без которых бы общество разрушилось.

146. Но не довольно было установить сии способы, кои сделались залогом, надлежало и предохранить оный; наказания установлены на нарушителей.

147. Всякое наказание несправедливо, как скоро оно ненадобное для сохранения в целости сего залога.

148. Первое следствие из сих начальных правил есть сие, что не принадлежит никому, кроме одних законов, определять наказание преступлениям; и что право давать законы о наказаниях имеет только один законодатель, как представляющий в своей особе все общество соединенное

и содержащий всю власть в своих руках. Отсюда еще следует, что судьи и правительства, будучи сами частию только общества, не могут по справедливости, ниже под видом общего блага на другого какого-нибудь члена общества, наложить наказания, законами точно не определенного.

149. Другое следствие есть, что Самодержец, представляющий и имеющий в своих руках всю власть, обороняющую все общество, может один издать общий о наказании закон, которому все члены общества подвержены; однако он должен воздержаться, как выше сего в 99 отделении сказано, чтоб самому не судить. Почему и надлежит ему иметь других особ, которые бы судили по законам.

150. Третье следствие: когда бы жестокость наказания не была уже опровергнута добродетелями, человечество милующими; то бы к отриновению оные довольно было и сего, что она бесполезна; и сие служит к показанию, что она несправедлива.

151. Четвертое следствие: судьи, судящие о преступлениях потому только, что они не законодавцы, не могут иметь права толковать законы о наказаниях. Так кто же будет законный оных толкователь?

Ответствую на сие: Самодержец, а не судья; ибо должность судии в том едином состоит, чтоб исследовать, такой-то человек сделал ли или не сделал действия противного закону?

152. Судья, судящий о каком бы то ни было преступлении, должен один только силлогизм или сорассуждение сделать, в котором первое предложение, или посылка первая, есть общий закон; второе предложение, или посылка вторая, изъявляет действие, о котором дело идет, сходно ли оное с законами или противное им; заключение содержит оправдание или наказание обвиняемого. Ежели судья сам собою или убежденный темностию законов делает больше одного силлогизма в деле криминальном, тогда уже все будет неизвестно и темно.

153. Нет ничего опаснее, как общее сие изречение: надлежит в рассуждение брать смысл или разум закона, а не слова. Сие не что иное значит, как сломить преграду, противящуюся стремительному людских мнений течению. Сие есть самая непреоборимая истина, хотя оно и кажется странно уму людей, сильно поражаемых малым каким настоящим непорядком, нежели следствиями, далече еще отстоящими, но чрезмерно больше пагубными, которые влечет за собою одно ложное правило, каким народом принятое. Всякий человек имеет свой собственный, ото всех отличный способ смотреть на вещи, его мыслям представляющиеся. Мы бы увидели судьбу гражданина, пременяемую переносом дела его из одного правительства во другое, и жизнь его и вольность, наудачу зависящую от ложного какого рассуждения или от дурного расположения его судии. Мы бы увидели те же преступления, наказуемые различно в разные времена тем же правительством, если захотят слушаться не гласа непременяемого законов неподвижных; но обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований.

154. Не можно сравнить с сими непорядками тех погрешностей, которые могут произойти от строгого и точных слов придержащегося изъяснения законов о наказаниях. Сии скоро преходящие погрешности обязуют законодавца сделать иногда во словах закона, двоякому смыслу подверженных, легкие и нужные поправки; но, по крайней мере, тогда еще есть узда, воспрящающая своевольство толковать и мудрствовать, могущее учиниться пагубным всякому гражданину.

155. Если законы не точно и твердо определены, и не от слова в слово разумеются; если не та единственная должность судии, чтоб разобрать и положить, которое действие противно предписанным законам или сходно с оными; если правило справедливости.и несправедливости, долженствующее управлять равно действия невежи, как и учением просвещенного человека, не

будет для судий простой вопрос о учиненном поступке, то состояние гражданина странным приключениям будет подвержено.

156. Иные законы о наказаниях, всегда от слова в слово разумеемые, всяк может верно выложить и знать точно непристойности худого действия, что весьма полезно для отвращения людей от оного; и люди наслаждаются безопасностию как до их особы, так и до имения, им принадлежащего, чему так и быть надобно для того, что сие есть намерение и предмет, без которого общество рушилося бы.

157. Ежели право толковать законы есть зло, то также есть зло и неясность оных, налагающая нужду толкования. Сие неустройство тем больше еще, когда они написаны языком, народу неизвестным, или выражениями незнаемыми.

158. Законы должны быть писаны простым языком; и уложение, все законы в себе содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цену достать можно было наподобие букваря; в противном случае, когда гражданин не может сам собою узнать следствие сопряженных с собственными своими делами и касающихся до его особы и вольности, то будет он зависеть от некоторого числа людей, взявших к себе в хранение законы и толкующих оные. Преступления не столь часты будут, чем большее число людей уложение читать и разуметь станут. И для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, кои законодательство содержат.

159. Вопрос II. Какие лучшие средства употреблять, когда должно взять под стражу гражданина, также открыть и изобличить преступление?

160. Тот погрешит против безопасности личной каждого гражданина, кто правительству, долженствующему исполнять по законам и имеющему власть сажать в тюрьму гражданина, дозволит отымать у одного свободу под

видом каким маловажным, а другого оставлять свободным, несмотря на знаки преступления самые ясные.

161. Брать под стражу есть наказание, которое ото всех других наказаний тем разнится, что оно по необходимости предшествует судебному объявлению преступления.

162. Однако ж наказание сие не может быть наложено, кроме в таком случае, когда вероятно, что гражданин в преступление впал.

163. Сего ради закон должен точно определить те знаки преступления, по которым можно взять под стражу обвиняемого и которые подвергали бы его сему наказанию и словесным допросам, кои также суть некоторый род наказания. Например:

164. Глас народа, который его винит, побег его, признание, учиненное им вне суда; свидетельство сообщника, бывшего с ним в том преступлении, угрозы и известная вражда между обвиняемым и обиженным, самое действие преступления и другие подобные знаки довольную могут подать причину, чтобы взять гражданина под стражу.

165. Но сии доказательства должны быть определены законом, а не судьями, которых приговоры всегда противоборствуют гражданской вольности, если они не выведены, на какой бы то ни было случай, из общего правила, в уложении находящегося.

166. Когда тюрьма не столько будет страшна, сиречь, когда жалость и человеколюбие войдут и в самые темницы и проникнут с сердца судебных служителей; тогда законы могут довольствоваться знаками, чтоб определить взять кого под стражу.

167. Есть различие между содержанием под стражею и заключением в тюрьму.

168. Взять человека под стражу — не что иное есть, как хранить опасно особу гражданина обвиняемого, доколе учинится известно, виноват ли он или невиновен. И так содержание под стражею должно длиться сколь

возможно меньше, и быть столь снисходительно, сколь можно. Время оному надлежит определить по времени, которое требуется к приготовлению дела к слушанию судьями. Строгость содержания под стражею не может быть иная никакая, как та, которая нужна для пресечения обвиняемому побега или для открытия доказательств во преступлении. Решить дело надлежит так скоро, как возможно.

169. Человек, бывший под стражею и потом оправдавшийся, не должен чрез то подлежать никакому бесчестию. У римлян сколько видим мы граждан, на которых доносили пред судом преступления самые тяжкие, после признания их невинности почтенных по том и возведенных на чиноначальства очень важные.

170. Тюремное заключение есть следствием решительного судей определения и служит вместо наказания.

171. Не должно сажать в одно место: 1) вероятно обвиняемого в преступлении; 2) обвиненного во оном и 3) осужденного. Обвиняемый держится только под стражею, а другие два — в тюрьме; но тюрьма сия одному из них будет только часть наказания, а другому самое наказание.

172. Быть под стражею не должно признавать за наказание, но за средство хранить опасно особу обвиняемого, которое хранение обнадеживает его вместе и о свободе, когда он невиновен.

173. Быть под стражею военною никому из военных не причиняет бесчестия; таким же образом и между гражданами почитаться должно быть под стражею гражданскою.

174. Хранение под стражею переменяется в тюремное заключение, когда обвиняемый сыщется виноватым, и так надлежит быть разным местам для всех трех.

175. Вот предложение общее для выкладки, по которой об истине содеянного беззакония увериться можно примерно. Когда доказательства о каком действии зависят одни от других, то есть, когда знаков преступления

ни доказать, ни утвердить истины их инако не можно, как одних чрез другие; когда истина многих доказательств зависит от истины одного только доказательства, в то время число доказательств ни умножает, ни умаляет вероятности действия, потому что тогда сила всех доказательств заключается в силе того только доказательства, от которого другие все зависят; и если сие одно доказательство будет опровержено, то и все прочие вдруг с оным опровергаются. А ежели доказательства не зависят одно от другого и всякого доказательства истина особенно утверждается, то вероятность действия умножается по числу знаков для того, что несправедливость одного доказательства не влечет за собою несправедливости и другого. Может быть, кому слыша сие покажется странно, что Я слово «вероятность» употребляю, говоря о преступлениях, которые должны быть несомненно известны, чтоб за оные кого наказать можно было. Однако ж при сем надлежит примечать, что моральная известность есть вероятность, которая называется известностию для того, что всякий благоразумный человек принужден оную за таковую признать.

176. Можно доказательства преступлений разделить на два рода: совершенные и несовершенные. Я называю совершенными те, которые исключают уже все возможности к показанию невинности обвиняемого; а несовершенными — те, которые сей возможности не исключают. Одно совершенное доказательство довольно утвердить, что осуждение, чинимое преступнику, есть правильное.

177. Что ж касается до несовершенных доказательств, то надлежит быть их числу весьма великому для составления совершенного доказательства: сиречь надобно, чтоб соединение всех таких доказательств исключало возможность к показанию невинности обвиняемого, хотя каждое порознь доказательство оные и не исключает. Прибавим к сему и то, что несовершенные доказательства, на которые обвиняемый не ответствует ничего, что бы довольно было к его оправданно, хотя невинность его и

должна бы ему подать средства к ответу, становятся в таком случае уже совершенными.

178. Где законы ясны и точны, там долг судьи не состоит ни в чем ином, как вывесть наружу действие.

179. В изыскании доказательств преступления надлежит иметь проворство и способность; чтоб вывесть из сих изысканий окончательное положение, надобно иметь точность и ясность мыслей; но, чтобы судить по окончательному сему положению, не требуется больше ничего, как простое здравое рассуждение, которое вернейшим будет предводителем, нежели все знание судьи, приобыкшего находить везде виноватых.

180. Ради того сей закон весьма полезен для общества, где он установлен, который предписывает всякого человека судить чрез равных ему, ибо когда дело идет о жребии гражданина, то должно наложить молчание всем умствованиям, вперяемым в нас от различия чинов и богатства или счастия; им не надобно иметь места между судьями и обвиняемым.

181. Но когда преступление касается до оскорбления третьего, тогда половину судей должно взять из равных обвиняемому, а другую половину — из равных обиженному.

182. Тако ж и то еще справедливо, чтобы обвиняемый мог отрешить некоторое число из своих судей, на которых он имеет подозрение. Где обвиняемый пользуется сим правом, там виноватый казаться будет, что он сам себя осуждает.

183. Приговоры судей должны быть народу ведомы, так как и доказательства преступлений, чтобы всяк из граждан мог сказать, что он живет под защитою законов; мысль, которая подает гражданам ободрение и которая больше всех угодна и выгодна Самодержавному правителю, на истинную свою пользу прямо взирающему.

184. Вещь очень важная во всех законах есть: точно определить начальные правила, от которых зависит имоверность свидетелей и сила доказательств всякого преступления.

185. Всякий здравого рассудка человек, то есть которого мысли имеют некоторую связь одни с другими и которого чувствования сходствуют с чувствованиями ему подобных, может быть свидетелем. Но вере, которую к нему иметь должно, мерою будет причина, для коей он захочет правду сказать или не сказать. Во всяком случае свидетелям верить должно, когда они причины не имеют лжесвидетельствовать.

186. Есть люди, которые почитают между злоупотреблениями слов вкравшимися и сильно уже вкоренившимися в житейских делах, достойным примечания то мнение, которое привело законодавцев уничтожить свидетельство человека виноватого приговором уже осужденного. [С. 96] Такой человек почитается граждански мертвым, говорят законоучители; а мертвый никакого уже действия произвести не может. Если только свидетельство виноватого осужденного не препятствует судебному течению дела, то для чего не дозволить и после осуждения, в пользу истины и ужасной судьбины несчастного, еще мало времени, чтоб он мог или сам себя оправдать, или и других обвиненных, ежели только может представить новые доказательства, могущие переменить существо действия.

187. Обряды нужны в отправлении правосудия, но они не должны быть никогда так законами определены, чтоб когда-нибудь могли служить к пагубе невинности; в противном случае они принесут с собою великие бесполезности.

188. Чего для можно принять во свидетели всякую особу, никакой причины не имеющую к ложному послушествованию. По сему вера, которую к свидетелю иметь должно, будет больше или меньше во сравнении ненависти или дружбы свидетелевой к обвиняемому, так же и других союзов или разрывов, находящихся между ними.

189. Одного свидетеля не довольно для того, что когда обвиняемый отрицается от того, что утверждает один свидетель, то нет тут ничего известного, и право, всякому принадлежащее, верить ему, что он прав, в таком случае перевешивает на сторону обвиняемого.

190. Имоверность свидетеля тем меньшей есть силы, чем преступление тяжчее и обстоятельства менее вероятны. Правило сие также употребить можно при обвинениях в волшебстве или в действиях безо всякой причины суровых.

191. Кто упрямится и не хочет ответствовать на вопросы ему от суда предложенные, заслуживает наказание, которое законом определить должно и которому надлежит быть из тяжких между установляемыми, чтоб виноватые не могли тем избежать, дабы их народу не представили в пример, который они собою дать должны. Сие особенное наказание не надобно, когда нет в том сомнения, что обвиняемый учинил точно преступление, которое ему в вину ставят; ибо тогда уже признание не нужно, когда другие неоспоримые доказательства показывают, что он виноват. Сей последний случай есть больше обыкновенный; понеже опыты свидетельствуют, что по большой части в делах криминальных виноватые не признаются в винах своих.

192. Вопрос III. Пытка, не нарушает ли справедливости, и приводит ли она к концу, намереваемому законами?

193. Суровость, утвержденная употреблением весьма многих народов, есть пытка, производимая над обвиняемым во время устроивания судебным порядком дела его, или чтоб вымучить у него собственное его в преступлении признание, или для объяснения противоречий, которыми он в допросе спутался, или для принуждения его объявить своих сообщников, или ради открытия других преступлений, в которых его не обвиняют, в которых, однако ж, он может быть виновен.

194. 1) Человека не можно почитать виноватым прежде приговора судейского, и законы не могут его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будет, что он нарушил оные. Чего ради какое право может кому дать власть налагати наказание на гражданина в то время, когда еще сомнительно, прав ли он или виноват? Не очень трудно заключениями дойти к сему сорассуждению. Преступление или есть известное, или нет. Ежели оно известно, то не должно преступника наказывать инако, как положенным в законе наказанием; итак, пытка не нужна. Если преступление неизвестно, так не должно мучить обвиняемого по той причине, что не надлежит невинного мучить и что по законам тот не винен, чье преступление не доказано. Весьма нужно, без сомнения, чтоб никакое преступление, ставши известным, не осталось без наказания. Обвиняемый, терпящий пытку, не властен над собою в том, чтоб он мог говорить правду. Можно ли больше верить человеку, когда он бредит в горячке, нежели когда он при здравом рассудке и в добром здоровье? Чувствование боли может возрасти до такой степени, что совсем овладев всею душою, не оставить ей больше никакой свободы производить какое-либо ей приличное действие, кроме как в то же самое мгновение ока предпринять самый кратчайший путь, коим бы от той боли избавиться. Тогда и невинный закричит, что он виноват, лишь бы [С. 98] только мучить его перестали. И то же средство, употребленное для различения невинных от виноватых, истребит всю между ними разность, и судьи будут также неизвестны, виноватого ли они имеют пред собою или невинного, как и были прежде начатия сего пристрастного расспроса. Посему пытка есть надежное средство осудить невинного, имеющего слабое сложение, и оправдать беззаконного, на силы и крепость свою уповающего.

195. 2) Пытку еще употребляют над обвиняемым для объяснения, как говорят, противоречий, которыми он спутался в допросе, ему учиненном: будто бы страх казни, неизвестность и забота в рассуждении, так же и самое невежество, невинным и виноватым общее, не могли привести ко

противоречиям и боязливого невинного и преступника, ищущего скрыть свое беззаконие; будто бы противоречия, столь обыкновенные человеку, во спокойном духе пребывающему, не должны умножаться при востревожении души, всей в тех мыслях погруженной, как бы себя спасти от наступающей беды.

196. 3) Производить пытку для открытия, не учинил ли виноватый других преступлений, кроме того, которое ему не доказали, есть надежное средство к тому, чтобы все преступления остались без должного им наказания; ибо судья всегда новые захочет открыть; впрочем, сей поступок будет основан на следующем рассуждении: ты виноват в одном преступлении; так, может быть, ты еще сто других беззаконий сделал. Следуя законам, станут тебя пытать и мучить не только за то, что ты виноват, но и за то, что ты, может быть, еще гораздо больше виновен.

197. 4) Кроме сего пытают обвиняемого, чтоб объявил своих сообщников. Но когда мы уже доказали, что пытка не может быть средством к познанию истины, то как она может способствовать к тому, чтоб узнать сообщников злодеяния; без сомнения показующему на самого себя весьма легко показывать на других. Впрочем, справедливо ли мучить человека за преступление других? Как будто не можно открыть сообщников испытанием свидетелей, на преступника сысканных, исследованием приведенных против него доказательств, и самого действия, случившегося в исполнении преступления, и, наконец, всеми способами, послужившими ко изобличению преступления, обвиняемым содеянного?

198. Вопрос IV. Наказания должно ли уравнять со преступлениями, и как бы можно твердое сделать положение о сем уравнении?

199. Надлежит законом определить время к собранию доказательств и всего нужного к делу в великих преступлениях, чтоб виноватые умышленными во своем деле переменами не отводили вдаль должного им наказания или бы не запутывали своего дела. Когда доказательства все будут

собраны и о подлинности преступления станет известно;, надобно виноватому дать время и способы оправдать себя, если он может. Но времени сему надлежит быть весьма короткому, чтоб не сделать предосуждения потребной для наказания скорости, которая почитается между весьма сильными средствами к удержанию людей от преступлений.

200. Чтобы наказание не казалось насильством одного или многих против гражданина восставших, надлежит, чтоб оно было народное, по-надлежащему скорое, потребное для общества, умеренное сколь можно при данных обстоятельствах, уравненное со преступлением и точно показанное в законах.

201. Хотя законы и не могут наказывать намерения, однако ж нельзя сказать, чтоб действие, которым начинается преступление и которое изъявляет волю, стремящуюся произвести самим делом то преступление, не заслуживало наказания, хотя меньшего, нежели какое установлено на преступление, самою вещию исполненное. Наказание потребно для того, что весьма нужно предупреждать и самые первые покушения ко преступлению; но как между сими покушениями и исполнением беззакония может быть промежутка времени, то не худо оставить большее наказание для исполненного уже преступления, чтоб тем начавшему злодеяние дать некоторое побуждение, могущее его отвратить от исполнения начатого злодеяния.

202. Также надобно положить наказания не столь великие сообщникам в беззаконии, которые не суть беспосредственными оного исполнителями, как самим настоящим исполнителям. Когда многие люди согласятся подвергнуть себя опасности, всем им общей, то чем более опасность, тем больше они стараются сделать оную равною для всех. Законы, наказующие с большею жестокостию исполнителей преступления, нежели простых только сообщников, воспрепятствуют, чтоб опасность могла быть равно на всех разделена, и причинять, что будет труднее сыскать человека, который бы

захотел взять на себя совершить умышленное злодеяние, понеже опасность, которой он себя подвергнет, будет больше в рассуждении наказания, за то ему положенного неравного с прочими сообщниками. Один только есть случай, в котором можно сделать изъятие из общего сего правила, то есть, когда исполнитель беззакония получает от сообщников особенное награждение. Тогда для того, что разнота опасности награждается разностию выгод, надлежит быть наказанию всем им равному. Сии рассуждения покажутся очень тонки; но надлежит думать, что весьма нужно, дабы законы сколь возможно меньше оставляли средств сообщникам злодеяния согласиться между собою.

203. Некоторые правительства освобождают от наказания сообщника великого преступления, донесшего на своих товарищей. Такой способ имеет свои выгоды, также и свои неудобства, когда оный употребляется в случаях особенных. Общий всегдашний закон, обещающий прощение всякому сообщнику, открывающему преступление, должно предпочесть временному особому объявлению в случае каком особенном; ибо такой закон может предупредить соединение злодеев, вперяя в каждого из них страх, чтоб не подвергнуть себя одного опасности; но должно по том и наблюдать свято сие обещание и дать, так говоря, защитительную стражу всякому, кто на сей закон ссылаться станет.

204. Вопрос V. Какая мера великости преступлений?

205. Намерение установленных наказаний не то, чтоб мучити тварь, чувствами одаренную; они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он вперед не мог вредить обществу, и чтоб отвратить сограждан от соделания подобных преступлений. Для сего между наказаниями надлежит употреблять такие, которые, будучи уравнены со преступлениями, впечатлили бы в сердцах людских начертание самое живое и долго пребывающее, и в то же самое время были бы меньше люты над преступниковым телом.

206. Кто не объемлется ужасом, видя в истории столько варварских и бесполезных мучений, выисканных и в действо произведенных без малейшего совести зазора людьми, давшими себе имя премудрых? Кто не чувствует внутри содрогания чувствительного сердца, при зрелище тех тысяч бессчастных людей, которые оные претерпели и претерпевают, многажды обвиненные во преступлениях, сбыться трудных или немогущих, часто соплетенных от незнания, а иногда от суеверия? Кто может, говорю Я, смотреть на растерзание сих людей, с великими приготовлениями отправляемое людьми же, их собратиею? Страны и времена, в которых казни были самые лютейшие в употреблении, суть те, в которых содевалися беззакония самые бесчеловечные.

207. Чтоб наказание произвело желаемое действие, довольно будет и того, когда зло, оным причиняемое, превосходит добро, ожиданное от преступления, прилагая, в выкладке, показывающей превосходство зла над добром, также и известность наказания несомненную и потеряние выгод, преступлением приобретаемых. Всякая строгость, преходящая сии пределы, бесполезна и, следовательно, мучительская.

208. Если где законы были суровы, то они или переменены, или ненаказание злодейств родилось от самой суровости законов. Великость наказаний должна относима быть к настоящему состоянию и к обстоятельствам, в которых какой народ находится. По мере как умы живущих в обществе просвещаются, так умножается и чувствительность каждого особо гражданина; а когда во гражданах возрастает чувствительность, то надобно, чтобы строгость наказаний умалялася.

209. Вопрос VI. Смертная казнь, полезна ль и нужна ли в обществе для сохранения безопасности и доброго порядка?

210. Опыты свидетельствуют, что частое употребление казней никогда людей не сделало лучшими. Чего для если я докажу, что в обыкновенном состоянии общества смерть гражданина ни полезна, ни нужна, то я

преодолею восстающих против человечества. Я здесь говорю: в обыкновенном общества состоянии; ибо смерть гражданина может в одном только случае быть потребна, сиречь, когда он, лишен будучи вольности, имеет еще способ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не может нигде иметь места, кроме когда народ теряет или возвращает свою вольность, или во время безначалия, когда самые беспорядки заступают место законов. А при спокойном царствовании законов и под образом правления, соединенными всего народа желаниями утвержденными, в государстве, противу внешних неприятелей защищенном, и внутри поддерживаемом крепкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнением во гражданах, где вся власть в руках Самодержца,— в таком государстве не может в том быть никакой нужды, чтоб отнимать жизнь у гражданина. Двадцать лет государствования Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ подают отцам народов пример к подражанию изящнейший, нежели самые блистательные завоевания.

211. Не чрезмерная жестокость и разрушение бытия человеческого производят великое действие в сердцах граждан; но непрерывное продолжение наказания.

212. Смерть злодея слабее может воздержать беззакония, нежели долговременный и непрерывно пребывающий пример человека, лишенного своей свободы для того, чтобы наградить работою своею, чрез всю его жизнь продолжающеюся, вред, им сделанный обществу. Ужас, причиняемый воображением смерти, может быть гораздо силен, но забвению в человеке природному оный противостоять не может. Правило общее: впечатления во человеческой душе, стремительные и насильственные, тревожат сердце и поражают, но действия их долго в памяти не остаются. Чтобы наказание было сходно со правосудием, то не должно оному иметь большого степени напряжения, как только, чтоб оно было довольно к отвращению людей от преступления. И так Я смело утверждаю, что нет человека, который бы, хотя

мало подумавши, мог положить в равновесии, с одной стороны, преступление, какие бы оно выгоды ни обещало, а с другой — всецелое и со жизнию кончащееся лишение вольности.

213. Вопрос VII. Какие наказания должно налагать за различные преступления?

214. Кто мутит народное спокойство, кто не повинуется законам, кто нарушает сии способы, которыми люди соединены в общества и взаимно друг друга защищают; тот должен из общества быть исключен, то есть: стать извергом.

215. Надлежит важнейшие иметь причины к изгнанию гражданина, нежели чужестранца.

216. Наказание, объявляющее человека бесчестным, есть знак всенародного о нем худого мнения, которое лишает гражданина почтения и доверенности, обществом ему прежде оказанной, и которое его извергает из братства, хранимого между членами того же государства. Бесчестие, законами налагаемое, должно быть то же самое, которое происходит из всесветного нравоучения; ибо когда действия, называемые нравоучителями средние, объявятся в законах бесчестными, то воспоследует сие неустройство, что действия, долженствующие для пользы общества почитаться бесчестными, перестанут вскоре признаваемы быть за такие.

217. Надлежит весьма беречься, чтоб не наказывать телесными и боль причиняющими наказаниями зараженных пороком притворного некоего вдохновения и ложной святости. Сие преступление, основанное на гордости и кичении, из самой боли получить себе славу и пищу. Чему примеры были в бывшей Тайной канцелярии, что таковые по особливым дням прихаживали единственно для того, чтобы претерпеть наказания.

218. Бесчестие и посмеяние суть одни наказания, кои употреблять должно противу притворно вдохновенных и лжесвятош; ибо сии гордость их притупить могут. Таким образом, противуположив силы силам того же рода,

просвещенными законами рассыплют аки прах удивление, могущее вогнездиться во слабых умах о ложном учении.

219. Бесчестия на многих вдруг налагать не должно.

220. Наказанию надлежит быть готовому, сходственному со преступлением и народу известному.

221. Чем ближе будет отстоять наказание от преступления и в надлежащей учинится скорости, тем оно будет полезнее и справедливее. Справедливее потому, что оно преступника избавит от жестокого и излишнего мучения сердечного о неизвестности своего жребия. Производство дела в суде должно быть окончено в самое меньшее сколь можно время. Сказано Мною, что в надлежащей скорости чинимое наказание полезно; для того, что чем меньше времени пройдет между наказанием и преступлением, тем больше будут почитать преступление причиною наказания, а наказание — действом преступления. Наказание должно быть непреложно и неизбежно.

222. Самое надежнейшее обуздание от преступлений есть не строгость наказания, но когда люди подлинно знают, что преступающий законы непременно будет наказан.

223. Известность и о малом, но неизбежном наказании сильнее впечатляется в сердце, нежели страх жестокой казни, совокупленный с надеждою избыть от оные. Поелику наказания станут кротче и умереннее, милосердие и прощение тем меньше будет нужно; ибо сами законы тогда духом милосердия наполнены.

224. Во всем, сколь ни пространно, государстве не надлежит быть никакому месту, которое бы от законов не зависело.

225. Вообще стараться должно о истреблении преступлений, а наипаче тех, кои более людям вреда наносят. Итак, средства, законами употребляемые для отвращения от того людей, должны быть самые сильнейшие в рассуждении всякого рода преступлений, по мере чем больше

они противны народному благу и по мере сил, могущих злые или слабые души привлечь к исполнению оных. Ради чего надлежит быть уравнению между преступлением и наказаниями.

226. Если два преступления, вредящие не равно обществу, получают равное наказание, то неравное распределение наказаний произведет сие странное противоречие, мало кем примеченное, хотя очень часто случающееся, что законы будут наказывать преступления, ими ж самими произращенные.

227. Когда положится то же наказание тому, кто убьет животину, и тому, кто человека убьет, или кто важное какое письмо подделает, то вскоре люди не станут делать никакого различия между сими преступлениями.

228. Предполагая нужду и выгоды соединения людей в общества, можно преступления, начав от великого до малого, поставить рядом, в котором самое тяжкое преступление то будет, которое клонится к конечной расстройке и к непосредственному потом разрушению общества, а самое легкое — малейшее раздражение, которое может учиниться какому человеку частному. Между сими двумя краями содержаться будут все действия, противные общему благу и называемые беззаконными, поступая нечувствительным почти образом от первого в сем ряду места до самого последнего. Довольно будет, когда в сих рядах означатся постепенно и порядочно в каждом из четырех родов, о коих МЫ в седьмой главе говорили, действия, достойные хулы ко всякому из них принадлежащие.

229. МЫ особое сделали отделение о преступлениях, касающихся прямо и непосредственно до разрушения общества, и клонящихся ко вреду того, кто во оном главою, и которые суть самые важнейшие потому, что они больше всех прочих суть пагубны обществу: они названы преступлениями в оскорблении Величества.

230. По сем первом роде преступлений следуют те, кои стремятся против безопасности людей частных.

231. Не можно без того никак обойтись, чтоб нарушающего сие право не наказать каким важным наказанием. Беззаконные предприятия против жизни и вольности гражданина суть из числа самых великих преступлений; и под сим именем заключаются не только смертоубийства, учиненные людьми из народа, но и того же рода насилия, содеянные особами, какого бы происшествия и достоинства они ни были.

232. Воровства, совокупленные с насильством и без насильства.

233. Обиды личные, противные чести, то есть клонящиеся отнять у гражданина ту справедливую часть почтения, которую он имеет право требовать от других.

234. О поединках небесполезно здесь повторить то, что утверждают многие и что другие написали: что самое лучшее средство предупредить сии преступления есть наказывать наступателя, сиречь того, кто подает случай к поединку, а невиноватым объявить принужденного защищать честь свою, не давши к тому никакой причины.

235. Тайный провоз товаров есть сущее воровство у государства. Сие преступление начало свое взяло из самого закона: ибо чем больше пошлины и чем больше получается прибытка от тайно провозимых товаров, следовательно, тем сильнее бывает искушение, которое еще вяще умножается удобностию оное исполнить, когда окружность заставами стрегомая есть великого пространства и когда товар, запрещенный или обложенный пошлинами, есть мал количеством. Утрата запрещенных товаров и тех, которые с ними вместе везут, есть весьма правосудна. Такое представление заслуживает важные наказания, как то суть тюрьма и лицеимство сходственное с естеством преступления. Тюрьма для тайно провозящего товары не должна быть та же, которая и для смертноубийцы или разбойника, по большим дорогам промышляющего; и самое приличное наказание кажется быть работа виноватого, выложенная и постановленная в ту цену, которою он таможню обмануть хотел.

236. О проторговавшихся или выступающих с долгами из торгов, должно упомянуть. Надобность доброй совести в договорах и безопасность торговли обязует законоположника подать заимодавцам способы ко взысканию уплаты с должников их.

Но должно различить выступающего с долгами из торгов хитреца от честного человека, без умыслов проторговавшегося. С проторговавшимся же без умысла, который может ясно доказать, что неустойка в слове собственных его должников, или приключившаяся им трата, или неизбежное разумом человеческим неблагополучие лишили его стяжаний, ему принадлежащих, с таким не должно по той же строгости поступать. Для каких бы причин вкинуть его в тюрьму? Ради чего лишить его вольности, одного лишь оставшегося ему имущества? Ради чего подвергнуть его наказаниям, преступнику только приличным, и убедить его, чтоб он о своей честности раскаивался? Пускай почтут, если хотят, долг его за неоплатный даже до совершенного удовлетворения заимодавцев; пускай не дадут ему воли удалиться куда-нибудь без согласия на то соучастников; пускай принудят его употребить труды свои и дарования к тому, чтобы прийти в состояние удовлетворить тем, кому он должен: однако ж никогда никаким твердым доводом не можно оправдать того закона, который бы лишил его своей вольности безо всякой пользы для заимодавцев его.

237. Можно, кажется, во всех случаях отличить обман с ненавистными обстоятельствами от тяжкой погрешности и тяжкую погрешность от легкой, и сию от беспримесной невинности; и учредить по сему законом и наказания.

238. Осторожный и благоразумный закон может воспрепятствовать большой части хитрых отступов от торговли и приуготовить способы для избежания случаев, могущих сделаться с человеком честной совести и радетельным. Роспись публичная, сделанная порядочно всем купеческим договорам, и беспрепятственное дозволение всякому гражданину смотреть и справляться с оною, банк, учрежденный складкою, разумно на торгующих

распределенною, из которого бы можно было брать приличные суммы для вспомоществования несчастных, хотя и рачительных торговцев, были бы установления, приносящие с собою многие выгоды и никаких в самой вещи неудобств не причиняющие.

239. Вопрос VIII. Какие средства самые действительные ко предупреждению преступлений?

240. Гораздо лучше предупреждать преступления, нежели наказывать.

241. Предупреждать преступления есть намерение и конец хорошего законоположничества, которое не что иное есть, как искусство приводить людей к самому совершенному благу или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малейшее зло.

242. Когда запретим многие действия, слывущие у нравоучителей средними, то тем не удержим преступлений, могущих от того воспоследовать, но произведем чрез то еще новые.

243. Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтоб законы меньше благодетельствовали разным между гражданами чинам, нежели всякому особо гражданину.

244. Сделайте, чтоб люди боялися законов, и никого бы кроме их не боялися.

245. Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми.

246. Книга добрых законов не что иное есть, как недопущение до вредного своевольства причинять зло себе подобным.

247. Еще можно предупредить преступление награждением добродетели.

248. Наконец, самое надежное, но и самое труднейшее средство сделать людей лучшими есть приведение в совершенство воспитания.

249. В сей главе найдутся повторения о том, что уже выше сказано; но рассматривающий, хотя с малым прилежанием, увидит, что вещь сама того

требовала; и, кроме того, очень можно повторять то, что долженствует быть полезным человеческому роду.

Глава XI

250. Гражданское общество, так как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим — которые повинуются.

251. И сие есть начало всякого рода покорности. Сия бывает больше или меньше облегчительна, смотря на состояние служащих.

252. И так когда закон естественный повелевает нам по силе нашей о благополучии всех людей пещися, то обязаны МЫ состояние и сих подвластных облегчать, сколько здравое рассуждение дозволяет.

253. Следовательно, и избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли редко бывает.

254. Какого бы рода покорство ни было, надлежит, чтоб законы гражданские, с одной стороны, злоупотребление рабства отвращали, а с другой — предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти.

255. Несчастливо то правление, в котором принуждены установлять жестокие законы.

256. ПЕТР ПЕРВЫЙ узаконил в 1722 году, чтобы безумные и подданных своих мучащие были под смотрением опекунов. По первой статье сего указа чинится исполнение, а последняя для чего без действа осталася, не известно.

257. В Лакедемоне рабы не могли требовать в суде никакого удовольствия; и несчастие их умножалося тем, что они не одного только гражданина, но при том и всего общества были рабы.

258. У римлян в увечьи, сделанном рабу, не смотрели более ни на что, как только на убыток, причиненный чрез то господину. За одно почитали рану, животине нанесенную и рабу, и не принимали более ничего в рассуждение, как только сбавку цены; и то обращалося в пользу хозяину, а не обиженному.

259. У афинян строго наказывали того, кто с рабом поступал свирепо.

260. Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных.

261. Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества.

262. Окончим все сие, повторяя правило то, что правление, весьма сходственное с естеством, есть то, которого частное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого оно учреждается.

263. Причем, однако, весьма же нужно, чтобы предупреждены были те причины, кои столь часто привели в непослушание рабов против господ своих; не узнав же сих причин,, законами упредить подобных случаев нельзя, хотя спокойство одних и других от того зависит.

Глава XII

264. О размножении народа в государстве.

265. Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает еще чрезмерным пространством земель, которые ни населены, ниже обработаны. Итак, не можно сыскать довольно ободрений к размножению народа в государстве.

266. Мужики большою частию имеют по двенадцати, пятнадцати и до двадцати детей из одного супружества; однако редко и четвертая часть оных приходит в совершенный возраст. Чего для непременно должен тут быть какой-нибудь порок или в пище, или во образе их жизни, или в воспитании, который причиняет гибель сей надежде государства. Какое цветущее

состояние было бы сея державы, если бы могли благоразумными учреждениями отвратить или предупредить сию пагубу!

267. Прибавьте к сему и то, что двести лет прошло, как незнаемая предкам болезнь перешла к северу из Америки и устремилася на пагубу природы человеческой. Сия болезнь распространяет печальные и погибельные следствия во многих провинциях. Надлежит попечение иметь о здравии граждан: чего ради разумно бы было пресечь сея болезни сообщение чрез законы.

268. Моисеевы [законы] могут к сему служить примером.

269. Кажется еще, что новозаведенный способ от дворян — сбирать свои доходы — в России уменьшает народ и земледелие. Все деревни почти на оброке. Хозяева, не быв вовсе или мало в деревнях своих, обложат каждую душу по рублю, по два и даже до пяти рублей, несмотря на то, каким способом их крестьяне достают сии деньги.

270. Весьма бы нужно было предписать помещикам законом, чтоб они с большим рассмотрением располагали свои поборы, и те бы поборы брали, которые менее мужика отлучают от его дому и семейства. Тем бы распространилось больше земледелие и число бы народа в государстве умножилось.

271. А ныне иной земледелец лет пятнадцать дома своего не видит, а всякий год платит помещику свой оброк, промышляя в отдаленных от своего дому городах, бродя по всему почти государству.

272. При великом благополучии государства легко умножается число граждан.

273. Страны луговые и ко скотоводству способные обыкновенно мало имеют народа потому, что мало людей находят себе там упражнение; пахотные же земли большее число людей в упражнении содержат и имеют.

274. Везде, где есть место, в котором могут выгодно жить, тут люди умножаются.

275. Но страна, которая податями столь много отягчена, что рачением и трудолюбием своим люди с великою нуждою могут найти себе пропитание, чрез долгое время должна обнажена быть жителей.

276. Где люди не для иного чего убоги, как только, что живут под тяжкими законами и земли свои почитают не столько за основание к содержанию своему, как за подлог к удручению, в таких местах народ не размножается: они сами для себя не имеют пропитания, так как им можно подумать от оного уделить еще своему потомству? Они не могут сами в своих болезнях надлежащим пользоваться присмотром, так как же им можно воспитывать твари, находящиеся в беспрерывной болезни, то есть во младенчестве? Они закапывают в землю деньги свои, боясь пустить оные в обращение; боятся богатыми казаться; боятся, чтоб богатство не навлекло на них гонения и притеснений.

277. Многие, пользуясь удобностию говорить, но не будучи в силах испытать в тонкость о том, о чем говорят, сказывают: чем в большем подданные живут убожестве, тем многочисленнее их семьи. Так же и то: чем большие на них наложены дани, тем больше приходят они в состояние платить оные; сии суть два мудрования, которые всегда пагубу наносили и всегда будут причинять погибель самодержавным государствам.

278. Зло есть почти неисцелимое, когда обнажение государства от жителей происходит от долгих времен по причине внутреннего некоего порока и худого правления. Люди там исчезли чрез нечувствительную и почти в природу уже преобратившуюся болезнь: родившися в унынии и в бедности, в насилии, или в принятых правительством лживых рассуждениях, видели они свое истребление, часто не приметив причин истребления своего.

279. Чтоб восстановить державу, таким образом обнаженную от жителей, напрасно будем ожидать помощи в сем от детей, могущих впредь родиться. Надежда сия вовсе безвременна. Люди, в своих пустынях живущие, не имеют ни ободрения, ниже рачения. Поля, могущие пропитать целый

народ, едва дают прокормление одному семейству. Простой народ в сих странах не имеет участия и в бедности, то есть в землях никогда не оранных, которых там великое множество. Некоторые начальные граждане или Государь сделались нечувствительно владетелями всего пространства тех земель, впусте лежащих; разоренные семьи оставили оные им на паствы, а трудолюбивый человек ничего не имеет.

280. В таких обстоятельствах надлежало бы во всем пространстве той земли делать то, что римляне делали в одной своего государства части: предприять в недостатке жителей то, что они наблюдали в их излишестве; разделить земли всем семьям, которые никаких не имеют; подать им способы вспахать оные и обработать. Сие разделение должно учинить тот час, когда только сыщется человек, который бы принял оное так, чтоб ни мало времени не было упущено для начатия работы.

281. Юлий Цезарь давал награждения имеющим много детей. Августовы законы были гораздо понудительнее. Он наложил наказание на не вступающих в супружество и увеличил награждения сочетающихся браком, так же и имеющих детей. Сии законы были несходственны с установлениями нашего православного закона.

282. В некоторых областях определены законами выгоды женатым. Как-то например: там старосты и выборные в деревнях должны быть выбраны из женатых — неженатый и бездетный не может быть ни хожатым за делом, и в деревенском суде сидеть не может. У которого более детей, тот сидит в том суде в большом месте. Тот мужик, у которого более пяти сыновей, не платит уже никаких податей.

283. Неженатые у римлян не могли ничего получать по завещанию посторонних, а женатые, но бездетные больше половины не получали.

284. Выгоды, которые могли иметь муж и жена по взаимным друг от друга завещаниям, были ограничены законом. Они могли отказать после себя в завещании все, если имели друг от друга детей; а ежели у них детей не

было, то могли наследствовать только десятую часть имения по умершем в рассуждении их супружества; если же имели детей от первого брака, то могли давать друг другу столько раз десятую часть, сколько имели детей.

285. Если муж отсутствовал от жены своей для другой какой причины, не по делам, до общества касающимся, то не мог он быть ее наследником.

286. В некиих странах определено уреченное жалованье имеющим десять детей, а еще большее тем, у которых было двенадцать. Однако не в том дело состоит, чтоб награждать необычайное; плодородие; надлежало бы больше сделать жизнь их, сколько возможно, выгоднее, то есть подать рачительным и трудолюбивым случай ко пропитанию себя и семей своих.

287. Воздержание народное служит к размножению оного.

288. Обыкновенно в узаконениях положено отцам сочетавать союзом брачным детей своих. Но что из сего выйдет, если притеснение и сребролюбие дойдут до того, что присвоят себе неправильным образом власть отцовскую. Надлежало бы еще отцов поощрять, чтоб детей своих браком сочетавали, а не отымать у них воли сочетавать детей по их лучшему смотрению.

289. В рассуждении браков весьма бы нужно и важно было сделать единожды известное и ясное положение, в каком степени родства брак дозволен и в каком родства степени брак запрещен.

290. Есть области, в которых закон (в случае недостатка в жителях) делает гражданами чужестранных или незаконно рожденных, или которые родились только от матери-гражданки; но когда они таким образом получат довольное число народа, то уже больше не делают сего.

291. Дикий канадский народ сожигает своих пленников; но, когда у них [индейцев] есть шалаши пустые, кои можно отдать пленным, тогда признают они их за соплеменников своих.

292. Есть народы, которые завоевав другие страны, соединяются браком с завоеванными; чрез что два великие намерения исполняют: утверждение себе завоеванного народа и умножение своего.

Глава XIII

293. О рукоделии и торговле.

294. Не может быть там ни искусное рукоделие, ни твердо основанная торговля, где земледелие в уничтожении или нерачительно производится.

295. Не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного.

296. Сие основано на правиле весьма простом: «Всякий человек имеет более попечения о своем собственном, нежели о том, что другому принадлежит; и никакого не прилагает старания о том, в чем опасаться может, что другой у него отымет» [Монтескье].

297. Земледелие есть самый большой труд для человека. Чем больше климат приводит человека к избежанию сего труда, тем больше законы к оному возбуждать должны.

298. В Китае Богдыхан ежегодно уведомляется о хлебопашце, превосшедшем всех прочих во своем искусстве, и делает его членом осьмого чина в государстве. Сей Государь всякий год с великолепными обрядами начинает сам пахать землю сохой своими руками.

299. Не худо бы было давать награждение земледельцам, поля свои в лучшее пред прочими приведшим состояние.

300. И рукоделам, употребившим в трудах своих рачение превосходнейшее.

301. Сие установление во всех земли странах произведет успехи. Оно послужило и в наши времена к заведению весьма важных рукоделий.

302. Есть страны, где во всяком погосте есть книги, правительством изданные о земледелии, из которых каждый крестьянин может в своих недоумениях пользоваться наставлениями.

303. Есть народы ленивые. Чтоб истребить леность, в жителях от климата рождающуюся, надлежит там сделать такие законы, которые отнимали бы все способы к пропитанию у тех, кои не будут трудиться.

304. Всякий народ ленивый надмен во своем поведении; ибо не трудящиеся почитают себя некоторым образом властелинами над трудящимися.

305. Народы, в лености утопающие, обыкновенно бывают горды. Можно бы действие обратить против причины, производящей оное, и истребить леность гордостью.

306. Но славолюбие есть столь твердая подпора правлению, сколь опасна гордость. Во уверение сего должно только представить себе, с одной стороны, бесчисленное множество благ, от славолюбия происходящих: отсюда рачение, науки и художества, учтивость, вкус, а с другой стороны — бесконечное число зол, рождающихся от гордости некоторых народов: леность, убожество, отвращение ото всего, истребление народов, случайно им во власть пришедших, а потом и их самих погибель.

307. Гордость приводит человека устраняться от трудов, а славолюбие побуждает уметь трудиться лучше пред другим.

308. Посмотрите прилежно на все народы, вы увидите, что по большой части надменность, гордость и леность в них идут рядом.

309. Народы Ахимские и спесивы, и ленивы: у кого из них нет раба, тот нанимает, хотя бы то было только для того, чтобы перейти сто шагов и перенести два четверика сарацынского пшена; он почел бы себе за бесчестие, если бы сам оные нес.

310. Жены в Индии за стыд себе вменяют учиться читать. Сие дело, говорят они, принадлежит рабам;, которые поют у них духовные песни во храмах.

311. Человек не для того убог, что он ничего не имеет, но для того, что он не трудится. Тот, который не имеет никакого поместья, да трудится, столь же выгодно живет, сколько имеющий доходу сто рублев, да не трудящийся.

312. Ремесленник, который обучил детей своих своему искусству и то дал им в наследие, оставил им такое поместье, которое размножается по количеству числа их.

313. Земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно; второй есть рукоделие из собственного произращения.

314. Махины, которые служат к сокращенно рукоделия, не всегда полезны. Если что сделанное руками стоит посредственной цены, которая равным образом сходна и купцу, и тому, кто ее сделал, то махины, сокращающие рукоделие, то есть уменьшающие число работающих, во многонародном государстве будут вредны.

315. Однако надлежит различать то, что делается для своего государства, от того, что для вывоза в чужие края делается.

316. Не можно довольно споспешествовать махинами рукоделию в вещах, отсылаемых к другим народам, которые получают или могут получать такие же вещи у наших соседов или у других народов; а наипаче в нашем положении.

317. Торговля оттуда удаляется, где ей делают притеснение, и водворяется там, где ее спокойствия не нарушают.

318. Афины не отправляли той великой торговли, которую им обещали труды их рабов, великое число своих мореходцев, власть, которую они имели над Греческими городами, и, что больше всего, преизрядные установления Солоновы.

319. Во многих землях, где все на откупу, правление государственных сборов разоряет торговлю своим неправосудием, притеснениями и чрезмерными налогами; однако оно ее разоряет еще не приступая к сему затруднениями, оным причиняемыми, и обрядами, от оного требуемыми.

320. В других местах, где таможни на вере, весьма отличная удобность торговать; одно слово письменное оканчивает превеликие дела. Ненадобно купцу терять напрасно времени и иметь на то особливых приставников, чтобы прекратить все затруднения, затеянные откупщиками, или чтоб покориться оным.

321. Вольность торговли — не то, когда торгующим дозволяется делать, что они захотят; сие было бы больше рабство оной. Что стесняет торгующего, то не стесняет торговли. В вольных областях купец находит бесчисленные противоречия, а там, где рабство заведено, он никогда столько законами не связан. Англия запрещает вывозить свою пряжу и шерсть; она узаконила возить уголье в столичный город морем; она запретила вывозить к заводам способных лошадей; корабли, из ее американских селений торгующие в Европу, должны на якорях становиться в Англии. Она сим и сему подобным стесняет купца, но все в пользу торговли.

322. Где есть торги, тут есть и таможни.

323. Предлог торговли есть вывоз и привоз товаров в пользу государства; предлог таможен есть известный сбор с сего ж самого вывоза и привоза товаров в пользу также государству. Для того должно государство держать точную средину между таможнею и торговлею, и делать такие распоряжения, чтоб сии две вещи одна другой не запутывали: тогда наслаждаются люди там вольностию торговли.

324. Англия не имеет положенного торгового пошлинного устава [или тарифа] с другими народами: торговый пошлинный ее устав переменяется, так сказать, при всяком заседании парламента чрез особые пошлины, которые она налагает и снимает. Чрезмерное имея всегда подозрение на

торговлю, в ее земли производимую, мало когда с другими державами обязуется договорами и ни от чьих, кроме своих, законов не зависит.

325. В некоторых государствах изданы законы, весьма способные ко унижению держав, домостроительные торги ведущих. Им запрещено туда привозить другие товары, кроме простых невыделанных, и то из собственной их земли; и не дозволено приезжать им торговать туда инако, как на кораблях, состроенных в той земле, откуда они приезжают.

326. Державе, налагающей сии законы, надлежит быть в таком состоянии, чтоб легко сама могла торги отправлять, а без того она себе по крайней мере равный причинит вред. Лучше дело иметь с таким народом, который взыскивает немного и который по нуждам торговли неким образом сам привязан к нам; с таким народом, который по пространству своих намерений или дел знает, куда девать излишние товары; который богат и может для себя взять много вещей; который за оные готовыми деньгами заплатит; который, так сказать, принужден быть верным; который миролюбив по вкорененным в нем правилам; который ищет прибыли, а не завоеваний; гораздо лучше, говорю Я, иметь дело с таким народом, нежели с другими всегдашними совместниками, и которые всех сих выгод не дадут.

327. Еще меньше должна держава подвергать себя тому, чтобы все свои товары продавать одному только народу под тем видом, что оный возьмет все товары по известной цене.

328. Истинное правило есть не исключать никакого народа из своей торговли без весьма важных причин.

329. Во многих государствах учреждены с хорошим успехом банки, которые доброю своею славою изобретши новые знаки ценам, сих обращение умножили. Но чтоб в единоначальном правлении таковым учреждениям безопасно верили, должно сии банки присовокупить к установлениям, святости причастным, не зависящим от правительств и жал овальными грамотами снабденным, к которым никому не можно и не должно иметь

дела, как-то больницы, сиротские дома и прочее: чтобы все люди были уверены и надежны, что Государь денег их не тронет никогда и кредита сих мест не повредит.

330. Некоторый, лучший о законах писатель [Монтескье] говорит следующее: «Люди, побужденные действиями, в некоторых державах употребляемыми, думают, что надлежит установить законы, поощряющие дворянство к отправлению торговли. Сие было бы способом к разорению дворянства безо всякой пользы для торговли. Благоразумно в сем деле поступают в тех местах, где купцы не дворяне: но они могут сделаться дворянами; они имеют надежду получить дворянство, не имея в том действительного препятствия; нет у них другого надежнейшего способа выйти из своего звания мещанского, как отправлять оное с крайним рачением или иметь в нем счастливые успехи; вещь, которая обыкновенно присовокуплена к довольству и изобилию. Противно существу торговли, чтобы дворянство оную в самодержавном правлении делало. Погибельно было бы сие для городов, так утверждают Императоры Онорий и Феодосии, и отняло бы между купцами и чернью удобность покупать и продавать товары свои. Противно и существу самодержавного правления, чтобы в оном дворянство торговлю производило. Обыкновение, дозволившее в некоторой державе торги вести дворянству, принадлежит к тем вещам, кои весьма много способствовали ко приведению там в бессилие прежнего учрежденного правления».

331. Есть люди сему противного мнения, рассуждающие, что дворянам, не служащим, дозволить можно торговать с тем предписанием, чтоб они во всем подвергали себя законам купеческим.

332. Феофил, увидя корабль, нагруженный товарами для своей супруги Феодоры, сжег оный. Я Император, сказал он ей, а ты меня делаешь господином над стругом. Чем же могут бедные люди пропитать жизнь свою, если мы вступим еще в их звание и промыслы? Он мог к сему прибавить: Кто

может нас воздержать, если мы станем входить в откупы? Кто нас заставит исполнять наши обязательства? Торги, нами производимые, видя, захотят производить и придворные знатные люди: они будут корыстолюбивее и несправедливее нас. Народ имеет доверенность к нам в рассуждении нашего правосудия, а не богатства нашего. Столько податей, которые их приводят в бедность, явно свидетельствуют о наших нуждах.

333. Когда португальцы и кастилианцы начали владычествовать над восточными Индиями, торговля там имела столь богатые ветви, что Государи их рассудили за благо и сами за оные ухватиться. Сие разорило заведенные ими селения в тамошних частях света. Королевский наместник в Гое дал разным людям грамоты исключительные. Никто к таким особам не имеет доверенности; торговля рушилась беспрестанною переменою тех людей, коим оную поручали; никто сей торговли не щадит и не заботится о том ни мало, когда оставит ее своему преемнику вконец разоренную; прибыль остается в руках немногих людей и далеко не распространяется.

334. Солон узаконил в Афинах, чтоб не делали больше лицеимства за гражданские долги. Сей закон весьма хорош для обыкновенных дел гражданских, но мы имеем причину не наблюдать оного в делах, до торговли касающихся. Ибо купцы принуждены бывают вверять великие суммы часто на очень короткое время, давать оные и принимать обратно; так надлежит должнику исполнять всегда в уреченное время по своим обязательствам; что предполагает уже лицеимство. В делах, происходящих по уговорным записям гражданским обыкновенным, закон не должен чинить лицеимства ради того, что оное повреждает больше вольность гражданина, нежели способствует выгоде другого; но в уговорах, бывающих по торговле, закон долженствует больше взирать на выгоду всего общества, нежели на вольность гражданина. Однако сие не воспрящает употребления оговорок и ограничений, которых может требовать человечество и хорошее гражданское учреждение.

335. Женевский закон весьма похвален, который исключает от правления и ото входа в великий совет детей тех людей, которые жили или которые умерли не уплата долгов, если они не удовольствуют заимодавцев за долги отцов своих. Действие сего закона производит доверенность для купцов, для правительства и для самого города. Собственная каждого в том городе человека верность имеет еще там силу общей всего народа верности.

336. Родияне еще далее в сем поступили. У них сын не мог избыть от уплаты долгов за своего отца и отказавшися от наследства по нем. Родийский закон дан обществу, основанному на торговле; ради чего мнится, что самое естество торговли требовало придать к сему закону следующее ограничение: чтоб долги, нажитые отцом после того, как сын начал сам торговать, не касалися до имения, сим последним приобретенного, и не пожирали бы оного. Купец всегда должен знать свои обязательства и вести себя в каждое время по состоянию своего стяжания.

337. Ксенофонт определяет давать награждение тем над торговлею начальникам, которые суд, по оной случившийся, скорее вершат. Он предвидел надобность словесного судопроизводства.

338. Дела, по торговле бывающие, весьма мало судебных обрядов сносить могут. Они суть ежедневные, вещей торговлю составляющих произвождения, за которыми другие того ж рода неотменно следовать должны всякий день: для сего и надлежит оным решенным быть ежедневно. Совсем другое с делами житейскими, которые с будущим впредь человеческим состоянием великое имеют спряжение, однако очень редко случаются. Женятся и посягают больше как один раз редко; не всякий день делают завещания или дарения; в совершенный возраст прийти никому больше одного раза не удается.

339. Платон говорит, что в городе, где нет морских торгов, надлежит быть гражданских законов половиною меньше. И сие весьма справедливо. Торговля приводит в одно место различные племена народов, великое число

договоров, разные виды имения и способы ко приобретению оного. Итак, в торговом городе меньше судей и больше законов.

340. Право, присвояющее Государю наследство над имением чужестранца, в областях его умершего, когда у сего наследник есть; так же право, присвояющее Государю или подданным весь груз корабля, у берегов сокрушившегося; весьма неблагоразумны и бесчеловечны.

341. Великая хартия в Англии запрещает брать земли или доходы должника, когда движимое или личное его имение довольно на уплату долгов и когда он хочет сам то имение отдать: тогда всякое имение англичанина почитал ося за наличные деньги. Сия хартия не воспрящает, чтоб земли и доходы англичанина не представляли таким же образом наличных денег, как и другое его имение: оное намерение клонится к отвращению обид, могущих приключиться от суровых заимодавцев. Правость удручается, когда взятие имения за долги нарушает превосходством своим ту безопасность, которой может всяк требовать, и, если одного имения довольно на уплату долгов, нет никакой причины, побуждающей брать в уплату оных другое. А как земли и доходы берутся на уплату долгов уже тогда, когда другого имения не достает на удовольствование заимодавцев, то кажется не можно и их исключать из числа знаков, наличные представляющих деньги.

342. Проба золота, серебра и меди в монете, также выпечатание и внутренняя цена монеты, должны остаться всегда в установленном однажды положении, и не надобно от того отступать ни для какой причины; ибо всякая перемена в монете повреждает государственный кредит. Ничто так должно быть не подвержено перемене, как та вещь, которая есть общею мерою всего. Купечество само собою весьма неизвестно; и так увеличилося бы еще зло присовокуплением новой неизвестности к той, которая на естестве вещи основана.

343. В некоторых областях есть законы, запрещающие подданным продавать свои земли, чтоб не переносили они таким образом своих денег в чужие государства. Законы сии могли быть в то время хороши, когда богатства каждой державы принадлежали ей так, что великая была трудность переносить оные в иностранную область. Но после того, как посредством векселей богатства уже больше не принадлежат никакому особливо государству, и когда столь легко можно переносить оные из одной области в другую, то худым надобно назвать закон, недозволяющий располагать о своих землях по собственному всякого желанию для учреждения дел своих, когда можно располагать о своих деньгах каждому по своей воле. Сей закон еще худ потому, что он дает преимущество имению движимому над недвижимым, потому что чужестранным делает отвращение приходить селиться в тех областях; и потому наконец, что от исполнения оного можно вывернуться.

344. Всегда, когда кто запрещает то, что естественно дозволено или необходимо нужно, ничего другого тем не сделает, как только бесчестными людьми учинить совершающих оное.

345. В областях, торговле преданных, где многие люди ничего, кроме своего искусства, не имеют, правительство часто обязано прилагать старание о вспомоществовании старым, больным и сиротам в их нуждах. Благоучрежденное государство содержание таковых основывает на самых искусствах: в оном налагают на одних работу, с силами их сходственную, других обучают работать, что уже также есть работа.

346. Подаяние милостыни нищему на улице не может почесться исполнением обязательств правления, долженствующего дать всем гражданам надежное содержание, пищу, приличную одежду и род жизни, здравию человеческому не вредящий.

Глава XIV

347. О воспитании.

348. Правила воспитания суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами.

349. Каждая семья должна быть управляема по примеру большой семьи, включающей в себе все частные.

350. Невозможно дать общего воспитания многочисленному народу и вскормить всех детей в нарочно для того учрежденных домах. И для того полезно будет установить несколько общих правил, могущих служить вместо совета всем родителям.

Первое.

351. Всякий обязан учить детей своих страха Божия как начала всякого целомудрия и вселять в них все те должности, которых Бог от нас требует в Десятословии Своем и православная наша восточная греческая вера во правилах и прочих своих преданиях.

352. Также вперяти в них любовь к отечеству и повадить их иметь почтение к установленным гражданским законам, и почитать правительства своего отечества, как пекущиеся по воле Божией о благе их на земли.

Второе.

353. Всякий родитель должен воздерживаться при детях своих не только от дел, но и от слов, клонящихся к неправосудию и насильству, как-то: брани, клятвы, драк, всякой жестокости и тому подобных поступоков; и не дозволять и тем, которые окружают детей его, давать им такие дурные примеры.

Третье.

354. Он запретить должен детям и тем, кои около них ходят, чтоб не лгали, ниже в шутку; ибо ложь изо всех вреднейший есть порок.

355. МЫ присовокупим здесь для наставления всякому особо человеку то, что уже напечатано, как служащее общим правилом, от НАС уже

установленным и еще установляемым для воспитания училищам и всему обществу.

356. Должно вселять в юношество страх Божий, утверждать сердце их в похвальных склонностях и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам; возбуждать в них охоту ко трудолюбию, и чтоб они страшилися праздности, как источника всякого зла и заблуждения; научать пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых, и отвращению ото всяких предерзостей; обучать их домостроительству во всех оного подробностях, и сколько в оном есть полезного; отвращать их от мотовства; особливо же вкоренять в них собственную склонность к опрятности и чистоте, как на самих себе, так и на принадлежащих к ним; одним словом, всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию, которыми во свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами, и служить оному украшением.

Глава XV

357. О дворянстве.

358. Земледельцы живут в селах и деревнях и обрабатывают землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей; и сей есть их жребий.

359. В городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках.

360. Дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены.

361. Как между людьми одни были добродетельнее других, а при том и заслугами отличались, то принято издревле отличить добродетельнейших и более других служащих людей, дав им сие нарицание в чести, и установлено,

чтоб они пользовались разными преимуществами, основанными на сих выше сказанных начальных правилах.

362. Еще и далее в сем поступлено: учреждены законом способы, какими сие достоинство от Государя получить можно, и означены те поступки, чрез которые теряется оное.

363. Добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства.

364. Добродетель и честь должны быть оному правилами, предписывающими любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к Государю, и беспрестанно внушающими не делать никогда бесчестного дела.

365. Мало таких случаев, которые бы более вели к получению чести, как военная служба: защищать отечество свое, победить неприятеля оного есть первое право и упражнение, приличествующее дворянам.

366. Но хотя военное искусство есть самый древнейший способ, коим достигали до дворянского достоинства, и хотя военные добродетели необходимо нужны ко пребыванию и сохранению государства.

367. Однако ж и правосудие не меньше надобно во время мира, как и в войне, и государство разрушилося бы без оного.

368. А из того следует, что не только прилично дворянству, но и приобретать сие достоинство можно и гражданскими добродетелями, так как и военными.

369. Из чего паки следует, что лишить дворянства никого не можно, кроме того, который сам себя лишил оного своими основанию его достоинства противными поступками и сделался чрез то звания своего недостойным.

370. И уже честь и сохранение непорочности дворянского достоинства требуют, чтоб такой сам чрез поступки свои, основание своего звания нарушающие, был по обличении исключен из числа дворян и лишен дворянства.

371. Поступки же, противные дворянскому званию, суть измена, разбой, воровство всякого рода, нарушение клятвы и данного слова, лжесвидетельство, кое сам делал или Других уговаривал делать, составление лживых крепостей или других тому подобных писем.

372. Одним словом, всякий обман, противный чести, а наипаче те действия, кои за собою влекут уничижение.

373. Совершенство же сохранения чести состоит в любви к отечеству и наблюдении всех законов и должностей; из чего последует

374. Похвала и слава, особливо тому роду, который между предками своими считает более таких людей, кои украшены были добродетелями, честию, заслугою, верностию и любовию ко своему отечеству, следовательно, и к Государю.

375. Преимущества же дворянские должны все основаны быть на вышеписанных начальных правилах, составляющих существо дворянского звания.

Глава XVI

376. О среднем роде людей.

377. Сказано Мною в XV главе: в городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках. В котором государстве дворянам основание сделано, сходственное с предписанными правилами XV главы; тут полезно также учредить основанное на добронравии и трудолюбии и к оным ведущее положение, коим пользоваться будут те, о коих здесь дело идет.

378. Сей род людей, о котором говорить надлежит и от которого государство много добра ожидает, если твердое на добронравии и поощрении ко трудолюбию основанное положение получит, есть средний.

379. Оный, пользуясь вольностию, не причисляется ни ко дворянству, ни ко хлебопашцам.

380. К сему роду людей причесть должно всех тех, кои не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах.

381. Сверх того, всех тех, кои выходить будут не быв дворянами изо всех НАМИ и предками НАШИМИ учрежденных училищ и воспитательных домов, какого бы те училища звания ни были, духовные или светские.

382. Также приказных людей детей. А как в оном третьем роде суть разные степени преимуществ, то, не входя в подробность оных, открываем только дорогу к рассуждению об нем.

383. Как все основание сему среднему роду людей будет иметь в предмете добронравие и трудолюбие, то, напротив того, нарушение сих правил будет служить к исключению из оного, как-то, например, вероломство, неисполнение своих обещаний, особливо если тому причина лень или обман.

Глава XVII

384. О городах.

385. Есть города разного существа, более или менее важные по своему положению.

386. В иных городах более обращений торга сухим или водяным путем.

387. В других лишь единственно товары привезенные складывают для отпуска.

388. Есть и такие, кои единственно служат к продаже продуктов приезжающих земледельцев того или другого уезда.

389. Иной цветет фабриками.

390. Другой близ моря лежа соединяет все сии и другие выгоды.

391. Третий пользуется ярманками.

392. Иные суть столицы и проч.

393. Сколько ни есть разных положений городам, только в том они все вообще сходствуют, что им всем нужно иметь одинаковый закон, который бы определил, что есть город, кто в оном почитается жителем, и кто составляет общество того города, и кому пользоваться выгодами по свойству естественного положения того места, и как сделаться городским жителем можно.

394. Из сего родится, что тем, кои обязаны принимать участие в добром состоянии города, имея в нем дом и имения, дается имя мещан. Сии суть обязаны, для собственного своего же благосостояния и для гражданской их безопасности в жизни, имении и здоровье, платить разные подати, дабы пользоваться сими выгодами и прочим своим имением беспрепятственно.

395. Кои же не дают сего общего, так сказать, залога, те и не пользуются правом иметь мещанские выгоды.

396. Основав города, остается рассмотреть, какие выгоды которому роду городов без ущерба общей пользы иметь можно и какие учреждения в их пользу постановить следует.

397. В городах, в коих многие обращения торг имеет, весьма смотреть должно, чтобы чрез честность граждан сохранился кредит во всех частях коммерции; ибо честность и кредит суть души коммерции, а где хитрость и обман возьмет верх над честностью, тут и кредит быть не может.

398. Малые города суть весьма нужны по уездам, дабы земледелец мог сбыть плоды земли и рук его и себя снабдить тем, в чем ему случится нужда.

399. Города Архангельский, Санкт-Петербург, Астрахань, Рига, Ревель и тому подобные суть города и порты морские; Оренбург, Кяхта и многие другие города имеют обращения другого рода; из чего усмотреть можно, сколь великое свойство имеет положение мест со гражданскими учреждениями, и что, не знав обстоятельств, каждому городу удобное положение сделать нет возможности.

400. О цеховых мастерствах и установлении цехов для мастерств по городам еще состоит великий спор: лучше ли иметь цехи по городам или без них быть, и что из сих положений более споспешествует рукоделиям и ремеслам.

401. Но то бесспорно, что для заведения мастерства цехи полезны, а бывают они вредны, когда число работающих определено, ибо сие самое препятствует размножение рукоделий.

402. Во многих городах в Европе оные сделаны свободными в том, что не ограничено число, а могут вписываться в оные по произволению, и примечено, что то служило к обогащению тех городов.

403. В малолюдных городах полезны быть могут цехи, дабы иметь искусных людей в мастерствах.

Глава XVIII

404. О наследствах.

405. Порядок в наследии выводится от оснований права государственного, а не от оснований права естественного.

406. Раздел имения, законы о сем разделе, наследие по смерти того, кто имел сей раздел, все сие не могло быть инако учреждено, как обществом, и, следовательно, законами государственными или гражданскими.

407. Естественный закон повелевает отцам кормить и воспитывать детей своих, а не обязывает их делать оных своими наследниками.

408. Отец, например, обучивши сына своего какому-нибудь искусству или рукомеслу, могущему его пропитать, делает его чрез то гораздо богатее, нежели когда бы он оставил ему малое свое имение, учиня его ленивцем или праздным.

409. Правда, порядок государственный и гражданский требует часто, чтоб дети наследниками были после отцов, но оный не взыскивает быть сему так всегда.

410. Правило сие общее: воспитывать детей своих есть обязательство права естественного, а давать им свое наследие есть учреждение права гражданского или государственного.

411. Всякое государство имеет законы о владении имениями, соответствующие государственному установлению; следовательно, отцовским имением должно владеть по образу, законами предписанному.

412. И надлежит установить порядок, неподвижный для наследия, чтоб можно было удобно знать, кто наследник, и чтоб о сем не могло произойти никаких жалоб и споров.

413. Всякое узаконение должно быть всеми и каждым исполнено, и не надобно дозволять нарушать оного собственными кого-либо из граждан распоряжениями.

414. Порядок наследия понеже был установлен вследствие государственного закона у римлян, то никакой гражданин не должен был оного развращать собенною своею волею, сиречъ, с первых времен в Риме не дозволено было никому делать завещания; однако ж сие было ожесточительно, что человек в последние жизни своей часы лишен был власти делать благодеяния.

415. И так сыскано было средство в рассуждении сего согласить законы с волею частных особ. Дозволили располагать о своем имении в собрании народа, и всякое завещание было некоторым образом дело власти законодательной той республики.

416. В последующие времена дали неопределенное дозволение римлянам делать завещания, что немало способствовало к нечувствительному разрушению государственного установления о разделе земель; а сие больше всего ввело весьма великую и погибельную им разность между богатыми и убогими гражданами; многие поместья удельные собраны были сим образом во владение одного барина; граждане римские имели

очень много, а бесчисленное множество других ничего не имели, и чрез то сделались несносным бременем той державе.

417. Древние афинские законы не дозволяли гражданину делать завещания. Солон дозволил, выключая тех, у которых были дети.

418. А римские законодавцы, воображением отеческой власти будучи убеждены, дозволили отцам делать завещания во вред и самих своих детей.

419. Надобно признаться, что древние афинские законы гораздо сходнее были с заключениями здравого разума, нежели законы римские.

420. Есть государства, где держатся средины во всем сем, то есть где дозволено завещания делать о приобретенном имении, а не дозволено, чтоб деревня одна была разделена на разные части, и ежели отцовское наследство, или, лучше сказать, отчина продана или расточена, то узаконено, чтоб равная оному наследству часть из купленного или приобретенного имения отдана была природному наследнику; ежели доказательства, утвержденные на законах, не учинили его недостойным наследия: в сем последнем случае следующие по нем заступают его место.

421. Как природному наследнику, так и наследнику, избранному по завещанию, можно дозволить отказаться от наследства.

422. Дочери у римлян были исключены из завещания; для сего утверждали за ними под обманом и подлогом. Сии законы принуждали или сделаться бесчестными людьми, или презирать законы естественные, вперяющие в нас любовь к детям нашим. Сии суть случаи, которых, дая законы, убегать должно.

423. Понеже ничто так не наносит ослабления законам, как возможность коварством избегнуть от оных. Так же и ненужные законы умаляют почтение к нужным.

424. У римлян жены были наследницами, если сие согласовано с законом о разделе земель; а ежели сие могло тот закон нарушить, то не были они наследницами.

425. Мое намерение в сем деле склоняется больше к разделению имения, понеже Я почитаю Себе за долг желать, чтобы каждый довольную часть на свое пропитание имел; сверх сего, земледелие таким образом может прийти в лучшее состояние; и государство чрез то большую получит пользу, имея несколько тысячей подданных, наслаждающихся умеренным достатком, нежели имея несколько сот великих богачей.

426. Но разделение имения не должно, вреда наносить другим общим при установлении законов правилам, столь же или и более нужным для сохранения в целости государства, которых без примечания оставлять не должно.

427. Раздел по душам, как доныне делывал ось, вреден земледелию, тягость причиняет в сборах и приводит последних раздельщиков в нищету; а разделение наследия до некоторой части сходственнее с сохранением всех сих главных правил и с прибылью общественною и собственною каждого.

428. Недоросль до указных возраста лет есть член семьи домашней, а не член общества. Итак, полезно сделать учреждение об опекунстве, как например

429. 1) Для детей, оставшихся после смерти отцовской в летах возраста несовершенного, когда им имения их в полную власть поручить еще не можно ради той опасности, чтоб они по незрелому своему рассудку не разорились;

430. Так 2) и для безумных или лишившихся ума;

431. Не меньше же 3) и тому подобных.

432. В некоторых вольных державах ближним родственникам человека, расточившего половину своего имения, или пришедшего в долги, той половине равные, дозволено запретить ему владеть другою оного имения половиною. Доходы с сей оставшейся половины разделяются на несколько частей, и одну часть дают впадшему в сей случай на содержание его, а другие употребляют на уплату долгов; причем запрещается ему уже больше

продавать и закладывать; после уплаты долгов отдают ему, если поправится, опять его имение, для его ж собственной пользы родственниками сбереженное, а если не поправится, то одни доходы ему отдают ежегодно.

433. Надлежит положить правила, приличные каждому из сих случаев, чтоб закон предохранял всякого гражданина от насилия и крайности, могущих быть при сем.

434. Законы, поручающие опеку матери, больше смотрят на сохранение оставшегося сироты; а вверяющие оную ближнему наследнику — уважают больше сохранение имения.

435. У народов, испорченные имеющих нравы, законодавцы опеку над сиротою вручили матери; а у тех, где законы должны иметь упование на нравы граждан, дают опеку наследнику имения, а иногда и обоим.

436. Жены у германцев не могли быть без опекуна никогда. Август узаконил: женам, имевшим троих детей, быть свободным от опеки.

437. У римлян законы дозволяли жениху дарить невесте, и невесте — жениху, прежде брака; а после брачного сочетания делать то запрещали.

438. Закон западных готов повелевал, чтобы жених будущей своей супруге не дарил больше десятой части своего имения; и в первый год после бракосочетания не дарил бы ей ничего.

Глава XIX

439. О составлении и слоге законов.

440. Все права должно разделить на три части.

441. Первой части будет заглавие: законы.

442. Вторая примет название: учреждения временные.

443. Третьей части дается имя: указы.

444. Под словом законы разумеются все те установления, которые ни в какое время не могут перемениться, и таковых числу быть не можно великому.

445. Под названием временные учреждения разумеется тот порядок, которым все дела должны отправляемы быть, и разные о том наказы и уставы.

446. Имя указы заключает в себе все то, что для каких-нибудь делается приключений, и что только есть случайное, или на чью особу относящееся, и может со временем перемениться.

447. Надобно включить во книге прав всякую порознь материю по порядку в том месте, которое ей принадлежит: например, судные, воинские, торговые, гражданские или полицейские, городские, земские и проч., и проч.

448. Всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех, и при том очень коротко; чего ради без сомнения надлежит, где нужда потребует, прибавить изъяснения или толкования для судящих, чтоб могли легко видеть и понимать как силу, так и употребление закона. Воинский устав наполнен подобными примерами, которым удобно можно последовать.

449. Но, однако ж, должно поступать весьма осторожно в сих изъяснениях и толкованиях: понеже оные легко могут иногда более затмить, нежели объяснить случай; чему бывали многие примеры.

450. Когда в каком законе исключения, ограничения и умерения не надобны, то гораздо лучше их и не полагать; ибо такие подробности приводят ко другим еще подробностям.

451. Если пишущий законы хочет в них изобразить причину побудившую к изданию некоторых между оными, то должно, чтобы причина та была сего достойна. Между Римскими зак;онами есть определяющий: слепому в суде не производить никакого дела, для того что он не видит знаков и украшений судейских. Сия причина весьма плоха, когда можно было привесть довольно других хороших.

452. Законы не должны быть тонкостями, от остроумия происходящими, наполнены: они сделаны для людей посредственного

разума, равномерным образом как и для остроумных; в них содержится не наука, предписывающая правила человеческому уму, но простое и правое рассуждение отца, о чадах и домашних своих пекущегося.

453. Надлежит, чтобы в законах видно было везде чистосердечие: они даются для наказания пороков и злоухищрений; и так надобно им самим заключать в себе великую добродетель и незлобие.

454. Слог законов должен быть краток, прост; выражение прямое всегда лучше можно разуметь, нежели околичное выражение.

455. Когда слог законов надут и высокопарен, то они инако не почитаются, как только сочинением, изъявляющим высокомерие и гордость.

456. Неопределенными речами законов писать не должно. Чему здесь прописывается пример. Закон одного Императора Греческого наказывать велит смертию того, кто купит освобожденного как будто раба или кто такого человека станет тревожить и беспокоить. Не должно было употреблять выражения так неопределенного и неизвестного: беспокойство и тревоженье, причиняемое человеку, зависит вовсе не от того, какую кто степень чувствительности имеет.

457. Слог Уложения блаженной памяти Царя Алексея Михайловича по большей части ясен, прост и краток; с удовольствием слушаешь, где бывают из оного выписи; никто не ошибется в разумении того, что слышит; слова в нем внятны и самому посредственному уму.

458. Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать,— следовательно, надобно, чтобы все люди оные и разуметь могли.

459. Надлежит убегать выражений витиеватых, гордых или пышных и не прибавлять в составлении закона ни одного слова лишнего, чтоб легко можно было понять вещь, законом установляемую.

460. Также надобно беречься, чтобы между законами не были такие, которые не достигают до намеренного конца; которые изобильны словами, а

недостаточны смыслом; которые по внутреннему своему содержанию маловажны, а по наружному слогу надменны.

461. Законы, признавающие необходимо нужными действия, непричастные ни добродетели, ни пороку, подвержены той непристойности, что они заставляют почитать напротив того действия необходимо нужные за ненужные.

462. Законы при денежном наказании или пени, означивающие точно число денег за какую-либо вину платимых, надлежит, по крайней мере всякие пятьдесят лет, вновь пересматривать для того, что плата деньгами, признаваемая в одно время достаточною, в другое почитается за ничто, ибо цена денег переменяется по мере имущества. Был некогда в Риме такой сумасбродный человек, который всем попадающимся ему навстречу раздавал пощечины, платя при том тотчас всякому из них по двадцати пяти копеек, то есть по скольку законом было предписано.

Глава XX

463. Разные статьи, требующие изъяснения.

464. 1) Преступление в оскорблении Величества.

465. Под сим именованием разумеются все преступления, противные безопасности Государя и Государства.

466. Все законы должны составлены быть из слов ясных и кратких, однако нет между ними никаких, которых бы сочинение касалося больше до безопасности граждан, как законы, принадлежащие ко преступлению в оскорблении Величества.

467. Вольность гражданина ни от чего не претерпевает большего нападения, как от обвинений судебных и сторонних вообще; сколь же бы ей великая настояла опасность, если бы сия столь важная статья осталась темною: ибо вольность гражданина зависит, во-первых, от изящества законов криминальных.

468. Не должно же криминальных законов смешивать с законами, учреждающими судебный порядок.

469. Если преступление в оскорблении Величества описано в законах словами неопределенными, то уже довольно из сего может произойти различных злоупотреблений.

470. Китайские законы, например, присуждают, что, если кто почтения Государю не окажет, должен казнен быть смертию. Но как они не определяют, что есть неоказание почтения, то все может там дать повод к отнятию жизни, у кого захотят, и к истреблению поколения, чье погубить пожелают. Два человека, определенные сочинять придворные ведомости, при описании некоторого совсем неважного случая, поставили обстоятельства, с истиною несходственные; сказано на них, что лгать в придворных ведомостях не что иное есть, как должного почтения двору не оказывать; и казнены они оба были смертию.

Некто из князей на представлении, подписанном Императором, из неосторожности поставил какой-то знак: заключили из сего, что он должного почтения не оказал Богдыхану. И сие причинило всему сего князя поколению ужасное гонение.

471. Называть преступлением, до оскорбления Величества касающимся, такое действие, которое в самой вещи оного в себе не заключает, есть самое насильственное злоупотребление. Закон Римских Кесарей как со святотатцами поступал с теми, кои сомневалися о достоинствах и заслугах людей, избранных ими к какому ни есть званию, следовательно, и осуждал их на смерть.

472. Другой закон тех, которые делают воровские деньги, объявлял виновными в преступлении оскорбления Величества. Но они не что иное суть как воры государственные. Таким образом смешиваются вместе разные о вещах понятия.

473. Давать имя преступления в оскорблении Величества другому какому преступлению не что иное есть, как уменьшать ужас, сопряженный с преступлением оскорбления Величества.

474. Градоначальник писал к Римскому Императору, что делают приготовление судить, как виновного в преступлении оскорбления Величества судью, учинившего приговор, противный сего Кесаря узаконениям. Кесарь ответствовал, что в его владение преступления в оскорблении Величества непрямые, но окольные в суде не приемлются.

475. Еще между римскими законами находился такой, который повелевал наказывать как преступников в оскорблении Величества тех, кои, хотя из неосторожности, бросали что-нибудь пред изображениями Императоров.

476. В Англии закон один почитал виновными в самой высочайшей измене всех тех, которые предвещают королевскую смерть. В болезни королей врачи не смели сказать, что есть опасность: думать можно, что они поступали по сему и в лечении.

477. Человеку снилось, что он умертвил Царя. Сей Царь приказал казнить его смертию, говоря, что не приснилось бы ему сие ночью, если бы он о том днем наяву не думал. Сей поступок был великое тиранство; ибо если бы он то и думал, однако ж на исполнение мысли своей еще не поступил. Законы не обязаны наказывать никаких других кроме внешних или наружных действий.

478. Когда введено было много преступлений в оскорблении Величества, то и надлежало непременно различить и умерить сии преступления. Так, наконец, дошли до того, чтоб не почитать за такие преступления, кроме тех только, кои заключают умысел в себе противу жизни и безопасности Государя и измену против государства и тому подобные; каковым преступлениям и казни предписаны самые жесточайшие.

479. Действия суть не ежедневные многие люди могут оные приметить: ложное обвинение в делах может легко быть объяснено.

480. Слова, совокупленные с действием, принимают на себя естество того действия. Таким образом, человек, пришедший, например, на место народного собрания увещевать подданных к возмущению, будет виновен в оскорблении Величества потому, что слова совокуплены с действием и заимствуют нечто от оного. В сем случае не за слова наказуют, но за произведенное действие, при котором слова были употреблены. Слова не вменяются никогда во преступление, разве оные приуготовляют, или соединяются, или последуют действию беззаконному. Все превращает и опровергает, кто делает из слов преступление, смертной казни достойное: слова должно почитать за знак только преступления, смертной достойного казни.

481. Ничто не делает преступления в оскорблении Величества больше зависящим от толка и воли другого, как когда нескромные слова бывают оного содержанием. Разговоры столько подвержены истолкованиям, столь великое различие между нескромностию и злобою, и столь малая разнота между выражениями, от нескромности и злобы употребляемыми, что закон никоим образом не может слов подвергнуть смертной казни, по крайней мере, не означивши точно тех слов, которые он сей казни подвергает.

482. Итак, слова не составляют вещи, подлежащей преступлению. Часто они не значат ничего сами по себе, но по голосу, каким оные выговаривают. Часто пересказывая те же самые слова, не дают им того же смысла: сей смысл зависит от связи, соединяющей оные с другими вещами. Иногда молчание выражает больше, нежели все разговоры. Нет ничего, что бы в себе столько двойного смысла замыкало, как все сие. Так как же из сего делать преступление столь великое, каково оскорбление Величества, и наказывать за слова так, как за самое действие? Я чрез сие не хочу уменьшить негодования, которое должно иметь на желающих опорочить

славу своего Государя, но могу сказать, что простое исправительное наказание приличествует лучше в сих случаях, нежели обвинение в оскорблении Величества, всегда страшнее и самой невинности.

483. Письма суть вещь не так скоро преходящая, как слова; но когда они не приуготовляют ко преступлению Величества, то и они не могут быть вещию, содержащею в себе преступление Величества.

484. Запрещают в самодержавных государствах сочинения очень язвительные, но оные делаются предлогом, подлежащим градскому чиноправлению, а не преступлением; а весьма беречься надобно изыскания о сем далече распространять, представляя себе ту опасность, что умы почувствуют притеснение и угнетение; а сие ничего иного не произведет, как невежество, опровергнет дарования разума человеческого и охоту писать отнимет.

485. Надлежит наказывать клеветников.

486. Во многих державах закон повелевает под смертною казнию открывать и те заговоры, о которых кто не по сообщению с умышленниками, но по слуху знает. Весьма прилично сей закон употребить во всей оного строгости в преступлении самого высочайшего степени касающемся до оскорбления Величества.

487. И весьма великая в том состоит важность: не смешивать различных сего преступления степеней.

488. 2) О судах по особливым нарядам.

489. Самая бесполезная вещь государям в самодержавных правлениях есть наряжать иногда особливых судей судить кого-нибудь из подданных своих. Надлежит быть весьма добродетельным и справедливым таковым судьям, чтоб они не думали, что они всегда оправдаться могут их повелениями, скрытною какою-то государственною пользою, выбором, в их особе учиненным, и собственным их страхом. Столь мало от таковых судов

происходит пользы, что не стоит сие того труда, чтобы для того превращать порядок суда обыкновенный.

490. Еще же может сие произвести злоупотребления, весьма вредные для спокойства граждан. Пример сему здесь предлагается. В Англии при многих королях судили членов верхней камеры чрез наряженных из той же камеры судей; сим способом предавали смерти всех, кого хотели, из оного вельмож собрания.

491. У нас часто смешивали исследование такого-то дела чрез каких-то наряженных судей и их о том деле мнение с судным по оному делу приговором.

492. Однако ж великая разница: собрать все известия и обстоятельства какого дела и дать о том свое мнение, или судить то дело.

493. 3) Правила весьма важные и нужные.

494. В столь великом Государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок — запрещение или недозволение их различных вер.

495. И нет подлинно иного средства, кроме разумного иных законов дозволения, православною нашею верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно всех сих заблудших овец паки привести к истинному верных стаду.

496. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца, и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине Государства и соединению граждан.

497. Надлежит быть очень осторожным в исследовании дел о волшебстве и еретичестве. Обвинение в сих двух преступлениях может чрезмерно нарушить тишину, вольность и благосостояние граждан, и быть еще источником бесчисленных мучительств, если в законах пределов оному

не положено. Ибо как сие обвинение не ведет прямо к действиям гражданина, но больше к понятию, воображенному людьми о его характере, то и бывает оно очень опасно по мере простонародного невежества. И тогда уже гражданин всегда будет в опасности для того, что ни поведение, в жизни самое лучшее, ни нравы, самые непорочные, ниже исполнение всех должностей не могут быть защитниками его противу подозрений в сих преступлениях.

498. Царствующему Греческому Императору Мануилу Комнину доносили на протестатора, что он имел умысел против царя и употреблял к тому тайные некоторые волшебства, делающие людей невидимыми.

499. В цареградской истории пишут, что как по откровению учинилось известно, коим образом чудодействие престало по причине волшебства некоего человека, то и он и сын его осуждены были на смерть. Сколько тут разных вещей, от которых сие преступление зависело и которые судии разбирать надлежало? 1) Что чудодействие престало; 2) что при сем пресечении чудодействия было волшебство; 3) что волшебство могло уничтожить чудодеяние; 4) что тот человек был волшебник; 5) наконец, что он сие действие волшебства учинил.

500. Император Феодор Ласкар приписывал болезнь свою чародейству. Обвиняемые в том не имели другого средства ко спасению, как осязать руками раскаленное железо и не ожечься. Со преступлением в свете самым неизвестным совокупляли опыты для изведания самые неизвестные.

501. 4) Как можно узнать, что государство приближается к падению и конечному разрушению?

502. Повреждение всякого правления начинается почти всегда с повреждения начальных своих оснований.

503. Начальное основание правления не только тогда повреждается, когда погасает то умоначертание государственное, законом во всяком из них впечатленное, которое можно назвать равенством, предписанным законами,

но и тогда еще, когда вкоренится умствование равенства, до самой крайности дошедшего, и когда всяк хочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником.

504. Ежели не оказуют почтения Государю, правительствам, начальствующим; если не почитают старых, не станут почитать ни отцов, ни матерей, ни господ; и Государство нечувствительно низриновенно падет.

505. Когда начальное основание правления повреждается, то принятые в оном положения называются жестокостию или строгостию; установленные правила именуются принуждением; бывшее прежде сего радение нарицается страхом. Имение людей частных составляло прежде народные сокровища; но в то время сокровище народное бывает наследием людей частных, и любовь к Отечеству исчезает.

506. Чтоб сохранить начальные основания учрежденного правления невредимыми в настоящем его величии; и сие Государство разрушится, если начальные в нем переменятся основания.

507. Два суть рода повреждения: первый — когда не наблюдают законов; второй — когда законы так худы, что они сами портят; и тогда зло есть неизлечимо потому, что оно в самом лекарстве зла находится.

508. Государство может также перемениться двумя способами: или для того, что установление оного исправляется, или что оное ж установление портится. Если в Государстве соблюдены начальные основания и переменяется оного установление, то оно исправляется; если же начальные основания потеряны, когда установление переменяется, то оно портится.

509. Чем больше умножаются казни, тем больше опасности предстоит Государству; ибо казни умножаются по мере повреждения нравов, что также производит разрушение государств.

510. Что истребило владения поколений Цина и Сунги? Говорит некоторый китайский писатель: то, что сии владетели, не довольствуясь главным надзиранием, одним только приличным Государю, восхотели всем

беспосредственно управлять и привлекли к себе все дела, долженствующие управляться установлением разных правительств.

511. Самодержавство разрушается еще тогда, когда Государь думает, что он больше свою власть покажет, ежели он переменит порядок вещей, а не оному будет следовать, и когда он бо;льше при;лепится к мечтаниям своим, нежели к своим благоизволениям, от коих проистекают и проистекли законы.

512. Правда, есть случаи, где власть должна и может действовать безо всякой опасности для Государства в полном своем течении. Но есть случаи и такие, где она должна действовать пределами, себе ею же самою положенными.

513. Самое высшее искусство государственного управления состоит в том, чтобы точно знать, какую часть власти, малую ли или великую, употребить должно в разных обстоятельствах; ибо в самодержавии благополучие правления состоит отчасти в кротком и снисходительном правлении.

514. В изящных махинах искусство употребляет столь мало движения, сил и колес, сколько возможно. Сие правило также хорошо и в правлении; средства самые простые суть часто самые лучшие, а многосплетенные суть самые худшие.

515. Есть некоторая удобность в правлении: лучше, чтоб Государь ободрял, а законы бы угрожали.

516. Министр тот очень искусен во звании своем, который вам всегда станет сказывать, что Государь досадует, что он нечаянно упрежден, что он в том поступит по своей власти.

517. Еще бы сие великое было несчастие в Государстве, если бы не смел никто представлять своего опасения о будущем каком приключении, ни извинять своих худых успехов, от упорства счастия происшедших, ниже свободно говорить своего мнения.

518. Но скажет кто, когда же должно наказывать и когда прощать должно? Сие есть такая вещь, которую лучше можно чувствовать, нежели предписать. Когда милосердие подвержено некоторым опасностям, то опасности сии очень видны. Легко различить можно милосердие от той слабости, которая Государя приводит ко презрению наказания, и в такое состояние, что он сам не может разобрать, кого наказать должно.

519. Правда, что хорошее мнение о славе и власти Царя могло бы умножить силы державы его; но хорошее мнение о его правосудии равным образом умножит оные.

520. Все сие не может понравиться ласкателям, которые по вся дни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены. Однако же МЫ думаем и за славу Себе вменяем сказать, что МЫ сотворены для НАШЕГО народа, и по сей причине МЫ обязаны говорить о вещах так, как они быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив и, следовательно, больше процветающ на земле: намерение законов НАШИХ было бы не исполнено — несчастие, до которого Я дожить не желаю.

521. Все приведенные в сем сочинении примеры и разных народов обычаи не должны иного производить действия, как только споспешествовать выбору способов, коими бы народ Российский, сколько возможно по человечеству, учинился во свете благополучнейшим.

522. Остается ныне Комиссии подробности каждые части законов сравнять с правилами сего наказа.

ОКОНЧАНИЕ

523. Может случиться, что некоторые, прочитав сей наказ, скажут: не всяк его поймет. На сие не трудно ответствовать: подлинно не всяк его поймет, прочитав одиножды слегка; но всякий поймет сей наказ, если со прилежанием и при встречающихся случаях выберет из оного то, что ему в

рассуждениях его правилом служить может. Должно сей наказ почаще твердить, дабы он знакомее сделался, и тогда всякий твердо надеяться может, что его поймет, понеже

524. Прилежание и радение все преодолевают, так как лень и нерадение ото всякого добра отводят.

525. Но дабы сделать облегчение в сем трудном деле, то должно сей наказ читать в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения и во всех частных от нее зависящих Комиссиях, а особливо главы и статьи, им порученные, одиножды в начале каждого месяца до окончания Комиссии.

526. Но как нет ничего совершенного, что человеком сочинено, то, если откроется в производстве, что на какие ни есть учреждения в сем наказе правила еще не положено, дозволяется комиссии о том НАМ докладывать и просить дополнения.

Екатерина

Дополнительные главы к Большому наказу (XXI—XXII) и «Памятная заметка»

ДОПОЛНЕНИЕ К БОЛЬШОМУ НАКАЗУ

Глава XXI

527. О благочинии, называемом инако Полициею.

528. Часто разумеется под названием Полиции порядок вообще в Государстве.

529. МЫ изъяснимся в сей главе, что МЫ здесь под именем Полиции разумеем,

530. К попечению которой все то принадлежит, что служит к сохранению благочиния в обществе.

531. Уставы сея части суть совсем другого рода от прочих гражданских законов.

532. Есть преступники такие, которых наказывают.

533. Есть иные, которых только исправляют.

534. Первые подлежат силе закона, другие — власти оного; те извергаются из общества, сии, напротив того, приводятся жить по учрежденным в обществе правилам.

535. Вещи, ко благочинию принадлежащие суть такие, кои всякий час случиться могут и в коих обыкновенно дело идет о малом чем: итак, не надлежит тут быть пространным судебным обрядам.

536. Полиция беспрестанно занята подробностями или мелочами: посему дела, которых исследование требует очень долгого времени, не свойственны рассматриванию и разбору сего правления. Во многих местах дела по прошествии известного означенного числа дней отсылаются в те судебные правительства, к которым оные принадлежат.

537. Действия полиции должны быть нимало не медлительны; и оные чинятся над вещьми, всякий день сызнова случающимися. И так великие наказания тут не властны; и великие примеры не для сего правления сделаны.

538. Более нужны оно;му уставы, нежели законы.

539. Люди, от оного зависящие, всегда находятся в глазах градского начальства; и мудрые установления о благочинии препятствуют им впадать в большие преступления.

540. Чего для не надобно смешивать великого нарушения законов с простым нарушением установленного благочиния: сих вещей в одном ряду ставить не должно.

541. Отсюда следует, например, что поступок некоего султана, указавшего посадить на кол хлебника, пойманного в обмане, есть поступок тирана, не знающего быть инако правосудными, как переходя меру самого правосудия.

542. Весьма потребно те случаи, в которых надлежит наказывать, от тех отделять, в коих только исправлять надобно.

543. Не довольно того, чтоб узнать непорядки и выдумать способы для отвращения их; надлежит еще сверх того не дремлющим оком смотреть, чтобы способы сии были при встречающихся случаях самым делом исполняемы.

544. И сия то часть задачи, к решению здесь предлагаемой, во многих землях совсем пренебрежена; однако ж без нее и другие части цели, если так сказать можно, составляющей правление всего Государства, придут в беспорядок.

545. С уставами сея части точно то же случилося, что со множеством домов, город составляющих, которым земельного чертежа прежде начатия их строения не сделано. В таком городе, когда он начинает строиться, всяк занимает место, которое ему лучше понравилося, несмотря нимало ни на правильность, ни на пространство занимаемого им места; а оттуда выходит куча зданий, которую в правильный порядок привести едва могут целых веков старания и рачительное смотрение. Тому же неустройству подвержены и законы о сохранении благочиния.

546. По мере нужд число оных учреждений возрастает; но привести их в порядок таким образом, чтобы безо всяких затруднений они могли быть всегда по-надлежащему исполняемы, будет самое искусство в рассуждении сея отрасли законов.

547. Сии учреждения разделить надлежит на два рода.

548. Первый содержит в себе полицию градскую;

549. Вторый — полицию земскую.

550. Сие последнее не имеет ни предлога, ни пространства, равного первому.

551. В сих частях должно прилагать тщание о нижеследующем.

552. 1) Чтобы ничего не дозволять, что может смутить отправление службы Божией, творимой в местах, к тому определенных, и чтоб порядок и приличное благолепие были гражданами наблюдаемы при крестных ходах и тому подобных обрядах.

553. 2) Целомудрие нравов есть вторым предлогом сохранения благочиния и заключает в себе все нужное ко стеснению роскоши, к отвращению пьянства, ко пресечению запрещенных игр, пристойное учреждение об общих банях или мыльнях и о позорищах, чтоб воздержать своевольство людей, худую жизнь ведущих, и чтоб изгнать из общества обольщающих народ под именем волшебников, прорицателей, предзнаменователей и других подобных обманщиков.

554. 3) Здоровье — третий предмет Полиции, и обязует распространить свое тщание на безвредность воздуха, на чистоту улиц, рек, колодезей и других водных источников, на качество съестных и питейных припасов, наконец, на болезни, как в народе размножающиеся, так и на прилипчивые.

555. 4) Бдение о сохранении всякого рода жит и тогда, когда они еще не сняты с кореня, соблюдение скота, лугов для их паствы, рыбных ловель и проч. Предписывать должно общие правила о сих вещах по приличию обстоятельств, и какие в том иметь надобно для предосторожности.

556. 5) Безопасность и твердость зданий, и правила к наблюдению в сем случае, потребные для разных художников и мастеровых, от которых твердость здания зависит; содержание мостовой; благолепие и украшение городов; свободный проход и проезд по улицам; общий извоз; постоялые дворы и проч.

557. 6) Спокойство народное требует, чтобы предупреждены были внезапные случаи и другие приключения, как-то: пожары, воровство и проч. И так предписываются для сохранения сего спокойства известные правила, например, гасить огонь в положенные часы; запирать ворота в домах; бродяг и людей, никакого вида о себе не имеющих, заставляют работать или

высылают из города. Запрещают носить оружие людям, к тому не имеющим права, и проч. Запрещают недозволенные сходбища или собрания, разноску и раздачу писем возмутительных или поносительных.

По окончании дня стараются соблюсти спокойство и безопасность в городе и в ночное время, освещают улицы и проч.

558. 7) Установляют верный и одинаковый вес и меру, и препятствуют, чтоб никакого обмана не было чинено.

559. 8) Наемные слуги и поденные работники составляют также предлог сего правления, как для содержания их в своей должности, так и для того, чтоб они должную себе плату верно получали от тех, кои их нанимают.

560. 9) Наконец, нищие, а наипаче нищие-больные привлекают попечение сего правления к себе, во-первых, в том, чтоб заставить работать просящих милостыни, которые руками и ногами своими владеют, а при том, чтобы дать надежное пропитание и лечение нищим немощным.

561. Как установление сего правления: намерение и конец есть хороший порядок и благочиние вообще в гражданском сожитии, то отсюда явствует, что каждый член общества, какого бы чина и состояния он ни был, зависит от сего правления.

562. Где пределы власти полицейской кончатся, тут начинается власть правосудия гражданского.

563. Например. Полиция берет под стражу вора или преступника; она делает ему допрос; однако произведение дела его препоручает тому судебному месту, к которому его дело принадлежит.

564. Изо всего выше писанного явствует, что сему правлению не надлежит налагать на людей тяжких наказаний; довольно для обуздания особ и содержания в порядке дел, оному порученных, чтоб оного наказания состояли в исправлениях, пенях денежных и других наказаниях, наносящих стыд и поношение на поступающих худо и бесчинно, и удерживающих в

почтении сию часть правительства, и в повиновении оному всех прочих сограждан.

565. В судебных местах есть правило, чтоб не судить ни о каких других вещах, кроме представленных в оные надлежащим порядком к суду.

566. Напротив того, Полиция открывает преступления, оставляя в прочем судить дела другим правительствам, и отсылает им оные.

Екатерина

ДОПОЛНЕНИЕ К БОЛЬШОМУ НАКАЗУ

Глава XXII

567. О расходах, доходах и о государственном оных управлении, сиречь о государственном строительстве, инако камерным правлением нарицаемом.

568. Всяк должен здесь самому себе сказать: я человек; ничего, чему подвержено человечество, я чуждым себе не почитаю.

569. Итак: 1) Человека не должно и не можно никогда позабывать.

570. 2) Мало в свете человеком делается, что бы не для человека же было, и большею частию все вещи чрез него же делаются.

571. Первое из сих двух последних изречение по достоинству требует всякого возможного примечания и внимания.

572. Второе — много благодарности и искреннего к трудящимся благоволения.

573. Человек, кто бы он ни был: владелец или земледелатель; рукодельник или торговец; праздный хлебоядец или прилежанием и рачением своим подающий к тому способы; управляющий или управляемый,— все есть человек: сие одно слово подает уже совершенное изображение всех нужд и всех средств к удовольствованию оных.

574. Сколь больше нужд есть еще великому множеству людей, общежитием в государстве соединенных.

575. Вот что называется государственные надобности, из коих истекают государственные издержки и кои состоят в следующем.

576. Сохранение целости государства: 1) Содержанием обороны, сиречь войск сухопутных и морских, крепостей, артиллерии или огнестрелия, и всего, что к тому принадлежит.

577. 3) Соблюдением внутреннего порядка, спокойства и безопасности всякого особенно и всех вообще; содержанием людей для отправления правосудия, благочиния и надзирания над разными установлениями, служащими к общей пользе.

578. 4) Предприятиями, касающимися до пользы общей. К сему относится строение городов, дорог, делание каналов, то есть прокопов, чищение рек, учреждение училищ, больниц и прочие бесчисленные предлоги, коих в подробности здесь описывать краткость сего сочинения не дозволяет.

579. 5) Благопристойность требует, чтоб довольство и великолепие окружали престол, аки источник благоденствия обществу, от которого истекают награждения, ободрения и милости. На все сие расходы нужны и полезны.

580. Сделав краткое описание государственным издержкам, надлежит говорить о доходах государственных и о тех средствах, которыми те сборы сделать можно сносными.

581. Подати суть, как выше показано, дань, которую каждый гражданин платит для сохранения своего собственного благосостояния, спокойствия, жизни и имения.

582. Но — 1) На какие предлоги налагать подати?

583. 2) Как их учинить легчайшими для народа?

584. 3) Как уменьшить издержки при сборах?

585. 4) Как сделать доходы верными?

586. 5) Как оными управлять?

587. Сии вопросы суть те, которые решить весьма нужно, хотя весьма трудно.

588. На 1) Считают пять предлогов, на которые обыкновенно делается накладка: а) лица; б) имения; в) произрастения домашние, употребляемые людьми; г) товары отвозные и привозные; д) действия.

589. На 2) Легчайшими подати почитают те, кои суть добровольны и от принуждений отделяемы, которые более касаются до всех вообще государственных жителей, и умножаются по мере роскоши всякого.

590. Но дабы елико возможно сделать накладки подданным не столь чувствительными, надлежит при том хранить всегдашним правилом, чтоб во всех случаях избегать монополии, то есть не давать, исключая всех прочих, одному промышлять тем или другим.

591. На 3). Уменьшение издержек при сборах требует подробного рассуждения о мелочах и о выключении из числа оных всего того, что иногда причиняет издержки ненужные.

592. На 4). Чем народ будет достаточнее, тем будет в состоянии платить вернее.

593. Можно здесь упомянуть, что вообще есть подати, кои по естеству своему подвержены многим трудностям и некоторым неудобствам, для отвращения коих способы найти должно; другие, кои, за исключением издержек, при оных употребляемых, суть весьма маловажны.

594. Также подлежит и то испытанию, отчего в иных местах бывают недоимки?

595. Оттого ли, что там меньше обращается денег, нежели в других местах?

596. Или оттого, что тягостен делается отвоз избытков;

597. Что искусств и рукоделий там еще довольно не находится;

598. Или что народу там мало средств к обогащению себя;

599. Или то от лени, либо от излишнего, противу других, удручения происходит?

600. Следует на 5) говорить о государственном сборов управлении, или экономии, что инако камерным называется правлением. Но МЫ все сие разумеем под именем государственного строительства.

601. Показано выше, что считают пять предлогов доходам: но налоги в государстве суть, как парусы на корабле — для безопасного оному надежным путем течения и приведения к намереваемому пристанищу, а не для обременения беспрестанного по морю плавания, и, наконец, для гибельного в пучине погружения.

602. Кто о строительстве по деньгам рассуждает, тот видит только окончательный оного исход, а начальных оснований не понима;ет. Но рассматривающий прилежно все дела сего околичности и вникающий в самый нутр оного сыщет и начальное основание, и предмет, и средства действий, самонужнейших для государства.

603. Какие ж начальные основания, крепостию своею содержащие сие строительство? Не иные подлинно, как люди.

604. Отсюда следует, что настоит нужда 1) ободрить размножение народа, чтоб великое число людей было в государстве.

605. 2) Употребить оных в пользу, сколько к чему довольно по количеству людей и пространству земель; способствовать и вспомоществовать разным искусствам и званиям по мере различных степеней надобности их и пользы.

606. Здесь земледелие, само собою, занимает первое место. Ибо оно одно, питая людей, может их привести в такое состояние, чтоб у них и все прочее было. Без земледелия не будет первых веществ на потребу рукоделиям и ремеслам.

607. Должность строительства есть найти средства ободрить владетелей: 1) чтоб они пользовались добротою земель всякого рода, какое бы их употребление ни было и какие бы произведения оные ни приносили; 2) чтоб старались о растении и размножении плодов, лесов, дерев и всех прочих растений, поверехность земли покрывающих; 3) чтоб распложали животных всякого рода и всякого вида ползущих по земле и парящих по воздуху, которые служат к удобрению земли, и которым она взаимно дает пищу; 4) чтоб в пользу свою употребляли металлы или крущцы, соли, камни и прочие минералы внутрь земли крыющиеся, и трудами нашими из недр ее извлекаемые; 5) также и рыбы и вообще все, что ни находится в водах.

608. Вот основание и корень торговли. Чрез торговлю все сии вещи приходят в обращение внутри государства или отвозятся в чужие страны.

609. Внутренняя торговля собственно не может торговлею назваться; она не что иное есть, как простое круговое обращение.

610. Прямая торговля есть та, посредством которой Государство достает себе из чужих земель нужные вещи, коих у себя не имеет, а лишние свои вне пределов отсылает.

611. Но вывоз и привоз товаров подлежат различным законам по различию их предлога.

612. Внешняя торговля не всегда бывает одинаковая.

613. Торговля, хорошо учрежденная и рачительно отправляемая, все животворит, все поддерживает: если она внешняя, и баланс, то есть перевес оной для нас выгоден; если же внутренняя, и круговое обращение никаких препятствий и уз, ее утесняющих, не находит, то в обоих случаях необходимо должна принести всеобщее и постоянное изобилие народу.

614. От чего родятся богатства; которые суть 1) естественные или приобретенные;

615. 2) Существенные или мысленные.

616. В числе естественных богатств можно класть природный ум жителей, который, получив просвещение и будучи ревностию поощрен и возвышен, может простертися далече и великими своими успехами принесть пользу Государству и частным людям немалую.

617. Земли, прилежно испытанные и рачительно обработанные, подают богатую жатву и обильный достаток всяких вещей нужных, полезных и приятных.

618. Богатства приобретенные суть те, которые происходят от рачения и прилежности, господствующей в ремеслах, рукоделиях, художествах и науках.

619. Ободрение много вспомоществует дальнейшему и совершеннейшему знанию и произвождению оных.

620. За приобретенное богатство еще надлежит почитать внутриудобность водяного хода по прокопанным нарочно для того рвам в местах, к судовому ходу без того не способных; извне распространение морской торговли, приращение сухопутной, облегчение и безопасность оные построением, восстановлением, содержанием в хорошем состоянии, и прочности больших дорог, мостов, и плотин.

621. Число вещей, сюда принадлежащих, столь велико, что здесь главнейшие только из них означаются; да и те еще всегда по нуждам и разным видам подвергаются перемене. Однако ж довольно сего, чтоб дать понятие о том, что МЫ под именем государственного строительства разумеем. Прочее оставляется рассуждению тех, кои к исполнению сей важной части приступят, чтобы во глубину оные вникнули.

622. Богатства в государстве суть еще иные существенные, иные мысленные.

623. Существенные суть или недвижимые, или движимые.

624. Оные принадлежат либо Государю, либо частному человеку.

625. Богатства Государевы суть или просто владельческие, поелику некоторые известные земли или вещи ему как частному некоему помещику и господину принадлежат; или как богатства Самодержца, владычествующего по сему Богом данному званию над всем тем, что общенародную казну составляет.

626. Частных людей богатства суть те, коими они владеют как граждане, которых имения суть основанием существенных государства богатств двумя способами: 1) произведениями всякого рода, вступающими от них в торговлю и в круговое обращение; 2) налогами, которые частный человек уплатить инако не может, как посредством сих же самих произведений.

627. Богатства существенные, состоящие в доходах, суть или непременные ,или случайные; и оные принадлежат так, как и земли, либо Государю, либо и человеку частному.

628. Доходы, принадлежащие Государю, суть также двоякого рода: или как частного некоего владельца, или как державы правителя.

629. Государь первыми владеет сам собою.

630. Но поелику Самодержец, счисляет он: 1) все доходы имений государственных во всецелом их объятии; 2) налоги на то, чем другие владеют.

631. Сего последнего дохода благоразумный Самодержец никогда без крайнего соболезнования не умножает и, делая то, прилежно смотрит, чтоб учреждение налогов чинимо было по мере имущества подданных, чтоб не превосходило меры их возможности в рассуждении их имения и чтобы не обременяло граждан больше, нежели естественно им поднять и по справедливости от них требовать можно.

632. Надлежит, чтобы при сборах столько же точность, сколько умеренность и человеколюбие были наблюдаемы.

633. Приметим здесь, что золото и серебро, которые суть попеременно товары и знаки, представляющие все то, что в мену употребить можно, достаются или из рудокопных ям, или чрез торговлю.

634. Золото и серебро приемлется в рассуждение либо как первое простое вещество, либо как вещь, искусством выработанная.

635. Товары и всякое движимое имение суть часто предлогом внутреннего кругового обращения и торговли, с иностранными государствами производимой.

636. И в сем случае, а особливо в последнем, весьма нужно испытать, первое ли простое вещество и совершенная отделка вместе, или одно что-нибудь из них производится нашим народом.

637. Мысленными богатствами могут чрезвычайно умножиться богатства существенные.

638. Оные основаны на кредите или доверенности, то есть на впечатленном и принятом мнении, что платят верно и что в состоянии уплатить.

639. Кредит или доверенность может быть или целого народа, которая видна в банках и в обращении некоторых вещей, от правительства хорошими распоряжениями силу в доверенности получивших, или доверенность людей частных, и то либо раздельно, либо совокупно.

640. Раздельно могут они добросовестием своим, честным поведением и дальновидными намерениями сделаться банкирами не только одного государства, но и всего света.

641. Совокупно могут они сойтись в большие и малые собрания, в купеческие общества; и тогда личная доверенность умножает доверенность общенародную.

642. Но выгоды от богатств естественных и приобретенных, существенных и мысленных не вмещаются в пределах времени настоящего; они распростираются и на будущее, приуготовляя в нужде надежные

способы ко умножению дохода, сии составляют также отрасль государственную строительства.

643. С сими способами то же бывает, что и с доверенностию: разумное употребление размножает оные, а злоупотребление истребляет.

644. Не хорошо ни то, когда их вовсе не ведают, ни другое, когда к ним прибегают беспрестанно. Надобно их искать так, будто бы без них обойтися нельзя было; не должно, напротив того, ими пользоваться, как только в существенной нужде; и с такою же осторожностию щадить их надлежит, будто бы впредь невозможно было сыскать других новых.

645. И к сей-то разумной бережливости ведут нас истинные начальные основания государственного строительства.

646. Общее государственное строительство разделяется на политическое и хозяйское.

647. Политическое объемлет всецелость народа и вещей, рассуждение о состоянии всех людей, о звании и упражнениях их.

648. Всецелость вещей требует хорошо знать каждую из них в подробности и вообще, чтоб можно было судить о взаимном их между собою отношении, и сделать их всех вместе полезными обществу.

649. Хозяйское строительство имеет следующие предлоги. В рассуждении начальных оснований строительства надлежит хранить безвредными источники оного, сделать их, если можно, обильнейшими и почерпать из них, не приводя в скудость и не иссушая их.

650. В рассуждении богатств, надобно в добром состоянии содержать земли и стараться приводить в лучшее.

651. Защищать права, собирать доходы так, чтоб при сборах ничего не пропадало, что в государственную казну войти должно.

652. А при расходах, чтобы каждая часть сборов употреблялась на определенные ей издержки.

653. Чтобы все расходы, если можно, не превышали доходов.

654. И чтобы счеты всегда были в порядке и ясными утверждены доказательствами.

655. Изо всего МНОЮ здесь сказанного о государственном строительстве видно, что разделение самое простое и самое естественное, что собрание и связь понятий, всякому ясных и всем общих, ведут ко прямому определению слова, столь для всего общества важного; что в сей главе все части входят одна в другую по приличному их между собою отношению; что нет из них ни одной, которая бы от прочих не зависела; и что только одно всех сих частей сопряжение может составить, укрепить и в веки продлить безопасность Государства, благосостояние народа и славу Самодержца.
Екатерина

ПАМЯТНАЯ ЗАМЕТКА О «НАКАЗЕ»

В первые три года царствования моего, усматривая из прошений, мне подаваемых, из сенатских и разных коллегий дел, из сенаторских рассуждений и прочих многих людей разговоров неединообразные, ни об единой вещи, установленные правила, законы же, по временам сделанные, соответствующие сему умов расположению, многим казались законами противоречащими; и требовали, и желали, дабы законодательство было приведено в лучший порядок. Из сего, у себя на уме я вывела заключение, что образ мыслей вообще, да и самый гражданский закон не может получить поправления инако, как установлением полезных для всех в империи живущих и для всех вещей вообще правил, мною писанных и утвержденных. И для того я начала читать [разные сочинения] и потом писать Наказ Комиссии Уложения, и читала я и писала два года, не говоря ни слова полтора года, следуя единственно уму и сердцу своему, с ревностнейшим желанием пользы, чести и счастия, и с желанием довести империю до высшей степени благополучия всякого рода, людей и вещей, вообще всех и каждого особенно. Преуспев по мнению в сей работе довольно, я начала

казать по частям, всякому по его вкусу, статьи, мною заготовленные, людям разным, и между прочим князю [Григорию] Орлову и графу Никите Панину. Сей последний мне сказал:

«Ce sont des axiomes à renverser des murailles» [фр.: Это аксиомы, способные разрушать стены]. Князь Орлов цены не ставил моей работе и требовал часто тому или другому показать, но я более листа одного или другого не показывала вдруг. Наконец, подготовив манифест о созыве депутатов со всей империи, дабы лучше опознать каждой округи состояние, съехались оные к Москве в 1767 году, где, быв в Коломенском дворце, назначила я разных персон, вельми разномыслящих, дабы выслушать заготовленный Наказ Комиссии Уложения. Тут при каждой статье родились прения. Я дала им волю чернить и вымарать все, что хотели. Они более половины того, что написано мною было, помарали, и остался Наказ Уложения, яко напечатан, и я запретила на оного инако взирать, как единственно он есть: то есть правила, на которых основать можно мнение, но не яко закон, и для того по делам не выписывать яко закон, но мнение основать на оном дозволено.

Комиссия Уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещися должно. Она все части закона собрала и по материям разобрала, и более того бы сделала, ежели бы Турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поехали в армию.

Наказ Комиссии Уложения ввел единство в правила и в рассуждения не в пример более прежнего, и стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах. По крайней мере, стали знать волю законодателя и по оной поступать.

КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ[1]

10 июля 1774 г.

Поспешествующей милостью мы, Екатерина Вторая, Императрица и самодержица всероссийская: московская, киевская, владимирская, новгородская, царица казанская, царица астраханская, царица сибирская, государыня псковская и великая княгиня смоленская, княгиня эстляндская, лифляндская, карельская, тверская, югорская, пермская, вятская, болгарская и иных государыня и великая княгиня Новагорода Низовские земли, черниговская, рязанская, ростовская, ярославская, белоозерская, удорская, обдорская, кондийская и всея северные страны повелительница, и государыня Иверской земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинской земли, черкасских и горских князей и иные наследная государыня и обладательница, объявляем сим кому о том ведать надлежит, что нынешнего тысяча семьсот семьдесят четвертого года июля в десятый день между нашим императорским величеством и его салтановым в-вом, преизрядных салтанов великим и почтеннейшим королем лепотнейшим, меккским и мединским и защитителем святого Иерусалима, королем и императором пространнейших провинций поселенных в странах европских и ассийских и на Белом и на Черном море светлейшим и державнейшим и величайшим императором, салтаном, сыном салтанов, и королем и сыном королей, салтаном Абдул Гамидом-ханом, сыном салтана Ахмед-хана, по данной с обоих сторон полной васти и мочи, а именно: с нашей стороны сиятельному и благорожденному графу Петру Румянцеву, нашему генерал-фельдмаршалу, малороссийскому генералу-губернатору, Коллегии малороссийской президенту и орденов Св. апостола Андрея, Св. Георгия, Св. Александра Невского и Св. Анны кавалеру; а с его салтанова величества

[1] Цит. по: Под стягом России: Сборник архивных документов. — М., 1992.

стороны его великому везиру и первенствующему управителю Мусун Заде Мегмет Паше, чрез взаимно назначенных от них обоих полномочных комиссаров учинен и заключен трактат вечного мира, в двадцати восьми пунктах состоящий, который в пятый на десять день того же месяца формально и принят за благо, признан и утвержден от сих обоих полной властью и мочью снабденных верховных начальников и который от слова до слова гласит как следует:

ПУНКТЫ ВЕЧНОГО ПРИМИРЕНИЯ И ПОКОЯ МЕЖДУ ИМПЕРИЯМИ ВСЕРОССИЙСКОЙ И ПОРТОЙ ОТТОМАНСКОЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ЛАГЕРЕ ПРИ ДЕРЕВНЕ КЮЧУК КАЙНАРЖЕ В ЧЕТЫРЕХ ЧАСАХ ОТ ГОРОДА СИЛИСТРИИ

Во имя Господа Всемогущего!

Обеих воюющих сторон империи Всероссийской и Порты Оттоманской государи и самодержцы, имея взаимное желание и склонность к прекращению настоящей между обоюдными государствами их продолжающейся войны и к восстановлению мира, чрез уполномочиваемых с обеих сторон поверенных особ действительно определили и уполномочили к соглашению, постановлению, заключению и подписанию мирного трактата между обоюдными высокими империями е. в. императрица всероссийская - графа Петра Румянцова, генерал-фельдмаршала, предводящего армией, малороссийского генерал-губернатора, Коллегии малороссийской президента и орденов Св. апостола Андрея, Св. Георгия, Св. Александра Невского и Св.Анны кавалера; а его султаново в-во верховного Блистательной Порты везира, Муссун-Заде Мегмет-Пашу.

Посему оба главнокомандующие армиями, генерал-фельдмаршал граф Петр Румянцов и верховный везир Муссун-Заде Мегмет-Паша, следуя предположениям их высоких дворов, употребили о том свои попечения, и от верховного визиря со стороны Блистательной Порты присланные 5 июля

1774 г. в стан генерал-фельдмаршала уполномоченные Нишанджи-Ресьми-Ахмет эфендий и Ибрагим-Мюниб-реис-эфендий с избранным и уполномоченным от упомянутого генерал-фельдмаршала князем Николаем Репниным, генерал-поручиком, орденов Св. Георгия большого креста, Александра Невского, польского Белог о Орла и гольштинского Св.Анны кавалером, в присутствии его самого, генерал-фельдмаршала графа Румянцова, согласили, постановили, заключили, предписали и печатями утвердили для вечного мира между империей Всероссийской и Портой Оттоманской нижеследующие артикулы:

Арт. 1. Отныне и завсегда пресекаются и уничтожаются всякие неприятельские действия и вражда, между обеими странами происшедшие, и предаются вечному забвению всякие неприятельские действа и противности, оружием или другим подобием с одной или другой стороны предвосприятые, учиненные и произведенные, и никоим образом отмездия оным да не учинится, но вопреки вместо того да содержится вечный, постоянный и ненарушимый мир на сухом пути и на море. Равномерно ж да сохранится искреннее согласие, ненарушимая вечная дружба и наиприлежнейшее исполнение и сдержание сих артикулов и соединение постановленных между обеими сими высококонтрактующими странами - ее всепресветлейшим императорским в-вом и его султанским в-вом, и их наследниками и потомками, также и между империями, владениями, землями и подданными и обывателями обеих сторон; и так, что впредь с обеих сторон един против другого да не воздвигнет ни тайным, ни явным образом какового-либо неприятельского действия или противности; а вследствие возобновляемой толь искренней дружбы дозволяют обе стороны взаимную амнистию и общее прощение всем тем подданным без всякого отличия, каким бы то образом ни было, которые сделали какое-либо против одной или другой стороны преступление, освобождая на галерах или в темницах находящихся, позволяя возвратиться как изгнанным, так и ссылочным, и обещая после мира

возвратить оным все чести и имения, коими они прежде пользовались, не делая и не допуская прочих делать им какие-либо ненаказуемые ругательства, убытки или обиды, под каким бы претекстом то ни было, но чтобы каждый из них мог жить под охранением и покровительством законов и обычаев земли их равным образом с своими соотчичами.

Арт. 2. Если по заключении сего трактата и по размене ратификаций некоторые из подданных обеих империй, учиня какое-либо тяжкое преступление, преслушание или измену, захотят укрыться или прибегнуть к одной из двух сторон, таковые ни под каким претекстом не должны быть приняты, ниже охранены, но беспосредственно должны быть возвращены или по крайней мере выгнаны из области той державы, в коей они укрылись, дабы от подобных зловредников не могла причиниться или родиться какая-либо остуда или излишние между двумя империями споры, исключая только тех, кои в Российской империи приняли христианский закон, а в Оттоманской империи приняли закон магометанский. Равным образом, если некоторые из подданных обеих империй, как христиане, так и магометане, учиня какое-либо преступление или иное что по какой бы то причине ни было из одной империи прибегут в другую, таковые, когда будут требованы, беспосредственно должны быть возвращены.

Арт. 3. Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы, без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе; и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом, но

признавать и почитать оную татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого Бога, не зависящих; в духовных же обрядах, как единоверные с мусульманами, в рассуждении его султанского в-ва, яко верховного калифа магометанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным, без малейшего предосуждения однако ж утверждаемой для них политической и гражданской вольности. Российская империя оставит сей татарской нации, кроме крепостей Керчи и Ениколя с их уездами и пристанями, которые Российская империя за собой удерживает, все города, крепости, селения, земли и пристани в Крыму и на Кубани, оружием ее приобретенные, землю, лежащую между реками Бердою и Конскими водами и Днепром, также всю землю до Польской границы, лежащую между реками Бугом и Днестром, исключая крепость Очаков с ее старым уездом, которая по-прежнему за Блистательной Портой останется, и обещается по постановлении мирного трактата и по размене оного все свои войска вывесть из их владений, а Блистательная Порта взаимно обязывается, равномерно отрешись от всякого права, какое бы оное быть ни могло, на крепости, города, жилища и на все прочее в Крыму, на Кубани и на острове Тамани лежащие, в них гарнизонов и военных людей своих никаких не иметь, уступая оные области таким образом, как российский двор уступает татарам в полное самодержавное и независимое их владение и правление. Також наиторжественнейшим образом Блистательная Порта обязывается и обещает и впредь в помянутые города, крепости, земли и жилища гарнизонов своих и всяких, какого бы звания ни были, своих людей военных в оные не вводить и там не содержать, ниже во внутри области сей сейменов или других военных людей, какого бы звания ни были, иметь, а оставить всех татар в той же полной вольности и независимости, в каковых Российская империя их оставляет.

Арт. 4. С естественным всякой державы правом сходствует делать в собственных землях своих таковые распоряжения, каковые за благопристойные оными найдутся; вследствие чего предоставляется взаимно обеим империям полная и беспредельная вольность строить вновь в областях и границах своих в таковых местах, каковые найдутся удобными, всякого рода крепости, города, жилища, здания и селения, равно как починять или поправлять старые крепости, города, жилища и проч.

Арт. 5. По заключении сего блаженного мира и по возобновлении соседственной искренней дружбы российский императорский двор будет всегда при Блистательной Порте иметь второго ранга министра, то есть посланника, или полномочного министра, Блистательная же Порта употребит в рассуждении его характера все то внимание и уважение, которые наблюдаются к министрам отличнейших держав, и во всех публичных функциях помянутый министр должен следовать беспосредственно за цесарским министром, если он в равном с ним характере; когда же другого, то есть большего или меньшего, тогда беспосредственно должен он следовать за голландским послом, а в небытность оного за венецианским.

Арт. 6. Если кто-нибудь из находящихся в действительной службе министра Российской империи, во время его при Блистательной Порте пребывания учиня какую-либо покражу, важное преступление или непристойное наказания заслуживающее дело, для избежания помянутого наказания захочет сделаться турком, таковой хотя и не должен быть отвергнут, однако по учинении ему достойного наказания должно в целости возвратить покраденные вещи, сходственно с объявлением министра; таковые же, которые захотят сделаться магометанами в пьянстве, не должны быть в магометанский закон приняты, разве по прошествии его пьянства и когда память его придет в естественное свое состояние, но и тогда последнее его признание должно сделано быть в присутствии присланного от министра переводчика и нескольких беспристрастных мусульман.

Арт. 7. Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного, равным образом дозволяет министрам российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в 14-м артикуле церкви, так и служащим оной разные представления и обещает принимать оные в уважение, яко чинимые доверенной особой соседственной и искренно дружественной державы.

Арт. 8. Как духовным, так и светским Российской империи подданным да позволится свободно посещать святой град Иерусалим и другие места, посещения достойные, и от подобных странствующих и путешественников да не будет требовать ни в Иерусалиме, ни в других местах, ниже на пути от кого бы то ни было никакой харач, подать, дань или другие какие налоги; но сверх того да будут они снабжаемы надлежащими пашпортами и указами, которые прочих дружеских держав подданным даются. Во время же пребывания их в Оттоманской империи да не будет учинено им ни малейшей обиды, ниже оскорблений, но да будут они со всей строгостью законов защищаемы.

Арт. 9. Переводчики, служащие при российских министрах, в Константинополе находящиеся, какой бы нации они ни были, поелику суть люди в государственных делах упражняющиеся, следственно, и обеим империям служащие, должны быть уважаемы и трактуемы со всякой благосклонностью, в налагаемых же на них от начальников их делах не должны они терпеть.

Арт. 10. Если между подписания сих мирных пунктов и получения о том от главнокомандующих взаимными армиями повелений произойдут где-либо каковые действия военные, оные никоторая сторона не примет себе за оскорбление, так как и самые в том успехи и приобретения уничтожаются и оными ни одна сторона пользоваться не должна.

Арт. 11. Для выгодностей и пользы обеих империй, имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих; и Блистательная Порта позволяет таковым точно купеческим российским кораблям, каковы другие государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное, так как и приставать ко всем гаваням и пристаням, на берегах морей и в проездах или каналах, оные моря соединяющих, находящимся. Позволяет также Блистательная Порта в областях своих подданным Российской империи иметь коммерцию как на сухом пути, так и на водах кораблеплаванием и в реке Дунае, сходственно вышеизображенному в сем артикуле, с такими ж преимуществами и выгодами, каковыми во владениях ее пользуются прочие народы, в наибольшей дружбе с ней пребывающие и коим преимущественно в коммерции Блистательная Порта благоприятствует, как то французы и англичане; и капитуляции сих двух наций и прочих, якобы слово до слова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как для коммерции, так и для купцов российских, кои, платя с ними равные пошлины, могут привозить и отвозить всякие товары и приставать ко всем пристаням и гаваням как на Черном, так и на других морях лежащим, включительно и константинопольские.

Позволяя вышеписаным образом взаимным подданным коммерцию и кораблеплавание на всех водах без изъятия, позволяют тут же обе империи купцам пребывать в областях своих столько времени, сколько интересы их востребуют, и обещают им ту же безопасность и свободу, каковыми прочие дружеских дворов подданные пользуются.

А дабы во всем наблюдаем был добрый порядок, равным образом Блистательная Порта позволяет иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут надобными, назначить заблагорассудит, которые будут почитаемы и

уважаемы в равенстве с прочими дружеских держав консулами, дозволяет им также иметь при себе переводчиков, называемых баратлы, то есть патентованных, снабдя оных императорскими патентами, и которые равным образом будут пользоваться теми же преимуществами, коими пользуются находящиеся в службе помянутых французской и английской и других наций.

Российская империя дозволяет также подданным Блистательной Порты в областях своих коммерцию как на море, так и на сухом пути с теми же преимуществами и выгодами, каковыми пользуются народы, в наибольшей дружбе с ней находящиеся, с платежом обыкновенных пошлин. В несчастьях же, могущих случиться судам, имеют обе империи взаимно подавать им все те вспоможения, которые всем прочим дружественным народам в подобных случаях подаются, а нужные вещи будут им доставлены за обыкновенную цену.

Арт. 12. Когда российский императорский двор похочет сделать коммерческие трактаты с африканскими, то есть Трипольским, Тунисским и Алжирским кантонами, Блистательная Порта обязывается употребить власть свою и кредит к приведению в совершенство помянутого двора намерения и быть в рассуждении вышереченных кантонов ручательницей в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют.

Арт. 13. Блистательная Порта обещает употреблять священный титул императрицы всероссийской во всех актах и публичных грамотах, так как и во всех прочих случаях на турецком языке, то есть:

ТЕМАМЕН РУССИЕЛЕРИН ПАДЫШАХ.

Арт. 14. Российскому высочайшему двору, по праву других держав, позволяется, кроме домашней в доме министра церкви, воздвигнуть в части Галата, в улице Бей Оглу называемой, публичную греко-российского исповедания церковь, которая всегда под протекцией оной империи

министров остаться имеет и никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет.

Арт. 15. Таковым образом, как определяются границы двух контрактующих империй, хотя и есть причина полагать, что взаимные подданные не будут иметь более случая к важным между собой распрям и раздорам, со всем тем, на всякий нечаянный случай, для избежания всего того, что бы могло произвесть некоторую остуду или причинить оскорбления, обе империи соглашаются в том, что всякие подобные случаи должны быть рассматриваемы пограничными губернаторами и комендантами или посредством нарочно назначенных для сего комиссаров, которые по пристойном рассмотрении кому надлежит имеют отдать настоящую справедливость без малейшей времени отсрочки, с точным договором, что подобные происшествия никогда не могут служить претекстом к самомалейшему раздражению дружбы и доброго согласия, настоящим трактатом восстановленных.

Арт. 16. Российская империя возвращает Блистательной Порте всю Бессарабию с городами Аккерманом, Килией, Измаилом и прочими, с слободами, деревнями и всем тем, что оная провинция в себе содержит; равномерно возвращает ей и крепость Бендеры. Возвращает также Российская империя Блистательной Порте оба княжества Волошское и Молдавское со всеми крепостями, городами, слободами, деревнями и всем тем, что в оных находится; а Блистательная Порта приемлет оные на следующих кондициях, с торжественным обещанием свято наблюдать оные:

1. Наблюдать в рассуждении всех жителей сих княжеств, какого бы достоинства, степени, состояния, звания и рода они ни были, без малейшего исключения, полную амнистию и вечное забвение, постановленные в первом сего трактата артикуле, против всех тех, кои действительно преступили или подозреваемы в намерении вредствовать интересам Блистательной Порты,

восстановляя оных в прежние их достоинства, чины и владения и возвратя им имения, коими они прежде настоящей войны пользовались.

2. Не препятствовать, каким бы то образом ни было, исповеданию христианского закона совершенно свободному, так как созиданию церквей новых и поправлению старых, как то прежде сего было.

3. Возвратить монастырям и прочим партикулярным людям земли и владения, прежде сего им принадлежащие, и которые потом против всей справедливости были у них отняты, около Браилова, Хотина, Бендер и прочих, и ныне раями называемых.

4. Признавать и почитать духовенство с должным оному чину отличием.

5. Фамилиям, пожелающим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободный выезд со всем их имением; а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел, дается им год времени для сего свободного из отечества переселения, считая со дня размена настоящего трактата.

6. Не требовать или не взыскивать никакой денежной или другой суммы за старые счеты, какого бы существа они ни были.

7. Не требовать от них никакой контрибуции или платежа за все военное время, а за многие их страдания и разорения, в течение сей войны ими претерпенные, и еще впредь на два года, считая со дня размена сего трактата.

8. По истечении помянутого времени обещает наблюдать всякое человеколюбие и великодушие в положении на них подати, состоящей в деньгах, и получать оную посредством присылаемых депутатов всякие два года; при таковом их наложенной на них подати точном платеже никто из пашей, из губернаторов или какая бы то ни была особа не имеет притеснять их или требовать от них какого-либо платежа или других налогов, под каким бы именованием или претекстом то ни было, но дозволить им пользоваться

теми ж самыми выгодами, коими пользовались они во время царствования достойной памяти султана Мегмета Четвертого, любезного родителя его султанова в-ва.

9. Позволяет князьям сих двух княжеств каждому с своей стороны иметь при Блистательной Порте поверенного в делах из христиан греческого закона, которые будут бдеть о делах, до помянутых княжеств касающихся, и будут Блистательной Портой благосклонно трактованы и в малости их почитаемы, однако ж людьми, народным правом пользующимися, то есть никакому насилию не подверженными.

10. Соглашается также, чтоб по обстоятельствам сих княжеств министры российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оным с сходственным к дружеским и почтительным державам уважением.

Арт. 17. Российская империя возвращает Блистательной Порте все Архипелагские острова, под ее зависимостью находящиеся, а Блистательная Порта со своей стороны обещает:

1. Наблюдать свято в рассуждении жителей оных островов кондиции, в первом артикуле постановленные, касательно общей амнистии и совершенного забвения всякого рода преступлений, учиненных или подозреваемых быть оными учиненные в предосуждение интересам Блистательной Порты.

2. Что христианский закон не будет подвержен ни малейшему притеснению, так как и церкви оного, ниже будет препятствовано к перестроиванию или поправлению оных; люди же, в них служащие, равным образом не имеют быть оскорбляемы, ниже притесняемы.

3. Что не будет от них требован платеж никакой подати, ежегодно ими платимой, со времени, как они находятся под зависимостью Российской империи, по причине великого их претерпения в продолжение настоящей

войны, впредь на два года, считая со времени возвращения оных островов ей, Блистательной Порте.

4. Фамилиям, пожелающим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободный выезд со всем их имением; а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел их, дается им год времени для сего свободного из отечества переселения, считая со дня размена настоящего трактата.

5. В случае, когда российский флот при самом его отъезде, что имеет учинено быть в три месяца, считая со дня размена настоящего трактата, будет иметь в чем нужду, Блистательная Порта обещает снабдить его всем тем, чем ей возможно будет.

Арт. 18. Замок Кинбурн, лежащий на устье реки Днепра, с довольным округом по левому берегу Днепра и с углом, который составляет степи, лежащие между рек Буга и Днепра, остается в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи.

Арт. 19. Крепости Еникале и Керчь, лежащие в полуострове Крымском, с их пристанями и со всем в них находящимся, тож и с уездами, начиная от Черного моря и следуя древней Керчинской границе до урочища Бугак, и от Бугака по прямой линии кверху даже до Азовского моря, остаются в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи.

Арт. 20. Город Азов с уездом его и с рубежами, показанными в инструментах, учиненных в 1700 г., то есть в 1113-м, между губернатором Толстым и агугским губернатором Гассаном-Пашой, вечно Российской империи принадлежать имеет.

Арт. 21. Обе Кабарды, то есть Большая и Малая, по соседству с татарами большую связь имеют с ханами крымскими, для чего принадлежность их императорскому российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского, с советом его и с старшинами татарскими.

Арт. 22. Обе империи согласились вовсе уничтожить и предать вечному забвению все прежде бывшие между ими трактаты и конвенции, включительно Белградские, с последующими за ним конвенциями, и никогда никакой претензии на оных не основывать, исключая только в 1700 г. между губернатором Толстым и агугским губернатором Гассаном-Пашою касательно границ Азовского уезда и учреждения кубанской границы учиненную конвенцию, которая останется непременной, так, как она была и прежде.

Арт. 23. В части Грузии и Мингрелии находящиеся крепости Богдадчик, Кутатис и Шегербань, российским оружием завоеванные, будут Россией признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали, так что ежели подлинно оные города издревле или с давнего времени были под владением Блистательной Порты, то будут признаны ей принадлежащими; а по размене настоящего трактата в условленное время российские войска выдут из помянутых провинций Грузии и Мингрелии. Блистательная же Порта с своей стороны обязывается, в сходственность с содержанием первого артикула, дозволить совершенную амнистию всем тем, которые в том краю в течение настоящей войны каким ни есть образом ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать дани отроками и отроковицами и всякого рода других податей, обязывается не почитать между ими никого за своих подданных кроме тех, кои издревле ей принадлежали; все замки и укрепленные места, бывшие у грузинцев и мингрельцев во владении, оставить паки под собственной их стражей и правлением, так как и не притеснять никоим образом веру, монастыри и церкви и не препятствовать поправлению старых, созиданию новых, и да не будут притесняемы какими-либо требованиями от губернатора чилдирского и от прочих начальников и офицеров к лишению их имений. Но как помянутые народы находятся подданными Блистательной Порты, то

Российская империя не имеет совсем впредь в оные вмешиваться, ниже притеснять их.

Арт. 24. По подписании и утверждении сих артикулов точас все находящиеся войска российские на правой стороне Дуная в Болгарии в обратный путь вступят, и чрез месяц от подписания перейдут на левый берег Дуная; когда же все чрез Дунай переправятся, тогда отдадут турецким войскам замок Гирсов, выступя и из оного места по переходе всех российских войск на левый берег Дуная, потом испражняться станут в одно время Валахия и Бессарабия, на которое полагается два месяца времени; а по выступлении всех войск из оных провинций оставятся турецким войскам с одной стороны крепости Журжа и потом Браилов, а с другой город Измаил, крепости Килия, а потом Аккерман, выведя оттоль российские императорские войска вслед за прежними; всего ж времени на испражнение вышеупомянутых провинций полагается три месяца.

Наконец, из Молдавии российские императорские войска выступят потом чрез два месяца и перейдут на левую сторону Днестра; и тако испражнение всех вышепомянутых земель учинится чрез пять месяцев с вышеписаного подписания вечного примирения и покоя между двух контрактирующих империй. А когда все российские войска перейдут на левую сторону Днестра, тогда оставятся войскам турецким крепости Хотин и Бендер, с той, однако ж, кондицией, что если тогда уже отданы будут Российской империи в полное, вечное и непрекословное владение замок Кинбурн с его положенным округом и с степью между Днепра и Буга, как гласит 18-й артикул пунктов вечного примирения и покоя между двумя империями.

Что ж касается до Архипелагских островов, то оные российским императорским флотом и войсками оставлены будут по-прежнему в неоспоримое владение Оттоманской Порте, как только скоро домашние распорядки и учреждения того российского императорского флота позволят,

понеже здесь тому точного времени определить не можно. А Блистательная Порта Оттоманская для скорейшего того флота оттоль отплытия всем нужным для него, как уже дружественная держава, обязуется, чем ей возможно будет, снабдить оный.

Доколь российские императорские войска пребудут в отдаваемых Блистательной Порте провинциях, правление и порядок в оных имеют остаться так властно, как в настоящее время суть оные под обладанием их, и Порта на то время и до срока выхода всех войск вступаться в оные не имеет. Российские войска в сих землях до последнего дня своего выступления получать будут всякие потребные себе вещи и снабдения питательными и прочими припасами, равным образом как и ныне то им доставляется. Не прежде войскам Блистательной Порты вступить в отдаваемые крепости и не прежде оной власть свою внесть и коснуться отдаваемых земель, как об оставлении каждой из оных российскими войсками командир оных уже уведомит определенную к тому начальствующую особу со стороны Порты Оттоманской.

Магазины свои питательные и военные в крепостях, городах и где оные ни есть, российские войска испорожнять могут, как хотят, а оставят только в крепостях, отдаваемых Блистательной Порте, одну турецкую артиллерию, сколько ныне оной находится в них. Жители всякого рода и звания всех земель, возвращаемых Блистательной Порте, вступившие в службу императорскую российскую и кои токмо пожелают, сверх данного их годового срока в артикулах мирных договоров 16 и 17, могут с своим семейством и с своим имением купно с российскими войсками отойти и переселиться, что им Блистательная Порта, по силе установления в вышеименованных артикулах, и тогда и во весь годовой срок обязывается никоим образом не возбранять.

Арт. 25. Все военнопленники и невольники мужеского или женского рода, какого бы достоинства или степени ни нашлись в обеих империях,

исключая тех, кои из магометан в империи Российской добровольно приняли закон христианский, а христиане, кои в Оттоманской империи добровольно ж закон магометанский, по размене ратификаций сего трактата беспосредственно и без всякого претекста взаимно должны быть освобождены, возвращены и препоручены без всякого выкупа или платежа, так как и все прочие в неволю попавшиеся христиане, то есть поляки, молдавцы, волохи, пелопонесцы, островские жители и грузинцы, все без малейшего изъятия, равномерно ж без выкупа или платежа должны быть освобождены. Равным же образом должны быть возвращены и препоручены все те российские подданные, которые по какому-либо случаю по заключении сего блаженного мира попались бы в неволю и нашлись в Оттоманской империи, что самое чинить обещает взаимно и Российская империя против Оттоманской Порты и ее подданных.

Арт. 26. По получении отсель известия о подписании сих пунктов командующему российской армией в Крыму и губернатору очаковскому тотчас обослаться между собой и в два месяца от подписания сего выслать взаимных доверенных людей для отдачи и принятия замка Кинбурна с степью, как определено в предыдущем 18-м артикуле, что и исполнить тем доверенным конечно в два месяца времени от своего съезда, дабы в четыре месяца от подписания сего трактата конечно то точно исполнено и кончено было, а если можно, и скорее; о исполнении ж тотчас дать знать их сиятельствам господам генерал-фельдмаршалу и верховному визирю.

Арт. 27. Но дабы тем наивящие между обеих империй настоящий мир и истинная дружба заключены и утверждены были, торжественно от обеих сторон будут отправлены чрезвычайные послы с подтверждающими заключенный мирный трактат императорскими ратификациями в то время, которое с общего обоих дворов согласия назначено будет. Оба посла равным образом встретятся на границах и будут приняты и почтены теми же обрядами и тем же образом, каковые употребляются при взаимных

посольствах между наиболее почтительными европейскими с Оттоманской Портой державами.

В знак же дружества взаимно с оными послами имеют быть посланы подарки, с достоинством их императорских в-в сходственные.

Арт. 28. По подписании сих артикулов вечного мира вышеименованными генерал-поручиком князем Репниным и Блистательной Порты Нишанджи Ресьми Ахмет ефендием и Ибраим Мюниб реиз ефендием должны престать военное действия в главных армиях и во всех отдельных частях войск взаимных на сухом пути и на водах, с получения о сем от главнокомандующих взаимными армиями повелений. И для того от упомянутых генерал-фельдмаршала и верховного визиря имеют быть тотчас посланы курьеры в Архипелаг на флот, стоящий в Черном море против Крыма и в другие места, где военные действия настоят с той и другой стороны, чтобы по силе заключенного мира прекратились везде неприязнь и всякие действия оружия, а курьеров сих снабдить повелениями от генерал-фельдмаршала и от верховного визиря так, чтобы российский курьер, буде приедет скорее к начальнику своей стороны, мог чрез него турецкому доставить повеление верховного визиря, а когда курьер верховного визиря прежде поспеет, то турецкий начальник доставил бы повеление фельдмаршальское начальнику российскому.

А как договоры и постановления сего заключенного мира от государей взаимных империй возложены на главных командиров их армий, то есть фельдмаршала графа Петра Румянцова и верховного Блистательной Порты визиря Муссун Заде Мегмет-Пашу, то им, фельдмаршалу и верховному визирю, все вышеписаные артикулы вечного мира, как они в сем пункте выражены, так властно, как бы оные сделаны были в личном их обоих присутствии, утвердить в силу полномочия каждому из них от своего государя данного, своими подписями и печатями и все в оных постановленное, обещанное твердо и непоколебимо содержать и точно

исполнять и ничего в противность тому не чинить и не допущать, чтобы от кого-либо учинилось, и ими подписанные и печатями их утвержденные экземпляры сему равногласные, верховного визиря на турецком и итальянском языках, а от генерал-фельдмаршала на российском и на итальянском языках, равно и полномочия, от государей им данные, чрез сих же вышеименованных особ, кои от стороны Блистательной Порты к генерал-фельдмаршалу присланы, разменять взаимно от подписания сего в пять дней непременно, а ежели можно, и скорее, предопределяя им оные от генерал-фельдмаршала графа Румянцова тогда принять, сколь скоро от верховного визиря таковые ж предъявят полученными.

Июля десятого дня тысяча семьсот семьдесят четвертого года.

Князь Николай Репнин

Сии вечного мира вышеписаные пункты в двадцати осьми артикулах между пресветлейшей империей Всероссийской и Блистательной Портой Оттоманской, подписанные руками и укрепленные печатями полномочных обоих высоких сторон при деревне Кючюк-Кайнарджи с российской генералом-поручиком князем Репниным, а с оттоманской Нисанжи Ресми Ахмет эфендием и Ибрагим Мюниб рейс эфендием, я данной мне полной мочью е.и.в. всепресветлейшей державнейшей великой и всемилостивейшей моей государыни принимаю, признаю и во верность своеручной подписью и приложением герба моего печати утверждаю. В лагере при деревне Кючук-Кайнарджи.

Июля пятого на десять дня тысяча семьсот семьдесят четвертого года.

Генерал-фельдмаршал граф Румянцов

И наше императорское в-во вышеписаный вечного мира трактат сим ратификуем и подтверждаем, обещая нашим императорским словом за себя и за наследников наших оный трактат в вечную с его салтановым в-вом дружбу с своей стороны во всем, как оный гласит, ненарушимо содержать и

исполнять, и для вящего уверения того мы сию нашу ратификацию нашей государственной печатью утвердить повелели.

Дана в С.-Петербурге августа первого на десять дня тысяча семьсот семьдесят четвертого, государствования нашего третьего на десять года.

УКАЗЫ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЁВА[1]

5 октября 1773 г.

№ 3. Указ Пугачева солдатам

...Сим моим имянным указом регулярной команде повелеваю: Как вы, мои верные рабы, регулярные солдаты, редовые и чиновные, наперед сего служили мне и предкам моим, великим государям, императорам всероссийским, верно и неизменно, так и ныне послужите мне, законному своему великому государю Петру Феодоровичу до последней капли крови. И, оставя принужденное послушание к неверным командирам вашим, которые вас развращают и лишают вместе с собою великой милости моей, придите ко мне с послушанием и, положа оружие свое знаменами моими, явите свою верноподданическую мне, великому государю, верность...

№ 4. Указ Пугачева рабочим людям

17 октября 1773 г.

...И повеления мои исполнити, со усердием ко мне приезжайте, то совершенно меня за оное приобрести можите к себе мою монаршескую милость. А ежели моему указу противиться будете, то в скорости восчувствуити на себя праведны мой гнев и власти всевышнего создателя

[1] Цит. по: Хрестоматия по истории СССР XVIII века. — М., 1989. С. 392—394.

нашего избегнуть не можете. Никто вас истинным (от) нашей руки защитить не может...

№ 5. Указ Пугачева

17 декабря 1773 г.

...Всех моих верноподданых рабов желаю содержать в моей, яко от бога дарованной мне, милости всякого человека тех, которые ныне желают быть в моем подданстве и послушании по самопроизвольному желанию. А естли кто сверх сего моего до всего народа чинимого милосердия останется в своем недоразумении, тот уже напоследок восприимет от меня великое истязание и ничем себя не защитит...

А естли кто не будет на сие мое воздаваемое милосердие смотреть, яко то: помещики и вотчинники, тех, как сущих преступников закона и общего покоя, злодеев и противников против воли моей императорской, лишать их всех жизни, то есть казнить смертию, а домы и все имение брать себе в награждение...

<…>

...А ныне ж я вас всех один ис потерянных объявился и всю землю своими ногами исходил и для дарования вас милосердия от создателя создан...

<…>

...И естли кто ныне познает сие мое оказанное милосердие, действительно я уже все всех пожаловал сим награждением: землею, рыбными ловлями, лесом, бортями, бобровыми гонами и протчими угодьями, также вольностию...

<…>

...А хотя и восхощет обратиться к законному повиновению и будет стараться и споспешествовать и приносить неизменные услуги, но только

ничего принято не будет; тогда уже и воздохнет из глубины сердца своего и воспамянет всемирное житие свое, да уже возвратить тогда будет никак нельзя...

№ 6. Указ Пугачева крестьянам

31 июля 1774 г.

...кои прежде были дворяне в своих поместиях и водчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами...

<…>

...Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, волностью и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без аброку и освобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян градцких мздоимцев-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощениев.

УЧРЕЖДЕНИЕ О ГУБЕРНИЯХ[1]

7 ноября 1775 г.

[Извлечение]

Глава I. Примерный штат губерний

1. *Коликое число душ в губернии примерно полагается*

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. № 14392.

Дабы губерния, или наместничество, порядочно могла быть управляема, полагается в оной от трех до четырехсот тысяч душ.

2. *Определение генерал-губернатора*

Для управления же губернии или наместничества полагается государев наместник или генерал-губернатор.

3. *Определение губернатора*

В губернии или наместничестве учреждается правитель наместничества или губернатор.

4. *Учреждение правления губернскаго*

В губернии учреждается правление наместническое или губернское.

5. *О присутствующих в правлении*

В наместническом правлении заседает государев наместник или генерал-губернатор, правитель наместничества или губернатор с двумя советниками.

6. *Учреждение уголовной палаты*

В губернии учреждается палата уголовнаго суда.

7. *О присутствующих в уголовной палате*

В палате уголовнаго суда заседает председатель один, два советника и два асессора.

8. *Учреждение гражданской палаты*

В губернии учреждается палата гражданскаго суда.

9. *О присутствующих в гражданской палате*

В палате гражданскаго суда заседает председатель один, два советника и два асессора.

10. *О определении губернского землемера*

В губернии определяется губернский землемер.

11. *Учреждение казенной палаты*

В губернии учреждается палата для домостроительных дел и управления казенных доходов императорского величества.

12. *О присутствующих в казенной палате*

В казенной палате заседает порутчик правителя или вице губернатор, директор экономии или домоводства, один советник, два асессора, и один губернской казначей.

13. *Учреждение верховного земскаго суда*

В каждом наместничестве или губернии учреждается верьхний земский суд, а буде обширность наместничества того требует, то дозволяется учредить в наместничестве более одного верьхняго земскаго суда.

14. *О присутствующих в верьхнем земском суде*

В верьхнем земском суде заседает перьвый и второй председатель и десять заседателей.

15. *О разделении губернии на провинции*

Буде нужда того требует, то наместничество или губернию разделить на области или провинции.

16. *О разделении губернии на уезды*

Наместничества и области разделяются на уезды или округи.

17. *Примерное число душ в уезде*

В уезде, или округе считается от двадцати до тридцати тысяч душ.

18. *Учреждение уездного суда*

В каждом уезде, или округе учреждается уездный или окружной суд.

19. *О присутствующих в уездном суде*

В уездном, или окружном суде заседают уездный, или окружной судья и два заседателя.

20. *Учреждается дворянская опека*

При каждом уездном суде учреждается место под названием: дворянская опека.

21. *О присутствующих в дворянской опеке*

В дворянской опеке председает уездный дворянский предводитель, и заседает уездный судья и его заседатели.

22. *Учреждение нижняго земскаго суда*

В каждом уезде, или округе учреждается нижний земский суд.

23. *О присутствующих в нижнем земском суде*

В нижнем земском суде заседает земский исправник, или капитан, и два или три заседателя, смотря на обширность уезда.

24. *Определение казначея, землемера, доктора, лекаря и проч.*

В каждом уезде или округе определяется уездный казначей один, землемер присяжный один, доктор один, лекарь один, подлекарей два и лекарских учеников два.

25. *Определение городничего*

В каждом городе, где нет коменданта, определяется городничий.

26. *Старосты и судьи словеснаго суда остаются*

По городам и посадам старосты и судьи словеснаго суда остаются на прежнем основании.

27. *Ратушам быть по посадам*

Ратушам быть только по посадам.

28. *Городовые магистраты остаются*

В городах остаться имеют городовые магистраты.

29. *О присутствующих в городовом магистрате*

В городовом магистрате присутствовать имеют два бургомистра и четыре ратмана.

30. *Учреждение городоваго сиротскаго суда*

При каждом городовом магистрате учреждается городовый сиротский суд.

31. *О присутствующих в городовом сиротском суде*

В городовом сиротском суде председает городской глава и заседают два члена городоваго магистрата, и городовый староста.

32. *Учреждение губернскаго магистрата*

В каждом наместничестве учреждается губернский магистрат, и буде обширность наместничества того требует, то дозволяется учредить в наместничестве более одного губернскаго магистрата.

33. *О присутствующих в губернском магистрате*

В губернском магистрате заседает перьвый и вторый председатель и шесть заседателей.

34. *Учреждение нижней расправы*

В губернии учреждается по усмотрению генерал-губернатор, соображаясь с обширностию наместничества и обстоятельствами разнообразных уездов, для однодворцов и прочих, о коих в 335 статье ниже сего сказано, у каждых от десяти до тридцати тысяч душ, по одному суду под названием: нижняя расправа.

35. *О присутствующих в нижней расправе*

В нижней расправе заседает расправный судья и восемь заседателей, из коих двое отсылаются для заседания в нижнем земском суде, и двое для заседания в совестном суде по делам до их селений касающимся.

36. *Учреждение верьхней расправы*

В губернии, где учреждена одна, или более, нижняя расправа, там учреждается и суд под названием: верьхняя расправа, и буде обширность наместничества того требует, то дозволяется учредить в наместничестве более одной верьхней расправы.

37. *О присутствующих в верьхней расправе*

В верьхней расправе заседают перьвый и вторый председатель и десять заседателей.

38. *Учреждение приказа общественного призрения*

В каждом наместничестве или губернии учреждается по одному приказу под названием: приказ общественного призрения.

39. *О присутствующих в приказе общественного призрения*

В приказе общественнаго призрения председает губернатор сам и заседают двое заседателей верьхняго земскаго суда, двое заседателей губернскаго магистрата, да два заседателя верьхней расправы (где есть; где же которых нет, то само собою разумеется, что в заседании не будут).

40. *Учреждение совестнаго суда*

В каждом наместничестве учреждается по одному суду под названием: совестный суд.

41. *О присутствующих в совестном суде*

В совестном суде председает судья совестнаго суда того наместничества, и заседают по дворянским делам двое дворян, по городовым делам двое граждан, по расправным делам двое поселян.

42. *Определение губернскаго прокурора и губернских стряпчих*

При наместническом правлении и при палатах определяется губернский прокурор, губернский стряпчий казенных дел, и губернский стряпчий уголовных дел.

43. *Определение прокурора и стряпчих при верьхнем земском суде*

При верьхнем земском суде определяются прокурор, стряпчей казенных дел, и стряпчей уголовных дел.

44. *Определение прокурора и стряпчих при губернском магистрате*

При губернском магистрате определяется прокурор, стряпчей казенных дел, и стряпчей уголовных дел.

45. *Определение прокурора и стряпчих при верьхней расправе*

При верьхней расправе определяется прокурор, стряпчей казенных дел, и стряпчей уголовных дел.

46. *Определение в уезде уезднаго стряпчего*

В каждом уезде, или округе определяется уездный стряпчей один.

Глава XIX. О городничем и его должности

253. В каждом уездном городе, где нет коменданта, определяется городничий; где же есть коменданты, то поручается им исполнение нижеписанного в сей главе (в столице же обер-полицмейстеру).

254. Городничий не судья, но долженствует, во-1-х, иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и порядок; 2. Чтоб предписанное законами полезное в городе исполняемо и сохраняемо было; в случае же нарушения оного городничий, по состоянию дела, несмотря ни на какое лицо, всякому напоминать может о исполнении предписанного законом; а в случае непослушания даст о том знать судебному месту для суждения виновного; 3. Городничий в городе право имеет привести в действие повелении правления, решения палат и прочих судов.

255. Городничему надлежит отправлять должность свою с непоколебимою верностию и ревностию к службе и. в., с доброхотством и человеколюбием к народу, с осторожною кротостию, без ослабления во всех делах, и с непрестанным бдением, дабы установленный порядок всеми и каждым в городе сохранен был в целости.

256. Городничий сам и все в городе живущие обязаны клятвою пред всемогущим богом в сохранении ненарушимо подданической верности к особе и. в. и как без нарушения временного и вечного своего блаженства клятву свою преступить не могут, для того городничему поручается и предписывается бдение, дабы никто, в противность подданического долга и послушания, в городе ничего не предпринял и не учинил. Буде же паче чаяния где окажется сему противное предприятие, то городничий не только о том уведомить долженствует губернское правление и (главнокомандующего или правителя губернии), но имеет до того не допустить и смирить, по мере данной ему власти, нарушителя общего, частного и собственного своего покоя и блаженства, в чем всякий верный и. в. подданный обязан, по мере власти, силы и возможности своей, помогать городничему.

257. Штатные команды, кои в городах находятся при разных караулах присутственных мест или при должностях, суть в команде городничего, который в случае опасности (оставя часовых, где необходимо нужно) оные собрать и употребить может для предохранения общего блага от опасности; почему городничему надлежит за исправным состоянием той штатной команды прилежное смотрение иметь...

264. Буде в городе окажется ослушание от целого общества, то городничий о сем уведомит (губернское правление и главнокомандующего или правителя губернии) наместническое правление и генерал-губернатора, или правителя наместничества, а между тем приложит старание ослушных привести в послушание, по мере данной ему власти...

269. Городничий смотрение иметь должен в городе за местами, переправами и улицами, дабы они в таком исправленном состоянии были, чтоб на них остановки и опасности никому не приключилось; и буде где испортятся, поправлять велит тем, кому надлежит, без упущения времени, и к тому принудить может...

274. Городничий словами долженствует поощрять обывателей не токмо ко всякому роду дозволенного трудолюбия, рукоделия и промысла, но и вообще всех людей, в городе живущих, к добронравию, человеколюбию и порядочному житию.

275. Городничий о прокормлении нищих и убогих в городе особливое попечение иметь долженствует и стараться, чтоб всякий приход своих нищих, убогих и по телесным недугам работать не могущих прокормил, и оных отнюдь не допускал до такой крайности, чтоб от голода и холода принуждены были по миру шататься и стыдным и порочным образом докучать людям под окошками или на улицах и мостах прошением милостыни; буде же под видом нищих набредут из других мест в город праздно шатающиеся люди, то таковых, изловя, высылать вон из города. Буде же беглые и беспаспортные, то отсылать, куда надлежит, а пока не

отошлются (буде работать могут), заставить чинить улицы и мосты вместо наемных обывателями, за что обыватели дадут им дневную нужную пищу...

ГРАМОТА НА ПРАВА, ВОЛЬНОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА БЛАГОРОДНОГО РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА[1]

Божиею поспешествующую милостию мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, царица Херсониса-Таврическаго, государыня Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и инных, государыня и великая княгиня Нова-города Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Полоцкая, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская, Витепская, Мстиславская и всея Северныя страны повелительница и государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкаских и Горских князей, и иных наследная государыня и обладательница.

Известно всенародно, что в сем титуле нашего самодержавства не вмещены мнимыя или нам неподвластныя царства, княжения, области, города или земли чуждыя; но паче означаются самыя обширныя наши владения кратчайшими имянованиями, ибо многочисленны суть.

Всероссийская империя в свете отличается пространством ей принадлежащих земель, кои простираются от восточных пределов Камчатских до реки и за реку Двину, падающую под Ригою в Варяжской залив, включая в свои границы сто шестьдесят пять степеней долготы. От

[1] Цит. по: Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 5. — М., 1987. — С. 23—53.

устья же рек: Волги, Кубани, Дона и Днепра, втекающих в Хвалынское, Азовское и Черное моря, до Ледовитаго океана простирается на тридцать две степени широты.

Таково есть существенное состояние Российской империи в сем знаменитом столетии, в коем истекает и настоящий 1785 год. И сим образом в истинной славе и величестве империи вкушаем плоды и познаем следствия действия нам подвластнаго, послушнаго, храбраго, неустрашимаго, предприимчиваго и сильнаго российскаго народа, когда верою к богу, верностию к престолу он управляем, когда труд и любовь к отечеству соединенными силами стремятся преимущественно к общему благу и когда в военном и гражданском деле примером предводителей поощрены подчиненные на деяния, хвалу, честь и славу за собою влекущия.

Начальников и предводителей таковых Россия чрез течение осьми сот лет от времени своего основания находила посред своих сынов, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощию божиею и пребудет вечно российскому дворянству отличаться качествами, блистающими к начальству. Сие неопровергаемо доказывается самыми успехами, доведшими империю Российскую до края нынешняго ея величества, силы и славы.

Да как тому и быть инако? Когда знатнейшее и благороднейшее российское дворянство, входя в службы военную или гражданскую, проходит все степени чиноначалия и от юности своей в нижних узнает основание службы, привыкает к трудам и сии нести твердо и терпеливо; а научась послушанию, тем самым приуготовляется к вышнему начальству. Не бысть бо в свете добрый начальник, который во свое время сам повиноватися не приобык. Достигают же до вышних степеней те российскаго дворянства знаменитые особы, кои отличаются или службою, или храбростию, или верностию, или искуством или же те, что в послушании терпеливо пребывая, твердостию духа усердно преодолевают трудности и самое время, умножая опытами знание и способности свои в частях, званию их принадлежащих.

Обыкла Россия изстари видеть службы верность, усердие и труды всякаго рода, от престола предков наших во всякое время изобильно награждаемыя, почестьми украшаемыя и отличностьми предпочитаемыя. Сему свидетельства подлинныя находятся вдревнейших поколениях родов нашего вернолюбезнаго подданнаго российскаго дворянства, которое ежечасно, быв готово подвизатися за веру и отечество, и нести всякое бремя наиважнейшаго империи и монарху служения, потом, кровию и жизнию приобретало поместья, с оных имело свое содержание, а умножая заслуги, получало в награждение от самодержавной власти поместья в вотчины себе потомственно.

Службою приобретенное и за вящшую службу в награду полученное имение долженствовало, как и свойственно есть, наипаче обращаться в тех поколениях нашего дворянства, кои от начала основания России до дней сих оказать могут превосходным числом похвальных своих предков, мужей разумных, искусных, храбрых, в трудах неутомленных, с непоколебимым усердием ратоборствовавших многообразно и в случаях различных противу внутренних и внешних врагов веры, монарха и отечества. Но се ли едино в приобретенном имении есть доказательство древности родов их службы, а за оныя награждения? Похвальныя грамоты жалованы были прежде, после и при недвижимом имении. Они суть наивящше утвердительные остатки того отличнаго подвига, за которой хвала последовала, как дар наидрагоценнейший благородной и честь прямо любящей душе. Прямо же, честолюбивыя души от самой древности, где многочисленнее, как не между российским дворянством обретались? Не их ли обязательства утверждались за неустойку единым стыдом, ибо стыд и поношение благородным и честь любящим душам представлялись наитягостнейшим наказанием; хвала же и отличность — лучшею наградою. Образ мысли таковой и соединенное с оным умствование требовали по умножении заслуг соразмерно тому и с течением времени и переменою обычаев, отличия и отличностей изобильно.

За похвальными и жалованными грамотами на память всякаго рода следовали гербы, дипломы на достоинства и патенты на чины, совокупно с наружными украшениями. В честь добродетелям и заслугам установлены всероссийские кавалерские ордены, как вообще надписи свидетельствуют. Орден святаго апостола Андрея Первозваннаго за веру и верность. Святыя великомученицы Екатерины за любовь и отечество. Святаго благовернаго князя Александра Невскаго за труды и отечество. И уже во днех наших служба и храбрость начальствующих российских воинов побудили нас отличать победителей знаками установленнаго для таковых ордена великаго победоносца Георгия и учредить также орден святого равноапостольнаго князя Владимира в награждение трудов в военном и гражданском звании, приносящих общую пользу, честь и славу.

К вам обращаем наше слово, достойно знаменующиеся победительным орденом! Вас хвалим, о потомки, достойные предков своих! Сии были основа величества России, вы силу и славу отечества совершили шестилетними непрерывными победами в Европе, Азии, Африке, на сухом пути в Молдавии, Бессарабии, Валахии, за Дунаем, в городах Балканских, в Крыму и в Грузии; на море же — в Мореи, в Архипелаге, Чесме, Метелине, Лемносе, Негрепонте, Патросе, Египте, на Азовском и Черном морях, на реках Днепре и по великому течению Дуная.

Удивительны без сомнения будут потомкам сии многочисленныя победы по краям вселенныя; но вечная слава заключеннаго в Болгарии в стану наших войск при Кучюк-Кайнарджи мира июля 10 дня 1774 года предводительствовавшим первую нашу армию генералом-фельдмаршалом графом Петром Александровичем Румянцевым, проимянованным от нас по сей войне Задунайским, с турецким верьховным визерем, поставит удостоверение о бытии оных выше забвения и сомнительности.

Сей драгоценный мир, постановлениями своими доказывающий и прекративший победительную войну, доставил по желанию нашему великия

выгоды России, и отверз путь к вожделенным предметам, пользу и могущество оныя усиливающим.

От блага, войною стяжаннаго, колико разспространяется польза государства, доказывает уже то безкровопролитное приобретение скипетру нашему Херсоня Таврическаго и Кубани, одержанное 8 апреля 1783 года ревнительным подвигом нашего генерала-фельдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина, которой, удовлетворяя нашему повелению, благоразумною предприимчивостию своею явил отличную и навегда незабвенную заслугу пред нами и отечеством.

Кроме выгод от ветвей торговли, мореплавания на Черном море и той прибыли, что приносит земля, сама по себе всяким плодородием изобилующая, всеконечно почувствует всяк россиянин сугубое утешение в душе своей, представя страну сию во времена Владимира, когда князь сей, просветившися в оной сам крещением святым, принес оттуда спасительную христианскую веру во всю Россию; и, воспоминая при том от древности до наших времен, колико царство и народ сей, учинившийся ныне России подвластным, бедоносными нашествиями раздирали отечество опустошениями, нарушая покой его; но теперь подвергнутый во область нашу, обратился с помощию божиею тот край вместо прежняго вреда в источник пользы.

С новыми выгодами и приращением нашей империи, когда пользуемся всякою внутреннею и внешнею повсюду тишиною, мы подвиг свой вящше и вящше устремляем к непрерывному упражнению доставить нашим верноподданным во всех нужных частях внутренняго государственного управления твердыя и прочныя постановления ко умножению благополучия и порядка на будущия времена и для того, во-первых, достойно находим простерти наше попечение к нашему вернолюбезному подданному российскому дворянству, имея в памяти вышесказанныя его заслуги, ревность, усердие и непоколебимую верность самодержцам всероссийским,

нам самим и престолу нашему оказанныя в наисмутнейшия времена, как в войне, так и посреде мира. А подражая примерам правосудия, милосердия и милости в бозе почивающих, российский престол украсивших и прославивших предков наших и движимы будучи собственною нашею матернею любовию и отличною признательностию к российскому дворянству, по благоразсуждению и изволению нашему императорскому повелеваем, объявляем, постановляем и утверждаем в память родов для пользы российскаго дворянства службы нашей и империи следующия статьи на вечныя времена и непоколебимо.

А. О личных преимуществах дворян

1. Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное.

2. Не токмо империи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтоб благороднаго дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо; и для того изстари, ныне да и пребудет на веки благородное дворянское достоинство не отъемлемо, наследственно и потомственно тем честным родам, кои оным пользуются, и следственно:

3. Дворянин сообщает дворянское достоинство жене своей.

4. Дворянин сообщает детям своим благородное дворянское достоинство наследственно.

5. Да не лишится дворянин или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступлением, основаниям дворянского достоинства противным.

6. Преступлении, основания дворянского достоинства разрушающия и противныя, суть следующия: 1. Нарушение клятвы. 2. Измена. 3. Разбой. 4. Воровство всякаго рода. 5. Лживыя поступки. 6. Преступления, за кои по

законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание. 7. Буде доказано будет, что других уговаривал или научал подобныя преступления учинить.

7. Но понеже дворянское достоинство не отъемлется, окроме преступления; брак же есть честен и законом божиим установлен, и для того благородная дворянка, вышедши замуж за недворянина, да не лишится своего состояния; но мужу и детям не сообщает она дворянства.

8. Без суда да не лишится благородной дворянскаго достоинства.

9. Без суда да не лишится благородной чести.

10. Без суда да не лишится благородной жизни.

11. Без суда да не лишится благородной имения.

12. Да не судится благородной, окроме своими равными.

13. Дело благороднаго, впадшаго в уголовное преступление и по законам достойнаго лишения дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не вершится без внесения в Сенат и конфирмации императорскаго величества.

14. Всякаго рода преступления (благородного), коим десять лет прошло, и чрез таковое долгое время они не сделались гласны и по оным производства не было, все таковыя дела повелеваем отныне предать, есть ли где об них взыскатели, истцы или доносители явятся, вечному забвению.

15. Телесное наказание да не коснется до благородного.

16. С дворянами, служащими в нижних чинах наших войск, поступать во всех штрафах так, как по нашим военным правилам поступается с обер-офицерскими чинами.

17. Подтверждаем на вечныя времена в потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу.

18. Подтверждаем благородным, находящимся в службе, дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам.

19. Подтверждаем благородным дозволение вступать в службы прочих европейских нам союзных держав и выезжать в чужие краи.

20. Но как благородное дворянское название и достоинство изстари, ныне, да и впредь приобретается службою и трудами империи и престолу полезными, и существенное состояние российскаго дворянства зависимо есть от безопасности отечества и престола; и для того во всякое таковое российскому самодержавию нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородной дворянин обязан по первому позыву от самодержавной власти не щадить ни труда, ни самаго живота для службы государственной.

21. Благородный имеет право по прозвании своем писаться как помещиком его поместий, так и вотчинником родовых, наследственных и жалованных его вотчин.

22. Благородному свободная власть и воля оставляется, быв первым приобретателем какого имения, благоприобретенное им имение дарить, или завещать, или в приданые или на прожиток отдать, или передать, или продать, кому заблагоразсудит. Наследственным же имением да не разпоряжает инако, как законами предписано.

23. Благороднаго наследственное имение в случае осуждения и по важнейшему преступлению, да отдастся законному его наследнику или наследникам.

24. Понеже желание и хотение наше было, есть и впредь с помощию божиею непременно будет, чтоб империя всероссийская управляема была издаваемыми от самодержавной нашей власти узаконениями и постановлениями, для утверждения правосудия, правды и безопасности имения и имущества каждаго, находим справедливо снова запретить и строго подтвердить древния о том запрещения: да не дерзнет никто без суда и приговора в силу законов тех судебных мест, коим суды поручены, самовольно отобрать у благороднаго имение или оное разорять.

25. Правосудие и возмездие за преступление вверены в каждом наместничестве единственно судебным на то установленным местам; они выслушивают жалобы истца и оправдания ответчика и чинят решения по законам, которым всяк, какаго бы рода и поколения ни был, повиноватися обязан, и для того, буде благородной имеет законное требование или кто на благороднаго, то оное разобрать надлежит в установленных и на то власть имеющих судебных местах предписанным порядком, ибо несправедливо и с общим порядком несходственно бы было, когда бы всяк в собственном своем деле вздумал сделаться судьею.

26. Благородным подтверждается право покупать деревни.

27. Благородным подтверждается право оптом продавать, что у них в деревнях родится или рукоделием производится.

28. Благородным дозволяется иметь фабрики и заводы по деревням.

29. Благородным дозволяется в вотчинах их заводить местечки и в них торги и ярмонки, согласно с государственными узаконениями, с ведома генералов-губернаторов и губернских правлений и с наблюдением, чтоб сроки ярмонок в местечках их соображены были со сроками в других окрестных местах.

30. Благородным подтверждается право иметь или строить, или покупать домы в городах и в оных иметь рукоделие.

31. Буде кто благородный желает пользоваться городовым правом, да повинуется оному.

32. Благородным дозволяется оптом продавать или из указных гаваней за моря отпускать товар, какой у каго родится, или на основании законов выделан будет, ибо им не запрещается иметь или заводить фабрики, рукоделия и всякие заводы.

33. Подтверждается благородным право собственности, дарованное милостивым указом от 28 июня 1782 года, не только на поверхности земли, каждому из них принадлежащей, но и в недрах той земли и в водах, ему

принадлежащих, на все сокровенныя минералы и произрастения и на все из того делаемыя металлы в полной силе и разуме, как в том указе изъяснено.

34. Подтверждается благородным право собственности в лесах, растущих в их дачах, и свободнаго их употребления в полной силе и разуме, как в милостивом указе 22 сентября 1782 года изображено.

35. По деревням помещичей дом имеет быть свободен от постоя.

36. Благородной самолично изъемлется от личных податей.

Б. О собрании дворян, установлении общества дворянскаго в губернии и о выгодах дворянскаго общества

37. Нашим верноподданным дворянам жалуем дозволение собираться в той губернии, где жительство имеют, и составлять дворянское общество в каждом наместничестве и пользоваться нижеписанными правами, выгодами, отличностями и преимуществами.

38. Дворянство собирается в губернии по позыву и дозволению генерала-губернатора или губернатора как для вверенных дворянству выборов, так и для выслушивания предложений генерала-губернатора или губернатора, всякие три года в зимнее время.

39. Собранию дворянства в наместничестве дозволяется избрать губернскаго предводителя дворянства той губернии; и для того собранию дворянства всякие три года представить из уездных дворянских предводителей двух государеву наместнику или правителю, и, котораго из сих генерал-губернатор или губернатор назначит, тому и быть губернским предводителем дворянства той губернии.

40. По силе 64 и 211 статий учреждений уездный предводитель дворянства выбирается дворянством того уезда чрез всякие три года по балам.

41. По силе 65 статьи учреждений верьхняго земскаго суда десять заседателей и двое заседателей совестнаго суда выбираются дворянством тех уездов, кои составляют подсудное ведомство того верьхняго земскаго суда

чрез всякие три года и представляются от онаго правителю или губернатору, когда генерала-губернатора на месте нет; и буде за ними нет явнаго порока, то государев наместник или в небытность его правитель наместничества подтверждает дворянской выбор.

42. Десять заседателей (верьхняго земскаго суда и заседатели совестнаго суда, уезднаго суда и нижняго земскаго суда) выбираются чрез всякие три года дворянством тех уездов, кои составляют подсудное ведомство таго верьхняго земскаго суда, из дворян на месте живущих, или на тех, кои в дворянском списке той губернии написаны суть, но не отлучны по службе и должностям бывают.

43. По силе 66 статьи учреждений уездный или окружный судья и земской исправник или капитан выбираются дворянством чрез всякие три года и представляются от онаго правителю; и буде за ними нет явнаго порока, то губернатор подтверждает дворянской выбор.

44. По силе 67 статьи учреждений заседатели уезднаго суда и дворянские заседатели нижняго земскаго суда выбираются дворянством чрез три года и представляются правителю; и буде за ними нет явнаго порока, то губернатор подтверждает дворянской выбор.

45. Собранию дворянства, буде выбор всего дворянства по балам продолжителен и неудобен окажется, тогда дозволяется собранию дворянства представить кандидатов, из коих балотировать.

46. В случае предложений дворянству от генерала-губернатора или губернатора собрание дворянства в губернии берет предложения во уважение и на оныя чинит по случаю или пристойные ответы или соглашения, сходственный как узаконениям, так и общему добру.

47. Собранию дворянства дозволяется представить генералу-губернатору или губернатору о своих общественных нуждах и пользах.

48. Подтверждается собранию дворянства дозволение делать представления и жалобы чрез депутатов их как Сенату, так и императорскому величеству на основании узаконений.

49. Собранию дворянства запрещается делать положении противныя законам или требовании в нарушении узаконений под опасением за первой случай (то есть за положении противныя законам) наложения и взыскания с собрания пени двести рублей; а за второй случай (то есть за требовании в нарушении узаконений) уничтожения недельных требований, что поручается бдению и иску губернских стряпчих, по силе втораго предмета должности их.

50. Собранию дворянства в каждом наместничестве дозволяется в губернском городе иметь дом для собрания дворянства той губернии.

51. Собранию дворянства каждой губернии дозволяется в 35 наместничестве иметь архиву.

52. Собранию дворянства каждой губернии дозволяется иметь печать.

53. Собранию дворянства каждой губернии дозволяется избрать и иметь своего собственнаго секретаря.

54. Собранию дворянства каждой губернии дозволяется составить особливую казну своими добровольными складками и оную казну употреблять им по общему их согласию.

55. Да не взыщется на дворянстве вообще личное преступление дворянина.

56. Собрание дворянства на суд да не предстанет, но да защищается своим стряпчим.

57. Собрание дворянства ни в каком случае не подлежит страже.

58. По силе 173 статьи учреждений в верьхний земский суд вносятся по апеллации на уездные суды, дворянския опеки и нижние земские суды все дела, жалобы и тяжбы дворянския и на дворянина как гражданския, так и уголовныя дела, касающияся до вотчин, выгод, привилегий, завещания до наследства в имении и до права наследования, спорныя о владении, тяжкия

до безчестия и до права стряпчих касающияся; тако ж и все дела разночинцев тех, кои по правам апеллации на уездные и нижние земские суды непосредственно до верьхняго земскаго суда принадлежат.

59. По силе 20 и 209 статий учреждений при каждом уездном суде учреждается место под названием дворянская опека для дворянских вдов и малолетных.

60. По силе 21 и 210 статий учреждений в дворянской опеке председает уездный дворянской предводитель и заседают уездный судья и его заседатели.

61. По силе 213 статьи учреждений дворянской опеке поручается попечение не токмо о оставших после дворянских родителей малолетных сиротах и их имении, но и о вдовах и их делах.

62. Собранию дворянства запрещается избирать для тех должностей, кои по силе учреждений выбором наполняются, дворянина, котораго доход с деревень ниже ста рублей составляет, и которой моложе двадцати пяти лет.

63. В собрании дворянства дворянин, которой сам не владеет деревнею и моложе двадцати пяти лет, присутствовать может, но голоса не имеет.

64. В собрании дворянства быть может дворянин, которой вовся не служил, или, быв в службе, до обер-офицерскаго чина не дошел (хотя бы обер-офицерской чин ему при отставке и был дан); но с заслуженными сидеть не должен, ни голоса в собрании дворянства иметь не может, ни выбран быть способен для тех должностей, кои наполняются выбором собрания дворянства.

65. Собранию дворянства дозволяется изключить из собрания дворянства дворянина, которой опорочен судом или котораго явной и безчестной порок всем известен, хотя бы и судим еще не был, пока оправдается.

66. Возобновляем повеления блаженныя памяти предков наших, изданныя по уничтожении (согласном с прошением о том самих дворян)

вреднаго государству местничества и снова повелеваем предбудущим родам на память: во всякой губернии составить дворянскую родословную книгу, в коей вписать дворянство той губернии, дабы доставить каждому благородному дворянскому роду тем наипаче способие продолжать свое достоинство и название наследственно, в поколение, непрерывно, непоколебимо и невредимо от отца к сыну, внуку, правнуку и законному потомству, пока богу угодно продлить им наследие.

67. Для составления в наместничестве дворянской родословной книги дворянство каждаго уезда избирает по одному депутату чрез всякие три года по балам, дабы те депутаты, обще с губернским предводителем дворянства той губернии, имели попечение о действительном составлении и продолжении той дворянской родословной книги по данному им для того наставлению.

68. В дворянскую родословную книгу в наместничестве внести имя и прозвание всякаго дворянина, в той губернии имением недвижимым владеющаго и дворянство свое доказательствами утвердить могущаго.

69. Буде кто не внесен в дворянскую родословную книгу той губернии, тот не только не принадлежит к дворянству той губернии, но да и не пользуется общими преимуществами дворянства той губернии.

70. Всякой благородной дворянин в том наместничестве, где внесен в родословную дворянскую книгу, имеет право присутствовать по совершеннолетии при собрании дворянства той губернии.

71. Дворянству каждаго наместничества повелеваем дать жалованную грамоту за нашим подписанием и с приложением государственной печати, в которой прописать от слова до слова сии здесь выше и ниже сего прописанныя общественныя и личныя дворянския преимущества.

В. Наставление для сочинения и продолжения дворянской родословной книги в наместничестве

72. Уездный предводитель дворянства имеет сочинить по приложенной форме список по алфавиту всем дворянским родам, в том уезде имением недвижимым владеющим, отличая особо:

1. Кто женат и на ком.

2. Много ли детей мужескаго и женскаго пола и их имяна.

3. Холост ли или вдов.

4. Сколько за кем по последней ревизии наследственных или купленных, или вновь пожалованных, или в приданые полученных обоего пола душ ныне состоит,и во скольких селах и деревнях.

5. В уезде ли живет или в отлучке.

6. Какого чина.

7. В службе ли или в отставке.

73. Форма списка дворянскаго рода, в уезде живущаго:

Имя и прозвание дворянина, в том уезде имением недвижимым владеющего, и его лета.

Холост или женат и на ком, или вдов.

Много ли детей мужескаго или женскаго пола и их имяна и лета.

Сколько за ним по последней ревизии наследственных или купленных, или вновь пожалованных, или в приданое полученных обоего пола душ ныне состоит, и во скольких селах или деревнях.

В уезде ли живет тот дворянин или в отлучке.

Какого он чина.

В какой имянно службе или в отставке.

74. Уездный предводитель дворянства список таковой за своим подписанием доставит губернскому предводителю дворянства того наместничества, копию же у себя оставит.

75. Губернской предводитель дворянства того наместничества обще с выбранными уездными депутатами из списков уездных предводителей дворянства составит дворянскую родословную книгу той губернии.

76. Родословная книга разделяется на шесть частей.

77. В первую часть родословной книги внесут роды действительнаго дворянства по алфавиту.

Толкование.

Действительное дворянство не иные суть роды, как те, кои от нас самих и других коронованных глав в дворянское достоинство дипломом, гербом и печатью пожалованы.

Изъяснение.

Но дабы и тем родам оказать справедливость, кои доказательства имеют на действительное дворянство до ста лет, то дозволяем и сии роды вносить в сию часть.

78. Во вторую часть родословной книги внесут роды военнаго дворянства по алфавиту.

Толкование.

Военное дворянство не иные суть роды, как те, о коих в имянном указе блаженной и вечнодостойной памяти государя императора Петра Перваго 1721 года генваря 16 дня узаконено сими словами: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство».

79. В третью часть родословной книги внесут роды осьмикласнаго дворянства по алфавиту.

Толкование.

Осьмикласное дворянство не иные суть роды, как те, о коих в Табели о рангах блаженной и вечнодостойной памяти государя императора Петра Перваго 1722 года генваря 24 дня в 11 пункте узаконено сими словами: «Все служители российские или чужестранные, которые осьми первых рангов находятся или действительно были, имеют оных законные дети и потомки в вечныя времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были и прежде

от коронованных глав никогда в дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были».

80. В четвертую часть родословной книги внесут все иностранные роды по алфавиту.

Толкование.

Иностранные роды не иные суть, как те, кои в российское подданство вступили и о коих упомянуто в указах 1785 года о пополнении разрядной родословной книги, повелевая, чтоб таковые царские, владетельные, княжеские и иные выезжие честные роды вносить в особую часть родословной книги.

81. В пятую часть родословной книги внесут титулами отличенные роды по алфавиту.

Толкование.

Титулами отличенные роды не иные суть, как те, коим присвоено или наследственно, или по соизволению коронованной главы название или княжеское, или графское, или баронское, или иное.

82. В шестую часть родословной книги внесут древние благородные дворянские роды по алфавиту.

Толкование.

Древние благородные не иные суть, как те роды, коих доказательства дворянскаго достоинства за сто лет и выше восходят; благородное же их начало покрыто неизвестностию.

83. Губернской предводитель дворянства и уездные дворянские депутаты да не внесут в родословную книгу той губернии род, буде не представит неопровергаемых доказательств своего благороднаго достоинства.

84. Всякой благородной род представить имеет доказательства своего достоинства или в подлиннике, или засвидетельствованною копиею.

85. Губернской предводитель дворянства той губернии и уездные дворянские депутаты представленныя доказательства благороднаго достоинства разсматривают, и 1-е. Буде при разсмотрении доказательств единогласно или две трети голосов находят доказательства недостаточными, то отдадут оныя доказательства обратно, с таковым письменным объявлением, что отлагают внесение того рода в родословную книгу той губернии до представления им неопровергаемых доказательств. 2-е. Буде же при разсмотрении доказательств единогласно или две трети голосов находят доказательства достаточными, тогда тот род внесут в родословную книгу наместничества и дадут тому роду грамоту за своим подписанием и с приложением печати дворянскаго собрания той губернии; а в грамоте напишут, что по предъявленным доказательствам тот род внесен в родословную книгу наместничества в такой-то части.

86. При внесении рода в родословную книгу отдается на волю дворянскаго собрания той губернии, имеет ли каждый род внести и сколько денег в дворянскую казну, что при каждом съезде единожды дворянское собрание определить имеет, но не выше двух сот рублей.

87. Буде кто не доволен разсмотрением и разбором губернскаго предводителя дворянства и уездных депутатов, тот имеет просить и представить свои доказательства в Герольдии.

88. По сочинении родословной книги наместничества, губернской предводитель дворянства и уездные дворянские депутаты внесут родословную книгу в собрание дворянства, где оную прочесть должно для общаго сведения; и буде собрание дворянства потребует, то прочитать имеют и протокол губернскаго предводителя дворянства и уездных дворянских депутатов, дабы собрание дворянства усмотреть могло порядочное производство сего дела.

89. По прочтении родословной книги в собрании дворянства, губернской предводитель дворянства и уездные дворянские депутаты, списав

с родословной книги той губернии две точныя копии, родословную книгу и обе копии подписывают; родословную книгу той губернии отдадут в архиву собрания дворянства, обе же копии отсылают в губернское правление, которое одну копию отдаст в архиву губернскаго правления, другую же копию отошлет в Сенат для збережения в Герольдии.

90. Буде кто впредь получит по наследству или по закладным, или по купчим, или пожалованием вотчины или деревни в той губернии, то должен при первом съезде собрание дворянства просить о внесении его в родословную книгу; и буде собранию дворянскому известно, и сумнения о его благородстве не имеет, то без справок да внесется в родословную книгу. Буде же вмещен в родословной книге которой губернии и о том грамоту, за подписанием губернскаго предводителя и уездных дворянских депутатов и за печатью дворянскаго собрания внесет в собрание дворянское, то сие служит ему достаточным доказательством для внесения в родословную книгу той губернии.

Г. Доказательства благородства

91. Благородные разумеются все те, кои или от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы; доказательства же благородства суть многочисленны и более зависят от испытания древности, прилежнаго изыскания и разсмотрения доказательств, нежели от новых предписаний. Различныя начала дворянских родов сами за собою затруднения таковыя в предписании правил разпространяют. Точное правосудие не дозволяет изключить ни единаго доказательства, котораго рода инако, как тут, где слово закона доказательство таковое опровергает. В таком нежном и трудном положении сего важнаго дела обыкновенным милосердным попечением избираем правосудной способ подать руку помощи нашему вернолюбезному подданому российскому благородному дворянству утверждением следующих доказательств благородства, не изключая однако же и сверьх того отъискать могущихся справедливых и

неоспоримых доказательств котораго рода, хотя бы здесь и не прописаны были.

92. Доказательствами неопровергаемыми благородства да будут:

1. Дипломы предков наших или от нас, или прочих коронованных глав пожалованные на дворянское достоинство.

2. Жалованные от государей гербы.

3. Патенты на чины, к коим присвоено дворянское достоинство.

4. Доказательства, что кавалерской российской орден особу украшал.

5. Доказательства чрез жалованныя или похвальныя грамоты.

6. Указы на дачу земель или деревень.

7. Верстанье по дворянской службе поместьями.

8. Указы или грамоты на пожалование из поместья вотчинами.

9. Указы или грамоты на жалованныя деревни и вотчины, хотя бы оныя и выбыли из рода.

10. Указы или наказы, или грамоты, данныя дворянину на посольство, посланничество или иную посылку.

11. Доказательства о дворянской службе предков.

12. Доказательство, что отец и дед вели благородную жизнь, или состояние, или службу, сходственную с дворянским названием, и свидетельство о том двенадцати человек благородных, о дворянстве коих сумнения нет.

13. Купчия, закладныя, рядныя и духовныя о дворянском имении.

14. Доказательства, что отец и дед владели деревнями.

15. Доказательства поколенныя и наследственныя, восходящия сыну от отца, деда, прадеда и так выше, сколько показать могут или пожелают, чтоб быть внесену в которую часть родословной книги с их родом.

Указы, в коих доказательства о дворянстве

В указех, приложенных к родословной книге, написано сими словами:

16. В лето 7190 генваря в 12 день, блаженныя и вечнодостойныя памяти великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, ревнуя по господе бозе вседержителе и желая по благочестивом своем царствии сугубаго добра и в своих государских ратных и в посольских и во всяких делех лучшаго и пристойнаго устроения и совершенной прибыли и мирнаго в своей царской державе всему христианскому множеству пребывания и жительства, а бывшей между христианских родов вражде разрушения, советовав в дусе святе со отцом своим государевым и богомольцем, с великим господином, святейшим Кир Иоакимом, патриархом московским и всея России, и со всеми архиереи, и говоря с своими государевы бояры и думными людьми, и по доношению себе великому государю своего государскаго ближняго боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарищи и челобитью выборных стольников, и генералов и стольников же и полковников, и стряпчих и дворян, и жильцов, которые по его великаго государя указу сидели с ним ближним боярином, со князем Васильем Васильевичем с товарищи за ратными делами, указал, розрядныя случаи и местничества, которыя были между христианскими роды в отечествах и в случаях счеты и местничества, разрушить и вечно изкоренить, понеже в мимошедшия лета во многих их государских ратных и в посольских и во всяких делех чинились от тех случаев и мест великое нестроение и разрушение и ратным людем от неприятелей великое умаление и неприятелем радование; а между их государскими людьми богопротивное дело, нелюбовь и великия продолжительныя вражды. И того ради при державе и деда его государева блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея великия России самодержца, по его государскому изволению во многих розрядех для лучшаго устроения и согласия бояря и окольничие и думные и иных чинов ратные люди были без мест; так же и при державе ж отца его государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и

великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, в его государских и литовских и в немецких походех, в розрядех и в полкех и у всяких дел все чины были без мест же, и тогда при помощи божией славно над неприятели победы учинились, только хотя и было то безместие, а совершенно те случаи и места были не изкоренены.

А от таго вышепомянутаго 190 году генваря 12 числа указал блаженныя памяти великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, бояром и окольничим и думным и всяких чинов людем на Москве в приказех у разправных, и в полкех у ратных и у посольских и везде у всяких дел быть всем меж себя без мест, и впредь никому ни с кем никакими случаи и местничествы не считаться и никому никакими мимошедшими находки не возноситься, также и в потерках никого не укорять и не попрекать и в укоризну прежних чинех за скудостию не ставить; также буде и впредь, кто от скудости или каким ни есть случаем объявится где, в нижних каких чинех, и того тому в укоризну не ставить же, и тем никому никаго не безчестить.
Для совершеннаго тех случаев и мест изкоренения и вечнаго забвения те все прошедшия о случаях и о местах записки указал он, великий государь, предать огню.

А впредь им и будущим их родом на память указал он, великий государь, быть в разряде родословной книге родом их, и тое родословную книгу пополнить, которых имян в той книге в родех их не написано, и тех имяна в родословную книгу написать вновь к сродникам их; и для того взять у них расписки за руками.

А которые княжеские и иные честные роды при предках его, государевых, и при нем, великом государе, были в честях, в боярех, в окольничих и в думных дворянах, или которые старых же и честных родов в таких вышеписанных честях и не явились, а с царства прадеда его государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя

Иоанна Васильевича, всея России самодержца, и при его, государеве, державе были в послах и в посланниках, и в полкех, и в городех воеводах, и в знатных посылках, и у него, великаго государя, в близости, а в родословной книге родов их не написано, и те роды с явным свидетельством написать в особую книгу.

А которые роды и в вышеписанных честях и в знатных посылках не были, а с царства деда его государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея великия России самодержца, и при нем, великом государе, были в полковых и в городе воеводах, и в послех, и в посланниках, и в знатных каких посылках, и в иных честных чинех и в десятнях написаны в первой статье, и тех родов имяна написать по тому ж со свидетельством в особую книгу.

А которые и в тех вышеписанных честных и знатных чинех не были, а в десятьнях написаны в средней и в меньшей статьях, и тех имяна написать в особую книгу.

Буде кто на нижних чинов за службы отцов своих или за свои написаны в московские чины, и тех имяна написать в особую ж книгу по их росписям. У того дела указал он, блаженныя памяти великий государь, быть боярину князю Володимиру Дмитриевичу Долгорукову, да думному дворянину Алексею Ивановичу Ржевскому, да разрядным дьяком, думному Василью Григорьевичу Семенову, да Федору Шакловитому.

17. Марта в 27 число того ж 190 года, по указу блаженныя ж памяти великаго государя, царя и великаго князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, по докладной выписке велено: «Которых княжеских и иных родов в разряде в родословной книге не написано, а они в росписях своих напишут прозвание свое, что они пошли от родословных людей, а родословные люди тех родов в поколенных своих росписях их прозвания не напишут, и о тех родех у родословных людей для свидетельства имать сказки за руками, впрям ли они от тех их родов, к кому

кто напишется, пошли; и буде в сказках своих напишут, или по допросу скажут, что они повелись от предков их, и таких писать в родословной книге с теми родами, от кого они пошли; а буде в сказках своих напишут, что они не их родов, и таких отказывать и вместе с ними в родословную книгу не писать; а написать их в книгу особо, а очных ставок между ними в том не давать».

18. Резолюция блаженныя памяти государя императора Петра Перваго на доклад от Синода 1721 года ноября 19 числа: «О архиерейских, детях боярских, дабы как дворяне сами, и их дети из подушнаго оклада выключены остались, собственною его императорскаго величества рукою написано сими словами: «Быть так, которые от шляхетства, считая от деда».

19. В табели о рангах 1722 года генваря 24 дня в 15 пункте узаконено сими словами: «Воинским чинам, которые дослужатся до обер-офицерства не из дворян, то когда кто получит вышеписанной чин, оной суть дворянин и его дети, которые родятся в обер-офицерстве; а ежели не будет в то время детей, а есть прежде, и отец будет бить челом, тогда дворянство давать и тем, только одному сыну, о котором отец будет просить; прочие же чины как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне».

Толкование.

Держась точных слов сего закона, и в следствие онаго недействительно в воинской службе служащих, но равные чины имеющих почитать надлежит за имеющих лишь личное дворянство, но не наследственное.

Примечание.

Имеющих личное дворянство не надлежит вносить в родословную книгу наместничества.

Постановление.

20. Но видя полезныя заслуги многих таковых, узаконяем в пользу личнаго дворянства, что 1. Буде дед, отец и сын имели чины, приносящие

личное дворянство, то потомству их дозволяем просить дворянства действительнаго; 2. Буде отец и сын имели чины, приносящие личное дворянство, и пребывали двадцать лет в службе безпорочно, то внуку дозволяем просить дворянства действительнаго.

21. В имянном указе блаженныя памяти государя императора Петра Перваго 1724 года генваря 31 числа написано сими словами: «Его императорское величество указал в секретари не из шляхетства не определять, дабы потом могли в ассессоры, советники и выше происходить; буде же из подъяческаго чина кто какое знатное дело покажет и заслужит, то таких с свидетельства правительствующаго Сената производить, и чтоб кто будет секретарем из таких, чтоб давать шляхетство, как и в воинской службе, кто в прапорщики пожалован».

Толкование.

В табеле о рангах 1722 года генваря 24 дня в конце 15 пункта написано сими словами:

«Прочие же чины как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне».

В имянном же указе 1724 года генваря 31 числа написано сими словами:

«Кто будет секретарем из таких, чтоб давать шляхетство, как и в воинской службе, кто в прапорщики пожалован».

И понеже о детях и потомстве сих в сем имянном указе 1724 года генваря 31 числа не упомянуто; табель же о рангах 1722 года генваря 24 дня конец 15 пункта точно изключает сими словами: «Которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне». То имея в памяти, с одной стороны, личное неоспоримое по законам дворянство в рангах находящихся, а, с другой, сохранение почтительнаго российскаго дворянскаго достоинства и состояния, находим за справедливо предписать и в сем случае поступать, как выше узаконено, в пользу потомков личнаго дворянства, а имянно:

1. Буде дед, отец и сын имели чины, приносящие личное дворянство, то потомству их дозволяется просить дворянства действительнаго;

2. Буде отец и сын имели чины, приносящие личное дворянство, и пребывали двадцать лет в службе безпорочно, то внуку дозволяется просить дворянства действительнаго.

22. В табеле о рангах 1722 года генваря 24 дня в конце 16 пункта написано сими словами: «В нашей службе обретающиеся чужестранные люди имеют или своими или публичными свидетельствами от правительства их отечества свое дворянство и герб доказать».

В утверждение всего вышеписаннаго мы сию нашу жалованную грамоту на права, вольности и преимущества благородному нам вернолюбезному подданному российскому дворянству, нашею собственною рукою подписали и государственною нашею печатью укрепить повелели в престольном нашем граде святаго Петра, апреля 21 дня, в лето от рождества Христова 1785, царствования же нашего в двадесять третие.

Подлинная, подписана собственною ея императорскаго величества рукою тако: ЕКАТЕРИНА

Печатана в Санктпетербурге 1785 года апреля 24 дня

ГРАМОТА НА ПРАВА И ВЫГОДЫ ГОРОДАМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ[1]

21 апреля 1785 г.

[Извлечение]

А. Городовое положение

1. Город строить по утвержденному плану за подписанием руки Императорскаго Величества.

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. № 16188.

2. Городу подтверждаются правильно принадлежащия по Межевой Инструкции, или инако законно, земли, сады, поля, пастьбы, луга, реки, рыбныя ловли, леса, рощи, кустарники, пустыя места, мельницы водяныя или ветреныя; все оные вообще и каждое порознь ненарушимо иметь, и оным пользоваться мирно и вечно на основании законов, как внутри города, так и вне онаго.

9. Городовому Магистрату иметь книгу с описанием домов, строений, мест и земель городских под нумерами, дабы желающие дать в заем деньги, на заклад дома, или же кто дом, строение, место или землю купить или нанять хочет, с тою книгою справясь, давать деньги мог с надежностию.

10. Мещанские подати, службы и тягости, как личныя, так и вещественныя всяк в городе мещанским торгом, ремеслом или промыслом промышляющий, повинен нести наравне с мещанством, разве особою статьею освобожден от оных.

16. Мещанские промыслы да защищаются правосудием и да подкрепляются порядком благочиния.

17. Предписывается в городе учредить и иметь школы на точном основании 384 статьи Учреждений 7 Ноября 1775 года, и других изданных о том от Императорского Величества установлении.

19. На городской земле по дорогам дозволяется городу построить и содержать и в наем отдать харчевни, корчмы.., или трактиры.

20. Мещанам отдается на волю в городе иметь или строить, или чинить для хранения или продажи товаров гостиной двор, или же иметь по домам лавки и анбары для продажи и поклажи товаров.

21. В городе иметь клейменыя весы и меры, и с оными поступать по устаноБлениям.

24. Уездным жителям да будет свободно и безопасно свои произростания, рукоделия и товары в город возить, и потребное для них из города вывозить безпрепятственно, и с уездных жителей при привозе

произростений, рукоделия и товаров в город, или при вывозе потребнаго для них из города, не требовать явления, или записания пашпорта в здоровое время.

Б. О городовых обывателях. Установление общества градскаго, и о выгодах общества градскаго

29. Городовым обывателям каждаго города жалуется дозволение собираться в том городе, и составить общество градское, и пользоватися нижеписанными правами и выгодами.

30. Городовые обыватели собираются по приказанию и дозволению Генерал-Губернатора или Губернатора, как для дозволенных городовым обывателям выборов, так и для выслушивания предложений Генерал-Губернатора, или Губернатора всякия три года в зимнее время.

31. По силе 72-й статьи Учреждений, по городам и посадам Городской Глава, Бургомистры и Ратманы выбираются обществом городским чрез всякие три года по балам; старосты же и Судьи Словеснаго Суда выбираются тем же обществом всякой год по балам.

36. Обществу градскому дозволяется представить Губернатору о своих общественных нуждах и пользах.

49. Обществу градскому запрещается избирать для тех должностей, кои, по силе Учреждений, выбором наполняются, мещанина, который в том городе не имеет капитала, с котораго проценты, ниже 50 рублей, и который моложе 25 лет.

53. Б городе составить городовую обывательскую книгу, в коей вписать обывателей того города, дабы доставить каждому гражданину свое достояние от отца к сыну, внуку, правнуку и их наследию.

В. Наставление для сочинения и предложения городовой обывательской книги

61. Городской Глава того города с выбранными от города Депутатами от каждой городовой части, из списка старосты составит городовую обывательскую книгу того города.

63. В первую часть городовой обывательской книги внесут состояние и имена настоящих городовых обывателей по алфавиту.

Толкование. Настоящие городовые обыватели суть те, кои в том городе дом, или иное строение, или место, или землю имеют.

64. Во вторую часть городовой обывательской книги внесут вписавшихся в гильдии, первую, вторую и третью по алфавиту.

Толкование. Вписавшиеся в гильдии суть все те (какого кто бы ни был рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торга или промысла, или рукоделия, или ремесла) кои за собою объявят капитал, а именно: 1. Кто объявит за собою капитал от 10 000 рублей и до 50 000 рублей, того вписать в первую гильдию. 2. Кто объявит за собою капитал от 5000 рублей до 10 000 рублей, того вписать во вторую гильдию. 3. Кто объявит за собою капитал от 1000 рублей до 5000 рублей, того вписать в третью гильдию.

65. В третью часть городовой обывательской книги внесут вписавшихся в цехи по алфавиту.

Толкование. Вписавшиеся в цех суть те мастера, подмастерья и ученики различных ремесел, кои вписалися в цех своего ремесла.

66. В четвертую часть городовой обывательской книги внесут иногородных и иностранных гостей по алфавиту.67. В пятую часть городовой обывательской книги внесут именитых граждан по алфавиту.

Толкование. Именитые граждане суть те, кои: 1. Проходя по порядку службы городскую, и получив уже название степенных, вторично по выборе отправили службы мещанских Заседателей Совестнаго Суда, или Губернскаго Магистрата, или Бургомистра, или Городскаго Главы с похвалою. 2. Ученые, кои Академические или Университетские аттестаты, или письменный свидетельства о своем знании, или искустве предъявить

могут, и таковыми по испытаниям Российских главных училищ признаны. 3. Художники трех художеств, а именно: Архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители, кои суть члены Академические, или удостоения Академическия о своем знании или искусстве имеют, и таковыми по испытаниям Российских главных училищ признаны. 4. Всякаго звания и состояния капиталисты, кои капитала от 50 000 рублей и более за собою объявят. 5. Банкиры, кои деньги переводят, и для сего звания капитала от 100 до 200 000 рублей за собою объявят, 6. Те, кои оптом торгуют и лавок не имеют. 7. Кораблехозяева, кои собственные корабли за море отправляют.

68. В шестую часть городовой обывательской книги внесут посадских по алфавиту.

Толкование. Посадские суть в том городе старожилы, или поселившиеся, или родившиеся, кои в других частях городовой обывательской книги не внесены, промыслом, рукоделием или работою кормятся в том городе.

Е. О гильдиях и о гильдейских выгодах вообще

92. Дозволяется всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торга, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собою объявит капитал выше 1000 рублей до 50 000 рублей, записаться в гильдии.

Ж. О первой гильдии

104. Первой гильдии не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякие внутри и вне Империи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, выменивать и покупать оптом или подробно, на основании законов.

105. Первой гильдии не запрещается иметь или заводить фабрики, заводы и морския всякия суда.

106. Первой гильдии дозволяется ездить по городу в карете парою.

107. Первая гильдия освобождается от телеснаго наказания.

3. О второй гильдии

110. Второй гильдии не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякие внутри Империи торги, и товары возить водою и сухим путем по городам и ярманкам, и по оным продавать, выменивать, и покупать потребное для их торгу оптом или подробно, на основании законов. 111. Второй гильдии не запрещается иметь или заводить фабрики, заводы и речныя всякия суда.

112. Второй гильдии дозволяется ездить по городу в коляске парою.

113. Вторая гильдия освобождается от телеснаго наказания.

И. О третьей гильдии

116. Третьей гильдии не токмо дозволяется, но и поощряется производить мелочный торг по городу и по уезду, продавать мелочный товар в городе и в округе, и тот мелочный товар возить водою и сухим путем по селам, селениям и сельским торжкам, и на оных торжках продавать, выменивать и покупать потребное для мелочнаго торгу оптом или подробно, в городе, или округе.

117. Третьей гильдии не запрещается иметь станы, производить рукоделия и иметь и содержать малыя речныя суда.

118. Третьей гильдии дозволяется иметь трактиры... торговые бани и постоялые дворы для проезжих и прохожих людей.

119. Третьей гильдии запрещается по городу ездить в карете и впрягать зимою и летом более одной лошади. О. О Городской общей Думе и о городской шестигласной Думе

156. Городовым обывателям дозволяется составить общую Городскую Думу.

157. Городскую общую Думу составляют Городской Глава и Гласные от настоящих городовых обывателей, от гильдии, от цехов, от иногородных и иностранных гостей, от именитых граждан и от посадских. Каждое из сих разделений имеет один голос в обществе градском.

158. Чтоб составить голос настоящих городовых обывателей, собираются всякие три года в каждой части города настоящие городовые обыватели и выбирают по балам одного Гласного. Каждый Гласный настоящих городовых обывателей явиться должен у Городскаго Главы.

164. Общая Городская Дума избирает шестигласную Городскую Думу из своих Гласных.

165. Шестигласная Городская Дума составится из голоса настоящих городовых обывателей, из голоса гильдейских, из голоса цеховых, из голоса именитых граждан, и из голоса посадских в председании Городскаго Главы; в случае же убыли во время срока общая Городская Дума наполняет место из того же голоса.

166. В Городской Думе сидит Городской Глава на стуле по средине; против Городскаго Главы сидят на лавке на право голос цеховых, на лево голос посадских; возле Городскаго Главы в правом завороте на лавке голос настоящих городовых обывателей, и голос иногородных и иностранных гостей; возле Городскаго Главы в левом завороте на лавке же голос именитых граждан и голос гильдейский.

167. Городской Думе предлежат попечения: 1. Доставить жителям города нужное пособие к их прокормлению или содержанию. 2. Сохранять город от ссор и тяжеб с окрестными городами или селениями. 3. Сохранять между жителями мир, тишину и доброе согласие. 4. Возбранять все, что доброму порядку и благочинию противно, оставляя однако ж относящиеся к части полицейской, исполнять местам и людям, для того установленным. 5. Посредством наблюдения доброй веры и всякими позволенными способами поощрять привоз в город и продажу всего, что ко благу и выгодам жителей служить может. 6. Наблюдать за прочностию публичных городских зданий, стараться о построении всего потребнаго, о заведении площадей для стечения народа по торгу, пристаней, анбаров, магазинов, и тому подобного, что может быть для города потребно, выгодно

и полезно. 7. Стараться о приращении городских доходов на пользу города и для распространения заведений по Приказу Обществе ннаго Призрения. 8. Разрешать сомнения и недоумения по ремеслам и гильдиям, в силу сделанных о том положений.

172. Общая Городская Дума быв составлена из людей, занятых торгами, промыслами и ремеслами, обязана собираться по однажды всякой срок заседания; или же, когда нужда и польза городская и в другое время.

173. Для всегдашнего отправления дел выше в статье 167 изъясненных, полагается, как выше сказано, городская шестиглаская Дума.

174. Городская шестигласная Дума собирается всякую неделю, однажды, разве когда нужда или польза городская востребует и кроме того.

ДОГОВОР О ПРИЗНАНИИ ЦАРЕМ КАРТЛИНСКИМ И КАХЕТИНСКИМ ИРАКЛИЕМ II ПОКРОВИТЕЛЬСТВА И ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ[1]

23 июля 1783 г.

Во имя Бога всемогущего единого в Троице святой славимого.

От давнего времени Всероссийская империя по единоверию с грузинскими народами служила защитой, помощью и убежищем тем народам и светлейшим владетелям их против угнетений, коим они от соседей своих подвержены были. Покровительство всероссийскими самодержцами царям грузинским, роду и подданным их даруемое, произвело ту зависимость последних от первых, которая наипаче оказывается из самого российско-императорского титула. Е.и.в., ныне благополучно царствующая, достаточным образом изъявила монаршее свое к сим народам благоволение и великодушный о благе их промысел сильными своими стараниями, приложенными о избавлении их от ига рабства и от поносной дани отроками и отроковицами, которую некоторые из сих народов давать обязаны были, и

[1] Цит. по: Под стягом России: Сборник архивных документов. — М., 1992.

продолжением своего монаршего призрения ко владетелям оных. В сем самом расположении снисходя на прошения, ко престолу ее принесенные от светлейшего царя карталинского и кахетинского Ираклия Теймуразовича о принятии его со всеми его наследниками и преемниками и со всеми его царствами и областями в монаршее покровительство е.в. и ее высоких наследников и преемников, с признанием верховной власти всероссийских императоров над царями карталинскими и кахетинскими, всемилостивейше восхотела постановить и заключить с помянутым светлейшим царем дружественный договор, посредством коего, с одной стороны, его светлость, именем своим и своих преемников признавая верховную власть и покровительство е.и.в. и высоких ее преемников над владетелями и народами царств Карталинского и Кахетинского и прочих областей, к ним принадлежащих, ознаменил бы торжественным и точным образом обязательства свои в рассуждении Всероссийской империи; а с другой, е.и.в. такожде могла бы ознаменить торжественно, каковые преимущества и выгоды от щедрой и сильной ее десницы даруются помянутым народам и светлейшим их владетелям.

К заключению такого договора е.и.в. уполномочить изволила светлейшего князя Римской империи Григория Александровича Потемкина, войск своих генерал-аншефа, повелевающего легкой конницей регулярной и нерегулярной и многими другими военными силами, сенатора, государственной военной коллегии вице-президента, астраханского, саратовского, азовского и новороссийского государева наместника, своего генерал-адъютанта и действительного камергера, кавалергардского корпуса поручика, лейб-гвардии Преображенского полка подполковника, главного начальника мастеровой оружейной палаты, кавалера орденов Св. апостола Андрея, Александра Невского, военного Св.великомученика Георгия и Св. равноапостольного князя Владимира больших крестов; королевских прусского Черного и польского Белого Орлов и Св.Станислава, шведского

Серафимов, датского Слона и Голстинского Св.Анны, со властию, за отсутствием своим избрать и снабдить полною мочью от себя, кого он за благо рассудит, который по тому избрал и уполномочил превосходительного господина от армии е.и.в. генерал-поручика, войсками в Астраханской губернии командующего, е.и.в. действительного камергера и орденов российских Св.Александра Невского, военного великомученика и победоносца Георгия и голстинского Св.Анны кавалера Павла Потемкина, а его светлость карталинский и кахетинский царь Ираклий Теймуразович избрал и уполномочил с своей стороны их сиятельств своего генерала от левой руки князя Ивана Константиновича Багратиона и его светлости генерал-адъютанта князя Гарсевана Чавчавадзева. Помянутые полномочные, приступив с помощью Божией к делу и разменяв взаимные полномочия, по силе их постановили, заключили и подписали следующие артикулы.

Артикул первый

Его светлость царь карталинский и кахетинский именем своим, наследников и преемников своих торжественно навсегда отрицается от всякого вассальства или под каким бы то титулом ни было, от всякой зависимости от Персии или иной державы и сим объявляет перед лицом всего света, что он не признает над собой и преемниками иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства е.и.в. и ее высоких наследников и преемников престола всероссийского императорского, обещая тому престолу верность и готовность пособствовать пользе государства во всяком случае, где от него то требовано будет.

Артикул второй

Е.и.в., приемля со стороны его светлости толь чистосердечное обещание, равномерно обещает и обнадеживает императорским своим словом за себя и преемников своих, что милость и покровительство их от светлейших царей карталинских и кахетинских никогда отъемлемы не будут. В доказательство чего е.в. дает императорское свое ручательство на

сохранение целости настоящих владений его светлости царя Ираклия Теймуразовича, предполагая распространить таковое ручательство и на такие владения, кои в течение времени по обстоятельствам приобретены и прочным образом за ним утверждены будут.

Артикул третий

В изъявлении того чистосердечия, с каковым его светлость царь карталинский и кахетинский признает верховную власть и покровительство всероссийских императоров, поставлено, что помянутые цари, вступая наследственно на царство их, имеют тотчас извещать о том российскому императорскому двору, испрашивая чрез посланников своих императорского на царство подтверждения и инвеститурой, состоящей в грамоте, знамени с гербом Всероссийской империи, имеющим внутри себя герб помянутых царств, в сабле, в повелительном жезле и в мантии или епанче горностаевой. Сии знаки или посланникам вручены будут, или же чрез пограничное начальство доставлены будут к царю, который при получении их в присутствии российского министра долженствует торжественно учинить присягу на верность и усердие к Российской империи и на признание верховной власти и покровительства всероссийских императоров по форме, прилагаемой при сем трактате. Обряд сей и ныне исполнен да будет со стороны светлейшего царя Ираклия Теймуразовича.

Артикул четвертый

Для доказательства, что намерения его светлости в рассуждении толь тесного его соединения со Всероссийской империей и признания верховной власти и покровительства всепресветлейших той империи обладателей суть непорочны, обещает его светлость без предварительного соглашения с главным пограничным начальником и министром е.и.в., при нем аккредитуемым, не иметь сношения с окрестными владетелями. А когда от них приедут посланцы или присланы будут письма, оные принимая,

советовать с главным пограничным начальником и с министром е.и.в., о возвращении таковых посланцев и о надлежащей их владетелям отповеди.

Артикул пятый

Чтоб удобнее иметь всякое нужное сношение и соглашение с Российским императорским двором, его светлость царь желает иметь при том дворе своего министра или резидента, а е.и.в., милостиво то приемля, обещает, что оный при дворе ее принимаем будет наряду с прочими владетельных князей министрами равного ему характера, и сверх того соизволяет и со своей стороны содержать при его светлости российского министра или резидента.

Артикул шестой

Е.и.в., приемля с благоволением признание верховной ее власти и покровительства над царствами Карталинским и Грузинским, обещает именем своим и преемников своих:

1. Народы тех царств почитать пребывающими в тесном союзе и совершенном согласии с империей ее и, следственно, неприятелей их признавать за своих неприятелей; чего ради мир, с Портой Оттоманской или с Персией, или иной державой и областью заключаемый, должен распространяться и на сии покровительствуемые е.в. народы.

2. Светлейшего царя Ираклия Теймуразовича и его дома наследников и потомков сохранять бесперемено на царстве Карталинском и Кахетинском.

3. Власть, со внутренним управлением сопряженную, суд и расправу и сбор податей предоставить его светлости царю в полную его волю и пользу, запрещая своему военному и гражданскому начальству вступаться в какие-либо распоряжения.

Артикул седьмой

Его светлость царь приемля с достодолжным благоговением толь милостивое со стороны е.и.в. обнадеживание, обещает за себя и потомков своих:

1. Быть всегда готовым на службу е.в. с войсками своими.

2. С начальниками российскими обращаясь во всегдашнем сношении по всем делам, до службы е.и.в. касающимся, удовлетворять их требованиям и подданных е.в. охранять от всяких обид и притеснений.

3. В определении людей к местам и возвышении их в чины отменное оказывать уважение на заслуги перед Всероссийской империей, от покровительства коей зависит спокойствие и благоденствие царств Карталинского и Кахетинского.

Артикул осьмой

В доказательство особливого монаршего благоволения к его светлости царю и народам его и для вящего соединения с Россией сих единоверных народов, е.и.в. соизволяет, чтоб католикос или начальствующий архиепископ их состоял местом в числе российских архиереев в осьмой степени, именно после Тобольского, всемилостивейше жалуя ему навсегда титул Святейшего Синода члена; о управлении же грузинскими церквами и отношении, каковое долженствует быть к Синоду российскому, о том составится особливый артикул.

Артикул девятый

Простирая милость свою к подданным его светлости царя, князьям и дворянам, е.и.в. установляет, что оные во Всероссийской империи будут пользоваться всеми теми преимуществами и выгодами, кои российским благородным присвоены, а его светлость, приемля с благодарностью толь милостивое к подданным его снисхождение, обязывается прислать ко двору е.в. списки всех благородных фамилий, дабы по оным можно было знать в точности, кому таковое отличное право принадлежит.

Артикул десятый

Постановляется, что все вообще уроженцы карталинские и кахетинские могут в России селиться, выезжать и паки возвращаться безвозбранно; пленные же, если оные оружием или переговорами у турок и персиян или

других народов освобождены будут, да отпустятся восвояси по их желаниям, возвращая только издержки на их выкуп и вывоз; сие самое и его светлость царь обещает исполнять свято в рассуждении российских подданных, в плен к соседям попадающихся.

Артикул первый на десять

Купечество карталинское и кахетинское имеет свободу отправлять свои торги в России, пользуясь теми же правами и преимуществами, коими природные российские подданные пользуются; взаимно же царь обещает постановить с главным начальником пограничным или с министром е.в. о всемерном облегчении купечества российского в торге их в областях его или в проезде их для торгу в другие места; ибо без такого точного постановления и условие о выгодах его купечества места иметь не может.

Артикул второй на десять

Сей договор делается на вечные времена; но ежели что-либо усмотрено будет нужным переменить или прибавить для взаимной пользы, оное да возымеет место по обостороннему соглашению.

Артикул третий на десять

Ратификации на настоящий трактат долженствуют разменены быть в шесть месяцев от подписания его, или и скорее, буде возможно.

В достоверие чего нижеподписавшиеся полномочные по силе их полных мочей подписали сии артикулы и приложили к ним свои печати в Георгиевской крепости, июля 24-го дня 1783 г.

На подлинном подписано:

Павел Потемкин.

Князь *Иван Багратион.*

Князь *Гарсеван Чавчавадзев.*

СЕПАРАТНЫЕ АРТИКУЛЫ

Артикул сепаратный первый

Твердое е.и.в. намерение, дабы единоверные ей народы, толь тесными узами с империей ее соединенные, пребывали между собой в дружестве и совершенном согласии в страх завиствующим им соседям и в отражение соединенными силами всякого покушения на их свободу, спокойствие и благоденствие, побуждает е.в. преподать его светлости царю карталинскому и кахетинскому Ираклию Теймуразовичу дружественные советы и увещания о сохранении дружбы и доброго согласия со светлейшим царем имеретинским Соломоном и о постановлении всего того, что может только пособствовать пресечению различных распрей и к упреждению всяких недоразумений, обещая императорским своим словом не только споспешествовать стараниями своими событию сего толико полезного дела, но и на таковый мир и согласие дать свое ручательство.

Его светлость царь Ираклий, приемля с должной благодарностью великодушные е.в. попечения о соблюдении дружбы между народами единого происхождения и закона и высочайшее ее ручательство, исповедует сим, что в делах их взаимных со светлейшим царем Соломоном ныне и впредь признает е.и.в. совершенным арбитром, подвергая распри и недоразумения, между двумя владетелями паче всякого чаяния происходящие, ее верховному решению.

Артикул сепаратный второй

Для охранения владений карталинских и кахетинских от всякого прикосновения со стороны соседей и для подкрепления войск его светлости царя на оборону е.и.в. обещает содержать в областях его два полных батальона пехоты с четырьмя пушками, которым провиант и фураж по их штатам производиться будет в натуре от земли по соглашению его светлости с главным пограничным начальником за положенную в штатах цену.

Артикул сепаратный третий

На случай войны главный пограничный начальник всегда со стороны е.и.в. уполномочен быть долженствует с его светлостью царем карталинским

и кахетинским согласить и положить на мере о защищении означенных земель и о действии против неприятеля, который не инако как за общего врага разумеем быть должен. Причем постановляется, что ежели бы часть войск карталинских и кахетинских употреблена была для службы е.и.в. вне пределов их, то оным имеет быть производимо полное содержание противу прочих войск е.в.

Артикул сепаратный четвертый

Е.и.в. обещает в случае войны употребить все возможное старание пособием оружия, а в случае мира настоянием о возвращении земель и мест, издавна к царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежавших, кои и останутся во владении царей тамошних на основании трактата о покровительстве и верховной власти всероссийских императоров, над ними заключенного.

Сии сепаратные артикулы будут иметь такую же силу, как бы оные в самый трактат от слова в слово внесены были. Чего ради и ратификации на них в тот же срок вместе разменены быть долженствуют. В достоверие чего нижеподписавшиеся полномочные по силе их полных мочей подписали сии артикулы и приложили к ним свои печати в Егорьевской крепости июля 24-го дня 1783 г.

На подлинном подписано:

Павел Потемкин.

Князь *Иван Багратион.*

Князь *Гарсеван Чавчавадзев.*

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АРТИКУЛ

Как карталинские и кахетинские цари от давних времен венчаются царским венцом и помазуются на царство святым миром, то е.и.в. именем своим и преемников своего императорского престола не только всемилостивейше дозволяет помянутым царям употребление сего священного обряда, но еще в вящее доказательство отличного своего

благоволения жалует им сверх прочих знаков императорской на царствие инвеституры, в договоре положенных, обыкновенную царскую корону, которую как е.выс-во ныне владеющий царь Ираклий II употреблять, так и светлейшие его преемники той же венчаемы быть долженствуют.

Е.выс-во царь Ираклий, сию высочайшую милость е.и.в. с достодолжным благоговением и благодарностью приемля, обещает именем своим и преемников своих, что обряд священного тех преемников его на царство венчания и помазания не прежде совершаем будет, как по учинении положенной трактатом присяги на верность всероссийскому императорскому престолу и по получении утвердительной императорской грамоты с инвеституроЙ.

Сей артикул имеет почитаем быть принадлежащим к числу других, трактат составляющих, в достоверие чего уполномоченные к подписанию того трактата по данной им доверенности оный подписали и печатями укрепили в 24 ... месяца 1784 г.

Павел Потемкин.

Князь *Иван Багратион.*

Князь *Гарсеван Чавчавадзев.*

ОБРАЗЕЦ, ПО КОТОРОМУ ЕГО СВЕТЛОСТЬ ЦАРЬ КАРТАЛИНСКИЙ И КАХЕТИНСКИЙ ИРАКЛИЙ ТЕЙМУРАЗОВИЧ УЧИНИТ КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ НА ВЕРНОСТЬ Е.И.В. САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ И НА ПРИЗНАНИЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВА И ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ВСЕРОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ Н АД ЦАРЯМИ КАРТАЛИНСКИМИ И КАХЕТИНСКИМИ

«Аз нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что хощу и должен е.и.в. всепресветлейшей и державнейшей великой государыне императрице и самодержице всероссийской Екатерине Алексеевне и ее любезнейшему сыну,

пресветлейшему государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному всероссийского императорского престола наследнику, и всем высоким преемникам того престола верным, усердным и доброжелательным быть. Признавая именем моим, наследников и преемников моих и всех моих царств и областей на вечные времена высочайшее покровительство и верховную власть е.и.в. и ее высоких наследников надо мною и моими преемниками, царями карталинскими и кахетинскими, и вследствие того отвергая всякое надо мною и владениями моими, под каким бы то титулом или предлогом ни было, господствование или власть других государей и держав и отрицаясь от покровительства их, обязываюсь по чистой моей христианской совести неприятелей Российского государства почитать за своих собственных неприятелей, быть послушным и готовым во всяком случае, где на службу е.и.в. и государства всероссийского потребен буду, и в том во всем не щадить живота своего до последней капли крови. С военными и гражданскими е.в. начальниками и служителями обращаться в искреннем согласии. И ежели какое-либо предосудительное пользе и славе е.в. и ее империи дело или намерение узнаю, тотчас давать знать. Одним словом, так поступать, как по единоверию моему с российскими народами и по обязанности моей в рассуждении покровительства и верховной власти е.и.в. прилично и должно. В заключение сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

Сей образец имеет служить и будущим впредь царям карталинским и кахетинским для учинения клятвенного обещания при вступлении их на царство и при получении подтвердительной грамоты со знаками инвеституры, от российского императорского двора жалуемой.

В достоверие сего нижеподписавшиеся полномочные по силе их полных мочей тот образец подписали и приложили к нему свои печати в Егорьевской крепости июля 24-го дня 1783 г.

На подлинном подписано:

Павел Потемкин.

Князь Иван Багратион.

Князь *Гарсеван Чавчавадзев*

ЯССКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР[1]

29 декабря 1791 г.

Во Имя Господа Всемогущаго Ея Императорское Величество Всепресветлейшая и Державнейшая Великая Государыня Императрица и Самодержица Всероссийская, и Его Величество Всепресветлейший и Державнейший Великий Государь Император Оттоманской,

имея искреннее взаимное намерение, дабы продолжающаяся настоящая между обоюдными Государствами война прекращена, мир же, дружба и доброе согласие прочным образом восстановлены были, разсудили за благо сие доброе и спасительное дело препоручить старанию и руководству уполномоченных к тому, и именно: от Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской, Сиятельнейшаго Графа Александра Андреевича Безбородка, Высокопревосходительнаго Г. Действительнаго Тайнаго Советника и орденов Ея Величества Кавалера, а от Его Султанова Величества, Сиятельнейшаго и Высокопревосхотельнаго Г. Верховнаго Визиря блистательной Порты Оттоманской Юсуф Паши, с тем, чтоб для постановления, заключения и подписания мирнаго договора избраны, назначены и подлежащею полною доверенностию от обеих сторон снабдены

[1] Цит. по: Договоры с Востоком политические и торговые / Собрал и издал Т. Юзефович. — СПб., 1869. — С. 41—49

были достойныя особы: в следствии чего от стороны Российской Императорской избраны и уполномочены Превосходительные и Высокопочтенные Гг. Александр Самойлов, от Армии Ея Императорскаго Величества Генерал-Поручик, Действительный Камергер, Правитель Канцелярии Высочайшаго Ея Совета и разных орденов Кавалер; Иосиф де Рибас, от Армии Генерал-Майор, командующий гребным флотом и разных орденов Кавалер; и Сергей Лашкарев, Статский Советник и Кавалер; со стороны же блистательной Порты Оттоманской, Превосходительные Гг. Рейс Еффенди Ессеид Абдуллаг Бири, Орду Кадысы, и Титлом Стамбул Еффендия облеченный; Ессеид Ибрагим Исмет Бей, и Рузнамеджи Еввель Мугамед Дурри Еффенди; которые, собравшись в городе Яссах, постановили и заключили для вечнаго мира между Империями нижеследующия статьи:

Ст. I

Между Ея Императорским Величеством Самодержицею Всероссийскою и Его Султановым Величеством, Их Наследниками и Преемниками Престолов, також между Их верноподданными Государствами, от ныне и навсегда да пресекутся и уничтожатся всякия неприязненныя действия и вражда, и да предадутся оныя вечному забвению; вопреки же тому да будут возстановлены и сохранены на твердой земле и водах вечный мир, постоянная дружба и нерушимое доброе согласие сопровождаемое искренним, наиприлежнейшим и точным исполнением постановляемых ныне статей мирнаго договора, так, что впредь с обеих сторон один против другаго да не воздвигнет ни тайным, ни явным образом какого либо действия неприязненнаго или поступка трактатам противнаго; силою же возобновляемой толь искренней дружбы дозволяют обе стороны взаимную Амнистию и общее прощение всем тем подданным без всякаго отличия, как бы то ни было, которые соделали какие либо противу одной или другой стороны преступление, освобождая на галерах или в темницах находящихся, позволяя возвратиться изгнанным и ссылочным, и обещая после мира

возвратить оным все чести и имения, которыми они прежде пользовались, не делая и не допуская других делать им какия либо ненаказуемыя ругательства, убытки или обиды, под каким бы то предлогом ни было; но чтоб каждый из них мог жить под охранением и покровительством законов и обычаев земли их наравне с своими соотчичами.

Ст. II

Трактат мира 1774 года Июля 10, а Эгиры 1188 года 14 дня Луны Джемазиель Еввеля; изъяснительная конвенция 1779 года Марта 10, а Эгиры 1193 года 20 дня Джемазиель-Ахыра; трактат торговли 10 Июня 1783, а Эгиры 1197 года 21 Реджеба, и акт, объясняющий присоединение к Российской Империи Крыма и Тамана, и что границею есть река Кубань, 1783 года Декабря 28 дня, а Эгиры 1198 года Сафара, силою сего мирнаго договора подтверждаются во всех их статьях, исключая те только, которыя сим трактатом или же прежним в одном после другаго отменены, и обе Высокия договаривающияся стороны обязуются оныя свято и ненарушимо содержать, и с доброю верою и точностию исполнять.

Ст. III

В следствии того, как в прелиминарном втором артикуле положено, что река Днестр навеки имеет быть границею между обеими Империями, так что впредь пределы Империи Всероссийской имеют простираться до помянутой реки, и ныне обе договаривающияся Империи между собою согласилися и постановили, что между Империею Всероссийскою и Портою Оттоманскою пребудет границею река Днестр, так, что все земли, на левом берегу помянутой реки лежащия, имеют остаться вечно в совершенном и безпрепятственном владении Всероссийской Империи, а на правом берегу помянутой реки и лежащия все земли, по возвращении их со стороны Всероссийской Империи, имеют остаться вечно в совершенном и безпрепятсивенном владении Порты Оттоманской.

Ст. IV

По таковом касательно между обеими Империями границ постановленном распоряжении, и по силе четвертаго артикула прелиминарии, гласящего: Каким образом были до настоящей войны обеих Империй все прочия границы, таким образом остаются и теперь; все же земли Российского Двора, войсками в нынешней войне завоеванныя и имеющияся в оных крепости, в каком состоянии ныне находятся, возвратятся Порте Оттоманской, Российской Имперской двор возвращает блистательной Порте завоеванную оным Бессарабию с крепостями Бендерами, Аккерманом, Килиею и Измаилом, со всеми местечками, слободами, деревнями, и всем прочим, что оныя в себе содержит; равным образом возвращает Блистательной Порте Княжество Молдавское со всеми городами, селениями и всеми прочим, что оныя Провинция в себе содержит; а Порта Оттоманская, принимая помянутыя Провинции на следующих условиях, обещается торжественно и свято оныя наблюдать: 1. все, что написано в пользу княжеств Молдавии и Валахии, вышепомянутой 2-ю статью возобновленных, в заключенном мирном трактате 1774-го 10 Июля, а Эгиры 1188 года Джемазиель-Еввеля 14 дня; в постановленной изъяснительной конвенции 1779 года 10 Марта, а Эгиры, 1193 года Джемазиель-Ахыра 20 дня и в акте Верховным Визирем именем Порты Оттоманской данном 1783, Эгиры 1198 года 15 Сафара, свято, ненарушимо содержать и точно исполнять. 2. Не требовать от Княжества Молдавии никакой денежной или другой суммы за старые счеты, какого бы они существа ни были. 3. Не требовать от онаго никакой контрибуции или платежа за все военное время, а за многия страдания и раззорения в течение всей войны им претерпенныя, уволить помянутое Молдавское Княжество и еще впредь на два года от всякой дани и тягостей, считая срок сего увольнения со дня размены ратификаций. 4. Фамилиям, желающим оставить свое отечество и в другия места переселиться, позволить свободный выезд со всем их имением; а чтоб оныя фамилии могли иметь достаточное время недвижимыя свои имения

родственникам их, подданным Порты Оттоманской, или кому похотят из подданных же ея препоручить, и по обычаю земли той подданным же Порты продать, и вообще для распоряжения дел своих для сего свободнаго из отечества переселения, дается им сроку 14 месяцов, считая оный со дня размены ратификации.

Ст. V

В доказательство между обеими договаривающимися Империями искренности и дружбы, которыя, не довольствуясь единым ныне возстановлением мира и добраго согласия между ими ищут и на будущия времена утвердить оный прочным образом, отвращая со всевозможным радением все причины, могущия подать повод к спорам и остуде, блистательная Порта обещает подтвердить вновь издаваемым фирманом данный прежде, чтоб Ахалцыкский Губернатор, пограничные начальники и прочие отныне впредь ни тайно, ни явно, ни под каким видом не оскорбляли и не безпокоили земель и жителей владеемых Царем Карталинским, о чем и отправить к помянутому Ахалцыкскому Губернатору, к пограничным начальникам и к прочим с строжайшим прещением и подтверждением указы.

Ст. VI

По утверждении статьею второю сего мирнаго договора, в числе прочих трактатов, акта 28 Декабря 1783 года постановленнаго, касающагося до присоединения к Империи Всероссийской Крыма, Тамана и определяющаго границею в той стороне между обеими договаривающимися сторонами реку Кубань, Блистательная Порта Оттоманская, в изъявление, что она на времена будущия желает отдалить все, что мир, тишину и доброе согласие между обеими Державами возмутить может, обещает и обязуется торжественно употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов, на левом берегу реки Кубани обитающих при границах ея, дабы они на пределы Всероссийской Империи набегов не чинили, никаких обид, хишничеств и разорений Российско-Императорским подданным и их

селениям, жилищам и землям не приключали ни тайно, ни явно, и ни под каким видом людей в неволю не захватывали; о чем со стороны Блистательной Порты строжайщия прещения под страхом жестокаго и неизбежнаго наказания, кому следует, даны, и в тех местах после размены ратификаций на настоящий мирный договор обнародаваны быть долженствуют непременно: если же и за таковым постановлением в семь трактате и чинимым подобным помянутым народам прещением, отважатся кто либо из них учинить набег в границы Империи Всероссийской, и там приключить вред убытков или разорение, или скот, или что другое украдут, или увезут, или людей Российских в неволю захватят, в таком случае, по принесении жалобы, скорее и не отложное удовлетворение имеет быть доставлено, возвращением пограбленнаго или украденнаго, наипаче же неприменным и никакой оговорке неподтвержденным отысканием и освобождением людей Российских ими убытков тем нанесенных, и примерным на границе наказа- нием виновных в присутсвии коммисаров от пограничнаго Российскаго начальства назначаемаго; буде же, паче всякаго чаяния, таковое удовлетворение в полгода от принесения жалобы не было бы доставлено, Блистательная Порта обязуется сама все убытки заплатить из казны ея в месяц при подаче рекламации от Министра Российско-Императорскаго разумея притом, что положенныя выше наказания за нарушение спокойствия границ соседних непременно и точно исполнены быть имеют без отлагательства.

Ст. VII

В разсуждении, что торговля есть сущий залог и самый крепкий узел взаимнаго добраго согласия, Блистательная Порта таким образом возобновляя мир и дружбу с Империею Всероссийскою, в изъявление искренности, с каковою желает она, дабы выгодная и безопасная торговля между подданными оных Империи наилучшим образом процветала, обещается сим артикулом наблюдать и исполнять 61 статью постановленнаго

с Российскою Империею торговаго трактата, касающуюся до корсеров Алжирскаго, Тунисскаго и Трипольскаго кантонов, и именно: что если Российский подданный повстречается с помянутами корсерами Алжирскими, Тунисскими и Трипольскими, и притом ими в плен взят будет, или они судно, или имение у купцов Российских отымут, в таком случае Блистательная Порта употребит власть свою над кантонами, дабы Россиян, сделанных сим образом невольниками, освободить, отнятыя их суда и пограбленные товары и вещи хозяевам возвратить, и воспоследовавшие вред и убытки взыскать; если же по получении известий будет удостоверенось, что со стороны означенных кантонов Алжирскаго, Тунисскаго и Трипольскаго даваемые от Блистательной Порты фирманы не исполнены, тогда по подаче о том рекламации от Российскаго Посланника или повереннаго в делах в 2 месяца, или как можно скорее, полагая со дня подания рекламации, обязуется Блистательная Порта из Имперской казны оным заплату и удовлетворение учинить.

Ст. VIII

Все военнопленные и невольники мужскаго или женскаго рода, какого бы достоинства или степени ни нашлись в обеих Империях, исключая тех, кои из Магометан в Империи Российской добровольно приняли закон Христианский, а Христиане, кои в Оттоманской Империи добровольно же закон Магометанский, по размене ратификации сего трактата безпосредственно и без всякаго претекста взаимно должны быть освобождены, возвращены и препоручены без всякаго выкупа или платежа; так как и все прочие в неволю попавшиеся Христиане, то есть Поляки, Молдавцы, Волохи, Пелопонесцы, Островские жители и Грузины, все без малейшаго изъятия, равномерно же без выкупа, или платежа должны быть освобождены. Равным же образом должны быть возвращены и препоручены все те Российские подданные, которые по какому либо случаю по заключении сего блаженнаго мира попались бы в неволю и нашлися в

Оттоманской Империи, что самое чинить обещает взаимно и Российская Империя против Оттоманской Порты и ея подданных.

Ст. IX

Хотя по унятии оружия по случаю благополучно оканчиваемой ныне мирной негоциации никакия не могут произойти недоразумения, касательно неприязненных действий; по подписании однако ж настоящаго мирнаго договора, как Российско-Имперский Главноуполномоченный для дела сего Действительный Тайный Советник сообщит тотчас начальствующему в армии и флотах Ея Императорскаго Величества, так равно Верховный Визирь Порты Оттоманской даст знать во всех войсках Оттоманских, что мир и дружба между обеими Высокими Империями возстановлены совершенно.

Ст. X

Дабы между обеими Империями мир и истинная дружба вящше утверждены были, торжественно от обеих сторон будут отправлены чрезвычайные Послы в то время, которое с общаго обоих Дворов согласия назначено будет. Оба Послы равным образом встретятся на границах и будут приняты и почтены теми же обрядами, каковые употребляются при взаимных посольствах Российскою Империею и Портою Оттоманскою между наиболее почтительными от них Европейскими Державами: в знак же дружества взаимно с оными Послами имеют быть посланы подарки, с достоинством обеих Империй сходственные.

Ст. XI

По совершении между двумя Империями мирнаго договора и по размене взаимных Государских ратификаций на оный, Российско-Императорския войска и гребный флот имеют приступить к выходу из областей Порты Оттоманской; и понеже таковой выход войск и флота надлежит сообразить с удобностию к тому времени; то обе Высокия договаривающийся стороны согласились и постановили назначить крайним сроком 15 Мая старого стиля следующего 1792 года, в которое время все

войски Ея Императорскаго Величества на левый берег Днестра переправиться, а флот гребный без остатка из устьев реки Дуная совершенно выйтить должен- ствуют. Доколе Российския Императорския войска пребудут в завоеванных и по мирному договору Порте Оттоманской отдаваемых обратно крепостях и провинциях, правление и порядок в них имеют остаться так точно, как в настоящее время суть оныя под обладанием их, и Порта на то время и до срока выхода всех войск вступаться в оное не имеет. Российския войска до последнего дня своего выступления в оных землях будут получать всякие себе вещи и снабдение питательными и прочими припасами, равным образом как то и ныне им доставляется.

Ст. XII

Главноуполномоченный со стороны Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийской, Действительный Тайный Советник и со стороны Порты Оттоманской Верховный Визирь, по подписании обоюдными Полномочными сего мирнаго трактата, в две недели, или и скорее, буде возможно, разменять в Яссах чрез руки тех же Полномочных взаимные акты, подтверждающие совершение сего благаго и спасительнаго дела.

Ст. XIII

Настоящий договор вечнаго мира со стороны Ея Императорскаго Величества и со стороны Его Султанова Величества имеет быть утвержден и ратифицирован торжественными Ратификациями, за подписаниями собственноручными Их Величеств, которыя разменены быть долженствуют взаимными Полномочными в том же месте, где и самый сей договор совершен, в пять недель или буде можно и скорее, от состояния сего акта, который помянутые взаимные

Полномочные руками своими подписали,

печатьми утвердили

и между собою разменяли в Яссах

1791 года Декабря 29 дня.

ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЕЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ» А. Н. РАДИЩЕВА[1]

<…>

Любезнейшему другу

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит, — не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда?.. Почто, по что мне

[1] Цит. по: *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. — М., 1975.

искать далеко кого-либо? Мой друг! Ты близ моего сердца живешь — и имя твое да озарит сие начало.

ВЫЕЗД

Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расстаться может не улыбаяся; любовь или дружба стрегут его, утешение. Ты плачешь, произнося прости; но воспомни о возвращении твоем, и да исчезнут слезы твои при сем воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен возрыдавший, надеяйся на утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании. Существо его усугубляется, веселия множатся, и спокойствие упреждает нахмуренность грусти, распложая образы радости в зерцалах воображения.

Я лежу в кибитке. Звон почтового колокольчика, наскучив моим ушам, призвал наконец благодетельного Морфея (Морфей — сон (по имени бога сновидений в греческой мифологии. — *Ред.*). Горесть разлуки моея, преследуя за мною в смертоподобное мое состояние, представила меня воображению моему уединенна. Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелености; не было тут источника на прохлаждение, не было древесныя сени на умерение зноя. Един, оставлен среди природы пустынник! Вострепетал.

— Несчастный, — возопил я, — где ты? Где девалося все, что тебя прельщало? Где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? — По счастию моему случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте стоит дом в три жилья.

— Что такое? — спрашивал я у повозчика моего.

— Почтовый двор.

— Да где мы?

— В Софии, — и между тем выпрягал лошадей.

СОФИЯ

Повсюду молчание. Погруженный в размышлениях, не приметил я, что кибитка моя давно уже без лошадей стояла. Привезший меня извозчик извлек меня из задумчивости:

— Барин-батюшка, на водку! — Сбор сей хотя не законный, но охотно всякий его платит, дабы не ехать по указу. Двадцать копеек послужили мне в пользу. Кто езжал на почте, тот знает, что подорожная (документ на получение почтовых лошадей. — *Ред.*) есть сберегательное письмо, без которого всякому кошельку, генеральский, может быть, исключая, будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом.

Почтового комиссара нашел я храпящего; легонько взял его за плечо.

— Кого черт давит? Что за манер выезжать из города ночью. Лошадей нет; очень еще рано; взойди, пожалуй, в трактир, выпей чаю или усни. — Сказав сие, г. комиссар отворотился к стене и паки (опять, снова. — *Ред.*) захрапел. Что делать? Потряс я комиссара опять за плечо.

— Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей, — и, обернув голову одеялом, г. комиссар от меня отворотился.

«Если лошади все в разгоне, — размышлял я, — то несправедливо, что я мешаю комиссару спать. А если лошади в конюшне...» Я вознамерился узнать, правду ли г. комиссар говорил. Вышел на двор, сыскал конюшню и нашел в оной лошадей до двадцати; хотя, правду сказать, кости у них были видны, но меня бы дотащили до следующего стана. Из конюшни я опять возвратился к комиссару; потряс его гораздо покрепче. Казалося мне, что я к

тому имел право, нашед, что комиссар солгал. Он второпях вскочил и, не продрав еще глаз, спрашивал:

— Кто приехал? Не... — Но, опомнившись, увидя меня, сказал мне: — Видно, молодец, ты обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора. — Со гневом г. комиссар лег спать в постелю. Мне его так же хотелось попотчевать, как прежних ямщиков, когда они в обмане приличались (уличались. — *Ред.*), но щедрость моя, давая на водку городскому повозчику, побудила софийских ямщиков запрячь мне поскорее лошадей, и в самое-то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. Я пребыл добрый гражданин. Итак, двадцать медных копеек избавили миролюбивого человека от следствия, детей моих от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что рассудок есть раб нетерпеливости.

Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива. Если захочет разогнать скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обагренный кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории, российской.

Извозчик мой поет. Третий был час пополуночи. Как прежде колокольчик, так теперь его песня произвела опять во мне сон. О природа, объяв человека в пелены скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век, дала ты ему в отраду сон. Уснул, и все скончалось. Несносно пробуждение несчастному. О, сколь

смерть для него приятна. А есть ли она конец скорби? — Отче всеблагий, неужели отвратишь взоры свои от скончевающего бедственное житие свое мужественно? Тебе, источнику всех благ, приносится сия жертва. Ты един даешь крепость, когда естество трепещет, содрогается. Се глас отчий, взывающий к себе свое чадо. Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю; на земли она стала уже бесполезна. <…>

КЛИН

— «Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь...» — Поющий сию народную песнь, называемую «Алексеем божиим человеком», был слепой старик, седящий у ворот почтового двора, окруженный толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримого, заставляли взирающих на певца предстоять ему со благоговением. Неискусный хотя его напев, но нежностию изречения сопровождаемый, проницал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взращенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда клинский певец, дошед до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилося исступающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности. О! природа, — возопил я паки...

Сколь сладко неязвительное чувствование скорби! Колико сердце оно обновляет и оного чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца

Вертером... О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия все предстоящие давали старику как будто бы награду за его труд. Он принимал все денежки и полушки, все куски и краюхи хлеба довольно равнодушно, но всегда сопровождая благодарность свою поклоном, крестяся и говоря к подающему: «Дай бог тебе здоровья». Я не хотел отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего, конечно, приятного небу старца. Желал его благословения на совершение пути и желания моего. Казалося мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъемлет терние сомнительности. Подошед к нему, я в дрожащую его руку толико же дрожащею от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль. Перекрестясь, не успел он изрещи обыкновенного своего благословения подающему, отвлечен от того необыкновенностию ощущения лежащего в его горсти. И сие уязвило мое сердце. Колико приятнее ему, — вещал я сам себе, — подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, в моем рубле ощущает, может быть, мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и краюшку хлеба певшему старцу!

— Не пятак ли? — сказал он, обращая речь свою неопределенно, как и всякое свое слово.

— Нет, дедушка, рублевик, — сказал близстоящий его мальчик.

— Почто такая милостыня? — сказал слепой, опуская места своих очей и ища, казалося, мысленно вообразити себе то, что в горсти его лежало. — Почто она не могущему ею пользоваться? Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего. Ах! если бы он был у меня после бывшего здесь

пожара, умолк бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? не вижу, куда его и положить; подаст он, может быть, случай к преступлению. Полушку немного прибыли украсть, но за рублем охотно многие протянут руку. Возьми его назад, добрый господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора. — О истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну.

— Возьми его назад, мне, право, он не надобен, да и я уже его не стою; ибо не служил изображенному на нем государю. Угодно было создателю, чтобы еще в бодрых моих летах лишен я был вождей моих. Терпеливо сношу его прещение. За грехи мои он меня посетил... Я был воин; на многих бывал битвах с неприятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я не щадил никогда у ног моих лежащего неприятеля и просящего, безоруженному помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на карание и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств пролетевшим мимо очей в силе своей пушечным ядром. О! вы, последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество! — Возвратил он мне мой рубль и сел опять на место свое покойно.

— Прими свой праздничный пирог, дедушка, — говорила слепому подошедшая женщина лет пятидесяти. С каким восторгом он принял его обеими руками!

— Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во младенчестве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавил отца ее от обыкновенных нередко побой крестьянам от проходящих солдат. Солдаты хотели что-то у него отнять; он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на

крик мужика и его избавил от побой; может быть, чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. Вот чего не позабывает она каждый день и каждый праздник. Дело мое было невеликое, но доброе. А доброе приятно господу; за ним никогда ничто не пропадает.

— Неужели ты меня столько пред всеми обидишь, старичок, — сказал я ему, — и одно мое отвергнешь подаяние? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника? Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца.

— Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию, — говорил старец; — не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно... Холодная у нас была весна, у меня болело горло — платчишка не было, чем повязать шеи, — бог помиловал, болезнь миновалась... Нет ли старинького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею; горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминовение нищего. — Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого... И расстался с ним.

Возвращаяся чрез Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дни моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел, заболев перед смертию, на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило, слушав сие.

ПЕШКИ

Сколь мне ни хотелось поспешать в окончании моего путешествия, но, по пословице, голод — не свой брат — принудил меня зайти в избу и, доколе не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетов и прочего французского кушанья, на отраву изобретенного, принудил меня пообедать старым куском

жареной говядины, которая со мною ехала в запасе. Пообедав сей раз гораздо хуже, нежели иногда обедают многие полковники (не говорю о генералах) в дальных походах, я, по похвальному общему обыкновению, налил в чашку приготовленного для меня кофию и услаждал прихотливость мою плодами пота несчастных африканских невольников.

Увидев предо мною сахар, месившая квашню хозяйка подослала ко мне маленького мальчика попросить кусочек сего боярского кушанья.

— Почему боярское? — сказал я ей, давая ребенку остаток моего сахара; — неужели и ты его употреблять не можешь?

— Потому и боярское, что нам купить его не на что, а бояре его употребляют для того, что не сами достают деньги. Правда, что и бурмистр наш, когда ездит к Москве, то его покупает, но также на наши слезы.

— Разве ты думаешь, что тот, кто употребляет сахар, заставляет вас плакать?

— Не все; но все господа дворяне. Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы? — Говоря сие, показывала она мне состав своего хлеба. Он состоял из трех четвертей мякины и одной части несеянной муки. — Да и то слава богу при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже. Что ж вам, бояре, в том прибыли, что вы едите сахар, а мы голодны? Ребята мрут, мрут и взрослые. Но как быть, потужишь, потужишь, а делай то, что господин велит. — И начала сажать хлебы в печь.

Сия укоризна, произнесенная не гневом или негодованием, но глубоким ощущением душевныя скорби, исполнила сердце мое грустию. Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянския избы. Первый раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило. — Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в

коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастию, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода. — Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотребления законов и их шероховатая, так сказать, сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны — почти всесилие; с другой — немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме...

Жестокосердый помещик! посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги. Отчего? не ты ли родших их в болезни и горести обложил сверх всех полевых работ оброком? Не ты ли не сотканное еще полотно определяешь себе в пользу? На что тебе смрадное рубище, которое к неге привыкшая твоя рука подъяти гнушается? едва послужит оно на отирание служащего тебе скота. Ты собираешь и то, что тебе не надобно, несмотря на то, что неприкрытая нагота твоих крестьян тебе в обвинение

будет. Если здесь нет на тебя суда, — но пред судиею, не ведающим лицеприятия, давшим некогда и тебе путеводителя благого, совесть, но коего развратный твой рассудок давно изгнал из своего жилища, из сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездием. Неусыпный сей деяний твоих страж уловит тебя наедине, и ты почувствуешь его кары. О! если бы они были тебе и подвластным тебе на пользу... О! если бы человек, входя по часту во внутренность свою, исповедал бы неукротимому судии своему, совести, свои деяния. Претворенный в столп неподвижный громоподобным ее гласом, не пускался бы он на тайные злодеяния; редки бы тогда стали губительствы, опустошения... и пр. и пр. и пр.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ

Здесь я видел также изрядный опыт самовластия дворянского над крестьянами. Проезжала тут свадьба. Но вместо радостного поезда и слез боязливой невесты, скоро в радость претвориться определенных, зрелись на челе определенных вступать в супружество печаль и уныние. Они друг друга ненавидят и властию господина своего влекутся на казнь, к олтарю отца всех благ, подателя нежных чувствований и веселий, зиждителя истинного блаженства, творца вселенныя. И служитель его приимет исторгнутую властию клятву и утвердит брак! И сие назовется союзом божественным! И богохуление сие останется на пример другим! И неустройство сие в законе останется ненаказанным!.. Почто удивляться сему? Благословляет брак наемник; градодержатель, для охранения закона определенный, — дворянин. Тот и другой имеют в сем свою пользу. Первый ради получения мзды; другой, дабы, истребляя поносительное человечеству насилие, не лишиться самому лестного преимущества управлять себе подобным самовластно. — О! горестная участь многих миллионов! конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих... <…>